Министерство образования и науки Российской Федерации

Санкт-Петербургский государственный университет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ «ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Хрестоматия и учебные задания

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «Современный русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография».

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Л43

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№068 от 2011 г.

Составители:
Л. А. Ивашко, *И. С. Лутовинова*,
Д. М. Поцепня, *М. А. Тарасова*

Л43 **Лексикография** русского языка : хрестоматия и учебные задания / сост. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, Д. М. Поцепня и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-8493-0242-3

Хрестоматия составлена в соответствии с программой основного курса «Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография», а также магистерской программой «Теория и практика лексикографии» и является составной частью учебно-методического комплекса «Лексикография русского языка».

Хрестоматия подготовлена сотрудниками Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ФОНД РУССКИЙ МИР

Учебно-методический комплекс создан и издан за счет пожертвования Фонда «Русский мир»

ISBN 978-5-8493-0242-3

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2013

От составителей

Стремительное развитие теории отечественной лексикографии на рубеже XX–XXI вв. и выход в свет разнообразных по языковому материалу, объему и назначению словарей (не всегда, к сожалению, выполненных на должном уровне) — при неизменной востребованности культурным обществом лексикографических справочников побудило коллектив составителей создать самостоятельный учебно-методический комплекс «Русская лексикография». Хрестоматия и учебные задания — часть этого комплекса.

Комплекс (учебник и хрестоматия) соотносится с основными базовыми курсами по современному русскому языку и его истории и может быть использован при изучении разных аспектов русского языка: лексикологии, фразеологии, диалектологии, истории русского языка, стилистики и др.

Учебно-методичекий комплекс охватывает широкий круг задач:

- сформировать знания о теоретических основах лексикографии;
- познакомить с основными этапами работы по созданию словарей;
- дать содержательные сведения об основных словарях русского языка, учитывая динамическое развитие отечественной лексикографии;
- привить навыки работы со словарем и умение использовать словарь при самостоятельной исследовательской работе как ценный источник разноообразных сведений.

Хрестоматия включает материалы трех видов:

1) фрагменты научных работ, освещающие теоретические вопросы лексикографии и концепции словарей разных типов;
2) словарные статьи;
3) вопросы и задания, требующие самостоятельной работы со словарем.

Однако такая трехчастная структура использована при описании наиболее значимых в лексикографическом отношении словарей. В некоторых случаях для знакомства со словарем приводится только образец словарной статьи.

Вопросы и задания при каждом разделе должны помочь студенту в осмыслении лингвистической литературы, а предлагаемые для анализа словарные статьи — способствовать закреплению приобретаемых знаний.

Монографии и статьи представлены в хрестоматии в отрывках; пропуск в авторском тексте обозначен знаком <…>; в ряде случаев от составителей дается необходимый комментарий. В публикуемых текстах библиографические сноски, как правило, упрощены (обычно сохраняется только фамилия автора, на мнение которого ссылается исследователь. Для получения полных библиографических сведений студент должен обратиться к первоисточнику, информация о котором содержится в сноске). При технической подготовке текстов к изданию составители стремились унифицировать некоторые принятые авторами приемы оформления языкового материала. При воспроизведении словарных статей сохраняются все графические выделения и условные знаки, принятые в каждом конкретном словаре, так как в них заключена содержательная информация и они являются неотъемлемой частью облика словаря, представление о котором должно сформироваться у студента.

Хрестоматия предназначена для самостоятельной работы студентов, обучающихся на бакалавриате и в магистратуре, для которых русская филология является основной или второй специальностью, а также для аспирантов. Она может быть использована преподавателем вуза для подготовки спецкурса по лексикографии, а также учителем общеобразовательной школы или гимназии при знакомстве школьников со словарями русского языка.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Л. В. Щерба

Опыт общей теории лексикографии[1]

<…>

Этюд 1. Основные типы словарей

Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем в основе его лежит ряд теоретических противоположений, которые и необходимо вскрыть.

1. Противоположение первое: словарь академического типа — словарь-справочник

Прежде всего надо обратить внимание на противоположение академического, или нормативного, словаря и словаря-справочника. <…>

К словарю-справочнику обращаются, прежде всего, читая тексты на не вполне знакомых языках или тексты о незнакомых предметах и специально трудные тексты на иностранных языках (или, что в сущности то же самое, древние тексты на родном языке), особенно с непривычным содержанием. К нормативному (или академическому) словарю обращаются для самопроверки, а иногда и для нахождения нужного в данном контексте слова. <…>

На первый взгляд может показаться, что различие этих двух типов словарей покоится исключительно на их разном практическом назначении. Однако это было бы слишком одностороннее суждение. В основе словарей первого типа лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени; в основе словарей второго рода вовсе не лежит

[1] *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958; см. также: *Он же.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы. Все это легко можно иллюстрировать на двояком значении термина «русский язык»: с одной стороны, он обозначает современный русский литературный язык, который, хотя и имеет весьма сложную структуру, однако все же является вполне единым (всякое ограничение последнего положения повело бы к нелепому выводу, что можно по-разному понимать Горького, Маяковского, Шолохова и других современных писателей), а с другой — всю совокупность русских говоров не только в их настоящем, но и в их прошлом (я не хочу здесь останавливаться на трудности определения того, что следует подразумевать под словами «русские говоры»).

Чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически. <…>

В конце концов возможны и другие принципы, по которым бы объединялись слова в словаре-справочнике. Так, к типу словарей-справочников надо отнести всевозможные технические словари, где объединены слова разных специальностей, представители которых зачастую друг друга не понимают. Наоборот, словари какой-нибудь одной определенной специальности, например медицинский словарь, словарь водников, военный словарь и т. п., могут быть словарями академического типа, если туда не собраны слова разных эпох или слова местного употребления, неизвестные всем специалистам: внутри системы такой лексики и происходит словотворчество в области данной специальности.

Энциклопедические словари являются по существу словарями-справочниками, так как, подобно общим техническим словарям, не имеют установки на лингвистическое единство своего словника.

Областные словари, если в них собраны просто слова данного языка, не употребляющиеся в литературном языке, конечно, относятся к типу словарей-справочников. Таков «Опыт областного великорусского языка», изданный Вторым отд. АН в 1852 г. <…> Но могут быть и другие областные словари, которые объединяют слова, свойственные определенному району. <…> Подобные словари могли бы быть словарями академического типа, если бы представляли полную картину местной лексики, свойственной данному району в целом, не выключая слов, общих с литературным языком (эти слова ведь тоже входят в систему данного областного языка). <…>

Само собой разумеется, что словарь определенного говора, если он не дифференциальный (т. е. не регистрирует только отличия от литературного языка), будет принадлежать к нормативному, или академическому, типу.

Может показаться, что словарь языка того или другого писателя должен быть словарем академического типа. Действительно, надо думать, что действенный словарь того или другого писателя, вообще

или в определенный период его творческой деятельности, представляет собою систему (хотя это как раз то, что показать и является очередной научной проблемой); но нельзя быть уверенным, что образующая систему лексика встречается в произведениях писателя. Как раз то, от чего писатель отталкивается и без чего нельзя понять смысла его творчества, могло и не попасть в его писания. Кое-что могло не попасть и совершенно случайно. Кроме того, во всяком произведении всегда много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным»), который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя. Таким образом, словарь языка писателя — который обязательно должен быть исчерпывающим — является принципиально словарем-справочником (между прочим, настолько важным для построения общего словаря, что многим филологам казалось невозможным построение этого последнего без предварительного создания исчерпывающих словарей к писателям) и лишь может послужить материалом для выяснения «индивидуального словаря» данного писателя. <…> Словарь-справочник характеризуется тем, что его слова не образуют цельной единой выразительной системы, или принадлежа к разным — хронологически или географически — человеческим коллективам, или представляя собой лишь часть слов, образующих эту систему. Слова в академическом, или нормативном, словаре, наоборот, служа для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива, составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа. <…>

Обратим теперь внимание на некоторые затруднения при определении социальной основы в словарях академического типа. Они проистекают из того, что в понятие литературного языка входит не только разговорный язык, но прежде всего соответственный письменный. <…> Безусловно единым является разговорный язык, определяемый исключительно единством коллектива в определенный момент времени. С письменным языком дело обстоит сложнее. Мы читаем и понимаем литературные произведения и предшествующих эпох. Однако многое из того, что мы прекрасно понимаем и что мы даже не воспринимаем как архаизм, мы уже не только не скажем, но даже и не напишем. Так, фраза из «Капитанской дочки» — *Все мои братья и сестры умерли во младенчестве* — никого, конечно, не шокирует, а между тем никто так не напишет: напишут попросту — *умерли еще маленькими* или, немного в более строгом стиле, *умерли в раннем возрасте* (все это применительно к данному контексту: вне его могло бы быть множество и других способов выражения). Эти различия покрываются понятиями активного и пассивного запаса слов данного литературного языка (различение, которое, к сожалению, не делается ни в каких словарях). Чем же определяется пассивный словарный запас данного литературного языка? — Начитанностью

соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе. <…>

Дело не исчерпывается одним различением активного и пассивного запаса слов в литературном языке (которое, конечно, обязательно должно быть отражено в словаре академического типа): в актуальной литературе встречаются слова со значениями, вовсе не свойственными современному литературному языку, а иногда и просто противоречащими современному употреблению <…>. Как поступать в этих случаях в словарях академического типа? <…> В словаре академического, нормативного, типа <…> нельзя давать, например, всего Пушкина, а только то из Пушкина, что не противоречит сегодняшнему употреблению.

<…> Должно быть учитываемо при построении академического, нормативного, словаря: в него не следует брать фактов хотя бы и актуальной литературы, но противоречащих современному употреблению. Однако последовательное проведение этого принципа приводит к тому, что при посредстве такого нормативного словаря нельзя будет понимать не только старой литературы, но зачастую даже и актуальной. Это затруднение всегда существовало и как-то смутно ощущалось лексикографами. Но принципиальное противоречие, лежащее в основе всего дела, никем, кажется, не было еще вскрыто с полной четкостью. <…>

В заключение этого раздела хотелось бы подчеркнуть, что с чисто лингвистической точки зрения «научным» надо считать словарь академического, или нормативного, типа, ибо такой словарь имеет своим предметом реальную лингвистическую действительность — единую лексическую систему данного языка. Словарь-справочник в конечном счете всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности, а лишь более или менее произвольным вырезом из нее.

На практике мы видим как раз обратное: в большинстве случаев словари, составленные по типу академических, не стоят на большой высоте (прежде всего уже потому, что не дают никакого представления о той системе, которая лежит в их основе). Между тем среди словарей-справочников есть много таких, которые надо считать совершенными, как в смысле научном, так и в смысле практическом.

Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противополагать нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму иногда трудно подметить, но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела.

Здесь следует заметить, что очень часто, говоря о нормах, люди забывают о стилистических нормах, которые не менее, если не более,

важны, чем всякие другие, и которые по существу вещей меньше всего зависят от произвола писателя, если только этот последний желает быть правильно понятым. Игорь Северянин вполне мог употребить в своих стихах такие выдуманные им слова и словосочетания, как *каблучком молоточить паркет*, *сенокосить твой спелый июль* и т. п. Это может нравиться или не нравиться, но никого не будет особенно шокировать как неуместное — в лирике допустимы неологизмы и вообще разные непривычные вещи. Но если какой-нибудь директор кино, желая обновить русский язык, сделает аншлаг на дверях своего театра *местов на сегодня больше нет*, то реакция на это будет одна: «Как это вы позволяете неграмотным людям писать аншлаги в вашем театре?» И это несмотря на то, что формы *местов*, *делов* имеют, по всей вероятности, шансы на успех в будущем.

Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позволяет ему развиться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей (то же относится, конечно, и к складывающимся литературным языкам, где, на первый взгляд, иногда даже кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка).

Не менее нужно опасаться и произвольной дифференциации синонимических форм: на этих путях легко можно сделать литературный язык без надобности затрудненным. <…>

В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, неспособной выражать какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность. Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помогать естественному ходу вещей, а могут и мешать ему, направляя развитие языка по ложным путям.

2. Противоположение второе: энциклопедический словарь — общий словарь

Противоположение это, на первый взгляд вполне очевидное и не требующее особых пояснений, на самом деле скрывает в себе довольно большие трудности.

Прежде всего, вопрос о собственных именах в самом широком смысле этого слова. Многим кажется, что собственным именам нет места в общем словаре, что они составляют основное содержание

только энциклопедического словаря. С последним положением, конечно, надо согласиться, но с первым, как будто, можно и должно спорить. Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря. Весь вопрос состоит в определении того, что в языке является «значением» собственных имен.

Оставляя в стороне философию собственного имени вообще, можно все же констатировать, что те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в это «значение»: эти сведения по существу вещей вовсе не должны быть общеизвестны (иначе не надо было бы и энциклопедий!). Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный. <…> Вот несколько примеров определений собственных имен для общего словаря: *Австралия* — одна из стран света; *Людовик XIV* — один из французских королей; *Хлестаков* — один из персонажей комедии Гоголя «Ревизор». Однако некоторые характерные черты того или иного предмета могут иногда входить в значение соответственного собственного имени, приближая его к нарицательному. Так, *Хлестаков* со своими чертами беспардонного вруна и хлыща становится нарицательным и дает производное *хлестаковщина*. Слово *Австралия* едва ли способно приобретать какие-либо характерные признаки (нельзя, конечно, считать таковыми кенгуру и не дающие тени эвкалипты); но слово *Европа*, несомненно, имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак — ‘страна передовой цивилизации’, отсюда возможность таких словосочетаний, как *европейские манеры*, *европейская вежливость* и т. п. Дело хорошего общего словаря определить вторые, «нарицательные», значения собственных имен, и надо сказать, что дело это очень деликатное.

Самым трудным делом для лексикографии будет выбор такого понятия, под которое следует подводить то или другое собственное имя. Само собой разумеется, что это не может быть делом личного усмотрения или вкуса: надо подметить, как дело обстоит в языке данного общества, и в этом-то и заключается трудность. В самом деле, как определяется *Ньютон* для русского литературного языка? ‘Ученый’, ‘ученый мыслитель’, ‘английский ученый’, ‘основоположник современной механики’ и т. д. Вот провизорное определение, которое требует еще, конечно, проверки: ‘один из гениальнейших умов человечества, заложивший основы современного знания в области точных наук’.

Само собой разумеется, что не все собственные имена должны входить в общий словарь, если он относится к академическому типу, а лишь те, которые общеизвестны в данном языковом коллективе.

Совершенно особую группу собственных имен составляют личные имена и клички, которые, конечно, не могут иметь иного определения, кроме того, что это ‘одно из личных имен’ или ‘одна из кличек’. Но и они являются факультативными словами, поскольку они постоянно входят в ткань речи с очевидным в каждой определенной среде смыслом. Некоторые из них делаются даже нарицательными именами в том или другом отношении, хотя в общем это бывает довольно редко.

Другую трудность в плане противоположения «энциклопедический словарь — общий словарь» представляют собой термины. Очень многие специальные термины вовсе не входят в общелитературный язык и относятся к специальным жаргонам. Они подробно объясняются или в общей, или в разных технических энциклопедиях, где даваемые о них сведения можно сильно варьировать по объему. Но много есть и таких терминов, которые входят и в литературный язык. Однако очень часто они будут иметь разные значения в общелитературном и в специальных языках. <…> *Прямая* (линия) определяется в геометрии как ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что *прямой* мы называем в быту ‘линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)’. В ботанике разные растения определяются по установленной системе (то же относится и к зоологии, и к минералогии, и к другим отделам природы). В быту, а следовательно, и в литературном языке они определяются совершенно иначе, и зачастую очень трудно отыскать те признаки, которые заставляют нас узнавать то или другое растение. Я не говорю уже о тех случаях, когда про тот или другой предмет приходится говорить, что это ‘род кустарника’ или что это ‘один из видов небольших лесных птиц’ и т. п. Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения.

3. Противоположение третье: thesaurus — обычный (толковый или переводный) словарь

Следующим капитальным противоположением в области лексикографии надо считать противоположение словарей типа thesaurus и обычных толковых или переводных словарей.

<…> Характерная особенность этого типа словарей состоит в том, что в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке, хотя бы один раз (т. е. и все так называемые hapax’ы), и что под каждым словом приводятся все решительно цитаты из

имеющихся на данном языке текстов. <…> В основе <…> противоположения лежит противоположение «языкового материала» и «языковой системы». <…>

В основе всякого языка лежит все сказанное, услышанное и понятое на этом языке. Для простоты в дальнейшем будем говорить о письменном языке, так как в устном языке процессы представляются более сложными. Тогда можно сказать, что в основе всякого письменного языка лежат опубликованные на этом языке тексты, которые и представляют собой то, что я называю «языковым материалом». Для того чтобы понимать тексты и создавать новые, надо владеть всем «языковым материалом», т. е. знать все наличные тексты этого языка, но не в сыром, а в синтезированном, обобщенном виде. Синтез языкового материала я и называю «языковой системой», которая раскрывается в правилах грамматики и в правилах словаря, иначе — в правилах применения слов-понятий к реальной действительности. Правила словаря даются обыкновенно в виде «значений слов». Всем, однако, известно, как трудно сформулировать эти значения в толковых словарях: это издавна составляло самое слабое их место, и издавна ведутся споры о наилучших методах определения значений. <…>

На почве этих затруднений и вырастает противоположение словаря, дающего весь «языковой материал» к каждому слову и до известной степени предоставляющего читателю самому выводить из него значения, и словаря, так или иначе — путем толкования или путем перевода — пытающегося дать все значения каждого слова и приводящего примеры лишь для иллюстрации своих определений.

Но, конечно, дело не только в трудности формулировать определения значений, а больше всего и прежде всего в исключительной трудности отыскания всех отдельных значений слова. Сравнительно легко наметить основные группы значений; но установление так называемых оттенков представляет уже большие трудности и иным кажется неважным, а иным субъективным. Не может быть сомнения в том, что такие ведущие к своего рода словарному агностицизму суждения глубоко неверны: трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого. Словарь все же является не простым, хотя бы и полным собранием примеров на отдельные фонетические слова, а собранием сгруппированных под отдельными словами общих понятий, под которые подводятся в данном языке единичные явления действительности. Поэтому в словаре под каждым фонетическим словом обязательно должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных. Однако вполне справедливо, что дело это весьма деликатное и требует исключительно обостренного языкового восприятия. Проанализируем для примера такое простое на первый взгляд слово, как *игла*. Совершенно очевидные понятия, выражаемые этим словом, будут, во-первых, ‘швейная игла’, во-вторых, ‘вязальная игла или спица’, в-третьих, ‘филейная игла’, в-четвертых, ‘лист хвойного дерева’, в-пятых, ‘колючка растения’, в-шестых, ‘колючка животного’, в-седьмых, ‘грам-

мофонная игла’ (хотя в сущности в этом смысле употребляется скорее слово *иголка*, а не *игла*). Однако и здесь можно спорить, насколько отдифференцировались пятое и шестое значения. Во фразе *Я с трудом прокладывал себе дорогу сквозь густую заросль неведомых мне растений: иглы колючих кустарников то и дело впивались в меня* слово *игла* с современной точки зрения мне кажется скорее употребленным хоть и метафорически, но в своем обычном значении. Однако в литературе есть ряд примеров, как будто противоречащих такому утверждению; например, у Вяземского <…>: *В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами*. Я склонен думать, что это устаревающее значение слова *игла*, которое, по-видимому, заменяется словом *колючка* (слову *шип* несколько мешает, по-видимому, плотницкое его значение, тем более, что в смысле ‘колючка’ он является скорее возвышенным словом). Что касается значения ‘колючка животного’, то тоже предполагаю, что оно мертвое и осталось лишь пережиточно в таких сочетаниях (однако не в «речениях», т. е. не в застывших выражениях), как *иглы ежа*, *иглы дикобраза*. Нормальным словом здесь было бы тоже *колючка*. Предполагаю, что первоначальное значение славянской *иглы* вовсе не ‘швейная игла’ (ср. словарь Даля) и что вышеприведенные 5-е и 6-е значения слова *игла* являются пережитками прежнего более широкого значения (впрочем, в развитии значений слова *игла* несомненно большую роль играли кальки). <…>

Но есть мотивы, которые в известных случаях делают тип thesaurus в чистом виде идеалом словаря вообще. Значения слов эмпирически выводятся из языкового материала (об этом «выведении» будет сказано в особом этюде, посвященном значению и употреблению слов). Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются с абсолютной достоверностью; в мертвых же языках он ограничен наличной традицией. При этом для одних значений его более чем достаточно, для других его мало, и каждый случай употребления данного слова может оказаться в той или другой степени ценным для разных выводов. И далее, в живых языках каждый, произвольно множа случаи употребления данного слова, может проверить выводы составителя словаря относительно значения данного слова; в мертвых языках для проверки нужно знать все наличные случаи употребления. Вывод отсюда тот, что всякий научный словарь мертвого языка в принципе должен быть thesaurus’ом, т. е. давать весь наличный языковой материал данного языка. Практически от этого могут быть, конечно, те или другие отступления: нет надобности, например, приводить повторяющиеся случаи, а также случаи, очень близкие по контексту и т. п.; но это не нарушает основного принципа.

Другой мотив, приводящий составителя словаря к типу thesaurus’а, лежит в чисто научно-лингвистических интересах. В обычных словарях отражается только «языковая система» данного языка. Но эта система целиком покоится, как было сказано выше, на «языковом

материале», а «языковой материал» есть не что иное, как объективированная «речевая деятельность» данного коллектива <…> Несомненно, что в задачи лингвистики входит изучение процессов речетворчества вообще и, в частности, в области словоупотребления. И многим представляется (полагаю, не вполне основательно), что материалы для этого должны найти себе место в полном научном словаре, — отсюда необходимость опять-таки приведения под каждым словом всего языкового материала, относящегося к данному слову. <…>

Однако само собой разумеется, что для богатого живого литературного языка принцип thesaurus'a практически не может быть проведен до конца: нельзя перепечатать в словаре всю библиотеку актуальных авторов (если говорить только о нормативном словаре). Нелепость такого предприятия становится сразу очевидной, если мы будем иметь в виду не только письменный, но и устный, хотя бы и не областной язык.

Здесь обнаруживаются, однако, не только практические, но и теоретические противоречия в самом принципе thesaurus'a. В самом деле, наше устное речетворчество очень и очень часто нарушает в том или другом отношении, в той или другой мере существующие языковые нормы. Это хорошо известно всякому вдумчивому лингвисту <…> Не подлежит сомнению, что с точки зрения речетворческих процессов (т. е. нашей речевой деятельности), ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов <…> В словарях живого языка даже и ненормативного типа, особенно в словарях с малочисленными примерами, они безусловно недопустимы. Зато в словарях писателей ошибки могут быть очень интересны и с разных точек зрения показательны.

Тут возникает вопрос о том, почему ошибки речи, являясь по существу тоже «языковым материалом», участвуя в формировании «языковой системы» данного языка <…> и будучи таким образом «неопасными» в жизни, оказываются опасными в словаре. Ответ на это простой: поскольку эти ошибки сознаются как таковые, постольку они не опасны, образуя то, что я называю «отрицательным языковым материалом», — это языковой материал как бы с особой пометкой «так не говорят», которая реализуется в замечаниях старших для ребенка, в насмешках среды для взрослых. В подлинной языковой жизни он не только не опасен, но играет огромную роль в выработке «языковой системы» у членов данного языкового коллектива.

«Отрицательный языковой материал», искусно подобранный и снабженный соответствующим знаком, мог бы быть очень полезен в нормативном словаре (особенно для борьбы с естественными, но не употребительными словосочетаниями).

В плане противоположения thesaurus'a и обычного словаря надо затронуть один практический вопрос, очень волнующий словарные

издательства, — это вопрос словника, т. е. вопрос о том, какие слова надо брать в словарь того и другого типа, а какие — нет. Как было сказано в начале этого раздела, thesaurus характеризуется именно тем, что в его словник включаются все слова, какие только кем-либо были употреблены, хотя бы это и имело место всего один раз (hapax legomena). В словарях иного типа возможны бесконечные вариации: в последовательном полном нормативном словаре того или иного литературного языка, конечно, должны быть даны все слова, имеющие безусловное хождение в данном языке. И это не представляет собой никаких особых затруднений в смысле объема: большинство специальных терминов ведь не входит в литературный язык <…>; что касается разных новообразований, то их возможность должна быть безусловно предусмотрена, но попасть в словарь должны лишь те, которые приобрели, так сказать, некоторую индивидуальность <…>. Конечно, провести правильную демаркационную линию и в первом и во втором случае — дело исключительной трудности; но вообще словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника — пассивным и обязательно сознательным).

Что касается разных типов словарей-справочников (я имею в виду в первую голову иностранные словари, в том числе и русские для нерусских), то словник их зависит от того потребителя, для которого словарь предназначен: одно дело, если этот потребитель хочет читать книги по технике; другое дело, если он хочет читать стихи, и опять-таки другое дело, если он просто турист, и так далее до бесконечности. Число типов неограниченно, и устанавливаются они чисто эмпирически. <…>

В заключение хочу сказать, что один небольшой по словнику словарь мне кажется все же совершенно необходимым для каждого иностранного языка: это учебный словарь для начинающих. Он должен объединить все те основные слова, без знания которых нельзя делать быстрых успехов в свободном чтении текстов на данном иностранном языке, и представить их как элементы некой единой системы. Однако тип такого словаря надо еще выработать, и весь вопрос является прежде всего методическим.

4. Противоположение четвертое: обычный (толковый или переводный) словарь — идеологический словарь

Поскольку мы можем в каждом слове различить его фонетическую форму (фонетическое слово) и его значение, постольку словарь каждого языка можно организовать исходя из фонетических форм слов (обычный словарь), располагая их или в алфавитном порядке (алфа-

витный словарь), или по гнездам (гнездовой словарь), а можно организовать его и исходя от значений, т. е. от понятий, выражаемых фонетической формой слов (идеологический словарь). Может показаться, что в последнем случае слова, собственно, будут разрушены, так как одно и то же слово, имея несколько значений, будет фигурировать в разных местах, и что это будет уже не словарь, т. е. не список слов, а список понятий. Однако это неверно. Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографическая точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях. В нашем повседневном употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, придавая слову «слово» значение «фонетического слова». Таким образом, точнее всего было бы говорить, что обычный словарь является списком слов-понятий с их синонимами.

Несмотря на очевидность принципа идеологических словарей и несмотря на то, что практическая надобность в них очень велика <…> словари этого типа не в ходу, если не считать нескольких единичных попыток в этом направлении.

Причина этого лежит в трудности дела и в полной неразработанности словарной теории вообще: словарным делом занимались лишь единичные крупные люди, а в основном оно было почти целиком предоставлено рынку. Лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Боппа, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикографии.

Для создания настоящего идеологического словаря прежде всего необходимо иметь полный и очень точный список слов-понятий данного языка, а чтобы составить такой список слов-понятий, надо четко описать все значения слов в словарях обычного типа. <…>

Другая трудность создания настоящего идеологического словаря лежит в классификации слов-понятий, которая обнаружила бы их живую взаимосвязь (она необходима, конечно, и для легкого их разыскания в словаре). Дело в том, что при классификации идей очень легко впасть в априорность и в субъективизм. Между тем система слов-понятий (мышление) в конечном счете является функцией производственных отношений (в самом широком смысле) данного коллектива и условий его жизни, а потому оказывается величиной переменной. Отсюда необходимость чисто эмпирической классификации слов-понятий для каждого языка в каждый определенный момент времени. Если принять еще во внимание, что система слов-понятий каждой эпохи является компромиссом между системой понятий предшествующей эпохи и требованиями нового времени, а с другой стороны, если

вспомнить, что в наших словарях до сих пор еще царит смешение разных хронологических планов, то трудности подлинной, т. е. отвечающей действительности, классификации станут очевидными. <…>

5. Противоположение пятое: толковый словарь — переводной словарь

Толковые словари возникают обыкновенно в применении к тому или другому литературному языку либо в целях его установления, его нормализации <…> либо в целях пояснения тех или других его элементов, являющихся по каким-либо причинам не вполне понятными, — в конечном счете, следовательно, тоже в целях установления литературного языка, но скорее в смысле его обогащения, а главное — лучшего освоения его богатств. Толковые словари в первую очередь предназначаются для носителей данного языка.

Переводный словарь возникает из потребности понимать тексты на чужом языке. С удовлетворением этой потребности, однако, часто связывается и процесс становления национального языка путем перевода богатств чужого литературного языка.

При этом, совершенно независимо от метода нахождения нужного эквивалента (простое заимствование, калька, переносное употребление какого-либо своего слова или закрепление за своим словом с общим и более или менее подходящим значением точного значения иностранного слова), прежде всего происходит заимствование самого главного — понятия. Здесь любопытно отметить, что поскольку большинство литературных языков Европы возникли под влиянием латинского, а в дальнейшем все время влияли друг на друга, постольку в основе большинства европейских литературных языков лежит более или менее одна и та же система понятий. Поэтому-то перевод с одного европейского языка на другой гораздо легче, чем, например, с китайского или с санскритского на любой европейский.

О трудностях, стоящих перед толковыми словарями, достаточно сказано в разделе третьем. Что касается переводных словарей, то их принципиальная ошибка состоит в предположении адекватности систем понятий любой пары языков. <…>

Из всего сказанного вытекает, что обычные переводные словари не дают настоящего значения иностранных слов, а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте. В самом деле, когда и *austère* и *sévère* даются в словаре как ‘строгий, суровый’, то только из контекста можно догадаться, о чем именно идет речь. При этом по большей части догадки приводят <…> к неточному пониманию. Кроме того, переводные словари, переводя иностранное слово тем или другим своим словом, совершенно не заботятся о многозначности этого последнего; а потому человек, добросовестно выписывающий слова из такого словаря и их заучивающий, сплошь и рядом будет попадать впросак. <…>

Радикальным решением вопроса явилось бы <…> создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова. <…>

6. Противоположение шестое: неисторический словарь — исторический словарь

Несмотря на кажущуюся четкость этого противоположения, оно при ближайшем рассмотрении оказывается не вполне ясным в применении к существующим словарям. В самом деле, чистый тип академического, или нормативного, словаря <…> представляется как будто неисторическим словарем. Спрашивается, становится ли он историческим, если в него включаются факты языка Пушкина, находящиеся в противоречии с современным употреблением, а тем более факты, нам непосредственно не совсем даже понятные? <…>

С другой стороны, следует ли считать историческим словарем «Материалы к словарю древнерусского языка до XIV столетия» Срезневского? Как будто нет, и как будто так было и в мыслях автора этого капитального труда. <…>

Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение. Насколько мне известно, такого словаря до сих пор еще нет, и самый тип его должен быть выработан.

Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему, как об этом говорилось в 1-м разделе, и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы: следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако, — неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился во весь рост. Дальнейшее осложнение он получает в связи с тем <…> будем ли мы создавать историю фонетических слов и их значений, или историю слов-понятий, или, наконец, свяжем все это в одно целое, как теоретически казалось бы более правильным. Все это, однако, только вопросы для будущего, так как материала для их разрешения еще не накоплено.

Впервые опубликовано в 1940 г.

Вопросы

1. На основе какого принципа Л. В. Щерба строит выделение и характеристику разных типов словарей?

2. В чем принципиальное различие между академическим словарем и словарем-справочником? Как характеризуются понятия активного и пассивного запаса слов и их соотношение в лексической системе литературного языка?
3. Какие важные теоретические вопросы лексикографии и лексикологии обсуждает Щерба, рассматривая противоположение «энциклопедический словарь — общий словарь»?
4. Каким критериям должен отвечать словарь thesaurus? Как соотносятся понятия «языковой материал» и «языковая система»?
5. Каков принцип организации слов в идеологическом словаре? Какую позицию занимает Щерба в вопросе полисемии слова?
6. Какой тип словаря необходим при изучении чужого языка?
7. Каким требованиям должен отвечать исторический словарь?
8. Какие из известных вам словарей можно соотнести с типами словарей, рассматриваемых Щербой?

В. В. Морковкин

Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография»[1]

Человеческий язык, каким он видится его носителям, — это прежде всего и главным образом язык слов. Такое наивное представление во многом отражает действительное положение вещей, поскольку, как пишет А. И. Смирницкий, «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловая единица вообще языка» или, говоря словами Ф. де Соссюра, «как нечто центральное в механизме языка».

Единственной языковедческой дисциплиной, в которой слово (или сходная с ним по функциям единица) рассматривается в совокупности всех своих свойств, является лексикография. Лексикография как явление sui generis представляет собой основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнародует результаты своей деятельности. В этом смысле лексикография может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция — как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом. <…> Но вот парадокс: лексикография, представляющая собой древнейшую отрасль филологической деятельности человечества, до сих пор не располагает хорошо разработанной теорией. Достаточно сказать, что примерно до половины пятидесятых годов нашего столетия незаконченная щербовская работа «Опыт общей теории лексикографии» оставалась единственной попыткой подняться над уровнем аналитического комментирования уже принятых или принимаемых конкретных лек-

[1] Вопросы языкознания. 1987. № 6.

сикографических решений и взглянуть на лексикографию как на отдельную научную дисциплину.

<…> Перейдем непосредственно к рассмотрению понятия «теоретическая лексикография», в рамках которой прежде всего выделяется «теория лексикографии». В качестве исходного пункта в настоящей работе принимается известная интерпретация понятия «теория лексикографии», в соответствии с которой оно включает в себя типологию словарей и учение о структуре и элементах словаря. <…> Однако эти два несомненно важных проблемных блока отнюдь не исчерпывают содержания последней. Приведенная выше интерпретация теории лексикографии оставляет без внимания, по крайней мере, еще пять существенно важных аспектов лексикографической деятельности.

Первым таким аспектом является определение и структурирование самого понятия «лексикография» <…> Важнейшая задача любой теории состоит именно в установлении сущности и границ того явления, рассмотрение которого составляет ее содержание. И это вполне понятно, поскольку странно полагать, что определение и характеристику объекта теории той или иной научной дисциплины можно заимствовать из какой-нибудь другой дисциплины. Дополнительным подтверждением отсутствия общезначимого понимания термина «лексикография» может служить настоящее рассуждение, а также далеко не всеми признаваемый факт расщепления недавно еще целостного понятия «лексикография» и выделение в ее рамках «учебной лексикографии», «машинной лексикографии», «тезаурусной лексикографии» и некоторых других.

Во-вторых, критикуемое понимание теории лексикографии основывается, как кажется, на мысли о том, что имеется некая общезначимая лингвистическая интерпретация языковых явлений, которую лексикографу остается только взять и использовать. Между тем, если обратиться к описаниям языка, как они излагаются в существующих общелингвистических трудах, нетрудно убедиться, что общезначимые решения в лингвистике скорее исключение, чем правило. Правилом же является нечто противоположное — наличие широкого спектра альтернативных, несходных и взаимно дополнительных точек зрения практически по каждому из существенных вопросов, начиная от определения понятия «слово» и кончая интерпретацией целых лексико-грамматических классов (ср. местоимения, числительные, категория состояния и некот. др.). Такая ситуация делает неабсурдным предположение о том, что существенное место в теории лексикографии должна занять разработка специальной, ориентированной именно на потребности практического лексикографирования лексикологии. <…>

Но лексикограф — и в этом тоже особенность его деятельности — имеет дело не с закрытыми, а с принципиально открытыми

перечнями языковых фактов. Это значит, что никакое закрытое лингвистическое описание даже в рамках специально разработанной словарной лексикологии не в состоянии учесть все конкретные случаи, с которыми может столкнуться создатель того или иного лексикографического произведения. В связи с этим помимо словарной лексикологии он должен иметь в своем распоряжении еще и методологические рекомендации, которые позволяли бы ему справляться с трудностями, не отраженными в специальном описании языковых единиц и лингвистических категорий.

Таким образом, мы устанавливаем второй необходимый компонент теории лексикографии, не учитываемый ни одной из известных интерпретаций обсуждаемого понятия. В идеале этот компонент должен быть представлен, во-первых, перечнем методологических рекомендаций (ориентиров), определяющих оптимальный в лексикографическом отношении подход к трактовке языковых и метаязыковых фактов, а во-вторых, курсом словарной лексикологии, содержанием которого была бы ориентированная на нужды лексикографической практики трактовка наиболее важных языковых и метаязыковых явлений. Отличительной чертой словарной лексикологии должны стать, с одной стороны, преодоление в значительной мере искусственного разделения ряда дисциплин внутренней лингвистики и рассмотрение фонетики, фонологии, морфологии, словообразования, присловного синтаксиса в рамках лексикологии, а с другой — расширенное понимание всех реализуемых в словаре языковых категорий с особым вниманием к адекватной интерпретации так называемых системных швов.

В-третьих, из того факта, что теория лексикографии ограничивается учением о типах словарей и учением об элементах словаря, вытекает, что остается открытым вопрос о статусе одного из важнейших аспектов лексикографической деятельности, а именно вопрос об источниках словарей, формах и методах накопления и хранения первичных словарных материалов. А ведь это весьма непростой вопрос, тем более, что от его решения во многом зависит успех любого лексикографического предприятия. Определение корпуса источников планируемого словаря, характер и особенности использования других словарей в качестве источника, виды и методика расписывания общелитературных и специальных произведений, целесообразность, методика и границы использования в качестве одного из источников записей устной речи, использование информантов (демоскопия), характер и длина текстового отрезка, в составе которого извлекается и хранится соответствующая языковая единица, количество текстовых отрезков, иллюстрирующих употребление одной и той же языковой единицы, виды словарных картотек и методика их ведения, инструкция для выборщиков как особый жанр лексикографической литературы, возможности малой и большой механизации картотечно-

го дела — вот далеко не полный перечень относящихся к этому аспекту проблем, которые требуют специального углубленного рассмотрения в рамках теории лексикографии.

В-четвертых, теория лексикографии, как она складывается в настоящее время, совершенно недостаточно учитывает одну, может быть, и не бросающуюся в глаза, но тем не менее весьма существенную особенность лексикографии. Речь идет об имманентной неоднородности лексикографической деятельности, в которой совмещаются два неблизкородственных творческих процесса. Содержанием первого процесса является чисто филологическая деятельность в ее классической форме (скрупулезный анализ и описание различных фактов языка). Содержание второго — деятельность инженерно-конструкторская, направленная на преобразование разрозненных информационных блоков (они получаются в результате филологического анализа) в целостную информационную систему. С этой точки зрения традиционный словарь с его содержательной многоаспектностью, композиционной неоднородностью, аппаратом однонаправленных и взаимных отсылок, значимыми выделениями и т. п. может быть в определенном смысле уподоблен механическому устройству, обеспечивающему читателю доступ к сведениям о языке. Вполне понятно, что создание такого «устройства» — задача прежде всего инженерно-конструкторская. Отсутствие ясного осознания важности инженерно-конструкторской стороны лексикографии и обусловленное этим обстоятельством пренебрежение к проблемам лексикографического конструирования является, как кажется, основной причиной очевидного несоответствия между значительным информационным потенциалом большинства современных словарей русского языка и ограниченными возможностями доступа к содержащейся в этих словарях информации. Таким образом, все многообразие проблем, связанных с определением оптимального вида отдельных компонентов словаря, всего словаря в целом, всей словарной серии или системы рассматривается в рамках того раздела теории лексикографии, который можно назвать *лексикографическим конструированием*. <…>

В-пятых, теория лексикографии не может уклоняться и от рассмотрения проблем *планирования и организации словарной работы*, тем более что здесь немало загадок и трудностей, требующих объяснения с учетом специфики именно лексикографической деятельности. Известный теоретик лексикографии Л. Згуста, например, пишет: «Я, конечно, не могу судить о всех лексикографических проектах, реализованных в прошлом или реализуемых в настоящем, но из тех, о которых я знаю, ни один не был завершен в положенное время и на те средства, которые первоначально считались достаточными для его реализации». То же самое можно сказать и о практически обязательном превышении запланированного объема создаваемых словарей. <…>

Среди проблем, связанных с организацией словарной работы, существенное место занимает формирование оптимального в количественном и качественном отношении авторского коллектива для работы над определенным словарным проектом. Идеальный лексикограф, по моему разумению, совмещает в себе, с одной стороны, способность к теоретическому воспарению и задатки хорошего конструктора, а с другой — склонность к монотонной и скрупулезной филологической работе, не угасающий интерес к живому, пульсирующему слову с его большими и маленькими загадками и тайнами. Поскольку качества эти чрезвычайно редко соединяются в одном человеке, постольку в постоянно действующих лексикографических коллективах желательно иметь специалистов того и другого склада, которые таким образом могли бы дополнять друг друга. <…>

Если же человек лишен обоих упомянутых качеств, ему лучше лексикографией не заниматься: он может быть только покупателем или читателем словаря. <…>

Однако теория лексикографии, составляя ядро теоретической лексикографии, не исчерпывает последнюю. В качестве элемента, различающего эти понятия, выступает история лексикографии.

Действительно, любая лексикографическая деятельность осуществляется на фоне огромной совокупности уже созданных словарей, т. е. на фоне исключительно богатой, многообразной, часто противоречивой лексикографической традиции. Поскольку проблемы, с которыми сталкиваются создатели словарей, в значительной степени однотипны и поскольку все они в уже существующих словарях непременно получили какое-то решение, настоятельно необходимым представляется постоянное следящее обобщение опыта практического лексикографирования, причем крайне желательно, чтобы такое обобщение осуществлялось именно лексикографами. Указанное обобщение и должно быть главной задачей истории лексикографии. <…>

История лексикографии неоднородна. В ее пределах могут быть выделены, по крайней мере, два раздела. Первый раздел — история словарей и целостных лексикографических концепций. Объектом исследования в этом разделе является общая или выборочная совокупность лексикографических произведений. Цель исследования состоит в аналитической каталогизации и содержательной систематизации рассматриваемого массива произведений, в выявлении приуроченных к определенным временным и событийным вехам лексикографических приоритетов, а также в установлении места отдельных словарей или концепций в национальном и мировом лексикографическом процессе. <…> Вторым разделом истории лексикографии может считаться история решения типовых лексикографических проблем. Объектом рассмотрения в этом разделе выступают зафиксированные в словарях и теоретических работах осмысления отдельных элементов словаря или, другими словами,

совокупность уже предложенных решений таких вечных лексикографических проблем, как формирование словника, расположение заголовочных единиц, грамматическая характеристика, толкование, иллюстративные речения, отражение разного рода относительных ценностных характеристик и т. п. Целью рассмотрения является оценка, систематизация и представление в удобном для ознакомления виде всего накопленного по данной проблеме знания или его определенной части.

Итак, теоретическая лексикография включает в себя теорию лексикографии и историю лексикографии. Теоретическая лексикография вместе с практической (в нее входят: а) создание словарей, б) накопление и хранение первичных словарных материалов) составляют содержание понятия «лексикография», которую в самом общем виде можно определить как **область филологической и инженерно-филологической деятельности, состоящей в создании словарей и других произведений словарного типа, а также в осмыслении всей суммы относящихся к этому проблем.** В обобщенном и иерархически упорядоченном виде содержательное разнообразие понятия «лексикография» может быть представлено так:

0.0. ЛЕКСИКОГРАФИЯ
1.0. теоретическая лексикография,
1.1 теория лексикографии,
1.1.1. определение объема, содержания и структуры понятия «лексикография»,
1.1.2. словарная лексикология,
1.1.3. учение о жанрах и типах словарей,
1.1.4. учение об элементах и параметрах словаря,
1.1.5. учение об основах лексикографического конструирования,
1.1.6. учение о первичных словарных материалах, т. е. учение о картотеках,
1.1.7. учение о планировании и организации словарной работы,
1.2 история лексикографии,
1.2.1. история словарей,
1.2.2. история решения типовых лексикографических проблем,
2.0 практическая лексикография
2.1. создание словарей и других произведений словарного типа,
2.2. накопление и хранение словарных материалов.

Вопросы

1. Чем вызвана необходимость такой лингвистической дисциплины, как теоретическая лексикография? Раскройте содержание этой дисциплины.
2. Для чего нужна словарная лексикология? Какой круг вопросов в ней должен рассматриваться?

Г. Н. Скляревская

Функциональная и стилистическая характеристика лексики[1]

Общие вопросы

<…> Система функционально-стилистических помет в Словаре существенно отличается от системы помет в предшествующих словарях. Осуществляются следующие направления преобразований в этой области: 1) перевод слова в другую стилистическую категорию при сохранении прежнего содержания пометы (что отражает изменение стилистического статуса слова); 2) изменение содержания пометы («Разг.»); 3) введение новой пометы («Детск.», «Жарг.» и др.); 4) снятие традиционной пометы («Прост.»).

Обоснованием отказа Словаря от традиционной для русской лексикографии пометы служат следующие соображения.

Помета «Прост.», функционируя в русской лексикографии два столетия, полностью изменила за это время свой статус по социальной отнесенности и функционально-стилистическим характеристикам.

Чтобы поддержать целостность неоднородного, рассыпающегося лексического пласта, каким является современное просторечие, была выдвинута идея о «двух просторечиях» — «литературном» и «внелитературном» (Ю. С. Сорокин, Ф. П. Филин). Это положение не препятствует теоретическим исследованиям, однако на практике помета «Прост.» как лексикографический знак обнаруживает свою несостоятельность, так как, во-первых, объединяет контрастные по своим лингвистическим свойствам лексические разряды и, во-вторых, в одном из своих аспектов сливается с пометой «Разг.».

В словарных разработках помета «Прост.» объединяет не два, а по крайней мере пять лексических разрядов. К ним относятся следующие разряды слов (примеры из МАС-1):

1) лексика, обычная в непринужденной разговорной речи (*курьерша*, *горловик*, *перловка*, *столярить*);

2) экспрессивная разговорная лексика (*заморыш*, *объедала*, *здоровяга*, *злющий*, *высоченный*; *каша* ‘путаница, беспорядок’; *корова* — о толстой, неуклюжей женщине; *скулить* ‘жаловаться’);

3) полудиалектная лексика, так называемое внелитературное просторечие (*теперича*, *вчерась*, *трафить*, *пользительный*, *хужеть*);

4) лексика профессиональной разговорной речи (*накладка* ‘ошибка’; *гузка* — ‘лишний конец у литеры’; *изготовка*; *отгрузить*; *отснять*; *досол*; *отбраковка*);

---

[1] *Скляревская Г. Н.* Новый академический словарь: проспект. СПб., 1994.

5) жаргонизмы (*кол* ‘единица’; *сдуть* ‘списать’; *кореш* ‘друг’).

Лексика, оцениваемая как просторечная, обнаруживает принципиально разные свойства как в отношении социальной отнесенности, так и по степени и характеру экспрессии.

Принятые в теории критерии разграничения разговорной и просторечной лексики по степени экспрессии и по отношению к литературной норме не могут служить ориентиром в практических квалификациях, поскольку степень экспрессии, как это было многократно показано, понятие весьма субъективное, а критерий «удаленности от нормы» утрачивает смысл при взгляде на него с позиции разговорной речи. Очевидно, что помета в этом случае не выполняет своей функции, так как не служит определенным и недвусмысленным знаком, характеризующим слово по лингвистическим (характер экспрессии и положение на шкале «высокое / низкое») и экстралингвистическим (социальная отнесенность) качествам.

Таким образом, помета «Прост.» в настоящее время не выполняет своего назначения, так как теоретически объединяет противоположные по своим свойствам лексические разряды, а на практике делает сам метод стилистической квалификации крайне неупорядоченным. Высказанные соображения дают основания отказаться от пометы «Прост.».

В этом случае совокупность лексики, традиционно маркируемой как разговорная и просторечная, получает новое стилистическое распределение. Прежде всего необходимо отделить периферийные лексические разряды (полудиалектную, профессиональную, жаргонную и вульгарную лексику), маркировав соответствующим образом каждый из них. Оставшийся центральный лексический массив, объединяющий разговорную лексику и «литературное просторечие», отходит к разговорному пласту, при этом стилистические различия между отдельными словами, обусловленные мерой экспрессии, характером эмоциональной окраски, степенью новизны или традиционности и местом на шкале «высокое / низкое», маркируются дополнительной пометой. <…>

Разговорная лексика

Разговорная лексика характеризует речь лиц, владеющих литературным языком, в непринужденной обстановке. В ней находит отражение ряд специфических признаков: речевая небрежность, опрощенность, широкая вариативность, проявление языковой экономии (различные семантические стяжения, усечения и т. п.), наличие субъективной оценки, эмоциональных наслоений, повышенной экспрессивности и т. д. При этом массив разговорной лексики неоднороден по своему составу и содержит широкий диапазон экспрессивных и оценочных характеристик, в том числе сниженных и резких. Для

демонстрации «степени разговорности» в Словаре применяется набор соответствующих помет «Разг.» (разговорное), «Разг. фам.» (разговорное фамильярное) и «Разг. сниж.» (разговорное сниженное).

Помета «Разг.» ставится при словах, принятых в неофициальной обстановке в сфере непринужденного общения, как бытового (*овсянка*, *аскорбинка*, *пылесосить*), так и за пределами бытовых тем (*киношник*, *короткометражка*, *авралить*); она характеризуется опрощением, элементами языковой экономии, некоторой языковой небрежности, однако при этом, как правило, свободна от эмоциональных наслоений (*коммуналка*, *двушка*, *вечерник*, *гриппозник*, *бюллетенить*, *вахтерша*, *врачиха*, *клюквина*, *макаронина*, *винцо*, *дельце*, *повыловить*, *понаписать*, *подзаработать*, *подлечить*, *приболеть*, *химия* ‘химическая завивка’, *выкладываться* ‘работать с полной отдачей’, *докопаться* ‘узнать, понять все полностью’ и т. п.).

Помета «Разг. фам.» ставится при словах, которые, кроме элемента речевой небрежности и опрощенности, содержат также элементы субъективной оценки и выраженной эмоциональной окраски (как правило, пейоративной): *вбухать*, *выкаблучивать*, *зануда*, *запороть* ‘испортить’, *затурканный*, *звякнуть по телефону*, *до лампочки* ‘безразлично’, *отсебятина*, *передряга*, *показуха*, *прохиндей*, *расхлябанный*, *бревно* ‘бесчувственный’, *липнуть* ‘надоедать’, *расклеиться* ‘заболеть’, *деляга*, *мазила*, *старикашка*, *очкарик*, *пройдоха* и т. п.

Помета «Разг. сниж.» маркирует лексику наиболее резкой оценки: *щенок* ‘молодой, неопытный человек’, *корова* ‘толстая, неуклюжая женщина’, *чокнутый*, *сквалыга* и т. п.

Необходимо учитывать влияние на стилистическую окраску слова его семантики и характера оценки (чем резче оценка, тем «ниже» слово на стилистической шкале). Сходные в структурном отношении слова могут оказаться в разных рубриках, например, *шляпа* (о человеке) — *Разг. фам.*, а *корова* — *Разг. сниж.*

Динамика развития разговорной речи, а также неизбежный субъективизм в восприятии разными людьми «степени экспресии» отдельных ее элементов, обусловливают в целом нежесткий, подвижный характер границ между отдельными разрядами разговорной лексики (между *Разг.* и *Разг. фам.*, между *Разг. фам.* и *Разг. сниж.*), а также выход типичной разговорной лексики в нейтральнй пласт по мере ее освоения литературным языком. Ср. нейтрализовавшиеся разговорные образования *матроска*, *пилотка*, *тенниска*, *футболка*, *аграрник*, *надомник*, *целинник*, *заочник* и т. п. <…>

Вопросы

1. Почему предлагается отказаться от традиционной пометы *Прост.* (просторечное) в академических словарях?
2. Какие разряды разговорной лексики отмечают пометы, используемые в словарях современного русского литературного языка?

Ю. Д. Апресян

Основания системной лексикографии[1]

Глава 1. Основные принципы и понятия системной лексикографии

<…>

1.2. Принцип интегральности лингвистических описаний

Можно считать, что первая в нашей литературе формулировка принципа интегральности принадлежит Л. В. Щербе. В знаменитой статье 1931 г. «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» он писал: «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать говоримое на данном языке» <…>. Однако это замечательное прозрение не получило терминологического оформления[2] и не было подкреплено никаким примером интегрального описания хотя бы небольшого фрагмента языка <…>.

Первый реальный опыт интегрального описания языка в нашей науке появился только девять лет спустя. Мы имеем в виду «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Правда, в нем «интеграцией» (по-прежнему не закрепленной в термине) были затронуты только морфология и лексика. Для каждого изменяемого слова в этом словаре приводятся ключевые формы, предположительно достаточные для автоматического восстановления его полной парадигмы с помощью специальных указаний о типах склонения или спряжения и «таблиц окончаний», помещенных непосредственно в словаре. В «Грамматическом словаре русского языка» [А. А. Зализняка — *Прим. сост.*], первое издание которого вышло в 1977 г., этот подход был доведен до совершенства: помещаемых в нем сведений достаточно не только для построения «письменной» парадигмы любого изменяемого слова, но и для воссоздания его акцентуации во всех формах.

---

[1] Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.

[2] Удачный термин «интегральное описание языка», предложенный в книге Дж. Катца и П. Постала [1964], появился на треть столетия позже, чем сама идея. Кстати, в самой книге термин не был насыщен сколько-нибудь интересным лингвистическим содержанием.

В 70-е годы в работах И. А. Мельчука и его учеников по модели «Смысл ⇔ Текст» эта идея, все еще без терминологического закрепления, была распространена на синтаксис. В толково-комбинаторный словарь, взаимодействующий с формальной моделью синтаксиса, было предложено включать информацию об управляющих свойствах слов (гораздо более развитую, чем в обычных толковых словарях) и об их синтаксических признаках, т. е. свойствах типа одушевленности-неодушевленности для существительных, предикативности для прилагательных и наречий, способности менять ИМ на РОД в контексте отрицания для глаголов, первообразности для предлогов и т. п. <…>

Однако современное понимание принципа интегральности могло сложиться и действительно сложилось только после того, как идеология модели «Смысл ⇔ Текст» в достаточно полном объеме была реализована на компьютере. <…> Компьютерная реализация модели, которая получила название ЭТАП, опирается на автоматические комбинаторные словари английского и русского языков, насчитывающие до 90 000 входов каждый, полные формальные модели морфологии, а также формальные модели синтаксиса, покрывающие гораздо более широкий круг конструкций, чем правила академических грамматик. Только после того, как эти грамматики и словари стали реально функционировать на компьютере и были многократно откорректированы по результатам экспериментов на больших массивах текстов, оказалось возможным понять, какой громадный объем грамматических и лексикографических следствий вытекает из принципа интегральности. Получить эту информацию умозрительным путем было бы невозможно.

Два главных компонента лингвистического описания — словарь и грамматика (последняя понимается расширительно — как совокупность всех правил языка, включая семантические). Они должны быть максимально согласованы между собой по типам помещаемой в них информации и по формальным способам (языкам) ее записи. Этой информации должно быть достаточно для правильного употребления любой единицы языка в тексте или в речи и, тем самым, для ее правильного понимания. Отсюда вытекают очень существенные требования к тому, как лингвистическая информация будет распределена между грамматикой и словарем, а значит и к тому, как должны работать грамматист и лексикограф.

Грамматист при формулировке очередного правила должен работать на всем множестве лексем и учесть те лексемы, которые ему подчиняются, если данная форма их поведения не зафиксирована непосредственно в их словарных статьях (настройка грамматики на словарь). Во многих случаях это приводит к необходимости включать в правила информацию о конкретных лексемах.

Лексикограф, описывая очередную лексему, должен работать на всем множестве лингвистических правил и приписать каждой

лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику). Часто это требует включения правил непосредственно в словарь. Так обстоит дело в тех случаях, когда какое-то правило касается только данной лексемы или небольшой группы лексем: тогда наиболее естественным местом для него оказываются именно их словарные статьи.

Собственно лексикографический интерес представляет только вторая задача, которая поэтому будет прокомментирована более подробно. Мы разобьем ее на две более конкретные задачи: а) расширение лексикографической информации о свойствах лексемы, на которые ссылаются какие-то правила; б) включение некоторых лингвистических правил непосредственно в словарные статьи конкретных лексем. <…>

1.2.3. Об интегральности характеристики языковых объектов

Мы упомянули два лексикографических следствия из принципа интегральности. Во-первых, лексемам в словаре должны быть приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать лингвистические правила. Таковы семантические, прагматические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические свойства лексем, а также их парадигматические семантические связи с другими лексемами языка, если они не предсказываются стопроцентно на основе какой-то другой информации, помещаемой непосредственно в их словарных статьях. Во-вторых, в словарные статьи лексем должны помещаться сами правила с лексически ограниченной областью действия.

<…> Это позволяет разрешить некоторые лингвистические споры, имеющие многолетнюю историю.

Упомянем один из них — спор по поводу числительных. Как следует из принципа интегральности, числительные, как и любая другая часть речи, должны определяться не по какому-то одному «ведущему» признаку — морфологическому, синтаксическому или семантическому, а по большой совокупности признаков. Тогда, например, отпадают всякие сомнения по поводу количественных числительных, которым многие лексикографы и даже некоторые грамматисты отказывают в статусе самостоятельной части речи, распределяя их между существительными (например, в конструкции типа *двадцать пять*), прилагательными (например, в конструкции типа *двадцать книг*) и некоторыми другими разрядами слов. На самом деле ни у одной другой части речи нет больших оснований на самостоятельный частеречный статус, потому что никакая другая часть речи не обладает столь уникальным набором семантических, морфологических, синтаксических, сочетаемостных, деривационных и акцентных свойств, как количественные числительные. <…>

1) **Семантические**: особое и совершенно однородное, в отличие от других частей речи, значение числа. Существительные имеют гораздо более размытые значения; помимо предметов (прототипического для них значения) они могут обозначать действия (*платеж*), деятельности (*война*), занятия (*прогулка*), процессы (*рост*), состояния (*желание*), свойства (*мужество*), атрибуты (*имя*), параметры (*вес*), числа (*дюжина*) и т. п. Такая же размытость категориального значения свойственна и прилагательным.

2) **Морфологические**: отсутствие категории числа и особая парадигма склонения.

3) **Синтаксические**: а) отсутствие согласовательной категории одушевленности-неодушевленности (за исключением слов *один*, *два*, *три* и *четыре*, ср. *видел два ‹три*, *четыре› столба*, но *видел двух ‹трех*, *четырех› слонов*); б) особая аппроксимативно-количественная конструкция с постпозицией числительного и общим значением приблизительности (ср. *столов десять* ≈ ‘приблизительно десять столов’; аналогичные конструкции с постпозицией прилагательного дают «номенклатурное» значение и используются в качестве терминов или номинаций товаров, как в примерах *гриб белый*, *стол письменный*); в) особые правила согласования падежно-числовой формы существительного и падежной числительного в группах вида «числительное + существительное» (ср. *сделал две* [ВИН] *зарубки* [РОД ЕД], но *сделал пять* [ВИН] *зарубок* [РОД МН]; *отметил двумя* [ТВОР] *зарубками* [ТВОР МН] и *отметил пятью* [ТВОР] *зарубками* [ТВОР МН]; г) конструкции вида «числительное + числительное» с уникальными — аддитивным и «дробным» — значениями, ср. *двадцать пять* (‘двадцать плюс пять’) и *пять двадцать* (‘пять больших целых единиц + двадцать частей одной такой единицы’); д) нумеративно-аппозитивные конструкции вида *комната пять*.

4) **Сочетаемостные**: а) уникальное значение ряда предлогов в составе числовых групп, например «мультипликативное» значение предлога *на* в составе словосочетаний типа *пять на шесть* (*метров*), «разделительное» значение того же предлога в составе словосочетаний типа *десять на два,* распределительное значение предлога *по* в группах типа *по два яблока, по пять рублей* <...>; б) сочетаемость с уникальными словами *плюс* и *минус,* с трудно определимой частеречной принадлежностью, в аддитивном и субтрактивном значениях соответственно (ср., например, *Мне следует получить пятьсот рублей минус семьдесят пять рублей аванса* <…>), что завершает список арифметических значений количественных конструкций (аддитивного, субтрактивного, мультипликативного и разделительного).

5) **Словообразовательные**: особые форманты типа *-надцать*, *-дцать*, *-десят*, *-сти*, *-ста*, *-сот*, суффиксы собирательных числительных и т. п.

6) **Акцентные**: равноударность компонентов составных числительных типа *двадцать пять*, *три двадцать пять*; в сравнимых аппозитивных сочетаниях существительных типа *господин Иванов, аэросани-глиссер* соответствующие компоненты не равноударны — последний из них несет главное ударение.

1.3. Понятие системообразующего смысла

Системообразующим называется смысл, который входит в большое число языковых единиц разной природы (многообразие обличий) и при определенных условиях одинаково проявляет себя относительно правил взаимодействия значений (единообразие проявлений). К числу системообразующих смыслов относятся:

а) семантические примитивы, т. е. смыслы ‘делать’, ‘воспринимать’, ‘хотеть’, ‘мочь’, ‘чувствовать’, ‘знать’, ‘считать’, ‘говорить’, ‘существовать’, ‘быть’, ‘находиться’, ‘предшествовать’, ‘я’, ‘отношение’, ‘объект’, ‘время’, ‘пространство’, ‘причина’, ‘условие’, ‘свойство’, ‘часть’, ‘число’, ‘количество’, ‘норма’, ‘ситуация’, ‘один’, ‘хороший’, ‘больше’, ‘не’ и ряд других;

б) некоторые смыслы, более сложные, чем семантические примитивы, например: ‘готов’, ‘должен’, ‘намерен’, ‘перемещаться’, ‘начаться’, ‘прекращаться’, ‘продолжаться’, ‘цель’, ‘момент’ и ряд других. С помощью аналитических толкований они в конечном счете сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Ср. известные толкования *продолжаться* ≈ ‘не прекращаться’, *P прекратился* ≈ ‘начался не P’, *начался P* ≈ ‘До момента t P не существовал, после t P существует’. Как видим, сложное значение *продолжаться* почти полностью сведено к структуре, составленной из примитивов ‘существовать’ и ‘не’. За пределами этого списка остался только смысл ‘момент’, который, впрочем, тоже легко сводится к примитивам: *момент* = ‘такая часть времени, что меньшей части времени не существует’.

Исключительно важным для данной работы является смысл и, соответственно, русское слово *цель,* которое в своем основном значении толкуется следующим образом: *P— цель действий R человека X*= ‘(i)[1] X хочет, чтобы существовала ситуация P, и (ii) считает, что P может начать существовать, если он будет делать R; (iii) по причине (i) и (ii) X готов делать или делает R’.

[1] Условное обозначение одного из способов выражения значения многократного действия глаголами: (i) — моторно-кратными, обозначающими разнонаправленное движение (*бегать по двору*), (ii) — глаголами локализованного движения, обозначающими последовательность однородных актов и управляющих существительных в твор. пад (*крутить головой*) [примеч. сост.].

1.4. Семантический метаязык

<…> Мы исходим из того, что значения всех содержательных единиц данного языка — лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных — могут и должны быть описаны на одном и том же семантическом метаязыке (в дальнейшем, в соответствии с целями данной работы, мы рассматриваем только лексемы). Реально в качестве семантического метаязыка в большинстве современных работ используется не универсальный искусственный язык, а некий упрощенный и стандартизованный подъязык описываемого естественного языка. Ниже перечисляются ограничения, накладываемые на него в наших работах, включая и эту монографию.

Упрощение состоит в том, что в метаязык отбираются относительно простые слова, грамматические формы слов и синтаксические конструкции в их основных значениях.

Ядро словаря метаязыка образуют системообразующие смыслы первых двух классов как они были определены в разделе 1.3. Это семантические примитивы и более сложные слова-смыслы типа *начать, перестать, момент, цель и т. п.* Кроме этого ядра словарь метаязыка включает довольно большое число так называемых промежуточных слов-смыслов. Как правило, они входят в состав значений многих лексических, но не грамматических единиц данного языка. Таков, например, смысл ‘требовать’, повторяющийся в толкованиях лексем *бастовать, вызывать* (*в суд*)*, вымогать, забастовка, настаивать, повестка, призвать* (*кого-л. к порядку*)*,* (*строго*) *спрашивать 4 с кого-л., спрашивать 3* (*что-л. у кого-л.,* например, *Спроси у него документы*)*, ультиматум, шантаж, шантажировать и т. п.*

Стандартизация состоит в том, что каждое такое слово должно в идеале удовлетворять требованию взаимно-однозначного соответствия имени и смысла. Иными словами, в метаязыке у него не должно быть синонимов и омонимов. <…>

1.5. Лексема и ее интегральное лексикографическое представление

<…> Лексемой называется слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений. Тем самым лексема, в отличие от лексического значения, оказывается многосторонней единицей языка, со своим означаемым, означающим, синтактикой и прагматикой. Полная характеристика всех указанных аспектов лексемы в словаре называется ее интегральным лексикографическим представлением (портретом).

<…> Интегральное лексикографическое представление лексемы складывается из трех частей: а) полного семантико-прагматическо-

го представления лексемы; б) характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических свойств; в) информации о семантических связях данной лексемы с другими лексемами в словаре (синонимах, антонимах, конверсивах и некоторых типах дериватов). Необходимость во всех этих типах лексикографической информации непосредственно вытекает из принципа интегральности <…>: в языке существуют лингвистические правила, требующие обращения к любому из перечисленных свойств и связей лексемы. В частности, информация о семантических связях лексемы (синонимах, антонимах, конверсивах и т. п.) нужна для правил перифразирования предложений.

1.5.1. Полное семантико-прагматическое представление лексемы

Главным компонентом интегрального лексикографического представления является полное семантико-прагматическое представление лексемы. Оно складывается из ее аналитического толкования на специальном метаязыке, словарных правил взаимодействия значений и еще трех типов сведений: а) нетривиальных семантических признаков лексем; б) коннотаций; в) прагматической информации.

Для каждого из упомянутых здесь типов лексикографической информации в словарных статьях лексем интегрального словаря предусматривается отдельная зона. <…>

1.5.1.1. Аналитическое толкование лексемы

Аналитические толкования лексем являются главным инструментом описания их значений, как и значений любых других содержательных единиц языка. От обычных лексикографических толкований они отличаются следующим набором свойств:

а) Они выполняются на описанном выше метаязыке.

б) Они представляют собой многослойные структуры, в которых в общем случае выделяется до пяти слоев смысла (ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки).

в) Они должны в явном виде (т. е. в виде буквально совпадающих смысловых компонентов) отражать все семантические связи данной лексемы с другими единицами языка, в том числе и с другими лексемами данного слова в случае его многозначности.

г) Они должны в явном виде содержать те смысловые компоненты, на основе которых данная лексема участвует в правилах семантического взаимодействия с другими единицами языка в тексте.

д) Они должны отвечать условиям полноты и неизбыточности. Приведем в качестве примера аналитические толкования некоторых речевых актов.

X просит Y-а сделать P [*Он попросил меня купить ему билет на последний рейс*] = ‘(а) человек X хочет, чтобы было P, и считает, что человек Y может сделать P, и не считает, что Y должен делать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X не считает его обязанным делать P’; (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы было P [мотивировка]’.

X требует от Y-а, чтобы Y сделал P [*Не требуйте от меня невозможного*] = ‘(а) человек X хочет, чтобы человек Y сделал P, и считает, что Y должен сделать P [пресуппозиции]; (б) X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P [ассерция]; (в) он говорит это так, что Y понимает, что X считает его обязанным делать P; (г) X говорит это, потому что считает, что Y должен сделать P [мотивировка]’. <…>

1.5.1.2. Нетривиальные семантические признаки лексем

<…>

Напомним в связи с этим признак нефасадности — фасадности существительных. Нефасадные существительные лишены неизменной «анатомии», т. е. независимой ориентации в пространстве, в частности, постоянного переда и зада, верха и низа, левой и правой сторон. Так, у табуреток нет постоянного переда и зада, у кубиков — верха и низа, а у тропинок — левой и правой стороны. В отличие от этого, фасадные существительные обладают собственной неизменной анатомией, не зависящей от ситуации восприятия, перемещения наблюдателя и т. п. Так, зад кресла — это его спинка, верх шкатулки — ее крышка, левый берег реки — тот, который находится по левую сторону от наблюдателя, если его взгляд направлен вниз по течению реки.

Очевидно, что нефасадность и фасадность суть нетривиальные семантические признаки. Ни в толкованиях нефасадных существительных (*табуретка, кубик, тропинка*), ни в толкованиях фасадных существительных (*кресло, шкатулка, река*) нельзя обнаружить никаких общих смысловых компонентов. Между тем все нефасадные и все фасадные существительные ведут себя весьма последовательно в контексте некоторых пространственных предлогов.

Словосочетания пространственных предлогов *перед* и *за* с нефасадными существительными порождают представление о наблюдателе, занимающем определенную позицию относительно двух ориентируемых в пространстве предметов; ср. *Перед стеклом стояла пепельница* (пепельница находилась между стеклом и наблюдателем, скорее ближе к стеклу, чем к наблюдателю) — *За стеклом стояла пепельница* (стекло находилось между наблюдателем и пепельницей, скорее ближе к пепельнице, чем к наблюдателю). Те же предлоги в контексте фасадных существительных никакого представления о наблюдателе в обычных условиях не порождают; ср. *Пепельница стоит перед* (*за*) *телевизором.*

1.5.1.3. Коннотации

В соответствии с концепцией, разделяемой большинством писавших на эту тему авторов <…>, коннотации лексем не входят непосредственно в их толкование. Тем не менее они должны фиксироваться в их словарных статьях, потому что через отсылку к коннотациям объясняются важнейшие семантические связи данной лексемы с другими лексемами в словаре и их семантические взаимодействия с другими единицами языка в тексте. <…> Мы уже писали, что коннотации слова в главном значении служат основой для формирования его переносных значений (*Напился*, *свинья* — по коннотации невоспитанности), привычных метафор и сравнений (*разбираться как свинья в апельсинах* — по коннотации всеядности), производных слов (*свинюшник* — по коннотации грязного), фразем (*подложить свинью кому-то* — по коннотации подлости и низости), синтаксических конструкций (ср. биноминативные псевдотавтологические конструкции типа *Свинья она и есть свинья*, где эксплуатируются сразу все коннотации *свиньи*). Таковы семантические связи между лексическими единицами в словаре, формирующиеся на основе коннотаций.

Гораздо менее исследованы, хотя нисколько не менее интересны факты, свидетельствующие о способности коннотаций к нетривиальным семантическим взаимодействиям в тексте. Чаще всего с коннотациями взаимодействует отрицание. Так, в противопоставительных предложениях типа *Не мать, а ведьма какая-то* отрицается не смысл ‘женщина, родившая Х-а’, а коннотации *матери* — мягкость, альтруизм, положительная пристрастность к Х-у.

Другой тип конструкций, в которых коннотации оказываются объектом воздействия со стороны семантически активного смысла, — это сравнительные конструкции вида *Р как Х*, где позицию Р занимает предикат, обозначающий коннотацию Х-а. Как известно, у слова *осел* есть коннотация упрямства, а у слова *собака* — коннотация преданности. Такое распределение коннотаций объясняет правильность предложений *Упрям, как осел* и *Предан, как собака* и крайнюю сомнительность *?Упрям, как собака* и *?Предан, как осел*.

1.5.1.4. Прагматическая информация

Наиболее интересны с этой точки зрения доминанты синонимических рядов, потому что у них обнаруживаются системные прагматические особенности. Как известно, доминантой ряда называется наиболее употребительный и стилистически нейтральный синоним, который имеет наиболее общее в данном ряду значение, полный набор грамматических форм, наибольший набор синтаксических

конструкций и самую широкую сочетаемость. Эти свойства создают прагматическую специфику доминант — способность обслуживать такие ситуации действительности, в которых другие синонимы ряда не употребляются. Например, в группе синонимов *спрашивать*, *осведомляться* и *справляться* лишь первый глагол, являющийся доминантой ряда, способен употребляться в функции экзаменационного и риторического вопросов. Экзаменационный вопрос: *На экзамене по истории его спросили, когда была основана Александрия*, но не **На экзамене по истории у него осведомились* ‹*справились*›, *когда была основана Александрия*.

Риторический вопрос: *Но я спрашиваю: почему — все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице?* (М. Булгаков, Собачье сердце). Сведения о способности вводить эти два типа вопросов должны фигурировать в прагматической зоне словарной статьи *спрашивать*, но не в словарных статьях его синонимов.

1.5.2. Другие свойства лексемы

Здесь имеются в виду все свойства лексемы, за исключением собственно семантических и стилистических,— морфологические, синтаксические, сочетаемостные, коммуникативно-просодические. Часто они лексикализуются и тогда подлежат включению в ее словарную статью. Вместе с информацией о синонимах, антонимах, конверсивах, дериватах и других подобных связях данной лексемы с другими лексемами в словаре они образуют ее неповторимый лексический мир.

Рассмотрим в качестве иллюстрации таких свойств лексические миры пар лексем *влияние 1* и *влияние 2* <…>

1) **Семантика**: *Влияние 1* — имя действия, т. е. акциональное существительное, ср. *оказать на кого-л. влияние*; *Влияние 2* — имя свойства или параметра, неакциональное существительное, ср. *пользоваться влиянием в академических кругах*.

2) **Грамматическая парадигма**: у *влияния 1* есть форма МН, ср. *различные влияния, которым он подвергался в Петербурге*; у *влияния 2* формы МН нет.

3) **Управление**: *влияние 1 — на кого-л.* (как *воздействие* ‹*действие*› *на кого-л.*); *влияние 2 — среди кого-л., в какой-л. среде, в каких-л. кругах,* ср. *влияние среди ученых* ‹*в театральной среде, в военных кругах*› (как *авторитет среди ученых* ‹*в театральной среде, в военных кругах*›).

4) **Сочетаемость**: а) с прилагательными: *сильное* ‹*слабое, большое*› *влияние 1,* как *сильное* ‹*слабое, большое*› *воздействие,* но только *большое влияние 2,* как *большой авторитет*; *благотворное* ‹*хорошее, положительное, тлетворное, дурное, пагубное, вредное, плохое, отрицательное*› *влияние 1,* при полной невозможности

соответствующих адъективных словосочетаний с *влиянием 2*; б) с глаголами: *влияние 1* сочетается с акциональным глаголом *оказывать* в роли лексической функции OPER1, а *влияние 2* — с неакциональным глаголом *пользоваться 2* в той же роли, причем у него характерным образом нет формы СОВ *воспользоваться*; ср. *Он пользуется* ‹не **воспользовался*› *большим влиянием в театральной среде.* Кроме того, *влияние 1,* подобно другим акциональным существительным этого класса (*атака, давление, контроль, обстрел и т. п.*), легко сочетается с глаголами семейства OPER2, при которых роль подлежащего выполняет не субъект, а объект воздействия; ср. *испытывать влияние, подвергаться влиянию, находиться под влиянием, попадать под влияние, оказываться под влиянием, выходить из-под влияния.* Все такие словосочетания исключены для *влияния 2*. В свою очередь, *влияние 2,* подобно другим существительным со значением социального свойства, сочетается с глаголами приобретения и утраты, ср. *приобретать влияние, терять влияние.* Подобные сочетания невозможны для *влияния 1*.

5) **Синонимы**: *влияние 1 — воздействие, действие, эффект*; *влияние 2 — вес, авторитет, влиятельность, престиж.*

6) **Словообразовательные связи**: *влияние 1* — производное существительное от глагола *влиять* (*на кого-л.*); у *влияние 2* нет соответствующего производящего глагола. В свою очередь, в словообразовательное гнездо *влияния 2* входят прилагательное *влиятельный* и синонимичная ему предложно-именная группа *с влиянием*; ср. *Это человек влиятельный — Это человек с влиянием.* У лексемы *влияние 1* таких словообразовательных связей нет.

1.5.3. Семантические связи лексемы с другими лексемами в словаре

Общее представление о связях такого рода (в основном, синонимических и словообразовательных) дают примеры, приведенные в предшествующем разделе при описании лексем *влияние 1, влияние 2.* <…> Материал на эту тему можно найти <…> в так называемых «справочных» зонах в [Новом объяснительном словаре синонимов — *Прим. сост.*], где большинство синонимов снабжается весьма полными списками фразеологических синонимов, аналогов, точных и неточных конверсивов, точных и неточных антонимов и дериватов, включая чисто семантические. Приведем один репрезентативный пример — справочные зоны для ряда синонимов *замереть, застыть, остолбенеть, оцепенеть* и *окаменеть* в значении ‘на короткое время стать совершенно неподвижным’.

Фразеологические синонимы: *остановиться ‹встать› как вкопанный*; *стоять как вкопанный*; *стоять как громом пораженный*; *стоять*

столбом ‹как столб›; *превратиться в соляной столб*; *впасть в столбняк, впасть в оцепенение*; *не мочь даже пальцем пошевелить*; *Ноги приросли к земле.*

Аналоги: *не шелохнуться, не двигаться*; *затихнуть*; *притаиться, затаиться*; *остекленеть* [о глазах]; *одеревенеть, онеметь* [о частях тела]; *обмереть, похолодеть, обомлеть*; *отняться, отказать* [о теле или конечностях, также о языке].

Точные и неточные конверсивы: *парализовать, сковать* (ср. *Он замер ‹застыл› от ужаса — Ужас парализовал ‹сковал› его*); *повергнуть в столбняк* (ср. *Он остолбенел от этого зрелища — Это зрелище повергло его в столбняк*); *Столбняк нашел ‹напал›* (ср. *Он остолбенел от этого зрелища — От этого зрелища на него нашел столбняк*).

Неточные антонимы: *шевельнуться, шелохнуться, встрепенуться, стряхнуть оцепенение* (по признаку выхода из состояния неподвижности).

Дериваты (в том числе чисто семантические): *замирание, застывание, остолбенение, оцепенение*; *остолбенелость, оцепенелость*; *столбняк 2*; *паралич 2*; *транс*; *оцепенелый, окаменелый*; *заторможенный.*

1.6. Лексикографический тип

Лексикографическим типом (ЛТ) называется класс лексем, у которых есть много общих свойств, одинаково реагирующих на определенные лингвистические правила. Обратим внимание на параллелизм понятий лексемы и ЛТ: очевидно, что для описания ЛТ оказываются существенными те же типы лексикографической информации, что и для описания лексемы. При переходе от лексемы к ЛТ меняется не столько набор признаков, сколько объект описания.

Хорошим примером ЛТ (точнее, двух разных ЛТ) являются моторно-кратные глаголы типа *ходить, бегать, летать, плавать, ездить, ползать, возить, водить, носить, таскать, катать, гонять и т. п.* Существующие толкования основных значений этих глаголов имеют следующий вид (на примере глагола *ходить*)*: ходить* = ‘то же, что идти, с той разницей, что ходить обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время’. На самом деле <…> почти каждое такое толкование скрывает в себе по два разных значения — занятия и действия. Ср. а) *Дети ходили ‹бегали› по двору* [занятие] VS. б) *Они каждый день ходили ‹бегали› купаться, Он каждый день ходил ‹бегал› за молоком ‹на уроки›* [действие].

1) **Семантика**. Как обозначение занятия глагол описывает перемещение в разных направлениях в одном пространстве, т. е. разнонаправленное перемещение, а как обозначение действия — перемещение из одного пространства в другое и обратно, т. е.

двунаправленное перемещение. У занятий отдельные перемещения мыслятся как синхронные с моментом наблюдения, а у действий перемещение туда и перемещение обратно мыслятся как асинхронные и не связанные непосредственно с моментом наблюдения.

<…>

Между двумя рассматриваемыми значениями (разнонаправленного и двунаправленного перемещения, или занятия и действия) моторно-кратных глаголов есть несколько существенных системных различий в области а) грамматических форм, б) управления, в) лексической сочетаемости, г) лексических связей в словаре и д) правил взаимодействия с грамматическими значениями. Эти различия создают два рельефно противопоставленных ЛТ.

2) **Грамматические формы и их значения**. Моторно-кратные глаголы в значении действия, как ясно из уже приведенных примеров, допускают образование формы СОВ: *сходил, сбегал, слетал, съездил, сводил* (*детей в цирк*), *сплавал* (*на тот берег*) и т. п. Ни в каких других значениях, включая значение занятия, моторно-кратные глаголы формы СОВ не имеют.

Форма ПОВЕЛ НЕСОВ от моторно-кратных глаголов со значением занятия может иметь свое основное значение побуждения к немедленному (актуальному) действию, ср. *А ты бегай ‹ходи›, скорее согреешься.* Форма ПОВЕЛ НЕСОВ от моторно-кратных глаголов со значением действия имеет значение инструкции, которую надо многократно выполнять, ср. *Ходи за хлебом.* Иными словами, она возможна только при условии употребления глагола в узуальном значении. Значение побуждения к немедленному (актуальному) действию в этом случае берет на себя форма ПОВЕЛ СОВ, ср. *Сходи за хлебом.*

3) **Управление**. Занятия и действия различаются числом и составом семантических актантов. У занятий три актанта; ср. *Он* [А1 = агенс] *нервно ходил по комнате* [А2 = пространство перемещения] *из угла в угол* [А3; о том, что здесь представлен один актант, и о его семантической роли см. ниже]. У действий по меньшей мере четыре актанта; ср. *Вечером он* [А1 = агенс] *ходил из института* [А2 = начальная точка] *в библиотеку* [А3 = конечная точка] *позаниматься* [А4 = цель]. При этом некоторые актанты, внешне оформленные одинаково, на самом деле различны.

Во фразах типа *Он ходил из школы в библиотеку* последние два актанта, как ясно из сказанного выше, выполняют семантические роли начальной и конечной точки соответственно. Казалось бы, точно такие же роли выполняют и предложно-именные группы *из конца в конец, из угла в угол, из стороны в сторону* во фразах типа *Он ходил из конца в конец* (*из угла в угол, из стороны в сторону*) *по комнате.* Однако это формальное сходство обманчиво.

Компоненты словосочетания *из школы в библиотеку* семантически и синтаксически самостоятельны, а компоненты словосочетаний типа

из стороны в сторону неразрывны. Нельзя сказать **ходил по комнате из конца* (*из угла, из стороны*), **ходил по комнате в конец* (*в угол, в сторону*), хотя нормально *Он ходил за газетами из школы, Он ходил за газетами в подземный переход.*

<…>

4) **Сочетаемость**. Занятия сочетаются с локативными детерминантами и в этом случае приобретают черты экзистенциального значения, особенно в случае препозиции сказуемого: *Повсюду ползали муравьи, По перрону бегали пассажиры, По двору ходили куры.* Действия с локативными детерминантами не сочетаются; ср. неправильность **Он бегал по двору за хлебом.*

<…>

5) **Семантические связи**, (а) Моторно-кратные глаголы в значении занятия могут иметь производные существительные типа SO (*беготня, ходьба*), а также производные делимитативы и пердуративы, ср. *побегать, поездить, полетать, поплавать, походить, пробегать, проездить, пролетать, проплавать, проходить и т. п.* От действий в собственно двунаправленном (неитеративном) значении такие производные не образуются. (б) Занятия имеют производные на *за-* с начинательным значением; у действий таких производных нет

6) **Правила согласования лексических значений с грамматическими**. Занятия сочетаются преимущественно с узуальными и процессными значениями формы НЕСОВ, включая актуально-длительное, а действия — с узуальными и результативными; ср. *Посмотри, как малыши бегают по площадке* [актуально-длительное] VS. *Ты сегодня ходил за газетами?* [общефактическое результативное]. Процессные употребления для моторно-кратных глаголов в значении действия нехарактерны, а актуально-длительное значение им абсолютно противопоказано. <…>

Итак, в рассмотренном круге употреблений почти каждый моторно-кратный глагол распадается на две разные лексемы, а все моторно-кратные глаголы — на два разных ЛТ, каждый с характерным для него набором семантических, синтаксических, сочетаемостных и иных особенностей и своими правилами взаимодействия с грамматическими значениями формы НЕСОВ. Назовем их условно ЛТ1 и ЛТ2. <…>

Вопросы и задания

1. В чем заключается принцип интегральности лингвистических описаний? Раскройте этот принцип на конкретном примере.
2. Как понимается термин «лексема»? Чем обусловлено приписывание слову «лексема» такого значения?
3. Из каких частей складывается интегральное лексикографическое представление лексемы? Приведите примеры интегрального лексикографического описания лексемы, используя языковой материал, приводимый Ю. Д. Апресяном.

4. Раскройте содержание термина «лексикографический тип». Какое значение для лексикографии имеет введение этого термина?
5. В каких известных вам словарях используется интегральный подход к описанию слова?

Н. Ю. Шведова

Парадоксы словарной статьи[1]

Словарная статья по своим внутренним свойствам представляет собою во многих смыслах противоречивый лингвистический жанр, причем такой, который, создавая коллизии, в самом себе содержит возможности их снятия и разрешения.

Словарная статья берет на себя сразу очень много различных задач. Она должна дать всесторонние характеристики самого слова, вынесенного в заглавную часть; удовлетворительно информировать о разных видах его окружений, о контекстуальных, парадигматических, синтагматических связях слова, о силе и слабости этих связей; сообщить о тех стилистических и функциональных сферах к которым принадлежит слово; показать его деривационные возможности, словообразовательное гнездо; вместить слово в его «фразеологическое поле» и показать разную степень фразеологической связанности тех или иных значений слова.

Таким образом, можно сказать, что словарная статья — это лингвистический жанр, информирующий не только о слове, но и о разных видах языковых окружений слов — контекстуальных, классных, деривационных, фразеологических, функциональных. На основе анализа разных словарных статей лингвист может сделать вывод о принадлежащих языку разных видах таких окружений.

Следовательно, любая словарная статья в толковом одноязычном словаре решает сразу две задачи, обращенные к разным адресатам: одну — для тех, кто ищет информацию именно о самом слове; другую — для тех, кого интересует типология словесных окружений; эта последняя, собственно научная информация, необходимо заключенная в словаре, до сих пор еще не нашла теоретического обобщения и лингвистической интерпретации.

Естественно, что перегруженность задачами делает словарную статью очень сложным лингвистическим жанром. <…> Миниатюрный жанр словарной статьи заключает в себе по меньшей мере пять парадоксальных ситуаций.

П а р а д о к с п е р в ы й: всеохватность задачи — сжатость, миниатюрность жанра. Языковой макромир здесь показывается через микромир слова, как бы конденсируется в нем. Языковая отдель-

[1] *Шведова Н. Ю.* Русский язык: избранные работы. М., 2005.

ность — слово — берет на себя задачу предстать в контексте языка, сузив его большой мир до границ своего микромира. Между тем реальностью является не обращенность языка к микромиру слова, а, наоборот, включенность отдельной единицы — слова — в большой мир языка, полная ему подчиненность. Коллизия состоит в том, что слово, существуя только в контексте класса — частеречного, парадигматического, семантического, синтагматического — и/или в контексте обстановочном, фоновом, возглавляя словарную статью, тем самым как бы берет на себя задачу типизировать те окружения, в составе которых оно существует, информировать о самих этих окружениях и о своем отношении к ним. Возникает противоречие между всеохватностью задачи и ограниченными возможностями жанра.

Парадокс второй: «классоцентризм» языка — «лексоцентризм» (эгоцентризм) слова в словарной статье — тесно связан с первым. Словарная статья описывает некий языковой микромир, причем описывает его, во-первых, как некую отдельность, изолированную от более широкой сферы, во-вторых, как такой микромир, центром которого является отдельное слово, который как бы весь тянется к слову. Это — очень большая условность, необходимо вытекающая из такого жанра словарной статьи. Не требует доказательств, что то языковое окружение слова, которое показано в отдельной словарной статье, в огромном большинстве случаев не есть только его окружение: это — препарация тех общих правил разнообразной сочетаемости, парадигматических и синтагматических связей, которым подчиняется слово (исключение — его фразеологические связи).

Лексоцентризм словарной статьи выражается в том, что слово в ней предстает как единица, предопределяющая связи и отношения, «влекущая к себе» другие слова, формы, виды связей. Между тем это лишь одна сторона дела: слово не столько притягивает к себе другие единицы, сколько подчиняется общеязыковым законам и правилам. Эту подчиненность словарная статья изображает как диктат слова, как его требования к среде. Однако ситуация эта двусторонняя: слово подчиняется законам среды, а требования его — индивидуальны. Словарная статья не может показать этого различия, и все связи, как диктуемые слову средой, так и предопределенные индивидуальной спецификой именно данного слова, равно показываются исходящими от слова как от центра, вокруг которого будто бы вращается целый языковой макромир. Таким образом, словарная статья весьма условно и своеобразно изображает соотношение «класс — слово как член класса».

Общих языковых классов, в системе которых существует слово и его принадлежность к каждому из которых так или иначе отражается в словарной статье, существует по меньшей мере четырнадцать. Это классы: 1) частеречный, 2) лексико-семантический (внутри час-

ти речи), 3) собственно грамматический (внутри части речи, например, у имен — одушевленность, собирательность, Pluralia tantum, у глаголов — вид, грамматически выраженный способ действия, возвратность), 4) словообразовательный (для производных слов), 5) деривационный (по типа гнездования), 6) класс синтаксических связей, 7) класс семантических связей и далее классы и разряды: 8) стилистический, 9) функциональный (по сферам употребления), 10) хронологический (и локально-хронологический или только локальный), 11) квалификационный и оценочный, 12) орфоэпический, 13) акцентологический, 14) орфографический.

Лексикографической практикой выработаны устоявшиеся способы показа принадлежности слова к каждому из этих классов и разрядов. Принадлежности к части речи показывается специальной классной пометой, флексиями, толкующей формулой, грамматическим видом иллюстративного речения, косвенно — гнездом и заромбовой частью статьи; отнесенность к лексико-семантическому классу выявляется средствами толкующей части, с наибольшей ясностью — через так называемый синонимический ряд; указания на собственно грамматические признаки слова (внутри части речи) в словарной статье присутствуют в дифференцирующих пометах, в специальных частях толкования, в иллюстративных речениях; вхождение в словообразовательный класс демонстрируется самой материей слова, специальными компонентами толкующей части (ср., например, толкования неодноморфемных производных глаголов), косвенно — гнездовой частью статьи, а также через посредство соседних статей, посвященных однокоренным словам; принадлежность к деривационному классу слова выявляется через структуру гнезда, косвенно — путем непосредственного словарного окружения (соседние статьи однокоренных) и производными, прежде всего служебными единицами заромбовой части (производные предлоги и союзы); отнесенность к тому или иному классу синтаксических связей в словарной статье показывается специальными синтаксическими пометами и структурой иллюстративного речения: семантические связи выявляются посредством ограничительного компонента толкования (ср.: *алеть* ‘об алом: виднеться’; *гнедой* ‘о масти лошадей… ’; *блеснуть 2:* ‘о мысли, идее: внезапно возникнуть’), ограничительными указаниями типа *о ком* (*чем*), специальным подбором иллюстраций; стилистическое качество слова показывается специальной пометой, в толковании — включением в соответствующий синонимический ряд, иллюстрацией. Для указания на квалификационную и/или оценочную сторону слова или его отдельного значения используют в разной степени дифференцированные так называемые стилистические пометы, квалификационно-оценочные части толкования, способ иллюстрирования; хронологическая (и локализующая) квалификация реализуется по-разному: средствами специальных (обычно даже в одном и том же словаре недостаточно

соотнесенных друг с другом) помет (хронол.), информирующим компонентом толкования, так называемым «вводом» типа *в старину*, *в России до революции*; *в европейских странах*); принадлежность к функциональному классу, к специальной сфере языка определяется соответствующими пометами (в больших словарях обычно достаточно детализирующими), информирующей частью толкования (ср.: *у моряков*, *у строителей*, *у медиков*, *в горном деле*), для специальных терминов — самим типом толкования, при современных требованиях читателя к толковому словарю, неизбежно отягощенного элементами энциклопедизма, а также характером иллюстраций (преимущественно терминологические или полутерминологические сочетания), показом специфических семантических сужений в составе гнезда. Орфоэпический облик слова в необходимых случаях отражается в элементах транскрипции; акцентологический — акцентным знаком; орфография показывается самим словом, в необходимых случаях вариантами.

Все эти средства отнесения слова к тому или иному классу или разряду и к разным классам в их совокупности в словарной статье предстают в компактном единстве. Каждое из них в отдельности отвечает «за свой участок», за достаточность и точность информации, за непротиворечивость своих отношений к другим компонентам этого единства. <…>

Парадокс третий: непосредственно вытекает из второго: это — максимальная концентрированность информации, заложенная в самом жанре словарной статьи — присущая ей потенция восстановления общей картины классов. Из сказанного выше ясно, что сведения, заключенные в словарной статье, представляют собой не что иное, как отсылающие сигналы, которые обязательно предполагают достаточные знания о классах и разрядах слов в отдельности и об их системе в целом.

Классная характеристика, даваемая при слове, предполагает, что в сознании читателя обязательно тут же должна развернуться картина класса в целом. Поэтому ни одна из названных коллизий самой словарной статьей не разрешается: они разрешаются самим читателем, который обращается к словарю или уже владея языком, или изучая его; выучить язык собственно «по словарю» невозможно.

Парадокс четвертый: всеобщая связанность всех константных свойств слова в самом языке — их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования. В природе языка — органическая нерасчлененность классных свойств отдельной лексемы: в слове слиты его лексическое и грамматическое значения, все его частные грамматические значения спаяны воедино; разделить морфологические, словообразовательные характеристики слова и его валентностные свойства практически невозможно. <…>

В словарной статье все внутренние свойства слова представлены расчлененно, каждое в отдельности, как будто они существуют самостоятельно. Лексикограф не может показать органическую целостность этих свойств и обязательную совместность их существований. Словарная характеристика слова, несомненно, упрощает, а может быть, в какой-то степени и искажает всю сложность его внутренней организации. Не случайны расхождения разных словарей в представлении семантической структуры одних и тех же многозначных слов (например, *быть, идти, иметь, путь* <…>). Именно поэтому соответствующие статьи отягощаются заромбовой частью: во фразеологический ареал слова попадает все то, что не находит себе места в традиционно принятой «разбивке» на значения.

Парадокс «слитность свойств в слове — их разъятие в словарной статье» применительно к семантической структуре слова в самой этой статье снимается показом взаимосвязанности значений, их взаимными переходами; применительно к грамматическим свойствам отдельных значений многозначного слова данная коллизия в словарной статье не разрешается: для этого нужны широкие языковые контексты и несловарные знания об их строении.

П а р а д о к с п я т ы й: слово как единица, не знающая состояния покоя, — представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя. В слове заключен залог постоянного движения, развития, обусловленный его противоборствующими потенциалами: центростремительным (притяжение к себе) и центробежным (работа выбора и отдачи: слово диктует своему окружению, каким ему быть <…>). В результате реализации заключенного в слове центростремительного потенциала к нему притягиваются свойства окружающих его контекстов и входящих в них единиц; под действием этих свойств становятся возможными новые употребления самого слова, в нем формируются новые значения, новые отношения к своим семантическим партнерам. Под действием центробежного потенциала у слова формируются в разной степени устойчивые синтагматические связи.

Парадокс словарной статьи заключается в том, что она показывает развивающееся, движущееся явление как стабильное, т. е. описывает движение в условно остановленный момент развития. Эта коллизия самой словарной статьей не может быть разрешена: на помощь толковой лексикографии здесь приходит диахроническая лексикология.

Бытуют выражения: составлять словарь, составитель словаря. Они дают неправильное представление о лексикографической работе, искажают ее суть. Каждая словарная статья есть результат исследования того, как существует слово в своем многогранном контекстном и классном окружениях. Представление результатов этого исследования осложнено спецификой жанра словарной статьи. Чем

ответственнее относится лексикограф к своей работе, тем напряженнее он ищет пути разрешения тех парадоксов, которые ставит перед ним этот маленький и коварный жанр.

Впервые опубликовано в 1988 г.

Н. Ю. Шведова

Автор или составитель

Об ответственности лексикографа[1]

<…>

Что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как к произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед научной традицией, которую автор продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем. Рассмотрим все названные аспекты такой тяжелой ответственности.

Лексикограф ответствен перед своей наукой. Он не может не знать ее современного состояния, не быть в курсе проблем, непосредственно обращенных к теории слова. Следовательно, его произведение обязательно должно быть концептуально: в основе толкового словаря (как и любого другого собственно лингвистического лексикона) должна лежать строгая научная концепция — обоснованное понимание природы слова как языковой единицы, его значения, границ между значением и употреблением, объема и состава гнезда, границ между многозначностью и омонимией, тенденций образования связанных значений и фрзеологизмов и многое другое; такое понимание должно быть ясно читателю из самой словарной статьи, из ее организации, а не только из теоретического введения к словарю (которое, кстати, далеко не всегда изучается читателем). Будучи ответствен перед своей наукой, лексикограф обязан быть не только лексикологом: он с необходимостью выступает и как грамматист, и как специалист в области словообразования, стилистики; он хорошо знает орфоэпические, акцентологические нормы и тенденции их движения. Иными словами, ученому-лексикографу нужно очень многое знать как лингвисту, и эти знания должны быть с очевидностью продемонстрированы в словарных статьях, выходящих из-под его пера; недопустимо такое положение, когда читатель-лингвист

[1] *Шведова Н. Ю.* Русский язык: избранные работы. М., 2005.

сталкивается на страницах словаря с лингвистическими ошибками, с путаницей в понимании видовых отношений глагола, с неразличением свободного и связанного значения, с подменой стилистических характеристик слова любительскими рассуждениями по поводу употребления.

Лексикограф ответствен перед читателем-нелингвистом, который ищет в словаре нужную ему справку. Этот читатель не погружается в научную концепцию словаря: ему нужно верное и понятное определение значения, убедительные иллюстрации, точные сведения о формах слова, о его стилистической и хронологической принадлежности; увидя ошибку или не найдя нужного ответа на свой вопрос, такой читатель откладывает словарь в сторону с чувством неудовлетворенности. Об этом нельзя забывать, тем более, что носитель языка очень часто считает, что он сам не хуже лексикографа знает, что верно и что неверно <…>. Помня о запросах читателя-нелингвиста, лексикограф обязан очень точно соблюдать «правила игры»: словарная статья в толковом словаре, оставаясь научной, должна быть понятной, доступной, строго организованной; ее задача — преподносить нужные знания о слове доступно, а не зашифровывать их в заведомо усложненной форме, в многословных и расплывчатых определениях, в ничего не говорящих иллюстрациях. Если автор научной лингвистической статьи или книги может писать как он хочет и что он хочет, предоставляя читателю право читать его опус или отложить его в сторону, то словарник такого права не имеет: он раб своего жанра — самого строгого из всех жанров, принадлежащих науке о языке.

Лексикограф ответствен перед традицией; он не один: словари писались до него и будут писаться после. Это — закон, вытекающий из самой материи словаря: лексическая система есть живая саморазвивающаяся организация, она живет; слова и значения появляются или исчезают, очень часто длительное время «дремлют» и в новых условиях возрождаются для новой жизни. Именно в силу своей материи толковый словарь, охватывающий относительно протяженный период в жизни языка, — это книга, обреченная на старение; это особенно ощущается в моменты резких социальных перемен. Поэтому очевидно, что словарь не может не обновляться, постоянно и время от времени разные авторы и составители с разным успехом принимаются за дело. Однако при этом необходимо помнить о традиции, знать ее и четко определять в ней свое место. Наша лексикографическая традиция богата, ее достижения велики; имена лингвистов, бравшихся за многотрудную работу словарника, составляют славу отечественного языкознания. Это обязывает. И здесь мы подходим к вопросу о том, что такое «составление словаря»? Есть два ответа на этот вопрос — в зависимости от того, какую задачу поставил перед собой тот, кто берется за его написание. Новый толковый словарь может быть или самостоятельным авторским научным про-

изведением, или компиляцией из других словарей. Словарь как научное произведение может быть или собственно авторским, или коллективным трудом. Примерами последнего у нас могут служить Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова и Семнадцатитомный академический словарь 1948–1965 гг.: в обоих случаях работали коллективы высококвалифицированных специалистов, присутствовала ответственная редактура. И в том и в другом случае перед нами — а в т о р ы словаря. Компиляция не имеет отношения к научной традиции: здесь трудится с о с т а в и т е л ь.

Иногда приходится слышать утверждение о том, что «все словари списывают друг у друга». Думаю, что далеко не все. Научную ценность имеют как раз те словари, которые не списывают с других, а строятся на самостоятельном изучении материалов и авторы которых с полным основанием видят в словарной статье плод своего собственного исследования. Такая работа исключает компиляцию и делает труд словарника творческим. Вошли в историю и стали вехами в традиции именно те словари, где авторы ни у кого не списывали, а трудились сами, глубоко и надолго погружались в материю языка, в то живое море слов, которое питало их труд; именно творческое погружение в материал, в живую ткань языка сделало нарицательными такие имена, как Даль, Ушаков и Ожегов.

Современные компьютерные технологии открывают широкие возможности для компилятивных словарных произведений и таят в себе соблазны быстрого издания громоздких лексиконов псевдотезаурусного типа, в которых составитель рискует превратиться в придаток к машине. База данных сама по себе не значит ничего: знанием языка обладает только человек; поэтому он обязан относиться к этой базе разборчиво и, приступая к составлению словаря, строго сформировать для себя принципы и правила отбора. В ином случае, как бы ни было объемно такое сочинение, оно останется собранием списанного, сложенного вместе в одну упаковку, из которой, при первом же ознакомлении, торчат многочисленные непоследовательности и несуразности.

Из всего сказанного ясно, что нужно понимать под ответственностью лексикографа п е р е д с а м и м с о б о й: это ответственность перед своей научной совестью, сознание, что работа сделана честно, без ненужной поспешности, с полной отдачей больших, трудами накопленных знаний. Компилятор не создает словарь: он его «составляет» и тем самым освобождает себя от ответственности и перед традицией, и перед наукой; ответственность перед самим собой — его сугубо личное дело.

Конечно, ни один словарь не свободен от ошибок; вопрос только в том, каковы эти ошибки и каково их количество. Можно смело сказать, что в компилятивном словаре их гораздо больше, чем в словарях авторских. В этих последних (даже в лучших из них) самой уязвимой стороной является неунифицированность описания слов,

относящихся к одному и тому же лексико-семантическому классу, неоправданные расхождения в пометах, часто — неполнота определений, непоследовательность в разграничении многозначности и омонимии. Однако ни в одном авторском, ответственном словаре мы не найдем таких ошибок и непоследовательностей, которые нам в изобилии предлагает компилятор. Примеры такого «составления» в изобилии рассыпаны в «Большом толковом словаре русского языка», выпущенном «автором проекта, составителем и главным редактором» канд. филол. наук С. А. Кузнецовым под грифом Института лингвистических исследований Российской академии наук в Санкт-Петербурге в 1998 г. Но это — уже предмет специальной рецензии.

Как видно, вопрос об ответственности словарника — не такой уж праздный, как это может показаться с первого взгляда.

Впервые опубликовано в 2001 г.

Вопросы

1. Какие аспекты словарной работы рассматриваются в статьях Н. Ю. Шведовой?
2. Чем вызвано обращение к этим вопросам крупного лексикографа?

М. А. Тарасова

Как читать и понимать словарную статью

Рассмотрим описание глагола *делить* в толковом словаре[1].

ДЕЛИТЬ, д е л ю́ , д е́ л и ш ь ; *несов., перех.* (*сов.* разделить). **1.** Разъединять на части, распределять по частям. *Делить пирог на несколько кусков.* ▭ *Опыт показал, что для удобства управления боем десантный отряд надо делить на небольшие штурмовые группы.* Первенцев, Огненная земля. || Находясь где-л., проходя через что-л., отделять собой одну часть от другой. *Перегородка делит комнату пополам.* □ *Начинавшийся от покатого лба прямой пробор надвое делил напомаженные жидкие волосы.* Кремлев, Большевики. || Подразделять, классифицировать. *Все произведения я делю на два сорта: те, которые мне нравятся, и те, которые мне не нравятся.* Чехов, Письмо И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 22 марта 1890.

2. с кем. Предоставлять, давать кому-л. часть чего-л. своего; совместно пользоваться чем-л. — *Я готов С тобой делить и хлеб и кров.* Пушкин, Цыганы. [*Людмила*:] *Маша, вспомни, что мы сделали для вас с матерью. В тиф, в голод --- Я делила с тобой последний сухарь*. Погодин, После бала. || перен. Переживать, испытывать вместе с кем-л. (какое-л. чувство и т. п.).

[1] Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

С самого детства дружили они, вместе учились, --- делили друг с другом первые девичьи радости, горести, тайны. Фадеев, Молодая гвардия. *С Александром Александровичем они делили все: и удачи и неудачи, и успехи и промахи.* Кочетов, Журбины.

3. (*сов.* также поделить). Производить раздел, распределение чего-л., давая, предназначая каждому часть. *Делить имущество*. ▭ — *Торговать вы будете под моим контролем, а прибыль мы делим пополам*. М. Горький, Трое.

4. *Мат*. Производить деление (в 3 знач.). *Делить двадцать на пять*.

◊ **Делить нечего** *кому* — нет поводов для раздоров, ссор. *Пусть хозяева грызутся, а рабочим делить нечего*. Мамин-Сибиряк, Золото. **Делить шкуру неубитого медведя** — распределять между собой прибыль от предполагаемого, но еще не осуществленного дела, предприятия.

Статья начинается с заголовочного слова (вокабулы), которая выступает как ввод словарной статьи; это левая часть словарной статьи и словаря, единица словника.

Правая часть статьи и словаря — описание лексической единицы.

а) Грамматическая характеристика. После вокабулы даны формы 1 и 2 лица ед. ч., указывающие на спряжение и класс глагола; постановка ударения обращает внимание на перемещение ударения при формообразовании. Помета *несов*. указывает, что заголовочное слово — глагол несовершенного вида; в скобках дан совершенный вид (*сов*. разделить), который образуется при помощи префикса. Помета *перех*. в этом словаре используется для указания на то, что глагол переходный, т. е. требует дополнения в форме вин. пад. без предлога. [В других словарях для передачи этой информации используются местоимения *кто*, *что* в форме вин. пад. (*кого*, *что*)]. Пометы стоят до цифры 1, т. е. относятся ко всем значениям, следовательно, значения глагола являются конструктивно обусловленными.

б) Описание семантики глагола.

Глагол ДЕЛИТЬ многозначен: в статье выделено четыре значения, отмеченные цифрами **1. 2. 3. 4.**

Первое значение ‘Разъединять на части, распределять по частям’. Оно основное, номинативное, прямое, немотивированное.

При этом значении специальным зна́ком (//) выделяются два оттенка: // ‘Находясь где-л., проходя через что-л., отделять одну часть от другой’ и // ‘Подразделять, классифицировать’. Составители считают эти семантические изменения оттенками: таким образом в языке выражаются частные, дифференциальные признаки понятия «делить на части», обусловленные новой предметной или понятийной соотнесенностью слова.

При втором значении стоит еще одна грамматическая помета: *с кем*. Она указывает на дополнительную конструктивную обусловленность семантики: в сочетании с косвенным дополнением, выраженным существительным (или местоимением) в твор. пад. с предлогом *с*, глагол приобретает другое значение: ‘Предоставлять, давать кому-л. часть чего-л. своего; совместно пользоваться чем-л. Это

значение производное, семантически мотивировано основным значением, номинативное, прямое.

Второе значение тоже имеет оттенок, но он сопровождается пометой *перен*., т. е. переносно: ‘Переживать, испытывать вместе с кем-л. (какое-л. чувство и т. п.)’. Оттенком, а не отдельным значением составители считают это употребление глагола потому, что оно сохраняет главную сему с самим вторым значением — ‘совместность’; только в этом случае речь идет не о совместном пользовании чем-н., а о совместном переживании какого-н. чувства. Таким образом, происходит перенос из сферы материальной в сферу эмоциональную на основе сходства. Значит, этот оттенок представляет собой метафорический перенос с сохранившейся образностью, и поэтому толкование сопровождается пометой *перен*.

Третье значение глагола выделяется потому, что появляется новая сема — ‘предназначая (выделенную часть) каждому (из нескольких людей)’. В этом значении глагол ДЕЛИТЬ образует совершенный вид не только с помощью приставки *раз-* (как в первых двух и в 4-м значении), но и с приставкой *по-*, что и указано после цифры 3 (*сов. также* поделить). Значение производное, семантически мотивировано основным значением, номинативное, прямое.

В четвертом значении глагол ДЕЛИТЬ является математическим термином, на что указывает функционально-стилистическая помета *Мат*. [ематическое] после цифры. Значение отмечено в общем толковом (а не в терминологическом) словаре потому, что термин хорошо известен всем носителям русского языка и широко употребляется ими, начиная с первого класса средней школы. Значение производное, семантически мотивировано основным, номинативное, прямое.

Толкования первых трех значений и оттенков являются описательными (за исключением оттенка ‘Подразделять, классифицировать’, при толковании которого использованы синонимы).

Толкование четвертого, специального значения можно считать отсылочным ‘Производить деление (в 3 знач.)’, оно отсылает нас к одному из значений, тоже специальному, существительного ДЕЛЕНИЕ («в 3 знач.»). В статье ДЕЛЕНИЕ третье значение толкуется следующим образом: «3. Обратное умножению математическое действие, посредством которого из двух чисел (или величин) получается третье, которое, будучи умножено на второе, дает первое». Это толкование — развернутое, энциклопедическое, т. е. раскрывающее математическое понятие. Очевидно, это толкование следует тоже сопроводить пометой *Мат*. Таким образом, понять до конца, что значит глагол ДЕЛИТЬ в 4 значении, мы сможем только обратившись к толкованию одного из значений существительного ДЕЛЕНИЕ.

в) В качестве иллюстраций в статье использованы цитаты из художественной литературы (произведений Пушкина, Первенцева, Кремлева, Кочетова, М. Горького), из письма Чехова, а также речения

(т. е. типичные словосочетания — см. 1 и 4 значения). Речение от цитаты отделено знаком ▭ («шпала»).

г) После всех значений за знаком ◊ («ромб») помещены устойчивые словосочетания (фразеологизмы) с компонентом *делить*, сопровождаемые толкованием: «**Дели́ть не́чего** *кому* — нет поводов для раздоров, ссор» и «**Делить шкуру неубитого медведя** — распределять между собой прибыль от предполагаемого, но еще не осуществленного дела, предприятия». При первом фразеологизме приводится цитата из романа Мамина-Сибиряка «Золото», второй фразеологизм не сопровождается иллюстративным материалом. Помещая фразеологические единицы в конце словарной статьи, авторы отказываются от попытки указать на связь значения фразеологизма с тем или иным значением опорного слова[1].

Таким образом, анализ словарной статьи из четырехтомного Словаря русского языка позволяет отнести этот словарь к толковым нормативным словарям.

Вопросы и задания к разделу

1. Сопоставьте энциклопедический и лингвистический словари. Для этого выпишите из любого энциклопедического словаря 10–15 слов подряд (желательно на буквы К, Л, М) и фрагмент из Словаря русского языка в 4 т. (т. II, 2-е изд. и след.), ограниченный теми же словами, и проведите сопоставление, ответив на вопросы:

а) Что общего и различного в составе словников? Чем объясняются эти расхождения в словнике?

б) Как соотносятся внелингвистические и лингвистические характеристики при описании слова?

Сделайте вывод о различном назначении толковых и энциклопедических словарей.

2. Сопоставьте описание слов НЕВТЕРПЁЖ, МОЖНО, НЕЛЬЗЯ, НЕКОГДА (первый омоним), НЕЧЕГО (второй омоним), ОБДИРАЛА в МАС, СОШ, БТС и сделайте выводы из своих наблюдений.

---

[1] Так поступают многие словари. В Семнадцатитомном академическом словаре литературного языка фразеологизм помещается при том значении, с которым генетически связан. И только если эту связь на современном этапе развития языка установить невозможно, БАС помещает фразеологизмы с абзаца после всех значений толкуемого слова за знаком тильды (~).

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

Словарь Академии Российской[1]

Л. Л. Кутина

Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.)[2]

<…> Словарь Академии Российской (САР) привлекал к себе внимание многих исследователей. Более всего работ посвящено составу словника этого словаря (лексике и фразеологии) и организации его в рамках определенных стилистических рубрикаций: вопрос о составе и стилистическом распределении лексики этого периода чрезвычайно важен для суждения о характере формирования национального литературного языка и его источниках.

Значительно меньше исследован вопрос о том, как этот словарь сделан: как описывается лексика, как решена в нем задача семантической и грамматической характеристики слова. Между тем именно в этих сферах словарного описания более всего проявляется новаторство словаря, его качественно более высокий уровень, делающий его первым звеном в цепи академических словарей нового времени.

Настоящая работа касается постановки и решения в САР некоторых проблем лексической семантики. Достижениями САР в этой области является решение вопроса о слове как совокупности значений (проблема полисемии), о связи и зависимости значений слова как результате процесса семантической производности, о границах слова и омонимии, о фразеологической и синтаксической обуслов-

[1] Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1789–1794.

[2] Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.

ленности значений, о регулярной полисемии, об отношении слова и контекста. Сам перечень этих вопросов звучит очень современно: все они относятся к ядру современной теоретической семантики и далеко не всегда находят себе однозначное решение в современной лексикологии и лексикографии. В русском языкознании многие из них впервые выступили с очевидной определенностью именно при составлении САР.

<…> САР — первый в России словарь, для которого были сформулированы исходные позиции его составителей. Они изложены в проекте Словаря «Начертание для составления толкового словаря Словяно-Российского языка»,[1] где семантике посвящен особый раздел «О знаменовании слов и речений». Для составления «Начертания» был создан «отряд», в который вошли Д. Фонвизин, Н. Леонтьев, С. Румовский, И. Лепехин; возглавил его митрополит Гавриил. Можно думать, однако, что основным автором первоначального «Начертания» был Д. И. Фонвизин, читавший его уже через две недели после составления отряда в заседании от 11 ноября 1783 года.[2]

В процессе обсуждения «Начертания» и составления первых частей Словаря в первоначальный план были внесены некоторые изменения и дополнения; в области семантики наиболее существенные из них, определившие сам облик семантических разработок, связаны с именами И. Лепехина, С. Котельникова, митрополита Гавриила, кн. Дашковой и ряда других членов Академии. Словарь Академии Российской в высокой степени плод коллективных усилий. Историческая закономерность подобного хода вещей была подтверждена уже практикой двух европейских Академий. <…>

Главнейшей особенностью и великим достижением САР является то, что этот словарь впервые представил развернутое описание содержательной стороны нашего языка: слов во всей совокупности их «знаменовании». Эта совокупность, по мысли авторов (см. «Начертание»), — совокупность сложная. Она предполагает установление точного смысла слова (первичного, исходного) и распространенного,[3] собственного и метафорического. Между точным и распро-

---

[1] В дальнейшем — «Начертание».

[2] Довольно распространенное мнение об авторстве И. Болтина — плод недоразумения. И. Болтин представил свое мнение на «Начертание», где касался в основном вопросов словника и структуры словаря (И. Болтин — сторонник азбучного «чина»). Склонившиеся сначала по ряду вопросов на сторону Болтина, члены Академии позднее опять вернулись к положениям «Начертания». Тревоги Фонвизина по этому поводу показывают его личную (возможно — авторскую) заинтересованность в положениях «Начертания». — См. переписку его с Козодавлевым, опубликованную у М. И. Сухомлинова (История Российской Академии. Т. 1–8. СПб., 1874–1888).

[3] Для обозначения понятия «лексическое значение» члены Академии Российской, составители САР употребляли слово *смысл.* В соответствии с этим и в тексте автора данной статьи термин «смысл» употребляется как полный эквивалент «значения». «Надлежит принять за правило, чтоб объяснение слова упадало во первых на точный

страненным, собственным и метафорическим смыслами — отношения семантической производности. Вторые члены семантических противопоставлений связаны с первыми, зависят от них, являются их следствием. [1]

Сама возможность возникновения метафорических смыслов расценивается как величайшая возможность к обогащению языка: «Надлежит величайшее приложить старание к объяснению метафорическаго смысла, составляющего главное обилие языков, которое без размножения слов достигнуто» (Начертание, 309).

Программа семантического описания, в которую входит широкий спектр «дальнейших» («распространенных» — номинативно-производных и «метафорических») значений, русскими словарями еще не ставилась, хотя база для осуществления такого описания была в какой-то мере подготовлена лексикографическими трудами предшествующих времен.

Многозначность как лингвистическое явление была осмыслена очень рано; в античных теориях языка <…> многозначность <…> — одно из доказательств отсутствия «природной» связи между именем и вещью.

Словари как описания языка, где понятие полисемии должно было реализоваться прежде всего, строятся с несомненным учетом явления многозначности. Это относится и к нашей, русской и славянской традиции, с которой составители САР считали нужным специально ознакомиться. <…>

САР — первый толковый словарь русского (славяно-русского) языка — снял все ограничения двуязычных словарей в отношении показа полисемии. Объем семантической информации в нем по сравнению со словарями предшествующей поры возрос чрезвычайно. Это касается в первую очередь регистрации «дальнейших» значений: номинативных (различных ступеней производности) и — в особенности — переносных («метафорических»). Следует иметь в виду, что САР в семантической оценке слова исходит из функционирования его в разных языковых сферах: в обиходном разговорном языке («просторечии») и в языке письменности (в поэзии, «слоге витийственном», в книгах церковных, в книгах старинных), в специальных подсистемах языка (в науке, технике, ремесле, искусстве и т. п.) и употреблении областном. Каждая из этих сфер дает свои семантические преломления и градации смысла. И составители САР

его смысл, а не на распространенный. Слово *скорбь,* например, относится в нашем языке к болезненному телочувству и к душевному страданию, но точный смысл сего слова означает телесную болезнь, а отсюда распространен оный и до страдания души» (Начертание, 308).

[1] «Что сказано о точном смысле, относительно до смысла распространеннаго, должно сказать и о смысле собственном относительно до смысла метафорическаго. Объяснения всегда должно упадать на один собственный смысл, а метафорический присовокупляется, яко следствие и зависимость от перваго» (Там же, 308–309).

эти градации отмечают, последовательно маркируя сферу, в которой они регистрируются.

Ср.: ***Зима***. *. 2. В смысле* употребляется в стихотворстве уподобительно вместо старость*; ***Герой***. *. 3. В повествовательном стихотворстве называется то лице, которое составляет главный предмет поэмы*; ***Желѣзо***. *. 2. В витийственном слоге, а наипаче у стихотворцев берется вместо меча, копья и вообще за всякое оружие*; ***Оглашаю***. *В церковных книгах значит: 1. Научаю, наставляю*; ***Дым***. *. 2. В Св. писании значит иногда пар, бывающий от влажных тел*; ***Пробираю***. *. 2. Относительно к земледельчеству: излишнюю траву выбираю, выдергиваю*; ***Зазор***. *. 2. У артиллеристов называется зазором тот промежуток, который остается между ядром и стеною пушки. 3. У каменщиков: промежуток между стеною и причалкою*; ***Содержание***. *. 4. В числословии сравнение двух чисел, чем или во сколько раз одно другаго больше*; ***Жила***. *1. В телоразъятельной. науке так называется всякий сосуд кровь и другие соки в себе содержащий. . 2. У рудокопов так называется вещество имеющее протяжение и содержащее в себе металлическую руду* и т. п.

САР впервые представляет слово как некий семантический конгломерат, ориентированный на разные системы и подсистемы функционирующего языка. Здесь впервые в описании слова получена та лексико-семантическая абстракция, которую называют «словарным словом». Однако словарное слово в САР имеет существенные особенности: абстракция эта здесь расширена до охвата семантических единиц двух языков: русского и славянского. Как известно, члены Академии Российской исходили из той теории, что славянский язык «корень языка российского»; русский язык — лишь изменившийся во времени язык славянский. Отсюда название «славяно-российский язык», которым они обозначают язык русской письменности. Но славянская лексика в Словаре представлена в таком объеме, который значительно превышал круг славянских слов (и значений), реально функционировавших в высоком и среднем слоге русской письменности.

Соответственно слово как словарная единица представляет здесь результат сложения двух семантических систем. Упомянутое выше слово *зазор,* 2-е и 3-е значение которого специальны («У артиллеристов», «У каменщиков»), первым значением имеет славянское ‘стыд, посмеяние’, проиллюстрированное цитатой из Библии. Из 10 значений, отмеченных для слова *глас* с его русским («современным») коррелятом *голос,* лишь в трех значениях возможно употребление полногласной формы (голос животного, птицы; голос человека; голос в собрании, при баллотировке — последнее только в полногласной форме); в трех семантических рубриках (глас лиры; глас веселия; глас природы, крови) фиксируются значения, равно используемые в русской письменности и книгах церковных; четыре значения (‘моление’, ‘прошение’; ‘шум’; ‘церковный напев’; ‘гром’) принадлежат

к собственно славянской семантической системе и проиллюстрированы примерами из книг церковных.

Установление круга значений в книжном языке строилось в САР на анализе текстового материала. Круг текстов <…> был достаточно широк, чтобы зафиксировать эти значения с довольно большой (хотя и не исчерпывающей) полнотой. Первоначально текстовой материал относился почти исключительно к книгам церковным. <…> Потребность в текстах светской письменности очень скоро стала остро ощущаться составителями. В одном из собраний Академии (23 августа 1785 г.) было принято предложение А. С. Строгонова к примерам из церковных книг прибавлять примеры из книг светских. <…>

То обстоятельство, что к анализу текстов в САР обращались не фронтально, не для всей массы слов, было одной из причин пропусков реально функционирующих значений. Другой причиной этого была известная регламентация, осуществляемая по отношению к определенным разрядам слов. В лингвистической литературе неоднократно обращались к вопросу о степени отраженности в САР слов и значений просторечных и простонародных. По отношению к ним несомненно действовал отбор, основанный в какой-то мере на мотивах классовых.

Как и при отборе слов, критерий «всеобщего употребления» применен составителями по отношению к многим специальным (научным, техническим и т. п.) значениям слов и к употреблениям «местным» (областным). Но глубокий интерес членов САР к народному быту, собирание слов, относящихся к ремеслам и промыслам, были причиной включения в словарь многих народных слов и значений специального характера (народная терминология).

С этим же регулятором («всеобщее нынешнее употребление») подошли члены Академии к значениям метафорическим. Уже в «Начертании» была высказана мысль о том, что все обилие метафорических употреблений, появление которых связано с развитием идей и ростом литературы, словарь описать не может. <…>

<…> Критерий отбора семантических единиц в САР (исключая, может быть, разряд значений просторечных) действует и поныне при составлении словарей литературного языка.

Уже проделав работу по составлению двух частей Словаря, члены Академии так определили во введении ко II части характер производимых ими над словом операций: «Определить первой и точной смысл слов, наблюдать различныя тени их знаменования, выводить уклонения и прехождения в другой смысл, замечать их силу в знаменовании пословиц, поговорок и проч., сообразовать обозначения в науках, художествах, ремеслах, рукоделиях, промыслах и проч., с точным их употреблением» (САР II).

В этих формулировках обращает на себя внимание идея «выведения» смысловых различий слова из их «первого и точного смысла».

<…> Идея последовательного развертывания слова, когда каждое значение понимается как семантическая основа для последующих «уклонений» и «прехождений в другой смысл», а исходным пунктом всех последующих смысловых модификаций является «первый и точный смысл» слова, стоит в самой прямой зависимости от этимологического (словопроизводного) типа словаря, каким был САР. Она представляет преломление идеи производности в семантике. Здесь тоже речь идет о производстве, но не слов, а смыслов, «которое без размножения слов достигнуто».

Этимология была объектом самых сильных лингвистических увлечений века. И именно в этимологических штудиях зародилось внимание к семантическим «прехождениям» из смысла в смысл, которые, с одной стороны, могут совершенно затемнить первый «точный» смысл слова, но, с другой — если следовать по ним как по ступеням, позволяют обнаружить утраченный во времени, в истории первоначальный смысл, на котором только и должна строиться этимология. <…>

С точки зрения описания семантики система воззрений, сложившаяся в этимологических изысканиях, ценна несколькими важными методическими положениями: 1) учетом производимости одного значения из другого; 2) учетом связи между значениями одного слова как следствием такой производимости; 3) установлением того, что́ связи такой (при формальном подобии) не имеет и в одном «составе» не мыслится. Последнее предполагает решение вопроса о границах слова. В САР впервые возникает проблема омонимии в современном смысле этого слова.

Сама структура этимологического гнезда развела в разные «квартиры» слова, имеющие общий облик, но разное происхождение. Глаголы *Чту* ‘числю’ и *Чту* ‘читаю’ возглавили разные гнезда; глагол *чту* ‘почитаю’ введен в этимологическое гнездо слова *Честь* (сущ.). Одно имя действия *заплата* введено в гнездо, возглавляемое глаголом *Плачу́,* другое — введено в гнездо, возглавляемое словом *Плат.*

В САР за словарную форму глагола принято 1 л. ед. ч. наст. времени; один из основных резонов выбора этой формы, на котором особенно настаивал И. Болтин, — частое омонимическое совпадение форм инфинитива.

Направление словопроизводства было, как можно судить, постоянным ориентиром для составителей. <…>

Идея генетической выводимости «уклонений» в смысле слова была причиной того, что в качестве отдельных слов (омонимов) представлены в САР[1] и такие значения, которые утратили свои семантические стыки в ходе истории, хотя этимологическая общность их несомненна. Так, в гнезде *Чиню* ‘делаю, совершаю’ в качестве отдельных слов даны: *Чиню* ‘ветхое поправляю’ и *Чиню* ‘наполняю какую-нибудь пустоту’. <…>

В решении вопроса об омонимии в САР основным был критерий производности. С этим связано много верных решений относящихся к омонимии производных слов и слов «коренных», этимологически гетерогенных (*Град* и *Град, Брак* и *Брак, Штоф* и *Штоф* и т. п.). Что же касается производности смыслов, то наряду с правильными решениями здесь немало допущений произвольных. <…>

Четкого представления о границах слова требовала и принятая в словаре техника обозначения слов и значений. Первоначальным намерением составителей было по примеру Словаря Французской Академии и многих других словарей прибегнуть к технике повторения вокабулы при каждом значении многозначного слова. Но уже в 1786 г. секретарь Академии И. И. Лепехин предложил «слова одинакия в разных смыслах употребляемые, не в особливых ставить строках, но отличать их числами для сокращения в печати». <…> С тех пор вынесение вокабулы в ее словарной форме стало признаком особого, отдельного слова. Нумерация же как прием разграничения значений прочно укрепилась и в русской, и в западной лексикографии.

При новой технике факты омонимии и полисемии отграничились очень четко. Что же касается самой практики выделения омонимов, то САР (как и всякий словарь) не был строго последовательным: не хватало данных об этимологии, не были достаточно выясненными словопроизводственные отношения и направление словопроизводства, не хватало (при неполной текстовой базе) необходимых сведений обо всем наборе значений.[1] Но то обстоятельство, что при составлении САР был поднят вопрос об отдельности слова и его границах и что был найден ряд очень важных и верных решений, не подлежит сомнению. <…>

В своих наблюдениях над смысловыми «уклонениями» слова составители САР обратили внимание на ряд существенных языковых показателей полисемии и прежде всего на роль «сопряжения» слова с другими словами — на лексические и синтаксические связи слова. То, что многие современные лингвисты склонны считать одним из достижений теоретической семантики XX в., было уже предметом рассмотрения филологов XVIII в.

В заседании от 13 июня 1786 г. членами Академии было определено: «Чтобы в объяснении глаголов ставить падежи лица и вещи, которыми оных управляют в разных смыслах; ибо из сего различие знаменования глаголов будет ощутительнее. Бьюся с кем, деруся, сражаюся с кем. Бьюся обо что, на чем, ударяю сам себя обо что, повергаюсь на что и пр.». <…>

<…> Акад. С. Котельников — член объяснительного отряда, найдя неудовлетворительной статью *Играть,* перерабатывает ее, про-

---

[1] Ср. некоторые недопустимые с точки зрения принципов САР объединения значений: ***Ерыга****. 1. В простонар. человек промотавшийся и в бедность пришедший. 2. Большая редкая сеть, каковыми ловят в реке Урале красную рыбу <…>.*

ведя, в частности, строгий учет синтаксических связей различных значений глагола: ***Играю***.. *2. Во что или чем. Играть в жмурки. Малые дети играют всем, что им в руки попадет. 3. На чем. Играть на скрипке. 4. Что. Сегодня играли комедию и т. д.*

Способы указания на синтаксические связи в САР различны; очень распространен современный способ указания на управление перед определением значения в виде падежного вопроса <…>.

Указание на лексические связи слова реализуется в Словаре с помощью семантических уточнителей при определении. Эти уточнители ограничивают толкование сообразно объему значения и определяют ряд эквивалентов-сословов.

Ср. ***Несу***.. *2. * Говоря о буре и воде: силою, движением своим влеку с собою. 3* Относительно к должностям, обязанностям: отправляю, исполняю. 4. * В отношении к птицам: кладу яйца* <…>.

<…> В некоторые определения (см. статьи *Волокита, Глохну*) введены и уточнения грамматического характера, подчеркивающие специфику реализации значения в системе языка. К уточнениям такого рода, используемым наиболее регулярно, относятся: указание на безличность значения глагола, ограничения в употреблении форм лица («только 3 л.») и времени («только в прош. и буд.»), недостаточность глагола, для имени — изменение формы рода, преимущественное использование мн. числа (в Словаре обнаруживается тенденция выносить подобные значения в отдельные статьи: *Бабки, Баранчики и т. п.*), указание на собирательность, переход в иную часть речи и др.

Ср. ***Жаль***. *1. Жалость. 2. В виде наречия значит то же что Жалею.* <…> ***Грызу***.. *2. Говоря особенно о раздраженных собаках и других животных глагол сей в третьем лице употребляется и значит: рву, кусаю, уязвляю кого зубами*; ***День***.. *4. Во множественном числе означает жизнь*; *течение, время жизни, век*; ***Кирпич***.. *Иногда в виде имени собирательнаго единственное число означает множество кирпичей* и т. п.

Внимание к фактам и условиям языковой объективации значений многозначных слов — одна из замечательных сторон Словаря Академии Российской.

<…> САР впервые в русской лексикографии отмечает факты регулярной полисемии, в основе которых лежит скрещение планов лексической и грамматической семантики. Это относится прежде всего к разработке в САР приставочных глаголов. Для их описания здесь приняты типовые словообразовательные определения, характеризующие особенности протекания глагольного действия. Типовые, обобщенно-грамматические определения получили в САР и другие разряды производных слов, характеризующиеся устойчивыми семантическими отношениями производящей основы и аффикса: имена действия (***Сжинание.*** *Действие жнущаго и жнущих*; ***Сжатие.***

Исполненное действие жавшаго или жавших; ***Выжимание***. *Действие того, кто выжимает*; ***Выжатие***. *Исполненное действие выжавшаго*); имена на *-ость, -ство, -ствие, -ота, -ина* и др. со значением отвлеченного свойства, качества, состояния (*Жидкость*. *Свойство того, что жидко*; ***Горделивость***. *Качество гордаго, надменнаго*; ***Глухота***. *Состояние человека, лишеннаго слуха*; ***Гнилость***. *Состояние вещи, посредством гниения испортившейся*); имена, обозначающие действующее лицо по действию или по качеству, свойству, состоянию (***Жатель***. *Тот, который жнет*; ***Горделивец***. *Тот, кто гордится*; ***Горбун***. *1. Тот, кто имеет у себя горб*. *2. Тот, кто иногда горбится*); имена прилагательные на *-оват* со значением небольшой степени свойства (***Глуповатый***. *Несколько глуп*; ***Глуховатый***. *Несколько глух*) и др.

С большей или меньшей последовательностью выделены в САР при разработке относительных прилагательных регулярно повторяющиеся оттенки относительности: принадлежащий кому-чему, сделанный, изготовленный из чего, состоящий из… содержащий в себе… свойственный кому-чему (***Железный***.. *2*. *Из железа сделанный*; ***Гвоздичный***.. *2*. ***Из*** *гвоздики приуготовленный*; ***Глазетовый***. *Из глазета зделанный*; ***Голубиный***. *1. Принадлежащий голубю*. *2. Свойственный, приличный голубям* <…>.

<…> Было [проведено] объединение однокоренных слов с разными аффиксами но единым лексическим и типовым словообразовательным значением в одну словарную статью с общим определением (*Задвигание* и *Задвигивание*; *Удачливо* и *Удачно*; *Дѣдовство* и *Дѣдство*; *Маковица* и *Маковка*; *Переметчик* и *Переметник*; *Метелица* и *Метель*; *Маковый* и *Маковный*).

В этом же плане стоит решение САР давать уменьшительные имена при положительных, имена женские при мужских <…>.

Выделение типовых словообразовательных значений, объединение в пределах одной словарной статьи словообразовательных синонимов, разработки типовых определений для слов, объединяемых отношениями регулярной полисемии, прочно вошли в практику русской лексикографии.

Следует однако иметь в виду, что найденные решения при просмотре текста Словаря оказываются проведенными не вполне последовательно <…>.

Это относится и к постулируемому в «Начертании» требованию различать значения точное и распространенное, собственное и метафорическое. В САР не проведено сколько-нибудь отчетливой грани между смыслами распространенными и метафорическими. Усвоенная для указания на метафорическое значение звезда (*) часто вводит и другие виды «дальнейших» значений; типичные метафорические значения иногда не снабжаются этим знаком. <…>

Однако эти отклонения и частные просчеты ни в коей мере не делают менее ценными выдвинутые авторами САР семантические

категории и противопоставления, получившие дальнейшее развитие в лексикографии XIX–XX вв. (проблема номинативно-производных значений и переносности).

Представление о разработке семантики многозначных слов было бы неполным без учета той особой рубрики Словаря, которую составляют так называемые «речи» или «вещания». Состав этой рубрики был неоднороден. Е. Э. Биржакова <…>, анализируя виды входящих в нее выражений, наметила группы: 1) пословицы, поговорки, присловицы, 2) терминологические сочетания, 3) фразеологические выражения, идиоматика.

Нам представляется, что среди «вещаний» следует выделить ещё одну группу <…>. Среди «уклонений» смысла многозначного слова составители САР выделяли такие, которые слово получало в единичном или очень ограниченном числе контекстов. Значения слов, реализуемые в таких уникальных или жестко ограниченных контекстах (в современной лексикологии называемые обычно фразеологически связанными), демонстрировались в САР, как правило, за пределами основного корпуса значений. Описываемое слово при этом давалось вместе с контекстом, т. е. в пределах словосочетания. Толкование при подобного рода «вещаниях» падало лишь на одно слово (под которым и выделялось вещание), а не на все выражение в целом, ибо обобщенного смысла в таких сочетаниях не возникало, по своему характеру они аналитичны. Второе слово сочетания (подобные словосочетания большей частью двучленны) входило в определение в собственном виде (или — передавалось ближайшим синонимом), а иногда опускалось вообще.

Ср. *Легкий сон. Сон некрепкий, неглубокий*; *Легкий слог. Слог плавный, естественный*; *Легкий воздух. Чистой, хороший.*

Бью масло. Выжимаю масло в станке; *Бью сваи. Вколачиваю, колочу сваи*; *Бью металл. Расколачиваю в листы. Глухая ночь. Поздные часы ночи*; *Глухой переулок. Переулок из которого нет выходу*; *Глухое окно. Которое не открывается или токмо для виду, для соразмерности зделано.* <…>

Смыслы слов, определяемые в таких контекстах, представляют собою дальнейшее развитие смыслов, фиксируемых в статьях в рубриках значений.

Выделение подобного рода «вещаний» в САР следует, видимо, ставить в связь с практикой Словаря Французской Академии <…>.

Делать кому подарок: дарить кого; *Делать угрозы: грозить*; *Делать честь, отличие, разбор: чествовать, отличать, разбирать, давать преимущество*; *Делать нападение: нападать*; *Делать уверения: уверять кого в чем*; *Делать описание: описывать* и т. д. <…>

Среди вещаний, для которых в САР даются толкования подобного обобщенного смысла, скрываются многие типичные смысловые

«уклонения» главного слова словосочетания, имеющие право на помещение их среди значений слова, тем более что связаны они зачастую и не с уникальным контекстом.

Ср.: *Делить скуку, несчастие, печаль с кем*. Значит: *брать участие, участвовать в несчастии, в печали.*

<…>

Мы остановились в настоящей статье лишь на части вопросов, касающихся семантики и семантической разработки слова в САР. Но и эта часть позволяет, как кажется, судить о глубоком проникновении авторов этого словаря в вопросы, относящиеся к семантической структуре слова. Обилие новаторских решений, подхваченных последующей лексикографической традицией, связано прежде всего с этимологическим характером словаря. Эта форма более, чем какая-либо другая, ставила во главу угла идею развития и взаимосвязанности вытекающих друг из друга и объясняемых друг из друга языковых явлений. Она открыла перед составителями много таких сторон слова, которые в азбучном словаре могли остаться незамеченными. Сама идея рассмотрения слова на фоне всего словарного состава, единицы на фоне целого принадлежит к ценнейшим достижениям САР. «Разбирать слова вне их союза поставленные, — писали его авторы, — есть дело не токмо скучное, но и малоуспешное» (САР II, предисловие). Рассмотрение явления в совокупности его связей с другими явлениями является одной из важнейших сторон истинно научного подхода к объекту изучения. Таким истинно научным подходом отличается Словарь Академии Российской — первый в цепи лексикографических трудов, имеющих право называть себя академическими.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ЖИВО́ТЪ, та́. с. м. **1**) Въ Сл. языкѣ значитъ то же, что *Жизнь* въ первомъ [состояніе, въ которомъ находится человѣкъ, когда душа его соединена бываетъ съ тѣломъ <…>], второмъ [берется за продолженіе соединения души съ тѣломъ, т. е. за все время, продолжающееся отъ начала рожденія до дня смерти: иначе В ѣ к ъ] и третьемъ [образъ житія въ отношеніи къ нравамъ и поведенію] значеніяхъ. а) *Господь защититель живота моего.* Псал. XXVI. 1. *Вземлется отъ земли животъ его.* Дѣян. VIII. 33. *Дароватъ кому животъ. Лишить живота:* т. е. умертвить. *Лишиться живота:* т. е. умереть. *Сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились.* М. Л. б) *Изчезе въ болѣзни животъ мой.* Псал. XXX. II. <…> *Запись сія сдѣлана еще при животѣ покойнаго моего родителя.* в) *Тесный путь вводяй въ животъ.* Мат. VII. 14. <…> *Всякъ человѣкоубийца не имать живота вѣчнаго.* Іоан. III, 15. <…> **2**) Въ простомъ употребленіи. Означаетъ ту пустоту тѣла у животныхъ, въ которой содержатся кишки, печень, селезенка, желудокъ и проч. Въ семъ знаменованіи употребляется и уменьшительное *Живо́тикъ*, ка <…> *Рѣжетъ животъ.* <…> *Болитъ животикъ.* **3**)* Значитъ: пожитки, имѣніе, стяжаніе, добро; и въ семъ знаменованіи употребляется только въ

множ. числѣ. *Животы его всѣ сгорѣли, покрадены ворами. А которые всякихъ чиновъ люди учнутъ на комъ искати бѣглыхъ своихъ крестьянъ и ихъ крестьянскихъ животовъ, а налишетъ въ иску тѣхъ крестьянскихъ животовъ рублевъ на пятьдесятъ и больше.* Улож. Ц. А. М. гл. XI. 25.

Надорва́ть, надсади́ть живо́тъ. 1) Отъ усилія причинить вредъ въ животѣ. *Таща тяжелую ношу надорвалъ, надсадилъ животъ*. 2) Отъ чрезвычайнаго смѣха возчувствовать въ животѣ боль. *Такъ много шутилъ, что всѣ животы* или *животики надорвали*.

Безъ живота́ ста́лъ. Образъ вѣщанія изъявляющаго чрезмѣрную усталость отъ несенія или тащенія чего не по силѣ. *Неся мѣшокъ муки безъ живота сталъ. Таща чурбанъ безъ живота сталъ.*

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный[1]

ЖИВО́ТЪ, та́, с. м. 2 скл. 1) Жизнь. *Господь защититель живота моего*. Псал. 26. 3. *Узриши благая Іерусалима во вся дни живота твоего*. Псал. 127. 6. *Даровать кому животъ. Лишить живота. Наслѣдовать, получить животъ вѣчный.* 2) Въ простомъ употребленіи означаетъ ту пустоту тѣла у животныхъ, въ которой содержатся кишки, печень, селезенка, желудокъ и проч. Въ семъ знаменованіи употребляется в уменшительное: *Животикъ*, ка. *Рѣзъ въ животѣ. Болитъ животъ.* 3) * Пожитки, имѣніе, стяжаніе, добро: въ семъ знаменованіи употребляется токмо во множественномъ числѣ. *Животы его всѣ сгорѣли, покрадены. Крестъянскіе животы.* Улож. Ц. А. М. гл. II. 25.

Надорвать, надсадить животъ. 1) Отъ излишняго усилія причинить поврежденіе въ животѣ. *Таща тяжелую ношу, надорвалъ, надсадилъ животъ.* 2) Отъ чрезвычайнаго и продолжительнаго смѣха почувствовать боль въ животѣ. *Такъ много шутилъ, что всѣ надорвали животы. — Безъ живота сталъ.* Образъ выраженія, изъявляющаго чрезмѣрную усталость отъ несенія или тащенія чего не по силѣ. *Таща, неся большой чурбанъ, безъ живота сталъ*.

Вопросы и задания

1. Какие вопросы лексической семантики и значения слова получили лексикографическое решение в САР?
2. Какие слова использованы в Проекте САР для обозначения понятий «лексическое значение», «исходное значение» — «производное значение», «прямое значение» — «переносное значение»?
3. Сформулируйте значение САР для теории и практики лексикографии и приведите примеры из современных толковых словарей, отражающих лексикографические традиции, заложенные в САР.

[1] Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822. Словарь является 2-м изданием Словаря Академии Российской (1789–1794).

4. Сопоставьте лексикографическое описание слова *живот* в Словаре Академии Российской и в Большом академическом словаре русского языка (БАС Т. 5, М.; СПб., 2006 г.).

Словарь церковнославянского и русского языка[1]

И. И. Срезневский

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. Санкт-Петербург. I–IV, 1847[2]

<…> Отделение Академии поставило в основание своих начальных распоряжений два труда — издание русской грамматики и словаря церковнославянского и русского языка.

К этому времени собрано было и объяснено, большею частию неполно, около 65.000 слов, почти столько же оставалось нетронутыми; только при немногих из собранных слов приложены были пояснительные выражения из памятников языка старых и новых, всего менее из писателей; старинный русский язык вообще не был разработан, народные наречия почти тоже <…>.

2-е Отделение Академии Наук, задумавши о словаре, должно было стараться об удовлетворении разом двух различных надобностей: и надобности словаря хорошего, полного, удовлетворительного для тех, которые не могли довольствоваться изданными прежде, и общей надобности словаря, хотя бы даже и не лучше прежних, т. е. и предположить себе труд огромный, требующий больших предварительных приготовлений, и вместе поспешить изданием книги в свет.

Соединяя в кругу своем несколько опытных знатоков языка русского и старославянского, 2-е Отделение могло ускорить свои работы; но при том состоянии русской лексикографии, в каком начало оно свой труд, не могло оно в короткое время исполнить всего своего долга, — и должно было выбрать что-нибудь из двух: или заняться окончательно полным словарем, не думая о времени, или, поспеша изданием в свет книги, в которой все нуждаются, оставить на будущее время полное усовершенствование и ограни-

[1] Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. / сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847.

[2] Русское слово. М., 1986.

читься теми только улучшениями, какие были исполнимы в короткое время.

2-е Отделение выбрало последнее: «принимая в особенное уважение безотлагательную потребность в словаре, оно употребило все зависевшие от него средства к ускорению составления вместе печатания сей книги». Кто из русских, знающих пользу нашего народного просвещения, не согласится, что решение 2-го Отделения показывает только его благородное стремление сочувствовать нуждам общественным и принимать в них деятельное участие. Наука от этого не могла потерять навсегда ничего: будущее осталось для нее, и еще с большими надеждами на успех. С 1842 года Отделение начало заниматься словарем, в 1842 году положено начало печатанию первого и второго тома, в 1843 году — третьего и четвертого, а в 1847 году все четыре были совсем окончены. В продолжение пяти лет кончен огромный труд, заключающий в себе почти 115 000 объясненных слов на 245 печатных листах…

В предисловии к словарю довольно подробно изложены основания, принятые за руководство при его составлении. Передавая их здесь, мы позволим прибавить к ним от себя несколько замечаний.

«При рассуждениях об издании словаря представились следующие вопросы: 1) Не полезнее ли, прежде приступа к составлению его, издать лучших писателей наших и составить для каждого из них особый словарь, подобно как составлены были предварительно частные словари к греческим и римским классикам, а потом уже приготовлялись общие словари греческого и латинского языков? 2) Не следует ли, при настоящем издании словаря, ограничиться одним новым языком, от эпохи Петра Великого до нашего времени, не смешивая его ни с церковнославянским, ни со старинным русским?»

«По внимательному исследованию вопроса Отделение находило, что порядок, употребленный при составлении словарей мертвых классических языков, где почти каждое слово должно иметь опору в авторитете одного из писателей, едва ли вполне и с удобностию может быть применен к словарю языка, живущего в устах многочисленного народа и, следовательно, изменяющегося и в объеме, и в составе, и в формах; по крайней мере, не видно, чтобы такой способ составления словаря был с успехом приведен в действие в отношении к какому-либо из новейших языков. С другой стороны, невозможно найти достаточных ссылок на отличных писателей наших при объяснении знаменования большей части слов и необходимо в дополнение к тому приводить особые примеры употребления их из общежития, поговорок, пословиц и т. п. При таких обстоятельствах исполнение означенного предположения имело бы еще и ту невыгоду, что отдалило бы на неопределенное время издание словаря, в котором настоит крайняя надобность».

Одна эта последняя причина достаточно оправдывает решение Академии. Впоследствии времени Академия, продолжая свои труды,

приблизит их наконец и к тому, что надобно будет выследить каждое слово по тем авторитетам, которые могут определить его значение. Эти авторитеты — не одни «отличные писатели», в ряд которых могут иногда попасть и временщики литературы, худо знающие язык, и те, которые, отличаясь глубокомыслием и определенностию выражения, не могут согласить своего образа выражения с общими понятиями о чистоте и изяществе слога,— во всяком случае, наконец, писатели прежнего времени, которых язык устарел…

Такие же важные авторитеты для объяснения слов заключаются в старинных памятниках письменности — в книгах, посвященных разным специальным предметам, в законах — в говоре общественном, в говоре простого народа — в памятниках устной словесности народной. Авторитет писателя даже не так важен, как некоторые другие, менее подвижные, менее зависящие от частной личности и личного вкуса, понятий, знаний и т. п. Издать предварительно все эти источники было бы, конечно, полезно; но это заняло бы множество времени и труда, тогда как и по готовым изданиям можно выбрать из них все, что нужно.

«Столь же неудобно, по мнению Отделения, и преждевременно было бы решительное разделение русского языка с церковнославянским, потому что стихии того и другого доселе еще тесно связаны между собою. Может очень легко случиться, что слово, принадлежащее церковнославянскому языку, которого мы не найдем сегодня в избранных нами сочинениях, завтра будет употреблено весьма удачно каким-либо писателем и таким образом войдет в область языка русского. Где же черта разграничения между сими двумя языками? И совместно ли было бы с существенною пользою русского языка прекратить позаимствования из церковнославянского, которые еще и ныне продолжаются с очевидным успехом? При том нельзя упустить из виду, что исключение объяснения слов в смысле церковнославянского языка стеснило бы насильственно круг их знаменования и затмило их значение, что, конечно, послужило бы ко вреду основательного знания отечественного языка. Из сего следует, что в положительном разъединении русского языка с церковнославянским, весьма затруднительном в настоящих взаимных отношениях их, не представляется особенной надобности. Досточно означить в словаре, какое именно слово принадлежит церковнославянскому, какое русскому новейшему, и русскому старинному языку».

Нельзя не согласиться с замечанием Отделения, что стихии языка старославянского и русского доселе еще тесно связаны между собою. Можно сказать даже более: совершенное очищение русского языка от элементов старославянских, если и возможно, то нераздельно вместе с переворотом, который должен потрясти все основания литературы и говора образованного общества. Оно так же тяжело, как очищение языка английского от примеси французской.

Отвергнув стихию старославянскую, мы должны отвергнуть все предание, всю историю нашего языка, всю литературу и, прежде чем

удачно заменятся слова старославянского образования чистыми русскими, потерять половину слов, нами употребляемых в литературе и разговоре. Избегать слов старославянских можно, говоря о предметах, доступных знанию и мышлению простого народа, и то при особенном настроении ума и при хорошем знании языка.

Образованное общество даже свой обыденный разговор не может ограничивать в кругу чисто русских выражений; а наука без помощи слов, образованных по-старославянски, не может выразить главных своих положений. Стихии этих двух наречий смешались у нас до того, что мы с трудом отличаем их, что мы скорее сочтем старославянскими слова русские устарелые, чем старославянские, ежедневно употребляемые. И едва ли не без права мы считаем своим то, что строгой науке кажется не нашим: усвоивши себе наречие славянское, как орудие литературы, мы развили его не только для литературы, но и для общественной жизни, обогатили его множеством слов и выражений, не занявши их из нашего собственного народного наречия, а извлекши их из их родной почвы, только возделавши эту почву.

Отделите от старославянского наречия то, что выработано в нем русскими, и оно представится почти так же неполным, как наше народное наречие без своей старославянской части. Не мы одни смешали в понятии своем старославянское наречие с нашим собственным: другие славяне, напр. сербы, болгары, до того отождествили их, что, почитая себя вправе обогащать свой литературный язык старославянским, пользуются, как старославянским, всем русским, забывая, что русские, усвоивши себе старославянское наречие, применили его к своему собственному, изменили его для себя по-своему. Несмотря, однако же, на все это, нельзя смешать старославянского наречия с русским совершенно безусловно.

Самая измененность первого у русских показывает, что нам принадлежит только та часть его, которая принята, изменена и возделана нами. Как лексикограф французский не в праве включить в свой словарь французский всего латинского словаря, а только ту часть, которая вошла в его язык, так и лексикограф русский должен ограничиваться только тою частию языка старославянского, которая усвоена русскими.

Близость наречий позволяла быть нам смелее в смешении их одного с другим; но составитель словаря все же не может быть смелее писателей и народа, не может включать в словарь русский того, что не употребляется или не употреблялось в наших книгах или в нашем народе. Полный старославянский словарь есть дело совершенно особенное, предполагающее совершенно другого рода приготовление и во внешнем виде даже — другое правописание.

Впрочем, так как словарь, изданный Отделением Академии, должен по необходимости заменять собою недостаток словаря старославянского, то скорее можно благодарить Отделение за внесение слов, не принадлежащих русским, чем укорять его за излишнее рас-

пространение пределов своего труда. При том же и не все слова старославянского наречия вошли в этот словарь: Отделение ограничилось в этом отношении почти исключительно кругом церковной письменности русской.

Что касается слов собственно русского языка, старого и нового, письменного и изустного, то хотя Отделение и сознавало, что «словарь должен быть сокровищницею языка на протяжении многих веков от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности», однако же отчасти преднамеренно, отчасти от поспешности издания не включило в свой словарь всего, что можно было бы надеяться найти в нем. Сознавая, что «словарь не есть выбор, но полное, систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа», Отделение положило за правило «помещать в словаре вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования»; но обстоятельства заставили допустить в этом правиле некоторые ограничения.

<…>

Что касается объяснений, то в этом отношении Отделением приняты для словаря след. правила:

— «Определение значений слов составлять со всею логическою точностию и краткостию.

— Не обременять слов излишними примерами, а ставить только необходимо нужные для показания истинного значения их, особливо при словах малоизвестных или искаженных злоупотреблением.

— Объяснение слов церковнославянского языка подтверждать примерами из книг священного писания, богослужебных и вообще церковных.

— Сокращать грамматические и всякого другого рода объяснения и отметки.

— При всех вообще словах, вносимых в словарь, сперва ставить грамматические объяснения, потом логическое определение их значения, сословы или подобнозначащие слова и примеры. Слова объяснять как в собственном, так и в переносном смысле; переносный смысл означать звездочкою, причем присовокуплять все особенные выражения. Выражения, составляющие особенности языка, от определений и примеров отделять чертою.

— При словах иностранных, которым есть равносильные русские, делать только ссылки на последние, куда и относить определения и объяснения.

— Названия животных, растений и ископаемых оставлять без определений, прибавляя к ним только латинские их наименования.

— При именах существительных означать род и окончание их в родит. падеже, при именах прилагат. — усечения, также женское и среднее окончание, а при глаголах — первое лицо и окончание вто-

рого в настоящ. времени изъявит. наклонения, все виды и залог, управление глаголов показывать в примерах».

Не повторяя того, о чем было уже сказано в этой статье выше, нельзя не согласиться, что большая часть этих правил придуманы и выражены верно и с пользою для употребляющих словарь. Обстоятельства мешали применить их в словаре к каждому слову одинаково: не везде есть сословы, где бы могли быть прибраны; не везде есть примеры, где они были бы так же необходимы, как в других словах, к которым приложены, и т. д.; но ко множеству слов правила применены очень тщательно, особенно к словам книг церковных и старинных русских, для которых очень часто и примеры приведены с большим знанием прежних словарных трудов и знанием самого дела.

Сравнивая этот новый словарь с теми, которые прежде были изданы, видим, что хоть он и не заменил их вполне, но зато, с другой стороны, дал в себе место очень многому, чего в них не было. Именно:

— «Он объяснил множество старинных русских слов, означа даже места, где они употреблены. Не исчерпан еще весь запас старого русского языка; но едва ли не большая половина его вошла уже в него.

— Он почти совершенно исчерпал язык церковных книг.

— Он обратил внимание на очень многие замечательные слова областные и вообще простонародные.

— Он внес в себя многое из языка литературного, что прежде не было замечено.

— Он старательно отличил различные смыслы очень многих слов, оставивши в этом отношении прежние словари далеко позади себя».

Вообще, вместивши в себя около 115 000 слов, следовательно, умноживши прежде собранный материал почти вдвое, почти на столько же он и обработал этот материал. Не везде обработка равномерна, не во всех частностях словарь одинаково последователен; но едва ли можно этого требовать от какого бы то ни было словаря и тем менее от словаря, изданного обществом и в такое короткое время. Этим словарем 2-е Отделение доказало свое ревностное усердие в деле, столь общеважном, и позволило надеяться, что отечественное слово будет им по времени разрабатываемо с той разнообразною пытливостию, какой оно достойно, как драгоценное достояние и памятник нашей народной образованности.

<…>

В предыдущей статье было показано, что́ сделано в этом словаре. Многим умножил и улучшил он запас материалов; но многое остается и впереди для трудов Академии и для трудов тех лиц, которые в силах сочувствовать высокой цели ее забот и усилий.

Так, мы видели, что, несмотря на огромность запаса, собранного в словаре, он не заключает в себе все, что должно бы в нем быть. Хотя 2-е Отделение Академии и предназначило его для всеобщего

употребления, но не ограничило его в тесном круге языка современной литературы и образованного общества. Напротив того, оно внесло в него элементы славяно-церковный и старорусский, термины научные и технические и выражения простого народа. Этим расширением границ словаря оно предположило для него назначение более важное — сделать им первый опыт общей сокровищницы (thesaurus) русского языка. Достигая этой цели, несмотря на всю поспешность работ, Отделение успело внести в свой словарь 115 000 слов, почти вдвое против того, что было вносимо в русские словари прежде; тем не менее даже по самой кратковременности, с которой дело было приводимо к концу, не говоря о других причинах, невозможно было избегнуть пропусков: дополнения возможны и необходимы и в элементе славяноцерковном, гораздо более в старорусском, еще более в терминологическом, еще более в простонародном.

Вместе с пропусками неизбежно должны были вкрасться и погрешности в определении слов, и недосказанности в их объяснениях примерами. Всей работы улучшать словарь станет вдоволь на много и много рук, а чем больше их будет, тем лучше…

Наши филологи, между которыми есть и филологи ex professo — преподаватели словесности русской, наши историки и ученые юристы равным образом могут по частям обработать старорусскую часть словаря. Наши специальные ученые — математики, естествословы, врачи, экономисты и т. д., каждый по своему предмету, легче всякого другого могут заметить, чего недостает в словаре из части языка, им более известной.

Наши литераторы и другие образованные люди, между прочим и провинциальные преподаватели русского языка, знающие или изучающие случайно или по влечению тот или другой местный говор, то или другое наречие, могут обогатить словарь огромным материалом слов и выражений областных. Каждый говор местный, каждая отрасль знаний, каждое искусство и ремесло, каждый век, каждый писатель, каждая не прочитанная для словаря книга, каждый памятник языка может быть материалом для обогащения словаря посильным собранием слов, посильно объясненных.

Только вследствие частных разработок этих материалов каждого отдельно, может наконец словарь, как общая сокровищница языка, приблизиться к достижению желаемой полноты. Долг Академии пользоваться этими трудами, поверять их один другим, оценить их, привести в порядок; но ни в какой стране не может она совокупить в своем круге всю эту разнородную деятельность, для которой нужны тысячи умов и всевозможное разнообразие отношений к народу.

<…>

У нас нет еще словаря языка старославянского, составленного по древним памятникам, словаря — с правильным старославянским правописанием и с объяснением слов по тем подлинникам, с которых

переводились старославянские переводы. Есть только словоуказатель г. Востокова к Остромирову Евангелию и Корнеслов Миклошича: то и другое может послужить пособием.

<…>

У нас нет ни словаря наших летописей, ни словаря наших старинных актов, ни тем менее общего словаря старорусского языка, столь необходимого для литераторов, для историков, для юристов. Как бы хорошо было составить хотя подробные словоуказатели к нашим древним и старым памятникам, чтобы было средство хотя с помощию их добираться до значения непонятных слов и выражений. Одно только Слово о полку Игореве издано г. Дубенским с таким указателем. Подобный указатель к любому из памятников был бы всегда ценным пособием для каждого из наших филологов, не приготовивших их для своего личного употребления.

У нас нет словаря ни для одного из местных наречий наших. Есть материалы в трудах обществ, в журналах, но все разбросаны, и притом материалы не для полного словаря, а для идиотикона. В полный словарь наречия должны входить все слова, употребляемые в наречии, как бы ни были они общеизвестны, и словарь такой никогда не может быть удовлетворителен, если в нем не сохранены оттенки выговора слов и оттенки их смысла с подробным описанием предметов и действий, с объяснительными примерами из песен, сказок, пословиц и т. д.

У нас нет словаря иностранных слов, которые употреблялись и употребляются в русском языке — по нужде и без нужды. Словарь этот, хорошо составленный, необходим и для истории, и для литературы, и для житейского обихода. В последнем отношении он был бы очень полезен, если бы, будучи составлен человеком со вкусом и хорошо знающим русский народный язык, представлял при иностранных словах слова русские, которыми можно или должно было бы их заменить.

У нас нет даже того, что всего более необходимо,— словаря языка новой литературы и образованного общества, к которому мог бы обращаться всякий, кто сомневается, как выразить то, что нужно выразить, с указанием выражений лучших писателей, слов однозначащих и подобнозначащих и т. д.

<…>

У нас нет, наконец, хорошего этимологического словаря. Кто чувствует себя в силах, пусть берется и за этот труд, как за труд, достойный благодарности и славы. Тяжело преодолеть все трудности, соединенные с составлением этого словаря, и одна из трудностей, непреодолимых никакою ученостию и никаким прилежанием, есть недостаток материалов и по языку русскому, и еще более по другим наречиям славянским; впрочем, и при помощи того, чем уже можно пользоваться, при помощи, с одной стороны, Словаря Академии, с другой — словарей Линде, Юнгмана, Вука, Белостен-

ца, Мурка и других, можно сделать дело очень полезное, если только за него возьмется ученый, знакомый с современными открытиями филологии сравнительной и не доверяющий своему воображению.

Словом, лишь только была бы охота заняться, будет чему посвятить целую жизнь, никому не мешая, ни с кем не соперничая. Нельзя, впрочем, не желать, чтобы при настоящем положении филологии и литературы в России более трудились над дополнением и исправлением собранных материалов, чем над их систематической обработкой. В Словаре Академии находят недостатки: чего же лучше, как не отмечать их не в общих выражениях, а подробно, следя их в словаре со страницы в страницу, кто как может. Та благородная любовь к отечественному слову, которая постоянно одушевляет деятельность 2-го Отделения Академии, всегда заплатит благодарностию всякому, кто будет заботиться о пользе общей и об успехе русской филологии так же, как оно заботится. А пока кто что сделает, вся надежда на улучшение словаря и на издание словарей дополнительных все же остается за Академией, никто лучше ее не понимает того, что нужно делать, — и никто более не делает.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ЖИВО́Т, á, *с. м.* **1)** *Церк.* Жизнь. *Узриши благая Іерусалима вся дни живота твоего.* Псалом XXVI, 3. *Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не в гости, но живота спасая*. Крылов. **2)** Утроба; часть тела, в которой содержатся кишки, печень, селезенка, желудок и проч. *Рѣзь въ животѣ. Животъ болитъ*.

— ***Надорва́ть, надсади́ть живо́т***, зн. а) причинить повреждение в животе излишним усилием. *Таща тяжелую ношу, надорвалъ животъ*; б) от чрезвычайного и продолжительного смеха почувствовать боль в животе. *Онъ такъ много шутилъ, что всѣ надорвали животы.* — ***Без живота стать***, зн. Чрезвычайно устать, надсадиться. *Неся большой чурбанъ, безъ живота сталъ*.

ЖИВОТЫ́, о́въ, *с. м. мн*. Пожитки, имение. *Крестьянские животы*. Уложение царя Алексея Михайловича, 23. *Животы смерть покажетъ*. Посл. *Всѣ его животы сгорѣли*.

Вопросы и задания

1. Какова была основная задача составителей Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г.?
2. Докажите, что Словарь 1847 г. — «систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа».
3. Как И. И. Срезневский оценивает состояние русской лексикографии в России середины XIX века?
4. Сопоставьте состояние русской лексикографии, данное И. И. Срезневским, с современным.

В. И. Даль
Толковый словарь живого великорусского языка[1]

В. И. Даль
Напутное слово[2]

<…>

Если и говорится, что голова хвоста не ждетъ, то наша голова, или наши головы умчались такъ далеко куда-то въ бокъ, что едва ли не оторвались отъ туловища; а коли худо плечамъ безъ головы, то некорыстно же и головѣ безъ тула. Примѣняя это къ нашему языку, сдается, будто головѣ этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы увѣрены, что руской речи предстоитъ одно изъ двухъ: либо испошлѣть до-не́льзя, либо, образумясь, своротить на иной путь, захвативъ притомъ съ собою всѣ покинутые второпяхъ запасы.

Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ даровитыхъ писателей, не ясно ли, что они избѣга́ли чужеречій; что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ? А какъ Пушкинъ цѣнилъ народную речь нашу, съ какимъ жаромъ и усладою онъ къ ней прислушивался, какъ одно только кипучее нетерпѣние заставляло его въ то же время прерывать созерцанія свои шумнымъ взрывомъ одобреній и острыхъ замечаній и сравненій — я не разъ бывалъ свидѣтелемъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи пишущій строки эти полагаетъ, что пришла пора подорожить народнымъ языкомъ и выработать изъ него языкъ образованный. Народный языкъ былъ доселѣ въ небреженіи; только въ самое последнее время стали на него оглядываться, и то какъ будто изъ одной снисходительной любознательности[3]. Одни воображали, что могутъ сами составить языкъ изъ самодѣлковыхъ словъ, скованныхъ по образцамъ славянскимъ и греческимъ; другіе, вовсѣ не заботясь объ изученіи своего языка, брали готовыя слова, со всѣхъ языковъ, гдѣ и какъ ни попало, да переводили дословно

---

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1880–1882.

[2] Читано въ Обществѣ Любителей Руской словесности въ Москвѣ, 21 апрѣля 1862 г.

[3] Въ этом отношеніи за Руской Академией большая заслуга: изданіе областного словаря; но онъ изданъ сырьемъ, какъ запасы были доставлены, без всякой критики. Это не трудъ ученаго братства, а весьма важный подарокъ, не входившаго въ разсмотрѣніе рукописи, издателя.

чужіе обороты речи, безсмысленные на нашемъ языкѣ, понятные только тому, кто читаетъ нерускою думою своею между строкъ, переводя читаемое мысленно на другой языкъ.

Знаю, что за мнѣние это составителю словаря несдобровать. Какъ смѣть говорить, что языкъ, которымъ пишутъ оскорбленные таким приговоромъ писатели, языкъ нерускій? Да развѣ можно писать мужицкою речью Далева словаря, отъ которой издали несетъ дегтемъ и сивухой, или покрайности квасомъ, кислой овчиной и банными вѣниками?

Нѣтъ, языкомъ грубымъ и необразованнымъ писать нельзя, это доказали всѣ, рѣшавшіеся на такую попытку, и въ томъ числѣ, можетъ быть, и самъ составитель словаря; но изъ этого вовсе не слѣдуеть, чтобы должно было писать такимъ языкомъ, какой мы себѣ сочинили, распахнувъ ворота настежь на западъ, надѣвъ фракъ и заговоривъ на всѣ лады, кромѣ своего; а изъ этого следуетъ только, что у насъ еще нѣтъ достаточно обработаннаго языка, и что онъ, не менее того, долженъ выработаться изъ языка народнаго. Другаго, равнаго ему источника нѣтъ, а есть только еще притоки; если же мы, въ чаду обаянія, сами отсѣчемъ себѣ этотъ источникъ, то насъ постигнетъ засуха, и мы вынуждены будемъ растить и питать свой родной языкъ чужими соками, какъ то дѣлають растения тунеядныя, или прищепой на чужомъ корню. Пусть же всякъ своимъ умомъ разсудитъ, что изъ этого выйдеть: мы отделимся вовсе отъ народа, разорвемъ послѣднюю съ нимъ связь, мы испошлѣемъ еще болѣе въ речи своей, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому; мы убьемъ и погубимъ паслѣднія нравственыя силы свои въ этой упорной борьбѣ съ природой, и вѣчно будемъ тянуться за чужимъ, потому что у насъ не станетъ ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего роднаго слова.

<…>

И вотъ съ какою цѣлью, въ какомъ духѣ составленъ мой словарь: писалъ его не учитель не наставникъ, не тотъ, кто знаетъ дѣло лучше другихъ, а кто болѣе многихъ надъ нимъ трудился; ученик, собиравшій весь вѣкъ свой по крупицѣ то, что слышалъ отъ учителя своего, рускаго языка. Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего роднаго слова, привести ихъ въ стройный порядокъ и поставить полный, хорошій словарь; но безъ подносчиковъ палаты не строятся; надо приложить много рукъ, а работа черна, невидная, не корыстная…

Съ той поры, какъ составитель этого словаря себя помнитъ, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ, а стало быть и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое-то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и

повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая налету родныя речи, слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ, безъ всякой иной цѣли и намѣрѣнья, какъ для памяти, для изученья языка, потому что они ему нравились. Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого нибудь сорвалось съ языка — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ либо замечательное слово — а сло́ва этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское! Прошло много лѣтъ, и записки эти выросли до такого объема, что, при бродячей жизни, стали угрожать требованьемъ особой для себя подводы[1]. Пришлось призадуматься надъ ними, и рѣшить, хламъ ли это, съ которымъ надо развязаться, сваливъ его въ первую сорную яму, или хламъ этотъ рядъ дѣлу и съ добрымъ притворомъ пойдетъ въ квашню, и дастъ хлѣбы, и насытитъ?

Просмотревъ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ сору накопилось много хлѣбныхъ крупицъ, которыя, по рускому повѣрью, бросать грѣшно.

<…>

Что же дальше дѣлать? очевидно, надеяться на Бога да на себя, и самому приниматься за дѣло; я зашелъ слишкомъ далеко и дѣваться некуда, бросать всѣхъ запасовъ этихъ нельзя.

Собиратель не пугался того, что на дѣло это едва ли станетъ всего остатка жизни его, предоставивъ разъ навсегда заботу о жизни и смерти провидѣнию; но онъ робѣлъ передъ трудностію задачи, считая ее непосильною для себя, и потому счелъ нужнымъ обсудить и взвесить напередъ безпристрастно силы и средства свои, то есть познанія и способности. Оказалось наповѣрку, что первыхъ, для глубокаго ученаго труда, было недостаточно, и именно недоставало общих познаній языковѣденья и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть научна-

[1] Живо припоминаю пропажу моего вьючнаго верблюда, еще в походѣ 1829 года, въ военной суматохѣ, перехода за два до Адріанополя: товарищъ мой горевалъ по любимомъ кларнетѣ своемъ, доставшемся, какъ мы полагали, туркамъ, а я осиротѣлъ, съ утратою своихъ записокъ: о чемоданахъ съ одежей мы мало заботились. Бесѣда съ солдатами всѣхъ мѣстностей широкой Руси доставила мнѣ обильные запасы для изученія языка, и все это погибло. Къ счастью, казаки подхватили гдѣ-то верблюда, съ кларнетомъ и съ записками, и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь. Бывшій при немъ денщикъ мой пропалъ безъ вѣсти.

го знанія грамматики, съ которою составитель словаря искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя применить ее къ вашему языку и чуждаясь ея, не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ руской граматикѣ латинскую и немецкую, а руской не находилъ.

Вотъ чего, по обсужденію его самого, ему недоставало; а нашлось за то, вопервыхъ, большой складъ запасовъ, не вошедшихъ доселѣ въ наши словари; вовторыхъ, сильное сочувствие къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ, и некоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направлении, заменить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни. Кромѣ сего, разнородность занятій и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, въ различныхъ частяхъ низшаго управленія, наклонность къ наукамъ естественымъ и ко всѣмъ ремесловымъ работамъ, ознакомили его, по языку и по понятіямъ, съ бытомъ разныхъ сословій и состояній, наукъ и знаній.

Сведя итоги всѣхъ данныхъ, собиратель прибодрился. Всего одному не дано, да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зарывать вмѣстѣ съ собою въ землю. Кому много дано, съ того много и взыщется. Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, которымъ уже легче будетъ дополнить, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ, и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то и образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ, дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь. Передній заднему мостъ.

Итакъ, ограничась тѣми средствами и силами, какія нашлись, и положивъ живой, устный языкъ рускій, а паче народный, въ основу своего труда, собиратель решился приступить къ дѣлу.

Но, полагая народный языкъ въ основу словаря — потому что языкъ этотъ силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ, тогда какъ письменный языкъ нашъ видимо пошлѣетъ, превращаясь въ какую-то пресную размазню, — должно было напередъ разсудить, какъ смотрѣть на всѣ мѣстныя наречія или говоры, изъ которыхъ языкъ народный слагается? <…>

Наши мѣстные говоры — законныя дѣти рускаго языка и образованы правильнее, вѣрнѣе и краше, чѣмъ нашъ письменный *жаргонъ*. Въ семъ отношеніи мы поставлены въ болѣе счастливое положение, чѣмъ западные европейцы, но доселѣ, обойденные лѣшимъ пристрастія, подражанія и тщеславія, избалованные привозомъ всего готоваго изъ-

за моря, мы небрегли своимъ, въ чаяніи, что и готовый, обработанный, развитый языкъ, безъ котораго образованному обществу и жить и быть нельзя, подвезутъ намъ оттуда же, заодно съ винами и чепцами.

Напишите слово, называемое вами областнымъ, какъ мы вообще пишемъ, не подделываясь подъ говоръ, а какъ оно, по образованію своему, должно писаться, и смѣло ставьте его на свое мѣсто, въ общій великорускій словарь. Изъятій найдется немного и тамъ только, гдѣ какая либо чуждая, побочная стихія внесла искаженія, чему примѣромъ могутъ служить губерніи Псковская и отчасти Тверская; тамъ попадаются переделки на польский или бѣлорускій ладъ и слышна понынѣ *Литва*, какъ въ Новоросійскомъ краѣ всюду отзывается наречіе малороское. Но и это относится только до нѣсколькихъ словъ, а оборотамъ руской речи можемъ поучиться во всякой местности Руси, во всякой деревушкѣ, во всякой лачугѣ.

Предвидя, что слова эти будутъ перетолкованы, повторю, для людей добронамѣренныхъ, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже всѣ слова речи этой должны быть внесены въ образованный рускій языкъ; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую рускую речь народа и усвоить ее себѣ, какъ все живое усвояетъ себѣ добрую пищу и претворяетъ ее въ свою кровь и плоть.

Вотъ почему такъ называемыя областныя слова, нередко общія весьма различнымъ и отдаленнымъ другъ отъ друга говорамъ и мѣстностямъ, вошли в этотъ словарь, и притомъ, какъ замечено было кѣмъ-то съ крайнимъ изумленіемъ, нерѣдко рядкомъ съ самыми крутыми французскими словами, кои, въ азбучномъ порядкѣ, пришлись бокъ-о-бокъ съ вятскими и рязанскими. Но не я вводилъ первыя въ печатный языкъ, и не моя воля изгнать ихъ; а куда же я ихъ дѣну, коли не на свое мѣсто, по азбукѣ?

<…>

Одноязычные словари доселѣ составлялись двояко: либо всѣ, безъ изъятія, слова подбирались сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ, и каждое слово объяснялось по себѣ, будто иныхъ прочихъ и не бывало, либо слова́ подбирались целыми ватагами подъ одинъ общій корень.

Первый способъ крайне тупъ и сухъ. Самыя близкія и сродныя реченія, при законномъ измѣненіи своемъ на второй и третьей буквѣ, разносятся далеко врозь и томятся тутъ и тамъ въ одиночествѣ; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, въ которомъ не менѣе жизни, какъ и въ самомъ человѣкѣ, терпнетъ и коснѣетъ; одни и тѣ же толкованія должны повторяться нѣсколько разъ; читать такой словарь нѣтъ силъ, на десятомъ словѣ умъ притупѣетъ и голова вскружится, потому что умъ нашъ требуетъ во всемъ какой нибудь разумной связи, постепенности и послѣдовательности. Притомъ, на какую потребу идетъ такой словарь? Мертвый списокъ для иноземцевъ, и потому развѣ изредка только рускому человѣку мог-

ло бы случиться отыскивать встрѣченное гдѣ либо, неизвѣстное ему, руское слово, и одинъ этотъ, довольно рѣдкій случай, не вознаградилъ бы ни трудовъ составителя, ни даже самой покупки словаря.

Второй способъ, корнесловный, очень труденъ на дѣлѣ, потому что знаніе корней образуетъ уже по себъ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произвола не обойдешься; сверхъ сего порядокъ корнесловный, при отысканіи словъ, предполагаетъ въ писателѣ и въ читателѣ не только равныя познанія, но и одинаковый взглядъ и убѣжденія, на счетъ отнесенія слова къ тому либо другому корню.

<…>

Обсудивъ все это и сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ томъ и другомъ родѣ, составитель снова обратился къ азбучному порядку, не видя инаго исхода изъ этой раздорожицы. Вѣдь словари на всѣхъ языкахъ составлены же этимъ порядкомъ, стало быть это находятъ удобнымъ… беру опять такой словарь въ руки, перелистываю его день и другой — но наконецъ, съ тревожнымъ чувствомъ, откладываю его въ сторону. Нѣтъ, такой словарь мнѣ не рука. Какъ я его пущу въ дѣло, какъ вызову изъ него и отрою всѣ сокровища, сокрытыя въ двухъ доскахъ? Найти сло́во, котораго у меня не хватаетъ, я не могу; просмотреть сряду слова́, самыя близкія и сродныя, чтобы освоиться съ основнымъ значеніемъ словъ этого корня, отыскать подъ общимъ, родовымъ понятіемъ нужныя мнѣ выраженія, оглянуть законъ и порядокъ словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою,— не могу, все раскинуто врозь; однимъ словомъ, это не словарь, а то, что называютъ *вокабулами*, это списокъ, сборникъ словъ, для затверженія наизусть, поднизка словъ, безъ связи и смысла, для крайне ограниченного употребленія, и болѣе для иностранца, чѣмъ для рускаго.

Но, вглядываясь въ эти безконечные столбцы словъ, видишь наконецъ, что съ небольшою перетасовкой и за исключеніемъ малаго числа реченій, примѣшавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промежъ чужой имъ семьи, всѣ остальные, цѣлыми купами, показываютъ очевидную семейную связь и самое близкое родство; устранивъ понятіе о корняхъ, въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ученые его понимаютъ, никто, напримѣръ, не усомнится, что *стоять*, *стойка* и *стояло*, одного гнѣзда птенцы; да сверхъ того, у нихъ и первыя три начальныя буквы однѣ и тѣ же; а между тѣмъ они, по четвертой буквѣ своей, разнесены врозь (Слов. Акад.) на семь печатныхъ столбцовъ! Разсматривая эти родственыя отношенія ближе, мы находимъ, что такая связь представляетъ въ нашемъ языкѣ особый и общій законъ, который даетъ намъ неизмѣнныя правила образованія словъ звеньями, цѣпью, гроздами, такъ же точно, какъ мы по общему

правилу образуемъ отъ глагола причастія, а отъ нихъ наречія.

Въ самой вещи, не вдаваясь ни въ розыски о корняхъ, ни въ умствованія о томъ, какая часть речи родилась прежде, а какая послѣ, мы видимъ въ языкѣ своемъ следующую, не подлежащую сомнѣнію, связь и сродство словъ.

<…>

При расположеніи словъ гнездами, я обычно начинаю съ глагола, но иногда имя взяло въ гнѣздѣ своемъ такой перевѣсъ, что пущено впередъ. Есть много случаевъ, гдѣ глаголъ устарѣлъ, или даже вовсе утраченъ, а производныя слова полнымъ чередомъ сохранились. Это впрочемъ все равно, законъ языка таковъ, что одно вовсе не можетъ быть безъ другаго, и не только глаголъ или имя, но и все гнездо словъ, такъ сказать, появляется заразъ. <…>

Итакъ, вотъ тотъ порядокъ, то устройство словаря, на которое составитель решился: собрать по семьямъ или гнездамъ всѣ очевидно сродственыя слова, устранивъ однако же предложныя и тѣ производныя, въ которыхъ изменяются начальныя буквы; это попытка на способъ средній, между *голословнымъ* и *корнесловнымъ* словарями. Въ азбучномъ порядкѣ, для отыскивающихъ извѣстное слово, есть указанія, гдѣ его искать, и кажется, съ небольшимъ соображеніемъ и навыкомъ, это никого не затруднитъ.

<…>

Указанія на отечество чужихъ словъ у меня вообще неполны и поверхностны; не пускаясь глубоко въ корнесловіе своего, а тѣмъ менѣе чужихъ языковъ, составитель указываетъ только на ближайшій источникъ, на греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій языкъ, откуда слово перешло къ намъ, хотя бы оно и было испанскимъ, арабскимъ, еврейскимъ или санскритскимъ. Если бы пускаться въ такіе розыски, то всѣ почти французскія слова должны бы называться латинскими, готскими, кельтическими а болѣе половины чисто рускихъ словъ пришлось бы отнести къ санскритскимъ. Я также, въ реченіяхъ науки или ремесла, большею частью не означалъ, съ какого языка взято слово; морскія выраженія голандскія и англійскія, горныя — нѣмецкія, военныя — нѣмецкія и французскія, врачебныя — латинскія и греческія и пр. Думаю, что это всякому извѣстно и что подобныя указанія, въ такомъ словарѣ, какъ мой, не важны.

Граматическія указанія въ словарѣ вообще скудны, потому что оказываются то ничтожными и безполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней граматикѣ не поддается. Приложеніе сло́ва къ дѣлу, отношенія его въ построеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ.

При объясненіи и толкованіи сло́ва вообще избѣгались сухія, безплодныя определенія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшаю-

щая оть него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно, вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примеры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можеть быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождесловъ, на выборъ читателя. Каждое изъ объяснительныхъ словъ найдется опять на своемъ мѣстѣ, и тамъ, въ свою очередь, объяснено подробнѣе. Набирая однословы эти, собиратель не призадумываясь включалъ туда же и такъ называемыя областныя выраженія, которыя, большею частію, могутъ войти въ общій расхожій запасъ, какъ это объяснено было выше. Не мѣшаетъ впрочемъ заметить, что, зная языкъ свой въ крайне ограниченном объемѣ, въ предѣлахъ нынѣшней письменности мы весьма часто считаемъ областными выраженія общія почти всей руской землѣ, потому что мы ихъ не знаемъ, и что они доселѣ были чужды письменному языку.

Въ числѣ примѣровъ, пословицы и поговорки, какъ коренныя рускія изреченія занимаютъ первое мѣсто; ихъ болѣе 30 тысячъ, и онѣ напечатаны тою же и́скосью, какъ и всѣ примѣры. Для простаго словаря или словотолковника, ихъ мѣстами нанизано слишкомъ много; ради примѣра, было бы достаточно двухъ или трехъ, а десятки можно бы выкинуть. Но я смотрѣлъ на это дѣло иначе: при бѣдности примѣровъ хорошей руской речи, рѣшено было включить въ словарь *народнаго языка* всѣ пословицы и поговорки, сколько ихъ можно было добыть и собрать; кому онѣ не любы, тотъ легко можетъ перескочить черезъ нихъ, такъ какъ онѣ напечатаны косымъ наборомъ, а иной, можетъ быть, вникнувъ въ этотъ дюжій складъ речи, увидитъ, что тутъ есть чему поучиться. Примѣровъ книжныхъ у меня почти нѣтъ, не потому, чтобы я ими небрегъ — нѣтъ, я признаю́ это за недостатокъ словаря, — а потому, что у меня не достало времени рыться за ними и отыскивать ихъ; для этого также нужны не дни, а годы.

<…> Въ красную строку, въ число реченій, напечатанныхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова́, читанныя или слышанныя имъ; да и по самому устройству словаря, гдѣ въ голову каждаго гнѣзда поставленъ глаголъ или другое починное слово, нельзя было начинать статью словомъ сомнительнымъ или неизвѣстнымъ и къ нему поднизывать слова́ обиходныя. Но, при толкованіяхъ, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ, могли попадаться и такія, которыя доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились.

<…>

Желаніе собирателя было составить словарь, о которомъ бы можно было сказать: «Реченія письменныя, бесѣдныя, простонародныя; общія, мѣстныя и областныя; обиходныя, научныя, промысловыя и

ремесленыя; иноязычныя усвоенныя и вновь захожія, съ переводомъ; объясненіе и описаніе предметовъ, толкованіе понятій общихъ и частныхъ, подчиненныхъ и сродныхъ, равносильныхъ и противоположныхъ, съ одно(тожде)словами и выраженіями окольными; съ показаніемъ различныхъ значеній, въ смыслѣ прямомъ и переносномъ или иноречіями; указанія на словопроизводство; примѣры, съ показаніемъ условныхъ оборотовъ речи, значенія видовъ глаголовъ и управленія падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» На сколько сочинитель отсталъ отъ такой, вовсе непосильной, задачи, это самому ему извѣстно ближе и короче, чѣмъ кому либо иному; ему удалось только, въ предѣлахъ рамки этой, собрать кой-что и пополнить собранное разными отрывочными свѣденіями. Подготовки для такого труда нашлось маловато, а жизнь коротка, досугу и не хватитъ. Работая не лѣнясь, насколько отъ дѣлъ насущныхъ оставалось часу, этотъ собиратель сдѣлалъ, что смогъ; а если бы еще хоть десять человѣкъ сдѣлали столько же, то сводъ десятка такихъ словарей конечно далъ бы въ итогѣ не то, что одинъ!

Можетъ быть словарю не слѣдовало давать громкаго названія «Толковаго Словаря», а приличнѣе, и во всякомъ случаѣ скромнѣе, было бы назвать его: «Запасы для толковаго словаря»; но это показалось неудобнымъ: во-первых, заглавіе *опытъ* и *запасы* слишкомъ часто были придаваемы сочиненіямъ именно изъ одного только приличія, а вовсе не по убѣжденію; посему оцѣнщики наши извѣрились и судятъ съ одинаковою взыскательностью и по одной мѣркѣ о книгахъ, названныхъ опытомъ или запасомъ, и о тѣхъ, которыя озаглавлены просто по содержанію, безъ такой скромной оговорки. Во-вторыхъ, названія *опытъ* и *запасы* не идутъ къ сочиненію цѣльному и полному, не по содержанію конечно, а по объему; если словари, какіе были у насъ доселѣ, назывались не запасами, а словарями, то какъ же общій сводъ ихъ, съ прибавкою десятковъ тысячъ словъ, съ объясненіями и примѣрами гораздо болѣе полными и подробными, не назвать словаремъ?

Второй вопросъ: *толковый*. Стараясь принять значеніе каждаго слова сперва въ самомъ обширномъ смыслѣ его, объяснять затѣмъ значенія частныя, потомъ понятія подчиненныя, сродныя, противоположныя, сводить въ одну статью, семью или гнѣздо реченія одного начала или корня, поколику это согласуется съ азбучнымъ порядкомъ; указывая мѣстами на родство, связь и образованіе словъ, и стараясь придать всему этому взаимный смыслъ и толкъ человѣческой речи — составитель словаря полагалъ, что долженъ, хотя однимъ словомъ, намекнуть на эти особености. Вѣдь заглавіе должно же выражать, на сколько можно, смыслъ и духъ сочиненія, а самое слово *толковый*, въ весьма недавнюю старину, означало именно то, что здѣсь хотѣлось высказать. По нынѣшнему, надо бы обойти слово это наборомъ речей въ двѣ строки, что для заглавія

не совсѣмъ удобно. Сверхъ сего полагаю, что самое расположеніе словъ по гнѣздамъ, придающее цѣлому болѣе связи и смысла, даетъ и составителю право указать на особеность эту, и что *толковый* и въ семъ отношеніи прилично выражаетъ дѣло. Мнѣ было замечено, что-де стало быть всѣ прочіе словари безтолковы? Въ шутку, это замѣтить можно, но на дѣлѣ, *толковому человѣку*, *речи*, *книгѣ* противополагается *безтолковый*, а *толковому словарю — нетолковый*.

Вмѣсто рускаго, сказано великорускаго языка: кажется, это будетъ точнѣе и правильнѣе; этимъ обозначена ширина объема: малоруское и бѣлоруское наречія, не говоря уже о прочихъ славянскихъ языкахъ, а также церковный, и нашъ же рускій, обветшавшій, исключены, покрайности стали необязательны для словаря, а могли войти въ него кой-гдѣ, по неразрывной связи своей съ цѣлымъ, для поясненій и толкованій. Объемъ этотъ еще яснѣе означился словомъ *живаго*, которое и указываетъ на желаніе захватить все то, что среди нынѣшняго великорускаго народа можно услышать или прочитать.

<…>

Первое признательное слово мое, по сему дѣлу, должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены; затѣмъ я долженъ сказать искреннее спасибо и всѣмъ прочимъ рускимъ словарямъ, служившимъ для справокъ и повѣрокъ.

Я обязанъ также благодарить всѣхъ, сообщавшихъ мнѣ въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ, по разнымъ вызовамъ и частнымъ просьбамъ моимъ, сборники словъ, замѣтки, объясненія и запасы: назвать я могъ бы только немногихъ, упустивъ въ свое время записывать, для памяти, что и отъ кого получено. Изъ сотни именъ, я теперь не могъ бы вспомнить и десятка. Всѣ подачки эти разстрижены на рубезки и разобраны по своимъ полосамъ, безъ всякихъ отмѣтокъ. Надеюсь, что такое упущеніе съ моей стороны никого не заставитъ пожалѣть о сдѣланномъ добромъ дѣлѣ. <…>

Но когда я первый правочный листъ словаря выслалъ Н. И. Гречу, чтобы онъ сообща со мною порадовался началу успѣха завѣтнаго труда, то этотъ 75-лѣтній дѣлатель, не смотря на вражду мою съ грамматикой, настоялъ на высылкѣ къ нему по почтѣ каждаго правочнаго листа, возвращая его съ поправками и замѣтками своими ко мнѣ, въ Москву; а когда я отговаривался, совѣстясь затруднять его такимъ нескончаемымъ трудомъ, то онъ отвѣчалъ: «Дайте мнѣ умереть за этой работой!» Замѣтки этого заслуженнаго уставщика грамоты были мнѣ крайне полезны, охранивъ меня отъ многихъ промаховъ; и если онѣ не всѣ безусловно мною приняты, то уже сдѣлано сознательно, или по необходимости, чтобы не нарушить цѣлости принятыхъ однажды, право или неправо, основаній.

<…>

Кончая напутное слово <…>, составитель словаря еще разъ благодаритъ отъ души всѣхъ любителей слóва, доставившихъ ему запасы или замѣтки, и усердно проситъ всякаго сообщать ему и впредь, на пользу дѣла, пополненія къ словарю, замѣчанія и поправки, на сколько что кому доступно.

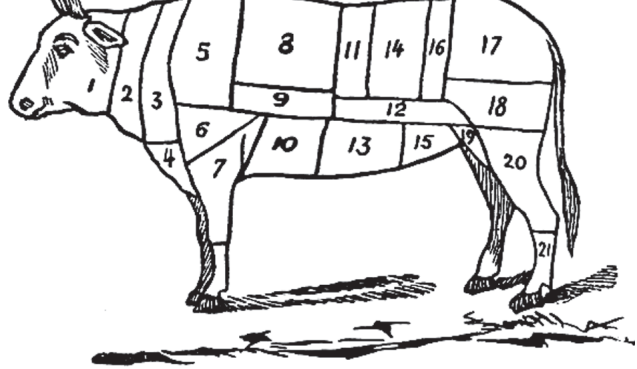
Іюня, 1862

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

РАЖДА́ТЬ или ***рожа́ть, родить, ра́живать*** что, кого, о животн. размножаясь, плодясь, производить себѣ подобныхъ; о растн. и почвѣ, давать урожай, сѣменемъ, плодами или инымъ чѣмъ, производить живою, растительною силою; о случаѣ, дѣлѣ, причинять, быть причиною чего. *Раждать, родить* бол. говор. въ перенсн. знач., о силѣ производительной, причинной; *рожать, родить,* о родахъ утробою, о силе женской, почему здѣсь *родить* принимаетъ значенье однократности. О животн. бол. гов. приносить, метать, а затѣмъ еще, по роду животнаго: телиться, жеребиться, котиться, щениться, я́гниться, кози́ться, пороситься и пр. *Слонъ слона раждаетъ* (или *родитъ, по*(*на*)*раждаетъ*), *комаръ комара. У него жена, что годъ рожаетъ, все двойней рожаетъ. Она на дняхъ родила. Родила богатыря, что и отца сбилъ со двора. А, хоть бы я тебя на свѣтъ не роди́ла!* «*А почто ты меня родила, коли я не просилъ!*» *Кто не раживалъ, тому страшно видится. Въ себя родилъ,* каковъ самъ. *У насъ рожь рожаетъ самъ-пятъ, а нынѣ самъ-сёмъ родила*(*сь*). *Дай Богъ, кому дѣтей родить, тому ихъ и вскормить! Кому родить, тому и кормить,* о долгѣ. <…> *Рожденъ, а не крещенъ, такъ Богдашка. Въ чемъ мать родила.* <…> *Говоритъ — что родитъ* (съ потугами). *Каково руки родятъ, таково плеча износятъ. Деньга умъ родитъ. Бѣда бѣду родитъ. Всякое зелье въ себя родитъ. Родилъ Ефремъ Мотьку, на одну колодку. Одно дитя роженое* (дочь), *другое суженое* (зять). *Нѣтъ рожéнаго* (ума), *не дашь и ученаго. Корысть раждаетъ зависть. Базаръ цѣну родитъ* (*скажетъ, покажетъ*). ***-ся,*** стрд. происходить или дѣлаться отъ причинъ, отъ началъ; являться. *Завтра мѣсяцъ раждается,* новолуніе. *Родись, крестись, женись, помри — за все деньги плати! Не помню, какъ крестился, не видалъ, какъ состарился, не знаю, когда умру. Неправда-та прежде насъ родилась. Кабы ты не родился, такъ и я бы не померъ?* рѣка и ледъ. *Обычаи родятся,* происходятъ. *Дураковъ не орутъ, не сѣютъ — сами родятся! Гдѣ кто родился, тамъ и пригодился. Гдѣ кто родится, тамъ и годится. Всякій родится, да не всякій въ люди годится. Все на свѣтѣ годится*; *только то не годится, что не родится. Кто пахать не лѣнится, у того и хлѣбъ родится.* <…> *Не родился, а умеръ?* (Адамъ или Ева). *Родишься въ палатахъ, а умираешь въ ямѣ! Не родится воръ, а умираетъ. Возраждаться духомъ. Врожденная побудка, прирожденная. Выродился изъ семьи. Не дородился хлѣбъ,* урожай малъ. *Въ хлѣбѣ тля зародилась. Изродились сѣмена, невсхожи. Нарожала дѣтокъ. Народился мѣсяцъ. Не отродитъ осина яблоньки. Праздность пораждаетъ пороки. Сѣмена переродилися. Малина разродилась,* расплодилась. *Уродила мама, что не при'маетъ и яма!* ***Ро-***

жа́нье, рожде́нье или ***рожéнье,*** дѣйст. по глг., гов. бол. о животн. и челов., о произведеніи женщиной плода на свѣтъ; *рожденіе дѣтей,* относится къ обоимъ поламъ, къ родителямъ. *Рожденье, рожéнье мое,* дитя мое. *Рожденье* или *день рожденья,* годовщина этого событія. *Рожденія ехиднова,* МтΘ. родъ, племя, поколѣнье. *Рожденіе водъ,* источники. *Слѣпъ отъ рожденья,* отроду. *Роженье мое,* дѣти. ***Ро́ждіе*** ср. црк. что рождено, отродіе, дѣти; || вѣтви древесныя. *Азъ есмь лозá, вы же рождіе,* Іоан. ***Рожéный,*** *рожóный,* отъ причаст. *рожден*(*н*)*ый, рóженый, нвг. ярс. ряз.* родной, милый, бажéный, моленый, желанный, родимый. *Ты мой рóженый, ты мой хóженый!* ***Рождествó*** ср. рожденье; годовщина рожденья; память; || день памяти Рождества Христова, 25 декабря. *Дуй не дуй, не къ Рождеству пошло, къ Великодню! На Рождество опока* (*иней*) *— урожай на хлѣбѣ*; *небо звѣздисто — урожай на горохъ. На Рождество Христово метель, пчелы хорошо роиться будутъ. Если на Рождество путь хорошъ — къ урожаю гречи. Пять разъ въ году солнце играетъ: на Рождество, Богоявленье, Благовѣщенье, Свѣтлое Воскресенье, Іоанново Рожденье. Постъ холодный* (*Рождественскій*), *постъ голодный* (*Петровскій*), *постъ великій да постъ лакомка* (*Успенскій*). *Морозы: Введенскіе, Никольскіе, Рождественскіе, Крещенскіе* (*водосвятскіе, водокрещи*), *АΘанасьевскіе, Срѣтенскіе, Власіевскіе, Благовѣщенскіе. На Святой, рубашка хоть плохонька, да бѣленька*; *а къ Рождеству хоть сурова, да нова. Если на Рождество Христово шьютъ, то въ домѣ слѣпышъ родится. На Рождество, не надѣвай чистой рубахи, развѣ обновишь суровую: а то жди неурожая. Я маленькій хлопчикъ, принесъ Богу снопчикъ, Христа величаю, а васъ съ праздникомъ поздравляю* (южное колядованье)! *Кишку да ножку, подайте въ верхнее окошко!* то же. ***Рождéственый,*** къ рождеству или рожденью отнсщс. ***Рождéственскій,*** къ празднику Рожд. Хрст. или къ церкви во имя это относящс; говор. и *рожество, рожественскій,* о праздникѣ. *Ясные дни въ Рождественскій постъ, къ хорошему урожаю.* <…>

ГОВЯ́ДО ср. црк. Крупная рогатая скотина, быкъ, волъ или корова. ***Говя́жій***, отъ быка, говяда взятый, изъ мяса его приспѣтый. ***Говя́дина*** ж. говяжье мясо. Части говядины, у мясниковъ, называются: 1) голова, 2) шея, зарѣзъ,



3) оковалокъ, 4) че́лышко, 5) толстый край, 6) средина лопатки, 7) тонкая лопатка, рулька, 8) тонкій край, 9) отъ края покромка, 10) грудина, 11) тонкій филей, 12) подпашекъ, 13) завитокъ, 14) толстый филей, 15) бочо́къ, 16) англійскій филей, 17) огузокъ, 18) средина бедра, 19) кострецъ, 20) ссѣкъ, подбеде́рокъ; *око́стокъ*, часть ссѣка, съ вертлюжн. костью, 21) голя́шка. *Зачистокъ*, отъ краевъ, отъ шеи, тонкіе остатки, оборыши. Голяшки и морда, *студень*. Легкія, сердце и печень, *гусакъ*, *ливеръ*, *осердье*. Желудокъ съ кишками, *требуха*, *требушина*. У мясниковъ иностранныхъ говядина дѣлится иначе. *Были бы быки, а говядина будетъ. По барынѣ говядина, по харчевнѣ ѣдокъ.* ***Говя́дарь***, гуртовщикъ, прогонщикъ, нагульщикъ скота и скотопромышленикъ.

САРАФА́НЪ м. *сарафанецъ, -нчикъ, -нишка, -ница,* встарь, мужской долгій кафтанъ, особ. покрою. *А на государѣ было платья… сарафанъ, доро́ги яринной цвѣтъ, съ вишневою обнизью*, Выход. кн. 32. *Въ расплохъ, на Пьянѣ, князья были в однихъ сарафанахъ.* || Женская русская одежда, безрукавная, съ проймами для рукъ и съ поясомъ. *Сарафаны,* по покрою, бываютъ*: однорядные, двурядные, закрытые, открытые* (грудь)*, кругле́ые* (*узкіе*)*, прямые*, *клинчатые, трикли́нки, растегаи* (*распашные*)*, шубки* (*московскіе*)*, съ рукавами, съ проймами* (*съ помочами*)*, сборчатые, гладкіе, съ лифомъ, безъ лифа, нвг.* По ткани: *холщевики, дубленики, крашенники, пестрядинники, кумачники, китаечники, ситцевики, стамедники, суконники* и пр. Къ сарафану всегда идетъ *поясокъ,* а в *праздничные* иногда еще вшиваются тонкіе, рубашечные рукава. *Сарафанъ* на застежкахъ спереди, *саянъ, распашной* или *растегай,* едва ли нынѣ гдѣ либо шьется. *Сарафанчикъ растегайчикъ,* пѣс. *Сарафанишка поганишка. Сарафанища заплатанный. Сарафанецъ обтяжной. Нѣту талану, не пришьешь къ сарафану. Вездѣ сарафанъ пригожается, а не надо, сарафанъ подъ лавкой наваляется.* ***Сарафа́нка****, влд.* ситцевый сарафанъ, съ борами. ***Сарафа́нный*** *покрой.* ***Сарафа́нникъ****,* волокита, ***-ница****,* женщина, которая носитъ сарафаны, вообще ходитъ в русскомъ. ***Сарафа́нщикъ, -щица,*** кто шьетъ сарафаны, портной, портниха.

ЖИВО́ТЪ м. Жизнь человѣка и животнаго; что есть въ твари живое, оживляющее плоть, образующее земную жизнь. || Собир. все живое, все, что живетъ, дышитъ. *Лишиться живота*, умереть; *лишить кого живота*, извести или убить. *Животъ вѣчный*, вѣчная жизнь. || Утроба, брюхо, третья большая полость челов. и подобно ему устроенныхъ животныхъ, отъ груди (отъ гусаковой перепонки, diaphragma) до таза; въ животѣ: желудокъ, кишки, печень, селезенка, всѣ вообще орудія пищеваренія. *Надорвать, надсадить животъ, стать безъ живота*, повредить себя чрезмѣрною ношей и усиліем; || хохотать до упада, до изнеможенія. ***Животы́*** мн. брюхо, желудокъ, брюшныя нутренности, требуха. *Съ тощаковъ животы подвело*. *Животы не нитка: надорвешь, не подвяжешь*. || Домашній скотъ, особ. рабочій, лошади; || стяжанье; всё движимое имущество, богатство. *У него всѣх животовъ одна избёнка. Мы животами обѣднѣли. Безъ живота или животовъ тягла не потянешь. Холодна вода не мутит живота*, или *ума*. *Ѣшь, покамѣстъ животъ свѣжъ. И худой животъ, да хлѣбъ жуётъ. И поджарый* (*и тонкій*)

животъ безъ ѣды не живётъ. Животъ кръпче, на сердцѣ легче. Разорви тому животъ, кто неправдой живётъ! Не всё въ животъ, что живётъ. Ты, чтобы животъ поправить, анъ кишки вовсе вонъ лѣзутъ! Не насъ сиротъ, а себя въ животъ, разитъ злодѣй. Ты раскинула печаль по плечамъ, распустила сухоту по животу! пѣс. *Смерть животы кажетъ,* достатокъ. *Отцевщина и дѣдовщина — храповщина*; *а милъ животокъ, коли сам наживёшь! На чужой животъ гляди, да сохни. Весь животъ прахъ возьми! На вѣтеръ живота не напасёшься, на смерть дѣтей не нарожаешься. Онъ из него послѣдніе животы выматываетъ. Пошли животы на великого государя,* въ опалѣ отбирали имущст. *Животинку водить, не разиня ротъ ходить*, скотъ**.** *Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живётъ,* съ ними можно жить. *Богъ далъ животъ* (жизнь)*, дастъ и здоровье. Смерть живота не любитъ. Либо смерть, либо животъ. Всякій животъ боится смерти,* Живой смерти боится. *День мой, вѣкъ мой, а недѣля — и весь животъ! Не на животъ раждаемся, а на смерть. Родится человѣкъ на смерть, а умрётъ на животъ. Не даётъ Богъ ни смерти, ни живота. Ни живота, ни смерти! Живота́ не надышу, орл.* не радостна жизнь. *Радъ бы сердцемъ, да животъ что лыко,* мочь, сила. *Животы, что голуби: гдѣ хотятъ, тамъ и сидятъ. До того ль нимъ* (бабамъ на пожарѣ): *а мы, подхвативъ животы, да ну выть! Дворянскіе животы и тонкіе, да долгіе: тянутся, да не рвутся*; *а посадскіе и толстые, да короткіе*, о достаткѣ и роскоши. *Ѣдки трои не посучишь, на тошнѣ заживотитъ, и на ворчалѣ забрюшнитъ!* сутки трое не поѣшь, на животѣ затошнитъ, и на брюхѣ заворчитъ. *Взять кого въ животы, арх. влгд.* усыновить, принять въ домъ, особ. о зятѣ; призя́тить, откуда ***живо́тник*** м. влазень, призя́ченный, и ***живо́тница*** ж. влазни́ха, дочь, живущая с мужемъ на отцевскомъ хозяйствѣ. ***Живото́къ,*** *–то́чекъ, живо́тикъ, животе́нокъ,* умал. животъ, в знач. брюха, а *живото́къ* также въ знач. жизни и имущества, нажитковъ, нажитаго. ***Животи́ща*** м. увел. въ знач. брюха и имущества. *Живото́къ, что голубокъ: вспорхнулъ, улетѣлъ. Поётъ кочетокъ, вѣсть подаётъ про милый животокъ*. ***Живота́***, въ видѣ нар. *прм. вят.* только, не болѣе, много что. *Живота́ погоняютъ за это*, только побранятъ. *Живота́ что пропадётъ гривна*. ***Живо́тный***, къ животу относящийся; въ высш. знач. къ жизни духовной, но обычно къ жизни плотской, земной, нерѣдко даже собств. къ жизни чувственной и скотской. || Относящійся къ брюху, животу. *Живо́тная книга*, книга живота, жизни, дѣлъ, въ которую, иносказательно, записываются жизнь и дѣла, судьба и смерть человѣка. || Поминальная книга, синодикъ. *Животное царство* въ природѣ, всё что живёт и дышитъ; другое царство *растительное*, третье *ископаемое*; иные принимаютъ и четвёртое, *стихійное*: огонь, вода и воздухъ; иные ещё пятое, *невѣсомыхъ*: тепло, свѣтъ, электричество и пр. *Живо́тное вещество*, всё, что взято от какого-либо, нѣкогда живаго или жившаго существа. *Живо́тная-трава*, Jnula helenium, луговой-аманъ. *Живи́тельная-трава*, Senecio campestris. || Solidago, см. *железянка*. || Thalictrum, см. *лупута*. *Живучая-трава*, Ajuga, см. *дубровка*. *Живая-трава*, Sedum, живая вода, см. *заячья-капуста*. *Животный уголь*, пережженное в уголь мясо, кожа. ***Живо́тное*** ср. всё, что живётъ и дышитъ, всякое живое существо; всякая особь, одаренная жизнію, т. е. способностями усвоенія пищи,

свободнаго движенія и чувствами. || Бранно, скотина, недостойный имени человѣка. *Вся природа дѣлится на три царства: на ископаемое, растительное и животное* (или *животныхъ*). Въ *ископаемомъ* природа обнаружила силу или свойство пространства, силу занимать мѣсто, тяготѣть и расти накопленьемъ частицъ извнѣ; въ *растеніи* — претвореніе, усвоеніе пищи, ростъ изнутри; въ *животномъ* — чулость (пять чувствъ); *въ человѣкѣ* — разумъ. Въ животномъ *умъ* и *воля* слиты въ одну недѣлимую *побудку* (инстинктъ), для него нѣтъ науки, истины (отдѣльнаго приложенія ума), нѣтъ нравственности (добра и зла, свободы воли и дѣйствій по убѣжденію), наконецъ, нѣтъ вѣры (духовнаго понятія о неплотскомъ). Въ человѣкѣ разумъ и воля раздѣльны, и онъ самъ сознаетъ самостоятельность этихъ двухъ стихій (умственной и нравственной); это созерцаніе и есть высшая духовная способность, искра Божества, тайникъ души его, залогъ безсмертія; онъ сознаетъ свою личность, внѣшній міръ и Творца. Посему человѣка не должно причислять къ животнымъ; онъ образуетъ свое особое царство, которое отличается не тѣлесными, плотскими признаками, а качествами духовными. ***Живо́тность*** ж. состояніе всего животнаго; принадлежность къ животному царству. ***Живо́тчикъ*** м. у кого много живота, имущества, особ. скота. ***Животи́на*** ж. ***живи́на*** зап. единич. и собир. животное, всё, что живетъ || Домашний скотъ всякаго рода, и живность или птица. || Собств. крупный скотъ, или четвероногія животныя. *Обреченая скотина не животина*, не живучая, обреченная рокомъ, не богатство. *Вольная* (*чужая*) *скотина не животина*. *Спереди картина, а сзади животина* (*скотина*). *Въ мёртвой животинѣ яда нѣтъ, можно ѣсть*. ***Животи́нка***, *-ти́ночка, -ти́нушка умал*. ***Животка***, *урал.* ***живодь***, *арх.* мелкая рыбка, насаженная для приманки на крючокъ рыболовной снасти (Шейнъ). ***Животи́нный,*** къ животинѣ отнсщ. *Животи́нный выгонъ* или *вы́пускъ*, выгонъ, пасбище. ***Животи́нникъ*** м. гуртовщикъ, торгующій скотомъ, гоняющій скотъ. ***Животи́нничать***, торговать скотомъ. ***Животнораста́ніе*** ср. зоофитъ, живоросль, рослякъ, созданія переходныя, промежуточныя между животныхъ и растеній; въ нихъ есть слѣды движенія членовъ или морщинистаго тѣла, но они съ вида болѣе походятъ на растенія и растутъ на корню, под водою; б. ч. полипы. ***Животнорасти́тельный***, полиповый, росляковый, или, о какой либо смѣси, принадлежащій къ обоимъ царствамъ природы. ***Животода́тель*** или ***–пода́тель*** м. ***животода́вецъ*** м. жизнодавецъ. ***Животолю́біе*** ср. привязанность къ здѣшней, земной жизни. ***Животолюби́вый***, привязанный къ жизни, боящійся смерти, ***животолю́бец*** м. ***-би́ца*** ж.

Вопросы и задания

1. Как В. И. Даль оценивает значение народной речи для толкового словаря русского языка?
2. Какое содержание вкладывает В. И. Даль в понятие «живой великорусский язык»?
3. Как В. И. Даль раскрывает термин «толковый»?
4. Почему словарь назван словарем великорусского языка?
5. Как В. И. Даль обосновывает гнездовой способ расположения слов?

6. Прокомментируйте состав словника Словаря В. И. Даля?
7. Какими иллюстрациями В. И. Даль подтверждает семантику описываемых слов и словосочетаний?
8. Охарактеризуйте Словарь В. И. Даля как энциклопедию русской жизни и сокровищницу разговорной речи, подобрав примеры из Словаря.

Словарь русского языка
под ред. акад. Я. К. Грота[1]

Общие сведения

В предисловии к Словарю Я. К. Грот писал: «Настоящее издание словаря имеет предметом собственно общеупотребительный в России литературный язык и деловой в том виде, как он образовался со времен Ломоносова; из церковнославянского же и древнерусского сохраняет оно только слова, которые употребляются в современном литературном языке».

В Словарь были включены и диалектные слова, и иностранные слова, и отдельные научные термины. И. И. Срезневский по поводу отбора лексики в Словарь писал в «Известиях» Второго отделения следующее: «Мне бы казалось, что нет особенной надобности даже оговаривать, почему именно войдут в словарь слова иностранные, старинные, простонародные и т. п. Если авторитет употребления в языке письменном или разговорном стоит за то или другое слово, то оно, какое бы оно ни было, коренное ли наше русское, или иноземное, славянское церковное, или русское старинное, должно быть в словаре. <…> Опущено может быть только такое слово, которое (как производное или сложное), будучи само по себе понятно, может быть употреблено только по прихоти писателя, ничем не оправдываемой, и легко заменяется другим словом».

Из научных и технических терминов в словарь включаются такие, которые встречаются в повседневном быту, а также термины собственно русского происхождения, заменяющие иностранные. При специальных терминах дается соответствующая помета. При ботанических и зоологических приводится латинский термин, а также те названия, под которыми слово известно и в других местах России. Диалектные слова приводятся с пометой *обл.* или указаниями на территорию употребления.

Целый ряд диалектных слов, употребленных писателями и удачно выражающих понятие, для которого в литературном языке недостает слова, приводятся без помет. Отдельные слова приводятся с

[1] Словарь русского языка / сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук. Т. 1: А–Дя / под ред. Я. К. Грота. СПб., 1891–1895.

пометами: *простонародное*, *старинное*, *церковнославянское*. Знаком * отмечается переносное значение.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Арка́да, ы, *ж.* (фр.) Рядъ арокъ, галлерея изъ арокъ. *У подошвы ихъ* [горъ] *неслася длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту…* Гог. Римъ

Бере́чь, регу́, режёшь, регу́т; ***приббере́чь, сбере́чь,*** *д.* 1. Хранить, оберегать, щадить. *Береги платье снову, а честь смолоду*, погов.

Она берегла все, что могло его [Владимира] *напомнить.* Пушк. Метель.

Вы совсѣмъ себя не бережете. Кап. д.

Для кого вамъ беречь вашу тайну? Тж.

2. *Обл.* Ласкать, внимательно принимать. *Хорошо ли васъ берегли?* Хорошій ли пріемъ оказали вамъ?

Бобо́вникъ, а, *м.* 1. Деревцо Amygdalus nana. *Степной миндальникъ. Дикій персикъ.* || *Мы проѣзжали между хлѣбовъ по широкимъ межамъ, заросшимъ бобовникомъ с зеленоватыми бобами.* С. Акс. Дѣт. годы.

Бобовъ же дикаго персика, называемаго крестьянами бобовникомъ, я нащипалъ себѣ цѣлый карманъ. Тж.

2. Злакъ Butomus umbellatus. *Водяная трава. Сусакъ.*

3. Болотная трава Menyanthes trifoliata. *Бобовникъ. Вахта.*

Бога́тье, я, *ср.* Новый хлѣбъ. *Зажелтѣли поля, новаго богатья …не долго ждать!* Въ Лѣсахъ.

2. Огонь, особенно тлѣющій подъ пепломъ.

Богда́нный, ая, ое. Найденышъ, подкинутый. Сравн. б о г о д а́ н н ы й. *Богданная дочка была еще Груня-сиротка, съ измальства Чапуринымъ при́зрѣнная.* Въ Лѣсахъ.

Велѣ́ть, велю́, веля́тъ ††; ***повелѣ́ть,*** *ср.* кому, съ неопред. наклон. или съ союз. чтобы. Выразить кому свою волю для исполненія, приказать, предписать. *Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на горной и луговой сторонѣ Волги.* И. Г. Р. Х.

Разсудокъ ей *велитъ замужствомъ торопиться. Кр. Разб. нев.

Вели — умру; вели — дышать я буду. Кам. гость.

В е́ л ѣ н о, *страд. прич., ср.* въ смыслѣ *безличн. гл. Не велѣно*, запрещено.

И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

Пушк. „Когда великое“

Гл. *велѣть* имѣетъ значеніе какъ несовершеннаго, такъ и несовершеннаго вида. *Я велю* можетъ означать и наст. и буд. время. *Я велѣлъ* всегда означаетъ прошедш. соверш.

Вразмётъ, *нар.* Разбросанно. *Голова съ гривой вразметъ на всѣ стороны.* Леск. Собор.

Вразумля́ть, ля́ю, ля́ютъ; ***вразуми́ть***, *д.* во что. Давать ясное о чемъ-либо понятіе; наставлять. [Іезуиты] *легко вразумили его* [Сигизмунда] *въ важныя слѣдствія такого случая.* И. Г. Р. XI.

Вра́ки, къ, *ж. мн.* Пустословіе, вздоръ.

Нравоученіемъ преславный Телемакъ
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ. Лом.

И тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ. Кр. Март. и очки.

Вран, а, *м*. *Цсл*. В о́ р о н ъ.

Павлина посрамляетъ вранъ. Лом.

Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями. Жук.

Грандъ, а, *м.* (исп. отъ grande большой). Титулъ испанскаго высшаго дворянства, пользующагося особыми правами.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи — и луны боится. Боже! Кам. гость.

Гроза́, ы́, вин. грозу́ и гро́зу, ж. *Мн*. гро́зы, зъ. 1. Громъ съ молніей.

Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза. Изм. -бей.

Гроза разразилась въ минуту отъѣзда нашихъ. Фрег. Палл.
Лѣто, обильное гро́зами.

…спасаяся отъ грозъ Посидонова моря. Одис.

Онъ [Петр] прекрасенъ,
Онъ весь какъ божія гроза. Полт.

2. * Бѣда, бѣдствіе, опасность.

Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья. Жук.

Молчитъ гроза военной непогоды. Тж.

Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой. Борис Год.

Страсть — гроза жизни. О, еслибъ испытать эту сильную грозу! Обрывъ.

Ты умерла… Смирились грозы. Некр. „Я посѣтилъ твое кладбище“

3. * Предметъ, наводящій ужасъ; кара, наказаніе, каратель; гнѣвъ, угроза, строгость.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ. Кр. Левъ состар.

Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ. Русл. и Людм.

Сей славный мечъ, гроза Казани темной. Борисъ Год.

Бойся не богатаго грозы, а убогаго слезы, посл.

А надъ собой гроза куда не бесполезна! Горе о. у.

Гурьба́, ы́, *ж.* (сравн. польск. hurmą толпой). *Простон*. 1. Толпа, вереница. *Прошла цѣлая гурьба народу. Они всегда ходятъ гурьбою.*

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили. Кр. Заяцъ на ловлѣ

…вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки. Некр. На Волгѣ

2. *Охот.* Куча борзыхъ.

Вопросы и задания

1. Сопоставьте приведенные образцы словарных статей из Словаря русского языка с Толковым словарем русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и Словарем современного русского литературного языка в 17 томах и обобщите свои наблюдения.
2. Подготовьте ответ по теме «Принципы нормативности в Словаре русского языка под ред. Я. К. Грота и их отражение в советской толковой лексикографии».

Словарь русского языка
под ред. А. А. Шахматова[1]

Л. С. Ковтун

Основная идея шахматовской лексикографии[2]

В период издания последнего (семнадцатитомного) академического словаря вопрос о шахматовской традиции не терял своей остроты. Профиль академического словаря, предложенный в выпусках под редакцией А. А. Шахматова[3] вызвал и продолжает вызывать двойственное отношение: а) попытка создать thesaurus в применении к живому языку расценивается как утопия, замысел, который не может увенчаться успехом; б) шахматовский период русской академической лексикографии признается ее научной вершиной[4].

---

[1] Словарь русского языка / сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук. Т. 2: Е, Ж, З / под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1907.

[2] Вопросы языкознания. 1971. № 2.

[3] Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук, т. 2 (буквы Е, Ж, З), 9 выпусков, первый из которых *Е — железный* (СПб., 1897) имеет теоретическое введение. Шахматов работал над словарем 12 лет (1895–1907).

[4] Акад. В. В. Виноградов не раз сообщал коллективу семнадцатитомного академического словаря, что зарубежные ученые предпочитают (там, где это возможно по составу букв) пользоваться словарем Шахматова: они находят в нем ценные для славистики материалы. При обсуждении первых четырех томов Семнадцатитомного словаря (1948–1955) на расширенном заседании ОЛЯ АН СССР Б. В. Томашевский отстаивал преимущества лексикографической концепции А. А. Шахматова. Видный сербский лексикограф Митар Пешикан, гостивший в Ленинграде в 1969 г., на вопрос, удовлетворяет ли его Большой академический словарь, ответил, что ценность его как словаря современного русского языка будет возрастать по мере издания сводного Словаря русских народных говоров.

Итак, с одной стороны, неосуществимость замысла А. А. Шахматова, с другой — высокий научный потенциал выдвинутых им принципов описания словарного состава языка. Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились.

В очерке по общей теории лексикографии Л. В. Щербы Словарь Шахматова нашел место в двух противоположениях: а) thesaurus — обычный (толковый или переводной) словарь, б) словарь академического типа — словарь-справочник. Автор стремится найти научный принцип шахматовского thesaurus'а. Раскрывая смысл оппозиции, он отмечает, что обычный словарь дает лишь правила (иначе: значения слова с иллюстрациями, подтверждающими толкования), словарь thesaurus — весь языковой материал и «до известной степени» предоставляет читателю самому выводить из него значения. Очевидно, что последнее из положений не может быть отнесено к шахматовскому Словарю: его отличает стремление к детальной разработке семантики на базе материала, способного отразить реальное состояние языка. Это качество Словаря отметила Е. С. Истрина: «Словарные материалы, так вдумчиво и тщательно собиравшиеся Шахматовым, явились основанием «Словарной картотеки» Академии наук, которая насчитывает уже несколько миллионов карточек, непрерывно расширяется и служит богатым источником современной лексикографии».

Действительно, Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации, но эпохи вполне определенной (нижний предел — язык времени Ломоносова); лексика, собранная в нем, не есть некий конгломерат, соединение разнородных материалов. И если признаком академического словаря счесть системность, как предлагает Л. В. Щерба, она может быть присуща и словарю языка нации. Академический словарь литературного языка в идеале должен содержать описание системных отношений словарного фонда литературного языка. Однако при всей значительности роли этого языка как языка общенационального он не автономен, так как сам входит в систему более сложного порядка (систему систем), которая покрывается понятием языка нации. Цементирующей основой языка нации, по идее А. А. Шахматова, служит живая речь. <…>

В предисловии ко II тому А. А. Шахматов раскрывает, как бы досказывает каждое неотчетливое место из «Введения» к I тому, стремясь принципиально, а не половинчато решить вопросы, стоящие перед Словарем. Разница между академиками-редакторами в этом смысле огромная. «Отделение русского языка и словесности, — пишет А. А. Шахматов, — оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами» (с. VI). Нечеткий термин «общеупотребительный

язык» он поясняет словами: «язык Москвы и Петербурга, центров нашей образованности» (с. V), тут же подвергая сомнению общую употребительность означенного языка (во-первых, среди областных слов попадают нередко известные на большом пространстве России, но чуждые так называемому «общеупотребительному языку», во-вторых, русские писатели не только влагают слова местного происхождения в уста действующих лиц, но и сами охотно их употребляют). Тем самым подчеркнута связь между разными частями языка русской нации и отмечено воздействие народных говоров на литературный язык, указано на продолжающийся процесс развития литературного языка — отработку народных слов в лаборатории художественной литературы. Нельзя забывать, что крупнейшие писатели XIX в. стремились все теснее сблизить литературный язык с народным.

В оценке А. А. Шахматовым Словаря Даля — не только знак крутого поворота академической лексикографии (достаточно вспомнить полемику В. И. Даля с редакцией Словаря 1847 г., возглавляемой А. Х. Востоковым). В этой оценке выражена суть замысла словарного предприятия. Такова лексическая база Словаря. «Широкая картина значений и оттенков слова, прямых и переносных, широкая картина употребления слов, оборотов, выражений, продуманная система грамматической характеристики слова и общие строго научные установки «редакции Шахматова»…» — таков уровень анализа слов в Словаре.

Заметим, что оценка разработки семантики в выпусках II тома академического Словаря русского языка под редакцией А. А. Шахматова, данная Е. С. Истриной, известным советским лексикографом и ученицей А. А. Шахматова, не расходится с мнением придирчивого критика «шахматовской» редакции И. Х. Пахмана: «Никто, конечно, не станет порицать редакцию нового Академического Словаря, — пишет он, — за ее заботу всесторонне разрабатывать каждое слово, доискиваться всевозможных оттенков его значения, приводить все встречаемые в литературе применения».

Шахматов и его сотрудники не оставляли, как видим, «языковой материал» сырым, но, прежде чем подвергнуть его анализу и систематизации, они добивались фундаментальности той базы, на которой будут строиться обобщения. Это внимание к языковому материалу оценил Л. В. Щерба, видя в нем попытку изучения процессов речетворчества в области словоупотребления. Отметив, что шахматовский Словарь, видимо, и составлялся под знаком этих идей, Л. В. Щерба дает ему такую характеристику: «Он, конечно, не должен был быть настоящим thesaurus'ом, но максимум цитат был его основным принципом, а поскольку дело шло об «областном языке», постольку абсолютно все имевшиеся материалы обязательно входили в его ткань».

Нельзя не согласиться с тем, что полноту материалов А. А. Шахматов ценил превыше всего и предела в этом отношении не ставил (в предисловии ко II тому он отмечает, кстати сказать, относительность достигнутых результатов). Нельзя не согласиться и с тем, что широта документации словоупотребления — характерный признак «шахматовской редакции». Пусть вспомнят участники работ над последним академическим Словарем всю жесткость невыполнимого правила: показать вариации употребления слова в хронологической перспективе от Пушкина до наших дней в трех цитатах на каждое деление словарной статьи.

Другое противоположение Л. В. Щербы, где упомянут в качестве типичного примера Словарь А. А. Шахматова, характерно тем, что в основе академического словаря лежит «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», в то время как слова, описанные в словарях-справочниках, могут принадлежать разным коллективам, относиться к разным эпохам и «вовсе не образуют какой-либо системы». Именно таков, по мнению автора, словарь Академии под редакцией А. А. Шахматова. Л. В. Щерба считал, что в основе подобных словарей в наше время лежит идея нации самого А. А. Шахматова: «В словаре Даля впервые смешаны два языка — язык письменный и живой язык современных «великорусских» говоров» (с. VII). В этом А. А. Шахматов видел главную заслугу Даля, причем на нее указано как на прецедент, так как вслед за этим в «Предисловии» говорится, что новый словарь Академии приближается к словарю В. И. Даля «по своему объему и по своим задачам» (с. VI). Для А. А. Шахматова важно было подчеркнуть эту близость двух словарей, проявляемую в доверии к словам из народной речи, но сейчас очевидно, что они весьма далеки по своему типу. Оба они заняли свое место среди лучших достижений русской лексикографии, но каждый — особое.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля — это первый и пока единственный словарь русской разговорной речи; вряд ли кто-нибудь ищет в нем сведений по лексике письменного языка. Ценность словаря Даля не в том, что он повторил за другими словарями, которые, как сказано в его «Напутном слове», «набирались из книг», а в том, что он добавил к ним десятки тысяч слов из устного народного языка. В. И. Даль счел нужным особо отметить, что девять десятых собранной им лексики — «простые, обиходные слова», а не какие-нибудь «неслыханные областные выражения», причем в нем описана не только речь русского крестьянина, но и «русского горожанина из демократических слоев» [В. В. Виноградов], терминология и фразеология разных ремесел, цехов и профессий. Даль не записывал лишь разговорной речи образованных слоев общества, в нем нет, за редким исключением, и цитат из русских писателей.

Словарь А. А. Шахматова не таков. Правда, редактор считает необходимым положить в его основу живой язык[1], но убежден, что русский язык представляет собой синтез языка народного и письменного. «До сих пор можно с письменным языком обойти всю Великую Россию и Сибирь и всюду быть понятым народом; и до сих пор архангелогородец и курянин, не зная письменного языка, могут обойтись со своим родным наречием как в столицах, так и во всяком захолустье…». Здесь выделено то общее, что спаивает отдельные части или проявления русского языка в язык нации.

Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации в его единстве и сложности; в этом состоит основная идея шахматовской лексикографии. Словарный фонд русского литературного языка здесь не затерялся, но занял подобающее ему место, язык писателя отражен вплоть до частных употреблений (с пометой «встретилось у Толстого», «встретилось у Тургенева» и т. д.), включены, в отличие от I тома, редактированного Я. К. Гротом, даже церковнославянские слова, если их употребляют русские церковные писатели или если они встречаются в русском переводе Писания. Областные слова соотнесены с литературными. Научные и технические термины включены в объеме еще небывалом и им даны точные логические определения, принятые в той или иной отрасли науки и техники. Таким образом, филологически рассмотрены термины как целостная категория (этого нигде не сделано, кроме Словаря Шахматова), а не только те из них, которые, по впечатлению лексикографов, получили общее распространение или значения которых размыты при использовании в речевом обиходе. К основным русским словам приведены параллели из других славянских языков. Где это возможно, даны научные этимологии. Обширная документация значений состоит из литературных цитат, фольклорных и диалектологических записей. В подборе цитат там, где позволяют материалы, представлена история развития значения.

Современный русский язык для А. А. Шахматова — это одно из состояний русского языка, к которому он пришел в процессе долгого развития. Идея синтеза не заслоняла для А. А. Шахматова специфики исторических периодов, а также и отличий в процессах развития отдельных частей этноязыка.

В шахматовской редакции академического словаря представлена идея синтеза отдельных частей современного языка русской нации. Она не может не стать жизненно необходимой русистике, особенно

[1] В письме Ф. Ф. Фортунатову 2 ноября 1895 г. и в Записке, которую Шахматов прочел в Отделении о программе словаря 16 ноября того же года, сказано, что для академического словаря есть два пути; первый из них — признать источником словаря письменный язык, второй — признать язык писателей лишь подспорьем при определении значения слов и их употребления, а источником словаря сделать живой русский язык; при этом задачей словаря является объяснение всех и всяких известных Второму отделению русских слов.

теперь, когда осознано значение исследований разговорной речи. Эти штудии волей-неволей выводят за пределы литературного языка. Недаром проблемы соотнесенности этноязыка и литературного языка, проблемы социальной обусловленности развития литературной разговорной речи, ее отношения к просторечию и диалектам (при современном состоянии языка и в генетическом плане) начинают занимать существенное место в проблематике нашего языкознания. <…>

Повернутая к живой речи, проникнутая историзмом и идеей синтеза всех компонентов языка нации, концепция академического Словаря А. А. Шахматова становится особенно значительной для современного этапа русистики в целом и лексикографии в частности.

Словарь А. А. Шахматова не раз подвергался критике. Указывалось, что совмещение областных и литературных слов и значений «не могло не отразиться на стилистической перспективе словаря, сильно ее затемняя и спутывая» [В. В. Виноградов]. Отмечалось, что объединение неоднотипных материалов отразилось и на истолковании слов: «невозможно было уловить смысловые особенности областного слова с такой же точностью, как и литературного». И это понятно: значения областных слов менее отработаны или, что то же, более диффузны. Несомненно и то, что всякое объединение ведет к потерям, к утрате чего-то специфического. На современном этапе анализа, видимо, необходим не один словарь, наподобие «шахматовской редакции», а комплекс словарей, синтезирующих показания письменных и устных источников. Это позволило бы по-новому подойти и к материалам литературного языка, к вопросам его стилистической дифференциации, и прежде всего — реально установить его активный и пассивный словарный запас.

В заключение хочется вспомнить слова, сказанные Е. С. Истриной: «Надо думать, что придет время, когда научная мысль снова вернется к «редакции Шахматова», когда осуществятся в обновленном виде его широкие замыслы и строгие научные требования».

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

Живо́тъ, а́, м. (Цсл. **живѡт**, болг. живо́тъ, сербск. жѝвот, словинск. živòt, старочешск. život, польск. żywot; верхнелуж. žiwot: жизнь и часть тѣла; малор. живі́т: часть тѣла, животи́: жизнь; бѣлор. живо́тъ: жизнь, животы́: пожитки, домашній скоть). 1. *Зоот.* Abdomen, общее наименованіе для той разноформенной части туловища, которая главнымъ образомъ содержитъ органы пищеваренія и мочеобразованія, а у нѣкоторыхъ отдѣловъ животнаго царства также и органы мочеотдѣленія и размноженія. Это — то средняя и частью нижняя (напр. у человѣка), то — задняя часть туловища (напр. у насѣкомыхъ). *Дворовые мальчишки въ длинныхъ, слегка, на большихъ животахъ, раскрытыхъ рубахахъ — и тѣ куда-то исчезли.* Тург. Степн. кор. Лиръ. *Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, раскрытомъ надъ бѣлымъ жилетомъ, спускавшимся на круглый животъ.* Л. Тлст. Война и М. <…> *Но за то въ подпругѣ лошадь была необыкновенно широка, что́ особенно пора-*

жало теперь, при ея выдержкѣ и поджаромъ животѣ. Л. Тлст. Анна Кар. *Служитель уперся колѣнкой въ животъ одному больному.* Слѣпц. Сц. въ больн. <…>

Болить се́рца и животъ:
Милъ няправдаю живёть.

К у р с к . г. (Халанск.).

Стоя́ть или ходи́ть ж и в о т о́ м ъ на военномъ языкѣ значитъ — стоять или ходить выдавая животъ впередъ. || Ж и в о́ т ъ подво́дитъ — употребляется въ слѣдующихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: *При каждомъ дыханіи животъ его* (коня) *подводило до самыхъ спинныхъ позвонковъ.* Тург. Юл. Милост. *А животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ.* Тург. Зап. ох. *А у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь стонутъ.* Гонч. Фр. Палл.

Хоть съ толокна животы подвело —
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло.

Некр. Псов. охота.

А что, братъ, съ кислаго-то молока, чай, животъ подвело? Салт. Призн. вр. Живот подводитъ обычно съ голоду, когда сильно хочется ѣсть. || Сорва́ть, надорва́ть ж и в о́ т ъ — надорваться. *Гимнастика еще иногда порождаетъ толки, и убѣжденіе, что отъ нея животы откудова-то срываются, не проходитъ.* Л. Тлст. Яснопол. шк. *Она животъ сорвала.* С а р а т . (Шахм.) <…> Ср. еще: *съ ними животы-то всѣ вымотаешь* или *животы-то надорвешь.* С а м а р . (Потанинъ). || Надсади́ть, надорва́ть ж и в о́ т ъ с о с м ѣ х у (ср. бѣлор. животы́ порва́ли отъ смѣха). *И чуть не надсадилъ своего живота со смѣху.* Гог. Пропавш. грам. *Животъ надорвешь со смѣху, какъ она начнетъ разсказывать.* В л а д и м . (Черныш.) || Стать безъ ж и в о т а́ — надорваться потерять силу, устать. *Таща большой чурбанъ, безъ живота сталъ* (Слов. Акад. 1789). || Отрости́ть, нагуля́ть себѣ ж и в о́ т ъ — потолстѣть, раздобрѣть. *А тамъ мы втроемъ* (*ты, Фетъ и я*) *предадимся образцовому эпикурейству, отростимъ себѣ животы и ни о чемъ помышлять не станемъ.* Тург. Письма. *Промышленники…, несмотря на тяжелую работу, нагуливаютъ себѣ при такой питательной пищѣ животы.* Кушелевъ, Мурманъ и его пром. *Живота́ не надышу* — не радостна жизнь. О р л . (Д.). || Пасть на ж и в о́ т ъ — захворать (простонар.). || Пусти́ть сухо́ту по ж и в о т у́ — опечалить, причинить грусть, тоску.

Какъ пустила сухату́
Па маёмъ живату́,
Какъ разсыпала пичаль
Па маимъ ясны́мъ очамъ.

Щ и г р . (Халанск.).

|| Кого-нибудь взя́ло поперёкъ ж и в о т а́ — кому-нибудь что-нибудь не понравилось. *Взяло кота поперекъ живота.* Послов. Даля. *Вотъ его и взяло поперекъ живота, и расходился*; *да нешто я, говоритъ, не такой же дворянинъ?* Даль, Повѣсти. || Съ ж и в о т о́ м ъ означаетъ въ простонародной рѣчи — беременное состояніе женщинъ. *Она ужѣ съ животомъ.* А т к а р . (Е. Иванова). || Ж и в о́ т ъ въ знач. желудокъ.

Ни вкуса въ нихъ (въ капляхъ), ни цвѣта не замѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Пушк. Ск. рып.

Бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ. Гог. Заколд. мѣсто. *Колбасы кусокъ съѣли, а съ ея, съ проклятой, еще пуще животъ пучитъ.* Салт. Госп. Головл. *Этотъ обѣдъ мнѣ больно не по животу.* Росс. Ѳеатръ, ч. XXXV, т. XVII. *Солдатъ, притворявшійся больнымъ отъ живота…* Л. Тлст. Война и М. *Ѣшь покамѣстъ животъ свѣжъ* (погов.). || Понести́ ж и в о т о́ м ъ — о скотѣ: испражняться. *Онъ* (меринъ) *не засмѣялся, не разсердился, не нахмурился, а понесъ только всѣмъ животомъ.* Л. Тлст. Холстомѣръ. || Ж и в о́ т ъ поэтому употребляется въ знач.: разстройство, боли живота́, желудка; рѣзи, боли въ желудкѣ. *Которыя* (дворовыя дѣвки)*, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы.* Гог. Старосв. пом. *Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ.* Л. Тлст. Ск. объ Ив. дур. *Совсѣмъ негодное рѣшались отдать въ застольную, гдѣ, послѣ такой подачки, нѣсколько дней сряду валялись животами.* Салт. Пошех. ст. *Скучать животомъ* (простонар.). *Всю ночь животомъ крицала.* Е л а т. (З. Бѣльский). || Ж и в о́ т ъ схвати́ло, ж и в о́ т ъ прошелъ. *Съ глазу, говорятъ, животъ схватило.* Л. Тлст. Вл. тьмы. *Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ животъ прошелъ.* Л. Тлст. Ск. объ Ив. дур. *Животомъ схватило.* В ы т е г. (Филим.). || Иногда ж и в о́ т ъ, какъ существенная часть тѣла, употребляется въ знач. тѣло.

Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.

Держ. Мельникъ.

Х о́ ч е т с я ж и в о т о́ м ъ — сильно, нетерпѣливо что-либо желается (С. Максимовъ). || Ж и в о́ т ъ замира́етъ. *И Настасью-то жалко и на нихъ глядѣть животъ замираетъ.* Семеновъ, Дѣвичья погиб. и др. разск. || Въ бранныхъ выраженіяхъ: *Надарили, болячка имъ въ животы* (погов.)! Т е р с к. (Водарск.). *Болячка въ животъ!* Т е р с к. (Водарск.). *Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животы, сердце!* Л. Тлст. Казаки. *Раздуй того животъ, кто неправдой живетъ.* Послов. Даля. || Въ клятвахъ: *Ей Богу, лопни мой животъ!* С а р а т. г. (Е. Иванова).

2. То же, что жизнь (цсл.). Употребляется въ языкѣ духовныхъ писателей и лицъ, уснащающихъ свою рѣчь церковнославянскими выраженіями. *Яко Матерь живота, Она* (Богородица) *видимо путемъ гроба взошла къ животу и славѣ.* Иннок. II, 44. *Возьми же крестъ свой и послѣдуй за Іисусомъ, и внидешь въ животъ вѣчный.* О подр. Хр., пер. Побѣдоносц. *Вѣдь, ежели она приметъ иночество, матушка-то Манева при своемъ животѣ благословитъ ее на игуменство.* Печерск. На горахъ. || Встрѣчается и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ церковнаго языка. *А ты и не догадалась, что сама она «просвѣтлена», что въ ней самой Духъ Божій живетъ, что сама она вѣщаетъ «глаголы живота»?* Печерск. На горахъ. *Владыко живота моего! за что же я буду сердиться?* Тург. Письма. *Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ*

въ пагубу. Остр. Не т. живи, к. хоч. Кни́га ж и в о т а́ — то же, что живо́тная кни́га. *Теперь бы онъ, можетъ, и радъ грѣшки свои поприкрыть — анъ они ужъ въ кънигѣ живота записаны значатся* Салт. Госп. Головл. || Въ старинномъ языкѣ: *Лучше смерть, чѣмъ позорный животъ.* (погов.). *Потерявши честь, потерять должно и жизнь, ибо безъ чести животъ себѣ бесполезенъ, да и обществу вреденъ.* И то и сьо. *Нашъ король состоялъ въ опасности своего живота.* Моск. Вѣдом. 1738. № 89.

Оставь ее… О рокъ!.. она животъ кончаетъ!

Крыл. Ф и л о м е л а (Росс. Ѳеатръ, 1786)

|| Въ современном языкѣ, преимущественно в просторѣчіи: *Въ смерти да в животѣ Богъ воленъ.* (посл.)

Волъкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая.

Крыл. В о л к ъ и к о т ъ.

А я соловушекъ не убиваю…, сохрани, Господи! Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота. Тург. Зап. ох. *Завѣряю васъ клятвенным обѣщаніемъ, что всѣ дни живота моего будутъ направлены на то…* С. Акс. Наташа. *Сколько на его душенькѣ животовъ лежитъ, и-и-и счету нѣту…* Наум. Въ забыт. краю. || Положить ж и в о́ т ъ — пожертвовать жизнью. *Не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ.* Пушк. Кап. д. *Правда, не сочтено еще, сколько и изъ этихъ гулякъ-пьяницъ… положили тамъ далеко животъ свой за великодушное дѣло.* Дост. Дневн. пис. Не щади́ть ж и в о т а́, а *обл.* ж и в о т о́ в ъ (ж и в о т ы́) не жалѣть — не беречь себя въ какомъ-нибудь дѣлѣ. *Рада бы не токмо что… живота не жалѣешь.* Фонвиз. Недоросль. *Это хорошо, что ты мать любишь. Она ходила за тобой, не щадя живота.* С. Акс. Дѣтск. г. Багр. вн. *Люди споруются, животовъ не жалѣютъ.* Послов. Даля. *Животы́ не жалѣть.* П с к о в. и О с т а ш.

Ай же ты да Ставеръ да Стогодиновичъ!
Что же желаешь нынѣ — живота али смерти?

Он. был. Гильф. II, 262.

|| Нерѣдко *сл.* животъ употребляется въ противоположеніи *сл.* смерть. *А въ животѣ и смерти Богъ волёнъ.* Пушк. Дубровск. *Лучше смерть, нежели золъ животъ.* Послов. Даля. *Не на животъ рождаемся, а на смерть.* Послов. Даля. *Смѣрти или живота?* спрашиваютъ побѣдители побѣжденныхъ въ дракахъ. || Не на ж и в о́ т ъ, а на́ смерть —при словахъ бить, пробира́ть, пуши́ть и т. п. — значитъ: безъ жалости, сильно, жестоко. *И, мало того, обѣщала исколотить его не на живот, а на смерть, руками своихъ приверженцевъ.* Герценъ, Былое и думы. *Судя по всѣмъ отрывкамъ и письмамъ, меня пробираютъ за «Дымъ» не на животъ, а на смерть, во всѣхъ концахъ нашего пространнаго отечества.* Тург. Письма. *Ужъ онъ меня пушилъ, какъ это говорится, пушилъ, пушилъ, пушилъ не на животъ, а на смерть, какъ говорится.* Л. Тлст. Война и М. *Готовился бой не на животъ, а на смерть.* Тург. Лит. и жит. восп. || До своего́ ж и в о т а́, вм. до конца своего живота, своей жизни. А р х а н г. (Ефим.). || Ж и в о́ т ъ въ смыслѣ милъ животъ, милая жизнь. Поэтому, напр.: потѣшу свой ж и в о́ т ъ — то же, что потѣшу себя.

Спину имъ (нахаламъ) всчешу отъ скуки
И потѣшу свой животъ.

Крыл. Бѣшеная семья.

|| *Сл.* живо́тъ, какъ и *сл.* жизнь, употребляется, какъ ласкательное.

Душка моя Марьюшка,
Животъ моя Трифоновна!

Ряз. (Пискар.).

Толька любить да съ Пётрымъ спать,
Толька любить, живатомъ назвать.

Сычев (Добров.)

|| Иногда *сл.* живо́тъ означаетъ здоровье, силы. *Этотъ водяной путь много живота моего унесъ.* Долгорукова, Пам. зап. Поздра́вить роженѝцу съ живото́мъ — съ выздоровленіемъ, собственно съ тѣмъ, что она осталась жива. *Велѣлъ только поздравить роженицу съ животомъ и дочерью да приказалъ назвать новорожденную Прасковьей.* С. Акс. Сем. хрон. *Праздравляють ж живато́мъ ръжани́цу.* Одоев. (Будде).

3. Имущество, движимое имѣніе, домашній скарбъ. Преимущественно въ обл. говорахъ. Ряз. (Тр. Л. С. 1822), Арханг. Мезен., Владим. (Тр. Л. С. 1820), Верейск., Лодейн., Том. (Тр. Эк. общ. 1851), Южн.-Сибир. (Гул.), Яросл. (Е. Якушк.), Курган. (прогр. № 73) и др. *У насъ животъ не раздѣленный.* Иркут. (Ровинск.). *Вотъ тутъ весь и животъ его.* Кадник. (прогр. № 31). *Весь мой животъ въ одной избѣ.* Вят. (Г. В. 1847). *Три корабля было живота.* Петроз. (Кулик.) *А женихъ-то славный парень, одинъ другого стоятъ, дом добрый, есть добра и живота, будетъ чѣмъ орудовать.* Минус. (АГО.). *Коробья съ животом — сундукъ съ приданымъ, играющій важное значеніе въ крестьянской свадьбѣ.* Тотем. (Волог. Г. 1866). *Приданымъ животомъ, да наказанымъ умомъ недолго проживешь.* Послов. Даля. *Михалко — мужикъ не работящій, а у него дивно живота.* Тобол. (АГО.). *У мила живота вездѣ ворота* (т. е. нажитое легко пропадаетъ). Послов. Даля.

А стара взять, та есть немощна
Животомъ правитъ въ домѣ своемъ.

Повѣн. (Рыбн. IV, 26)

Пошлину платили со всего живота.

Кирша Дан.

Да возьми-ка ты в расчетъ:
Некорыстный наш животъ —
Сколь пшеницы мы насѣемъ,
Чуть насущный хлѣбъ имѣемъ.

Ерш. Кон.-Горб.

Нужда наша, самъ знаешь, Игнатычъ. Гдѣ тутъ женить? Сами живота не надышимъ. Гдѣ жъ женить!.. Л. Тлст. Вл. тьмы. || Болѣе обыкновенно во множ. ч. животы́: Волог. (Тр. Л. С. 1822), Нижегор. (Лаврск.), Петроз. (Барс. Прич. II), Моск. (Рулье), Варнав. (Мат. Срезн.), Шадр. (прогр. № 86), *У йго усѣ* (всѣ) *живаты пагарѣли.* Обоян. (Машкинъ). *Всѣ*

животы роздалъ бѣднымъ. Великоуст. (АГО.) *И всево животов-то крёсъ да пуговиця.* Вят. (Васн.). *Животы́ коротки* — средствъ мало: *Купилъ бы корольки, да животы коротки.* Волог. (Иваницк.), Кадник. (Иваниц.). *Смерть покажетъ животы́,* т. е. откроется, что осталось по смерти кого-нибудь (посл.) *Сколько у него животовъ-то, батюшки-свѣты!* Соликам. (Словцовъ).

А отправились въ Индѣю во богатую,
А во ту было въ Корелу во проклятую,
Дюковы́ихъ жи́вотовъ обценивать.

Он. был. Гилф.I, 118.

Наши жи́воты сиротскіи,
Его глазушка поповскіи…

Он. был. Гильф. I, 118.

Здѣсь всѣ животы распродали, а оттуда безъ гроша вернулись. Е. Марк. Черноз. поля.

Одинъ отличенъ былъ избыткомъ животовъ.

Богдан. Душенька.

И, подлинно, суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.

Хемниц. Два сосѣда.

Пропадай, дескать, все на свѣте, былъ бы я и животы мои цѣлы. Дост. Дневн. Пис.

…А сборы-то какъ правилъ?
— Въ срокъ не отдашь — опишетъ животы.

А. Тлст. Посадникъ.

|| Взять или принять кого-нибудь въ живо́ты́ — воспитывать кого-либо вмѣсто сына или дочери: Волог. (Тр. Л. С. 1822); обыкновенно, принять зятя въ домъ (ср. живо́тникъ): Арханг. (Подв.). Идти́ къ кому-либо въ живо́ты́ — женившись, поселиться въ домѣ тестя. Шенк., Верховаж. (Шайтановъ).

4. Всякое живое существо. *Всякій животъ боится смерти.* Послов. Даля. *Батракъ… приволокъ* (*вм. коровы медвѣдя*) *домой и кричитъ: «Отворяй ворота, принимай живота!»* Аѳан. Ск. I, 412. *У меня такихъ-то хамовъ, какъ вы, полтораста животовъ было.* Остр. Волки и овцы. || Домашнее животное. *Лошаденку-то, хоть ее-то… одинъ животъ и есть… отпусти.* Тург. Зап. ох. *Вотъ, только и полюбись Ивану богатому этотъ пѣгашко*; *присталъ къ сосѣду: продай да продай своего живота.* Салт. Сат. въ прозѣ. *Коняга — обыкновенный мужичій животъ, замученный, побитый...* Салт. Сказки.

Коню-животу ему цѣны нѣтъ.

Русск. был. Тихонр. -Миллеръ.

Мы убъемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
Со конемъ, животомъ его розлучимъ.

Он. был. Гильф. II, 692.

|| Какъ собир.: скотъ, домашнія животныя. Моск. (Рулье), Яросл. (Тр. Л. С. 1820). *У него много живота.* Богород., Кологрив. (Ширск.). *Нашъ братъ, хресьянинъ, животомъ и красёнъ.* Кадник. (Иваницк.). *Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живетъ.* Послов. Даля. *Ни кола, ни двора, ни мила живота.* Нижегор. (Добролюб.). || Животы́ — скотъ, домашнія животныя. Роман-Борисогл. (АГО.), Вят., Опоч. *Не спомиловалъ Господь животовъ, вси подохли.* Псков. (Савицк.). *Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ.* Л. Тлст. Война и М. || Животы́ — лошади. *Доѣдешь, коль животы не устанутъ.* Пенз. *Вообще одиночникъ чрезвычайно любитъ своихъ животовъ и бережливъ къ нимъ даже до мелочности.* Максим. Лѣсн. глушь. || Живота́, о́въ — лошади, для отличія отъ животы́, что означаетъ вообще весь домашній скотъ. Псков. и Осташ. *Славные живота́.* Псков. (И. Евсѣевъ). <…> || Мелкія насѣкомыя (слѣпни, комары, оводы). *Животу у насъ — смерть! Только утромъ рано, да вечеромъ поздно и работаемъ.* Новорж. (Нов. Вр. 1898, № 7890).

5. Живота́ въ видѣ *нарѣч.* — только что, много что. *Живота выбьютъ*, т. е. только прибьютъ. Усол. *Живота побранятъ, а болѣ-то ужъ нечево не сдѣлаютъ.* Соликам. (Словцовъ). *Бреди! видишь, перейти то не почему; неглубоко вѣдь, живота только до подпазухъ.* Перм. (Луканинъ). *Живота, что день пропадетъ*: много, что день пропадетъ. Вят. (Г. В. 1847). *Живота, что пропадетъ гривна* (Д.).

Задания

1. Сформулируйте научный принцип шахматовской редакции Словаря русского языка и раскройте его реализацию в Словаре.
2. Опираясь на материал приведенной словарной статьи, охарактеризуйте языковой материал, включенный в Словарь.

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Толковый словарь русского языка

под ред. проф. Д. Н. Ушакова[1]

Как пользоваться словарем

§ 1. Задачи и объем. Выпускаемый Толковый словарь русского языка не ставит себе целью обнять всё богатство русского языка во всем его историческом и территориальном объеме. Задачи и объем словаря ограничены.

[1] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Он дает объяснение значений слов современного русского литературного языка, причем под литературным языком понимается не собственно язык художественной литературы, но вообще книжная и разговорная речь образованных людей.

Согласно с намеченной задачей словаря, в него, как правило, не входят некоторые категории слов. Так, за некоторыми исключениями (см. §§ 13 и 15), не входят слова местные, или областные, слова, вышедшие из употребления, а также большинство неприличных слов. Не входят также слова, представляющие собой или плод изобретения авторов в поэтическом языке, вроде «голубень» Есенина, «окалошить» Иг. Северянина, «ночело» А. Белого (по образцу *вечерело*) и т. п., или плод скороспелого сочинительства при неумении общепринятыми словами и сочетаниями их выразить свою мысль, вроде «крысонепроницаемость зданий», «противоскирдовальные настроения», «снегоборьба», «металлоизделия» (примеры из газет). Так же поступает с такими словами и французский словарь «Малый Лярус».

Кроме того, намеченный объём словаря заставляет ограничить количество слов некоторых категорий, определяя выбор степенью употребительности того или иного слова в общем языке.

Так, не даются узко-специальные термины наук, искусств, техники. Исключение сделано для терминов разных производств: они представлены в словаре несколько шире других вследствие их широкого проникновения в советскую печать в связи с интересом к нашему строительству. Исключены собственные имена (людей, географические и др.), а также названия жителей городов (*костромич*, *курянин*, *тверитянин* и т. п.).

Наконец, выпущены многие такие производные слова, которые легко образуются и легко понимаются: некоторые категории производных существительных, прилагательных, глаголов, наречий, степеней сравнения прилагательных и наречий.

Хотя словарь не может заменить учебников грамматики, стилистики и орфоэпии, однако он ставит себе и нормативные задачи: служить некоторым пособием 1) к правильному употреблению слов, 2) к правильному образованию форм слов и 3) к правильному произношению.

Первой задаче служат стилистические пометы <…>.

Второй задаче служат, указания форм в самих словарных статьях, ссылочные слова в словаре <…> и грамматические объяснения <…>.

Третьей — перечень главнейших правил произношения <…> с соответствующими указаниями при словах в словаре, расстановка в словах ударений.

<…>

§ 12. В словаре сделана попытка установить границы употребления слов. С этой целью введена целая система помет. Эти пометы ставят-

ся в круглых скобках последними в ряду других помет, сопровождающих данное слово перед толкованием его значения. Если слово имеет несколько значений или оттенков, то помета, помещенная впереди, относится ко всем значениям; если же различные значения или оттенки требуют разных стилистических помет, то помета ставится применительно к отдельному значению или оттенку. Отсутствие пометы при всем слове, или отдельном его значения, или оттенке означает, что это слово, или это значение, или этот оттенок являются общими для разных стилей или разных сфер употребления.

Принадлежность слова к специальной сфере употребления обозначается пометами, указывающими на ту или иную область науки, техники, производства и т. п., например: биол., метал., плотн. и др. <…>.

Пометой «(редко)» снабжаются слова, употребляющиеся редко, потому именно редко, что литературный язык их избегает.

Примечание. Для правильного понимания смысла помет не следует забывать значения термина «литературный» (язык, речь, употребление и проч.), указанного в § 1.

§ 13. Пометы, указывающие на разновидности устной речи:

(разг.), т. е. разговорное, означает: свойственно преимущественно разговорной речи; не нарушает норм литературного употребления, но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту некнижный, разговорный характер.

(простореч.), т. е. просторечное, означает: свойственно простой, непринужденной или даже грубоватой устной речи, но связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления. Между прочим помета имеет характер предостережения от употребления слова в книжном языке, а в тех случаях, когда при посредстве ее одни формы противополагаются другим, вполне литературным, она носит запретительный характер, например: *инструме́нт* (*инстру́мент* простореч.).

(фам.), т. е. фамильярное, означает: свойственно разговорной речи или просторечию и имеет или интимный, или развязный, фамильярный характер.

(детск.), т. е. детское, означает: употребляется взрослыми в обращениях к детям, как бы приноровленное к нормам детской речи.

(вульг.), т. е. вульгарное, означает: по своей бесцеремонности и грубости неудобно для литературного употребления.

(арго) означает: употребляется в пределах какой-н. социальной, профессиональной и т. п. группы. Определение при слове «арго» (воровское, театральное и др.) точнее указывает, к какому именно жаргону относится данное слово. Слово «арго» предпочтено слову «жаргон» потому, что со словом «жаргон» обычно связывается представление о чем-то неправильном, искаженном, а «арго» указывает только на узкую сферу употребления слова.

(школьн.), т. е. школьное, означает: употребляется в обиходе школы (низшей, средней или высшей).

(обл.), т. е. областное. Слова местные, или областные, как уже сказано (см. § 1), в словарь вообще не включаются. Но многие из них широко распространены, и полезно было поместить такие слова в словарь, однако с указанной пометой, которая для пишущих должна носить характер предупреждения о том, что слово может оказаться необщепонятным. Кроме того, эта помета имеет иногда запретительный характер, а именно, когда при правильной литературной форме существует ее вариант областной, употребление которого является для литературного языка неправильностью; такой характер имеет эта помета, например, при областных формах: *ба́ловать* (см. слово *балова́ть*), *игумна* (см. слово *игумен*).

§ 14. Пометы, указывающие на разновидности письменной речи:

(книжн.), т. е. книжное, означает: свойственно преимущественно книжному языку; употребленное в разговорной речи, всё же сохраняет отпечаток книжности.

(науч.), т. е. научное, означает: свойственное научному языку; помета ставится в том случае, когда термин применяется одновременно в разных отраслях науки. Иначе ставятся точные пометы: бот., физ., мат. и т. п.

(тех.), т. е. техническое, означает: применяется только в специально-технических языках, обозначая те или иные процессы, предметы и явления из области техники.

(спец.), т. е. специальное, означает: свойственное специальным языкам, связанным с каким-нибудь производством, с какой-нибудь профессией и т. п. Помета ставится в тех случаях, когда слово относится сразу к сфере нескольких специальностей или когда трудно было точно указать специальность. Иначе ставятся точные пометы: плотн., сапож., банк. и т. п.

(газет.), т. е. газетное, означает: свойственно газетному стилю, языку газет.

(публиц.), т. е. публицистика, означает: свойственно языку публицистических произведений.

(канц.), т. е. канцелярское, означает: свойственно канцелярскому, деловому слогу.

(офиц.), т. е. официальное, означает: свойственно языку правительственных актов, постановлений, официальных бумаг, официальных речей и т. п.

(поэт.), т. е. поэтическое, означает: свойственно поэзии; употребленное в общем литературном языке всё же сохраняет отпечаток поэтического употребления.

(нар.-поэт.), т. е. народно-поэтическое, означает: проникло в литературный язык из так называемой устной народной словесности.

§ 15. Пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка:

(нов.), т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.).

(церк. -книжн.), т. е. церковно-книжное, означает, что слово является пережитком той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке.

Примечание. Эту помету не надо смешивать с пометой «(церк.)», указывающей на употребление слова в специальном церковном быту верующих.

(старин.), т. е. старинное, указывает, что слово является пережитком отдаленных эпох истории русского языка, но употребляется иногда авторами с какой-нибудь нарочитой стилистической целью.

(устар.), т. е. устарелое, означает: вышедшее или выходящее из употребления, но еще широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям XIX века.

§ 16. Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта.

(истор.), т. е. историческое, указывает, что слово обозначает предмет или понятие, относящиеся к уже отошедшим в прошлое эпохам, и употребляется только в применении к этим «историческим» предметам, явлениям и понятиям. Этой пометой, вместе с пометой «(нов.)», сопровождаются и те слова, которые, создавшись в эпохи мировой войны и революции, успели выйти из употребления, поскольку предметы и понятия, обозначаемые этими словами, отошли в историю, например: *вик*, *викжеля́ть* (нов. истор.).

(дореволюц.), т. е. дореволюционное, указывает, что слово обозначает предмет или понятие, вытесненные послереволюционным бытом, например: *полковник*, *прошение*, *прислуга* и т. п.

(загр.), т. е. за границей, указывает, что слово обозначает предмет или явление, относящиеся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств.

§ 17. Стилистические пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов. Сюда относятся: (бран.), (ирон.), (неодобрит.), (шутл.), (презрит.), (пренебр.), (укор.), (торж.) — употребительное только в торжественном стиле, (ритор.) — употребительное только в стиле риторическом, патетическом или направленном на то, чтобы внушить слушателю то или иное отношение к предмету, (эвф.) — употребительное эвфемистически, для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное. <…>

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ЖИВО́Т, а́, *м.* **1**. Часть тела у человека и животных (от грудобрюшной преграды до лобковой кости), в которой расположены органы пищеварения. *Вздутый ж. Болит ж.* // Желудок или кишечник (простореч.) *Ж. расстро-*

ился. **2**. Жизнь (устар. теперь употр. в немногих поговорочных выражениях). *Не щадя живота своего. Не на ж., а на́ смерть* (ср. жизнь). *Ж. положить на кого-н., за что-н.* (пожертвовать жизнью). **3**. *чаще мн.* Домашний скот (обл.) // Имущество, домашний скарб (обл.) ◊ **С животом** (простореч.) — о беременной женщине. **Живот надорвать** — см. надорвать. **Живот подводит** или **подвело** (разг.) — хочется есть.

Вопросы и задания

1. Как проявляется нормативность в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова?
2. Пользуясь Толковым словарем русского языка, выпишите примеры слов, отмеченных различными пометами в Словаре; охарактеризуйте пометы и сгруппируйте их, учитывая назначение помет.

Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.)[1]

В. В. Виноградов

Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания[2]

1

Завершение работы над многотомным, обширным словарем родного языка — всегда огромное событие как для его авторов и составителей, так и для всего народа, говорящего на этом языке, для всего общества. Это — важное национальное дело, особенно если такой словарь не только большой, но и ценный по своим высоким качествам. Совершенных же, идеальных словарей, по-видимому, не бывает. Всякий доброкачественный словарь глубоко освещает пути и искания прошлого в его попытках понять и осмыслить, оценить «сокровищницу родного слова», открывая широкие возможности будущих достижений и перспектив в этой области. В этом смысле можно повторить вслед за нашим великим поэтом — *Миг вожделенный настал: окончен наш труд многолетний* (Пушкин).

---

[1] Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.

[2] Вопросы языкознания. 1966. № 6.

В семнадцатитомном академическом Словаре современного русского литературного языка 120 480 слов. Это самый значительный словарь современного русского языка. Кроме авторов-составителей и редакторов в разных формах работы над ним, в консультациях, замечаниях по разным отраслям производства, разным наукам и специальностям принимало участие огромное количество учреждений и отдельных лиц. Следовательно, перед нами действительно плод общенационального дела.

Первый том академического Словаря современного русского литературного языка должен был выйти в свет в конце 1941 г. Но война и блокада Ленинграда нарушили нормальное течение работы над ним, которая возобновилась лишь в 1945 г. В предисловии «От Редакции» к первому тому указывалось, что «настоящий Словарь современного русского литературного языка является толково-историческим и нормативным. Он должен охватить все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней» (т. 1, 1950, с. III).

<…> Перед нами не thesaurus, а словарь-справочник и притом гораздо более узкого объема, чем «предшествующий» (иначе — шахматовский) словарь. Однако во «Введении» доказывается необходимость более свободного включения в Словарь просторечия, «областных, провинциальных слов», «широко распространенных в разных говорах или в фольклоре, а оттуда проникающих и в художественную литературу» (например, *оброть*, *мизгирь* и т. д.); «сюда же относятся слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения: *…лядина*, *выть*, *…обжа*, *огребки* и т. п.» (т. 1, с. V). Следовательно, филологические задачи, по образцу Даля, осложняются этнографическими. Точно так же расширяется и находящая отражение в Словаре терминология разных областей знания и техники. Отсюда в Словарь включаются те термины, «которые более или менее вошли в общий язык, употребляются в книгах широкого обращения, без пояснительных примечаний», например, *бархан*, *галоиды*, *виппер* (техн.) и т. д. (там же, с. VI). Элементы энциклопедического жанра также просачиваются в словарь. Предлагается алфавитно-гнездовой порядок размещения слов. «Система гнездования групповых объединений исходит в основном из современных живых, ясных и близких связей слов, а не из широких этимологических построений и корневого принципа (чем настоящий Словарь отличается от Толкового словаря Даля в изданиях 1863–1866 гг. и 1880–1882 гг.)» (там же, с. VII–VIII). Но слова с приставками помещаются в алфавитном порядке по приставкам (там же, с. VIII). Необходимо сразу же отметить, что принципы гнездования, применявшиеся в первых трех томах нашего Словаря, были мало продуманы и иногда не вполне определенны и конструктивно объективны. <…>

Несомненно, что в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка было стремление сочетать разные виды лексикографической традиции, идущие от словарей Академии Российской, отчасти и от Даля, от толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова и даже от академического словаря 1847 года. Само собой разумеется, что в сфере иллюстративно-литературной и фразеологической нельзя было пожертвовать и достижениями гротовского и шахматовского словарей. При такой пестроте сочетаемых традиций достигнуть синтеза было почти невозможно.

2

Часть принципов, положенных в основу построения нашего Словаря, довольно скоро отпала. Об этом извещало уже редакционное предисловие к третьему тому (1954): «Критические отзывы на первые два тома Словаря и обсуждение этих томов на Ученом совете Института языкознания АН СССР показали спорность с научной точки зрения и нецелесообразность с практической точки зрения ряда особенностей построения Словаря, характерных для первых двух томов. Сюда относятся гнездовая система, основанная, главным образом, на историко-семантическом объединении слов в одно гнездо, смешение исторической и нормативной точек зрения при характеристике словарного состава современного русского языка, смешение филологических и энциклопедических принципов толкования слова и др.» (т. 3, Предисловие, с. III). Решено было с четвертого тома строить словарь на новых основаниях <…>.

По количеству и объему словесного инвентаря семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка решительно превосходит все другие русские толковые словари XX в. (под ред. Д. Н. Ушакова, четырехтомный академический словарь и, естественно, словарь С. И. Ожегова). Как справочное пособие по лексике современного русского литературного языка он несомненно стоит на первом месте среди других академических словарей близкого типа, уступая в этом отношении лишь незаконченному предшествующему академическому словарю, ответственное редактирование которого, начиная с букв Е, Ж, З осуществлялось А. А. Шахматовым, а затем и выпускам, подготовленным Д. К. Зелениным, Л. В. Щербой, отчасти С. П. Обнорским и др.

В предисловии к четвертому тому семнадцатитомного Словаря сообщено, что «устраняется система гнездового расположения слов, как явно мешающая справочной цели издания» (т. 4, 1955, Предисловие, с. III). Итак, по новому замыслу перед нами теперь уже не словарь с широкими научно-теоретическими задачами, а словарно-справочное издание. Осуществляется отречение от целей Словаря Академии Российской XVIII в. и Толкового словаря Даля. Характер-

но и такое странное заявление: «Возврат к гнездовому расположению слов в Академическом словаре в сороковые годы двадцатого века может быть понят в связи с путаницей и неразберихой в языкознании, порожденными «новым учением о языке» акад. Н. Я. Марра, и объяснен ими» (там же, с. III). Но научно обоснованная проблема гнездового словаря и доныне не перестает быть актуальной. Принцип условного историзма от гнездового размещения слов переносится в область распределения значений слов и цитат. «Иллюстративный материал, начиная с четвертого тома, будет располагаться, — сообщает редакция, — в нормальном хронологическом порядке, т. е. от Пушкина к писателям более поздней поры» (там же, с. IV). Стилистические пометы, применяемые в нашем Словаре, по сравнению со стилистической дифференциацией употребления слов в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова, обобщаются и упрощаются. Позднее в «Инструкции» 1958 г. это объясняется так: «Ограниченное применение стилистических помет прежде всего обусловлено тем, что в Словарь включается лексическое богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней». Иначе говоря, в Словаре должны найти отражение не одна, а несколько исторических видоизменявшихся лексико-стилистических систем русского литературного языка, и, следовательно, стилистические квалификации здесь имеют очень условный и абстрактный характер.

Кроме указания на разговорность слов, «обычных в устном общении и отличающихся некоторой непринужденностью выражения», применяется помета «простореч.» (просторечное слово) «при словах, также принадлежащих речи устной по преимуществу, но обладающих помимо этого свойством грубовато принижать форму выражения. Разговорной и просторечной лексике обычно присуще свойство эмоционально окрашивать высказывание, что и служит поводом широкого ее употребления» (там же, с. IV). В помете «обл.» (областное слово) выражаются не только диалектные качества слова, но и широкие возможности употребления его в речи персонажей художественных произведений и даже в авторской речи. Пометы «устар.» и «народно-поэт.» стандартны. Своеобразно лишь указание на способы «соединения» или сочетания разных помет, как, например, «устар. поэт.», «устар. простореч.» и т. д. Двойственность стилистических помет здесь вместе с тем и двусмысленна как с нормативной, так и с исторической точек зрения. Она удобна лишь для педагогически-практических, т. е. создающих научно-лингвистическую иллюзию, целей.

Помета «устар. быт.», помещаемая в скобках после определения, характеризует устарелость для современного быта того или иного занятия, обычая и т. п., как, например, *заговенье*, *заговаривать*, *зашептывать* (болезнь), *знахарь* и т. п. Расширение области профессиональной и специальной терминологии покрывается общей отвлеченной пометой «спец.».

Кое-какие усовершенствования вводятся и в сферу размещения фразеологии: фразеологический материал при известной связанности с определенным лексическим значением располагается вслед за соответственным значением (например, *живая рыба*, *живые цветы*; *живой язык*, *живой вес* и т. п.), а при отсутствии такой связанности он собирается в конце словарной статьи (например, *живой портрет*, *на живую нитку*, *на живую руку* и т. п.) (там же, с. V).

Заслуживает внимания и такой принцип: «При невозможности отчетливого выделения в словаре двух значений, подкрепляемых оправдательными примерами, но при ощущаемой двузначности его, через точку с запятой даются две формулировки значения, например: *Зази́мок*. *Обл*. Первый снег; первый мороз; *Замола́живать*. *Обл*. Заволакиваться тучами, облаками (о небе); клониться к ненастью; *Звукоизоля́ция*. *Спец*. Совокупность мер, принимаемых для снижения шума; способность противостоять проникновению звуков в помещение; *Здравоохране́ние*. Охрана здоровья населения; предупреждение болезней и лечение их» (т. 4, Предисловие, с. V–VI). Симптоматично замечание, включенное в предисловие к пятому тому Словаря. Оно говорит о том, что после устранения принципа гнездового расположения слов критические нападки филологов и читателей были, в частности, направлены против неясностей и искажений «исторической перспективы при раскрытии системы значений в слове» (т. 5, 1956, Предисловие, с. V).

Положительная сторона всей этой попутной реформы семнадцатитомного Словаря состояла в том, что она открывала возможности более глубокой и тщательной обработки как в структурно-описательном, так и отчасти в историческом плане вопросов грамматики и словообразования. Наиболее слабой в предшествующей традиции и в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова была лексико-семантическая обработка глагола. Правда, она не очень сильно продвинулась вперед и в нашем семнадцатитомном Словаре. Вот иллюстрации.

В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова глагольные омонимы *заговорить* слиты в одно слово. В семнадцатитомном же словаре выделено лишь два омонима (1. «начать говорить» и 2. «утомить продолжительным разговором») (т. 4, стлб. 351–354). При этом с *заговорить* «довести до отупения говорливостью» соединено и значение «воздействовать силою заговора», хотя уже помещенные здесь иллюстрации противоречат такому объединению. В самом деле, в одном глаголе резко выделяется приставка *за-* с результативным значением. Пример: «Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю» (Письмо А. С. Пушкина брату от 30 янв. 1823 г.). В другом, соотнесенном со словом *заговор* уже произошло «опрощение» основы (по терминологии В. А. Богородицкого). Ср. в рассказе А. П. Чехова «Счастье»: «Клады тут заговоренные, так что найдешь и не увидишь…». Ср. выра-

жения: «заговаривать кровь, испуг, бешенство» (Тургенев. Хорь и Калиныч), фразеологическое единство *зубы заговорить*. <…>

Таким образом, перед нами — характерное отставание лексикографической практики в обращении с омонимами от теории слова, от структурно-лингвистического изучения омонимов.

3

Вопрос о том, в какой мере, при каких ограничениях и в каком смысле возможно совмещение нормативно-стилистического и исторического принципов в одном типе словаря, очень сложен. Прежде всего ясно, что словарь такого типа может охватывать лишь не очень длительный промежуток времени, в течение которого не происходило частой и множественной смены лексических систем, а также резких преобразований стилей литературного языка. Следовательно, решение вопроса о целесообразности и возможности такого словаря обусловлено наличием глубокой, конкретной и тщательно дифференцированной исторической грамматики, исторической лексикологии и исторической стилистики литературного языка соответствующего периода. У нас нет права утверждать, что по отношению к истории русского литературного языка от Пушкина до современности все эти историко-лингвистические задачи уже полностью решены, особенно в области словообразования, семасиологии и синтаксиса. <…>

У нас нет исторического словаря русского литературного языка ни древней, ни новой эпохи. Не вполне ясными, по крайней мере в деталях, остаются и принципы составления такого словаря. Очевидно, необходимо отразить в таком словаре изменения в исходной лексической системе, т. е. случаи отмирания слов и выражений, способы образования и функционирования новых слов, перегруппировки семантических рядов и групп слов, сдвиги в синонимических соотношениях слов и выражений, пути развития и утраты омонимических явлений, стилистические колебания и взаимодействия, перемещения в семантической структуре слов и т. п. Все это должно найти и системно-динамическое и историко-хронологическое выражение. Как это сделать без нарушения архитектонической стройности словаря, пока еще не очень ясно.

4

Хотя в предисловии к пятому тому семнадцатитомного Словаря было выражено стремление редакции к более четкому раскрытию исторической перспективы при определении значений слова, это стремление чаще всего не находит своего полного и убедительного воплощения. Например, в слове *искусство* отыскиваются три значе-

ния, и показываются они в такой последовательности: 1) творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах (цитаты из Гоголя, Чернышевского и Ферсмана); 2) отрасль творческой художественной деятельности и 3) умение, мастерство, необходимое для ведения какого-либо дела (т. 5, стлб. 470). Здесь возбуждает сомнение и последовательность расположения значений и формулировка исходного, первого значения, основанного на поэтической системе реализма. Историко-лексикографические справки, указывающие на «Лексикон» Поликарпова 1704 г., на «Вейсманнов Лексикон» 1731 г. и на «Российский Целлариус» 1771 г., противоречат семантическому раскрытию предполагаемой или предлагаемой истории значений слова *искусство*. Характерно, что в Словаре языка Пушкина употребление слова *искусство* в значении «система приемов, методов в какой-либо практической деятельности» отмечено 52 раза, а в значении «художественное творчество» — 21 раз; вообще же оно встречается 107 раз. Возникает вопрос, можно ли первое значение слова *искусство*, выдвигаемое семнадцатитомным Словарем в качестве исходного, применить к такому общеизвестному месту из пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери»:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.

Вот некоторые материалы для семантической истории слова *искусство*.

Морфологические критерии распознавания и выделения древнеславянизмов нередко вступают в конфликт с семантическими, внутренними, формами слова. Несмотря на то, что слово может быть этимологически разложено на древнеславянские морфологические элементы, несмотря на то, что оно носит печать книжности и история его употребления в прошлом тесно связана со стилями книжно-славянской речи, все же квалификация его как старославянизма, славянизма или церковнославянизма может быть грубым историческим анахронизмом. Ко многим словам этого типа скорее приложимо название западноевропеизма на древнеславянской основе.

Слово *искусство* не отмечено в памятниках древнерусского языка. Но гнездо родственных ему образований восходит, по-видимому, к старославянскому языку. Например, выражение *искусы творити* встречается в Договоре Олега 912 г., *искусы дѣяти — πειράξειν* указано В. М. Истриным в «Хронике Георгия Амартола».

Искус в значении «опыт» было широко употребительно в языке древнерусской письменности.

В договоре с греками 945 г. слово *искус* употреблено в значении «истязания, пытки» («аще кто от крьстьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творить». 74); ср. греч. *πεῖρα*. Не очень точно и дос-

товерно история значений слов *и́скус* и *иску́с* воспроизведены в нашем Словаре (т. 5, стлб. 466–467).

Ф. И. Буслаев писал: «…*вкус* и *искусство* (*ис-кус-ство*) происходят от одного корня *кусити* (санскр. куш — experiri). С понятием искусства соединяется мысль об обмане, прельщении, что видно из родственных с ним слов: *искусить*, *искуситель*, *искушение*».

Однако это этимологическое толкование слова *искусство* не соответствует его семантической истории.

Дело в том, что слово *искусство* создавалось хотя и посредством сцепления книжнославянских морфем, но на совершенно другой семантической и культурно-исторической почве.

В русском литературном языке оно появилось не раньше второй половины XVII в. В русском лексиконе Петровского времени (библ. Акад. наук) слово *экспериенциа* (лат. *experientia*, польск. *eksperjencja*) (опыт, испытание) поясняется при помощи слова *искусство*.

Таким образом, слово *искусство* возникает не без влияния латинского языка как языка западноевропейской науки и философии (до создания научных языков в странах Западной Европы на национальной основе). У Ант. Кантемира в примечаниях к переводу сочинения Фонтенелла «Разговоры о множестве миров» (1730): «Экспериэнциа. Искус, искусство, знание, полученное через частое повторение какого действа». Ср. в легенде о папе Григории по списку XVIII в.: «Был я в том монастыре, и не захотел в том монастыре жить и пожаловал себе (в) воинском изкусстве опробовать».

Последующая семантическая история слова *искусство* в русском литературном языке XVIII и XIX вв. определяется не только углублением и дифференциацией его значений — применительно к разным сферам труда и творчества, но и меняющимися формами его соотношений с многочисленными кругами связанных с ним слов и лексических рядов: *искусный*, *искуситься* и т. п., *художество*, *мастерство* и др. под. <…>

5

Элементы историзма более открыто, хотя и в бессистемном, отрывочном виде, выступают в справочном отделе словарной статьи семнадцатитомного Словаря. На это указывает предисловие к тому шестому этого Словаря. Здесь отмечаются три назначения справочных сведений: «1) Если толкуемое слово на протяжении того периода, который охватывает Словарь, претерпевало изменения грамматической формы или имеет параллельные формы, отвечающие устарелому, просторечному или иному употреблению, такие формы показываются с соответственной квалификацией их, с указанием на изменения в правописании и произношении. Примеры: *месть* при *мести*; *маневр* при слове *маневр*, *ла́вровый* при *лавро́вый* и т. п. 2) Делается ссылка на тот словарь, в котором слово впервые поме-

щено. Если у слова в литературном языке менялась форма, то привлекаются сведения из хронологически следующего или следующих словарей. Напр., *логов* в Словаре Академии Российской (1792); *логово* в Словаре Акад. 1814; *лентошный* в Российском Целлариусе (1771), *ленточный* в Словаре Акад. (1792) и т. д. 3) Дается этимологическая характеристика заимствованного слова» (т. 6, Предисловие, с. III–IV).

Вообще говоря, это — важное нововведение, указание на первую регистрацию слова в лексикографических источниках. Конечно, трудно было бы требовать в этих случаях исчерпывающей полноты и безукоризненной точности историко-лексикографических свидетельств. Кроме того, фактическая жизнь слова в многочисленных ее проявлениях находит отражение в лексикографических «календарях» через долгие сроки молчания. Тем не менее ни один историк русской лексики не может отрицать ценных наводящих сведений и указаний, содержащихся в историко-лексикографических справках нашего Словаря. Но и тут много спорного и исторически нецелесообразного. <…>

Любопытно, что при слове *мишка* со значением «медведь» историко-лексикографическая ссылка указывает на Толковый словарь под ред. Ушакова (1938), а иллюстрации приводятся из крыловской басни «Квартет»: «Проказница-Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка Затеяли сыграть квартет» и из стихотворения Некрасова «Генерал Топтыгин»: «Тут во всю медвежью мочь заревел наш мишка» (т. 6, стлб. 1068). Следовательно, здесь историко-лексикографическая справка не ведет к истории слова, а уводит от нее.

В отдельных случаях, по-видимому, не очень частых, историко-лексикографическая справка оказывается неточной и запоздалой. Так, например, при слове *стимул* дается ссылка на третье, т. е. бодуэновское, издание словаря Даля (начало XX в.). Тем самым это слово в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка оказалось лишенным всякой истории, хотя есть литературные ссылки на Добролюбова и А. Н. Островского («Один из хороших стимулов для труда есть нужда») (см. т. 14, 1963, стлб. 880).

Между тем слово *стимул* начало употребляться уже в русском литературном языке 40-х годов XIX в. В это время оно еще воспринималось многими литературно образованными людьми как неологизм. Например, рецензент журнала «Пантеон» в своем разборе статьи Николая М. «Биография Н. В. Гоголя» пишет: «…мы оставляем Николая М. с его биографиею, заметив только на прощание, что сло́ва *стимул* нет в русском языке и что писать *дата* вместо число более чем странно».

Слово *стимул*, судя по его ударению, было заимствовано либо прямо из латинского языка (лат. *stimulus* буквально «заостренная палочка»), либо через посредство польского и немецкого языков (ср.

польск. *stimułowac*, нем. *stimulieren*). Во всяком случае уже в 60-х годах слово *стимул* входит в активный словарь русской журнально-публицистической речи. Оно вносится в лексикон иностранных слов. Например, в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленном по образцу немецкого словаря Гейзе» (СПб, 1861, с. 483) читаем: «Стимул (от stimulare — погонять), лат. Побудительное средство; все, что побуждает делать что-либо». <…>

Нужно различать последовательность выполнения структурного плана словаря, в том числе и семнадцатитомного, и ценность отобранного и вмещенного в него материала. Например, у нас еще нет систематического изложения исторических закономерностей развития русского словообразования хотя бы в литературном языке нового времени — XVIII–XX вв. И Словарь их не открывает, хотя и дает ценнейший материал для исторических изучений, заключений и обобщений <…>.

Таким образом, семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка не стал и не является толково-историческим, хотя и содержит очень много ценного материала для исторической лексикологии русского языка XVIII–XX вв. Можно даже утверждать, что именно этот Словарь поставил перед нами во всю ширь проблему исторического словаря русского литературного языка национальной эпохи или, вернее, нескольких исторических словарей этого времени: от конца XVII в. — до Пушкинской эпохи (может быть, с двумя подразделениями), от Пушкина — до 50–60-х годов XIX в., от 60-х годов до конца XIX — начала XX в.

6

Тут вплотную приближается к нам проблематика нормативно-стилистического словаря. Она связана с очень широким кругом вопросов понимания структуры, объема, содержания границ и норм современного русского литературного языка. Эти вопросы у нас горячо обсуждаются в последнее время, но пока еще без очень существенных и, во всяком случае, окончательных, общепризнанных результатов. Л. В. Щерба утверждал, что нормативное описание лексической системы, «соответствующее единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», может быть продуктивно осуществлено лишь в сравнительно узких хронологических границах. Эти границы должны быть точно обозначены ясным описанием, а также определением соответствующей языковой системы и реализующей ее языковой нормы.

По моему мнению, применительно к современному русскому языку это время с 90-х годов XIX в. — с начала XX в. вплоть до современности.

Таким образом, много трудностей возникло и при попытке построить нормативно-стилистический словарь современного русского ли-

тературного языка. Ведь у нас очень слабо разработана стилистика, ее категории, их соотношение. Разработанная мною для Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова система стилистических помет была направлена не столько в будущее, сколько в прошлое. Ведь было очень трудно в 20–30-е годы текущего столетия — при происходивших тогда резких изменениях и колебаниях стилистической окраски множества слов и при огромном количестве новообразований — определить устойчивые принципы стилистических оценок разных групп слов. Между тем, эта система стилистических помет в ее существенных чертах, хотя очень часто с резкими субъективными отклонениями, продолжала, в основном, применяться во всех последующих словарях современного русского литературного языка вплоть до современности. Вот несколько иллюстраций из семнадцатитомного Словаря. В нем наречие *мимоездом* квалифицируется как слово «разговорное», а прилагательное *мимоезжий* как «просторечное» (т. 6, стлб. 1003). Ср. у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися
Парома поджидаючи…

Ср. у А. Н. Толстого («Для чего идет снег»): «Мимоезжий извозчик» (см. т. 6, стлб. 1003).

Слова *мимолетом* и *мимолетный* свободны от всяких стилистических помет.

В том же плане рассматривается *мимоходом*. И сюда же без всяких оснований присоединяется редкое в современном литературном языке слово *мимохожий*, также не сопровождаемое никакой стилистической пометой, в значении «проходящий мимо». Пример один — из «Русского леса» Леонида Леонова: «Ставил злодей у себя во дворе щедрые странноприимные столы, …зазывая к себе мимохожую голь» (см. т. 6, стлб. 1005). <…>

Оставлено без всякой стилистической пометы слово *татьянка* со значением «женское платье с облегающим грудь лифом и сосборенной широкой юбкой» (т. 15, стлб. 142). Пример — из «Двух капитанов» Каверина (III, 2), несколько каламбурный: «Она была совершенно непохожа на пушкинскую Татьяну, разве только своей татьянкой, да локонами до плеч».

Едва ли может быть признано нейтральным в плане современного литературнго языка слово *твердоседрый* (имеющий твердое, жестокое сердце), не имеющее никакой стилистической пометы и иллюстрируемое лишь одной цитатой из «Двойника» Достоевского: «Твердосердый советник в парике очутился бок о бок с господином Голядкиным» (см. т. 15, стлб. 158). <…>

Таким образом, семнадцатитомный Словарь русского литературного языка очень мало приблизился к разрешению задач нормативно-

стилистического словаря современного русского языка. Здесь его значение состоит лишь в убедительном обосновании ставшей теперь бесспорной истины, что в истории русского литературного языка от Пушкина до наших дней сменилось несколько (по крайней мере, т р и) лексико-стилистических систем и соответствующих им литературно-языковых норм. Но во всяком случае ценность подбора новых, иногда ярких и очень выразительных иллюстраций из произведений русской литературы XIX–XX вв. — художественной, критико-публицистической и научной, в семнадцатитомном Словаре неоспорима. Внесены во многих случаях полезные усовершенствования в структуру семантической статьи о слове — как в общую систему размещения основных значений (с отнесением на конец устарелых, специальных, просторечных и т. п.), так и в расположение фразеологических сочетаний и терминологических выражений внутри одного и того же значения.

Однако нет смысла широко обсуждать в связи с этим словарем вопрос о принципах — старых и новых — истолкования значения слова, потому что в этой семантической сфере пока, кроме некоторых отдельных досужих, а в некоторых случаях и свежих мыслей у нас пока еще ничего существенного и всесторонне признанного, очень убедительного не сделано.

7

Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка не оформился в особый самостоятельный тип словаря, но он обогатил многими ценными материалами и способами его истолкования как практику и теорию русской лексикографии, так и вообще науку о русском литературном языке, о культуре русской речи.

Семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка выдвинул перед нами новые задачи — создание исторических и нормативно-стилистических словарей. Он выделил много частных проблем, относящихся к этой сфере (например, о связи и соотношении этимологии, лексикологии и семасиологии, о положении лексики в ряду других сторон и сочленений структуры языка, об устойчивых и подвижных элементах в лексическом составе языка, о структурных качествах нормы и путях ее изменений и т. п.). Этот Словарь подготовил некоторую базу для широкого изучения истории лексико-фразеологических связей и сочетаний слов, законов лексико-синтаксической сочетаемости слов в новую эпоху развития русского литературного языка.

Словом, он дает богатую пищу для размышлений, исследований и исканий всем филологам, особенно русистам, и тем самым доставляет много наслаждения всем любителям русского языка, русского слова. <…>

Впервые опубликовано в 1966 г.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

1. ЖИВО́Т, á, *м.* Часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения. (Осип): *Чорт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы.* Гог. Ревизор. *Сизоусый машинист, полузакрыв глаза, сложив пальцы на животе, кивал утвердительно*. А. Н. Толстой. Хмур. утро. ◊ Надорвать, сорвать ж и в о́ т. *Просточ*. Причинить себе повреждение поднятием непосильной тяжести. *Чем мы не угодили про вашу честь? Уж и так старались, животы надорвали.* Дост. Хозяйка. *Живот у меня надорванный... еще мальчиком надорвал*. Купр. Поединок. ◊ Мучиться, маяться и т. п. ж и в о т о́ м. *Просточ*. Страдать заболеванием в области живота. *Хозяин мучился животом и охая лежал на полатях.* Решетн. Свой хлеб… ◊ Ж и в о́ т схватит, схватило. *Просточ*. О расстройстве желудка. *Чего же он морщился?... он лишнего поел. И тут как раз ему живот схватило!...* Михалк. Без вины пострадавшие. *— Живот схватило, — объяснил больной слабым голосом и с особенными предосторожностями вытянулся на постели.* Смирн. Открытие мира. // *Просточ*. Нутро, утроба. *Ты только сам, помилуй, скажи, что хитростев всяких настало? Тот летит по воздуху, что птице одной назначено*; *тот рыбою плавает*…; *этот животом говорит*; *другой еще что другое, что человеку непоказанное — делает.* Леск. Воительница. ~ ***Живо́т* (*животы́*) *подводит* (*подвело*)** у кого-либо. Об отощавшем, проголодавшемся, живущем впроголодь. *Слуги толпой подъезжают к крыльцу… Хоть с толокна животы подвело — да в позументах под каждым седло.* Некр. Псов. охота. <…> ***Надорвать* (*надсадить*) *живо́т* (*животы́*)** (со смеху). Много смеяться над чем-либо. *Истории и присказки такие диковинные, что дед несколько раз хватался за бока и чуть не надсадил своего живота со смеху.* Гог. Пропавш. грам. *Публикации ваши очень полезны: и правды много, и иногда животы надорвешь.* Герцен, Былое и думы.

— Вейсманнов Лекс. 1731, с. 396: ж и в о т; Рос. Целлариус 1771, с. 166: ж и в о́ т.

2. ЖИВО́Т, á, *м. Устар*. То же, что жизнь (в 1-м знач.). [Кутейкин:] *Четвертый год мучу свой живот* [занимаясь с Митрофанушкой]. *По сей час кроме задов новой строки не разберет*. Фонвиз. Недоросль. *Волк из лесу в деревню забежал, Не в гости, но живот спасая.* Крыл. Волк и кот. ◊ Не жалеть, не щадить и т. п. ж и в о т á. *Я... стану работать по-настоящему, не щадя, как говорится, живота.* Чех. Моя жизнь. *Я стал биться за Порт-Артурскую крепость, живота своего не жалеючи, получил в сражении сразу восемнадцать ран от осколков разорвавшегося снаряда.* Нов. - Прибой. Цусима. ~ ***Не на живот, а на смерть.*** а) До решительного исхода, не щадя жизни. *Биться не на живот, а на смерть.* <…> *Идет борьба не на живот, а на смерть на всех фронтах за социалистическое отечество.* Вс. Иван. Бегств. остров. б) Очень сильно. *Как не придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства... кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть.* Гог. Мёртв. души. [Перфильевна:] *Ах, окаянный!.. Перепугал не на живот, а на смерть.* Мей. Псковитянка. *Чиновники пробирались мимо его окон с какой-то поспешностью, ибо им казалось, что генерал «уже вылупил глазищи»*

и хочет изругать не на живот, а на смерть. Гл. Усп. Нравы Растер. ул. ~ ***Класть (положить) живо́т (животы́).*** Умирать (умереть), погибать (погибнуть). [Василиса Егоровна] *заглянула на виселицу и узнала своего мужа… «Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка!.. не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!»* Пушк. Кап. дочка. [Салтыков:] *Борису присягали, за Бориса Кладут живот!* А. К. Толст. Царь Борис. [Мурин] *стал слушать: «Погоня, Катя, за нами! Погоня за нами, красная девица, да не в этот час нам животы свои положить!»* Дост. Хозяйка.

— Срезневский: ж и в о т ъ ; Поликарпов, Лекс. 1704: ж и в о́ т ъ .

3. ЖИВО́Т, а́, *м.* 1. *Обл.* Домашнее животное, преимущественно лошадь. *Деньги он* [извозчик] *имел*; *но главное имущество были лошади*; *сказываю, животам цены нету!* Н. Усп. Обоз. *Пришел я на побывку… Гляжу — лучше прежнего живут. Животов полон двор.* Л. Толст. Война и мир. <…>

2. Только мн. *Устар.* Имущество, богатство. *Меж многими царями Один отличен был Числом военных сил, Умом, лицом, кудрями, Избытком животов, И хлеба и скотов.* Богд. Душенька. *Крестьянские животы — это его* [крестьянина] *земледельческий инвентарь со всей движимостью.* Ключ. Курс. Русск. ист. [Воеводу] *в дороге порешили воры и животы пограбили без остатку.* Чапыг. Разин Степан.

— Срезневский: ж и в о т ъ ; Поликарпов, Лекс. 1704: ж и в о т ы́; Слов. Акад 1809: ж и в о́ т .

Вопросы и задания

1. Почему Словарь современного русского литературного языка в 17 томах является историческим и нормативным? В чем сильные и слабые стороны этого словаря?
2. Традиции каких словарей-предшественников использованы в концепции семнадцатитомного Словаря?
3. Сопоставьте стилистические пометы ТСУ и БАС. Охарактеризуйте метаязык БАС и ТСУ.
4. Какова особенность 1–3-го томов БАС?
5. Какая информация содержится в Справочном отделе БАС?
6. Каково значение семнадцатитомного академического Словаря современного русского литературного языка для теории и практики русской лексикографии?

Словарь русского языка (в 4 т.)[1]

ЖИВО́Т[1], -а́, *м.* Часть тела у человека и животных, в которой расположены печень, желудок, кишечник, селезенка и другие органы. *Надзиратель, прижавшись спиной к стене, выпятил свой толстый живот.* М. Горький. Зазубрина. *Животы вздувались от жирного плова, и многим становилось дурно.* Лавренев. Сорок первый. ||

[1] Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981–1984.

Прост. Желудок, кишечник. *В ночь на 4 сентября никто не спал, все мучились животами.* Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня. || Сторона туловища, противоположная спине. *Лежать на животе.* Веревки развязали, перевернули акулу опять на живот и хотели нести прочь. И. Гончаров. Фрегат «Паллада».

◊ **Живо́т подвело** *см.* подвести. **Надорвать живот (животы) со смеху** (или **от хохота**) *см.* надорвать.

ЖИВО́Т[2], -а́, *м. Устар.* То же, что ж и з н ь (во 2 знач.). *Волк из лесу в деревню забежал, Не в гости, но живот спасая*; *За шкуру он свою дрожал.* И. Крылов. Волк и кот. *Изобильна была земля, и народ был силён и храбр и родную землю от врагов отстаивал, не щадя живота своего.* А. Н. Толстой. Откуда пошла русская земля.

◊ **Не на живот, а на смерть** см. смерть.

ЖИВО́Т[3], -а́, *м. Устар.* и *обл.* **1.** Сельскохозяйственное животное (обычно о лошади). — *Сбруйка у него аккуратненькая, животы не мученые, тарантасец покойный — едет да посвистывает.* Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. — *А какой у вас конь богатейший!... Одного живота, по навету злых людей, лишились...* [и] *приобрели себе другого, нисколько не худшего.* Тургенев. Конец Чертопханова.

2. *мн. ч.* (ж и в о т ы́, -о́в). Имущество, богатство. [Воры] *животы пограбили без остатку.* Чапыгин. Разин Степан.

С. И. Ожегов
Словарь русского языка[1]

ЖИВО́Т, -а́, *м.* **1.** Часть тела, в к-рой расположены органы пищеварения. **2.** Желудок, кишечник (разг.). **3.** Жизнь (стар.). *Не на ж., а на смерть* (не жалея своей жизни ради чего-н.). || уменьш. **живо́тик,** -а, *м.* (к 1 и 2 знач.).

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ КОНЦА XX ВЕКА

С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова
Толковый словарь русского языка[2]

ЖИВО́Т[1], -а́, *м.* 1. Часть тела, прилегающая к тазу, в к-рой расположены органы пищеварения. *Боль в животе. Ж. растет у кого-н.* (толстеет кто-н.; разг.). *Острый ж.* (условное название остро про-

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1953.

[2] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1998.

текающих заболеваний каких-н. органов брюшной полости; спец.). 2. Желудок, кишечник (разг.). *Ж. болит. Животом мучиться* (страдать от болей в желудке, кишечнике; прост.). || *уменьш.* **живо́тик**, -а, *м.* ♦ **Животики надорвёшь** (разг. шутл.) — о чём-н. очень смешном. *В цирке были — животики надорвали.*

ЖИВО́Т[2], -а́, *м.* (стар.). То же, что жизнь (во 2 знач.). *Не щадя* (*не жалея*) *живота своего. Не на ж., а на смерть* (не жалея жизни).

Большой толковый словарь русского языка[1]

1. ЖИВО́Т, -а́; *м.* Часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения. *Большой, толстый ж. Вздутый ж. Втянуть ж. Лечь на ж. Ж. болит. Острый ж.* (*мед.*; болезненный – при остро протекающих процессах в брюшной полости). *Ж. растёт у кого-л.* (кто-л. толстеет). *Мучиться, маяться животом* (*разг.*; страдать от боли в кишечнике или от расстройства желудка). □ *безл. Ж. схватило* (*разг.*; о болях в желудке или расстройстве желудка). ◊ Живо́т (животы) подводит (подвело) у *кого*. **1.** Об ощущении сильного голода. **2.** О совершенном обнищании, жизни впроголодь. Надорвать (надрывать) живо́т (животы). *Разг.* **1.** Поднятием непосильной тяжести повредить какие-л. органы, расположенные в брюшной полости. **2.** Смеяться, хохотать до изнеможения. < Живо́тик (*см.*). Животи́шко, -а; *м. Шутл.*

2. ЖИВО́Т, -а́; *м. Устар.* = Жизнь (2 зн.). *Сражаться с врагом, не щадя живота. Работать, не щадя* (*не жалея*) *живота.* ◊ Не на живо́т, а на́ смерть. = Не на жизнь, а на смерть. Класть (положить) живо́т. Умереть, погибнуть. *Положил ж. свой в честном бою.*

3. ЖИВО́Т, -а́; *м. Устар. и Нар. -разг.* **1.** Домашнее животное (обычно о лошади). *Какого живота наше хозяйство лишилось!* **2.** *мн.:* животы́, -ов. Имущество, богатство. *Воры животы разграбили.* < Живо́тик, -а; м. *Уменьш.-ласк.* (1 зн.). *Лошадь у него, ж. добрый.* Животи́шко, -а, *м. Уменьш. и пренебр.*

Большой академический словарь русского языка[2]

1. ЖИВО́Т, а́, *м.* Часть тела человека и животного, в которой расположены печень, желудок, кишечник и другие органы. *Вздутый живот. Большой живот. Втянуть живот. Лечь на живот.* □ [Осип:] *Черт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк*

[1] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

[2] Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21 / гл. ред. К. С. Горбачевич (Т. 1–9); науч. координатор издания с 10-го тома и гл. ред. с 12-го тома А. С. Герд. М., 2001–2012.

затрубил в трубы. Гог. Ревизор. <…> // *Разг.* Об органах, расположенных внутри этой части тела. *Живот болит.* □ — *Совсем замучил живот. Ни съесть, ни выпить. Приехал вот подлечиться.* Рыленков, Василич. ◊ Мучиться, маяться и т. п. ж и в о т о́ м . *Прост.* Страдать заболеванием органов пищеварения. *Хозяин мучился животом и охая лежал на полатях.* Решетн. Свой хлеб. <…> *В такие* [урожайные] *годы детей почти не видели за столом — они объедались фруктами, маялись животами и опять принимались за свое.* Проскур. Исход. ◊ Надорвать, надсадить ж и в о́ т . *Прост.* Повредить органы, расположенные в этой части тела, поднятием непосильной тяжести. — *Тесть охает, живот надсадил*; *ишь ты, хотел справиться с бревном.* Решетн. Свой хлеб. <…> ◊ Ж и в о́ т схватило. *Безл. Прост.* О болях и расстройстве желудка. <…> — *А потом как схватило живот... Так больно было, что помереть хотела.* В. Быков, Сотников. ~ ***Живо́т,* (*все*) *животы́ подводит, подвело, подтянуло и т. п.*** (у кого-л.). **а)** Об ощущении сильного голода. <…> *Вот только мучает голод, подтянуло живот.* Шишк. Алые сугробы. *Обед вместо обычных трех часов подавался в восемь, а то и позже, когда у всех уже сильно подводило животы.* Конашев. О себе и своем деле. **б)** Об обнищании, жизни впроголодь. — *Последних денег не жалею. У отца-то от расходов на тебя все животы подвело.* Черныш. Что делать? <…> ***Надрывать / надорвать, надсаживать / надсадить живот, животы* (*от смеха, со смеху*).** Много, до изнеможения смеяться над чем-л. *Публикации ваши очень полезны: и правды много, и иногда животы надорвешь.* Герцен, Былое и думы.

— Вейсманн, 1731, с. 396: ж и в о т ; Росс. Целлариус 1771, с. 166: ж и в о́ т .

2. ЖИВО́Т, а, *м. Устар.* То же, что жизнь (во 2 знач.). *Волк из лесу в деревню забежал, Не в гости, но живот спасая*; *За шкуру он свою дрожал.* Крыл. Волк и Кот. <…> ◊ Не жалеть, не щадить и т. п. (своего) ж и в о т а́ . *Я... стану работать по-настоящему, не щадя, как говорится, живота.* Чех. Моя жизнь. — *Я стал биться за Порт-Артурскую крепость, живота своего не жалеючи. Получил в сражении сразу восемнадцать ран от осколков разорвавшегося снаряда.* Нов.-Прибой, Цусима. *Дрались драгуны по присяге: не щадя живота своего.* Свистунов, Сказ. о Рокоссовском. ~ ***Класть, положить живо́т, животы́*** (за кого-, что-л.). То же, что класть, положить, отдать/отдавать жизнь за кого-, что-л. <…> [Салтыков:] *Борису присягали, за Бориса кладут живот!* А. К. Толст. Царь Борис. [Мурин] *стал слушать: — Погоня, Катя, за нами! Погоня за нами, красная девица, да не в этот час нам животы свои положить!* Дост. Хозяйка. ***Не на живо́т, а на смерть.*** То же, что не на жизнь, а на смерть. [Перфильевна:] *Ах, окаянный!.. Перепугал не на живот, а на смерть.* Мей, Псковитянка. <…>

— Срезневский: ж и в о т ъ ; Поликарпов, 1704: ж и в о́ т ъ .

3. ЖИВО́Т, а, *вин.* ж и в о́ т и ж и в о т а́ , *м. Устар.* и *обл.* **1.** *Вин.* ж и в о т а́. Домашнее животное (преимущественно о лошади). *Деньги он* [извозчик] *имел*; *но главное имущество были лошади*; *сказываю, животам цены нету!* Н. Усп. Обоз. <…>

2. *Только мн. Вин. мн.* ж и в о т ы́ . Имущество. *Крестьянские животы — это его* [крестьянина] *земледельческий инвентарь со всей движимостью.* Ключ. Курс русск. ист. <…>

— Срезневский: ж и в о т ъ ; Берында, 1627: ж и в о́ т ъ .

ЖЁЛТЫЙ, а я , о е ; ж ё л т , ж е л т а́ , ж ё л т о и ж е л т о . **1.** Имеющий цвет яичного желтка, спелых злаков, золота (цвет спектра, располагающийся между оранжевым и зеленым). *Дело происходило осенью. С соседних берез падали желтые листья и вихрем мчались по дороге.* Н. Усп. Княж. собака. *Близ берега царство кувшинок: желтые их головки чудно покачиваются на синей зыби.* Колыхал. Июльск. заморозки. *Вошел в столовую директор.. в темном отглаженном костюме, желтых туфлях и галстуке.* Приставкин, Солдат и мальчик. ◊ Ж ё л т ы й цвет. *Первыми цветами, которые осваиваются ребенком и малокультурными народами, являются желтый и красный.* Ферсман, Оч. по ист. камня. *На первых курсах проводились упражнения с чистыми красками трех основных цветов: синего, красного и желтого.* Рылов, Восп. *Капители колонн и все части перекрытия покрыты яркой росписью с преобладанием красного, синего и желтого цветов.* Воронихина и Соколова, Эрмитаж. ◊ Ж ё л т ы й , как воск, как лимон и т. п. [За щами] *следовала ботвинья со льдом, с прозрачным балыком, желтой, как воск, соленой осетриной.* С. Акс. Сем. хроника. [Мастер] *уходит в столовую, к обычному обеду, который, как мы позднее убедились, далеко уступал желтой, как янтарь, ухе.* Тендряк. Поденка — век короткий. ◊ *Усилит.* Ж е л т ы́ м - ж ё л т . *Желтым-желты свежие смолистые бревна охотничьего домика, крáсным-красна рябина.* Нагиб. Погоня. ◊ Ж ё л т а я в о д а . См. Вода. ◊ Ж ё л т а я лихорадка. Встречающаяся в тропических странах острая инфекционная болезнь, сопровождающаяся желтухой и повышением температуры. — У *меня был жених, и я ждала его десять лет, а он умер в Индии от желтой лихорадки.* Мам.-Сиб. Падающие звезды. ◊ Ж ё л т а я раса. Монголоидная раса. — *Очертание скул, разрез глаз, этот характерный череп, цвет кожи, редкая и жесткая растительность на лице — все, все несомненно указывает на вашу принадлежность к желтой расе.* Купр. Шт.-кап. Рыбников. ◊ Ж ё л т ы й билет. *Разг.* В доревол. России — официальный документ, выдававшийся вместо паспорта проституткам. *Она* [проститутка] *усмехнулась и сказала: «Да кто же меня возьмет с желтым билетом?»* Л. Толст. Так что же нам делать! *Дочь моя по желтому билету живет-с... — прибавил он* [Мармеладов] *в скобках.* Дост. Преступл. и наказ. ◊ Ж ё л т ы й дом. *Разг.* Больница для страдающих психическими заболеваниями. [Загорецкий:] *Его в безумные упрятал дядя плут*; *Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили.* Гриб. Горе от ума. [Лебедев:] *Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.* Чех. Иванов. *В положении моем Лишь чудак права качает — Доктор, если осерчает, Так упрячет в желтый дом.* Высоцкий, Ист. болезни. □ Жёлтый, ого, *м., в знач. сущ. Устар. разг.* О бильярдном шаре такого цвета. *Князь с треском положил желтого в крайнюю лузу.* Тург. Лебедянь. *Стал он желтого резать, да и положил на себя восемнадцать очков.* Л. Толст. Зап. маркера. // Имеющий болезненно пожелтевшую кожу. [Учитель] *едва брел — желтый, опухший, опираясь на толстую трость.* Паус-тов. Пов. о жизни. *Был он желт и тощ, как почти все заядлые курильщики.* Ворон. Пути-перепутья. ~ ***Жёлтый дьявол.*** О золоте, деньгах, порабощающих людей.

2. Низкопробный, безнравственный, продажный. *Разумеется, при такого рода обсуждении кандидатур все желтые профсоюзники., жестоко и с треском провалились.* В. Катаев, По зап. Белоруссии. *Доводилось ему набирать «Биржевые ведомости», «Биржовку» — самую желтую из всех питерских газет, строившую свой очень немалый тираж на всяческих сенсациях и скандалах.* Б. Полев. Самые памятные. ◊ Ж ё л т а я пресса. О прессе, публикующей в погоне за сенсацией скандальные сообщения, рассчитанные на обывательские, мещанские вкусы. *Улыбчивый, бойкий и нагловатый, как и положено представителю желтой прессы, он задавал порхающие вопросы тестового характера.* Борисова, И видеть тени беглые.

Вопросы и задания к разделу

Внимательно изучив словарные статьи на слово ЖИВОТ во всех толковых словарях русского языка, проследите семантическую историю этого слова и ответьте на следующие вопросы:

1. Как производится описание значений слова и его смысловых оттенков в различных словарях? Что общего и различного?

Обратите внимание на:

а) количество значений,

б) одинаковые и отличные значения,

в) порядок расположения значений,

г) прямые и переносные значения,

д) различные типы определений значений,

е) различие в графическом оформлении омонимов.

Прокомментируйте появление омонимов в структуре словаря.

2. Как дается в словарях стилистическая характеристика слова, указание на сферу его употребления?

3. Проанализируйте грамматическую характеристику слова.

4. Каков принцип размещения фразеологизмов в структуре словарной статьи разных толковых словарей?

5. Каков характер иллюстративного материала в различных словарях?

6. Как отражаются словопроизводные связи в различных словарях?

7. Выявите характере различного рода справок в словарях (исторических, орфоэпических, этимологических и др.).

8. Как графически оформляется полисемия и омонимия в словарях? Какие графические знаки используются в различных словарях и каково содержание этих знаков?

АСПЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

СЛОВАРИ СИНОНИМОВ

Ю. Д. Апресян

Синонимические словари русского языка[1]

Если не считать небольших или не доведенных до завершения словарей синонимов (Д. И. Фонвизина, П. Ф. Калайдовича, А. И. Галича), появившихся в XVIII и первой половине XIX века и сохранивших чисто исторический интерес (см. о них Чешко 1968, Евгеньева 1970), первым серьезным опытом такого рода в нашей стране следует считать «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (1915). Он был опубликован в 1900 г. и вышел последним, четвертым изданием пятнадцать лет спустя. Этот словарь не был понят современниками, не обратившими должного внимания на вторую часть названия («сходные по смыслу выражения»), и не оказал никакого влияния на формирование концепции русского синонимического словаря. Суровую оценку он получает и в работах Л. А. Чешко и А. П. Евгеньевой. Между тем он во многих отношениях опередил свою эпоху и предвосхитил некоторые идеи, сложившиеся и воплощенные в мировой лексикографии лишь в самое последнее время. В сущности, Н. Абрамов составил не словарь синонимов в узком смысле, а гораздо более широкий и, как кажется, более интересный словарь синонимических средств русского языка. <…>.

Кроме собственно синонимов он включил в свой словарь аналоги (когипонимы), гиперонимы, гипонимы, названия частей и другие тематически близкие слова. В синонимический ряд *бдительный* включены, помимо синонима *неусыпный*, когипонимы *бодрый, зоркий, наблюдательный*. В ряд *воин*, кроме синонимов *воитель* и *боец*, входят гипонимы *гренадер, гвардеец, артиллерист, кавалерист, кирасир*. В ряд *война* включены такие гиперонимы, как *борьба, борение, столкновение*, и такие обозначения «частей», как *кампания,*

[1] *Апресян Ю. Д.*, *Богуславская О. Ю.*, *Левонтина И. Б.*, *Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов: проспект / под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. М., 1995.

блокада, бомбардировка. В ряд *ошибка* включены трудно поддающиеся классификации, но тематически близкие слова *неосторожность* и *преступление*.

Другой нетрадиционный разряд слов, попавших в словарь, — антонимы («прот.»), которые Н. Абрамов справедливо считал одним из возможных источников сверхсловной синонимии: «этим дается новый синоним, так как остается только прибавить отрицательные частицы, чтобы получить подходящее слово с новым оттенком» (Абрамов 1915: V); ср. *дозволять* — не *запрещать, запрещать — не дозволять*. Следовало бы оговорить, что такой хороший результат получается далеко не во всех случаях.

В некоторые словарные статьи Н. Абрамов включил слова, во всяком случае, в виде примеров, которые впоследствии получили название конверсивов. Так, в словарной статье *быть* фигурирует пример *У меня есть = Я имею*; в словарной статье *видеть* есть пример из Тургенева: *Вот что представилось любопытному взору наблюдателя* [≈ *Вот что увидел любопытный наблюдатель*].

Еще одна категория «сходных по смыслу выражений» в словаре Н. Абрамова — это перифразы ключевого слова (обычно глагола), в которых участвуют его актантные и синтаксические дериваты. Ср. в том же ряду *видеть* выражение *быть свидетелем* с примером *Я сегодня был свидетелем страшного происшествия* или в словарной статье *помогать* выражения *оказывать помощь, подавать помощь*.

От таких выражений до фразеологических единиц в полном смысле слова — всего один шаг, и Н. Абрамов его тоже сделал; ср. *помогать — подавать руку помощи*, *ошибаться — впасть в ошибку*, *сбиться с пути*, *дать промах*, *дать маху*.

Однако самые поразительные свидетельства глубокой интуиции Н. Абрамова мы находим в синонимических рядах, имеющих наиболее абстрактные значения, такие как ‘большая степень’, ‘приблизительность’, ‘причинность’ и т. п. В них прослеживается, говоря современным терминологическим языком, отчетливая «активная», «функциональная» установка, т. е. установка на смысл как отправную точку организации языкового материала. Для Н. Абрамова неважно, имеют ли разные средства выражения какого-то смысла одинаковый грамматический статус или нет. В частности, они могут принадлежать разным частям речи; одно может быть полнозначным словом, а другое — служебным (предлогом, союзом); одно может быть словом, а другое — частью слова (например, аффиксом) или синтаксической конструкцией. Важно только, чтобы они выражали одинаковый или похожий смысл, и тогда они могут быть рассмотрены в пределах одной словарной статьи.

Удивительна в этом отношении статья *очень*, в которой Н. Абрамов был близок к открытию лексической функции MAGN. Прежде всего, в ней даются адвербиальные синонимы *очень* — слова *весьма,*

безгранично, бесконечно, крайне, сильно, страшно, ужасно, *адски, больно* и т. п., включая и менее тривиальные фразеологические синонимы *на диво*, *на чем свет стоит*, *из рук вон* (*плохо*), *тысячу раз* (*прав*), *беда как* (*умен*), *ужас как* (*скуп*) и т. п. Кроме того, в ней перечисляются способы выражения понятия ‘очень, весьма’ при прилагательных и наречиях. К числу первых отнесены превосходная степень и прилагательное *самый*, а также «приставки» *наи-*, *пре-* (*пренеприятный*), *раз-* (*развеселый*), *высоко-* (*высокочтимый*), *много-* (*многотрудный*) и т. п. К числу вторых отнесены, в частности, редупликации типа *давным-давно*, *полным-полно*, *черным-черно* и т. п. В словарной статье *приблизительно* отметим фиксацию лексико-синтаксической конструкции типа *Лет этак через двадцать* (со словом *этак* и инверсией порядка слов), а в словарной статье слова *причинность* — фиксацию союзов *ибо*, *потому что*, *оттого что*, *вследствие того*, *что* и т. п.

Во всех указанных случаях ясно проступают контуры словаря нового типа — словаря синонимических средств языка.

Это стремление к лексикографической систематизации синонимических средств языка позднее отчетливо проявилось в так называемых «активных» словарях. <…> С 60-х теория активных словарей и практика их составления сложились в целое новое направление лексикографии, которое получило серьезную теоретическую опору в понятии лексических функций и правилах лексико-синтаксического перифразирования <…>. Они практически демонстрируют гигантский диапазон синонимических средств языка, угаданный в начале этого столетия Н. Абрамовым. <…>

Таким образом, словарь Н. Абрамова, безнадежно устаревший по своему лексическому составу, оказался удивительно современным концептуально. Он созвучен и современной лексикографической идеологии «активных словарей», и современным теоретическим представлениям. К сожалению, Н. Абрамов не сформулировал и, видимо, не мог сформулировать в явном виде тех идей, которые он положил в основу своего словаря. <…> Это затруднило понимание его труда современниками и обусловило возврат к более традиционной концепции синонимического словаря у лексикографов, которые работали после него.

Наиболее известны следующие четыре словаря синонимов, появившиеся после словаря Н. Абрамова: Павлов-Шишкин и Стефановский 1931 (первое издание 1930 г.), Клюева 1961 (первое издание 1956 г.), Александрова 1989 (первое издание 1968 г.) и двухтомник Словарь синонимов 1970–1971.

Первые два словаря <…> носят чисто учебный характер. Оба основаны на традиционном представлении о синонимах как словах одной части речи, имеющих сходное значение, но различающихся его оттенками или стилистической окраской. Это представление было позднее закреплено в известной концепции идеографических

и стилистических синонимов В. В. Виноградова. Синонимические ряды строятся, по преимуществу, на основе прямых (исходных) значений слов. Богатейшая синонимия производных, переносных и фразеологически связанных значений почти полностью игнорируется. Словарь В. Н. Клюевой в последнем издании содержит 622 синонимических ряда (около 3000 лексем) с минимальными пояснениями по поводу семантических и стилистических различий между синонимами и минимальным иллюстративным материалом <…>.

Фактически эту же традицию продолжают и современные словари З. Е. Александровой (1989) и А. П. Евгеньевой (Словарь синонимов 1970–1971), в которых сами синонимические ряды и комментарии к ним строятся в духе учения В. В. Виноградова об идеографических и стилистических синонимах. Они, однако, выгодно отличаются от двух предшествующих словарей фундаментальностью замысла и исполнения.

Первый из них, опирающийся на многолетнюю практику З. Е. Александровой как переводчика иностранной литературы на русский язык, представляет собою словарь-инвентарь объемом в 11000 синонимических рядов <…>. Общее количество синонимов в рядах, по нашим приблизительным подсчетам, составляет около 60000 <…>. Это, по-видимому, один из наиболее крупных в мировой лексикографии синонимических словарей-инвентарей, уступающий только новейшим оксфордским словарям Urdang 1992 и Wordfinder 1993.

Главным достоинством словаря З. Е. Александровой является преодоление традиционного понятия синонимов как «с л о в с совпадающими или близкими значениями» (разрядка наша). Именно это понятие закреплено и в подавляющем большинстве определений синонимов, и в значительной части синонимических словарей, особенно объяснительных. <…> На самом деле в языке, как известно, синонимизируются не слова, а лексемы, т. е. слова в определенных значениях[1].

Привлекательным свойством словаря З. Е. Александровой как раз и является скрупулезное внимание к семантической структуре слова, а именно, к структуре многозначности. Синонимические ряды даются не к слову в целом, а к отдельным его значениям, причем разбиение на значения соответствует практике толковых словарей. Хотя сама З. Е. Александрова не пользуется термином «лексема» и даже воспроизводит традиционное определение синонимов как слов с близкими значениями <…>, в своем словаре она реализует идею синонимии лексем с весьма большой точностью.

С этим связано и внимание З. Е. Александровой к неявной, объективно трудно уловимой синонимии переносных, образных, фразеологически связанных значений. Глагол *идти*, например, включа-

[1] Ю. А. Апресян употребляет термин «лексема» в значении, отличающемся от общепринятого [примеч. сост.].

ется в 15 разных синонимических рядов — почти по числу имеющихся у него значений. В своем главном значении он является доминантой ряда *идти — ступать*, *шагать*, *семенить*, *шествовать* и т. д. Кроме того, в своих переносных, фразеологически связанных и лексико-функциональных значениях он входит в синонимические ряды с другими доминантами. Ср. *падать — идти, выпадать, валить, лить* и т. п. (об осадках); *быть к лицу — идти* (о платье и т. п.); *течь — струиться, литься, идти, бежать* (о воде и т. п.); *исходить — распространяться, идти, литься, струиться* (о свете, тепле); *поступать — устраиваться*, *идти*, *зачисляться* (в институт и т. п.); *ставиться — идти* (на сцене); *совершаться — происходить*, *идти*, *делаться*, *разыгрываться* (о событиях); *соглашаться — давать согласие*, *идти на что-л.*; *использоваться — употребляться*, *применяться*, *идти на что-л.*, *утилизироваться*; *тратиться — расходоваться*, *идти* (о средствах); *пролегать — лежать*, *идти*, *проходить* (о дороге, тропе) и т. п.

Конечно, трудно рассчитывать на то, что такую неявную синонимию удастся описать столь же полно, как и синонимию прямых значений. Вот лишь некоторые лакуны, которые мы обнаружили в словаре З. Е. Александровой только на глагольном материале буквы В: *ввести — внести* (*новую информацию в базу данных*), *включить — врубить* (*освещение*), *водить — направлять* (*Гнев водит его пером — направляет его перо*), *возводить — относить* (*рукопись к десятому веку*), *вооружиться — запастись* (*терпением*), *впиться — вцепиться* (*глазами, взглядом*), *вступить — войти* (*в организацию*), *выбить — вытрясти* (*долг из кого-л.*), *вывести — исключить* (*из состава комиссии*), *выдать — обнаружить* (*свое волнение*). Можно, однако, допустить, что такую лексически ограниченную или фразеологически связанную синонимию вовсе не обязательно отражать в виде самостоятельных синонимических рядов. Большая часть перечисленных выше глаголов — это значения определенных лексических функций от опорных существительных. Следовательно, такого рода синонимия может быть отражена в синонимических рядах соответствующих существительных, если в общей схеме словарной статьи будет предусмотрена зона сочетаемости.

Словарь З. Е. Александровой отклоняется в лучшую сторону от обычной практики синонимических словарей еще в одном отношении. При достаточной степени сходства значения и синтаксической функции З. Е. Александрова считает синонимами: а) слова разных частей речи; б) слова и формы слов; в) слова и словосочетания (перифразы, идиомы и другие типы фразем); г) слова и целые клишированные предложения. Ср., например, *согласен — готов, хорошо*, *ладно*, *изволь*, *извольте*, *добро*, *идет*, *договорились*, *пусть будет так*, *есть такое дело*; *иди*(*те*) *— ступай*(*те*), *марш*; *медленно — медленным темпом*, *черепашьим шагом*, *как сонная муха*; *бездельничать — бить баклуши*, *гонять лодыря*, *плевать в потолок*; *бес-*

препятственно — без помех; *интересный — не оторвешься от чего-л*. и т. п.

Отметим, наконец, что словарь З. Е. Александровой современен в том смысле, что, во-первых, ориентирован на лексику второй половины XX века и, во-вторых, весьма точно локализует слова на временной оси языка.

К сожалению, этот словарь не является объяснительным, т. е. не содержит толкований синонимов, перечня их отличий друг от друга и примеров их употребления в современном русском языке.

Второй упомянутый нами современный словарь синонимов — фундаментальный двухтомник под редакцией А. П. Евгеньевой — выполнен как раз в жанре объяснительных словарей. Поскольку мы составляем именно объяснительный словарь, этот двухтомник представляет для нас больший интерес и будет рассмотрен несколько подробнее, чем словарь З. Е. Александровой.

Он содержит краткую семантико-стилистическую легенду перед каждым синонимическим рядом, тоже подбираемым к отдельному значению слова, обширный иллюстративный материал из художественной и общественно-политической литературы XIX —XX веков и (эпизодически) некоторые тематически близкие слова, включая антонимы.

В преимущественной ориентации на классическую русскую литературу коренятся и сильные, и слабые стороны словаря А. П. Евгеньевой. Сильная сторона — обоснованность и взвешенность оценок в пределах имеющейся картотеки. Главная из слабостей заключается в том, что словарь архаичен.

Мы имеем в виду прежде всего архаичность словесного состава синонимических рядов. Ср., например, такие ряды, как *бедняк — нищий*, *голяк*, *голыш*; *ботинки — башмаки*, *чеботы*; и многие другие. <…>

С другой стороны, немалое число вполне актуальных синонимических рядов в словаре А. П. Евгеньевой отсутствует. Нет, например, таких рядов, как *контингент — состав*; *нецелесообразный — нерациональный*, *неразумный*; и многих других. В ряду *жаловаться 2 — наушничать* и т. п. нет актуальных современных синонимов *доносить*, *стучать*; в ряду *избитый*, *банальный* и т. п. нет синонима *неоригинальный*; в ряду *известный — популярный* и т. п. нет синонимов *признанный*, *нашумевший*.

Архаичность лексики порождает эффект анахронического смещения стилистических помет, когда вполне устаревшие слова квалифицируются как «несколько устаревшие». Эта помета приписана, в частности, глаголу *возбранить* в ряду *запретить*. Во втором издании МАС'а, значительно точнее располагающем лексику вдоль временной оси языка, он снабжен пометой «устар.». В других случаях явная устарелость или архаичность трактуется как малая употребительность, литературность, просторечность и т. п. Например, в

ряду *конечно — разумеется* и т. п. синоним *натурально* квалифицирован как просторечный. МАС и в этом случае дает более точную характеристику «устар.».

<…>

Семантический комментарий к синонимическим рядам тоже следует признать недостаточным. В частности, он дается без установки на полноту смысловой характеристики рассматриваемых слов, из-за чего многие различия между синонимами остаются нераскрытыми.

К синонимам *агрессивный* и *захватнический* словарь А. П. Евгеньевой дает только жанровые и другие стилистические комментарии. Не отмечено следующее различие по смыслу: в одинаковых словосочетаниях *агрессивный* может характеризовать исключительно намерения или цели (*агрессивная политика* может выражаться в угрозах и оказании давления на соседнее государство), а *захватнический* характеризует имевшее место событие (*захватническая политика* предполагает фактический захват чужой территории и, может быть, не один).

Различия между *авантюра*, *похождение*, *приключение* сведены исключительно к различиям в оценке (отрицательной в случае *авантюры*, пренебрежительной в случае *похождения* и нейтральной в случае *приключения*). Но *авантюра*, кроме того, содержит указание на риск или отсутствие надежных оснований для чьих-л. действий, а *похождение* — намек на поиск сексуальных удовольствий. Оба синонима противопоставлены *приключению* по признаку намеренности — ненамеренности: даже в устаревших употреблениях типа *Прачки не рассказывали друг другу о своих любовных приключениях* (Горький) приключение рассматривается не как итог поиска, а как нечто, что может произойти случайно.

Автомат и *машина* в переносном значении (о человеке) трактуются в словаре как точные синонимы. Между тем в современном употреблении *автомат* скорее предполагает запрограммированность действий, выполняемых как бы при отключенном сознании, а *машина* — неутомляемость, способность работать в заведенном темпе и режиме в течение длительного времени.

Избрать противопоставлено *выбрать* как более редкий и литературно-книжный синоним. Но есть и более важное — семантическое — различие, состоящее в том, что *избрать* указывает на серьезность решения и окончательность выбора; ср. *Доконает голод или злоба*, / *Но судьбы не изберу иной*: / *Умирать, так умирать с тобой* [Русью] / *И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!* (М. Волошин, На дне преисподней).

Пафос сделанных выше критических замечаний отнюдь не разрушительный. Оба словаря (З. Е. Александровой и А. П. Евгеньевой) занимают устойчивые ниши в нашей лексикографии. Однако вследствие своей пассивной ориентации они дают либо недостаточно

эксплицитную, либо недостаточно полную картину основных синонимических рядов русского языка, которыми должны владеть его современные образованные носители. Поэтому их следует дополнить синонимическим словарем активного типа.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка[1]

Ю. Д. Апресян

Структура словарной статьи словаря

Словарная статья делится на зоны, в каждой из которых сообщается определенный тип информации о синонимах. Восемь зон посвящены детальному описанию различных свойств самих синонимов: 1. вход словарной статьи, 2. преамбула, 3. значение, 4. примечания, 5. формы, 6. конструкции, 7. сочетаемость, 8. иллюстрации. Сверх этого в словарной статье может содержаться до девяти справочных зон: 9.1. фразеологические синонимы, 9.2. аналоги, 9.3. точные конверсивы, 9.4. неточные конверсивы, 9.5. конверсивы к аналогам, 9.6. точные антонимы, 9.7. неточные антонимы, 9.8. дериваты, 9.9. библиография.

<…>

1. Входом словарной статьи является сам синонимический ряд, т. е. группа лексем, в значениях (толкованиях) которых есть достаточно большая общая часть. Все синонимы ряда набираются заглавными полужирными буквами. Если лексема принадлежит многозначному слову, в ее имя может входить числовой индекс; ср. **ДОМ 1, ЗДАНИЕ, СТРОЕНИЕ 2, ПОСТРОЙКА 2, КОРПУС 4**.

<…>

Ряд открывается доминантой — лексемой, которая имеет наиболее общее в данном ряду значение, является наиболее употребительной, обладает наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно, грамматически, просодически и т. п. В приведенном выше ряду это лексема **дом 1**.

<…>

Перед каждой лексемой, входящей в синонимический ряд (кроме доминанты), в случае необходимости ставится стилистическая помета, например, высок. **предназначение**. При доминанте помета (в тех редких случаях, когда она необходима) ставится справа от нее и заключается в квадратные скобки, например, **пристанище** [необиходн.], **виться 2** [наррат.] (ср. *По склону холма вьется тропка*).

---

[1] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1999.

<…>

Возможны разного рода сдвоенные пометы, например, офиц.-фам. **задумка**, советск. бюрокр. **сигнализировать**, поэт. или устар. **взор**.

В Словаре используется, в основном, традиционная система стилистических помет… которая предполагается известной и поэтому не поясняется. Сверх традиционных были введены пометы «наррат.», «необиходн.», «обиходн.», «потенц.», «разг. -сниж.», «советск.», «стил.» и «уходящ.».

Помета «наррат.» (нарративное) приписывается лексемам, которые в большей или меньшей степени закреплены за повествовательным стилем речи и в нейтральной разговорной речи избегаются.

<…>

Помимо стилистических помет при синонимах возможны грамматические пояснения. В частности, при глагольных лексемах указываются их видовые корреляты. Ср. **рисовать 1** [СОВ нарисовать].

<…>

Синонимы внутри ряда упорядочиваются таким образом, чтобы их пространственная близость отражала меру их семантического сходства. Ср. в ряду **надеяться** группу **надеяться** и **уповать**, с одной стороны, группу **рассчитывать** и **полагаться**, с другой.

В конце ряда в «марровских кавычках» (лапках) дается толкование пересекающейся части значений входящих в него лексем. Обычно толкуются сами лексемы в их словарном виде; ср. **быстрый 1.2, стремительный 1.2, быстроходный, скоростной, ходкий, быстроногий, резвый 2, проворный 2** ‘перемещающийся или движущийся с большой скоростью’.

2. Преамбула (метка — ПРЕАМБУЛА)

Назначение преамбулы — ввести данный синонимический ряд в круг близких ему лексем или других синонимических рядов и показать: а) чем он отличается от них и в чем сходствует; б) к какому более высокому классу лексико-семантической системы языка относятся все эти ряды и каково место каждого из них в данном классе; в) какому фрагменту наивной, или языковой картины мира соответствует данный ряд. Преамбула — необязательная зона словарной статьи. Ее материал непременно повторяется в других зонах — либо в примечаниях, либо в служебных зонах аналогов, антонимов и конверсивов. Однако она дает возможность рассмотреть этот материал более детально.

3. Зона значения (метка — ▌З▐)

В этой зоне описываются все содержательные (семантические, коммуникативные, референциальные, прагматические) сходства и различия между синонимами. Здесь же обычно описываются и просо-

дические особенности синонимов (т. е. специфика акцентных выделений и интонаций), поскольку они теснейшим образом связаны с их коммуникативными (особенно темо-рематическими) свойствами. Там, где это возможно, формулируются условия, в которых содержательные различия между синонимами в той или иной мере нейтрализуются, так что становятся возможны полные или частичные взаимозамены.

3.1. Синопсис

Зона начинается с синопсиса, или краткого путеводителя по словарной статье. В нем перечисляются те семантические, прагматические и иные содержательные признаки, которые задают основные оппозиции внутри данного синонимического ряда. Высший приоритет имеют «сквозные», систематические признаки, повторяющиеся в нескольких или многих рядах. Каждый признак раскрывается с помощью нескольких синонимов, противопоставленных по нему наиболее рельефно.

<…>

3.2. Семантические сходства и различия между синонимами

Сразу за синопсисом располагается главная часть словарной статьи, в которой гораздо более детально, с большим количеством экспериментальных фраз и примеров из литературы, описываются различные группы, подгруппы и отдельные члены ряда, выделяемые в нем на основании тех или иных признаков или комбинаций признаков.

После того, как описаны группы и подгруппы синонимов внутри ряда, дается детальная характеристика каждого его элемента. Приведем в качестве примера конспект материала, помещенного в той же словарной статье.

<…>

В ряде случаев различия между синонимами не могут быть сведены ни к различиям в их толкованиях в собственном смысле слова, ни даже к коммуникативным свойствам и просодии, а касаются прагматических и других экстралингвистических условий их употребления, их возможных референтов и т. п.

Если, например, мы видим на стене чистый лист ватмана и знаем, что он прикреплен к ней каким-то клейким веществом, мы можем описать эту ситуацию одним из следующих двух квазисинонимичных способов: *На стене висит лист ватмана — На стену наклеен лист ватмана*. Первый способ выбирается в том случае, когда наклеенный лист рассматривается как потенциальный носитель информации, а второй — во всех остальных случаях.

Это правило не является чисто семантическим. Чтобы решить, который из двух глаголов следует выбрать в конкретной ситуации, надо владеть экстралингвистической информацией о том, для каких

нужд лист ватмана будет в ней использоваться. Если известно, что на него собираются нанести, скажем, таблицу Менделеева, то надо говорить, что он *висит* на стене. Если же известно, что, за неимением обоев, хозяева квартиры решили оклеить листами ватмана все стены, то про тот же лист надо будет сказать, что он (*уже*) *наклеен* на стену.

3.5. Нейтрализация

Эти противопоставления в значительной степени стираются в характерном для разговорной речи смазанном употреблении, особенно когда субъектом действия является профессионал или сам говорящий. Ср. *Врач посоветовал <порекомендовал> ему принимать хвойные ванны*; *Советую <рекомендую> зайти через час, билеты наверняка будут*; *Советую <рекомендую> выпить молока на ночь.*

5. Формы (метка — Ф).

Синонимы могут отличаться друг от друга наборами форм, наборами грамматических значений в одной и той же форме, разной семантической, прагматической, стилистической, конструктивной, сочетаемостной или иной специализацией определенной формы и, наконец, тем, является ли данная форма собственной или несобственной формой данной лексемы. Все такие особенности синонимов описываются в зоне **Ф**.

<…>

6. Конструкции (метка — К)

В этой зоне описываются различия в наборах синтаксических конструкций, свойственных элементам синонимического ряда. К ним относятся различия в управлении синонимов, в характерных для них синтаксических функциях и типах предложений и в порядке слов. Кроме того, как и в случае с формами, отмечается семантическая, прагматическая, стилистическая, сочетаемостная и иная специализация синонимов в тех или иных конструкциях.

<…>

7. Сочетаемость (метка — С)

В этой зоне описываются различия и сходства синонимов в лексико-семантической, морфологической, коммуникативно-просодической и иных видах сочетаемости. Кроме того, по аналогии с зонами форм и конструкций, указываются возможные пути специализации значений синонимов в разных типах словосочетаний.

8. Иллюстрации (метка — ▌И ▐)

Зона иллюстраций выполняет в Словаре две основные функции. С одной стороны, здесь собран материал, который служит базой исследования и основанием для выводов о различных свойствах синонимов. С другой стороны, эта зона выполняет и собственно иллюстративную функцию, демонстрируя реальный семантический (и иной) потенциал лексемы в современном русском языке.

Зона иллюстраций опирается на машинный корпус текстов и авторские картотеки. Главный принцип формирования этой базы лексикографических данных — опора на тексты современного русского языка, т. е. языка второй половины XX века. Из классики XIX и первой половины XX века, в частности, из литературы «серебряного века», извлекаются преимущественно такие примеры, которые соответствуют современным нормам словоупотребления.

9. Справочные зоны

Задачей справочных зон является указание возможно большего числа парадигматических семантических связей между элементами рассмотренного синонимического ряда и другими разрядами лексем — фразеологическими синонимами, аналогами, конверсивами, антонимами, дериватами. Этот лексический материал интересен не только сам по себе, но и как средство точного и неточного перифразирования высказываний.

<…>

9.1. Фразеологические синонимы (метка — ▌ФРАЗСИН ▐)

В зону фразеологических синонимов заносятся наиболее употребительные фразеологические единицы, синонимичные какому-то элементу ряда. Примеры: **воображать** — *рисовать в воображении*; **жаловаться** — *плакаться в жилетку* (*кому-л.*); **использовать** — *пускать в ход, пускать в дело*; **обещать** — *давать обещание, связать себя словом, брать <принимать>* (*на себя*) *обязательство, давать зарок, кормить обещаниями, обещать <сулить> золотые <златые> горы, наобещать с три короба*.

9.2. Аналоги (метка — ▌АНАЛ ▐)

Аналогами называются слова той же части речи, что и доминанта, значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигают той степени близости к нему, которая конституирует собственно синонимию.

По разным компонентам значения могут возникать различные ряды аналогов. Поэтому зона аналогов открывает наиболее широкие возможности выхода из ограниченного пространства данного ряда в лексико-семантическое пространство всего русского языка.

<…>

9.3. Точные конверсивы (метка — ▉ КОНВ ▉)

Конверсивами называются, как известно, предикатные слова, описывающие одну и ту же ситуацию и имеющие по крайней мере две одноименные валентности, которые замещаются разными актантами. Ср. **вмещать** — *входить* (*Бутыль вмещает 10 литров — В бутыль входит 10 литров*); **знать** — *быть известным* (*Мы знаем немало случаев такого рода — Нам известно немало случаев такого рода*); **считать** — *представляться* (*Я считаю ваши выводы вполне обоснованными — Ваши выводы представляются мне вполне обоснованными*).

9.4. Неточные конверсивы (метка — ▉ ≈ КОНВ ▉)

В случае неточной конверсивности описанное в 9.3 стандартное синтаксическое противопоставление осложняется небольшими смысловыми различиями. Ср. **заручиться** — *заверить* (*Y заручился поддержкой X-а ≈ X заверил Y-а в своей поддержке*); **использовать** — *служить* (*Он использовал диван в качестве постели — Постелью ему служил диван*); **отругать** — *достаться, влететь, попасть, нагореть* (*Отец меня отругал — Мне досталось <влетело, попало, нагорело> от отца*).

9.5. Конверсивы к аналогам (метка — ▉ КОНВАНАЛ ▉)

Содержание этого понятия легко извлекается из структуры самого термина: конверсив к аналогу. Примеры: **воображать** — *чудиться, мерещиться*; *всплывать*; *стоять перед глазами*; *стоять перед умственным <мысленным> взором*; **использовать** — *функционировать* [*Мы используем грузовой лифт в качестве пассажирского — Грузовой лифт функционирует* (*у нас*) *в качестве пассажирского*]; *предназначаться*.

9.6. Точные антонимы (метка — ▉ АНТ ▉)

В отношение антонимии входят лексемы, толкования которых, доведенные до уровня семантических примитивов, отличаются друг от друга отрицанием или компонентами ‘больше’ — ‘меньше’, ‘хороший’ — ‘плохой’. Ср. **начать** (*делать* Р) — *перестать* = ‘начать

не делать P’; **присутствовать** — *отсутствовать* (= ‘не присутствовать’); **возрастать** = ‘становиться больше’ — *сокращаться* = ‘становиться меньше’;

<…>

9.7. Неточные антонимы (метка — ▉ ≈ АНТ ▉)

В случае неточной антонимии описанные в 9.6 стандартные семантические противопоставления осложнены небольшими дополнительными различиями. Ср. **надеяться** = ‘испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто хорошее для него’ — *бояться* = ‘испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто плохое для него, что он не может предотвратить’;

<…>

9.8. Дериваты (метка — ▉ ДЕР ▉)

В этой зоне перечисляются дериваты лексем, входящих в данный ряд. При этом понятие деривата, как и понятие аналога, трактуется более свободно, чем в традиционной теории словообразования. В число дериватов, помимо канонических производных (ср. **ошибаться** *ошибка, ошибочный, ошибочно*), включаются супплетивные производные (**чудиться, мерещиться** — *мнимый*), а также другие слова, входящие с одним из синонимов ряда в регулярные семантические отношения. Ср., например, пары слов типа ‘действие — инструмент действия’ (**стрелять** — *оружие*, **писать 4** — *кисть*, **рубить** — *топор*) или ‘действие — средство действия’ (**стрелять** — *боеприпасы*, **писать 4** — *краски*, **лечить** — *медикаменты*).

<…>

9.9. Библиография (метка — ▉ БИБЛ ▉)

Словарная статья завершается библиографической справкой, в которой указываются теоретические работы об одном или нескольких синонимах данной группы, учтенные при разработке данного синонимического ряда.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ПРОСИТЬ 1.1 [СОВ *попросить*], **УПРАШИВАТЬ** [СОВ *упросить*], **УМОЛЯТЬ** [СОВ *умолить*], необиходн. **МОЛИТЬ** [несобст. СОВ *умолить*], устар. или книжн. **ЗАКЛИНАТЬ 2** [СОВ нет] *X просит <упрашивает, умоляет…> Y-а, чтобы Y сделал P* = ‘человек X хочет, чтобы было P; X, считая, что человек Y может сделать P и не считая, что Y должен делать P, говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y сделал P; X говорит это таким образом,

что адресат понимает, что X не считает, что он должен делать P'. [примеры авторов словаря].

ПРЕАМБУЛА. Данный ряд входит в класс глаголов, называющих речевые акты со значением п о б у ж д е н и я . С ним соотносятся следующие синонимические ряды и отдельные лексемы: *просить 1.2, выпрашивать, клянчить, выклянчивать, вымаливать*; *уговаривать. убеждать 2*; *приказывать 1, велеть 1, распоряжаться 1, командовать 1*; *требовать*.

Ближе всего с данным рядом соприкасается ряд *просить 1.2, выпрашивать, клянчить, выклянчивать, вымаливать*, также обозначающий просьбу. Кроме обозначения просьбы, синонимы обоих рядов, за исключением **просить** и *просить 1.2*, сближаются указанием на преодоление сопротивления адресата и на использование особых средств для воздействия на него (тон, жесты).

Отличия глаголов ряда *просить 1.2, выпрашивать…* и т. д. от ряда *просить 1.1, упрашивать…* состоят в следующем. Во-первых, прототипически — в сочетании с предметными существительными — они не могут обозначать побуждения к каким-либо действиям, кроме действия 'дать что-то субъекту' (ср. *просить <клянчить> чашку чаю*), в то время как глаголы рассматриваемого ряда отражают побуждение к л ю б о м у действию. Во-вторых, глаголы ряда *просить 1.2, выпрашивать…* и т. д. означают просьбу субъекта о действии только в с в о и х интересах; ср. *просить хлеба <книгу>*. Ср. также *просить помощи <пощады>* [субъект имеет в виду себя] VS. ***просить <умолять>*** *помочь <пощадить>* [субъект может иметь в виду и себя, и кого-то другого]. В-третьих, глаголы этого ряда, за исключением доминанты *просить 1.2*, в большей мере характеризуют действие субъекта как у н и з и т е л ь н о е для него. При этом глаголы *клянчить* и *выклянчивать* содержат отрицательную оценку действия как чрезмерно настойчивого, даже назойливого. Ср. *<…> Что за ужас, когда один не любит, а другой вымаливает любовь, как назойливый нищий!* (А. Куприн, Колесо времени). В-четвертых, глаголы ряда *просить 1.2*, за исключением доминанты, н е с п о с о б н ы к п е р ф о р м а т и в н о м у у п о т р е б л е н и ю; ср. невозможность **Вымаливаю у вас однотомник Пушкина*; ** Выпрашиваю у тебя что-нибудь интересное почитать* и т. п.

Ряд **просить** соприкасается и с рядом *уговаривать, убеждать* 2. Сходство их состоит в следующим. Во-первых, ц е л ь субъекта этих речевых актов также заключается в том, чтобы добиться в ы п о л н е н и я адресатом желательного для субъекта действия, при том, что адресат не обязан этого делать. Во-вторых, этот ряд также указывает на преодоление субъектом с о п р о т и в л е н и я адресата. Отличие его от рассматриваемого ряда состоит в том, что субъект воздействует на р а з у м адресата с помощью рациональных аргументов и доводов, в то время как большинство синонимов рассматриваемого ряда отражает воздействие на ч у в с т в а адресата. Ср. *Пустив в ход все свои организационные и пропагандистские средства, Центральный Комитет --- убедил их проголосовать против зиновьевской оппозиции* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Потом у меня хотели взять наволочку, и я слышал, как меня уговаривали: «Вот чудной, да тебе же под голову!», но я вцепился в наволочку и не отдал* (В. Каверин, Два капитана).

Дальше всего от рассматриваемого ряда в классе побуждений находится ряд *приказывать 1, велеть 1, распоряжаться 1, командовать 1* и лексема *требовать*, в значении которых содержится компонент ‘адресат о б я з а н или д о л ж е н выполнить то, чего хочет от него субъект’.

<…>

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Глагол **просить** имеет следующие близкие к рассмотренной лексемы:

а) *Просить 1.2* = ‘X просит 1.1, чтобы Y дал X-у P’ (синонимы *выпрашивать, клянчить* и т. п.). Ср. ***попросить*** *чаю <денег>*; *Левка выпряг лошадей и пошел к заведующему* ***просить*** *попону* (И. Бабель, Конармия); *Ассистентка торчала в кабинете до конца разговора, затем спокойно* ***попросила*** *у меня сигарету* (В. Белов, Воспитание по доктору Споку). Это значение близко к **просить 1.1**, но отличается от него, помимо толкования, еще некоторыми особенностями. Во-первых, *просить 1.2* не управляет формой ИНФ и предложно-именной группой вида *о* + ПР (невозможно **просить о чае <о деньгах>*); во-вторых, *просить 1.2* не сочетается с наречиями типа *настоятельно, убедительно*; ср. невозможность **настоятельно <убедительно> просил у него книгу*; наконец, в третьих, для него ограничено перформативное употребление (см. ряд **просить 1.2**).

б) *Просить 1.3* = ‘говорить, какую цену субъект хочет получить за товар’, ср. *Женщина держит на поводу двух громадных баранов, просит по шестьдесят рублей за каждого* (В. Белов, Моздокский базар).

в) *Просить 1.2* = ‘Объект X как бы просит 1.2 P, так как ситуация P необходима для его нормального функционирования’. Ср. *Дом просит ремонта*.

г) *Просить 2* (*Y-а за Z-а*) = ‘Зная, что Z находится в неблагоприятной ситуации, желая помочь ему выйти из этой ситуации и считая, что Y по своему статусу может способствовать этому, X просит 1.1 Y-а сделать нечто в интересах Z-а’; ср. *Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги. решился его освободить* (А. С. Пушкин, Капитанская дочка). Синонимом к *просить 2* является офиц. *ходатайствовать.*

д) *Просить 3* (*Y-а в Z*) = ‘создав для Y-а возможность или необходимость сделать P в месте Z, X просить 1.1 Y-а сделать P в Z-е’, ср. *Прошу!* (указывая жестом на стол); *Всех просят в столовую*; *Прошу закусить ко мне в кабинет*; *В репетиционный зал прошу, Фома Сергеевич! Начинаем* (М. Булгаков, Театральный роман).

Глагол **заклинать** имеет близкую к рассмотренной лексему *заклинать 1* = ‘произносить специальные магические слова, чтобы воздействовать на высшую силу или на объект’; ср. *В обряде превентивного изгнания змей на Благовещение болгары заклинали их уйти и прибегали к угрозам* (Славянские древности, т. 2); *Да-да, о нем будет говорить шаман с Землей и Водой, заклинать станет и просить, чтобы всегда добры были к нему Земля и Вода, чтобы вырос он великим добытчиком. чтобы удача всегда сопутствовала ему на Земле и на Воде* (Ч. Айтматов, Пегий пес, бегущий краем моря); *Все колдовали, заклинали, изучали средневековые процессы ведьм, писали стихи и рассказы о колдунах, о вампирах и оборотнях* (Н. Тэффи, Оборотни).

Возможно ослабленное употребление *заклинать 1*, когда субъект упорно повторяет какие-то слова, так, как если бы это могло повлиять на ход событий; ср. *Раз ты невиновен – то за что же могут тебя брать? ЭТО ОШИБКА!*

Тебя уже волокут за шиворот, а ты все заклинаешь про себя: «Это ошибка! РАЗБЕРУТСЯ – ВЫПУСТЯТ!» (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

<…>

ПРОСИТЬ 1.2, [СОВ *попросить*], **ВЫПРАШИВАТЬ** [СОВ *выпросить*], **КЛЯНЧИТЬ** [несобст. СОВ *выклянчить*], **ВЫКЛЯНЧИВАТЬ** [СОВ *выклянчить*], **ВЫМАЛИВАТЬ** [СОВ *вымолить*] *X просит <выпрашивает, выклянчивает…> P у Y-а* = ‘человек X хочет иметь объект P; считая. что человек Y может дать ему объект P и не считая, что Y должен дать P, X говорит Y-у, что он хочет, чтобы Y дал ему P’. [примеры авторов словаря]

ПРЕАМБУЛА. См. Перамбулу в статье **ПРОСИТЬ 1.1.**

▌3▐ Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) степень желания субъекта, чтобы у него был объект P (нарастает от **просить** к **вымаливать**; 2) указание на чрезвычайную важность P для субъекта (есть у **вымаливать**); 3) необходимость преодолевать нежелание адресата давать P (есть у всех синонимов кроме **просить**); 4) тон, которым осуществляется речевой акт (вежливый у **просить**, настойчивый у **клянчить** и **выклянчивать**, эмоциональный у **вымаливать**); 6) кратность действия (есть у всех синонимов, кроме **просить**); 7) восприятие действия как унизительного для субъекта (есть у всех синонимов, кроме **просить**); 8) отрицательная оценка действия говорящим (содержится в **клянчить** и **выклянчивать**); 9) способность к перформативному употреблению (есть только у **просить**).

Все синонимы, за исключением **клянчить**, имеют два круга употреблений. Первый, основной, представлен в сочетании глаголов с предметными именами; ср. ***просить <выпрашивать, клянчить, выклянчивать, вымаливать>*** *глоток воды.* В этом случае значение глаголов соответствует толкованию (*см.* ↑). Второй круг употреблений представлен сочетаниями глаголов с предикатными именами, и смысл ‘дать’ становится метафорой; ср. ***просить*** *пощады.* Ср. также *Перед самым его уходом я* ***выпрашивал*** *у него любимую пытку* (В. Набоков, Другие берега); *Он считал нетактичным, что Берия здесь, за пиршественным столом в Абхазии,* ***выклянчивал*** *у Сталина санкцию на расправу со своими врагами* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *И не вздумайте* ***вымаливать*** *прощения! Не прощаю* (Ю. Алешковский, Рука (Повествование палача)).

Наиболее общим значением обладает синоним **просить**. **Просить** можно и о важном для субъекта предмете, и о малозначительном; ср. *Он* ***просил*** *у меня мои фамильные драгоценности – Я* ***попросила*** *у подруги журнал.* Никак не характеризуется и интенсивность желания субъекта иметь объект P: субъект может быть в этом заинтересован в большей или меньшей степени; см. примеры ↓.

В отличие от других синонимов, **просить** может употребляться не вполне канонически – не для выражения чистой просьбы, а в ситуации, когда и субъект, и адресат знают, что адресат обязан выполнить то, о чем говорит субъект, например, при требовании; ср. ***Попрошу*** *билеты!* При этом компонент ‘дать’ в словарном толковании глагола заменяется компонентом типа ‘показать, предъявить’.

Наконец, из всех синонимов ряда только **просить** может употребляться перформативно. Такая возможность возникает в двух случаях: а) в форме СОВ при сочетании с предметными существительными, когда **просить** выражает, в сущности, не просьбу, а требование. Ср. — *Доку-*

менты ***попрошу****, — повторил милиционер* (В. Кунин, Кыся); ср. также пример ↑; б) во втором круге употреблений, т. е. в сочетании с предикатными именами; ср. ***Прошу*** *внимания*; ***Прошу*** *прощения*; ***Прошу*** *политического убежища*.

Все остальные синонимы отражают ситуацию повышенной з а и н т е р е с о в а н н о с т и субъекта в получении искомого объекта и более и н т е н с и в н о е осуществление речевого акта. Они предполагают также с о п р о т и в л е н и е адресата, который не соглашается дать субъекту то, о чем тот просит. Поскольку субъект о ч е н ь хочет, чтобы адресат выполнил его просьбу, он пытается преодолеть его сопротивление, используя для этого различные средства.

Во-первых, субъект выражает свою просьбу н е о д н о к р а т н о: **выпрашивать, клянчить, выклянчивать** и **вымаливать** обозначают повторяющиеся непосредственно один за другим речевые акты.

Во-вторых, для усиления своего воздействия на адресата субъект прибегает к особому т о н у, отличному от обычного вежливого тона в случае **просить**.

В случае **выпрашивать** тон наименее специфичен: он может быть униженным, может быть и просто настойчивым; ср. *И потерпевший будет ныть всю дорогу и* ***выпрашивать*** *у соседей кисточку для бритья* (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок); *Темнокожие ребятишки* ***выпрашивают*** *воду: — Дай попить, дай* (А. де Сент-Экзюпери, Планета людей, пер. Н. Галь).

По мере усиления заинтересованности субъекта меняется и его тон: в случае **клянчить** и **выклянчивать** субъект старается разжалобить адресата, представляет свое положение как более бедственное, чем оно есть на самом деле, и его тон становится жалобным и плаксивым; ср. *Все эти братцы, сестрицы, тетеньки, дяденьки, узнав про выигрыш, приползут, начнут нищенски* ***клянчить****, маслено улыбаться, лицемерить* (Чехов, БАС); *Пришлось отдать* [*пояс*]. *Фотограф дивизионный* ***выклянчил****. --- Неловко отказывать как-то. Уж больно канючил* (В. Некрасов, ССин).

Из-за назойливого поведения и плаксивого тона субъекта речевые действия **клянчить** и **выклянчивать** оцениваются говорящим отрицательно. Ср. *Он не был надоедливым, не приставал и никогда ничего не* ***клянчил*** (Н. Дубов, Небо с овчинку) [отсутствие привычки к этим действиям подается как положительная характеристика субъекта].

В случае **вымаливать** исполнение просьбы чрезвычайно важно для субъекта, он сам находится в волнении и старается передать это волнение адресату, его тон становится эмоциональным, и, кроме того, он использует дополнительные внешние средства давления на адресата – особые жесты, мимику, позы и т. д. Ср. <…> *И на другой день мой муж на коленях* ***вымаливает*** *у меня прощение* (М. Зощенко, Парусиновый портфель).

Все синонимы, кроме **просить,** обычно характеризуют действие как унизительное для субъекта; ср. *И унижаться,* ***выпрашивать*** *пятерку на кино не надо* (В. Аксенов, Звездный билет) <…>.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. См. Примечание 1 в статье **Просить 1.1.**

ПРИМЕЧАНИЕ 2. К данному ряду примыкает официальный или устаревший глагол *испрашивать* [СОВ *испросить*], близкий по значению к **просить**. Ср. *В донесениях императору он указывал на злоупотребле-*

ние — вот оно — и тут же ***испрашивал*** *разрешения, какими мерами его уничтожить* (Ю. Тынянов, Подпоручик Киже) <…> Ср. ироническое употребление в современной прозе: *Он* ***испрашивал*** *комсомольские поручения, радуя сердца бюро* (М. Веллер, Приключения майора Звягина).

Выпрашивать в XIX веке употреблялось в значении, сходном с *испрашивать*. Ср. [*В письме*] *отдавался полный и точный отчет о положении дел* (*оно было блестящее*) *и* ***выпрашивался*** *трехмесячный отпуск* (И. С. Тургенев, Новь); <...>

▌Ф▐ Синонимы **просить** и **клянчить** не имеют форм СТРАД.

Глаголы **просить** и **клянчить**, в отличие от остальных синонимов, в форме НЕСОВ ПРОШ не имеют результативных значений. Ср. *Каждый раз он с большим трудом* ***выпрашивал <выклянчивал>*** *у нее деньги на поездку* [результативное значине: цель субъекта достигнута] VS. *Каждый раз он* ***просил <клянчил>*** *у нее деньги на поездку* [указания на результат нет, неизвестно, достигнута ли цель субъекта].

Как и многие другие глаголы речи, синонимы данного ряда в форме НАСТ могут относиться к п р о ш л о м у при пересказе чьих-то уже сказанных слов, если содержание сохраняет актуальность в момент речи; ср. *что он сказал?* ***Просит*** *грабли ненадолго*; *Ты что, у меня нет! Нам скоро будет нечего есть, а ты* ***клянчишь****! Иди домой!* (Л. Петрушевская, Золотая богиня).

Формы СОВ всех глаголов, за исключением **попросить**, обозначают не только действие субъекта, но и п о л о ж и т е л ь н у ю реакцию адресата – его согласие выполнить действие или выполнение им этого действия. Ср. *Он* ***попросил*** *у меня мою лупу* [реакция адресата неизвестна] VS. *Он* ***выпросил*** *у меня лупу* [я дал ему лупу] <…>

▌К▐ Все синонимы имеют валентности субъекта, адресата и содержания просьбы.

Валентность а д р е с а т а у всех синонимов выражается предложно-именной группой *у* + РОД (см. примеры ↑↓). В случае, если адресат – официальное учреждение, валентность может выражаться группой *в* + ПРЕДЛ, включающей название данного учреждения; ср. ***просить*** *в министерстве*; *Он даже ни разу не появился в институте в новом костюме, не хотел выделяться среди студентов,* ***выклянчивающих*** *в профкоме ордер на брюки из грубошерстного сукна* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Валентность с о д е р ж а н и я у всех синонимов прототипически (в первом круге употреблений) выражается именами в форме ВИН (см. примеры ↑↓).

У глагола **просить** эта валентность может выражаться также формой РОД в случае неопределенной квантификации объекта; ср. ***просить*** *билет* [квантификация невозможна, т. к. уже выражена идея, что билет один] VS. *У него* ***просили*** *билетов в самой разнообразной форме* (М. Булгаков, Театральный рома) [РОД выражает идею неопределенного количества — ‘сколько-то билетов’]. У остальных глаголов управление РОД при предметных существительных является устаревшим; ср. <…> *Каждый день выходил он в своей легкой шинельке хлопотать по своим делам, просить и* ***вымаливать*** *себе где-нибудь места* (Ф. М. Достоевский, Бедные люди).

Во втором круге употреблений (с предикатными существительными) синонимы, за исключением **просить**, управляют формой ВИН; ср. ***выма-***

ливать *прощение, <пощаду>*; ***выпрашивать*** *<**выклянчивать**> согласие <право на заселение квартиры>*; *Кончается тем, что она **вымаливает** у Бога остановку мук на всякий год от Великой пятницы до Троицына дня* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). **Просить** в этом случае управляет формой РОД; ср. ***просить*** *прощения <пощады, справедливого решения>*.

В XIX веке синонимы **выпрашивать** и **вымаливать** имели управление, сходное с управлением ряда *просить 1.1.* Ср. *Как унизительно **выпрашивал** он, будто милостыни, чтоб я дал ему время раскаяться!* (А. А. Бестужев-Марлинский, Латник) <…>

Изредка синонимы встречаются в а б с о л ю т и в н о м употреблении; ср. *Вот и приходится крестьянам-единоличникам --- унижаться, **выпрашивать**, добывать, вырывать, тратить силы на изнуряющую борьбу* (Политическая метафора); *Качал права, **клянчил** и носил справки из поликлиники* (М. Веллер, Думы).

▌С▐ Все синонимы сочетаются с названиями людей в ролях с у б ъ е к т а и а д р е с а т а (см. примеры ↑↓). Все глаголы, кроме **вымаливать**, могут сочетаться с названиями групп, организаций, официальных инстанций в указанных ролях; ср. *Шахтеры **просят** поддержки у профсоюзов*; *Каждую зиму мэрия **выпрашивает <клянчит, выклянчивает>** у энергетиков отсрочку платежей.*

Валентность с о д е р ж а н и я при всех синонимах выражается п р е д м е т н ы м и существительными, чаще всего разнообразными обозначениями денежных сумм; ср. *Он **клянчил** у меня деньги, и я жаднничал, он злился, оскорблялся, как взрослый, бросался к матери, но у Риты не очень-то разживешься, и тогда он тайком **просил** у Нюры, и она давала* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); *<…> Я видела, как его наследник, испитой юноша, ходил к Суркову, чтобы именем отца **вымаливать** хоть какие-нибудь подачки* (Н. Мандельштам, Воспоминания).

Та же валентность при всех синонимах может выражаться вопросительными и неопределенными м е с т о и м е н н ы м и существительными; ср. *Каждый раз он что-то **клянчит <выпрашивает, выклянчивает>** <…>*

Та же валентность у всех синонимов, кроме клянчить, выражается п р е д и к а т н ы м и существительными, обозначающими речевые акты, чувства-отношения и т. п.; ср. *<…> Мне вовсе не хотелось, чтобы она **выпрашивала** у Николая Антоныча позволение бывать у них* (В. Каверин, Два капитана) <…>

Все синонимы, кроме **просить**, в форме СОВ и в результативном НЕСОВ сочетаются с наречиями и наречными оборотами типа *едва, с трудом*, а также с глаголом *удаться*, указывающими на т р у д н о с т ь достижения результата; ср. *едва **выпросил***; *с трудом **вымолил** <...>*

Синоним **клянчить** сочетается с наречиями типа *жалобно, плаксиво*, характеризующими особый т о н субъекта, а **вымаливать** – с выражениями типа *на коленях, со слезами* и т. п., указывающими на особые ф о р м ы осуществления данного речевого действия.

[иллюстрации из произведений В. Аксенова, М. Булгакова, Ю. Алешковского, В. Ходасевича, М. Веллера, Г. Вишневской, А. и Б. Стругацких, Ю. Тынянова, В. Каверина, И. Ильфа и Е. Петрова., газ. «Известия» и др.]

Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание[1]

7 шагов, которые помогут вам найти нужный синоним

Например, представьте себе, что в предложении «***Твоя идея вызвала у нас восторг***» вы хотите подобрать более удачное слово, чем ***восторг***.

Шаг 1	*Подумайте, какое слово наиболее полно выражает вашу мысль.*	Восторг
Шаг 2	*Найдите это слово в третьей части словаря, которая называется «Алфавитная часть…» (с. 692–753). Там вы увидите номер раздела, по которому следует искать слово в первой, основной части словаря.*	**4.1.3.2. ВОСТОРГ**
Шаг 3	*Перейдите в основную часть словаря (с. 1–685). Слово* ***восторг*** *дано там в ряду синонимов. Общее значение для всех синонимов этого ряда отражает* **семантическая идея**, *а* **прототип** *формулирует устойчивый мысленный образ.*	**4.1.3.2. ВОСТОРГ** **ВОСТОРГ**, ВОСХИЩЕНИЕ, САМОЗАБВЕНИЕ, УПОЕНИЕ, *книжн.* ЭКЗАЛЬТАЦИЯ, *книжн.* ЭКСТАЗ **Семантическая идея**: сильный подъем радостных чувств как проявление высшего удовольствия, удовлетворения кем-л., чем-л. **Прототип (устойчивый мысленный образ):** состояние сильного подъема радостных чувств, высшего удовольствия, удовлетворения кем-л., чем-л., которое полностью охватывает человека и выражается в его речи (она обычно торжественная, приподнятая), поведении и жестах, в сверкании глаз и т. п.; оно обычно бывает кратким, порывистым, но сильным по степени проявления, вплоть до отрешенности от действительности, до самозабвения.

[1] Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.

Шаг 4	*Если какое-либо слово из синонимического ряда показалось вам более удачным, чем* ***восторг****, — например,* ***восхищение****, — перейдите в зону словарной статьи, которая называется «Семантические сходства и различия», и прочтите, каково значение слова* ***восхищение****. Оно отличается от слова* ***восторг*** *оттенками значения. Выберите то слово, которое покажется вам более удачным.*	**Семантические сходства и различия** **ВОСТ′ОРГ**. Сильный подъем радостных чувств как проявление высшего удовольствия, восхищения, удовлетворения кем-л., чем-л. **ВОСХИЩ′ЕНИЕ.** Чрезвычайно сильный восторг. **САМОЗАБВ′ЕНИЕ.** Крайняя степень воодушевления, восторга, увлеченности, вплоть до самопожертвования. **УПО′ЕНИЕ.** Чрезвычайно сильный подъем радостных чувств как проявление высшего удовольствия, удовлетворения кем-л., чем-л., полная погруженность в это состояние, наслаждение им.
Шаг 5	*Теперь употребите подобранное слово в собственном тексте!*	***Твоя идея вызвала у нас восхищение.***
Шаг 6	*Но это не всё! Вы можете сделать свой текст богаче и выразительнее. Найдите тот же самый номер — 4.1.3.2 — во второй части словаря, которая называется «Синопсис…» (с. 686–691), и просмотрите там всю группу слов, объединенных под заголовком более высокого уровня. Это слова, близкие или противоположные по значению к тому слову, которое вы уже подобрали.*	**4.1.3. РАДОСТЬ — ГРУСТЬ** **4.1.3.1. РАДОСТЬ** **4.1.3.2. ВОСТОРГ** **4.1.3.3. ВООДУШЕВЛЕНИЕ** **4.1.3.4. ГРУСТЬ** **4.1.3.5. СКУКА**
Шаг 7	*Из этой группы выберите слова, которые заинтересовали вас, для каждого из них выполните шаги 3–4 и введите то, что подошло, в собственный текст!*	***Твоя идея вызвала у нас радость, восторг, воодушевление, от прежней грусти не осталось и следа!***

Как организована информация в словаре

Синонимические ряды распределены по тематическим группам по иерархическому принципу: от ***общего*** *к* ***частному.***	**6. РЕЧЬ** **6.1. ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ЧЕЛОВЕКА** **6.1.1. Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи** **6.1.2. Характерные особенности изложения, текста, стиля** **6.2. РЕЧЕВОЕ СООБЩЕНИЕ** **6.3. РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ**

Для каждого синонимического ряда указывается более узкое его значение и более широкое.
Все синонимы ряда имеют ***общее значение*** *и* ***общий устойчивый мысленный образ.***

6.1.1. Характерные особенности произношения, выговора, манеры речи

разг. **БОЛТАТЬ,** ЛЕПЕТАТЬ, *разг.* СТРЕКОТАТЬ, *разг.* ТАРАТОРИТЬ, *разг., шутл.* или *ирон.* ТАРАХТЕТЬ, *разг.* ТРЕЩАТЬ, *разг.* ЦОКОТАТЬ, *разг.* ЧАСТИТЬ, *разг.* ЩЕБЕТАТЬ, *разг. -сниж.* ТАРАНТИТЬ...

Семантическая идея: говорить много и быстро.

Прототип (устойчивый мысленный образ): говорить много, быстро, без пауз, в течение длительного времени, обычно о чем-л. незначительном, несерьезном или вообще без определенной темы, переходя с одной темы на другую, часто испытывая какое-л. чувство. Такая речь обычно вызывает неодобрение (если она неразборчива, если ее громкость и темп выходят за пределы допустимого и начинают утомлять), ассоциируется с резкими частыми звуками, издаваемыми птицами, насекомыми, или с треском, шумом работающего механизма; но иногда может производить на окружающих и приятное впечатление (легкая и непринужденная, обычно женская речь), ассоциироваться с речью детей, пением птиц.

Даются ***грамматические*** *и* ***стилистические*** *пометы.*

В ***толкованиях*** *раскрываются сходства и различия значений слов, входящих в синонимический ряд.*

Словоупотребление иллюстрируется ***примерами.***

Семантические сходства и различия

БОЛТ'АТЬ, *несов. Разг.* Говорить много, быстро, легко и непринужденно в течение длительного времени о чем-л. незначительном, несерьезном или вообще без определенной темы, переходя с одной темы на другую, обычно находясь в хорошем настроении, в состоянии безделья. *За обедом он болтал без умолку, был чрезвычайно весел, острил, каламбурил, рассказывал анекдоты, которые не доканчивал или с одного перескакивал на другой, сам не замечая того* (Дост.).

ЛЕПЕТ'АТЬ, *несов.* Говорить много и быстро, при этом негромко, возможно, не очень ясно (подобно тому, как говорят дети), производя при этом приятное впечатление, часто вызывая снисходительное отношение (обычно о женщинах), *Ну, попадья – добрая, смирная курица, лепечет без умолку, поет, охотница шептаться, особенно с Верой: так и щебечет, и все на ухо* (Гонч.).

Перечисляются ***близкородственные синонимические ряды,*** *относящиеся к другим частям речи, с* ***толкованиями.***

Близкородственные синонимические ряды

Разг. болтовня́, ле́пет, лепета́ние, *разг.* стрёкот, *разг.* стрекота́ние, *разг.* стрекотня́, *разг.* тарахте́ние и тарахте́нье, *разг.* трескотня́, *разг.* треща́ние, *разг.* цокота́нье, *разг.* ще́бет, *разг.* щебета́ние. Быстрая, часто бессодержательная речь.

Разг. болту́н, *шутл.* лепету́н, *разг.* балабо́л, *разг.* балабо́лка, *разг.* балала́йка, *разг.* болту́шка, *разг.* говору́н, *разг.* сорóка, *разг.* тарато́рка, *разг.* треску́н, *разг.* трещо́тка, *разг. -сниж.* тарантá. Тот, кто много и быстро, часто бессодержательно говорит.

Приводятся ***антонимы*** *ко всем или к отдельным членам синонимического ряда.*	**Антонимы** Молчать (ко всему СР).
Приводятся списки ***фразеологизмов,*** *близких по смыслу синонимическому ряду.*	**Близкородственные фразеологизмы** Сыпать словами [как из мешка горохом]; болтать без умолку; трещать как сорока; тары-бары [растабары] [разводить/развести]; болтать (звонить, чесать, молоть, трепать, трещать) языком; чесать (мозолить) язык; чесать зубы; бить язык (языком); точить (поточить) [свой] язык ([свои] языки); вести (точить) лясы (балясы); ляскать языком; балалайка бесструнная; невоздержан (слаб) на язык; длинный язык *у кого*; язык без костей *у кого*; рот не закрывается *у кого*.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ВЫЗЫВАТЬ/ВЫЗВАТЬ, ВЫКЛИКАТЬ/ВЫКЛИКНУТЬ, ВЫТРЕБОВАТЬ, ЗАТРЕБОВАТЬ, ПРИГЛАШАТЬ/ПРИГЛАСИТЬ, ПРОСИТЬ/ПОПРОСИТЬ, ТРЕБОВАТЬ/ПОТРЕБОВАТЬ, *разг.* ВЫКЛИКИВАТЬ/ВЫКЛИКНУТЬ

Семантическая идея: обращаться/обратиться к кому-л. с официальным предложением явиться куда-л.

Прототип (устойчивый мысленный образ): обращаться/обратиться к кому-л. с официальным предложением (устным или письменным, передаваемым непосредственно адресату, с помощью средств связи или через третьих лиц) явиться куда-л. для обсуждения деловых вопросов или выполнения профессиональных обязанностей. При этом обычно предполагается, что адресат не может проигнорировать предложение прийти, прибыть куда-л., отказаться сделать это, т. к. либо он обязан по долгу службы, в силу профессиональных обязанностей являться по требованию, либо тот, кто вызывает, выше его по социальному статусу (напр., является его начальником).

Семантические сходства и различия

ВЫЗЫВА́ТЬ, *несов.* (*сов.* вы́звать), *кого.* Обращаться/обратиться к кому-л. с официальным предложением явиться куда-л. для обсуждения деловых вопросов или выполнения профессиональных обязанностей. *В библиотеке появился Себастьян и сказал: «Вас вызывают в контору, мистер!»* (А. Беляев). *В случае надобности можно было немедленно вызвать дежурного врача* (Алд.). *Быстро отдав несколько распоряжений, наведя порядок на письменном столе, Соловьев вызвал машину и <…> поехал в больницу, где лежал Онисимов* (А. Бек).

ВЫКЛИКА́ТЬ, *несов.* (*сов.* вы́кликнуть), *кого.* Обращаться/обратиться (устно) к кому-л. из членов какого-л. объединения, группы лиц, громко

называя его по имени, фамилии, обычно с целью отправить куда-л. или дать поручение. *Он стал выкликать офицеров связи по очереди и вручал каждому из них пакет, запечатанный сургучом* (Э. Казакевич). *Станут скоро на мельницу на постройку людей выкликать, вы все в то число становитесь*; *станут туда провизию запасать, и вы свои сухари да галеты в телегу складывайте* (Кор.). *Из окопа выкликнули троих человек на смену* (Пауст.). *Этап как этап. Из одного барака вызвали пятерых, из другого тройку, из третьего десять человек. <...> А один раз выкликнули оттуда такого дремучего параличного деда, что его пришлось тащить на носилках* (Домбр.).

ВЫ́ТРЕБОВАТЬ, *сов., кого.* То же, что потребовать (см. требовать); употр. в случае, когда адресат находится далеко от субъекта. *Министерство иностранных дел отпустило его неохотно и объявило, что позднее вытребует его назад* (Алд.).

ЗАТРЕ́БОВАТЬ, *сов., кого.* То же, что потребовать (см. требовать); употр. в деловой речи, *Главхимпром затребовал вас на хозяйственно-юридическую работу* (Рыб.).

ПРИГЛАША́ТЬ, *несов.* (*сов.* пригласи́ть), *кого.* Обращаться/обратиться (письменно или устно) к кому-л. с официальным предложением прийти куда-л. для обсуждения каких-л., преим. деловых, вопросов. *В тот же день – это было в среду — Ромашов получил короткую официальную записку: «Суд общества офицеров N-ского пехотного полка приглашает подпоручика Ромашова явиться к шести часам в зал офицерского собрания»* (Купр.). *Главный пригласил его зайти, он пробрался к столу...* (Гран.). *Доктор Делич объявил мне, что утром приехал из Москвы попечитель университета, граф Строганов, и прислал его пригласить меня завтра в десять часов утра к себе* (Герц.).

ПРОСИ́ТЬ, *несов.* (*сов.* попроси́ть), *кого.* Обращаться/обратиться (письменно или устно) к кому-л. с официальным предложением явиться к себе для обсуждения каких-л., преим. деловых, вопросов. *Граф стал еще желтее, однако учтиво просил его в кабинет* (Герц.). *Итак, послезавтра утром, в восемь ноль-ноль, прошу вас к подъезду нашего управления* (Триф.). *«Юнкер! — воскликнул полковник, — попросите ко мне старшего офицера»* (Булг).

ТРЕ́БОВАТЬ, *несов.* (*сов.* потре́бовать), *кого.* Обращаться/обратиться к кому-л. с настоятельным, категорическим предложением (письменным или устным, всегда передаваемым через третьих лиц) явиться к себе. *На другой день, только что он пришел в присутствие, явился курьер от генерала, который немедленно требовал его к себе* (Гонч.). *Пойдя навстречу, он представился и потребовал старшего* (газ.).

ВЫКЛИ́КИВАТЬ, *несов.* (*сов.* вы́кликнуть), *кого. Разг.* То же, что выкликать. *Открытие задержали на час. Из этого часа Лари Вильямс, которому полагалось открывать конференцию, честно простоял 45 минут в дверях практически пустого конференц-зала. Затем организатор – ведущий конференции в течение часов четырех пы-*

тался выкликивать его из зала, но безуспешно (разг. инт.) *Меня выкликнули, и я вышел из строя* (реч.).

Близкородственные синонимические ряды

Вы́зов, приглаше́ние, тре́бование. Устный или письменный текст, содержащий официальное предложение явиться куда-л.

Вызыва́ться, выкрика́ться, приглаша́ться, тре́боваться, *разг.* выкли́киваться. Быть адресатом официального предложения явиться куда-л.

Близкородственные фразеологизмы

Предлагать/предложить явиться *кому,* вызывать/вызвать на ковер *кого.*

ПРИГЛАШАТЬ/ПРИГЛАСИТЬ, ЗВАТЬ/ПОЗВАТЬ, ПРОСИТЬ, *устар.* АНГАЖИРОВАТЬ, *разг.* ЗАЗЫВАТЬ/ЗАЗВАТЬ

Семантическая идея: обращаться/обратиться к кому-л. с предложением заняться чем-л., принять участие в чем-л.

Прототип (устойчивый мысленный образ): относясь к кому-л. с уважением, дружеским расположением, испытывая необходимость в его присутствии, содействии, обращаться/обратиться к нему в устной или письменной форме с предложением отправиться куда-л. вместе, заняться чем-л., принять участие в каком-л. мероприятии (в угощении, празднике, танце и т. п. или в каких-л. официальных мероприятиях — в выставке, собрании, конференции и т. п.).

Семантические сходства и различия

ПРИГЛАША́ТЬ, *несов.* (*сов.* пригласи́ть), *кого.* Обращаться/обратиться (в устной или письменной форме) к кому-л. с вежливым предложением отправиться куда-л. вместе, заняться чем-л., принять участие в каком-л. мероприятии. *Было так же наверно известно о его близости с madame Тальман: ради нее его и приглашали обыкновенно в гости...* (Купр.). *Алексей Александрович только успел вернуться к пяти часам, времени своего обеда, и, пообедав с правителем дел, пригласил его с собой вместе ехать на дачу и на скачки* (Л. Т.). *В начале июня Лосева пригласили в Первую школу на выпускные экзамены* (Гран.). *Графиня Нордстон нашла Корсунского, с которым она танцевала мазурку, и велела ему пригласить Кити* (Л. Т.).

ЗВАТЬ, *несов.* (*сов.* позва́ть), *кого.* Обращаться/обратиться (обычно в устной форме) к кому-л. с предложением пойти куда-л. вместе, заняться чем-л. (обычно по-дружески, без каких-л. условностей пообщаться, провести время). *Валька давно звал меня в зоопарк посмотреть его грызунов, и это было просто свинство, что я до сих пор не собрался!* (Кав.). *Дня три уж не Костяков звал его, а он сам тащил Костякова на рыбную ловлю* (Гонч.). *Маменька его звала нас с Вероч кой гостить, да бабушка одних не пускает* (Гонч.). *Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговоря с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке* (П.).

ПРОСИ́ТЬ, *несов., кого.* Обращаться (в устной форме) к кому-л. с вежливым, мягким, некатегоричным предложением прийти куда-л., чаще всего к себе в гости, к столу. *На другой день после знакомства заехал я к ней просто из вежливости, думал, не застану дома, оставлю карточку. Вдруг говорят: «Вас просят»* (А. Аверченко). *— Давай самовар да поди скажи хозяйке, что я прошу ее на чашку чаю* (Купр.). *Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски* (П.).

АНГАЖИ́РОВАТЬ, *несов.* и *сов.*, *кого-что. Устар.* Обращаться/обратиться к человеку (людям) творческой профессии (обычно к актеру, к актерской труппе), с предложением в течение определенного срока принимать участие в спектаклях, концертных программах и т. п.; обращаться/обратиться к даме с вежливым приглашением на танец. *...Говорят, на нынешнюю зиму ангажирован сюда Рубини <...> я просил оставить для нас ложу — как ты думаешь?* (Гонч.). *Во всех играх он ангажировал себе в пару, когда надо было, преимущественно изменницу рыженькую или одну из сестер Захлебининых* (Дост.). *Истомин, как вежливый кавалер, пригласил на одну кадриль и один вальс Иду Ивановну и потом ангажировал на следующий вальс Маню* (Леск.).

ЗАЗЫВА́ТЬ, *несов.* (*сов.* зазва́ть), *кого. Разг.* Обращаясь (в устной форме) к кому-л. с неоднократными настойчивыми предложениями пойти куда-л., заняться чем-л. (приглашать в гости, к застолью и т. п.; настойчиво, даже назойливо предлагать купить что-л., приглашать посмотреть товар на рынке и т. п.), добиваться/добиться согласия этого человека. *При этом усиленно зазывает меня выпить с ним хорошего грузинского вина, которое у него в багажнике, или, в крайнем случае, взять в подарок несколько бутылок* (Иск.). *Из отчаяния и последних сил* (*и на последние деньги*) *Леся Дмитриевна зазвала к себе на ужин с бутылкой вина троих влиятельных дядей* (Мак.). *Из дощатых лавчонок перегибались, кричали купчишки, ловили за полы, с прохожих рвали шапки, — зазывали к себе* (А. Н. Т.).

Близкородственные синонимические ряды

Приглаше́ние, *устар.* ангажеме́нт, *разг.* зазыва́ние. Просьба, предложение сделать что-л., принять участие в чём-л., заняться чем-л.

Приглашённый, гость. Тот, кто по чьей-л. просьбе, приглашению приходит к кому-л., чтобы принять участие в чём-л., заняться чем-л.

Приглашённая, гостья. Та, кто по чьей-л. просьбе, приглашению приходит к кому-л., чтобы принять участие в чём-л., заняться чем-л.

Близкородственные фразеологизмы

Прошу вас; милости прошу (просим); добро пожаловать.

УГОВАРИВАТЬ/УГОВОРИТЬ, СКЛОНЯТЬ/СКЛОНИТЬ, УБЕЖДАТЬ/УБЕДИТЬ, УПРАШИВАТЬ/УПРОСИТЬ, *устар.* УВЕЩАТЬ, *устар.* УВЕЩЕВАТЬ, *устар.* УЛЕЩАТЬ/ УЛЕСТИТЬ, *устар.* УЛЕЩИВАТЬ/

УЛЕСТИТЬ, *разг.* АГИТИРОВАТЬ/САГИТИРОВАТЬ, *разг.* ОБРАБАТЫВАТЬ/ОБРАБОТАТЬ, *разг.* УМАСЛИВАТЬ/УМАСЛИТЬ, *разг.* УРЕЗОНИВАТЬ/ УРЕЗОНИТЬ, *разг. -сниж.* УБАЛТЫВАТЬ/УБОЛТАТЬ, *разг.-сниж.* УЛАМЫВАТЬ/УЛОМАТЬ

Семантическая идея: словесно воздействуя на кого-л. в течение достаточно длительного времени, заставлять/заставить его согласиться сделать что-л.

Прототип (устойчивый мысленный образ): воздействуя на кого-л. с помощью слов, доказательств необходимости чего-л. или с помощью каких-л. действий (ласки, лести, подарков, взяток и т. п.), преодолевая/преодолев его сопротивление, нежелание, заставлять/заставить его перестать сомневаться, согласиться со своим мнением, сделать что-л. (или, наоборот, отказаться от совершения чего-л.).

Семантические сходства и различия

УГОВА́РИВАТЬ, *несов.* (*сов.* уговори́ть), *кого с неопр. ф.* Словесно воздействуя на кого-л. в течение длительного времени, заставлять/заставить его согласиться сделать что-л. *А Прошка продолжал работать, несмотря даже на то, что Алексей Иваныч уговаривал его отдохнуть* (М.-Сиб.). *В этом письме граф просил, уговаривал Ефимова продать скрипку, оставшуюся после итальянца и которую граф очень желал приобрести для своего оркестра* (Дост.). *Николаев долго с ворчливым неудовольствием отказывался, но его все-таки уговорили* (Купр.).

СКЛОНЯ́ТЬ, *несов.* (*сов.* склони́ть), *кого к чему. Перен.* Заставлять заставить кого-л. согласиться сделать что-л., постепенно убеждая в необходимости совершения какого-л. поступка, принятия какого-л. решения, подобно тому как изменяют положение предмета на нужное, необходимое. *…Команды все подпадали под влияние офицерства, среди которого были сильны эсеры, меньшевики, скрытые контрреволюционеры, склонявшие матросов к тому, чтобы вернуть корабли в Севастополь* (Триф.) *…Быть может, в другое время начальству и не трудно было бы найти несколько человек, которых страхом или обещанием выгоды можно бы склонить к доносу…* (Кор.). *Он даже достиг того, что склонил и Лизавету Прокофьевну к своей системе, хотя дело вообще было трудное, — трудное потому, что и неестественное*; *но аргументы генерала были чрезвычайно значительны, основывались на осязаемых фактах* (Дост.).

УБЕЖДА́ТЬ, *несов.* (*сов.* убеди́ть), *кого в чем, с неопр. ф.* и *с прид. доп.* Уговаривать/уговорить, обычно проявляя/проявив настойчивость, приводя/приведя веские, основательные доводы в пользу необходимости, целесообразности чего-л., заставляя/заставив кого-л. изменить свои планы или перестать сомневаться в том, как поступить. *Гоц рассказывает, как однажды на вокзале друзья убеждали Азефа нанять носильщика для чемодана* (Алд.). *И он рассказал мне, как он убедил Лу в необходимости лететь в Нью-Йорк, узнать, чем все это кончилось…* (Газд.). *Вышедши в Немецкое море, Боткин почувствовал себя больше дома и сделал еще раз опыт переменить миро-*

созерцание, убедить Арманс — иначе взглянуть на Жака (Герц.). *Вина состояла в том, что он не сумел убедить их отказаться от этой безнадежной работы* (Гран.). *— Но нельзя ли подготовить Василъя Назарыча при помощи третьего лица... то есть убедить, чтобы он взял от меня то, на что он имеет полное право?* (М.-Сиб.).

УПРА́ШИВАТЬ, *несов.* (*сов.* упроси́ть), *кого о чем, с неопр. ф.* и *с прид. доп.* Заставлять/заставить кого-л. согласиться сделать что-л. нужное для себя, прибегая/ прибегнув к настойчивым долгим просьбам, преодолевая/ преодолев сопротивление, нежелание адресата. *...Сам я, после нанесенной мне вашим приятелем обиды, к нему в дом не поеду, хотя Катя и с горькими слезами меня о том упрашивает* (Од.). *Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся...* (Л.). *Несколько раз почтальон, выбившись из сил, принимался греться*; *я ему подавал мою фляжку с коньяком и, обещая двойные прогоны, упрашивал торопиться* (Герц.). *И омским модницам сразу стало легче: не надо упрашивать московских подружек, чтобы те сначала присмотрели что-нибудь в «Дикой орхидее», а потом переправили это ценной бандеролью в Омск* (газ.). *— Думали вот — до Казанской Машину свадьбу справить, — она с Денисом все-таки матушку упросила не откладывать за Святки, до слез просила...* (Шм.).

УВЕЩА́ТЬ, *несов., кого с неопр. ф.* и *с прид. доп. Устар.* Уговаривать, приводя доводы в пользу необходимости, целесообразности чего-либо, призывая кого-л. быть благоразумным, рассудительным, осмотрительным, обдумывать свои действия, поступки. *Каждый божий день увещал, уговаривал ее повенчаться, каждый раз обещалась она, но до другого года откладывала* (П. Мельников-Печерский). *Тут девяностолетняя мать Клеопатра Ерахтурка, сидя на месте, слабым старческим голосом стала увещать матерей все претерпеть за правую веру, но места святого волей своей не покинуть* (П. Мельников-Печерский). *Но хотя сама Зинаида и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прошу, и по любви своей к ней увещает ее, чтобы она скорее одумалась и, отложив все заботы, укрылась в обитель* (Леск.).

УВЕЩЕВА́ТЬ, *несов., кого с неопр. ф.* и *с прид. доп. Устар.* То же, что увещать. *Предание, еще до сих пор свежее между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене веры* (Л. Т.). *Увещевая Захара, он глубоко проникся в эту минуту сознанием благодеяний, оказанных им крестьянам, и последние упреки досказал дрожащим голосом, со слезами на глазах* (Гонч). *Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям*; *чтоб не прощал им ни малейшей слабости*; *чтоб они и взора его боялись...* (Н. Новиков).

УЛЕЩА́ТЬ, *несов.* (*сов.* улести́ть), *кого. Устар.* Заставлять/заставить кого-л. сделать что-л. нужное для себя, действуя уговорами, лаской, лестью,

обещаниями. *Людей Марья Алексеевна перевидала много, привыкла улещать и одергивать чиновников, с которыми приходилось возиться по тяжбе с преступным мужем-двоеженцем...* (Тын.). *Марья, не теряя времени, сейчас же увезла ее на приписк и улещала всю дорогу разными наговорами, как хороший конокрад* (М.-Сиб.)....*Я уж ее сказками все улещаю, право, улещаю* (Дост.). *Не помню, что я там наговорила на своего брата, чтобы только улестить маму и заставить ее приехать ко мне* (Л. Петрушевская). — *И слушать не хотят-с... вечор даже бунта чуть не подняли, насилу улестил их, чтобы хоть до сегодняшнего-то дня обождали* (П. Мельников-Печерский).

УЛЕ́ЩИВАТЬ, *несов.* (*сов.* улести́ть), *кого. Устар.* То же, что улещать. *«На свежем воздухе, — неискренне, как мне казалось, улещивала меня моя искренняя мать, — целый день гуляй — не хочу, ухожена, накормлена...»* (М. Палей). *Пашка и так и сяк его улещивал, извинялся, «героем» называл* (Ю. Нагибин). *Испуганно заметались по избе женщины, будто овцы в хлеву, мужики смотрят на нового своего родственника с недоумением, думают: не связать ли и этого, а Мария Герасимовна так и стелется перед ним, заласкивает, улещивает* (А. Яшин). *А то двинется куда-нибудь в кабак с партнерами — обихаживать-улещивать* (А. Измайлов). *Наверняка не пошла бы звать — и мне час за часом, полдня пришлось бы уламывать и улещивать* (Мак.).

АГИТИ́РОВАТЬ, *несов.* (*сов.* сагити́ровать), *кого с неопр. ф. Разг. Перен.* Заставлять/заставить кого-л. согласиться сделать что-л., настойчиво убеждая в необходимости, целесообразности этого, подобно людям или партиям, активно распространяющим свои взгляды, идеи. *Он называет себя «моржом» и все время агитирует нас заняться этим милым спортом* (Акс). *И то были благословенные деньги для страховых маклеров, агитировавших вкладывать деньги за границу* (газ.). *Местных жителей агитируют не появляться на дорогах на личных авто, решив, что они могут ради олимпийцев пару недель походить пешком* (газ.). — *Никого из американок не сагитировали приехать в Россию?* (газ.). *Уже который год они* [экскурсоводы] *приезжали в заповедник на лето. Один из них — Володя Митрофанов. Он-то меня и сагитировал* (Довл.).

ОБРАБА́ТЫВАТЬ, *несов.* (*сов.* обрабо́тать), *кого. Разг. Перен.* Заставлять/заставить кого-л. согласиться сделать что-л. нужное для себя, воздействуя на адресата в течение долгого времени всеми возможными способами: усиленными уговорами, лаской, лестью, подарками, взятками, обманом и т. д., подобно тому как специальным воздействием на предмет придают ему нужные свойства. *Не-е-ет, давить не следует, мало ли как дело повернется, узнают, что Журавлев обрабатывал Рогинского, нажимал, попадет, не стоит ему, должностному лицу, заниматься такими заговорами* (Гран.). *Я видел, как он с этой дамочкой обрабатывал одного, — правда, тот оказался хитрее, но тут им все было пущено в ход: лодка, водка, луна, гитара!* (Домбр.). — *Я обрабатываю его около года, и только теперь мы договорились до развода* (Наб.). — *Поздравляю от души. И прямо тебе скажу — ловок ты,*

брат. Руку бы дал на отсечение, что роман твой напечатать нельзя, просто невозможно. Как ты Рудольфа обработал, ума не приложу (Булг.).

УМА́СЛИВАТЬ, *несов.* (*сов.* ума́слить)**,** *кого. Разг.* Склонять/склонить кого-л. (обычно человека, имеющего более высокий социальный статус) согласиться сделать что-л. нужное для себя, действуя уговорами, лаской, лестью, подарками, взятками. *Мешком валил Захар Захарычу шкурки, мясо, орех, а то и щепотку золотишка, «нечаянно» в кипуне найденного, — умасливал «отца-радетеля»...* (Аст.). *Он умасливал его, отбросив всякое самолюбие* (Гран.). *Он помогал по-настоящему: втащил Сережу в институт, всячески продвигал, добился повышения оклада, переубедил пучеглазого Ивана Евдокимовича Демченко, директора, насчет перемены темы диссертации и умаслил Сережиного руководителя, профессора Вяткина, который был вовсе не рад этой перемене* (Триф.).

УРЕЗО́НИВАТЬ, *несов.* (*сов.* урезо́нить), *кого. Разг.* Уговаривать/уговорить кого-л. не делать чего-л., приводя/приведя доводы в пользу необходимости, целесообразности этого, апеллируя к его здравому смыслу и спокойствию. *И вскоре все оживились и даже заулыбались, и стало слышно, как в столовой азартно спорят Жорка и Пашка и как Артем урезонивает их* (Б. Вас). *— Я его урезониваю, говорю — возьмите, дескать, батюшка, пять-то тысяч от них!* (Дост.). «*Смею вас уверить, ваше превосходительство, что все это чистейший вздор», — распинался перед Меревою статский генерал, стараясь ее всячески урезонить* (Леск.).

УБА́ЛТЫВАТЬ, *несов.* (*сов.* уболта́ть), *кого с неопр. ф. Разг.-сниж.* То же, что уговаривать. *Уболтать народ поменять плоский монитор на другой плоский монитор проблематично* (газ.).

УЛА́МЫВАТЬ, *несов.* (*сов.* уломáть), *кого. Разг.-сниж.* Уговаривать/уговорить, в течение долгого времени, настойчиво убеждая кого-л. в необходимости, целесообразности чего-л. *— Ведь я вас полчаса уже уламываю* (Булг.). *— И так и этак просили, но уломать не могли, верь слову, товарищ Давыдов* (Шол.). *Поверите ли, насилу уломал ее*; *вздумала еще толковать о том, что, дескать, вы за это отвечать будете...* (Т.).

Близкородственные синонимические ряды

Убежде́ние, *устар.* увёт, *устар.* увеща́ние, *разг.* агита́ция, *разг.* агити́рование, *разг.-сниж.* уба́лтывание, *разг.-сниж.* ула́мывание. Воздействие на кого-л. с целью заставить его согласиться сделать что-л.

Убеди́тельный, *устар.* увеща́тельный, *устар.* увещева́тельный. Содержащий, выражающий убеждение.

Антонимы

Отговаривать/отговорить, не советовать, отсоветовать, удерживать/удержать, отвращать/отвратить (к *Уговаривать/уговорить*).

Отговаривать/отговорить, удерживать/удержать, отвращать/отвратить (к *Склонять/склонить*).

Н. Абрамов
Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений[1]

ПРОСИТЬ (упросить), испрашивать, молить(ся), умолять, канючить, клянчить, приставать, настаивать, кланяться, предстательствовать, ходатайствовать, обращаться (приступать) к кому с просьбой, осаждать просьбами, челом бить о чем, взывать (о помощи), заклинать, валяться в ногах. Просить горячо, настоятельно, неотступно, убедительно, усиленно. Он упросил меня остаться. предстательствовать за кого (о чем) пред кем. Он осаждает меня с утра до ночи. Повергать пред кем просьбу, входить с прошением к кому. бить челом (кланяться) кому о чем. Он просил, в ногах валялся. Припадаю к стопам вашим. *Из-под медведя он взмолился батраку…* Крыл. *Просил, так просьба не берет.* Крыл. Его не упросишь = он неумолим. Он мозжит меня (докучливо просит). Толкнуться в люди, не пособит ли кто. Проситься со двора (простонарод.). Ходатайствовать (хлопотать) за кого, замолвить (доброе) словечко (слово) за кого. Уломать кого = выпросить. Замаливать грехи. Ср. *Защищать, Звать, Нищенствовать, Требовать* и *Умилостивлять, Выпросить. Молиться.* ▌С м. звать ♦ каши просит, сколько хочешь, столько просишь, чего хочешь, того и просишь.

З. Е. Александрова
Словарь синонимов русского языка[2]

ПРОСИТЬ 1. обращаться с просьбой *к кому / страстно:* молить, умолять, заклинать / *униженно*: кланяться *кому / назойливо:* выпрашивать, вымаливать; клянчить, выклянчивать, цыганить, канючить, выканючивать (*прост.*) / *согласие, разрешение*: испрашивать (*уст.*) ◊ валяться в ногах *у кого*, стоять на коленях *перед кем*; бить (*или* ударять) челом *кому* (*уст., теперь ирон.*); падать в ноги *кому* (*уст.*). *Ср.* у г о в а р и в а т ь .

2. *см.* ходатайствовать. **3.** *см.* приглашать **4.** *см.* нищенствовать

5. *в форме* **прошу** *см.* пожалуйста

Словарь синонимов русского языка
Гл. ред. А. П. Евгеньева[3]

1. Просить, упрашивать, молить, умолять и **умаливать, заклинать.**

Сов.: **упросить, умолить.**

---

[1] *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 2006.

[2] *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1969.

[3] Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Л., 1970–1971.

Добиваться от кого-л. согласия на что-л., склонять к чему-л., прибегая к просьбам, упрашиваниям и т. д. **Просить** — основное слово для выражения значения; **упрашивать** — настойчиво, упорно просить; слова **молить, умолять** и более редкое **умаливать** обозначают усиленную, горячую, страстную просьбу, мольбу о чем-л. (будучи употребленными в обращении, эти слова придают речи эмоционально-приподнятый характер); **заклинать** — усиленно просить (во имя чего-л., именем кого-л.), слово для соврем. языка является устаревающим.

[иллюстрации-цитаты из произведений писателей XIX–XXвв.]

— Ср. **Уговаривать.**

— **Просьба, мольба, заклинание**. *Вот он с просьбой о помоге / Обратился к мудрецу, / Звездочету и скопцу.* Пушкин, Сказка о золотом петушке. *Часто она обращалась к нам с разными просьбами, просила, например, открыть тяжелую дверь в погреб, наколоть дров.* М. Горький, Двадцать шесть и одна. *Он собирается возвратиться на родину, куда* с *отчаянными заклинаниями и мольбами в каждом письме звал его отец.* Тургенев, Дым, II.

2. Просить, выпрашивать, вымаливать, клянчить (*прост.*) и **выклянчивать** (*прост.*)**, канючить** (*прост.*) и **выканючивать** (*прост.*)**, цыганить** (*прост.*)**.**

Сов.: **выпросить, вымолить, выклянчить,** (*редко*) **выканючить, выцыганить.**

Добиваться чего-л., стремиться получить что-л., обращаясь к кому-л. с просьбой (просьбами). **Просить** — основное слово для выражения значения; **выпрашивать** — просить усиленно, настойчиво; **вымаливать** — горячо, страстно или униженно просить; слова **клянчить, выклянчивать** и **канючить, выканючивать, цыганить** употр. в обиходно-бытовой грубовато-фамильярной речи с неодобрением, пренебрежением и т. д., при этом клянчить, выклянчивать и особенно канючить и более редкое выканючивать подчеркивают надоедливость, нудность и т. п., а цыганить — настойчивость, неотвязность чьей-л. просьбы (просьб).

[иллюстрации-цитаты из произведений писателей XIX–XXвв.]

* Просторечное слово **стрелять** (*сов.* стрельнуть) употр. преимущ. в тех случаях, когда речь идет о выпрашивании денег или папирос. *Обитатели верхнего этажа — преимущественно «стрелки». Так они и сами себя называют, производя это название от глагола «стрелять», что означает — просить или, вернее, выпрашивать.* Куприн, «Стрелки». [*Князь:*] *Да, кстати... у вас не найдется до четверга?* [*Стивинский:*] *Сам по трешницам стреляю.* А. Н. Толстой, Касатка, д. 1. *Вообще-то я не курю, разве что когда выпьешь с товарищем, стрельнешь у него одну-другую папироску.* Аксенов, Пора, мой друг, пора, ч. III, 3.

3. Просить, ходатайствовать, хлопотать (разг.).

Обращаться куда-л., к кому-л. с просьбой, ходатайством об устройстве, улаживании каких-л. дел. Слово **ходатайствовать** употр. преимущ.

в тех случаях, когда речь идет о каких-л. официальных делах, для улаживания которых обращаются в какое-л. учреждение, к какому-л. должностному лицу и т. д.; обиходно-разговорное **хлопотать** подчеркивает, что для устройства каких-л. дел затрачиваются значительные усилия.

[иллюстрации-цитаты из произведений писателей XIX–XX вв.]

* В XIX в. в качестве синонима в официально-деловой и приподнятой речи употреблялось слово **предстательствовать.** — *Поелику стало мне ведомо такое ее желание, решил я предстательствовать перед вами об отложении ее казни. Я ходатайствую не о смягчении участи сей самаритянки, но об отложении казни на один-два дня.* Степанов, Порт-Артур, кн. 2, ч. 3, гл. 3.
— См. **Запросить, Нищенствовать.**

Вопросы и задания

Внимательно изучив словарные статьи с глаголом ПРОСИТЬ в качестве доминанты или члена синонимической группы, ответьте на следующие вопросы:

1. Одинаков ли состав синонимических групп? Чем объясняется разница в их составе?
2. Все ли члены ряда, например, в словарях Н. Абрамова и З. Е. Александровой являются синонимами в современном понимании этого термина? Какую оценку этому факту дает Ю. Д. Апресян (см. с. 127–134 настоящей хрестоматии).
3. Какова структура словарных статей в этих словарях?
   а) Имеются ли толкования значений слов, входящих в синонимический ряд?
   б) Объясняются ли основания для объединения слов в одну группу? Если да, то как это делается? Если нет, то почему?
   в) Указываются ли различия между членами синонимического ряда? В чем они могут проявляться? Как это представлено, например, в Словаре А. П. Евгеньевой и в Новом объяснительном словаре синонимов под ред. Ю. Д. Апресяна?
   г) Соотносится ли (и если да, то как) состав синонимических групп с семантической структурой глагола ПРОСИТЬ? Например, имеет ли глагол синонимы при других значениях и оттенках, отмеченных в МАС? Есть ли указание на это в словарной статье? Найдите эти синонимы в Словаре А. П. Евгеньевой и в Словаре Н. Абрамова. Прокомментируйте свои наблюдения.
   д) Какие пометы используются при характеристике синонимов?
   е) Имеется ли в словарной статье информация о других парадигматических связях членов синонимических групп?
4. Учитывая все обнаруженные вами особенности словарных статей, определите, к какому виду относится каждый из словарей синонимов.
5. Чем принципиально отличается Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна от предшествующих синонимических словарей?

СЛОВАРИ АНТОНИМОВ

Л. А. Новиков

Антонимия и словари антонимов[1]

<…>

Известное представление об антонимах и их взаимосвязях с другими словами дают идеографические и тематические словари, в которых слова в определенных значениях («слова-понятия») расположены по понятийным сферам и темам. Так, при характеристике психических свойств человека в соответствующем разделе Тематического русско-болгарского словаря даются группы слов, объединяемых общностью значений, противопоставленные по антонимическому принципу: **ум** (*мудрость, разум, рассудок, умный...*) — **глупость** (*тупость, тупоумие, глупый, тупой...*), **радость — печаль, любовь — ненависть, вежливость — грубость, бережливость — расточительство** и т. п.

В 1964 году в нашей лексикографии появился первый опыт антонимического словаря — «Словарь антонимов современного английского языка», составленный В. Н. Комиссаровым. Словарь содержит свыше тысячи антонимических пар — корневых и аффиксальных слов английского языка, сопровождаемых примерами их употребления в типовых антонимических контекстах. Наряду со своим основным назначением — быть справочником по английской антонимике, этот словарь одновременно был задуман и как теоретическое пособие по изучению системы антонимов. Он оказал несомненное положительное влияние на лексикографическую разработку вопросов антонимии.

В начале 70-х годов почти одновременно выходят в свет два словаря антонимов русского языка: «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской (Издательство Ростовского университета, 1971), содержащий общеупотребительные антонимы и предназначенный для преподавателей вузов и средней школы, аспирантов, студентов, школьников и переводчиков, и «Словарь антонимов русского языка» Н. П. Колесникова, под ред. Н. М. Шанского (Издательство Тбилисского университета, 1972), включающий в себя более 1300 пар противоположных по смыслу слов и созданный в первую очередь как справочное пособие для студентов-филологов, преподавателей, журналистов и переводчиков.

Словарь Н. П. Колесникова дает перечень разнокорневых и однокорневых антонимических пар по алфавиту первого слова.

---

[1] *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. М, 1978.

Значение каждого из противоположных слов толкуется с помощью краткого определения:

ОСТРЫЙ — ТУПОЙ

Острый — 1. Имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край; способный колоть или резать. 2. Суживающийся к концу. 3. Хорошо развитый, тонкий, изощренный. 4. Остроумный, язвительный.

Тупой — 1. Недостаточно отточенный, такой, которым трудно резать, колоть, пилить и т. д. 2. Не суживающийся или мало суживающийся к концу. 3. Недостаточно развитый, восприимчивый; не тонкий, не чуткий. 4. Умственно ограниченный, соображающий плохо, с трудом.

Иллюстраций употребления антонимов словарь не дает.

В словаре Л. А. Введенской при подаче антонимов учитываются их возможные синонимические пары, дается толкование заголовочных слов, приводятся примеры из художественной и научно-популярной литературы, публицистики, иллюстрирующие употребление антонимичных слов:

БЕЗДАРНЫЙ$_1$ — ТАЛАНТЛИВЫЙ$_1$ //
БЕЗДАРНЫЙ — ОДАРЕННЫЙ // БЕЗДАРНЫЙ — ДАРОВИТЫЙ

Лишенный таланта, одаренности.	Обладающий талантом, одаренностью.

Вся история состоит из подобных примеров, а в жизни они встречаются на каждом шагу, да так и должно быть, иначе умный и талантливый человек не имел бы никакого преимущества перед глупцом и бездарным. А. П. Чехов. *Внезапно с юношескою непримиримостью и категоричностью он стал делить профессоров и преподавателей на талантливых и бездарных*. Ю. П. Герман. <...> *Если одна эпоха кажется бездарной, а другая одаренной, то это никоим образом не зависит от простого статистического факта рождения большего или меньшего количества тех или иных дарований, а исключительно от социально-культурного характера эпохи...* А. В. Луначарский.

БЕЗДАРНЫЙ$_2$ — ТАЛАНТЛИВЫЙ$_2$

Выполненный неталантливо	Выполненный талантливо.

Если эти романы и повести были часто, несомненно, талантливы в отношении чисто литературном, то они были исключительно бездарны в политическом отношении. А. В. Луначарский.

Во введении к своему словарю Л. А. Введенская раскрывает природу антонимии и излагает принципы лексикографического описания антонимов.

Актуальными задачами в области подготовки антонимических словарей является разработка научных основ, по меньшей мере, трех типов словарей антонимов и в дальнейшем — практическое составление таких словарей.

Словарь антонимов русского литературного языка академического типа, основанный на большой, представительной выборке из литературного языка XIX–XX вв., должен дать полное представление о системе антонимов. В нем должны быть представлены различные типы антонимических вариантов (с временным, стилевым, социальным и иными ограничениями), отражающих произошедшие в языке сдвиги в семантической корреляции противоположных слов, связи антонимов и синонимов, структурно-словообразовательные связи соотносительных антонимов разных частей речи, фразеологическая антонимия. Одна из главных задач этого словаря — соразмерное, симметричное определение значений противоположных слов, показ употребления этих слов на примерах-иллюстрациях, взятых из литературных источников. Здесь могут найти отражение и образно-речевые противопоставления слов, извлеченные из произведений русских и советских писателей и поэтов. Такой словарь, предназначенный в первую очередь для специалистов, составит прочную основу для создания других словарей.

Словарь антонимов русского языка справочного типа имеет своей главной задачей показать нормативное употребление антонимов в современном языке, раскрыть их значение и приемы использования в речи на примерах из произведений художественной, научной литературы и публицистики, обеспечить поиск необходимого слова, противоположного данному. Он предназначается для массового читателя.

Учебный словарь антонимов русского языка (в его различных разновидностях: для русской школы, национальных школ союзных республик, иностранцев и др.) в качестве специфических своих особенностей будет иметь такие, как отбор наиболее важных и необходимых противопоставлений, доступное для учащихся определение слов (или перевод — в двуязычном словаре), показ их типового употребления, тех контекстов, где такие слова могут противопоставляться, запретительные пометы (там, где в одинаковых сочетаниях может быть употреблен только один из антонимов).

Вопросы

1. Какие актуальные задачи в области подготовки словарей антонимов стоят, по мнению Л. А. Новикова, перед современной лексикографией?
2. Каким представляется автору антонимический словарь академического типа?
3. Какие из трех видов антонимических словарей, названных Л. А. Новиковым, реализованы в русской лексикографии? Назовите эти словари.

Л. А. Введенская

Словарь антонимов русского языка[1]

НАСТОЯЩИЙ — НЕНАСТОЯЩИЙ // НАСТОЯЩИЙ — ПОДДЕЛЬНЫЙ // НАСТОЯЩИЙ — ИСКУССТВЕННЫЙ // НАСТОЯЩИЙ — ФАЛЬШИВЫЙ

1. Подлинный, истинный; натуральный.

1. Являющийся подделкой.

Мне нужна шуба, которая бы: 1) *была очень тепла и очень легка, 2*) *застегивалась на пуговицы, как пальто, 3*) *имела воротник из хорошего меха, не п о д д е л ь н о г о , не крысиного, а н а с т о я щ е г о .* А. П, Чехов, **20**, 186. *Так и я теперь не разберу, какие у меня деньги н а с т о я щ и е и какие ф а л ь ш и в ы е ... Он не держит при себе денег, потому, что никак не может отличить н а с т о я щ и х от ф а л ь ш и в ы х , но молчит, никому не говорит об этой своей слабости.* А. П. Чехов, **9**, 403, 412. *Все* (монеты. — *Л. В.*) *ф а л ь ш и в ы е или все н а с т о я щ и е . Я не знаю.* М. Горький, **12**, 261.

2. Искренний, непритворный.

2. Притворный, деланный, неискренний.

Старайся не п о д д е л ь н ы м , а н а с т о я щ и м быть ... М. Горький, **4**, 46. *Любовь была не н а с т о я щ а я , и с к у с с т в е н н а я , но ведь мне казалось тогда, что она настоящая!* А. П. Чехов, **11**, 399.

М. Р. Львов

Словарь антонимов русского языка[2]

336. НАСТОЯЩИЙ — ПОДДЕЛЬНЫЙ

Настоящее золото — **поддельное** золото. **О** Он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога **поддельная**, а что **настоящую** сломали ему … в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Достоевский, Дядюшкин сон. Мне нужна шуба, которая бы … имела воротник из хорошего меха, не **поддельного**, не крысиного, а **настоящего**. Чехов, Письмо О. Л. Книппер, 17 ноября 1903. Яни швырнул на стол две лиры. … Через полчаса выяснилось, что одна лира была фальшивая. Вообще **поддельных** лир ходило по Батуму гораздо больше, чем **настоящих**. Паустовский, Бросок на юг. — Около хорошего Человека потрешься — как медная копейка о серебро — и сам за двугривенный сойдешь... — И, смеясь своему сравне-

[1] *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-н/Д, 1971.

[2] *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. М., 1978.

нию, Игнат добавил: —Это — шучу я. Старайся не **поддельным**, а **настоящим** быть... М. Горький, Фома Гордеев. Ø *В знач. сущ. ср. р.* Все было перемешано в этом человеке — высокое и низкое, дурное и хорошее, **настоящее** и **поддельное**. Ю. Герман, Дорогой мой человек.

НАСТОЯЩИЙ — ФАЛЬШИВЫЙ

Настоящие документы — **фальшивые** документы. **Настоящие** драгоценности — **фальшивые** драгоценности. О Он не держит при себе денег, потому что никак не может отличить **настоящих** от **фальшивых**. Чехов, В овраге. До сих пор Настя со страхом и подозрением смотрела на людей: а вдруг раскусят, что тогда? Ненастоящая, случайная, фальшивый камешек в сережке. И вот сейчас не умом, а нутром уловила — люди хотят верить в нее, людям это нужно. И **фальшивые** камешки вставляют в оправу, когда нет под рукой **настоящего**. Тендряков, Поденка — век короткий. Вы **настоящих** людей от **фальшивых** отличить не можете. А. Софронов, Летят женихи.

НАСТОЯЩИЙ — ИСКУССТВЕННЫЙ

[Елена Андреевна:] Любовь была не **настоящая**, **искусственная**, но ведь мне казалось тогда, что настоящая. Чехов, Дядя Ваня.

ПОДЛИННЫЙ — ПОДДЕЛЬНЫЙ

Подлинные драгоценности — **поддельные** драгоценности. О В Испанском дворце совсем другое. Тут ничего нет **поддельного**, а все **подлинное**, весьма редкое и весьма ценное. М. Антокольский, О декадентах и о Парижской всемирной выставке. Говорят, что учитель чистописания, написавший эти слова, разбогател на **поддельных** брильянтах, как на **подлинных** алмазных копях. Инбер, Америка в Париже.

Подлинник — подделка (*см.*)

ПОДЛИННЫЙ — ФАЛЬШИВЫЙ

Подлинные документы — **фальшивые** документы. **Подлинные** деньги — **фальшивые** деньги. О Дамы дипломатического корпуса … блистали туалетами, **подлинными** или **фальшивыми** драгоценностями, поражали необозримостью своих декольте. Б. Полевой, До Берлина — 896 километров. Мы умеем отличать **подлинных** друзей от **фальшивых**. Эренбург, Люди, годы, жизнь. Ø *В знач. сущ.* ср. р. — Запомните: человек должен пользоваться и украшаться — если уж он решил украшаться! — только настоящим, **подлинным**... Ничего поддельного, **фальшивого**! Катаев, Трава забвения.

Подлинно — фальшиво

Ср. Естественный — искусственный. Действительный — мнимый

Вопросы и задания

1. Изучив предисловия к словарям Л. А. Введенской и М. Р. Львова, сравните макроструктуры этих изданий.

2. Сравните приведенные словарные статьи из этих словарей и ответьте на вопросы.
   а) Одинаков ли состав антонимических групп?
   б) Почему заголовком статьи в Словаре Л. А. Введенской являются не два слова-антонима, а четыре пары? Что здесь обозначает знак (//)?
   в) Почему в Словаре М. Р. Львова внутри словарной статьи выделены еще четыре раздела, каждый из которых имеет заголовок в виде пары противопоставленных друг другу слов? Чем, по мнению Л. А. Новикова, являются эти слова?
   г) Все ли классы (виды) антонимов, о которых говорится в предисловии к Словарю М. Р. Львова, представлены в нем? Дается ли в словарной статье указание на вид антонимов?
   д) Найдите в каждом из указанных словарей примеры разных видов антонимов.
   е) Объясняются ли в словарях значения слов, вступающих в антонимические отношения?
   ж) Как отражается в анализируемых словарях связь между многозначностью и антонимией? Приведите примеры.
   з) Отражаются ли другие системные связи слов-антонимов в данных словарях?
   и) Дайте характеристику иллюстративного материала в каждом из словарей.
3. К какому из трех типов антонимических словарей, перечисленных в статье Л. А. Новикова, относятся данные словари?

СЛОВАРИ ОМОНИМОВ

О. С. Ахманова

Словарь омонимов русского языка[1]

Предисловие

<...> Как известно, внимание к проблемам омонимии было привлечено еще в 20-х годах широко известными работами Л. А. Булаховского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, причем уже в 1940 г. В. В. Виноградов поставил со всей ясностью вопрос об омонимии не просто в общетеоретическом плане, но и применительно к лексикографии. В статье «О грамматической омонимии в современном русском языке» В. В. Виноградов на конкретных примерах показал недостатки толковых словарей русского языка, бессистемно трактовавших аналогичные случаи то как разные значения одного и того же слова, то как разные слова — омонимы. <...>

Что же такое о м о н и м и как следует вообще подходить к вопросу об о м о н и м и и ? Прежде всего необходимо еще раз обратить

[1] *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1974.

внимание на то, что о м о н и м ы и о м о н и м и я относятся к тем лингвистическим понятиям, которые конституируются наличием определенного о т н о ш е н и я . Иными словами, нельзя говорить об омониме, т. е. характеризовать то или другое слово в отдельности как омоним. Можно только говорить об о м о н и м а х как о разных словах, совпавших по своему внешнему облику. Точно так же, уточняя дефиницию, можно определять о м о н и м ы как два (или более) слова, состоящие из тождественных фонемных рядов и различающиеся только семантически или грамматически, или и семантически, и грамматически одновременно.

Понятно, что такие определения будут иметь смысл только если считать, что само понятие «слова» является в достаточной степени ясным и определенным.

Не имея возможности подробнее остановиться здесь на этом вопросе, следует тем не менее сказать, что одним из крупнейших достижений советского языкознания, нашедшим отражение и в советской лексикографии, является то, что у нас преодолено свойственное многим языковедческим направлениям неразличение слова — с одной стороны, и его лексического или грамматического варианта, или формы, или разновидности — с другой.

Слова, как наиболее полноценные языковые единицы, в результате общественного применения языка с объективной необходимостью оказываются связанными с определенными «единицами внешней оболочки». Материальная языковая оболочка постольку и является языковой оболочкой, поскольку она наполнена определенным смысловым содержанием. Поэтому наиболее естественным было бы такое положение, при котором каждой единице языкового смысла соответствовала бы отдельная и строго закрепленная за ней единица внешней оболочки. Однако этого положения, которое, отвлеченно рассуждая, и могло бы казаться желательным, удобным и т. п., на самом деле не существует.

Обычно единицы внешней оболочки оказываются как бы растяжимыми, легко допускающими соотнесение их со все новыми и новыми разновидностями и оттенками языкового содержания или значения. Отсюда обычное сосуществование в границах одного слова весьма разнообразных лексико-семантических его вариантов («разных значений»), не разрушающих, однако, его тождества.

От этого положения, представляющего общее правило, общий закон функционирования и развития языковых единиц, принципиально отличаются те случаи, когда единицы внешней оболочки оказываются как бы сдублированными, а иногда и утроенными, учетверенными. Это происходит тогда, когда они оказываются связанными [или соотнесенными] с настолько разными единицами смысла, что наличие для каждой в отдельности одной и той же внешней оболочки выступает уже как возникшее в результате какого-то особого стечения обстоятельств. Поскольку общим прави-

лом функционирования языковых единиц является закреплённость данной внешней оболочки за определёнными единицами значения, факт объединения в одной и той же единице внешней оболочки совершенно различных значений требует особого изучения. Следует заметить, что «бремя доказательств» (onus probandi) в таких случаях падает на того, кто рассматривает данное семантическое расщепление звукового комплекса как омонимию, а не как разветвлённую полисемию, т. е. разросшуюся, расширившуюся совокупность лексико-семантических вариантов о д н о г о и т о г о же слова.

Как же, на основании каких правил и критериев можно отграничивать разные значения одного и того же слова от разных слов — омонимов? Думается, что совершенно правы те авторы, которые объясняют неупорядоченность в существующих общих словарях... отсутствием достаточно строгой методики, достаточно определённой общеметодической и общетеоретической основы для того, чтобы можно было принимать однозначные решения в бесконечном количестве разнообразнейших конкретных случаев. Как показывает материал, основным критерием и должен явиться с и с т е м н ы й х а р а к т е р представляемых лексико-семантических отношений: тот или иной индивидуальный случай должен трактоваться как представитель того или другого типа. Важно отметить, в связи со сказанным, что разные типы составляют по отношению друг к другу сложную иерархию: степень «омонимизации», или «омонимности», того или другого лексико-семантического отношения может быть далеко не одинаковой.

Высказанные соображения и исследованный материал заставляют нас коснуться вопроса о тех разнообразных случаях несовместимости звучания и значения, которые акад. В. В. Виноградов назвал «омоформией», т. е. случаев «одинакового звучания» при «несовместимости значений» не в слове в целом (как совокупности всех его грамматических форм), а лишь в какой-то части его форм. Однако полное описание всех случаев и типов в этом аспекте вряд ли возможно при современном состоянии исследования. По-видимому, пока целесообразно сосредоточиться на омонимии *словарных форм*, т. е. тех форм слов, которые традиционно выступают как их представители в словарях, при изучении языков и вообще во всех тех случаях, когда слова становятся не орудиями, а *предметом* речи. <...>

I. С л о в а с в ы р а ж е н н о й м о р ф о л о г и ч е с к о й с т р у к т у р о й. Омонимия их обусловливается семантической несовместимостью либо основной, либо формальной части или даже несовместимостью как основной, так и формальной частей. Невозможность объединения единиц этого рода в системе значений одного слова может определяться также такими особенностями их строения, которые более или менее регулярно воспроизводятся, имеют *систем-*

ный характер, т. е. такими их свойствами, которые раскрываются только в системе структурно-семантических оппозиций данного языка.

Этот важнейший тип подразделяется на 5 подтипов.

1. О м о н и м и я о с н о в. К этому подтипу относятся такие производные слова, которые оказываются семантически несовместимыми потому, что они образованы от разных производящих основ. Так, например, *колкий* I (колкая трава, колкая насмешка) и *колкий* II (колкий сахар, колкие дрова) произведены соответственно от *колоть* I (колоть иглой) и *колоть* II (колоть дрова); *перетопить* I, II и III произведены соответственно от *топить* I (топить печь), *топить* II (топить сало) и *топить* III (топить человека); *многозначный* I и II — соответственно от *значение* и *знак* и т. д.

Таким образом закономерно омонимируются целые лексико-грамматические классы слов. Так, например, при омонимии исходных глаголов автоматически омонимируются отглагольные существительные *(визирование* I, II при наличии *визировать* I, II*; баловство* I, II от *баловать* I, II; *уравнение* I, II от *уравнивать* I, II и мн. др.), при омонимии основ существительных — соответствующие относительные прилагательные *гранатовый* I, II от *гранат* I, II; *базисный* I, II от *базис* I, II; *угарный* I, II от *угар* I, II и др.

2. О м о н и м и я а ф ф и к с о в. Сказанное выше об омонимии основ mutatis mutandis относится и к этому подтипу. Семантический анализ приставок дает основание для вывода о наличии 6 омонимичных приставок *пере*..., 2 омонимичных приставок *за*.., *до*.., 5 приставок *о (об*, *обо*, *объ)*... . Поэтому глаголы, образованные с этими приставками, являются омонимами.

Аналогичный анализ проделан и для суффиксальных образований. Такие суффиксы, как ... *ник* I, II, ... *тель* I, II, также порождают производную омонимию. См., например, *ночник* I, II, *держатель* I, II и др.

В связи с этим следует заметить, что в исследованиях по омонимии наиболее спорными представляются случаи типа *финка*, *полька*, однако поскольку основным критерием является именно тот или иной характер с и с т е м н ы х о т н о ш е н и й, *финка* I (соотносимая с *финн*) и *полька* I (соотносимая с *поляк*) не могут объединиться в семантической структуре одного и того же слова с *финка* II (нож) и *полька* II (танец). <...>

3. Р а з н а я с т е п е н ь ч л е н и м о с т и, т. е. неодинаковая морфологическая мотивированностъ построения омонимически противопоставляемых слов. Хотя оба омонима в таких случаях восходят к одной и той же словопроизводственной модели, семантическая и морфологическая их связь с производящей основой разная; ср., например, *выправить* гранки (*править* гранки) и *выправить* паспорт. Такое же отношение наблюдается в *выглядеть* I, II, *донести* I, II, *отбывать* I, II, *плестись* I, II и т. д.

4. Различие внутренней структуры, не имеющее открытого выражения в словарной форме. Хотя определение этого подтипа и противоречит как будто бы определению данного типа в целом, он включается именно сюда, так как в конечном счёте этот вид омонимии всё же определяется морфологическими особенностями, хотя и неявного свойства. Так, например, *самострел* I — это то, что само стреляет (вид оружия), тогда как *самострел* II — это стреляние в себя или тот, кто сам в себя стреляет, *газоход* I — то, по чему идет газ, то, что является ходом для газа, а *газоход* II — то, что ходит газом, при помощи газа, см. также другие примеры *(привод, порыв*, *припёк)*. Эти сравнительно немногочисленные случаи представляют тем не менее большой интерес, так как здесь проявляются те особенности морфологической структуры, которые носят название криптотипических (covert, cryptotype) и особенно важны для исследования причин и типов полного совпадения звучания при явной несовместимости значения.

5. Несовпадение (различие) по принадлежности к частям речи, т. е. лексико-грамматическая несовместимость, например, *печь* I, II, *пасть* I, II, *знать* I, II, III. <...>

Объединенные в типе I со всеми его подразделениями разнообразные виды отношений представляют наибольший интерес. Входящие сюда омонимы являются структурно сложными, и их выделение основывается на изучении их морфологического строения. Поскольку слово — это единство лексического и грамматического, вещественного и формального, вполне обоснованным представляется следующий постулат: если несовместимым оказывается значение хотя бы в одной морфологической части сравниваемых единиц, их следует считать омонимами, поэтому в эту категорию включаются многочисленные и разнообразные приставочные глаголы, прилагательное и существительное, склоняющееся как прилагательное, и т. п. Из аналогичных соображений в эту категорию входят также многочисленные и разнообразные слова с десемантизированным уменьшительным суффиксом, потому что они, в отличие от своих омонимов, несоотносимы с основными словами, и многие другие.

II. Исконно разные слова. В эту группу входят такие случаи, в которых семантическая несовместимость определяется характером их прототипов, т. е. семантическими отношениями, установившимися за пределами данной синхронической системы и, поэтому, необъяснимыми в рамках этой последней, например, *брак* I, II, *кран* I, II, *рейд* I, II, *лук* I, II, *такса* I, II, *топить* I, II, III. Вполне понятно, что объяснение здесь может быть только диахроническим, т. е. в терминах уже прежде осуществлявшихся фонетических процессов.

Как видно из приведенных примеров, слова, относимые к этому типу, далеко не однородны: наряду с такими словами, как *кран* I, II или *рейд* I, II, которые генетически различны, т. е. восходят к совер-

шенно разным словам и даже из разных языков, сюда включаются омонимы *лук* I, II, *топить* I, II, III, где все слова являются исконно разными словами и относятся к данному типу только потому, что несовместимость их значений восходит к ранним периодам развития русского языка и таким образом тоже выводится за пределы данной синхронической системы. Ср. также *лебёдка* I, II.

III. Разошедшаяся полисемия. Как явствует из сказанного в начале настоящего предисловия и из литературы вопроса, именно этот тип омонимии вызывает наибольшие сомнения и трудности. В большом числе случаев омонимия здесь находится in statu nascendi, и даже в тех случаях, когда процесс можно считать завершившимся, объективным критерием оказываются такие факторы, как различие словообразовательных рядов, характер словосочетаний и т. п. <...>

Как показывает языковой материал, между типами II и III нет неподвижной — постоянной и неизменной границы, поскольку именно такова природа соотношения синхронии и диахронии вообще. См., например, *палата* I, II, *белый* I, II, *красный* I, II, *кулак* I, II, *пионер* I, II, *парк* I, II. <...>

Приложение I

Функциональная омонимия

Функциональная омонимия противопоставляется морфематической: в этом случае состав морфем в словарных формах сопоставляемых слов остается одним и тем же. Тем не менее, такие пары, как наречие и краткое прилагательное, наречие и предикативное слово, прилагательное и отадъективное существительное, являются разными словами, различающимися вполне отчетливо в плане словоизменения (как известно, отсутствие у слов выраженного, или маркированного, словоизменения отнюдь не лишает их грамматической формы, без которой слово вообще немыслимо).

Функционально-синтаксический характер выраженной омонимии у прилагательных в отличие от морфематического у существительных и глаголов сближает этот класс слов с такими словами, как наречие, предикативное слово, слова категории состояния и т. п. Во всех этих случаях состав словообразовательных морфем остается одним и тем же. К этой категории явлений вполне определённо относятся следующие: 1) омонимия краткой формы прилагательного среднего рода и наречия на -о; <...> 2) омонимия наречия и предикативного слова. <...>

«Функционально выраженная» омонимия принципиально отличается от тех функционально-синтаксических отношений, которые связывают полнозначную и служебную функцию таких слов, как *когда* (наречие и союз), *кругом* (наречие и предлог), *лишь* (наречие

и союз), *позади* (наречие и предлог), *накануне* (наречие и предлог), *подобно* (наречие и предлог), *пока* (наречие и союз) и т. п. Дело в том, что соотношение прилагательных и существительных, прилагательных и наречий, наречий и предикативных слов и т. п. есть соотношение разных частей речи, т. е. устойчивых языковых образований с определенными лексико-грамматическими свойствами, обозначающих разные стороны действительности — предметы, процессы, качества и т. п. Такие явления, как, например, употребление наречий *накануне*, *напротив*, *кругом* в служебной функции как предлогов дают соотношение, качественно отличное от первого: полнозначное и служебное *употребления* одного и того же слова как бы накладываются на существующую систему частей речи, пересекают ее.

Из сказанного следует, что, в отличие от морфематической, функциональная омонимия вполне раскрывается только во вполне определенно противопоставляемых синтаксических позициях — например, «слова на -о» являются прилагательными в сочетании с существительными, но наречиями в сочетании с глаголами и т. п. Поэтому перевод их на другие языки оказывается в известной мере условным — далеко не во всех случаях можно дать при вокабуле эквивалент, который подходил бы для данных иллюстративных фраз. То, что он, тем не менее, нужен, чтобы действительно довести и до инстранного читателя тот факт, что соответствующие графические и звуковые комплексы представляют собой словарные формы двух и более разных слов, не вызывало сомнения у авторов разных словарей. Правда, лексикографическая подача в разных словарях разная. <...>

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ЖИВО́Т I — III ✱II

Живот 1 *неодуш. Англ*. stomach, belly, *фр*. ventre, *нем*. Bauch, Unterleib, Leib. Животик.
Толстый ~ , мучиться ~ом, лежать на ~е, повернуться на ~.

Живот II *неодуш.*; *устар. Англ*. life, *фр*. vie, *нем*. Leben.
Спасать ~, не щадя ~а своего.

Живот III *одуш.*; *обл. Англ*. (domestic) animal, *фр*. animal, *нем*. Haustier. Животина, животное.
~ов полон двор.

НАБИ́ТЬ I — III ✱ I_2 , I_3

Набить I [на I + бить I] *Англ.* attach, secure, fix (by striking), *фр*. assujetir, ficher, enfonser, *нем.* anschlagen, aufschlagen. Набивка, набивной, набойка.

~ дощечку на дверь, колодки, обручи на бочку.

Набить II [на II + бить I]. *Англ*. kill, shoot,break, drive in, etc (*see* бить) many, a quantity of, *фр*. casser, tuer, abattre, etc (*cf* бить) beaucoup, une quantité, *нем*. (eine best. Menge) schießen, zerschlagen, einschlagen.
~ белок, куропаток; *~ гвоздей в стену*; *~ посуды*.

Набить III. *Англ*. bump one's head; rub to corns, *фр*. se faire (une bosse, des cals sur les pieds etc), *нем*. (an)schlagen.
~ шишку, мозоли; *~ ноги*; *~ оскомину.*

ПЕРЕВЯЗА́ТЬ I — V ✱ I_1, I_2

Перевязать I [пере VI + вязать I]. *Англ.* tie up, bind, *фр*. bander, ficeler, corder, *нем*. (zu)binden, verschnürren.
~ веревкой, ремнем, канатом, тросом; *~ чемодан, тюк.*

Перевязать II [пере I + вязать I]. *Англ*. tie up anew / again, *фр*. bander, ficeler (à nouveau), *нем*. umbinden.
~ заново веник, сноп, пучок; *~ галстук*.

Перевязать III [пере I + вязать II]. *Англ.* knit (anew, all over again), *фр*. tricoter à nouveau, retricoter, *нем*. umstricken,umhackeln.
~ заново кофту, джемпер, шапку; распустить чулки и ~.

Перевязать IV [пере II + вязать I]. *Англ.* tie up all the.., *фр*. bander, ficeler tous les.., *нем*. (viel, alles nacheinander) zubinden umbinden.
~ все веники, снопы, пучки; *~ все книги в пачки*.

Перевязать V [пере II + вязать II]. *Англ*. knit all the.., *фр.* tricoter tous les.., *нем*. (viel, alles nacheinander) stricken.
~ все платки, кофты, чулки.

ПЫЛЬНИК I — II ✱ I_4

Пыльник I *спец*. Верхняя часть тычинки цветка, в которой образуется пыльца. *Англ.* anther, duster, *фр*. anthère, *нем.* Staubbeutel, Staubkolben. П ы л ь ц а , п ы л ь ц е в о й , о п ы л я т ь , о п ы л е н и е .

Пыльник II. *Англ*. duster, dust-coat, dust-cloak, *фр*. cache-poussière, *нем*. Staubmantel.
Шелковый, широкий, удобный ~ ; *носить, надеть ~.*

ТОЧИТЬ I — III ✱ II, III

Точить I. *Англ*. sharpen, whet, grind, *фр*. affiler, aiguiser; tailler (des crayons), *нем.* schleifen, wetzen, spitzen. Т о ч к а , т о ч е н ы й , т о ч и л ь щ и к , т о ч и л ь н ы й .
~ карандаши, ножи, ножницы, косу, бритву, коньки.

Точить* II. *Англ*. eat (away), pierce, gnaw, *фр*. ronger, piquer, mouliner, *нем*. (zer)nagen, (zer)fressen, zerschleifen.
Короед точит древесину, сосну; *моль точит сукно*; *вода точит гранит, камень*; *суховей точит землю*.

Точить III *устар. Англ*. shed, *фр*. répandre, verser, *нем.* vergießen; ausstrahlen. И с т о ч а т ь .
~ слезы умиления, кровь; *~ печальный свет*.

Вопросы и задания

1. Внимательно изучив Предисловие и прочитав словарные статьи, определите, к каким типам (по классификации О. С. Ахмановой) относятся данные омонимы.
2. Правомерно ли отнесение омонимов ЖИВОТ I — III к исконно разным словам, т. е. таким же, как БОР, ЛАВА и подобные?
3. Сравните описание этих лексем в Словаре русского языка в 4 т. (МАС) с квалификацией их в Словаре омонимов. Выскажите свое мнение по поводу обнаруженных вами совпадений или несовпадений.
4. В лексикологии принято различать лексические омонимы и омоформы (слова разных частей речи, у которых совпадают только отдельные формы, напр., *знать, печь* — глагол и существительное). Как квалифицирует их О. С. Ахманова? Чем она оправдывает включение таких лексем в словарь омонимов? Какова практика их описания в толковых словарях литературного языка?

ДИНАМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения[1]

Г. Н. Скляревская

От редактора

«Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (далее Словарь) ставит своей целью показать те перемены, которые произошли за последние 12 лет (1985–1997) в русском языке на переломе общественной жизни, в период экономических, социальных, политических и психологических катаклизмов и были восприняты языковым сознанием носителей русского языка.

<…>

Введение

I. Материал словаря: Слово в меняющемся мире

§ 1. «Установить и закрепить наш язык навечно», разумеется, невозможно. В этом случае он не мог бы выполнять главного своего назначения — отражать меняющийся мир. Наиболее подвержена изменениям лексика — самая подвижная и чувствительная часть языка. Возникая и формируясь в речи, в живом функционировании слова, изменения в той или иной мере воздействуют на лексическую систему.

[1] Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб., 1998.

§ 2. Лексическая система обладает такими определяющими качествами, как динамизм, открытость, неравномерность, сложность структуры, предполагающая наличие внутренних систем и подсистем, асимметричных и неравнозначных, что обусловливает разные темпы развития и допускает рассогласованность элементов на отдельных участках системы. Иными словами, постоянное изменение и допущение чужеродных элементов заложены в самом характере системы — речь может идти только о понимании ее целостности и адекватности самой себе на том или ином этапе эволюции. В периоды социальной и исторической стабильности процессы языкового развития протекают размеренно, постепенно, и языковые изменения затрагивают отдельные, незначительные участки системы: в речевой обиход входит некоторое количество новых слов, формируются новые значения слов, часть устаревшей лексики уходит из активного употребления, происходят частичные перемещения из одного стилистического разряда в другой и т. д. В пору исторических и социальных потрясений и революций процессы языкового развития ускоряются. Из этого наблюдения Е. Д. Поливанова можно сделать вывод: ускорение языковой эволюции приводит к тому, что на единицу времени приходится большее количество языковых изменений, они нагромождаются, не успевая адаптироваться в лексической системе, отчего создается впечатление хаоса и нестабильности. Кажется, что новшества затопляют родной язык, размывая его границы и угрожая его целостности. Такие процессы мы могли изучать и наблюдать в обозримом прошлом: так было в начале XVIII века в эпоху реформ Петра I, после революции 1917 года, такие явления мы наблюдаем и сейчас.

§ 3. Понимание стабильности лексической системы было обосновано Н. Ю. Шведовой: «Мы убеждаемся в том, что внутренняя организация класса в целом устойчиво сохраняется на протяжении длительного времени и не меняется ни под влиянием процессов формального либо семантического словообразования, ни под влиянием внутригрупповых и межгрупповых перемещений, ни под напором посторонних вхождений. Все такие процессы не разрушают лексической системы: они происходят внутри ее».[1]

Стабильность лексической системы реализуется и воспринимается через посредство определенных условий, которые могут быть названы условиями языковой стабильности. К ним относятся следующие; 1) ступенчатый и постепенный характер процесса словообразования, когда словообразовательные дериваты образуются поэтапно в соответствии с узусом, а словообразовательное гнездо формируется на протяжении достаточно длительного времени; 2) регулируемый (а в некоторых случаях и контролируемый) характер языковых контактов и заимствований; 3) семантическая устойчи-

[1] *Шведова Н. Ю.* Предисловие к двадцать первому изданию // С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1991.

вость, четкость семантических границ и соответствие речевой практики словарным описаниям; 4) очевидный характер стилистической стратификации.

Эти условия, имея не абсолютный, а относительный характер, могут нарушаться в зависимости от внешних причин, поэтому степень стабильности лексической системы на разных этапах языковой эволюции бывает разной.

Русский язык последнего десятилетия демонстрирует низкий уровень стабильности лексической системы.

§ 4. Языковые изменения последнего десятилетия (точнее, 12 лет), насыщенного стремительными общественными переменами, социальными потрясениями, <…> вызвали настоящий лексический взрыв, послуживший объектом пристального внимания исследователей [Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, В. Г. Костомарова, Л. Ферм, Н. А. Купиной и др. — *Прим. сост*]. Эти изменения обобщенно можно свести к следующему:

§ 5. Словообразование имеет сейчас лавинообразный характер, новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно и ступенчато, как это бывает в периоды «спокойного» языкового развития, а стремительно, одномоментно, когда в соответствии с потребностями языкового коллектива в обиход входит целое словообразовательное гнездо. Так сформировались и быстро стали широко употребительными гнезда вокруг слов, отражающих наиболее актуальные понятия нашего времени: *перестройка* (*перестроечный*, *перестроечник*, *антиперестроечный*, *доперестроечный*, *постперестроечный*, *контрперестройка*, *по-перестроечному* и др.); *рынок* (*рыночник*, *антирыночник*, *антирыночный*, *до-рыночный*, *нерыночный*, *квазирыночный* и др.). Активизировались некоторые словообразовательные аффиксы, например, приставки **раз**/**рас** (*разбалансирование*, *разбюрократить*, *разгосударствление*, *раскультуривание*, *расчеловечивание*, *расказачивание*); **де-** (*декоммунизация*, *департизация*, *десоветизация*, *дефедерализация*, *деполитизация*, *деидеологизация*). Наблюдается новая волна аббревиации, причем как правило, аббревиатуры также вступают в словообразовательный процесс, образуя целые ряды новых производных слов: *ОМОН*, *омоновец*, *омоновский*. Некоторые аббревиатуры не только адаптируются в языке как обычные существительные со своей парадигмой склонения, но и порождают словообразовательное гнездо. Так, слово *бомж* (первоначально официальная аббревиатура БОМЖ — Без Определенного Места Жительства) функционирует в массовой речи как существительное мужского рода (*бомжа*, *с бомжом*, *бомжами*), легко образуя ряд производных: *бомжиха*, *бомжонок*, *бомжевать*.

§ 6. Следующее проявление языковых преобразований нашего времени вызвано социальной ситуацией — открытостью современного общества для международных контактов, что обусловило массовое вхождение в русский язык заимствований (преимущественно

из американского варианта английского языка): *консенсус*, *приватизация*, *презентация*, *менеджер*, *маркетинг*, *брифинг*, *рейтинг*, *триллер*, *киллер*, *имидж*, *эксклюзивный* и множество других.

§ 7. Еще одно проявление языковых инноваций нашего времени — семантические преобразования, которые также протекают сейчас чрезвычайно интенсивно. Стремительно расширяется сочетаемость слов, что приводит к быстрому образованию новых значений. В русском языке до описываемого периода слово *рыночный* имело три значения (по МАС-2): 1. Прил. к *рынок* (в 1 знач.). 2. *Экон.* Определяемый спросом и предложением. 3. *Разг. устар.* Сделанный для продажи на рынке; грубый, небрежной работы, низкого качества. Вполне понятно, что в этой словарной статье не нашли отражения не актуальные для советской действительности 70-х гг. современные понятия *рыночная экономика*, *рыночная реформа*, *рыночные страны*, *рыночные стимулы производства*, *рыночная инфраструктура*, *рыночные условия*, *рыночные механизмы*, *рыночное мышление.* Подобным образом расширено употребление прилагательного *рублевый*, которое также вышло за пределы своих традиционных значений «достоинством в один рубль» и «стоимостью в один рубль» и сформировало новое значение («оцениваемый в рублях; такой, где расплачиваются в рублях; такой, где функционирует только отечественная валюта — рубль»), антонимичное прилагательному *валютный: рублевые средства, кредиты*; *рублевая прибыль*; *рублевый счет, рублевый бизнес*; *рублевая зона*; *рублевый бар, магазин*; *рублевое казино*.

§ 8. На словарный состав языка влияет также интенсивная демократизация языка, которая в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и буквально затопили все жанры, требующие экспрессии: газетные и телевизионные репортажи, публицистические выступления, политические дебаты. *Балдёж, беспредел, лажа, лимон, затратить, разборка, фанера, качать права* «добиваться чего-л., грубо подавляя волю других», *вешать лапшу на уши* «обманывать, вводить в заблуждение», *на халяву* — подобная лексика прежде относилась «на границу литературного употребления» и крайне осторожно допускалась в словари нормативной лексики, однако сейчас ее удельный вес в разных жанрах очень велик, нередко она полностью нейтрализуется, утрачивая экспрессию сниженности (как слово *беспредел*), а ее социальная база вышла за пределы молодежи и охватывает почти все слои населения.

§ 9. Наконец, мы имеем возможность наблюдать еще одно, уникальное, языковое явление: уход в пассив той части лексического состава русского языка, которая 10 лет назад составляла его идеологическое ядро и оказывала большое влияние на формирование массового языкового сознания (речевые штампы и клише коммунисти-

ческой идеологии): *агитпункт, идейно-воспитательный, народный избранник, партийно-воспитательный, партийно-хозяйственный, партвзыскание, соцлагерь, соцреализм* и др.

<…>

III. Содержание Словаря

§ 11. Словник Словаря описан в разных аспектах: в аспекте динамического состояния или положения слова в настоящий момент, в аспекте функционально-стилистическом, тематическом и некоторых других.

С точки зрения динамического состояния Словарь описывает 4 разряда лексики.

§ 12. Первый разряд составляет лексика так называемого основного фонда, претерпевшая в описываемый период семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения. Например, слово *валютный*, прежде семантически реализуемое в свободных сочетаниях *валютные операции*, *валютный обмен*, *валютные поступления* и в устойчивых *валютное законодательство*, *валютный демпинг и валютный курс* (БАС-2), в наше время существенно меняет и расширяет сочетаемость, формируя новые значения и устойчивые сочетания: *валютная система*, *политика*; *валютный обмен*, *отдел банка*, *счет*, *вклад*, *штраф*, *запас*; *валютные отчисления*, *поступления*; *валютный бар*, *ресторан*, *магазин*, *прокат*, *рэкет*, *товар*, *продукт*; *валютное кафе*, а также многочисленные новые устойчивые сочетания, требующие истолкования: *валютный аукцион*, *валютная биржа*, *валютное законодательство*, *валютный резерв*, *валютная спекуляция* (к 1 зн.) и *валютный арбитраж*, *валютный демпинг*, *валютный кризис*, *валютный курс*, *Международный валютный фонд*, *валютная монополия*, *валютный рынок* (ко 2 зн.), а также (уже зафиксированная в НСЗ-80) *валютная проститутка*. См. также *власть*, *война*, *взвинтить*, *вклад*, *закон*, *партийный*, *политический*, *пособие*, *посредник*, *правительство*, *право*, *развал*, *разгон*, *реформа*, *рублевый*, *рынок*, *рыночный*, *свободный*, *собственность*.

Существенно меняет разработку многих слов снятие идеологических наслоений и запретов. Слово *диссидент* (в МАС-2: *Устар*. Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник) на основании обширных материалов разрабатывается следующим образом: 1. *Рел*. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или неподчиняющийся церковной дисциплине. 2. В советск. время: тот, кто не разделял коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям. См. Антисоветчик. Отщепенец. *Правозащитник* (СНС: Тот, кто защищает чьи-л. гражданские права) истолковывается с большей определен-

ностью: Участник правозащитного движения; тот, кто защищает права человека, оказывает помощь тем людям, чьи права были нарушены. Это толкование подтверждается соответствующими цитатами. В слове *посмертный* (ОШ-92: Осуществляемый или возникший после смерти (о чем-н. относящемся к деятельности умершего). *Посмертное издание сочинений*. *Награжден посмертно*. *Посмертная слава*.) разрабатывается актуализовавшееся старое значение: Относящийся к проявлениям человека после его физической смерти. *Посмертное состояние*. *Посмертное существование*. *Прижизненные и посмертные чудотворения*. Ср. также *консервативный*, *Масленица*, *западник*, *ликвидатор*, *компания*, *пират* и др.

§ 13. Второй разряд составляет новая лексика, к которой относятся как слова абсолютной новизны, то есть впервые зафиксированные в данном Словаре (*антиправо*, *антиправовой*, *антисоциалистический*, *аудирование*, *безвалютный*, *безналоговый*, *бизнесменка*, *бомжатник*, *бомжевать*, *бомжиха*, *бюджетники*, *Госдума*, *отсидент*, *тамиздат*, *расказачивание*, *реинкарнация* и др.), так и слова относительной новизны, уже описанные в словарях новых слов, в очередных изданиях Словаря С. И. Ожегова или в вышедших из печати томах БАС-2 (*алкаш*, *андерграунд*, *антиармейский*, *антисталинизм*, *бандформирование*, *бартер*, *безналичка*, *беспредел*, *ваучер*, *грант*, *гулаговский*, *дедовщина*, *дембель*, *имидж*, *инвалюта*, *качок*, *кришнаизм*, *мануальный*, *менталитет*, *сериальный*, *силовой* и др.).

При определении факта новизны слова в лексикографии учитывались только филологические словари, имеющие лексикографическую разработку (при этом не учитывались словари энциклопедические, орфографические и т. п.). Не учитывались ежегодные выпуски «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (1977–1988), поскольку, как считала автор идеи создания таких выпусков Н. З. Котелова, представленные в них «сами подлежащие описанию явления еще не стали отчетливыми в течение наблюдаемого периода, не определился статус слова (значения, выражения) в языке и речи, его стилистические и иногда даже грамматические свойства». Не случайно ежегодные выпуски словарных материалов не учитывались при определении лексикографической фиксации слова во втором издании Словаря современного русского литературного языка в 20-ти томах, а также в Сводном словаре русского языка.

§ 14. Третий разряд составляет лексика, бывшая прежде на периферии общественного языкового сознания и сопровождавшаяся в словарях либо пометой «Устар.», либо комментарием «В старину», «В дореволюционной России» и т. п. (*акциз*, *благотворительность*, *милостыня*, *меценат*, *призрение*, *святой*, *праведник*, *атаман*, *аудитор*, *двунадесятый*, *думец*, *казна*, *казнокрад*, *казнокрадство*, *кос-*

топрав, *казачество*, *кадетский корпус*, *престол*, *приют*, *прислуга*, *чиновник* и др.). Так же вернулась с периферии лексика, стойко ассоциировавшаяся с категориями буржуазного общества и имевшая соответствующие комментарии в словарях («в буржуазном обществе», «в капиталистических странах») и обозначающая теперь реалии, соотносимые с нашей действительностью: *инфляция*, *мафия*, *коррупция*, *многопартийность*, *стачка*, *забастовка*, *стачком*, *неимущий*, *безработица*, *бизнес*, *бизнесмен*, *капитал*, *банкир*. Сюда же относятся наименования реалий и явлений, заимствованных из социального устройства зарубежных стран (*мэр*, *мэрия*, *парламент*, *муниципалитет*, *офис*, *фермер*) и наименования «вернувшихся» в жизнь нашего общества реалий (*гильдия*, *гимназия*, *градоначальник*, *лицей*, *губернатор*, *гувернёр*). Все эти слова описаны в Словаре на уровне современного языкового сознания и проиллюстрированы цитатами из прессы и литературы наших дней.

§ 15. Четвертый разряд лексики составляют слова и выражения, уходящие или ушедшие из активного употребления, отражающие реалии и категории советской эпохи, составлявшие в прошлом своеобразный языковой фон и обладавшие наибольшей активностью в официальном языке. Они разрабатываются с соответствующими комментариями:

⬅ **Вахта**, ы, *ж*. *Перен*. *чего*, *какая*. В советск. время: о работе, отличающейся повышенной интенсивностью, особо трудными условиями и т. п., приуроченной к какому-л. идеологически важному событию. *Трудовая в. Космическая в. Научная в. В. мира*. △ **Ленинская вахта** (ударный труд в честь празднования дня рождения В. И. Ленина). △ **Вахта памяти** (дни, отличаемые высокой производительностью труда в память о погибших в годы Великой Отечественной войны). △ **Ударная вахта** (выполнение повышенных обязательств, приуроченное к какой-л. дате).

Обычно разработки таких слов, помимо комментариев, сопровождаются иллюстрациями из прессы и литературы советского периода:

Советские люди готовятся достойно встретить знаменательную годовщину на ударной вахте пятилетки. Множатся ряды передовиков соревнования за высокую эффективность и качество работы, которые обязались выполнить к 7 ноября личные пятилетние задания. Правда, 16. 10. 79.

§ 16. В аспекте функционально-стилистическом Словарь описывает широкий диапазон лексики — от научной терминологии до жаргона. Основной массив составляет лексика нейтральная, общая для разных сфер употребления, не имеющая оценочных и других характеристик и никак не маркируемая в Словаре.

Лексика, значимая в функциональном, социальном, стилистическом и других отношениях, маркируется соответствующими пометами. Помимо функциональных, собственно стилистических, эмо-

тивных и оценочных помет, применяются также пометы нормативные, имеющие запретительный характер (*неправ.* — неправильно), а также отражающие эвфемистический (*эвфем.*) или окказиональный (*окказ.*) характер слова.

§ 17. В аспекте тематическом Словарь описывает те лексические разряды и группы, которые с наибольшей полнотой отражают изменения, происходящие в жизни общества:

- политика, социальное устройство, идеология: *административно-командный*, *антиноменклатурный*, *департизация*, *конфронтировать*, *посткоммунистический*, *фундаменталист*, *авторитаризм*;
- экономика, финансовое дело: *акционирование*, *акционерно-биржевой*, *антирыночник*, *бартер*, *бартерный*, *брокер*, *безвалютный*, *бизнес-центр*;
- армия, охранительные органы: *декриминализация*, *КГБ*, *кагэбэшник*, *ОМОН*, *омоновский*, *омоновец*, *отказник*;
- техника, автоматизация: *компьютеризировать*, *компьютерщик*, *факс*, *ксерокс*, *ксерокопирование*;
- массовая культура: *андеграунд*, *рок-клуб*, *дискотека*, *шоу*, *шоу-бизнес*, *диск-жокей*;
- религии, верования: *всенощная*, *освящение*, *крещение*, *таинство*, *буддийский*, *карма*, *чакры*, *йога*;
- область паранормальных явлений: *полтергейст*, *экстрасенс*, *НЛО*, *инопланетяне*, *телекинез*, *телекинетический*, *астральное тело*;
- медицина, быт и некоторые другие сферы: *антиспидовский*, *мануальный*, *СПИД*, *хоспис*, *акупунктура*; *гамбургер*, *йогурт*, *слаксы*, *адидасы*.

§ 18. В аспекте словопроизводства Словарь включает в себя лексику разных типов:

- непроизводные слова: *авангард*, *алтарь*, *белый*, *лагерь*, *рынок*;
- производные: *авангардизм*, *авангардист*, *лагерник*, *лагерница*, *лагерный*, *лагпункт*;
- ряды слов, образованных активными аффиксами де-, раз-, пост-, после-, не- и др. : *деидеологизация*, *декоммунизация*, *департизация*, *десоветизация*, *деструктивный*, *послеавгустовский*, *послеоктябрьский*, *послеоттепельный*, *послепутчевый*, *послесоветский*, *послесталинский*, *постсоветский*, *посткоммунистический*, *постперестроечный*; *разгосударствление*, *раскрестьянивание*; *неотовареный*, *неконвертируемый*, *неполитизированный*, *недемократ*, *недемократичный*, *неправовой*, *нерыночный*, *неформальный*.
- ряды слов, образованные активными формантами: анти-, видео-, аудио-, нарко-, секс-, спец- и др.: *антивоенный*, *антидемократ*, *антиельцинский*, *антизаконный*, *антиконституционный*, *ан-*

тиленинский, *антиноменклатурный*, *антиперестроечный*, *антиреклама*, *антирыночник*, *видеоиндустрия*, *видеопиратство*, *наркобизнес*, *наркорубли*, *наркосредства*, *сексменьшинства*, *сексуализация*, *спецдача*, *спецназ*, *спецпсихушка*, *спецраспределение*, *экогенез*, *экокатастрофа*, *экосистема*;

- составные слова: *административно-командный*, *акционерно-биржевой*, *арендатор-единоличник*, *бизнес-центр*, *ведомственно-бюрократический*, *депутатско-парламентский*, *добровольно-принудительный*, *индивидуально-трудовой*, *исправительно-трудовой*, *лечебно-исправительный*, *тоталитарно-административный*, *секс-культура*, *секс-туризм*, *секс-бизес*, *секретарь-референт*, *шоу-бизнес*;
- аббревиатуры: *АЯ*, *ГКО*, *ГКЧП*, *ГУЛАГ*, *ГПУ*, *БТР*, *ДР*, *ЗК*, *КГБ*, *КПРФ*, *ЛДПР*, *НЛО*, *ОВИР*, *ОМОН*, *СКВ*, *СПИД*, *ЧИФ*;
- производные аббревиатур: *гэкачепист*, *гэкачепистский*, *гэпэушник*, *зэк*, *зэчка*, *кагэбэшный*, *кагэбэшник*, *омоновец*, *омоновский*.

§ 19. Словарь включает также некоторые имена собственные, важные для современного языкового сознания или ставшие символическими (*Христос*, *СНГ*, *СССР*, *ВАЗ*, *Лубянка*, *Кремль*), производные от имен собственных (*бериевщина*, *ежовщина*, *ельцинист*, *ельцинизм*), а также окказионализмы (*абсурдистан*, *агрогулаг*, *гайдарономика*).

<…>

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

✍✍ ⬅ **Звёздочка**, и, *мн. род.* чек, *ж.* В советск. время: группа младших школьников, октябрят, объединявшая несколько человек. *Октябрятская з. В классе пять звездочек. Соревнование между звездочками.* 🕮 *В нашей школе не было звездочки октябрят, и я с огромным трудом пристроился к октябрятам базы ВСНХ.* Нагибин Ю. Шампиньоны.

Кво́та, ы, *ж.*

⬆ **1.** Строго установленная допустимая норма, часть, доля чего-л. *Экспортная к. нефти. Эмиссионная к.* 🕮 *Снижение квот обмена советских рублей на валюту при поездках по приглашению.. сильно увеличивает накладные расходы деловых вояжей за рубеж.* «Ъ», 28.01.91—04.02.91. Δ Налоговая квота (величина налога, взимаемая с определенной единицы налогового обложения).

✍ **2.** Установленное количество людей для нахождения, пребывания где-л.; норма представительства в выборном органе. *Иммиграционная к. Въездная к. Избирательная к.* 🕮 *Министры внутренних дел 16 федеральных земель* [ФРГ] *уже обсуждали вопрос о введении квоты для советских евреев на уровне тысячи человек в год.* ЭП, 1991, 4. *В некоторых странах* (*США, Норвегия*) *установлены квоты на въезд иностранцев.* Огонек, 1991, 23.

Криминáл, а, *м*.

⬆ **1.** Уголовное преступление; уголовное дело. *КГБ хочет посредством различных «криминалов» скомпрометировать зарубежных эстонцев.* 24 часа, 1990, 2. *Министр внутренних дел не видит в случившемся криминала.* ЧП, 22,10.90. *Насколько мне известно, у них нет ни одного пострадавшего. Зато там, где появляются они, везде криминал.* АиФ, 1991, 4. Δ Есть криминал; нет криминала в чем-л. (есть, нет в чем-л. признаков уголовного преступления, нарушения законов). *Ни следствия, ни экспертизы. Затем, когда все факты самоубийства налицо, криминала никакого нету?* МК, 23.03.90. *Я не могу пока дать полной юридической квалификации событий, но то, что здесь есть криминал, регулируемый уголовным правом, безусловно.* МН, 27.01.91.

✍ **2.** только *ед.* О чем-л., вызывающем общественное осуждение, нарушающем моральные нормы. *Криминал Когана еще и в том, что он, как и многие, как, прошу прощения, большинство, жил по тем правилам, что диктовала эпоха.* СК, 22.12.90. *Это вызвало волнение среди населения, но, повторяю, здесь нет криминала, за этим стоит решение российского правительства.* Труд, 09.02.91.

✍ **3.** *вин. мн.* криминáлов. Уголовная среда, преступники. *Требуется охрана совершенно разным людям, но процентов 880 из них не «криминал», а обыкновенные коммерсанты, проситые кооператоры, у которых тоже вполне могут быть причины не светиться и не связываться с официальными структурами.* Юн., 1992, 1.

— Ср. Ож-89: криминальный случай.

Отказник, а, *м*.

✍✍ ⬅ **1**. В советск. время: тот, кому отказано в праве выезда за границу. *Даже несправедливо строгий Карабичевский не «выговорил» Трифонову за то, что он не описал «спецпсихушки», еврейских «отказников», платных стукачей и осведомителей, деятельность структур КГБ, допросы арестованных на Лубянке и тому подобное.* Огонек, 1992, 10.

✍✍ **2.** Тот, кто отказывается повиноваться властям, администрации и т. п. в знак протеста против чего-л. *Под Сыктывкаром, в Речлаге, зек А1-452 Генрих Альтшуллер работает по двенадцать часов в сутки на лесоповале. Чувствуя, что «доходит», ставит задачу: что легче — работать или, став «отказником», сидеть в карцере.* Огонек, 1991, 3.

✍✍ **3.** Призывник, отказывающийся от службы в армии по идеологическим, религиозным и др. причинам.

✍ **4.** Ребенок, оставленный на попечение государства в результате отказа от него родителей (или одного из них).

➡ **Прáведник**, а, *м*. *Перен.* Тот, кто во всем следует нормам нравственности, не совершает зла; противоп. грешник. *Он* [*Сахаров*] *не только вел жизнь святого, блаженного праведника, он много думал об основах подобной жизни.* З-С, 1990, 2. *Народ в прозе Абрамова очень разный: на страницах практически каждого призведения мы встретим и праведника, и Иуду.* Огонек, 1991, 42.

— См.: Святой[2].

— Ср. Ож-89: 1. У верующих: человек, который живет праведной жизнью, не имеет грехов. 2. Человек, ни в чем не погрешающий против правил

нравственности (*ирон.*); МАС-2: 1. Человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-л. религии. 2. *перен. Обычно ирон.* Тот, кто в своих действиях руководствуется принципами справедливости, честности, не нарушает правил нравственности; Ушак.: *книжн. устар.*

⬅ **Про́иски**, ов, *мн. Публ.* В советск. время: скрытые действия, наносящие вред государству, его строю (с оттенком гнева, осуждения). *П. врагов. П. поджигателей войны.* 🕮 *Вопреки происка́м империализма, продолжает газета, страны социализма выдвигают конструктивную программу, направленную на продолжение и углубление политического диалога между государствами с различным общественным строем.* Правда, 27.08.80.

➡ **Су́перма́ркет** и **су́пер-ма́ркет**, а, *м.* Большой (обычно продовольственный) магазин самообслуживания; универсам. *Одет с иголочки — видно, за границей днем и ночью по супермаркетам шатался.* МК, 20.03.90. *Действует* [*в Англии*] *одновременно и чековая система, и разного вида карточки. Есть специальные даже для определенного типа супермаркетов.* Нед., 22.07.91-28.07.91. *В то время, как все кругом дорожает, известный петербургский супермаркет «Алмаз» совершает довольно вызывающий поступок: объявляет о снижении цен.* М-Э, 19945, 5.

— Ср. СНС: Крупный универсальный магазин самообслуживания в капиталистических странах, торгующий товарами повседневного спроса (преимущ. продовольственными).

Су́пер-ма́ркет. См. Супермаркет.

✍ **Сэ́конд-хэ́нд** и **секонд-хэнд**, а, *м.* [англ. second hand < second второй и hand рука]

1. Бывшие в употреблении, подержанные, не новые вещи (обычно одежда). *Наверняка, и ваши приятельницы удивляли вещами, достоинство которых — эксклюзивность и дешевизна. Добывается такая одежда в магазинах сэконд-хэнда — название хоть и новое, английское, не всегда понятное старшему поколению, сроднившемуся с комиссионками, означает практически то же самое: поношенные вещи, товар из вторых рук.* АиФ, 1996, 47.

2. Магазин, торгующий такими вещами. *В отличие от комиссионок, в сэконд-хэндах не ждут, когда им принесут для реализации вещи. Хозяева магазинов сами едут за ними, да не только по всей Европе, но и за океан.* АиФ, 1996, 47.

Графические знаки, используемые в словаре

✍ — новое слово (значение); первая словарная фиксация
✍✍ — относительно новое слово (значение), зафиксировано в словарях последнего десятилетия
⬆ — актуализация слова (значения)
➡ — возвращение слова в актив из пассивного запаса
⬅ — уход слова в пассивный запас

В словаре возможна комбинация знаков.

Вопросы и задания

1. Почему словари называются динамическими?
2. Какие графические приемы используются в словаре для показа динамики слова?
3. Какой словарь в истории русской лексикографии первым стал графически обозначать динамику слова?
4. В приведенных примерах найдите двойное обозначение динамики у слова и объясните, почему авторы пользуются таким приемом.

СЛОВАРИ НЕОЛОГИЗМОВ

Н. З. Котелова

Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов[1]

«Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей», — писал А. М. Горький. Обогащение языка — это прежде всего появление новых слов, новых значений слов, новых выражений и устойчивых сочетаний. Пополнение словарного состава издавна оценивается именно как обогащение, прогресс языка: «…всякое новое слово есть новый монументальный камень, входящий в состав той пирамиды языка, которую зиждут в продолжении веков, во свидетельство бытия своего, народы и которой последний верхний камень только тогда положен будет, когда создание остановится, то есть когда самое существование народа прекратится». (В. А. Жуковский) <…>

Появление лексических новообразований отражает изменения в инвентаре, составе и свойствах предметов и явлений объективного мира, общественную деятельность человека и работу человеческого сознания. Уже давно было обращено внимание на высокий уровень как содержательности лексики вообще (широко известны высказывания писателей, ученых, лингвистов о богатстве содержания словарей, заключающих в себе «всю вселенную»), так и в особенности экстралингвистической информативности ее изменений: «Одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа» (Дидро), за словами «как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории». (А. И. Герцен). Наиболее интенсивное обогащение словарного состава отмечается в эпохи больших социальных изменений.

[1] Новые слова и словари новых слов. Л., 1978.

Также социально обусловленными в конечном итоге (только иначе: не за счет отображения в языке действительности, а за счет социального характера речевой практики, использования языка) являются внутрисистемные преобразования в языке. Они могут быть результатом действия порождающей функции языковой системы, тенденции к экономии знаковых средств выражения, их унификации или повышения их выразительного потенциала, эстетических качеств (ср. лексикализацию сочетаний, сложение слов и основ, аббревиацию, развитие переносных, образных, метонимических, распространительных и т. д. употреблений, взаимодействие единиц синонимического ряда, стилистических вариантов и т. д.). Они могут быть результатом действия порождающей функции речевой реализации языка (ср. стереотипизацию линейных фрагментов речи, превращение их в идиоматические выражения). Сюда же следует отнести перераспределение языковых средств в видах и жанрах речи.

Количественно более весомыми являются экстралингвистически обусловленные новообразования и заимствования. Об этом ярко свидетельствует развитие словарного состава в новейшее время, характеризующееся интенсивным развитием общественной жизни во всех ее проявлениях. В образовании новых слов, значений и выражений в современном русском языке находят отражение возникающие новые явления в общественных отношениях и в производственной жизни, развитие науки, техники и культуры, новые черты быта советских людей. <…>

Собирание и изучение новых слов, значений слов и выражений имеет большое значение в общественно-историческом, культурно-познавательном и в лингвистическом отношениях. Исследование их состава, структуры, значения, функций проливает свет на сложные проблемы общей теории языка (например, о соотношении слова и понятия, слова и реалии, о развитии языка, о роли социальных и внутриязыковых фактов, о соотношении языка и речи и мн. др.) и способствует изучению многих конкретных вопросов лексикологии, грамматики, стилистики. <…>

Оптимальным способом описания новой лексики, безусловно, является создание специальных словарей новых слов.

В русской лексикографии первой попыткой создания такого словаря явился словарь новых слов, подготовленный в Словарном секторе Института русского языка АН СССР[1]. Словарь ставил своей целью инвентаризацию и описание новых слов, новых значений слов и выражений. В него были включены новые слова, вошедшие в язык, и не включены слова, относящиеся к уровню речи, — образованные на случай и не являющиеся общим достоянием. Этот словарь является и научным, и нормативным, и справочным, что вызвало опре-

[1] Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, М., 1971 (далее — СНС-60).

деленные трудности при его составлении и не могло не иметь некоторых негативных последствий. <…>

Предпринятые в лингвистике попытки определить понятие нового слова дали весьма несовпадающие результаты. Обозначились четыре взгляда на природу неологизма.

Одни понимают новое слово как стилистическую категорию, считая главным «ощущение новизны» при восприятии слова. «Неологизмы — новые слова или выражения, свежесть и необычность которых явно ощущается носителями данного языка» (БСЭ, т. 17), в качестве примеров приведены слова *лавсан*, *программирование*, *НЭП*. Хотя в общем верно то, что в большинстве своем неологизмы окрашены стилистически, а в аспекте стилистики имеется разряд новых слов (и слов устарелых) как стилистическая категория, однако многие новые слова сразу усваиваются говорящими и ощущение новизны быстро стирается. Так, не несут сейчас стилистического заряда слова *космонавт*, *космонавтка* (ощущается уникальность соответствующей реалии, но это другое), *бетонка*, *лавсан*, *безразмерный*, *валокордин*, *оргтехника*, *неотложка*, *валидол* и мн. др. Многие новые слова уже ощущаются даже как уходящие из языка (*фифочка*, *бабетта*, *КВН*, *твист*, *студебеккер*, *сверхзвезда*, *партгосконтроль* и др.). В Словаре Ушакова маркированы пометой «нов.» слова *грузовик*, *галифе*, *выявиться*, *выходной*, *выдвиженец* и др. В предисловии к Словарю Ушакова эта помета не значится в перечне стилистических помет; она устанавливает «историческую перспективу в словах современного языка» и поясняется следующим образом: «(нов.), т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)». Следовательно, слова снабжаются этой пометой на основании временно́го признака.

Если принять за основу понимание неологизма как стилистической категории, то создание словаря неологизмов — задача едва ли осуществимая как из-за отсутствия объективных критериев при собирании материала, так и из-за непредсказуемых неравномерных изменений «ощущения свежести» слов, которые будут включены в словарь.

Другие считают неологизмами слова, обозначающие новую реалию, возникшие для такого обозначения, появившиеся в связи с ростом науки, техники и т. д. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой неологизм определяется как «слово или оборот, созданное (возникшее) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия»; в БСЭ (изд. 2-е) — как «новые слова или новые фразеологические сочетания, входящие в язык в связи с ростом науки и техники, с развитием или изменением общественных отношений». <…>

Однако сторонники такой точки зрения на неологизмы не учитывают внутриязыковых процессов, которые приводят к образованию неологизмов, не обозначающих новые реалии (о них говорилось

выше), игнорируют внешние и внутренние заимствования, далеко не всегда обозначающие новое в действительной жизни. Иногда даже неологизмы понимают прежде всего как результат внутреннего развития языка. В предисловии к словарю под ред. акад. Грота говорится о том, что авторы стремились пополнить состав словаря «неологизмами, которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь *по естественному ли ходу развития* или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного бытия»[1] (курсив наш. — *Н. К.*).

Новое в жизни не обязательно связано с появлением в языке (и тем более в литературном языке) новых слов. Новые реалии и ситуации могут обозначаться старыми словами и сочетаниями слов.

Эти два названных в разных определениях признака, кажущихся тем или иным авторам существенными, могут объединяться: «Неологизмом называется слово, недавно появившееся в языке и ощущаемое говорящими как новое слово, связанное именно с текущим моментом жизни данного народа. Слово до тех пор считается новым, пока в нем ощущается новизна»[2]. Доминирующим признается стилистический фактор. Однако фактор обозначаемой словом реалии чрезвычайно важен для авторов: «Практически трудно определить, когда данное слово перестает уже восприниматься как новое, укрепляется в языке полностью и входит во всеобщее употребление. Очевидно, до тех пор пока предмет, явление, действие, качество является еще новым, его название представляет собой новое слово».

А. В. Калинин понимает под новыми словами «слова, появившиеся с развитием техники, науки, культуры, сельского хозяйства, с развитием новых общественных отношений и служащие названиями новых предметов, явлений, понятий», неологизмом же называет «не просто новое, а очень новое, новенькое, совсем недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими». Слова *радар*, *ракета-носитель*, *транзистор* — не неологизмы. Единственный критерий — «ощущение необычности, свежести слова всеми говорящими».

Третьи считают неологизмами слова, не отмеченные словарями. В этом случае к неологизмам будут отнесены и случайно пропущенные в словарях слова, и слова, сознательно игнорируемые авторами общих словарей по тем или иным причинам, и экзотизмы, которые будут причислены к новым словам, согласно первой точке зрения, по признаку необычности. Кроме того, если так понимать неологизмы, в языке, не имеющем словарей, не будет и новых слов. По нашему мнению, объект нужно определять не по методам его обнару-

---

[1] Словарь русского языка / сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1891. Вып. I. Предисловие. С. VII.

[2] Лексикология английского языка: пособие для учителей средней школы / под ред. Н. Н. Амосовой. Л., 1955. С. 136.

жения (т. е. позитивистски), тем более по таким ненадежным, каким является лексикографическая фиксация, а по имманентным, сущностным, отличительным признакам, т. е. онтологически.

Наконец, в словарях встречаются и очень простые определения неологизма. Так, в МАС читаем, что неологизм — это «вновь появившееся в языке слово или словосочетание». Подобные определения оцениваются обычно как тавтологичные. Между тем это в общем-то верные, хотя малосодержательные и неполные определения. Дело в том, что «понятие неологизма исторично и относительно» [Б. Н. Головин], в этом его специфика. Установление и ограничение эмпирической области объектов, охватываемых понятием неологизма, зависят от параметров-конкретизаторов, снимающих относительность и абсолютизирующих свойство новизны. Рассмотрим эти конкретизаторы, после чего попытаемся в более развернутой форме дать определение неологизма.

Первый и основной определитель — это конкретизация по параметру «время». Неологизмы — новые слова какого-либо периода по отношению к какому-нибудь из предшествующих периодов, т. е. такие слова какого-либо периода, которых не было в предшествующий период. Если определять неологизмы как слова последнего времени, новейшего периода и т. д., то нельзя будет говорить о новых словах XIII века, новых словах эпохи французской революции и т. д. Такие слова 60-х годов, как *заводчане*, *биосинтез*, *раскованно*, *транзистор*, *американизированный*, *автокомбинат*, *биогенный*, *антисоветчик*, *аллергия* и другие, являются новыми по отношению к непосредственно предшествующему периоду, охватывающему 30–40 лет, но не новыми по отношению к более продолжительному периоду или к периоду конца XIX (*заводчане*) — начала XX века (*обустройство*, *датчик*, *внеатмосферный*, *кинокамера*, *внеземной*, *универсализация*, *самоорганизация*, *американизированный*, *аллергия*) или даже XVIII века (*алгоритм*, *вероятностный*). Должны быть определены как границы периода, состав неологизмов которого устанавливается, так и границы периода, по отношению к которому берется данный период.

Таким образом, первое снятие относительности понятия неологизма — указание точек отсчета во времени (ответ на вопрос «когда?») и временны́х соотношений периодов. Конкретные точки отсчета устанавливаются прагматически или обусловливаются степенью обновления словарного состава в определенный период, т. е. «неологической» релевантностью. Интересна попытка частичного снятия временно́й относительности за счет указания на период возникновения слов, конкретизируемый относительно говорящих на данном языке. Б. Н. Головин определяет новые слова как «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения». Такое определение, однако, не устранит субъективности при ограничении состава неологизмов определенного периода, так как трудно объективировать «возникновение» каждого слова. Наличие или отсутствие их в памяти, отождествление какого-либо коллектива говорящих с «применяющим слова поколением».

Второй определитель — конкретизация по параметру «языковое пространство» (сферы и жанры употребления). Поскольку изменение состава лексики русского литературного языка связано также с перемещениями слов из одной сферы употребления в другую, в которых проявляется постоянное взаимодействие между литературным языком как обработанной и нормализуемой формой общенационального языка и языком наук, профессий, диалектов, устной речью, — постольку чрезвычайно существенным признаком, также обусловливающим установление фактов, охватываемых понятием нового слова, является такой конкретизатор, как точка отсчета в языковом пространстве (ответ на вопрос «где?»). Если мы корректно, в соответствии с первым конкретизатором, зададим значение первого (временно́го) параметра, например, будем говорить о словах 60-х годов, новых по отношению к непосредственно предшествующему ему периоду, имеющему нижней границей 1917 год, то такие слова, как *верховик*, *запуржить*, будут новыми (на вопрос «где?» отвечаем: в литературном языке) и мы поместим их в словарь новых слов. Если же на вопрос «где?» мы отвечаем: в русском языке вообще (т. е. включая, в частности, диалекты), то это слово не будет новым.

По параметру «языковое пространство» (вопрос «где?») могут быть следующие конкретизаторы: 1) в языках вообще; 2) в данном национальном языке; 3) в литературном языке; 4) в данном подъязыке (термины алгебры явились в последние годы неологизмами для языка геометрии, термины математики стали новыми для языка филологических наук и т. д.). Эти конкретизаторы изменяют статус слова как неологизма (или архаизма), определяя сферу функционирования языковой системы. Устанавливая состав новых слов определенного периода, нужно указывать, где именно эти слова новые, и сопоставлять их с составом слов другого временно́го периода и того же ареала.

Появление в литературном языке слов за счет их миграции, перехода из других языковых сфер обусловливает неправомерность обычных определений неологизмов как слов «созданных», «образованных». Следует говорить о словах новых как таких, которых не было в какой-либо сравниваемый период (естественно, из предшествующих).

Другой вид «пространственных» же определителей неологизма (с большей степенью метафоризации идеи локальности) — это принадлежность слова языку или речи в аспекте речевой деятельности и относится к противопоставлению: новое в языке (языке-системе, языке — средстве построения речи) — новое в речи, включая окказиональные и индивидуально-авторские слова. Эти разряды иногда обозначаются разными терминами: в языке — новые слова, в речи (или и в языке и в речи) — неологизмы.

Третий определитель относится к терминам «неологизм», «неология»; это — конкретизация тех единиц, которые оцениваются со стороны их новизны (ответ на вопрос: «что новое?»). Понятие неологизма, согласно внутренней форме и этимологии этого термина,

относится к единице лексики, слову. Закономерно оно охватывает и новое значение слова (лексико-семантический вариант слова, семолексу), также являющееся лексическим новообразованием; иногда его называют семантическим неологизмом. Закономерно и включение в состав неологизмов новых неразложимых сочетаний слов (идиом), так как, во-первых, в идиоме слова модифицированы в своих значениях до нуля и, во-вторых, двух-, трехкомпонентная единица выступает в функции слова, лексической единицы (хотя и в первом приближении, так как на следующем этапе анализа мы возвращаемся к словам и к сочетаниям). В СНС-60 вошло 46 идиом: *в ажуре*, *номер один*, *второе дыхание*, *на общественных началах*, *тянуть резину*, *для галочки*, *с колес*, *бархатный путь*, *голубой экран*, *за кадром*, *принять на вооружение*, *цепная реакция*, *без дураков*, *звездная болезнь*, *звездный час*, *спустить на тормозах* и мн. др.

Что касается большого числа приведенных в СНС-60 аналитичных сочетаний (не идиом), то они как таковые не являются лексикографируемыми в словаре объектами и приводятся для характеристики употребления образующих сочетание слов. Для новых слов характерна узкая сочетаемость. Например, каждое седьмое приведенное в словаре прилагательное характеризуется единичной лексической сочетаемостью: *адресовальная машина*, *покадровая съемка*, *дезоксирибонуклеиновая кислота*, *санно-тракторный поезд*, *ассонансная рифма*, *грунтосмесительная машина*, *автозаправочная станция*, *сосудосшивающий аппарат*, *тяжеловодный реактор*, *триацетатное волокно*, *тепловыделяющий элемент*, *субсветовая скорость*, *субаквальная ванна*, *бесшажный ход* и т. п.

Части, образующие сложные слова, не являются единицами лексики, хотя и очень интересны при изучении неологизмов. Многие известные префиксы, префиксоиды, суффиксоиды актуализируются в последние десятилетия (ср. , например, слова с *кино-*, *авто-*, *без-*, *сверх-*, *взаимо-*, *агро-*, *-мобиль*), появляются и новые части сложных слов, не отмеченные словарями (например, слова с *космо-*, *мини-*, *макси-*, *сексо-*). Однако префиксы, суффиксы, префиксоиды и т. д. в строгом смысле нарушают в словаре целостность лексикографируемого объекта (в СНС-60 они не приводятся).

Надо заметить, что термин «неология» может осмысляться и как наука (logos) о новом (neo). Тогда он будет годиться для обозначения разнообразных новых явлений в языке, а именно:

1) каких-либо новых свойств у старых слов, терминологизации слова (ср. *надежность*, *структура*), изменения стилистической окраски; слова *мысленный*, *отлучить*, *бракосочетание*, *наречение*, *окоем*, *стезя*, *коллегиум*, снабженные в словарях пометой «уст.», перестают или перестали быть устарелыми (ср.: *мысленное знание* — в философии, *зал торжественной регистрации бракосочетания* — название учреж-

дения, *наречение имени* — в названии советского обряда и т. п.); слова *выходной*, *получка* еще недавно были разговорными, теперь же они получают возможность нейтрального употребления, то же можно сказать о многих словах, имеющих в словарях помету «специальное»; слова *обеспокоенность*, *инициатива* и другие становятся словами языка дипломатии;

2) новых форм словоизменения слова, сочетаемости и т. д.: у прилагательных появляются формы степеней сравнения и краткие формы (*камерна*, *зрелищны*, *личностен*, *предметнее*), у существительных — обусловленные разнообразными факторами формы множественного числа (*единичности*, *логики*, *протяженности*, *договоренности*, *инициативы*); возникают новые возможности грамматической (*экскурсовод* по чему (по стилям), *геохимия* чего, *проектант* чего, *география* чего) или лексической сочетаемости;
3) новых лексикограмматических функций слов (ср. реализацию союзов *и*, *или* в новой модели типа *фото- и кинопромышленность*, *ионо- и электрообменник*, *авто- или электропогрузчик*), специализации их употребления в роли постоянных приложений (*цех-гигант*, *город-гигант*) или слов, соединяющихся с приложениями (*автомат-продавец*, *автомат-диспетчер*, *автомат-приемщик*, *автомат-секретарь*).

Названные и другие процессы, характеризующие изменение и развитие языка, представляют собой интересный объект для научного исследования. Словари же лексических новообразований в соответствии со своим объектом включают лишь новые элементы словарного состава.

Четвертый определитель связан с установлением структурных признаков новизны самого слова: какие структурные признаки слова позволяют считать его новым словом (нередко наслаивается вопрос: другим словом)?

Представление о новых словах как о новых, незапрограммированных, неожиданных, немотивированных внутренней структурой созвучиях довольно широко распространено в среде нелингвистов. <…> В принципе они возможны. Таким стихийным словообразованием занимаются нередко фантасты, чтобы подчеркнуть чужеродность слов «неземного» языка, поэты, лингвисты, с звуковыразительной или экспериментальной целью. <…>

С теоретической точки зрения, таких слов не должно быть. Единицы какого-либо уровня языковой системы состоят из единиц низшего, непосредственно предшествующего уровня. «Черезуровневые» компоненты по отношению к данной единице в направлении к низшим осваиваются на очередном уровне, прежде чем быть использованными на данном уровне. Наши наблюдения полностью согласуются с тем, на что еще давно указывал Р. А. Будагов: «Всякое

новое слово обусловлено предшествующей языковой традицией». <…>

Обычно же новые слова возникают или из собственных элементов языка, или путем заимствований, т. е. из элементов другого языка, или, наконец, путем превращения собственного имени в нарицательные. <…>

Таким образом, все новые слова — это слова, в каком-то смысле известные, «ожиданные», существующие в системе как потенциальные единицы. Проблема противопоставления потенциального слова, узуального языкового и речевого требует к себе внимания как с теоретической стороны, так и со стороны методов установления модуса существования слова. <…>

Лексические новшества с учетом рассмотренных выше уточнений — это слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т. д. <…>

Новые слова и значения
Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов[1]

Н. З. Котелова
Предисловие

<…> В Словаре представлены:

А. Новообразования.

1. Слова, образованные с помощью аффиксов от слов: *авралить*, *безавансовый*, *безножевой*, *вещизм*, *внутрибригадный*, *ворсолин*, *депремирование*, *загрязнитель*, *интеллектуализация*, *инкский*, *качественник*, *контактировать*, *космизация*, *лавинщик*, *маразматик*, *мелочевка*, *неразмещение*, *оживляж*, *оребрять*, *особинка*, *очерковость*, *пакетиковый*, *перьевой*, *подотрасль*, *поэтапный*, *предзащита*, *предпенсионный*, *прикидочный*, *примарсение*, *противошумный*, *разведенец*, *соревновательность*, *формализация* и др. ; от сочетаний слов: *атомка*, *безнарядка*, *вольник*, *двушка*, *закоротить*, *персоналка*, *продленка* и др.

[1] Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.

2. Сложные слова — самый многочисленный разряд, как и в первом словаре: *авиалайнер*, *автовладелец*, *автоград*, *автоответчик*, *агрослужба*, *астроклимат*, *бароцентр*, *биоритм*, *вертолетоносец*, *видеофильм*, *газомобиль*, *гидрокосмос*, *госсекретарь*, *декабристовед*, *еврогруппа*, *женьшевод*, *кормоединица*, *лунокоп*, *луноход*, *магнитоплан*, *малокомплектный*, *метротрамвай*, *микроинфаркт*, *многомерный*, *монокорм*, *мотонарты*, *паромобиль*, *профтехобразование*, *радиовраль*, *радиолинейка*, *радионяня*, *реанимобиль*, *сверхдержава*, *селезащита*, *скорочтение*, *снегокат*, *спортлото*, *стереооткрытка*, *стройотряд*, *сыроедение*, *термобигуди*, *технорабочий*, *турпоезд*, *экосистема*, *электрогитарный* и др.

3. Сложные слова с дефисным написанием, например: *база-стоянка*, *бас-гитара*, *белково-витаминный*, *вагон-городок*, *гаражно-строительный*, *кабель-мачта*, *кафе-столовая*, *контролер-кассир*, *лекция-концерт*, *летчик-космонавт*, *макси-мода*, *мини-баскетбол*, *обои-пленка*, *продавец-консультант*, *профессионально-технический*, *смотр-конкурс*, *совещание-семинар*, *судья-информатор*, *театр-студия*, *ясли-сад* и под.

Основаниями для включения в Словарь дефисных прилагательных были их новизна и употребительность, установленные по материалам. Более сложным оказался вопрос о включении дефисных существительных со склоняемой первой частью. Он решался с учетом таких признаков, как цельность номинации (словность), устойчивость соединения слов, ограничение переменности обоих или одного из слов сложения, функция официального названия, например, названия должности, профессии, предприятия и т. д., наличие главного ударения, закрепленность порядка соединенных слов и др. Словность, цельность номинации проверялась возможностью сложения выполнять синтаксическую функцию в предложении, экспериментированием на уровне актуального членения предложения (в случае словности сложения функцию данного и нового — логического субъекта и логического предиката — оно выполняет целиком, не членясь) и др.

В случае употребления нового слова или слова с новым значением в нелексикализованном сложении (типа *архитектор-ландшафтник*) такое употребление показывалось в статье к этому слову и иллюстрировалось.

4. Слова, образованные сложно-суффиксальным способом, например: *сиюсекундный*, *суховоздушный*, *междусобойчик и т. п.*

5. Слова, образованные с помощью буквенного, звукового, фрагментарного сокращения ряда слов или сочетания слов, например: *АСПР*, *АСУ*, *БВК*, *ЖСК*, *НТР*, *ПАВ*, *СПТУ*, *капе*, *цу*, *помбур*, *бестер* и др.

6. Слова, образованные усечением слов, например: *наив*, *технократ*, *фотокор*, *гастроэнтеролог* и др.

7. Слова, образованные переходом в другую часть речи, например: *кандидатская*, *однокомнатная*, *орбитальная*, *приземленный* и др.

Б. Вхождения.

1. Слова из диалектов, жаргонов и др., например: *белолистка*, *беломощник*, *задергушка*, *заколенеть*, *марафет*, *обласок*, *туфта* и др.

2. Слова, известные ранее в литературном языке, возрожденные, актуализированные, ставшие более употребительными, например: *тестовый*, *тестирование* (1932 г.), *на свал*, *в сборе* (даны в Словаре Даля), *сверхгород* (1932 г.), *технократия* (1933 г.), *нототения*, *первоклашка*, *почемучка* и др.

3. Заимствования из других языков, например: *багги*, *банлон*, *биеннале*, *бобслеист*, *икебана*, *импринтинг*, *истэблишмент*, *каратэ*, *компьютер*, *консенсус*, *криль*, *лечо*, *ноу-хау*, *пепси-кола*, *пленэр*, *раггары*, *сакура*, *свинг*, *слайд*, *стрикинг*, *фломастер*, *фифти-фифти*, *сельва* и др.

4. Калькированные — сделанные по образцу иноязычных — слова, занимающие промежуточное положение между заимствованиями (заимствуется словное значение, внутренняя форма, способ образования) и морфологическими неологизмами (используется русская словообразовательная модель). Ср.: *заднескамеечник* (<Back-bencher), *запечатление* (<imprinting).

В Словаре представлены известные ранее слова, получившие новые значения

1) за счет семантической деривации — разного рода переносов, расширения или сужения значения, например: *барьер*, *вахта*, *весна*, *ветер*, *взрыв*, *взрывчатый*, *вирус*, *витамины*, *впередсмотрящий*, *глухой*, *дергаться*, *десант*, *джунгли*, *дозорные*, *забуксовать*, *завернуть*, *зацепить*, *зебра*, *квартер*, *климат*, *контекст*, *копилка*, *мозг*, *мушкетеры*, *напрямую*, *наставник*, *нитка*, *обувь*, *омолодить*, *окно*, *опекать*, *отключаться*, *пенал*, *переиграть*, *платформа*, *плацдарм*, *поколение*, *полнота*, *прописаться*, *раздевать*, *снайпер*, *сова*, *сценарий*, *цех*, *ширпотреб*, *экватор* и др.;

2) за счет морфологического способа образования (см. А), например: *вахтенный*, *высотка*, *массовка*, *озадачить*, *олимпийка*, *отстреливаться*, *перебой*, *подземка*, *производственник*, *разговорник*, *школьный* и др.;

3) за счет вхождений (см. Б): внешнего заимствования, калькирования, перевода: *банк*, *панель*, *плюрализм*, *запечатление*, *противостояние*, *фол*, *ястребы* и др.; внутреннего заимствования: *заделать*, *ну* (в значении «да») и др.

В Словаре представлены слова, образованные морфолого-семантическим способом, например: *выключенность*, *трибунный*, *втык*, *забомбить*, *заспинный*, *исповедальность* и др.

Словарь включает новые сочетания слов

1. Идиоматичные, неразложимые сочетания, например: *не ближний свет, на блюдечке, в загашнике, всю дорогу, выйти на финишную*

прямую, гореть синим пламенем, по горизонтали, горячая точка, от двери до двери, держать руку на пульсе, до донышка, довести до ума, белая дыра, завестись с пол-оборота, от звонка до звонка, знать свое дело туго, откинуть копыта, красная суббота, пудрить мозги, ни грамма, начать с нуля, открытым текстом, по новой, по второму кругу, поезд ушел, под ключ, положить глаз, попасть в струю, с приветом, рвать пупок, расшивать узкие места, так на так, точка отсчета, факторы риска и др.

2. Устойчивые неидиоматичные сочетания, например: *белая Спартакиада, вертикальный транспорт, генная инженерия, громкая связь, жидкий кристалл, Знак качества, композиционный материал, маятниковая миграция, наплавной бассейн, народный театр, общество потребления, пакетное пчеловодство, посвящение в рабочие, профессиональная ориентация, рабочая встреча, рабочая диссертация, режим наибольшего благоприятствования, сфера обслуживания, театр абсурда, теория игр, трудовой семестр, третий семестр, бегущая дорожка, развивающиеся страны, тринадцатая зарплата* и др.

Те и другие сочетания могут быть образованными в русском языке или вошедшими из других языков с переводом (как, например, *массовая культура*, *наведение мостов*) или из прежних периодов развития языка, из специальных языков (*ледяная рыба*).

В большей своей части новые слова, слова с новыми значениями и аналитичные сочетания обозначают новое в действительной жизни. Появление их отражает изменения в жизни людей, в общественной деятельности, работу человеческого сознания, см. в Словаре такие слова, как *наставничество**, *луноход*, *породнение**, *разрядка**, *совхоз-завод*, *бамовец*, *безнарядка*, *ворсолин*, *дискотека*, *лазеропунктура*, *микродоза*, *мини-ЭВМ*, *тепловидение*, *дельтаплан*, *радиопоиск*, *спортлото*, *сыроедение*, *вахта**, *жигули*, *универсам* и под. Новооткрытые, новопознанные или по-другому осмысленные (но существовавшие и раньше) реалии обозначаются словами *импринтинг*, *экосистема*, *интроверт*, *белая дыра* и др. Реалии, обозначаемые новыми словами, могут быть гипотетически представляемыми (см. в Словаре *партон*, *парапсихологический*), актуализированными, возрожденными (*иглоукалывание*, *тестирование*) или такими, которые и появились и ушли в обследуемый период (см. например, *волосатик*). Новое название может быть дано уходящим из обихода предметам при появлении новых, для отличения от последних (ср. *перьевая ручка* — в отличие от появившейся позже *шариковой ручки* и под.). Наконец, многие неологизмы обозначают зарубежные реалии, см. *тонтон-макут*, *цитатник*, *чикано*, *сафра*, *бантустан* и др.

Значительное количество неологизмов, не обозначая нового в действительной жизни, появляется как результат внутриязыкового развития. Они экономят нашу речь (см. *турпоезд*, *личник*, *мультик*, *зарубежник*), выравнивают системные ряды обозначений (см. *задельный — з. объект*, ср. *пусковой объект*, *радиожурналист*, *теле-*

журналист, *киножурналист и т. д.*), добавляют к номинации экспрессивно-эмоциональное значение или стилистические обертоны (см. *джунгли*, *неумейка*). Вхождения — внутренние и внешние заимствования — могут обозначать как старые, так и новые реалии. Представляет также интерес классификация содержащихся в Словаре материалов в аспектах тематических и семантических групп, видов номинаций, частей речи, частоты употребления и др. <…>

Новое в русской лексике. Словарные материалы–1991

ДИССЕ́НТ, а, *м*. Несогласие, оппозиция (*газ. -публ.*). *Власть, как известно, не притягивает к себе Дон Кихотов и Жанн д'Арк, а скорее их отталкивает... Люди диссента долго жили «под колпаком». Те, что пришли в большую политику так и остались рыбками в аквариуме публичной жизни.* [*ЛГ, 15, с. 4*].
— Англ. **dissent**.

ЗЕЛЕНУ́ШНОСТЬ, и, *ж*. Зеленоватый оттенок, цвет чего-л. *Замотанная до зеленушности лица супружница Балды каким-то чудом до сих пор не угодила в могилу.* [*Н. Иовлев, Художник Шприц* (*А., 8, с. 20*)].
— <**Зелену́шный** [**зелёный** (о→э) + **-ушн(ый)**]> + **-ость**; *ср.* синюшность.

ЗЕМЛЕОТВО́Д, а, *м*. Отвод земли под что-л. *Пикетчики призывали народных избранников остановить землеотводы под садоводства на Карельском перешейке.* [*ВЛ 3.6*]. *— ВЛ 29.6* (*отчет о землеотводе*); *ВП 21.11* (*акт о землеотводе*).
— **Земля́+ е + отво́д**.

КИНОПРА́КТИКА, и, *ж*. Способы, приемы работы и т. п. при создании кинофильмов. *Но почему же так дорого.. кинопрактике это обессмысливание?.. Даже малейшее прикосновение к опыту литературы, к ее нравственным посылам.., к ее любви к человеку наносит действительно непоправимый ущерб искусству кино.* [*Ю. Дьяконов. «Прогрессы» кино* (*НС, 10, с. 183*)].
— **Кино**… (относящ. к созданию кинофильмов) + **пра́ктика**.

ЛЕ́ГЕНСЫ, ов, *мн*. *— Какие же брюки будут модны в «юбилейном» году? — Несомненно «легенсы» — плотно приталенные, облегающие ноги короткие брючки.* [*К. пр. 28.5*].
— Англ. **leggins** + **(ы).**

ЛЖЕИСТО́РИЯ, и, *ж*. Об исторической науке с преднамеренными натяжками, искажением фактов, умалчиванием и т. п. *— И что же почувствовал*

[*К. Симонов в книге О. Сулейменова «АЗиЯ»*]*? — Ее направленность против лжеистории, которой нас кормили все эти годы.* [*Ю., 11, с. 80* (*Возвращенная книга О. Сулейменова. Беседу вел А. Ткаченко*)].
— **Лже**… (ненастоящий) + **исто́рия**; *ср.* лжеисторик (НРЛ-90).

НАДМЕ́ННО-БРЕЗГЛИ́ВО, *нареч.* Высокомерно и с чувством брезгливости. *Эля плоско и длинно лежит под одеялом на дальней кровати, у окна. — Нуте-с! — надменно-брезгливо говорит профессор.* [*В. Попов, Иногда промелькнет* (*А., 6, с. 75*)].
— Сложение слов.

НАУ́ЧНО-ПЛА́НОВЫЙ, ая. ое. Осуществляемый по плану, разработанному с учетом научных достижений. *Диктатура, террор, тоталитаризм при пытках осуществления социализма, то есть научно-планового управления экономикой при уничтожении частной собственности и конкурентного рынка, — это не случайность и не извращение сути самого мирного социалистического учения, не говоря уже об изначально агрессивном марксизме, а сам его суть.* [*ЛР, 14, с. 9*].
— **Нау́чный + пла́новый**.

ПА́БЛИК СКУЛ. *«Паблик скулз» — английские дорогостоящие привилегированные закрытые средние школы интернатского типа.. Более половины всех членов «активной» элиты получили образование в «паблик скулз». В частных привилегированных школах воспитывалось подавляющее большинство членов парламента, судей и епископов. «Паблик скулз» окончили больше половины директоров крупнейших фирм, дипломатов, высших военных чинов, профессуры Оксфордского и Кембриджского университетов. И это при том, что число учащихся в «паблик скулз» невелико.* [*К. пр. 6.4*].
— Англ. **public school**.

САУНДТРЕ́К, а, *м*. Звуковая дорожка (кино-, магнитной ленты). *«Музыка из фильма» (1990) — саундтрек новых песен из к/ф «Буги-вуги каждый день».* [*А., 10, с. 126* (*Муз. эпистолярий*)].
— Англ. **soundtrack**.

СИДУ́Н, а́, *м*. О том, кто много сидит, не работая (*в просторечии*). *А как кликнут к миске, наш сидун, это про меня, поскачет впереди всех, как чемпёон какой!* [*А. Приставкин, Товарищ Башмаков* (*Ог., 27, с. 18*)].
— Сл. Даля.

Вопросы и задания

1. Какие определения термина «неологизм» представлены в научной литературе? Проанализируйте их.
2. Какие новые явления в языке осмысляются как неологизмы?
3. Прочитав внимательно словарные статьи в словаре «Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1991», выпишите разные типы неологизмов.

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

В. В. Морковкин

Идеографические словари[1]

Глава 1
Что такое идеографический словарь и для чего он нужен

Два подхода к расположению слов в словаре

В настоящее время словари являются, вероятно, самыми популярными книгами. Они настолько прочно вошли в нашу жизнь, в учебный процесс, что трудно найти человека, который не имел бы представления о значении самого слова «словарь». Однако что же такое словарь? Если обратиться за ответом на этот вопрос к известному словарю С. И. Ожегова, то на стр. 720 можно прочитать: «Словарь — сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык». И действительно, это определение не противоречит нашему повседневному опыту. До сих пор в русских словарях лексический материал располагался главным образом по алфавиту. Мы настолько привыкли к подобному расположению, что оно кажется нам самым разумным, наиболее удобным и единственно возможным. А между тем это не совсем так.

Язык, являясь знаковой системой, составляет органическое единство с мышлением. Мышление отражает динамический процесс познания человеком действительности и формирует знание человека. Знание, следовательно, есть продукт осмысления людьми предметов и явлений действительности, законов природы и общества. Знание закрепляется в словах. <…>

…Слово-знак есть двустороннее единство «означающего» и «означаемого», которое как целое соотносится с предметом действи-

[1] *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970.

тельности. «Мы называем знаком комбинацию понятия и акустического образа», — говорит Ф. де Соссюр[1]. В плане выражения слово представлено звуковой оболочкой, в плане содержания — понятием. Основная функция слова заключается в выделении и обозначении фрагментов познаваемого мира. Совокупность слов можно, следовательно, в определенном смысле считать отражением или коррелятом действительности. Но действительность, отражающаяся в языке, не есть хаотическое нагромождение разрозненных фактов. В действительности мы склонны видеть структуру. Поскольку наше знание о мире непрерывно развивается, постольку постоянно совершенствуется и лексический организм языка. Новые слова не просто механически добавляются к уже существующим, а помещаются в ранее сложившуюся в нашем сознании систему. Эта система, естественно, должна быть до определенной степени аналогична системе действительности. <…. >

Таким образом, возвращаясь к вопросу о характере расположения слов в словаре, можно утверждать, что сама природа слов-знаков допускает возможность двоякой их группировки:

а) по близости звучания;

б) по смысловой близости.

Реализация первой возможности приводит к созданию алфавитных словарей. Их сильной стороной является то, что они представляют значительные удобства для наведения различного рода эпизодических справок о любом известном нам по звучанию слове. Это обстоятельство и необычайная легкость азбучного расположения слов привели к доминирующему положению алфавитных словарей. Соображения практического удобства оттесняют на второй план осознание того, что система расположенных по алфавиту слов совершенно не соотносится с системой наших знаний о мире. <…>

Альтернативой алфавитному расположению слов является размещение их по смысловой близости. Словари, в которых лексика располагается на основании этого критерия, получили название идеографических (от греч. Idea — понятие, идея, образ — и grafo — пишу). <…>

Идеографический словарь — для чего он нужен?

<…> Если мы считаем чрезвычайно полезной книгу, которая помогает понять услышанное или написанное (алфавитный словарь), то не менее необходимой является книга, которая, предоставив в наше распоряжение всю совокупность слов, объединенных той или иной идеей, облегчила бы активное владение языком (идеографический словарь).

---

[1] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 78.

<…>

Большинство авторов существующих идеографических словарей вслед за П. М. Роже ограничивают значимость своих трудов именно соображениями легкости выбора наиболее подходящих слов для адекватного выражения мысли. Подобная сугубо прагматическая точка зрения явно недооценивает истинную значимость словарей этого типа. Такое же, если не большее, значение они имеют для различного рода лексикологических и этнографических разысканий. Потребность в идеографическом словаре ощущается прежде всего при сопоставительном изучении лексики разных языков. В основе такого рода сопоставлений лежит тезис о неразрывной связи языка и мышления. Мышление имеет общечеловеческую природу. Смысловой континуум общ для всех языков. Однако каждый конкретный язык членит его специфично и особенно. Аналитическая сила и уровень развития языка характеризуются степенью вербальной детализации каждого участка этого континуума. Таким образом, изучение характера представления в лексике различных языков того или иного отрезка смыслового континуума является важной задачей сравнительной лексикологии. В ее успешном решении может и должен оказать помощь идеографический словарь, поскольку он дает в руки исследователя целые группы слов, соотносящихся с определенной идеей.

Идеографический словарь самим фактом размещения рядом родственных по смыслу слов дает возможность прогнозировать различные синтаксические и семантические изменения (например, изменение управления глаголов по аналогии и др.).

Расположение слов по группам, связанным смысловыми узами, позволит в определенной степени решить проблему составления словаря синонимов и антонимов. <…>

Что касается лексикографии, то, кроме создания определенного прецедента в составлении словарей этого типа, идеографический словарь позволит более квалифицированно определять значения слов в толковых словарях русского языка и станет надежной базой для создания русско-иностранных и иностранно-русских словарей. <…> Чтобы соотнести слово одного языка со словом другого языка, надо знать, какое место занимает каждое из них в соответствующих множествах. Для того чтобы знать это, необходим хороший идеографический словарь.

Наконец, большое значение идеографический словарь имеет для исследования истории человеческих знаний об окружающем мире. Если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растет одна тема и «сжимается» другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множество других любопытнейших и

интереснейших фактов. Являясь в какой-то мере зеркалом эпохи, словарный состав языка отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, а иногда характеризует и сами явления. <…>

Глава 2
История составления идеографических словарей

<…> Необходимость в расположении слов по сходству, смежности, аналогии их значений ощущалась на всем протяжении обозримой истории человеческой мысли. На заре цивилизации, когда люди могли выразить свои мысли на письме лишь при помощи идеограмм и символов, единственно возможным словарем был, вероятно, такой, в котором слова располагались по тематическим группам. <…> Среди наиболее древних из известных нам попыток идеографической классификации называют Attikai Lexis греческого грамматика Аристофана Византийского (умер в 180 году до н. э.). <…>.

Между II и III вв. н. э. выходит в свет замечательный санскритский словарь «Амаракоша». Его автором является древнеиндийский поэт, грамматик и лексикограф Амара Сина, которого называли «одной из девяти жемчужин, украшающих трон Викрамадитье» <одного из царей государства Гупт в Древней Индии>.

Амаракоша в переводе на русский язык означает сокровищница Амара. Словарь содержит 10 тыс. слов. <…>. Словарь стал известен европейским ученым лишь в конце XVIII в. В 1839 г. появился французский перевод этого словаря

<…>

Дальнейшее развитие идеи смысловой классификации лексики связано с проблемой так называемого всемирного языка. <…> В основании этого языка должна лежать логическая классификация всего, что может быть предметом человеческой мысли. <…>.

Однако все <…> попытки членения смыслового континуума, безусловно остроумные и с теоретической точки зрения интересные, не могли иметь практического значения. <…. >. Таков в самых общих чертах первый этап развития традиции идеографической классификации лексики. Этот этап можно назвать предысторией идеографических словарей.

Второй этап открывается известным лексикографическим трудом Питера Марка Роже.

<…>.

Роже считал, что убедительная классификация слов по их смыслам невозможна до тех пор, пока должны образом не изучены и не организованы объекты действительности, называемые этими

словами. Поэтому он начинает свою работу с расчленения понятийного поля английского языка на четыре больших класса: абстрактные отношения, пространство, материю и дух (разум, воля, чувства). Эти классы разбиваются в дальнейшем на ряд родов, которые в свою очередь распадаются на определенное число видов. Каждый вид включает в себя пронумерованные группы. Эти группы (всего их 1000), обозначаются словами с достаточно широкой семантикой, что позволяет объединить под ними целую серию аналогичных по смыслу слов. Принцип расположения слов в конечных группах можно назвать структурно-семантическим. Сначала идут существительные, затем — глаголы, прилагательные и наречия. Слова одной части речи следуют по степени близости их значений. <…>

Три типа идеографических словарей

Кроме идеографических словарей, которые были главным образом адресованы людям, занимающимся литературным трудом и, следовательно, хорошо владеющим своим родным языком, к середине XIX в. появился ряд идеографических словарей, ориентированных на тех, кто изучает язык. <…>

Принимая во внимание общие методологические принципы классификации понятий и, следовательно, характер расположения слов, можно говорить о трех типах идеографического словаря. Разработка первого типа, начатая в глубокой древности и основывающаяся на логической рубрикации всего понятийного содержания лексики, привела к созданию идеографического словаря английского языка П. М. Роже. Словари этого типа можно назвать идеографическими тезаурусами. Главной задачей составителя идеографического словаря тезаурусного типа является идентификация и последующая рациональная классификация понятийных групп, реально представленных в лексике языка. Вторым типом идеографического словаря <…> является аналогический словарь. Создатели аналогических словарей, ставя перед собой цель тематической организации лексики, в то же время не отказываются и от услуг алфавита. В результате выделенные лексико-семантические группы располагаются в аналогическом словаре в порядке алфавитного следования тематических доминант (слов-центров). Наконец, третий тип идеографического словаря представлен учебными идеографическими (тематическими) словарями. Если <…> в идеографических словарях тезаурусного типа характер и количество лексико-семантических групп определяется смысловой емкостью языка и проблема заключается главным образом в их опознании и классификации, то при создании учебных тематических словарей главной является задача отбора тем, актуальных для учебных целей.

<…>

Глава 3
Идеографический словарь как макет лексической системы языка (синтетический словарь)

<…>

Идея конвергенции словарей

<…>. Современное состояние лексикографии дает веские основания думать, что наряду с непрекращающимся процессом развития и улучшения словарей уже известных типов все большее внимание ученых привлекает проблема создания принципиально новых словарей.

Одной из плодотворных идей в этом направлении является идея конвергенции, совмещения разнотипных словарей. <…>. Лингвисты Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский и И. А. Мельчук работают над созданием словаря, который можно было бы назвать толково-сочетаемостно-аналогическим. <…>

Понятие синтетического словаря

Идеографический словарь, как он нам представляется, совмещает в себе идеографический тезаурус в его ортодоксальном понимании <…> и словарь словоупотребления. Этим достигается, с одной стороны, рассмотрение слова в соответствующей парадигме (парадигмах), а с другой — последовательное описание его сочетаемостных свойств. Такой словарь (его можно назвать синтетическим) явился бы новым типом идеографического словаря.

<Решение этой задачи обеспечивается>:

а) группировкой лексики языка по лексическим парадигмам;

б) описанием сочетаемости слов.

Парадигматическая классификация лексики

Опыт создания идеографических словарей за рубежом показывает, что лексикографическая интерпретация первого положения должна основываться на создании единой классификации понятийного содержания лексики. Несмотря на свою многоликость, многоплановость, реальный мир, опосредованно отражающийся в лексике, един. Все события, предметы, процессы могут рассматриваться как проявления движущейся материи. Их взаимосвязь подчеркивается наличием целого ряда объективных законов движения материи, имею-

щих универсальный характер. Коррелятом единого мира в познании является единое знание, закрепленное в понятиях. Одной из форм фиксации понятий является лексика языка. Значит, содержательная, понятийная сторона лексики может быть систематизирована по типу и подобию систематизации событий, предметов и процессов реального мира.

<…>

Построение плана классификации может начинаться с создания некоторой рабочей схемы, отражающей общую концепцию составителя, его видение мира. В процессе оценки каждого слова или группы слов эта схема детализируется, доводится до определенной кондиции. Весьма желательно, чтобы классификация обеспечивала выдачу некоторого набора семантических множителей (путем последовательного указания на классы, в которые входит слово), причем этот набор может рассматриваться как альтернатива обычному словесному определению (до определенной степени, разумеется).

Основной единицей словаря считается лексико-семантический класс условной эквивалентности. Его составляют слова, несовпадающие признаки которых в определенных позициях нейтрализуются. Лексико-семантические классы разных порядков отличаются один от другого числом общих семантических признаков. Чем больше это число, тем ближе друг другу понятия, репрезентуемые лексико-семантическими классами, тем теснее семантическая связь между словами, входящими в классы. Распределение слов по лексико-семантическим классам есть вид парадигматической группировки слов. Это значит, что в основании лексико-семантического класса любого уровня лежит некий семантический признак, общий для всех слов, входящих в класс (например, у слов *самолет*, *вертолет*, *автомобиль*, *велосипед*, *судно,* и т. п. общим элементом значения является то, что предметы, с которыми они соотносятся — суть средства передвижения). Внутри конечных лексико-семантических групп слова могут находиться в различных отношениях: а) род — вид (*судно — лодка*); б) соподчинение (*теплоход — пароход*; в) целое — часть (*судно — палуба*); г) синонимия (*автомобиль — автомашина*); д) антонимия (*грустный — веселый*); е) причина — следствие (*выстрелить — попасть*) и др. <…>

Оставляя в стороне вопрос о соотношении многозначности и омонимии (он имеет очень большую литературу), можно утверждать, что при идеографической классификации лексики многозначность в значительной степени сводится к «условной омонимии». При этом слово, традиционно считавшееся многозначным, распадается на ряд слов-понятий, имеющих одинаковое звучание и написание, но различные значения. Так, разными словами признаются *подъем* (крутой подъем) и *подъем* (туфли жмут в подъеме); *пропуск* (предъявите пропуск) и *пропуск* (пропуск одного абзаца); *полотно* (железной дороги) и *полотно* (рубашка из полотна) и т. п. Следовательно, наи-

меньшей единицей в идеографическом словаре является однозначное слово.

<…>

Описание сочетаемости слов

Как уже указывалось выше, слово, помимо опосредованной соотнесенности с реальным миром и значимости, обладает еще и потенцией сочетаться определенным образом с другими словами, то есть употребление слова в речи предполагает, что при нем есть ряд синтаксических позиций, которые могут замещаться другими словами. Это свойство слова было названо его валентностью. Поскольку разные исследователи по-разному понимают валентность, оговоримся сразу, что для нас — это способность слова вступать в разнотипную синтаксическую связь с другими словами. <…>

Итак, первым шагом при описании сочетаемости слов является определение их валентности, т. е. способности участвовать в разных синтаксических структурах.

Вторым шагом может стать оценка и классификация синтактико-семантических связей, составляющих валентность слова с точки зрения их прочности, необходимости, центральности. <…>

Третьим шагом в описании сочетаемости слов является рациональное замещение каждой синтаксической позиции. В самом общем виде можно сказать, что замещают ее не отдельные слова, а некоторые ряды слов. Слова, составляющие ряд, обладают, по крайней мере, одним общим свойством: любое из них может заполнить эту позицию. То есть именно здесь в явном виде проявляется связь между парадигматическим и синтагматическим аспектами синтетического словаря. <…>

Весьма важным для синтетического словаря представляется вопрос рационального сопряжения парадигматической и синтагматической частей. При описании сочетаемости каждого отдельного слова, а также слов определенного лексико-семантического класса условной эквивалентности необходимо постоянно использовать идеографическую классификацию лексики. Это позволит добиться максимальной унификации словарных статей одного класса и в значительной мере устранить их избыточность.

Вопросы и задания

1. В чем преимущество и недостатки алфавитного расположения слов в словаре?
2. Какие другие способы расположения слов в словарях возможны? Приведите примеры.
3. В каких видах словарей слова расположены в зависимости от их семантики?
4. Что такое идеографический словарь? Для чего он нужен?
5. Назовите первый в истории лексикографии идеографический словарь, сохранив-

ший практическую ценность до сих пор и оказавший влияние на развитие этого направления лексикографии.

6. Какие три возможных типа идеографических словарей выделяет В. В. Морковкин? Какие из словарей, появившихся в России в период после издания работы В. В. Морковкина (1970 г.), можно отнести к тому или иному из этих типов?
7. Что такое, по мнению В. В. Морковкина, «синтетический словарь»? Какие задачи он должен решать?
8. Как достигается в таком словаре парадигматическая классификация лексики?
9. Какое значение для идеографического словаря имеет описание сочетаемости слов?
10. Назовите словарь, в котором в полном объеме впервые осуществлены и парадигматическая, и синтагматическая характеристики слова.
11. Учитываются ли особенности сочетаемости слов в толковых словарях? Приведите примеры.
12. Имеются ли словари, описывающие только синтагматические связи слов?

Н. Ю. Шведова

Теоретические основы словаря[1]

Предисловие

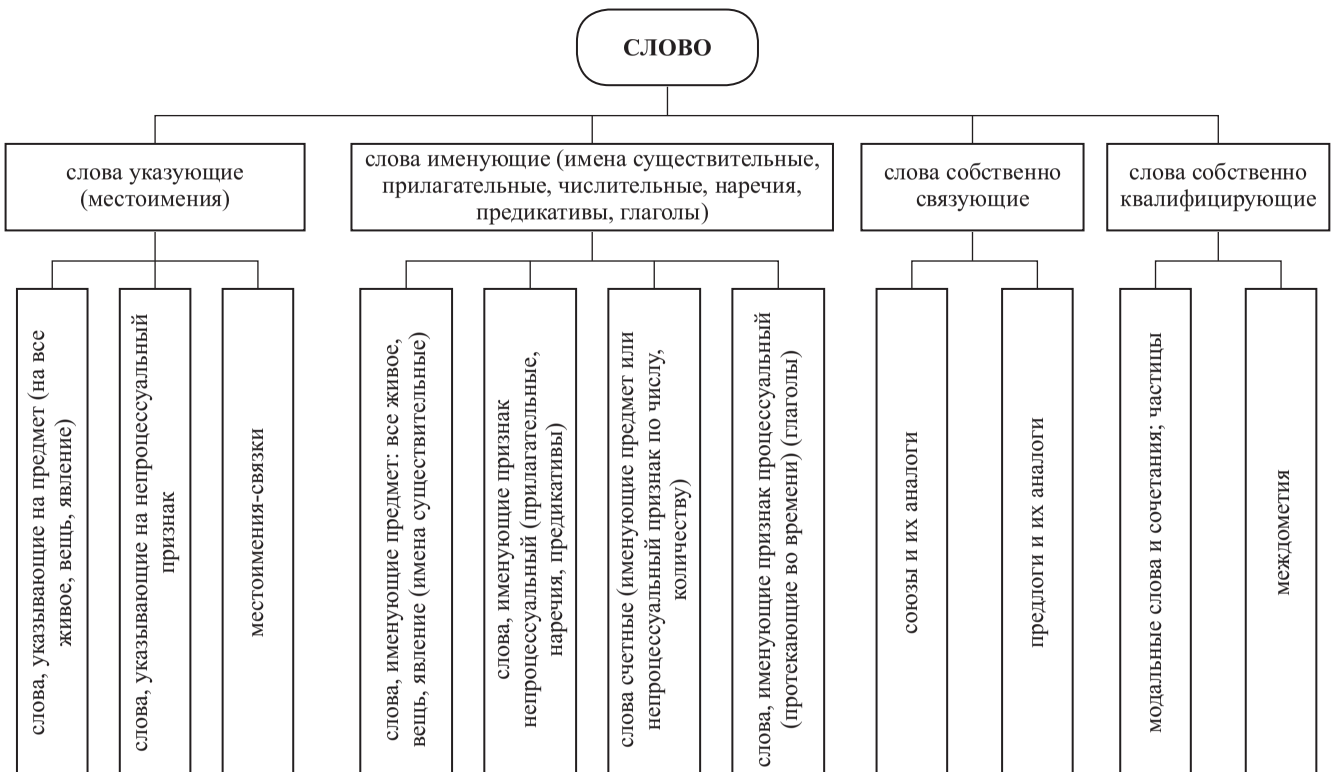
Теоретические основы словаря

§ 1. Теоретической основой словаря является положение, согласно которому словесный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: это достаточно четко очерченная целостность, состоящая из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определенным законам взаимодействующих друг с другом и в то же время подчиняющихся системе в целом. <…>

В основе концепции «Русского семантического словаря» лежит тезис, согласно которому данное самим языком деление всего словесного состава на части речи является исходным членением лексики: абстрактное значение части речи, выраженное в грамматических категориях и формах, представляет собой высшую ступень отвлечения от лексических значений всех тех слов, которые входят в данную часть речи и ее образуют. Все части речи русского языка (слова и равные им нецельнооформленные единицы) существуют в системе: 1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие, 3) слова

[1] Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. М., 1998.

Общая классификация лексики



собственно связующие — союзы, предлоги, связки и их аналоги, 4) слова собственно квалифицирующие — модальные слова и сочетания, частицы и их аналоги, междометия. К словам именующим, т. е. к таким, за лексическими значениями которых стоят понятия о предмете, признаке, состоянии или процессе, относятся имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, а также счетные слова. Слова указующие грамматически распределены по классам имен и наречий. См. схему № 1, стр. VIII.

Единицей, существующей в составе древа как самая малая его частица, является значение слова (словозначение): для однозначного слова это собственно его значение, для многозначного слова — одно из его значений, каждое значение в отдельности. Лексическое древо применительно к каждой части речи строится на основе исследования всего того массива слов, который представлен в современном толковом словаре среднего типа со значительными пополнениями из других толковых словарей и из разнообразных современных текстов; общее количество таких единиц в нашем словаре около 300.000 (трехсот тысяч). <…>

Лексический класс, входящий в ту или иную часть речи, является одним из составляющих лексической системы языка в целом. Сам класс, как и все его подмножества, связан с другими лексическими классами словообразовательно, семантически, через идиоматику. К числу характеристик лексического класса относятся: его внутреннее устройство, т. е. количество и объем подмножеств и характер их связанности друг с другом; собственная (внутричастеречная) грамматика; наличие собственного словообразовательного потенциала; наличие и характер того идиоматического «шлейфа», который тянется за теми или иными единицами данного класса; характер его открытости или закрытости, его отношения к новациям, переосмыслениям и утратам.

Таким образом, в «Русском семантическом словаре» строение лексической системы представлено в следующей иерархии понятий и терминов:

1) часть речи — макрокласс, каждый из которых в большинстве случаев членится на понятийные сферы, которые могут иметь свое собственное внутреннее деление;

2) лексический класс, располагающийся в пределах той или иной понятийной сферы рядом с другими подобными классами и имеющий вид древа, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом (словозначением), которое является семантической доминантой лексического класса;

3) лексические множества и подмножества — ветви древа, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение;

4) лексико-семантический ряд — конечная единица лексического древа, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся

в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности.

Такое строение лексики представлено в словаре в многоступенчатых классификациях (схемах), отражающих устройство части речи, принадлежащей ей понятийных (смысловых) сфер и входящих в эти сферы лексических классов. На страницах словаря членение класса доводится до лексико-семантического ряда; исключение в классификационном разбиении составляет представление таких конечных подмножеств, в которых с очевидностью присутствуют несколько таких рядов.

Конечное или предконечное подмножество не просто является подборкой близких по значениям слов: оно имеет глубокий познавательный смысл. Соединенные здесь слова открывают перед нами то, что можно назвать «картинкой жизни»: они именуют ее определенный, узкий участок, о нем информируют и его живописуют.

§ 3. <…> Предметом описания в «Русском семантическом словаре» является отдельное значение слова как единица, входящая в подмножество того или иного лексического класса. Однако слово в целом обычно имеет несколько значений: оно неоднозначно или потенциально неоднозначно. Существует глубинное сходство между строением лексического класса и семантической структурой многозначного слова: они сходны по своему устройству, по тенденциям развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса как макромира. Это объяснимо, так как и то, и другое представляет собой сложившуюся организацию значимых единиц одной и той же природы: многозначное слово существует как иерархически организованная система словозначений, лексический класс — как многоступенчатая система множеств, объединяющих такие значения … <…> существование однозначных слов не противоречит сказанному: любое слово всегда таит в себе готовность к семантическим модификациям, потенциал семантических сужений и расширений. <…>

§ 4. Элементарной единицей словарного описания в «Русском семантическом словаре» является лексическое значение слова. За значением стоит понятие: у именующих слов — это понятие о предмете (о живом существе, вещественной реалии, явлении), о признаке, состоянии или процессе; у слов указующих — понятие о любых данностях физического или духовного мира (об отвлеченных сущностях, предметах, процессах, признаках) как о том, что может быть означено не содержательно, а по признаку вычлененности из бесконечного множества подобных; у слов связующих — это понятие о том или ином виде отношения, зависимости между кем-чем-либо; у слов квалифицирующих — понятие об оценке, возможности выразить субъективное отношение к кому-чему-либо. Очевидно, что самый характер этих понятий очень различен и со строго философской или

логической точки зрения не каждое из них может быть названо понятием; однако сущностное различие между названными категориями слов состоит именно в различии их содержательного потенциала. Лексическое значение является языковой семантической категорией, материализованной в слове и его формах. <…>

Лексическое значение слова как объект словарного описания является той элементарной единицей, которая входит в конечный лексико-семантический ряд и — через его посредство — в общую лексическую систему класса, следовательно, в строение данной части речи в целом. Таким образом, в предлагаемом читателю словаре изучаются и описываются, во-первых, многозначное слово в его расчлененности на отдельные значения (в однозначном слове, следовательно, само его значение); во-вторых, само отдельно взятое лексическое значение; в-третьих, тот завершающий собою систему лексико-семантический ряд, который образуется входящими в него значениями и представляет конечную ветвь лексического древа; в-четвертых, само это древо во всей разветвленности его многоступенчатой организации.

§ 5. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и, внутри них, по множествам лексических значений, открывает перед читателями исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира. Эта картина оказывается трехсторонней. Во-первых, она открывает мир реалий, всего того, что познано и осмыслено носителями языка в пределах материального и духовного мира; такие реалии — всё живое, неживые предметы, всё принадлежащее к миру мыслей и чувств человека, качества и свойства, ситуации, разнообразные явления — предстают перед нами в тех естественных циклах и окружениях, в которых они существуют и соотносятся друг с другом. Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим: эта сеть соткана из слов, именующих такие связи и отношения, а также из слов, специально предназначенных для обозначения разнообразных связей и зависимостей. В-третьих, это картина оценок, оценочных характеристик, разлитая по разным лексическим классам и открывающаяся через разнообразные словесные множества. Спецификой словаря как лексикографического произведения обусловлено то, что мир реалий в нем оказывается представленным также и специальной терминологией, которая, как правило, выходит за пределы наивного видения мира; однако в тех случаях, когда такая терминология входит в общее употребление, она естественно находит свое место в соответствующих лексических группах. Картина мира, представленная семантическим словарем, принципиально отличается от той, которую рисуют словари идеографические — идеологические, полевые, понятийные, ассоциативные. Такие словари строятся «от понятий», по-разному собранных и представленных лексикографом; этим всегда объясняется неполнота таких описаний и условность в самом

упорядочении их материалов. Структура «Русского семантического словаря» опирается на саму природу языковых множеств, их строение: здесь осуществлена попытка представить это строение с той полнотой, которая определяется избранным кругом лексикографических лингвистических источников.

Вопросы

1. Каковы теоретические основы словаря?
2. Как организована лексическая система русского литературного языка?
3. Как эта система отражается в семантическом словаре?
4. Что является предметом (единицей) описания в семантическом словаре?
5. Почему такая кажущаяся атомарность не противоречит замыслу авторов отразить не только лексическую систему языка, но и языковую картину мира?

Вопросы и задания к разделу

1. Найдите в Идеографическом словаре О. С. Баранова, Русском семантическом словаре Ю. Н. Караулова, Русском семантическом словаре Н. Ю. Шведовой и Толково-понятийном словаре А. А. Шушкова слова *брак*, *дефект*, *изъян*, *минус*, *недостаток*, *недочет*, *порок*, которые по данным словарей синонимов входят в один синонимический ряд.
2. Учитывая место указанных слов в структуре каждого из словарей и их описание в словарной статье, дайте характеристику названных словарей, ответив на следующие вопросы.

О. С. Баранов.
Идеографический словарь русского языка
(М., 1995)

1. Какова макроструктура Словаря? Познакомьтесь с его оглавлением. На основе какого принципа выделены отделы, разделы и подразделы Словаря?
2. Имеется ли в Словаре алфавитный указатель всех слов, находящихся в словарных статьях? Как можно найти в нем нужное слово?
3. В каком отделе и разделе вы нашли указанные слова? Какие слова входят в этот подраздел? Сколько их? Как они организованы?
4. Относятся ли слова к одной или разным частям речи? Почему?
5. Даются ли в статье толкования значений слов?
6. Имеются ли в статье иллюстрации?
7. Докажите, что Словарь относится к типу идеографических словарей (тезаурусов).

Ю. Н. Караулов
Русский семантический словарь
(М., 1982)

1. Какое слово из этого синонимического ряда является дескрипто-

ром (заголовком словарной статьи)? Каковы его семантические множители?

Какие слова входят в словарную статью? Есть ли среди них слова из указанного синонимического ряда?

3. Приводятся ли в статье толкования значений?
4. С каким значением лексемы *порок* соотносится большинство слов, входящих в статью? Отражается ли его многозначность в составе этой группы?
5. Можно ли назвать эту группу слов синонимическим рядом, тематической или лексико-семантической группой?
6. Имеются ли в Словаре другие статьи, дескрипторами или членами которых являются слова *недостаток*, *дефект*, *изъян*, *недочет*? Можно ли установить наличие слова в Словаре, если он не является дескриптором?

Обоснуйте отнесение данного Словаря к типу идеографических или семантических.

Н. Ю. Шведова
Русский семантический словарь
(Т. 3. М., 2003)

1. В Приложении 1 (Словоуказатель) вы обнаружите, что интересующие нас слова в совокупности встречаются на с. 174, 199–200. О чем это свидетельствует?
2. В какую семантическую группу (с. 174) входят эти слова? К какому множеству в семантическом древе относится эта группа?
3. Какие еще слова входят в эту группу? Можно ли их считать синонимами? Почему? Что их объединяет?
4. В какое семантическое множество и в какую семантическую группу (с. 199) также входят слова *брак*^{2}, *дефект*, *изъян*, *недостаток*, *порок*? Что объединяет их с другими членами этой группы?
5. Почему одна и та же лексема входит в разные семантические группы? Отражением каких системных связей это обусловлено? Если бы в Словаре не было алфавитного указателя, как можно было бы найти в нем интересующие вас слово?
6. Имеются ли в Словаре толкования значений?
7. Дается ли стилистическая характеристика лексем?
8. Имеются ли иллюстрации, каков их характер?
9. Какие еще элементы словарной статьи вы обнаружили?
10. К какому типу относится этот словарь? Чем он отличается от идеографического (например, Словаря О. С. Баранова)?

А. А. Шушков
Толково-понятийный словарь русского языка
(СПб., 2008)

1. Как можно найти в Словаре интересующее вас слово?

2. Сколько групп слов выделено в словарной статье ПЛОХО́Й? Что они собой представляют?
3. В какой группе находятся интересующие нас слова? Каким общим значением они объединены? Являются ли они синонимами? Можете ли вы сформулировать различие в их семантике, если они есть?
4. Все ли слова, входящие в ту или иную группу, имеют толкование значений? В чем особенность толкований, принятых в этом словаре?
5. Как вы можете судить о значении тех слов, которые не толкуются в Словаре? Достаточно ли для этого иллюстраций, как считает автор (см., например, в этой же статье слова *аляповатый*, *поганый*, *дефект*, *халатный* и др.)?
6. Дается ли в Словаре эмоционально-экспрессивная и стилистическая характеристика слов?
7. Дайте оценку иллюстрациям.
8. Почему Словарь назван толково-понятийным?
9. К какому типу относится Словарь А. А. Шушкова?

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Г. А. Богатова

Историческая лексикография как жанр[1]

Теория и практика исторической лексикографии в последнее время стремительно перемещаются из периферийных областей к центру, к месту решения наиболее сложных общелингвистических проблем, касающихся истории каждого языка. Не удивительно, что среди тех, кто сейчас работает над крупномасштабными проблемами этого плана, мы все чаще встречаем имена лексикографов. Все они, как правило, связаны с созданием словарей исторического цикла: этимологических (историко-этимологических), исторических, диалектных.

<…>

В науке сейчас сложилось положение, когда решение многих <…> общетеоретических вопросов можно поставить в определенную зависимость от времени завершения наиболее крупных комплексных лексикографических предприятий исторического цикла.

Для трех названных выше лексикографических направлений, трех жанров, занимающихся проблемами истории лексического состава, наметились свои наиболее эффективные точки приложения сил, обеспечивающие в целом всесторонний подход к истории слова, широкий языковой фон и «прочтение» истории слова с той мерой подробности, потребность в которой может возникнуть у разных категорий обращающихся к словарям специалистов.

Этимологическая лексикография относится к жанру с наиболее старыми традициями. <…> Этимологическая лексикография реконструирует исходные формальные и семантические слагаемые корня, анализирует его селективные свойства (избирательность сочетания с аффиксом), т. е. в этимологической лексикографии преобладает структурно-генетический подход к описанию истории

[1] Вопросы языкознания. 1981. № 1. В теории лексикографии понятие жанра не имеет строго научного определения. Используемое автором словосочетание «жанр словаря» соотносится с более терминологически определенным обозначением «тип словаря» [*примеч. сост.*].

слова. <…> В современной этимологической лексикографии более значительное место стал занимать момент семантической реконструкции.

<…>

Назначение **диалектной лексикографии** — фиксировать разнообразные региональные характеристики (фонетические, морфологические, семантические), территориальную, а для историко-диалектных словарей и стратификационную локализацию слова.

<…>

Историческая лексикография ограничивает свой круг наблюдений за историей слова письменным периодом (или той или иной его частью). В ее поле зрения попадают процессы, связанные с письменной формой бытования слова, с особенностями письменной культуры вообще, с историческими особенностями сложения и функционирования данной письменности. Именно это и определяет специфику жанра.

<…>

Южнославянские и византийские лексические элементы, распространявшиеся с книжной церковной культурой в восточнославянской среде, вступали во взаимодействие с однокоренными лексическими элементами восточнославянской книжно-письменной культуры и народно-разговорной стихии, и потому, например, проблема дублетных форм (*ночь* и *нощь, речи* и *рещи*) составляет специфику русской исторической лексикографии при решении вопроса об объеме лексикографического слова. Уловить семантическое и стилистическое расслоение дублетных единиц и превращение их в самостоятельные лексикографические слова (*мочь* и *мощь, вредъ* и *вередъ*) входит в задачи исторических словарей (чаще всего диахронических, с широкими хронологическими рамками). Те же процессы наблюдаются и в судьбах заимствований.

<…>

Историческая лексикография <…> в описании истории слова делает акцент на предметно-семантическом подходе с выдвижением в центр вопросов функционирования слова в письменности и в языке в целом (общефилологические словари).

Письменная форма бытования слова позволяет проследить и документировать в словарях разных типов (общефилологических или специальных: терминологических, грамматических и пр.) различные стороны жизни слова: сложение фонетического и графического его облика, эволюцию парадигмы форм, процессы семантического развития. В лексикографическом описании могут быть учтены стратификационные, типологические, региональные, частотные и др. характеристики развития слова, в зависимости от того, как, с какой целью производились извлечения из памятников пись-

менности (одного периода, одного жанра, одной территории, преобладала ли выборочность или сплошная фиксация всех встречаемостей и т. д.).

Общефилологические (неспециальные) словари имеют более широкий круг задач. Лексикограф в них по возможности полно инвентаризирует всю лексику языка, при описании структурно или семантически сходных слов он вычленяет общее в их развитии, т. е. по существу в первом приближении систематизирует лексику языка, документируя эту систематизацию. Так как «исторический словарь — не только описание языка в исторической длительности, но и взгляд на язык как на образованный из ряда последовательных состояний, изучаемых в связи с эволюцией каждого, слова», то такие словари дают лингвистической науке материал для суждений о связи языковых явлений с развитием общества, о формировании языкового самосознания и языковой культуры носителей определенного этнического коллектива. В исторической лексикографии сложилось два способа описания языкового развития: диахроническое описание (в словарях с широкими хронологическими рамками) и описание по синхронным срезам или периодам, условно принимаемым за один синхронный срез.

Диахронические словари, нижней границей которых является начало письменного периода, тяготеют к воссозданию в том или ином объеме (преимущественно контурно) истории слова с генетическим принципом расположения значений в словарной статье, нередко и с экскурсом в этимологию.

Словари синхронных срезов, обычно более подробно воссоздающие динамику в функционировании слова, могут иметь и другой принцип расположения значений в пределах словарной статьи.

Сложен и чрезвычайно актуален (если не сказать болезненен) для словарей исторического цикла вопрос об объеме отражения истории слова, об объеме словаря.

<…>

Работы по созданию общефилологических словарей, дающих нам карты языка разных масштабов, очевидно, необходимы для исторической лексикографии языков с развитой письменной культурой[1].

<…>

[1] Нуждается в оживлении и поддержке работа по созданию специальных и учебных исторических словарей. Для историков языка, историков культуры, социально-экономических и правовых отношений важно было бы продолжить работу по описанию тематических групп лексики (например, словарь древнерусской метрологической лексики, словарь лексики пушного промысла, словарь древнерусских названий минералов и т. п.). Есть нужда в словарях учебно-справочного назначения, представляющих собой монографическое описание определенных разрядов лексики, в том числе грамматических категорий. Например, словарь древнерусских служебных слов, словарь глагольных форм XI — XVII вв., словарь форм сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий и т. д.

Современная историческая лексикография должна совершенствовать и методику описания истории слова, и структуру словарной статьи. Важно зафиксировать слово вообще, важно установить «нижнюю» и «верхнюю» границы фиксации слова и отдельных его значений, сделать его историческую проекцию. Но это не всегда выглядит достаточно убедительно в словарной статье с линейными средствами расположения значений, если не понять условности некоторых приемов, не понять типичных ситуаций, с которыми сталкивается историк-лексикограф при работе с материалами памятников письменности. Например, не все моменты, существенные для воссоздания истории слова, представлены в письменности в реальной хронологической последовательности. Часто значения корня, более близкие к этимологическому, представлены лишь поздними свидетельствами или выявляются лишь в некоторых периферийных производных корня. Ср.: ***лукавый*** [(988): *Очи убо непричастны да будуть... лукаваго зрѣниа*; (1015): *Князи правьдиви... и лукави бываютъ*; (1057): *лукавыи рабе* (δοῦλε εονηρέ)] «дурной; склонный к дурному, к хитрости, предательству, т. е. изворотливый, легко изменяющий обещанному». Контексты же, относящиеся к прямым физическим свойствам, более поздние: *лукавые норы* (извилистые) 1385 г., а *лукавый дубъ* (с изгибами, ответвлениями), *лукавая змея,* извивающееся существо которой уподобляется «вилавому» характеру — XVII—XVIII вв. Таким образом, в исторической лексикографии имеет место абсолютность факта фиксации и относительность его хронологизирования.

Ситуация утраты первичного значения у опорных, высокочастотных слов оказывается довольно частой. Слово *глазъ* известно в русской письменности в значении «орган зрения», но некоторые его производные сохраняют отношение к утраченному, этимологически первичному (номинационному) значению «камень, камешек-окатыш; отшлифованный водой камень; шлифованное стекло; шарик, бусинка; игральная кость». ***Глазки*** (1114): *Находять дѣти... глазкы стекляныи... подлѣ Волховъ беруть, еже выполаскываеть вода*. Ипат. лет., 277. *Наложи на нос да гляди в глазки. Безъ глазков тебѣ не видеть.* Псков. разгов., 185. 1607 г. — Ср.: *Трои очки хрустальные.* Кн. расх. Ивер. м., № 24, л. 64. 1664 г. ***Глазенцы****: Да купити ему глазенцовъ багровыхъ крупныхъ.* Ревел. а. I. 83. XVI в. Более того, подобно чистоте драгоценного камня, прозрачность которого определяется через сопоставление с водой (камень чистой воды, камень темной воды: *Камень яхонтъ черчятъ или синь... смотри чтоб вода чиста.* Торг. кн., 10. XVII в. ~ XVI в.), недостатки, изъяны органа зрения, видимо, не случайно долго определялись через такое же сопоставление: *У Ортюшки подошла темная вода и отъ того онъ мало видитъ.* Мат. медиц., 312. 1666 г. *У стрѣльца Ивашки... болѣзнь: глазами видить худо для того что подступила темная вода.* Там же, 1101. 1679 г. Интерпретация такого материала требует знания истории духовной и материальной культуры, истории реалий дан-

ного народа, подводит вплотную к проблеме реконструкции случайно не нашедших отражения в письменности слов и значений (есть *кожемячий, кожемяцкий* — нет *кожемяка!*), хотя методика эта в исторической лексикографии не разработана и пока исключается из лексикографической практики или применяется в очень ограниченном числе случаев, например, в связи с проблемой тождества слова. В проблеме тождества слова ищут гармонического сочетания и моменты реконструкции, без которых нарушится непрерывность в развитии слова, и относительность хронологизации.

В словарях исторического жанра, особенно диахронических, написание слова может иметь значительные колебания, большое количество вариантов (сильных и слабых), связанных как с преобразованием морфем в ходе фонетических и морфологических процессов, действовавших в восточнославянском языке XI — XII вв., так и с типичными для русского языка комбинаторными изменениями в потоке речи, с изменениями орфографической традиции. Каждый раз словарник решает вопрос, имеет ли он дело уже с новым словом или с одним из его вариантов (*вервь* и *веревь, мастеръ* и *мастырь, острый* и *вострый, отчина* и *вотчина* даются в разных словарных статьях, а *вычесъ* и *вычесь, байна* и *байня* — в одной, так как их производные зачастую трудно с уверенностью отнести к той или иной форме слова).

<…>

Историческая лексикография нашего времени <…> пользуется рядом условных приемов. По инициативе А. И. Соболевского в 1925 г. при Академии наук продолжили работу, начатую И. И. Срезневским, по сбору материалов для новых словарных начинаний. Под руководством Б. А. Ларина были значительно расширены хронологические рамки описания языка. Картотека ДРС[1], предназначавшаяся первоначально для нескольких словарей разных периодов, стала фундаментом для единого диахронического словаря, и уже при раскладке ее материалов возникла проблема тождества слова, выделения картотечного заголовка, так или иначе организующего и будущий словарь. Материалы XV — XVII вв. доминировали в Картотеке, и это нужно считать не недостатком выборки по ранним векам, а отражением естественного процесса развития языка, расцвета и разнообразия письменных жанров, роста лексических богатств. За основное условно было принято написание слова, представленное в конце охватываемого будущим словарем периода.

<…>

Жанр исторической лексикографии призван инвентаризировать лексику, лексические сочетания разной степени устойчивости, фразеологический материал и документировать выделяемые лексикографические единицы. При описании лексики мо-

[1] ДРС — Древнерусский словарь.

менты сходства семантического, логико-понятийного планов отдельных слов, тематических групп, структурно близких классов слов, моменты сходства в их функционировании и развитии предполагают однотипность квалификации, соразмерность и соотносимость иллюстрации. Органической частью исторической лексикографии, таким образом, является стремление систематизировать лексику и отразить динамичность лексики как системы систем.

Исторические словари разных типов, опираясь на исследования историко-лексикологического характера, сами призваны дать материал, создать базу для дальнейшего развития исторической лексикологии. Они содержат отчасти и сведения о грамматических, морфологических и фонетических изменениях слов и потому могут служить и для познания истории языка в целом. В какой-то мере словари исторического жанра должны служить справочным пособием также и для воссоздания истории духовной и материальной культуры носителей данного языка. Разрешение этих задач, стоящих сегодня перед исторической лексикографией, в конечном счете, возможно лишь в тесном контакте с другими жанрами лексикографии.

Определившиеся три направления, три жанра словарей исторического цикла —этимологическая, историческая и диалектная лексикография — научно активны и уже сегодня дают в какой-то мере систематизированный материал для исследований и научных обобщений в области истории языка, сравнительно-исторического языкознания.

<…>

Вместе с тем продолжается работа по совершенствованию жанров, более полному использованию их возможностей. Отрабатываются в каждом жанре методы исследования и способы фиксации различных аспектов истории слова, уточняются задачи, стоящие перед жанром (и исполнимые на данном этапе), создаются новые, более компактные типы словарей, учитывающие возможность взаимодействия жанров при некоторой синхронности в подготовке и издании словарей. Из периферийных становятся актуальными также вопросы теории исторической лексикографии: тождество слова, его границы в диахронии, хронизм и историзм в подаче слова (что предпочтительнее: общий диахронический словарь или серия исторических словарей по синхронным срезам), генетический принцип в освещении истории слова и его реализация в исторических словарях одного синхронного среза и в диахронических словарях, эволюция языковых состояний и языковое тождество (как вопрос о том, насколько широки могут быть рамки исторического словаря одного языка), подача системы лексики через словарь, какой тип словаря (тезаурус? полный? сводный? дифференциальный?) должен быть преобладающим для жанра и многое другое.

Вопросы

1. Какие типы (жанры) словарей автор относит к историческому циклу?
2. Как соотносятся с историей языка задачи, которые решают этимологические и диалектные словари?
3. В чем специфика собственно исторических словарей (по сравнению с этимологическими и диалектными)?
4. С какими трудностями сталкиваются составители исторического словаря? В чем их причины?

Б. А. Ларин

Проект древнерусского словаря
(принципы, инструкция, источники)[1]

1

<…> Словарь древнерусского языка XV — XVIII вв. — большое и ответственное начинание ИЯМ[2] в этой области.

В академических кругах план древнерусского словаря обсуждается со второй четверти XIX в. Сто лет уже стоит на очереди составление этого словаря.

«Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» акад. И. И. Срезневского (т. I–III, СПб., 1890 — 1912) наполовину осуществили эту задачу. В этом словаре, как известно, почти с исчерпывающей полнотой представлен лексический материал древнейшей русской письменности с XI до XV в. Но наиболее важный для истории русского национального языка период с XV по XVIII в. в словаре акад. Срезневского не отражен, так как памятники этого времени им были использованы лишь случайно, в очень малом количестве. Вполне удовлетворительно представлена в словаре акад. Срезневского лексика церковнославянского языка русской письменности высших классов общества раннего феодализма, но не отражены в нем диалекты остальных классов той эпохи, так как они проникают в письменность позже. Только в XVII в. на основе диалектов купечества, посадских людей, мелкого служилого дворянства и крестьянства, создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Обследование и разъяснение лексики именно этого периода (XVI–XVIII вв.) даст историческое освещение основному составу словаря современного

[1] *Ларин Б. А.* Проект древнерусского словаря: принципы, инструкция, источники. М.; Л., 1936.

[2] ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР (находился в Ленинграде).

русского языка. В силу сказанного мы не видим оснований называть его словарем среднерусского языка. Именно этот словарь даст д р е в н е й ш у ю д о к у м е н т а ц и ю основной, важнейшей части лексики русского литературного языка, следовательно, он и должен быть назван Древнерусским словарем.

<…>

Научное значение ДРС будет несомненно велико.

Установление состава слов и их значений в русском языке XV — XVIII вв. даст надежное средств для точной научной интерпретации текстов, — средство, необходимое для филологов и историков. Значительное количество хронологически определенных текстуальных примеров, сравнительные языковые материалы дадут важное пособие для лингвистических исследований. Наконец и историки материальной культуры Московской Руси получат важный сборник языковых источников, мало известных и еще меньше использованных в их работах. О большом учебном значении ДРС и говорить не приходится, он послужит широкой популяризации научных сведений по истории языка и культуры наших средних веков. <…>

И научная история русского языка, и история европейских, а еще более история восточных языков в средние века — получат новую базу и важный стимул для работы с выходом ДРС. Связи и взаимоотношения между языками Запада и Востока, Юга и Севера, Европы и Азии получат новое освещение, так как Московская Русь была посредником и трансформатором мировых культурных течений. Эти взаимоотношения не могут быть широко изучены, пока нет такого необходимого справочника и сборника критически обработанных материалов, как исторический словарь средневекового русского языка, освещающий историю вещей, историю понятий вместе с историей слов-знаков.

<…>

3

Мы не только выдвигаем, но и реализуем в работе тезис что русский язык XV–XVIII вв. не представлял единой системы, одного языка, что было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов, более резко различавшихся, чем в последующее время. <…>

Первым и важнейшим отличием ДРС и будет расширение этих узких рамок, включение новых и н о в о г о р о д а материалов. <…> Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей — «посадские люди» до XVII в. не имели своей литературы и почти не участвовали в создании памятников письменности. Но в XVII в. они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка, который очень заметно влияет на старый «высокий» тип.

Промежуточным звеном между языками правящих и порабощенных классов в XVII–XVIII, а отчасти еще и в XIX в., был язык дело-

вой, приказный, канцелярский. До сих пор историки русского языка отличали деловой язык как «чисто русский» от собственно литературного, как церковнославянского. Оба эти типа обычно рассматривались как выдержанные, цельные языковые системы. Но мы не можем уже удовлетвориться таким огульным и неточным суждением. И церковнославянский язык менялся со временем, существенно различался по жанрам. А «деловой язык» при более проницательном изучении оказывается еще менее однородным на протяжении почти тысячелетней феодальной эры. Его формы в XI–XIV вв. одни, уже несколько иные в XV–XVI вв., существенно изменяется состав и строй этого языка в XVII в., когда можно говорить о «приказном» языке в собственном смысле слова; наконец в XVIII–XIX вв. образуется новый тип бюрократического «дипломатического» языка, который оказывает очень сильное воздействие на остальные типы литературного языка (как и приказный язык в XVII в.). До сих пор лингвисты почти не изучали деловой язык. Углубленное исследование всех этих форм его — одна из важнейших задач нашей истории русского языка. ДРС должен подготовить надежный материал — богатый и научно дифференцированный — по лексике делового языка, ярко отразившего все основные социальные диалекты феодальной эпохи. Здесь мы находим и специальную лексику, профессиональную терминологию и — в несколько меньшем объеме — бытовую лексику различных диалектов. Наши интересы и требования к изучению делового — приказного — канцелярского языка иные, чем прежде, и потому мы находим в нем гораздо больше, чем прежде, драгоценных данных для истории русских социальных диалектов.

В нашем словаре будет представлено с большой тщательностью все, что удалось найти в рукописных собраниях и изданных источниках для характеристики языка посадских и языка крестьян и языка появляющейся в XVII–XVIII вв. городской бедноты.

С этой же целью, кроме рукописных и печатных источников, мы будем широко привлекать данные диалектологии XIX в. по крестьянским и мещанским говорам. Из диалектологических материалов будем брать прежде всего то, что имеет соответствие в древнерусских письменных источниках, но также и некоторый дополнительный материал, какой по данным истории хозяйства и общества может быть уверенно отнесен к более ранним эпохам.

Как ни кажется инородным, «несовместимым» этот материал, необходимость включения диалектологических дополнений для нас совершенно очевидна и неоспорима. Давно уже история русских форм и звуков строится на данных диалектологии в такой же мере, как на данных письменности. Меньше всего это расширение базы истории языка коснулось лексикографии. Но несомненно, что без диалектологических материалов нельзя дать правильного и сколько-нибудь полного представления и об истории слов в разных классах общества, нельзя дать исторической перспективы и дина-

мического изображения развития значений полисемантических слов, нельзя верно объяснить это развитие. Без диалектологических параллелей ДРС имел бы тот же основной дефект, что и дореволюционные исторические словари, — он отражал бы только незначительную, хотя и важную часть лексического состава древнерусского языка, только словоупотребление боярства, дворянства и духовенства.

Вторая особенность нашего словаря, прямое следствие первой, — дифференцировка языкового материала по социально-стилистическим признакам посредством особых помет. Не забывая ни на минуту о борьбе языков, борьбе за язык в ту эпоху, мы будем искать в истории памятников и в самой семантике слов, в их стилистическом использовании — отражения этой языковой борьбы и приурочения определенных значений и употреблений слова к классовой среде. С этой точки зрения мы проясним и откроем такие смысловые различия слов, какие оставались неуловимыми или казались несущественными для сторонников теории монолитности русского языка в средневековом периоде. Это чрезвычайно трудная задача, и только объединенными усилиями — вместе с литературоведами и историками — мы надеемся приблизиться к ее решению.

4

Третья новая задача — расширить и пополнить узко филологическую обработку материала (какая только и предполагалась при начале работы над ДРС) экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства, общественного строя и истории мировоззрений русского средневековья.

И это тоже очень ответственное и трудное дело. Оно также не может быть осуществлено одними филологами-лингвистами. Эта задача требует вовлечения в работу над ДРС специалистов по русским древностям, быту, материальной культуре, искусству.

Не говоря об отсутствии у нас удовлетворительных справочников по «русским древностям» и об огромном интересе такой работы, мы сознаем методологическую необходимость нераздельного изучения языка и реалий, языка и идеологий. Только такой комплексный словарь, составленный силами лингвистов, литературоведов, историков и искусствоведов, по достоинству может называться историческим словарем древнерусского языка.

В связи с этим расширением задач ДРС стоит и необходимость включения иллюстраций.

<…>

Задачи, намеченные нами для ДРС, очень трудны. Борьба за решение их повысит качество работы, и мы достигнем своей цели, если найдем поддержку в широких научных кругах.

Едва ли можно сомневаться, что мы получим эту поддержку.

Большой коллектив специалистов по языку и культуре позднего феодализма в России может создать исторический древнерусский словарь высокого научного качества и широкой доступности, труд актуальный и достойный своей страны и эпохи.

Вопросы

1. Какие задачи должен был решить Древнерусский словарь?
2. Каковы хронологические рамки предполагаемого Древнерусского словаря?

Словарь русского языка XVIII в.

Проект[1]

Ю. С. Сорокин

Глава I

Общие принципы словаря. Хронологические границы описания. Источники словаря. Состав словника

1. Общие принципы Словаря и его предмет

Словарь языка XVIII в. является историческим в обоих значениях этого определения: 1) он объединяет и объясняет слова и выражения, принадлежащие одному из прошлых состояний русского языка; 2) в границах, доступных для лексикографического издания, он представляет динамику форм языкового выражения в установленных хронологических пределах, их развитие в данный исторический период, а также складывавшиеся в рамках этого периода типические отношения отдельных элементов лексической системы.

1.1. В отличие от ряда других русских исторических словарей Словарь охватывает лексические материалы относительно ограниченного периода времени. Этот период составляет, однако, определенный этап в историческом развитии русского языка.

1.2. По основному внутреннему содержанию избранный для описания в Словаре период развития русского языка можно определить прежде всего как время постепенного сложения единой литературно-языковой нормы на национальной основе. По его основному харак-

[1] Словарь русского языка XVIII в.: проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

теру состояние русского языка в это время следует определить как переходное. В своем исходе оно непосредственно примыкает к предшествующему состоянию русского языка (XVII в.), воспринимая от него характерные особенности двуязычия (в плане расхождений между народно-разговорной и письменной речью и в плане сосуществования двух различных письменных традиций, двух типов письменно-литературного языка)[1]. Новые факторы социально-культурного характера (распространение просвещения в его общеевропейских формах, усиление процесса государственной централизации, развитие литературы в новых ее жанрах и стилях и т. д.) стимулируют процессы смешения и взаимодействия унаследованных письменно-языковых типов, значительного пополнения и обновления состава языка, изменения характерных для него типовых структур и развития новых стилей языкового выражения. Окончательное сложение единой литературно-языковой нормы, полное стирание генетических различий двух типов книжного языка и связанное с этим объединение и семантико-стилистическая дифференциация форм различного языкового источника лежат уже за пределами описываемого периода. Таким образом, состояние русского языка в XVIII в. можно характеризовать, во-первых, как процесс становления общих норм литературного языка, обновления и пополнения его состава, складывания и трансформации типичных для него синонимических рядов, фразеологических связей и функционально-стилистических подразделений; во-вторых, как длительное (и в отдельных случаях затяжное) сохранение в чистом или пережиточном виде старых системных отношений и структурных особенностей.

<…>

2. Предмет описания

<…>

2.1. Исторический словарь в первом значении этого термина является по существу словарем языка дошедшей до нас от прошлого совокупности текстов. <…> Предмет описания в данном случае — прежде всего письменный язык. Разговорная форма языка может быть учтена только в пределах своего специфического, неизбежно фрагментарного отражения в памятниках письменности и литературы.

<…>

2.4. Невозможность построения Словаря как словаря нормативного с проводимым в нем последовательным отбором однородных в плане нормы или регулярно соотнесенных в стилистико-функцио-

[1] Имеется в виду книжно-славянский язык — позднейшая редакция церковнославянского языка, обслуживавшая в XVII и первой трети XVIII в. различные жанры письменности (научные книги и учебники, школьные драмы, вирши, исторические сочинения, переводы технических книг и др.) и русский язык [*примеч. сост.*].

нальном плане единиц определяется: а) сосуществованием (очевидным для первой трети века) двух различных типов письменно-книжного языка, отличающихся как по своему лексическому составу, так и по ряду существенных структурных характеристик; причем эти две особые традиции письменного языка не выступают изолированно и не сосуществуют параллельно, но смешиваются и взаимодействуют; б) отсутствием во многих случаях вполне определенных общих норм употребления также и в ходе дальнейшего процесса устранения двуязычия и нивелирования противопоставленных типов письменного языка (сосуществование различных социально-групповых узусов и литературно-стилистических школ; нередкое отсутствие нормативной регламентации даже в пределах одного речевого контекста и как следствие этого слабая семантико-стилистическая дифференциация близких по смыслу слов и сочетаний); в) неоднократными задержками в речевом употреблении века форм пережиточного характера, попытками возврата к архаической традиции словоупотребления; г) отсутствием вполне отчетливых и устойчивых границ между кодифицированными и некодифицированными формами речи, свободным обращением во многих случаях к узусу разговорной речи, стихийными вторжениями просторечия и диалектальных элементов, а также слов иноязычного источника. В этой исторической ситуации предмет описания в Словаре не может быть определен как литературный язык в современном его понимании, т. е. как язык, представляющий общеобязательную и строго регламентированную совокупность норм. Соответственно состав источников Словаря не может быть ограничен кругом собственно литературных памятников, предлагающих образцы такого употребления.

2.5. Предмет описания в Словаре можно определить как язык памятников русской литературы и письменности XVIII в., понимая под литературой совокупность памятников различного рода (литературно-художественных, публицистических, научных, деловых — законодательно-юридических, дипломатических, информационно-технических и т. д.), язык которых носит на себе следы сознательной упорядоченности и обработки, связанной с определенным целевым назначением их, а под письменностью — совокупность памятников, характеризуемых более непосредственной и стихийной фиксацией речевых контекстов обиходно-бытового и информационно-делового характера.

<…>

2.7. <…>Язык русской литературы и письменности XVIII в., при всей общности его характеристик и внутренних связях между отдельными его элементами, не может быть признан языковой системой, вполне подобной той, которая отчетливо выявляется в период окончательного сложения национальной нормы литературного языка. На протяжении века отдельные нормы и отношение различных элементов системы меняются и модифицируются <…>. Интенсивный характер пополнения лексического состава на протяжении всего

периода при не менее характерной для всего века склонности различных социальных кругов к сохранению в употреблении традиционных, уже устаревающих элементов состава (как славянизмов, так и просторечно-разговорных) определяет зыбкость отдельных звеньев системы, часто сложный и неоднозначный характер системных отношений, ведущий к проявлениям языковой избыточности и недостаточной дифференциации по смыслам и функциональной закрепленности отдельных элементов словарного состава.

<…>

3. Хронологические границы материалов Словаря

<…>

Постоянные столкновения тенденций речевой консервации и инновации, типичные для данного периода, создают особые трудности при определении хронологических пределов для данного Словаря.

3.1. Для Словаря в качестве наиболее целесообразных временны́х границ фиксируемых в нем лексико-фразеологических материалов признаны: 1695 — снизу и 1803–1805 гг. — сверху.

3.2. Приурочение нижней границы к 1695 г. мотивируется тем, что это — время начала самостоятельного правления Петра I, время выхода на историческую авансцену нового поколения государственных и общественных деятелей. Имеется в виду, что Петр и его ближайшее окружение проводили и определенную языковую политику, что речевой узус этого нового поколения деятелей в ряде отношений существенно отличается от речевых навыков предшествующего времени и что он оказывает влияние и накладывает отпечаток на языковое употребление в разных сферах литературы и письменности, особенно в сфере письменности деловой.

<…>

3.3. Принятие в качестве верхней хронологической границы первых трех-пяти лет XIX в. является более условным. По существу многие характерные особенности литературного употребления XVIII в. распространяются в разной степени и на первые два-три десятилетия XIX в. Узловые вопросы литературно-языковой нормы (соотношение заимствованных слов и русско-славенских, собственно русских и славенских, книжного и просторечно-разговорного) окончательно разрешаются в пушкинское время и примыкающие к нему годы (вторая половина 1820-х — 1830-е годы).

<…>

4. Источники Словаря

Основным принципом в отборе источников Словаря, в соответствии с исходными его задачами, признается невозможность ограничения их памятниками одного только типа языка, одного жанра

литературы (письменности), одного слога (одной стилевой разновидности). Привлекаются разнообразные типологически, в жанровом и стилистическом отношении, а также по своему функциональному назначению и тематической ориентации памятники письменности и литературы.

4.1. Обширность круга известных памятников XVIII в. предполагает отбор источников для Словаря. Среди источников Словаря будут представлены: 1) тексты, относящиеся к различным жанрам литературы и письменности; 2) произведения всех выдающихся представителей русской литературы и культуры этого времени; 3) произведения, относящиеся к различным литературным направлениям и школам; 4) произведения и документы, вышедшие из различных социальных сред. Выбор источников в основном производился из изданий, осуществленных в XVIII в. Позднейшие публикации (XIX–XX вв.), особенно при отсутствии более ранних, привлекались с учетом их авторитетности.

<…>

4.2. При формировании картотеки Словаря избранные для него источники подвергались лексикографической выборке трех типов: 1) *сплошной* (для относительно немногих источников), с охватом всех словоупотреблений в пределах избранного текста, 2) *исчерпывающей* или *полной* с учетом всех случаев особого употребления каждого из отдельных слов текста, но без полного охвата повторяющихся, идентичных словоупотреблений в пределах данного памятника, 3) *частичной* или *специальной* с учетом лишь отдельных групп лексики или разрядов словоупотребления, представленных в памятнике (напр., выборка специальной терминологии или номенклатуры из произведений делового или научного характера, а также тематические выборки — лексических новообразований, славянизмов, лексики иноязычного источника, просторечно-разговорной и т. д.).

<…>

4.3. Среди источников Словаря представлены памятники, принадлежащие к книжно-славенскому типу языка. Следует указать на бесспорную полифункциональность этого типа языка, сильно возросшую в первой трети XVIII в.; он выходит за пределы традиционных для него жанров; его памятники относятся не только к собственно конфессиональной сфере, но также к области научного, научно-философского и гражданско-публицистического изложения, к сфере нравоучительного повествования и различных жанров собственно художественной литературы (виршевая поэзия, школьная драма и т. д.).

<…>

4.4. Среди основных источников Словаря значительно число произведений художественной литературы (оригинальных и переводных), относящихся к различным жанрам как прозаическим, так и стихотворным и представляющих различные стили, литературные направления и школы. Широко привлекая тексты художественно-

литературные и имея в виду активное их воздействие на процессы сложения семантических структур и стилистической системы языка в целом, Словарь, однако, не ставит своей задачей систематическое отражение специфических особенностей экспрессивного, образно-метафорического применения слова в конкретных поэтических контекстах, демонстрацию особых эстетических функций слова в них. Отмечаются и демонстрируются только те случаи образного применения слова в художественных текстах или такие сочетания слов, которые имеют повторяющийся, типизированный, устойчивый характер и представляют интерес как случаи определенным образом направленного социально-группового употребления или в той или иной степени оказывают влияние на общие нормы словоупотребления. Эти ограничения не касаются случаев собственно образования новых слов <…>).

<…>

4.5. В отличие от нормативных словарей в Словаре XVIII в. широко представлены тексты деловой литературы и письменности. Одной из основных тенденций развития литературного языка и процесса сложения общенациональной нормы является взаимодействие и скрещение информационно-делового, усредненного изложения и художественно-обработанного, очищенного слога, и во многих случаях новые нормы и формы языкового выражения складывались в это время прежде всего в недрах деловой письменности и лишь постепенно получали канонизацию в жанрах собственно литературных.

Среди основных источников Словаря памятники делового языка занимают значительное место и представлены различными жанрами и тематическими разновидностями с характерными для них языковыми признаками: законодательные акты и документы администрации (манифесты, указы, постановления и распоряжения разных инстанций, властей гражданских, военных и духовных, столичных и провинциальных канцелярий); уставы, регулирующие порядок несения различных служб; ведомственная деловая переписка, документы судопроизводства и сыска; дипломатические документы и переписка (трактаты, соглашения, донесения русских агентов при иностранных дворах); руководства и наставления технического характера по отдельным отраслям промышленности, ремесла, торговли, сельского хозяйства, по различным занятиям частного характера (охота, игры и т. д.).

4.6. Широко представлены среди основных источников книги и статьи научного характера, как общепопулярного, так и специального назначения, публицистико-полемические произведения и различного рода описания (историографические, географические, естественноисторические, путевые записки смешанного содержания, распространенные в это время, и т. д.). При этом учитывается не только значительный удельный вес научных произведений в книжной продукции века, но и особая роль формирующегося языка науки в

складывании общих норм литературного словоупотребления и в построении русских научно-терминологических систем.

4.7. Среди более специфических жанров этого времени не может быть обойден круг произведений конфессионального содержания. Включая ряд произведений этого разряда (проповеди, теолого-догматические и полемические сочинения и т. п.) в число основных источников Словаря, составители имели в виду: а) распространенность и влиятельность этого рода литературы не только в духовных, но и в светских кругах; б) наличие среди их авторов видных представителей красноречия, а среди многочисленных произведений этого рода — таких, которые представляли лучшие образцы литературной речи этого времени (Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Димитрий Туптало, Платон Левшин и др.); в) широкое проникновение в тематику этих жанров элементов актуально-светского содержания — рассуждений научно-философского, политического и нравоучительного характера и т. д.; г) проникновение в пределах этих жанров в традиционные формы книжно-славенского языка языковых элементов иного источника — русского просторечия, терминологии и фразеологии европейского источника и т. д. (ср. язык «Слов» Феофана Прокоповича, Гедеона Криновского и др.).

4.8. Применительно к источникам всех перечисленных жанровых групп материалы Словаря, в противоположность правилам, обычным для нормативных словарей, широко используют произведения и документы переводные. Это диктуется не только тем, что доля переводных произведений в общей книжной продукции и в рукописном наследии века весьма значительна, а многие из изданий такого происхождения были чрезвычайно влиятельны. В течение всего века, органически связанного в культурно-историческом плане с влиянием и освоением европейского Просвещения, в процессе бурной переводческой деятельности происходит вхождение и ассимиляция иностранных слов, создание и преобразование многих синонимических рядов и фразеологических оборотов, развертывается в поисках адекватных русско-славенских замен иностранным словам активное словотворчество, наблюдаются процессы семантической индукции, накладывающие свой отпечаток на семантические структуры русских и славенских слов и выражений.

4.9. Эпистолярное наследие, материалы частной переписки разного содержания и характера и различного уровня письменной культуры также входят в состав источников Словаря. Они заключают в себе нередко непосредственные отражения устно-разговорной речи различных социальных слоев данного времени.

4.10. Произведения народно-поэтического творчества (записи сказок, былин, исторические песни, анонимная повествовательная литература, сборники пословиц и поговорок и т. д.) также принадлежат к основным источникам Словаря.

<…>

4.11. Существенной группой источников Словаря служат лексикографические издания (толковые словари, дву- и многоязычные переводные, специально-терминологические и т. д.), а также грамматические и риторические сочинения этого времени. Они относятся к числу дополнительных источников Словаря; их данные используются как при описании слов — в основном корпусе словарных статей, так и в справочном отделе.

<…>

Глава VII
Характеристика речевой употребительности слова и ее изменений

Общие положения

<…>

1.1. Характеристика речевой употребительности в Словаре распространяется как на отдельное слово в его целостности, так и на его варианты и формы, отдельные значения слова, а также на сочетания слов различного характера (свободные и связанные).

1.2. В характеристику речевой употребительности слова входят: а) собственно стилистическая характеристика слова, т. е. определение специфических выразительных (экспрессивных) функций слова, устойчиво связанных с контекстами особой стилистической природы и назначения; б) установление устойчивой связи употребления слова с определенным структурно обособленным типом языка, а также с определенными жанрами письменности и литературы; в) указания на ограничение употребления слова определенными локальными и социальными разновидностями языка этого времени; г) указания на отнесенность слова как знака специальных понятий и особых реалий к определенным терминологическим системам и номенклатурам.

<…>

1.3. В характеристику изменений речевой употребительности слова входят также указания более общего характера: а) на хронологическую ограниченность употребления слова (вход и выход слова из употребления); б) на количественную характеристику употребления (множественность или единичность употребления слова, нарастание или сокращение его употребительности во времени).

1.4. Характеристики речевой употребительности слова выводятся на основании анализа и обобщения конкретных речевых фактов, отраженных в материалах картотеки Словаря. Учитываются также

показания словарей XVIII — первой половины XIX в., свидетельства современников и данные исследований по русской исторической лексикологии.

1.5. Характеристика речевой употребительности слова осуществляется с помощью: а) системы условных помет; б) условных графических и цифровых обозначений; в) кратких описательных ремарок. Эта характеристика подкрепляется приводимыми в словарной статье иллюстрациями-цитатами <…> и дополнительными сведениями в справочном отделе словарных статей <…>.

<…>

2.3. Основные пометы стилистического плана, применяемые в Словаре. В качестве основных стилистических помет в Словаре принимаются пометы, относящие слово к одному из основных источников формирующегося словарного состава русского национального литературного языка: народная разговорная речь, или «просторечие», церковнославянский язык (rsp. книжнославенский тип языка), заимствования из других языков. Таким образом, как исходный критерий стилистической дифференциации слов выступает критерий генетического порядка. Вместе с тем основные пометы этого рода отмечают и специфичность реального функционирования слов этих различных источников в русском языке XVIII в.: приуроченность употребления слов к определенным жанрам литературы и письменности, к определенным разновидностям речи, связанность их особыми экспрессивными характеристиками. Они отвечают также сложившимся в XVIII в. общим представлениям о стилистической дифференциации словарного состава русского языка. Уточняющие и дополнительные пометы (см. 2.3.5 и 2.4), применяемые в Словаре наряду с основными, вносят известные ограничения в эту общую стилистическую характеристику слов.

2.3.1. Учет в Словаре, в соответствии с языковой ситуацией XVIII в., приуроченности слова к кругу лексики определенного генетического источника не предполагает фронтальных этимологических характеристик. Не все слова, относимые в XVIII в. к кругу «славянизмов», исторически восходили к старославянскому (церковнославянскому) источнику. Не все слова старославянского и народно-разговорного источника сохраняли в это время свою особую стилистическую маркированность. При отсутствии отчетливой стилистической маркированности пометы стилистико-генетического характера в Словаре не выставляются.

<…>

2.3.3. Применительно к словам, генетически связанным с народно-разговорной речью и в литературном употреблении в той или иной степени стилистически маркированным, в Словаре принимаются две варьирующие пометы: *Прост.* (простое) и *Простореч.* (просторечное).

Пометою *Прост.* сопровождаются слова, связанные с разговорным употреблением и отчетливо противопоставленные соответствующим книжным синонимам, хотя и лишенные резкой экспрессии сниженного, грубого или фамильярного характера. Не ограниченные в литературном употреблении какими-либо специфическими жанрами, они, однако, преимущественно являются в простых или средних контекстах. Например: *бережь, всячина, вчерась, дочка, жара, мальчик, надо, нынче, отколе, свадьба, свойство́, середина, удача и т. п.*

Помета *Просторе́ч.* относится к словам, которые, восходя к разговорной речи различных социальных слоев, в литературном их употреблении связаны с выражением специфической экспрессии сниженности, грубости или фамильярности и ограничены на протяжении века рамками определенных экспрессивно окрашенных контекстов, выступая преимущественно в произведениях простых жанров (комедии, комической опере, ирои-комической поэме, сатирических стихах и т. д.). Например: *ахинея, балагур, барахтаться, валандаться, головорез, горланить, детина, дуралей, жеманиться, зубоскал* (и *скалозуб*)*, коверкать, ковырять, разиня, тузить, удалый, хват, чваниться, чудесить, шильничать и т. д.*

В известном отношении к этим пометам примыкает помета *Простонар.* (простонародное).

<…>

2.3.4. Применительно к словам, генетически связанным с церковнославянским языком (книжно-славенским типом языка) и в той или иной степени стилистически маркированным на протяжении века, в качестве основной пометы в Словаре принимается традиционная для лексикографических и стилистических описаний XVIII в. помета *Слав.* (славенское, славянизм). Ею отмечаются слова указанного источника, сохраняющие на протяжении века свою связанность с особыми стилями выражения и вносящие в контекст специфические формы экспрессивной оценки (возвышенность, торжественность, поэтичность и т. д.). Например: *агнец, алкать, багряница, бдение, благо, блато, брег, вертоград, вещать, возгласить, вождь, гласить, днесь, зане, зелие* (злак), *лик, млеко, мышца* (рука), *откуду, предуготовить, рыбарь, рещи, скрижаль, соглядатай, хлябь и т. п.*

<…>

2.3.5. Как уточняющие пометы к отдельным разрядам слов этого общего источника в Словаре принимаются пометы *Кн.-слав.* (книжно-славенское) и *Церк.-слав.* (церковнославянское).

Пометою *Кн.-слав.* сопровождаются те славянизмы (и приравниваемые к ним архаические формы), которые наиболее широко употреблялись в текстах книжно-славенского типа языка первых десятилетий XVIII в., а затем или вышли из употребления или встречались эпизодически лишь в книжно-архаизированных контекстах. Например: *абие, воеже, непщевати, обавати, точию, уне, иже, е* (личн. мест. 3 л. ср. р.), *нань* и т. п.

Помета *Церк.-слав.* выделяет те слова и выражения, которые восходят к языку церковных книг (библии, прологов и др.) и употребляются в прямых цитатах из этих книг, а в текстах другого рода выступают как очевидные реминисценции. Напр.: *благоутробный, ересеначальник, жупел, село* (поле, пашня), *ветхий деньми.* <…>

2.4. Дополнительные стилистические пометы (экспрессивно-оценочные и функционально-жанровые). В качестве дополнительных стилистических помет в Словаре принимаются пометы, указывающие: а) на характер экспрессивно-эмоциональной оценки предметов и явлений, содержащейся в слове; б) на преимущественную связь употребления слов с определенными жанровыми разновидностями речи. Эти пометы соотносятся с основными стилистическими пометами и могут выставляться вслед за ними.

2.4.1. Экспрессивная характеристика может быть связана со словом как таковым и с особыми употреблениями слов экспрессивно нейтральных, и в этом смысле также представляет собою составную часть их семантической характеристики. К экспрессивно-характеризующим относятся пометы: *Бран.* (бранное), *Груб.* (грубое), *Унич.* (уничижительное), *Ласк.* (ласкательное), *Ирон.* (ироническое). Например:

> **ВАЛАНДАТЬСЯ**. *Простореч. Груб.* **ПОДСТЕГА**. *Простореч. Уничиж. Развратная женщина.* **ГОЛУБЧИК**. *Прост. Ласк. В обращении к мужчине.* **БЛАГОСЛОВИТЬ**. || *Простореч. Ирон. Ударить.*
>
> <…>

2.4.2. В Словаре применяются дополнительные пометы, указывающие на преимущественную функциональную связанность слова с определенными жанровыми разновидностями речи:

Ритор. (риторическое) — отмечает преимущественное употребление слова в определенных жанрах (торжественная речь, проповедь, ода, трагедия, героическая поэма и т. д.) и стилях (высоких, торжественных и т. п.). Помета сопровождает преимущественно сложившиеся (особенно в барочных и классицистических литературных стилях) стандартизованные формы выражения. Например:

> **ТЕЧЬ.** *Кн.-слав., Ритор. Идти, бежать.* **ПЕРУН** (и *мн.* Перуны). *Перен. Ритор. О молнии...* || *О каре, наказании.* **ОРЕЛ.** *Ритор. О Российской империи*; *о государе-воине.*

Поэт. (поэтическое) — отмечает оттенок специфической поэтичности у слов, примененных в поэтических контекстах, сопряженный с известной сдвинутостью реальных значений слов общего употребления (ср. *келья, хижина, хата* — о скромном, уединенном жилище вообще, ср. также различные употребления прилагательных как устойчивых поэтических эпитетов: *хладный, томный, бледный* и т. п.).

Указанная помета преимущественно сопровождает типизированные употребления слов в поэтической речи конца века, характерные для поэтики сентиментализма, предромантизма и т. д.

Стих. (стихотворное) — сопровождает в Словаре те специфические варианты слов, которые в поэтической практике начиная с 30-х годов XVIII в. употребляются как «поэтические вольности» по требованиям ритмо-мелодического порядка и обычно не встречаются в речи прозаической. Например: *однак, вображенье, отколь* и др. под.

Фольк. (фольклорное) — отмечает слова, генетически связанные с различными жанрами устного народного творчества (былина, песня, сказка и т. д.), и употребление слов этого источника в других речевых контекстах (особенно в произведениях художественной литературы. Напр.: *сивка, сивка-бурка, кладенец* (*меч-кладенец*), *каленый* (в сочет.: *каленая стрела*), *яга* (*баба-яга, ягая баба*) и т. п.).

Научн. (научное) — сопровождает слова, характерные для слога научных произведений вообще и не приуроченные специально к той или иной отдельной области научного знания. Ср. такие слова или особые значения слов, как: *гипотеза, метод*(*а*), *проблема, предложение* (научное положение), *теория*, *закон* (закономерная связь явлений), *наблюдение.* Эта же помета может сопровождать специфические употребления слов общего языка (например, в сл.: *правило, вопрос, решение* и т. п.).

Канц. (канцелярское) — указывает на принадлежность слова или оборота преимущественно деловому слогу официальных канцелярских документов. Например: *взнести апелляцию, определение* (о судебном приговоре), *позыв* (вызов в суд), *производство* (веде́ние дел), *экстракт* (выписка из дела) и т. п.

Приказн. (приказное) — сопровождает слова и обороты, относящиеся к той же сфере употребления, но восходящие к архаизирующим формам делопроизводства в канцеляриях старого типа (приказах, воеводствах и т. п.). Например: *накуп* (подкуп), *довод* (донос), *правеж, мотчать* (медлить), *волочить, нетчик* (находящийся в нетях) и т. п.

Дипл. (дипломатическое) — отмечает слова и выражения, встречавшиеся исключительно или преимущественно в дипломатической переписке. Помета выделяет не только специальные термины международного права, но и слова более общего значения, принятые (и часто исключительно применявшиеся) только в донесениях дипломатических агентов. Например: *амбассадор, индиферентный, конкет* (победа, завоевание), *негоциация, омбраж* (подозрение), *экскузация* (извинение), *эстимоватъ, эстима* (честь) и т. п.

Примечание. В Словаре, помимо постановки указанных жанрово-стилистических помет, предусматривается также краткое определение приуроченности слов и выражений к определенным жанрам литературы и письменности в сопровождающих ремарках. Ср.: **ПЛЕСКАТЬ**. *Изъявлять одобрение рукоплесканиями...* | *Образно* (*обычно в оде*). Брега Невы руками плещут. Лом. **ХАБАР**. *Простореч. Прибыль, барыш* (*часто в бытов. комедии*), *и т. п.*

3. Отражение в Словаре отнесенности слов к специальной сфере употребления

Стилистическая характеристика слов специального характера (терминов и номенклатурных знаков) зависит от их специального назначения и содержания (предметно-понятийной отнесенности). С предметно-понятийной сферой прежде всего и соотносятся соответствующие пометы вне зависимости от конкретного речевого контекста (специального или неспециального).

3.1. В Словаре принимается двоякий способ обозначения отнесенности слова к определенному предметно-понятийному кругу: а) условные сокращенные обозначения (специальные пометы) типа: *Астрон., Мат., Хим., Охот. и т. п.* (см. перечень этих помет в Прилож. к наст, главе); б) введение словесных указаний на это в определение значения, например, **АРХЕЙ**. В представлении алхимиков — …

<…>

4. Указания на диалектную (территориальную и социальную) стратификацию словоупотребления

Для определения социальной и территориальной стратиграфии словоупотребления в Словаре предлагается ограниченный круг особых помет. Это связано прежде всего с трудностью точного приурочения словоупотребления, отраженного в источниках Словаря, к определенной социальной среде или к определенным местным диалектам. Это определяется также недостаточным уровнем кодификации словоупотребления и свободным переходом тех или иных особенностей словоупотребления из среды в среду.

<…>

4.1. Наиболее исторически существенным расслоением в социальном плане было для этого времени расслоение между словоупотреблением образованных слоев общества (прежде всего дворян) и словоупотреблением большинства представителей непривилегированных сословий, классов и социальных групп (крестьян, дворовых, посадских, мещан, купцов и т. д.). При всей подвижности и зыбкости этих социально-языковых подразделений в течение века (ср. совпадения в словоупотреблении между речью крестьян и мелкопоместного, необразованного или полуобразованного дворянства), они тем не менее имели место и осознавались современниками. Так, многие слова в лексикографической практике XVIII в. устойчиво оценивались как «простонародные», т. е. характеризующие прежде всего употребление простого народа. В Словаре признается целесообразным использовать эту традиционную помету *Простонар.* (простонародное) старых словарей для выделения специфических элементов просторечия (не являющихся территориально ограничен-

ными), относящихся преимущественно к речи указанных социальных слоев и в широком плане противостоящих понятию «общепринятости», «литературности», «нормативности» языкового выражения. Ср. такие слова, как: *баять, бузовать* (жестоко наказывать кого), *гомоюн* (непоседа), *гуторить, дуван, мирволить, морок, наяривать, шушера.*

<…>

4.2. Особенности словоупотребления, ограниченные территориально, отдельными говорами и наречиями русского языка этого времени, отмечаются общею пометою *Обл.* (областное). Напр.: *воровина* (веревка), *домовина* (гроб), *мурчуг* (ерик, непроточный рукав у реки), *сарынь* (толпа, ватага).

<…>

4.3. В ограниченных пределах в Словаре применяется также помета *Жарг.* (жаргонное) для выделения словоупотребления, характеризующего некоторые групповые жаргоны XVIII в., преимущественно так наз. щегольской жаргон, распространившийся в среде дворян-галломанов во второй половине века. Например: *болванчик* (предмет обожания, ухаживания), *идол* (то же), *строить* (*делать*) *куры* (*кур*), *авантажиться, темный* (*темная любовь, темный в свете*), *плоский* (лишенный остроты, остроумия, приятности; ср. франц. plat) и т. п.

4.4. Словарь выделяет особой условной пометой *Юго-Зап.* (юго-западное) те слова (в источнике своем — полонизмы, украинизмы и отчасти латинизмы, усвоенные через польское и украинское посредство), которые обычны в речи представителей юго-западной образованности, действовавших в русской литературе первых десятилетий века, а также некоторых других писателей (например, А. Кантемира). Напр.: *повага* (достоинство, авторитет), *облуда* (обман), *огида* (обида), *неухронный* (неизбежный), *петцух* (лежебока), *венероватъ* (чествовать), *доматор* (домосед), *фундатор* (основатель, строитель) и т. п.

5. Указания на динамику словоупотребления в диахроническом плане

Указания на динамику словоупотребления в пределах избранного для описания времени являются существенной стороной характеристики слова в историческом словаре данного типа. В Словаре отмечаются имевшие место в этот период факты появления новых слов, формирования новых значений и употреблений слова, нарастания или ограничения употребительности слова, выход слова из употребления, а также существенные изменения в стилистической и экспрессивно-оценочной характеристике слова и социально-диалектной его приуроченности. Для выражения этих динамических характеристик в Словаре используется система особых графических

обозначений. В качестве сопутствующих средств обозначения принимаются также указания на даты соответствующих явлений и некоторые условные пометы. Они оговариваются в последующих параграфах.

5.1. Основной графический знак, принятый в Словаре для указаний на вход и выход слова из употребления, а также нарастания или сокращения употребительности, — равносторонний треугольник, обращенный вершиной в левую сторону, а основанием — в правую. Вхождение в употребление означает светлый треугольник (◁), а выход из употребления — зачерненный (◀); нарастание употребительности — треугольник, зачерненный наполовину у вершины (◭), сокращение употребительности — треугольник, зачерненный наполовину у основания (◮).

В тех случаях, когда новация XVIII в. в течение века выходит из употребления, это передается комбинацией знаков входа и выхода (сдвоением треугольников светлого и зачерненного, сходящихся в основании — ◁▶).

5.2. Датировка момента вхождения слова может быть точной или приблизительной. Под точной датой подразумевается дата (год) написания или появления первой (в XVIII в.) публикации источника, в котором фиксировано первое по времени употребление слова. Под приблизительной датировкой понимается указание на десятилетие, на которое падают первые зафиксированные случаи употребления слова.

<…>

5.3. «Окказионализмы», т. е. слова, образованные в определенных контекстуальных условиях отдельными лицами и употребленные (или употребляющиеся) только у их автора, сопровождаются условной пометой *Един*. (единично), заключаемой в скобки: помета следует сразу за заголовочным словом и его грамматической характеристикой. По отношению к одному источнику (или автору) эта помета не означает, что там слово употреблено только однажды.

<…>

5.4. Знаком, указывающим на изменения преимущественного характера и круга употребительности слова (изменения стилистической маркированности, изменения социально-территориального ареала употребления слова и т. д.) в Словаре служит горизонтальная стрелка, обращенная вправо (→). По левую сторону ее выставляется помета, характеризующая исходную позицию в употреблении слова, а по правую — помета, характеризующая новую позицию, которую слово занимает с течением времени в пределах периода.

5.5. Учитывая, что одной из существенных сторон процессов изменения характера употребительности слова является его стили-

стическая нейтрализация и выход в широкое общее употребление, в Словаре принимаются условные пометы, выступающие только в сопоставлении с перечисленными выше ограничительными пометами. К этим пометам относятся: *Нейтр*. (т. е. нейтральность словоупотребления) и *Обих*. (т. е. обиходное, общее употребление). Предусматриваются следующие условные характеристики динамики словоупотребления: *Прост*. (или *Простореч*., *Простонар*.) → *Нейтр*.; *Слав*. → *Нейтр*.; *Научн*. → *Обих*. Также в случаях, когда стилистически ограниченному употреблению предшествует более широкое и стилистически нейтральное: *Нейтр*. → *Прост*., *Нейтр*. → *Простореч*. Напр.: **ПРЫТКИЙ**. *Нейтр*. → *Прост*. *Быстро проходящий, совершающийся*. **УПРУГИЙ**. *Научн*. → *Обих*. **ЕДВА**. *Слав*. → *Нейтр*.

6. Технические замечания (место и порядок размещения помет и условных знаков в словарной статье)

6.1. Пометы, указывающие на речевую употребительность слова (стилистические — основные и дополнительные, специальные, диалектные и пр.), выставляются: а) после заголовочного слова и его грамматической характеристики перед определением значения в случаях, когда помета относится к слову в целом; б) после цифры, нумерующей значение, и особых грамматических указаний и семантических помет (если они имеют место) перед толкованием, если они относятся к отдельному значению слова; после знака оттенка значения (||) или особого употребления (|), если помета характеризует только этот оттенок или употребление; в) непосредственно в заголовочной строке перед приводимым вариантом, если она относится к данному варианту слова; г) непосредственно вслед за указываемой в статье грамматической формой, если помета относится к данной форме; д) непосредственно после выделяемого сочетания слов (свободного или связанного), если она маркирует данное сочетание. В случаях в) и г) помета заключается в круглые скобки.

6.2. Графические знаки, указывающие на изменения в речевой употребительности слов, выставляются перед заголовочным словом или перед порядковым номером значения в зависимости от того, относятся ли эти указания к слову в целом или только к его употреблению в данном значении; в случаях отнесения их к слову в определенном оттенке его значения или в особом его употреблении они ставятся сразу же за знаком выделения оттенка или употребления. Графические знаки, характеризующие употребительность одного из вариантов слова, а также отдельной грамматической формы и выделяемых в словарной статье сочетаний слов, выставляются перед соответствующим вариантом, формой слова, сочетанием.

6.3. Словесные ремарки разного характера, посвященные характеристике употребительности слова, как правило, помещаются после

определения значения или после пометы, в зависимости от того, относятся ли они к характеристике слова в целом или отдельного его значения.

<…>

Вопросы и задания

1. В чем своеобразие языковой ситуации в России в XVIII веке?
2. В чем новаторский характер Словаря русского языка XVIII века?
3. Охарактеризуйте языковую базу Словаря, его источники.
4. Раскройте особенности метаязыка Словаря, подобрав примеры из словарных статей.

И. И. Срезневский

Материалы для словаря древнерусского языка[1]

ЛАСКА — ласка, любовь: — Пакы начатъ ѡттолѣ бранити юму, овогда ласкою, овогда же грозою. *Нест. Жит. □еод. 4.* Что юсте присылали послы ко кн҃зю и ко всемоу Новоугоръдоу с любовию и с ласкою, кн҃зь великыи послалъ к вамо своюго с҃на. *Грам. Новг. кн. Андр. 1294 г.* Кажи грозою и ласкою. *Зл. цьп. ок. 1400 г.* (*Бусл. 480*)

— лесть: — Без нѣкоторыѧ ласкы □ѫ□□□ѫ□□□□ *Гр. Наз. XI в. 338.* Слово не лъживоє, ни ласкы имоуще вънѣшьнѧѧ *Никон. Панд. 35.*

— просьба(?): — Оц҃ь же, поганъ сы, ласкаше его остатисѧ вѣры хр҃тьѧньскыѧ и чернечьства, и приѧти кнѧжение свое; онъ же въоружженъ силою кр҃тьною не хотѣ и слышати ласкы оц҃а своего. *Новг. I л. 6773 г.* Заклинаниемь и ласкою. *Зл. цьп. ок. 1400 г.* (*Бусл. 481*).

— милость, покровительство: — Отъ многихъ странъ цари… к нашему царю и государю прихожаху своею волею служити на его ласку и великое жалование. *Никон, л. т. VII. 19.* — Въ этомъ смыслѣ сл. л а с к а употребляется въ титулахъ великихъ князей Литовскихъ въ видѣ сочетанія «з ъ Б о ж ь е и л а с к и» — Божіею милостію: — Мы Александръ, або Витовтъ, зъ Божеи ласки великіи князь Литовскіи. *Жал. гр. 1388 г.*

Ср. Чеш. laska — любовь; Швед. älska — любить.

ЛАСКАВЫИ — льстивый: — Таковое ласкавыих житіе, хвалят б□ злыя, а х҂лять благыя, все оутробы дѣля творять. *Ис. 87.* Словеса ласкава (□□□□□□□ѫ□□□ѫ□□□□ѫ□□□). *Панд. Ант. XI в. 200.* Обрѣти моужа вожа, не величава, не ласкава. *Никон. Панд. Вас. Вел. сл. 17* — См. **ласковыи**.

ЛАСКАВЬНО — нар.: — Ласкавьно приходити. *Жит. □ед. Ст. 67.*

---

[1] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 1893–1912.

ЛАСКАВЬНЫИ: — Ничьсо досадительно и ничьсо же ласкавьно. *Никон. Панд. сл. 34.*

ЛАСКАВЬЦЬ — льстецъ: — Отъвраштяися ласкавьць. *Сб. 1076 г.* (*В.*) Ласкавьци, шьпилѥве, праздьнословьци. *Сбор. Троиц. XII в.* Хвалимъ ѿ ласкавьць. *Никон. Панд. сл. 3*

ЛАСКАВЪ — льстиво: — Не ласкавѣ бо… се створи (ϑ□□□□□□ѫ□□). *Гр. Наз. XI в. 57.*

ЛАСКАНИЄ — улещиваніе: — Ласканиꙗ мн҃тлевъ никако же прѣвратити тврьдость твоеи. *Мин. 1097 г. 12.* <…>

ЛАСКАТИ, **ЛАЩꙋ** и **ЛАСКАЮ** — ласкать, быть ласковымъ: — Азъ бо видѣхъ и аспиды кротимы оукраштатисѧ, и львы, и тигры, и рыси ласкаѥмы кротѧштѧсѧ. *Изб. 1073 г.* <…>

— льстить, adulari, ѫ□□□ѫ□□□□: — Ласкаѭщеи бо прѣльщаѭть ср҃ца незълобивъихъ □□□□□□□□ ѫ□□□ѫ□□□□□□□□). *Панд. Ант. XI в. 196.* <… > Лащеть дароу дѣля. *Измар. XVI в.* (*В.*).

— убѣждать, просить: — Лаская, впрашаше его. *Пат. Печ. Посл. Полик. 10.* Ласкаше его остатисѧ вѣры хр҃тыꙗньскыꙗ. *Новг. I л. 6773 г.*

ЛАСКОВЫИ — ласковый: — Бысть же сь мужь молчаливъ… ласковъ же ко всякому богату и убогу. *Лавр. л. 6683 г.*

— льстивый: — Иже кто до ключаря ласковъ возметъ что любо у него, да біютъ обою, а ключаря болѣ. *Зак. Греч*. Ласковая словеса. *Сл. Дан. Зат.*

— См. **ласкавыи**.

ЛАСКОВЬЦЬ — льстецъ: — Сѵ̀ть не дрѵ̀зи, но ласковьци сего свѣта. *Іо. Злат. XIV в.*

Словарь русского языка XI–XVII веков[1]

ЖИВОТЪ, *м.* 1. *Жизнь.* Тъгда находить съмрьть чл҃вчу року: рекъше лѣту живота его коньчявъшу ся. Изб. Св. 1076 г., 504. (1174): Убиша Володимири князя Андрея свои милостьници... насунуша рогатинами, и ту сконьця животъ свой. Новг. I лет., 152. Не тькъмо княжения, нъ и живота гонезе. (Сказ. Бор. Глеб.) Усп. сб., 54.XII—XIII вв. ‖ *Образ жизни.* Три же норовы възненавидѣ душя моя и зѣло ми мьрзить животъ ихъ: убога хупава, и богата лъжива, и старца умаляушта ся разумъмь своимь. Изб. Св. 1076 г., 426. Льстивъ ея [лисицы] животъ есть: аще взалчеть хотящи ясти... и яко издохши лежить, и мнящи птица, яко умерла есть, сядуть на неи, клевати ея начнуть, ти потомъ въскочить скоро, похватить и снѣсть я. Физ., 255.XV в. В ъ ж и в о т ѣ, п р и ж и в о т ѣ — *при жизни.* Чюдеса сотвори не тькмо въ животѣ своемь, нъ и по съмьрти. Патерик Син., 113.XI–XII вв. И царевичь Иванъ преставися... при животѣ отца своего. Пов. Кат.-Ростовского [2], 630. XVII в. П о ж и в о т ъ, д о ж и в о т а — *до конца жизни, до смерти.*

[1] Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–28. М., 1975–2008.

А дана ей та вотчина монастыря по еѣ животъ. Кн. п. Моск. I, 61. XVI в. (1103): И нача Белдюзь князь даяти на себѣ много злата... и заклинаяся ротою не воевати до живота своего на Русь. Ник. лет. IX, 139. П о с л ѣ ж и в о т а , п о ж и в о т ѣ — *после смерти.* А розмыслит б(о)гъ о кн(я) г(и)ни моеи, по еѣ жывотѣ Коломенское село и з Зарѣтцскими луги с(ы)ну, кн(я)зю Ивану. Дух. и дог. гр., 48, ок. 1402 г. В ъ ж и в о т ѣ н ѣ т ъ , в ъ ж и в о т ѣ н е с т а л о — *нет в живых.* И божья воля състалася, отца нашего великого князя Ивана въ животѣ не стало. Крым. д. II, 1.1508 г. А самого Антипы в животе нет, умер. Кн. пер. Кадаш. сл., И. 1631 г. О т ч а я т и с я ж и в о т а см. отчаятися.

2. *Всякое живое существо.* И от небывшиихъ творитъ дш҃е, нъ не всѣмъ живо-томь, нъ точию чл҃овкомъ. Шестоднев Ио. екз., 5 об. 1263 г. Кирилъ философ рече: чл҃ка межу дву животу создал б҃гъ — межи а҃гглъ и скота. Изм., 45.XVI в. ~ XIV— XV вв. ‖ *Животное.* Физиолог рече о инорозе... малъ животъ. Физ., 302.XVI в.

3. В знач. собир., обычно ед. *Домашний скот.* Хлеба нѣ сеялъ и сена нѣ косилъ, да въ томъ, господине, у меня и животъ измерлъ лошадь и скотина. Арх. Стр. I, 208.1532 г. И той служилой мордвѣ Озрапе съ товарыщги... за рѣчкою за Кодаршею... про свою нужу вода имати и животъ пойти, для того что ихъ пустошь безводна. Арз. а., 247. 1604 г.

4. *Все, что нажито, имущество.* Приказываю животъ свои госпоже своей матери Онтоньи и сынови своему Федору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду. Гр. Новг. и Псков., 166.XVII в. ~ 1393 г. А другую половину живота моего, в землѣ и в воде, ты братъ Григореи испродаи. Там же, 168. А ныне он, Иван Квасников, умер, а животами его владеет жена ево. Хоз. Мор. II, 156. 1651 г. ‖ *Обычно мн. Домашний скарб, пожитки.* (1510): И животы легкие взяша съ собою, а то все пометаша, и поѣхаше вборзе с плачем и рыданием многим. Псков, лет., I, 95. Да бл(а)г(о)с(ло)вляю с(ы)на своег(о) Ондрея своим подвореем, и подвореным животом, и конми, и доспѣхом, и домашним животом всѣмъ и плат(ь)емъ. АРГ, 64, не позднее 1510 г. [Дело о краже вещей]. Велено ему Юрью про тѣ мои животы розыскивать накрепко, а что тѣхъ моихъ животов сыщется велено ему отдать мнѣ с роспискою, а которые мои животы они Михаило и Самоило продавали или кому отдавали и тѣ мои пожитки велено доправит<ь> денгами и отдать мнѣ. Грамотки, 41.XVII в.

5. *Живот.* Вода добрѣ горячая колотие въ животѣ отгоняеть. Назиратель, 134.XVI в. И пришедъ тотъ Семенъ учалъ меня бить полѣномъ и топтунами топталъ, и руки и ноги обломалъ, и животъ оттопталъ, и ножемъ хотѣлъ зарѣзать. АХУ III, 129. 1632 г. На архиепископе был сак, о животе зделан узок. Посольство Мышецкого, 136. 1643 г. — Ср. **животина.**

Словарь русского языка XVIII в.[1]

◁ **ГАЗЕ́ТА** 1708, ы, *ж.* и ◀ **ГАЗЕ́Т** 1728, а, м. Ит. gazetta, через пол. gazeta, фр. gazette. В газетах пишут, что король шведской идет со всяким поспѣшением на наших к Смоленску. АК I 311. Ежели соблаговолят коллегии, для

[1] Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1–17. СПб., 1984–2007.

вѣдома брать, как от российских, так и от нѣмецких, от всякого выхода по одному газету. МАН I 351. Происшествий полный свет Мне открыт и из газет. Грчкв П.-с. 140. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но за то купцы, мѣщане любят уже читать их. Крм. Соч. 1803 VII 344. ◁▶ П у б л и ч н ы е г а з е т ы. Нынѣшняго дня в публичных газетах на аглицком языкѣ из печати вышел <манифест о беглецах>. Кнт. Рел. I 12. — Ср. *вѣдомости, новизны*, ◀ *куранты.* <…>

ДУТЬ (-ти), ду́ю, ду́ет, *несов.*; **Ду́ющий** (-ей), **Ду́тый**, *прич.*, **Дуя**, **Дуючи**, деепр. **1.** *Гнать струи воздуха, приводить воздух в движение* (*о ветре*). <…>
2. *Выпускать изо рта сильную струю воздуха, направив ее на что-л.* <…>
3. *Гнать, вдувать воздух с помощью мехов.* <…>
4. что с чего. (*Редко*). *Сдувать.* <…>
5. кого-что. *Раздувать, вздувать.* <…>
6. что. *Изготовлять дутьем, выдувать.* <…>
◁ **7.** *Простореч. Быстро ехать, мчаться; отправляться куда-л. без промедления.* <…>
◁ **8.** кого. *Простореч. Сильно или много бить, колотить.* <…>
◁ **9.** что. *Простореч. Пить в большом количестве* (*обычно спиртные напитки*). <…>
∽ **Дуть в уши** кому. *Наговаривать на кого-л., внушать во вред кому-л.* Он доброй человѣк, но этот бездѣльник дует ему в уши. Ему всякую бездѣлицу дуют в уши. САР1 II 837. **Дуть губу (губы)**. См. Губа[1]. **(И) в ус (◀ в нос) не дуть.** *Простореч. Не обращать внимания на что-л., не беспокоиться о чем-л.* <…>

◀ **ЕЙ**[1] (*слав.* → *нейтр.*) и **ЕЙ-ЕЙ** (также раздельно), *межд. Выражает подтверждение, уверение, в знач.: право, истинно.* <…>

◁ **ЗАЛ** 1738 (◁▶ сал 1705, ◁▶-лес 1705), а, *м.*, ◁ **ЗАЛА** 1711 (◀ са-,◁▶-лла 1727), ы, ◁▶ **САЛЯ** 1717, и, *ж.* и ◁ **ЗАЛО** 1748, а, *ср.* Нем. Saal, фр. salle, непоср. и через пол. sala, укр. саля. *Большая комната* (*во дворце, общественном здании, частном доме*).

ЖИВО́Т, а́, *м.* 1. *Жизнь* (*к концу XVIII в. чаще в славянизированных текстах*). <Водолаз> чрез нѣкоторое малое время не имѣя никакова опасения живота без воздуха пробыть может. Прим. Вед. 1733 37. Что касается до должности человѣка к тѣлу, то надлежит ему беречь здравие и живот свой всевозможным образом. Коз. ФП 88. О Боже продли живот Их, утверди здравие. РМ I 56. ◊ П р и ж и в о т е, ◂ в ж и в о т е. *При жизни, живым.* Как построен <костел> при животѣ св. Амвросия и до сего времени стоит так без починки. Пут. Тлст. I 524. Не могу быть жива от печали. Аще ты и возвратишися, но мене уже не узриш в животе. Шл. сын 538. ◊ ◂ П о ж и в от чей, кого. *Приказн. Пожизненно.* Всѣми вотчинами, по ея живот владѣть ей, княгинѣ □екле Семеновнѣ. АК II 398. ◊ О т н я т ь ж., л и ш и т ь ж и в о т а. *Предать смерти. убить.* [Коранс:] Не ты отъемлешь мой нещастливой живот. Хрс. Монахиня 26. ◊ К о н ч и т ь, с к о н ч а т ь, п р е д а т ь, п о т е р я т ь ж., л и ш и т ь с я, ◂ о т с т а т ь ж и в о т а, к л а с т ь ж. за кого-

что. *Умереть*. [Магилена:] Как я нынѣ бѣдная жить на свѣтѣ стану, Развѣ сама живота моего отстану? Петр. зл. кл. 247. Сродники мои в домѣ моем.. живота лишились, и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Лом. СС I 234. ◊ ◂ В животе нет кого. *Нет в живых*. Почали требовать видѣть царевича Иоанна Алексѣевича для того, чая, онаго будто в животѣ нѣт и Нарышкины удавили. Ц. Петр. 45. ◊ Ж. бессмертный, вечный й.. *То же, что жизнь вечная.* См. Жизнь. Кольми паче нуждный вопрос есть, како живóт вѣчный наслѣдити. Пркп. Ал. Невск. 1. ◊ Книга живота. См. Книга. || *Существование, образ жизни*. А есть ли которыи из священиков обрящется в своеи наукѣ, животѣ, и поступках нечестив,.. оныи имѣет за сие к духовному суду отослан быть. Артикул 10 (1 паг.). Мы, за то его <сына> преслушание, предадим его клятвѣ отеческой, також и церковной,.. и чтоб он разсудил, какой ему живот будет. Устр. 386.

‹ 2. *чаще мн. Прост. Имущество*; *пожитки.* Да он же Констянтин с товарыщи пограбили священика Ивана и живот его взяли и по себѣ роздѣлили. ПСИ 533. А Шведов, сидѣльцов городовых, с женами и с дѣтьми и с животы, отпустили. Зап. Ж. 208. Во чтоб ни стало им, хотят искать суда. И подлинно суда искали, Пока всѣ животы судьям перетаскали. Хмн. Басни[1] I 24.

3. *Прост. Домашнее животное, скот.* У него была коровушка; и для сего то милова живота упустить такого доброго корму даром ему не хотелось. Анекд. пошех. 134.

4. *Живот, утроба* (САР[1] в простом употреблении). А маеор.. жестоко ранен сквозь живот и руку. Кн. М. Полотенцы прикладывать к животу вмѣсто припарки. Врач. прав. 55. Вкус имѣют они <шишки кедра> смоляный очень приятный, и почитаются здоровыми для живота. Пут. Бел. 230. Дѣйствует оно <лекарство> медлѣнно и рѣдко без рвоты и в животѣ рѣзу. Паллас ОР 8. ◊ На животе (в животе) мутится, тошнит.. Чтоб их от дыму и угару Не стало в животѣ тошнить. Оспв Енеида III 32. ◊ По животу (не по животу) что. [Корыстолюб:] Етот обѣд мнѣ больно не по животу. Суд. имян. 70. ◊ Надсадить, надорвать.. ж. *Прост*. 1) *Надорваться*. Таща тяжелую ношу надорвал, надсадил живот. САР[1] II 1131. 2) *Изнемочь от смеха*; *безудержно смеяться*. [Кащей:] Я вѣрно знаю, что она услыша такое твое предложение, от смѣха живот надорвет. Сум. Лих. 109. Как можно больше лгать старался Весь надсѣдая свой живот. Освп Енеида I 60. ◊ Надрывание живота от смеха. Московиты, или Мосхи, приводили сего мужа к надрыванию живота с смѣха. Трд. Древн. рос. 164. ◊ Без живота стать. *Прост*. *Обессилеть* (*от несения тяжести*). Неся мѣшок муки без живота стал. САР[1] II 1132. ◊ Всем животом. (*Един*.) *Изо всех сил.* Бѣла пшеница и румяна, И так была полна зерном,.. Я ну молоть всем животом. Држ. Соч. III 99.

∾ Не на живот (а) на смерть. *Беспощадно, безжалостно*. И держит он, воевода, на Майнѣ на государевѣ дворѣ своих лошадей и караулить заставляет <отставных солдат> и бьет не на живот на смерть беспрестанно. ДПС V 1034.

Условные обозначения: ◊ — (стоячий ромб) — несвободное устойчивое сочетание
∾ — фразеология

П. Я. Черных

Историко-этимологический словарь современного русского языка[1]

ЖИВО́Т, -á, *м.* — «часть тела, заключающая органы пищеварения». В говорах: арханг. **живо́т**, *мн.* **животы́** — «имущество», «достояние» (Подвысоцкий, 44); олон. **живо́т**, *мн.* **животы** — «богатство» (Куликовский, 23); яросл. **живо́т** — «скот» (Якушкин, 10); курск.-орл. **живо́т** — «домашний скот», «домашнее животное, преимущ. лошадь», *мн.* **животы́** — «лошади» (Кардашевский, 347); колым. **живо́т** — «имущество», «пушнина» (Богораз, 51). Кроме того, см. Даль, I, 482. *Прил.* **живо́тный, -ая, -ое** (теперь не соотносительно с *живот*; в знач. «имеющий отношение к животу» употр. *прил.* **брюшно́й**). Укр. **живі́т;** блр. **жыво́т.** В других слав. яз. это знач. выражается иначе: болг. **коре́м** (< турец. karin — «живот»); с.-хорв. **тр̀бух**; чеш. břicho; польск. brzuch. Др.-рус. (с XI в.) **животь** — «жизнь», «животное», «имущество» (но никогда «живот», «брюхо»), прил. **животьнъ, животьный** — «жизненный», отсюда **животьное** (уже в XI в.) — «animal» (Срезневский, I, 869 — 870). Совр. знач. («брюхо») слово *живот* получило позже. Ср. в «Житии» Аввакума (Автограф, 25): «ноги и *живот* синь был». □ О.-с. *životъ; корень živ-, суф. (необычный в м. р., о чем см. Meillet[2], 293) -ot(-ъ). И.-е. корень *g^{u}ei- : * g^{u}eĭu̯-, тот же, что в о.-с. *žiti, živь [>рус. *жить* (см.), *живой*]. Ср. лит. gyvatà, *f.* — «жизнь»; латин. vīta (<vīvitā (<* g^{u}īu̯otā). Подробнее — Pokorny, I, 468–469; Fraenkel, I, 155.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»[2]

Зегзица — кукушка (2): На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, з е г з и ц е ю незнаемь рано кычеть: Полечю, рече, з е г з и ц е ю по Дунаеви. 37–38.

Ср. **Зогзица.**

Уподоблюся з о г з и ц ы , иже едину поетъ пѣснь, того ради ненавидима бываетъ. *Пол. Дан. Заточ.* (*вт. перед.*), *107* (*XVII в. ~ XIII в.*). Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, з о г з и ц и кокують на трупы падаючи. *Задон. К-Б, 550* (*XV в. ~ XIV в.*).

Ср. **Зегула, зогзуля.**

З о г з у л я в чюжа гнѣзда яиця своя мечеть. *Мер. правед., 63* (*XIV в.*). Есть убо ина птица, нарицаема з е г у л а , есть убо птица та злонрава сущи, егда убо народить яица, то инѣхъ птиць [въ гнѣзда] яица своя износить изъ гнѣзда, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но инымъ птицамъ отроды своя премѣтаеть. *Палея XIV в., 12.*

---

[1] *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1994.

[2] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 вып. / под ред. Б. Л. Богородского, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. М.; Л., 1965–1984.

Ср. **Зозуля.**

▲ Як зачула тее мати / Стала плакати, рыдати: / „Ой сыне мôй Иване, / Дитя мое кохане! / Ой коли-б же я з у з у л я , / Я-б до тебе полинула! *Максим. Нар. укр. песни, 1, 139.* Ей то тоже козака ні отець ні мати оплакала, / Як сива з о з у л я прилітала, Да у головах сідала, / Да жалібно закувала. *Ант. и Драг. Истор. пес. малор. нар. I, 132.*

Ср. ***М. А. Максимович*** (*Песнь о полку Игореве. — Собр. соч., т. III, Киев, 1880, стр. 549 — 550*)*:* „Зегзице, т. е. кукушке (по-украински зозуля) уподоблена Ярославна, тоскующая одиноко по своем Игоре. Птица сия … есть верный символ сиротства и родственной печали. И в украинских песнях, где так сильно развито сие чувство, всегда зозуля прилетает тужить над неоплаканным трупом: это живая печаль матери или сестры… у литовцев … есть поверье, что в кукушку обратилась сестра, тосковавшая о смерти трех братьев". ***А. С. Орлов*** (*„Сл. о п. Иг. ". 1946, стр. 132*)*:* „Исследователи «Сл. о п. Иг.» не отыскали в живой русской речи XIX в. слова «зегзица», нашлись только следующие формы: зогза (Вологодское), загоска (Великолуцк. и Опочецк. у. Псковской губ., олонецкое), загозочка (олонецкое), загонько (псковское и новгородское), зозуля (украинское), зозуленька (украинское), зезюля (псковское), зазуля (белорусское, смоленское) <…> ср. жегожка (петрозаводское и пудожское). И все северновеликорусские, украинские и белорусские слова, приведенные здесь, действительно записанные из уст (частью из песен), имеют значение кукушки". ***Л. А. Булаховский*** (*Общеславянские названия птиц. — Изв. ОЛЯ, т. VII, вып. 2, 1948, стр. 108*)*:* Zeg(ъ)za 'кукушка'. Реконструкция древнейшей формы в таком именно виде наиболее вероятна по сопоставлению с *литов.* geguže, *латыш.* dzeguze, *др.-прусск.* žeguze и по свидетельству *др.-русского* зегзица (*диал.* зёгзица). Что касается значения наименования, то большинство показаний ведет к кукушке, хотя диалектно слово, по-видимому, действительно, обозначает и ласточку (черную ласточку, стрижа). Серьезные трудности представляет объяснение внешней формы слова. В западнославянских языках оно звучит: *чеш.* žežule, žežhulka, *польск.* gżegżolka (XVI — XVII в.), gżegzolka, gżegzułka (1540 г.); gżeczołak, gżeczołka; в украинском — зозуля, зазуля, реже — зизуля, зовзуля, зозиля, жегозуля, в белорусском — зязюля, зяузюля". ***Н. В. Шарлемань*** (*Из реального комментария к „Сл. о п. Иг. ". — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 115*)*:* „«Зегзица» … обычно толкуется как кукушка. Однако следует напомнить, что на Десне между Коропом и Новгород-Северском крестьяне называют местами гігічкой, зігічкой, зігзічкой — чайку, по-русски пигалицу или чибиса (Vanellus vanellus L). Может быть, в данном случае и автор «Слова» назвал именем «зигичка», которое в его время, возможно, было более распространено, а позднее переписчиками было славянизировано и превратилось в «зегзицу». Названия зигичка, гигичка — звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы — Ки-ги, отчасти звуки, слышимые при взмахах ее крыльев во время полета — зиг, зиг. О пигалице на Украине говорят, что она «кигикаеть» — ср. «кычеть» в «Слове»". ***Н. А. Мещерский*** (*О территориальном приурочении „Сл. о п. Иг. ". — Учен. зап. Карельского пед. инст., Сер. истор.-филол. наук, т. III, вып. I, Петрозаводск, 1956 стр. 76*)*:* Автор присоединяется к вышеизложенному мнению Н. В. Шарлеманя и добавляет: „С точки зрения поэтического образа это значение слова зегзица значительно лучше мотивируется, чем общепринятое ранее (кукушка). Контекст плача Ярославны: «полечу,

рече, зегзицею по Дунаю, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ» вызывает образ именно водяной птицы, чайки, а отнюдь не связывается с представлением об обитательнице лесов — кукушке. «Чайка небога» к тому же — обычное в украинском устном народном творчестве обозначение горюющей женщины“. ***С. И. Котков*** (*Еще одно древнерусское свидетельство о „зегзице“. — Сл. о п. Иг.* (*заметки к тексту*). *М., 1958, стр. 28 — 29.*): „В документах Разрядного приказа попалась нам челобитная, написанная в 1626 г.: «бьет челом бедная горкая вдова с Резани Василевское женишко Зогзюлина Иринка Захарева дочеришко» (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ. Приказный стол, стлб. 17, л. 163). В грамоте, посланной «от царя» рязанской администрации, фамилия «Вдовы с Резани» несколько исправлена: «била намъ челомъ вдова Орина Васильевская жена Зегзюлина» (там же, л. 164). В ответе местных властей читаем: «жена Зекзюлина», «бил челомъ он Ивашка Зекзюлин»; «побежал де от нево члвкъ ево крепоснои Ивашком завуют Зекзюлин»; «таво Ивашка Зекзюлина»; «бѣглова члвка Ивашка Зекзюлина» (там же, лл. 166, 168, 169). …Под пером московского писца образование «Зогзюлина» превращается в «Зегзюлина». Если бы зегзюля, а возможно, и зегзица были ему неизвестны, такое исправление оказалось бы немыслимым. …Исправление могло быть обусловлено лишь устойчивой фономорфологической ассоциацией корня данного слова с аналогичною морфемой в образованиях того же словопроизводительного гнезда. Возникает предположение: в московской речи XVII в. слова зегзюля или зегзица, а может быть, и оба, и даже, более того, иные слова того же корня, вероятно, бытовали“.

◊ Зегзицею — твор. пад. ед. ч.

Вопросы и задания к разделу

1. Каковы задачи исторического словаря?
2. Чем отличаются словарная статья из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Словаря русского языка XVIII века»?
3. Сопоставьте словарную статью на слово *живот* в исторических словарях и словарях современного русского литературного языка. Обобщите свои наблюдения.
4. В чем своеобразие структуры словарной статьи в словаре памятника древнерусской письменности?

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

Б. А. Ларин

Инструкция Псковского областного словаря[1]

Псковский областной словарь (в дальнейшем сокр. ПОС) составляется как словарь полного типа. Поэтому он содержит не только исключительные слова и выражения псковских говоров, а по возможности весь их активный словарный запас. В наш словарь должно быть включено все, что прочно вошло в речевой обиход коренного ядра крестьянского населения Псковщины (в границах XVIII–XIX вв., т. е. с Холмским и Торопецким районами). Мы говорим не об абсолютной, а об относительной полноте, как о пределе, к которому мы стремимся.

Из пассивного лексического фонда псковского крестьянства мы берем всю архаику, то, что стало забываться, но еще в прошлом столетии было в речевом обиходе.

<…>

С возможной полнотой включается в ПОС вся промысловая, профессиональная терминология и фразеология рыбаков, охотников, пчеловодов, огородников, плотогонов, гончаров, смолокуров, шерстобитов, сукновалов, ткачих, вышивальщиц, кружевниц и т. д. <…>

Для установления исторической перспективы развития словарного фонда псковских говоров в ПОС приводятся областные слова северо-западного наречия в цитатах, извлеченных из средневековых псковских памятников письменности и из деловых документов XIV–XVIII вв., уверенно относимых филологами к Псковскому княжеству (воеводству, губернии), даже если в современных говорах пока еще не найдено им соответствия. Подтверждение свидетельств старой письменности об областной лексике может быть найдено кроме того в данных топонимики, которые будут широко привлечены в общих целях пополнения словаря.

Псковская областная лексика, засвидетельствованная соответствующими пометами в Опыте областного словаря АН, 1852 г., и в Дополнениях к Опыту областного словаря АН, 1858 г., а также в

[1] *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря: методическое пособие для диалектологической практики. Л., 1961.

Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля, — приводятся полностью. Если в этих источниках находим параллели к нашим материалам без помет «псковское», «северо-западное» и под., то вносим их в ПОС только при очевидном обогащении, разъяснении, уточнении этими параллелями наших записей или при недостаточности наших материалов на соответствующее слово.

Выборки из опубликованного и хранящегося в архивах старого фольклора, а также из записей диалектологов дореволюционного времени — относящиеся к Псковской области — тоже широко используются в ПОС. <…>

Мы приняли строго алфавитный порядок расположения слов по следующим соображениям:

а) только алфавитный порядок обеспечивает единство и четкость принципа размещения, а это избавляет от излишних затруднений и недоразумений при поисках и выборках материала в исследовательских целях и при наведении справок, любое «идеологическое» (тематическое) распределение слов оставляет так много неясного, спорного, неопределенного, что все авторы идеологически построенных словарей вынуждены добавлять к ним алфавитные словоуказатели, а это увеличивает объем словаря почти на одну треть;

б) тематическое (и даже гнездовое-алфавитное) расположение, давая некоторые преимущества системности, неизбежно ведет к беглости, относительности разработки отдельного слова; строго алфавитный порядок открывает возможность наиболее детализированной, тщательной разработки значений, употреблений и фразеологии каждого слова.

Принцип полноты отражения словарного фонда псковских говоров в ПОС дает возможность исследователю, пользующемуся этим словарем, произвести свой подбор и группировку слов по любому принципу, по любой научной или практической надобности, так как алфавитный ряд ничего не скрывает, не затеняет, не опускает, как излишнее, тогда как в тематическом словаре мы вынуждены следовать произвольно избранной автором системе циклизации, которая может быть в одних случаях удобной для нас, а в других совершенно неприемлемой, и нам придется разыскивать и перегруппировывать слова, прибегая именно к алфавитному словоуказателю.

Прояснение и отражение в ПОС системных отношений лексики, существующих в народных говорах, достигается некоторыми приемами разработки материалов:

а) указаниями на принадлежность слова к грамматической категории;

б) указанием стилистической категории (пометы выделяют экспрессивные слова, а без помет остаются стилистически нейтральные слова);

в) соотнесением простых и производных слов показывается место в словообразовательной системе;

г) в подборе свободных и устойчивых словосочетаний, в приводимой фразеологии — определяется место слова в синтагматической системе диалекта;

д) соотнесением синонимов и фонетико-морфологических вариантов слова освещается как соотношение лексических систем псковских говоров между собою, так и соотношение их с другими диалектами.

Всеми этими лексикографическими приемами достигается некоторая степень преодоления механичности алфавитного порядка слов, обнаруживаются наиболее достоверные системные связи словарного фонда. Более полное и отчетливое отражение их возможно лишь в ряде самостоятельных работ: в полных перечнях слов по грамматическим категориям, в монографиях по словообразованию псковских говоров, в монографиях по стилистике их, в синонимическом словаре, во фразеологическом словаре. В ПОС мы можем лишь наметить все эти группировки, дать исходный материал для них.

<…>

По возможности все записанные в псковских говорах формы слова следует показать в словарной статье, подбирая цитатные материалы с различными формами. Особенно тщательно должны быть показаны в примерах непарадигматические, необычные, исключительные формы, а также вариация грамматических форм по разным псковским говорам. <…>

Богатая гамма стилистических тонов и полутонов словоупотребления присуща диалектам, как и литературному языку, но сопоставительное изучение двух стилистических систем — диалектальной и литературной — еще не проведено во всех частностях. Поэтому мы подходим к стилистике диалектов с готовыми схемами литературного языка, возможно, не всегда подходящими. Однако мы не сомневаемся, что основные стилистические категории народной речи и литературного языка аналогичны и соотносительны. Верное понимание диалектальной стилистики достигается и длительным, углубленным наблюдением, или, лучше сказать, полным освоением диалекта, и анализом разнообразных и цельных диалектных текстов (повествовательных, диалогических, фольклорных). Однако, как ни трудны стилистические определения, надо стремиться установить их во всех случаях, когда для этого имеются достаточные данные контекста, ситуации или прямые свидетельства носителей говора.

Стилистические пометы ставятся только при словах и словосочетаниях, в ы д е л я е м ы х г о в о р я щ и м и по своей экспрессивности: их выделяют посредством выразительной интонации, или особого п о р я д к а слов, или динамического обособления, или аффектации, мимики и т. д.

<…>

Обычно среди стилистических помет помещаются и указания на узкую принадлежность слова к профессиональным группам. Они

должны быть отделены от стилистических и по отсутствию всякой экспрессии (ибо нельзя смешивать экспрессивность с неясностью, непривычностью, иногда полной непонятностью, неизвестностью непосвященным), и по ограниченности употребления в узком социальном кругу. Сюда относится специальная промысловая, ремесленная, профессиональная терминология.

<…>

Толкования значений должны быть лаконичны, четки, точны. Необходимо избегать расплывчатых и противоречивых пояснений. Не подходят и формально-логические определения «через род и специфический признак», так как они адекватны логическим понятиям, а не значениям живого слова в диалекте. Синонимические пояснения широко применяются вместо определений значения во всех словарях, и мы не отвергаем этой многовековой традиции, но признаем их уместность только в словарных статьях на прилагательные, глаголы, некоторые наречия и лишь в редких случаях — на существительные и неизменяемые части речи; вовсе неуместны или невозможны только синонимические толкования в статьях на местоимения, числительные, союзы, предлоги. Эти статьи, как и большинство статей на существительные, наречия, междометия, частицы, требуют развернутых определений, аналитически вскрывающих ведущие, константные и дополнительные признаки значения, или объяснения их служебных функций в речи, синонимы здесь допустимы лишь как дополнительные пояснения.

<…>

В определении значений недопустимы устаревшие или областные слова, а также придуманные для данного случая неологизмы. <…> Для стилистической характеристики слова надо пользоваться пометами, а не «колоритным переводом».

<…>

Лексикограф должен развить в себе способность к обобщению контекстов и вычленению сквозного эквивалента определяемого слова, подходящего для всего ряда однозначных контекстов.

<…>

Основные значения выделяются арабскими цифрами, а оттенки этих значений — двумя отвесными чертами. Каждое основное значение отличается от других составом логических признаков, поэтому всегда требует вполне самостоятельного определения, в котором были бы ясно указаны существенные элементы значения, противопоставляющие его остальным значениям.

<…>

Оттенки значений тоже — как правило — должны иметь самостоятельные определения, но в отличие от основных — эти значения настолько близки, что легко могут быть сведены под общим логическим признаком. Поэтому оттенки поясняются близкими по значению формулами.

Бра́ться… 1. Собираться сделать что-нибудь… || Обещать сделать что-нибудь… || с о т р и ц. (не) ручаться (что будет сделано). 2. Наниматься…

Три оттенка первого значения объединяются признаком произвольности и односторонности замысла, потенциально подразумевается и относительное бескорыстие начинаний. Второе значение противостоит всем оттенкам первого — наличием двустороннего договора о работе и вознаграждении.

Ба́еньщик… 1. Кто топит баню… 2. Фантастическое существо, обитающее в бане… || Домовой…

Второе значение переносит нас из реального мира в воображаемый, а оттенок « || домовой» явился вследствие утраты старинных представлений и сближения первоначально дифференцированных образов «баенщика» и домового. На этом примере видно, что различия оттенков значения относятся к несущественным, неактуальным для сознания говорящих в данное время.

<…>

Переносные значения слова определяются после прямых. Если при метафорическом употреблении слово не утрачивает важнейших признаков основного значения, — достаточно указания, в какой сфере представлений или к какому разряду реалий применяется слово не по прямому своему назначению (в таких случаях развернутый анализ необычного значения в словаре не обязателен). Так, например:

Змея — пресмыкающееся… || п е р е н. о злобной и ненавистной женщине…

<…>

Кроме очевидной близости прямого и переносного значения по общему семантическому звену — их объединяет еще и общеупотребительность, общеизвестность, одинаковая социальная база. Но в народной речи, как и в литературном языке, возможны свежие «творческие» метафоры, мимолетные, не укоренившиеся в языке. Они почти всегда не так прозрачны, их соотношение с основным словоупотреблением может оставаться неясным, неосознанным, уже потому хотя бы, что они непривычны, новы, несколько затрудняют понимание, заставляют задуматься. Нельзя оставлять в словаре эти новые метафоры невыделенными — под общей пометой «перен.». Мы будем обозначать их вторым, принятым в советской лексикографии термином: образно.

<…>

Подсо́ха, пацо́ха… подпорка, подставка с развилком вверху… | о б р а з н о об угодливом приверженце человека, имеющего силу.

<…>

Расположение основных значений по номерам, а также и оттенков значений между номерными должно быть подчинено принципу семантической филиации: от первичного, более конкретного — к производному, осложненному, к более абстрактному. Иногда фили-

ация устанавливается от комплексного, синкретического — к отработанному «чистому» семантическому признаку. Примеры:

<…>

Буй, -я м. 1. гора; место на верху горы, холма; || пригорок, холмик; 2. место около церкви, за церковной оградой (обычно — высокое место); кладбище у церкви; 3. открытое место, площадка (ср. у Даля.: «простор за околицей»); || Пространство между домом (избой) и изгородью, ср. заулок, улица; 4. стремнина в реке.

К концу статьи отодвигаются профессиональные, мало известные, специальные значения слов.

В некоторых случаях развитие, обогащение и усложнение значения слова, а в других — глубокие метафорические сдвиги, в третьих — упрощение содержания, абстрагирование — приводят к тому, что позднейшие значения почти отрываются от исходных, первичных. Таким путем появляются в языке «омонимы распада» (или гомогенные омонимы). Можно назвать этот процесс встречным по отношению к образованию омонимов при совпадении в одной звуковой форме — в силу ряда исторических изменений — двух слов разного происхождения. Результат того и другого процесса один: «омонимы распада» только путем исторического и этимологического исследования могут быть отделены от «омонимов сближения» (или гетерогенных омонимов). В областном словаре различать эти две категории омонимов нет никакой нужды; но не легко бывает с полной уверенностью и обоснованностью разграничить слова с древней богатой многозначностью от омонимов распада. Составители областных словарей предпочитают расчленение на «ряд омонимов», избегая громоздких статей с развернутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и проницательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи. Это куда трудней, чем разбить полисемантическое слово на 2, 3, 4 «омонима», не задумываясь над взаимообусловленностью и преемственной связью значений мнимых омонимов. Необходимо строго держаться правила: разбивать материал одного фонетического слова на несколько статей, как слова-омонимы, только при наличии: 1) этимологических указаний на разное происхождение слов, совпавших в одной звуковой форме, или 2) при полной (проверенной) несводимости к единству, невозможности обнаружить какие бы то ни было следы семантического сдвига, обособляющего группу словоупотреблений.

Без колебаний мы разделим на две статьи:

Гай[1]**, -я** м. гомон, крик. Δ **на весь гай** — ‘во весь голос’. Ср. **гайнуть** — ‘крикнуть’.

Это слово имеет индоевропейские параллели (санскр. gayati — ‘поёт’, лит. gáida — ‘мелодия, напев’, gaidys — ‘петух’).

Гай[2]**, -я**, м. 1. отходы льна при сортировке. 2. мятая трепанная, сорная солома. Ср. **гайна** — мятая солома.

Не имея никаких славянских и индоевропейских параллелей, это слово может быть соотнесено с финским haja: menna haja — lle ‘рассеиваться, разбиваться’, haja — annus — ’разлом, раздробление’. Ср. эстонское hajali —’врассыпную, вразброс’, hajuma — ‘рассеиваться, развлекаться’.

<…>

После каждого семантического определения (номерного значения слова или его оттенка) приводятся контексты заглавного слова для пополнения и подтверждения семантических и грамматических указаний. Для редких слов приводятся все имеющиеся в распоряжении составителя материалы. При обилии записей надо отбирать такие фразы, по которым наиболее ясно определяется и значение слова, и его реалия.

<…>

Иллюстративные выписки из картотеки или любых других источников словаря должны быть достаточно полными, семантически и синтаксически законченными, чтобы освещать значение заглавного слова, пополнять и обогащать семантическую формулировку.

<…>

После иллюстративных цитат приводятся зарегистрированные собирателями фразеологические материалы. Тремя знаками — уголка, треугольника и ромба — мы выделяем устойчивые словосочетания разных степеней спаянности. Идиомы, фразеологические сращения, в которых невозможно расчленение на смыслоразделительные слова, мы отделяем ромбом ♦. Метафорически иносказательные речения, в которых уследимо значение и соотношение слов-компонентов, отделяются треугольником Δ. Устойчивые словосочетания, употребляемые с обычным значением слов-компонентов, отделяем знаком угла >. Примеры:

<…>

Бить… > **бить ко́су** — ‘острить лезвие косы молотком на наковальне’. > **бить пе́чку** — ‘класть пе́чку’. > **бить се́мя** — ‘изготовлять льняное масло’. Δ **бить са́нками** (-челюстями), **языко́м** — ‘пустословить, болтать’. ♦ **вата́гу бить** (<…>) — ‘поднимать тревогу’.

<…>

Прозрачные по значению словосочетания, выделяемые углом >, помещаются после иллюстраций на подходящее номерное значение. Метафорические словосочетания, выделяемые треугольником Δ, лишь в немногих случаях следуют за прозрачными словосочетаниями в номерных разделах, если ясна соотносимость переносного значения с номерным. Как правило, и метафорические словосочетания, и идиомы, отделяемые ромбом ♦, помещаются в конце статьи, после всех номерных значений с их иллюстрациями. Идиомы не подключаются к какому-нибудь из обычных значений слова, так как их значение не соотносимо, не производится от значений отдельных слов-компонентов, а воспринимается целостно и с единым значением, как одно сложное слово.

<…>

Мы не сочли возможным отказаться в Псковском областном словаре от исторических параллелей. Как потому, что лишь три-четыре древнерусских диалекта достаточно отражены в письменности на такой исторической глубине, так и потому еще, что отбор псковской лексики из древней и старой письменности, уже осуществленный членами нашего коллектива, — не может найти лучшего применения и лучшего места издания, чем в специальном Псковском словаре.

Итак, кроме цитат из современных наблюдений, записей и объяснений употребительных слов — включаем в Псковский областной словарь еще и данные из фольклора старой и новой записи, содержащего немало архаической лексики, вышедшей (или выходящей) из употребления, а затем еще и выборки из древней и средневековой псковской (или северозападной) письменности. Все эти фольклорные и древнеписьменные цитаты воспроизводятся с возможной точностью, с сохранением орфографии, но без копирования старой и древней графики, т. е. с такими упрощениями, какие приняты, например, историками при издании текстов не самой древней поры (начиная с XIV века). <…> «Особых статей», т. е. содержащих только древний материал на слова забытые, ни в одном псковском говоре не сохранившиеся, будет мало, так как из древних источников будут выбраны: 1) слова, которые относятся к древнему общерусскому словарному фонду (большинство из них сохранилось в широком употреблении) и 2) те слова, которые мы с достаточным основанием относим к древнепсковской региональной лексике (значительная часть из них подтверждается именно псковскими говорами, хотя и относится часто к их пассивному словарному фонду).

<…>

Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова

Семантическая структура диалектного слова и методы ее описания в диалектных словарях[1]

Построение словарной статьи, характеристика значений и употреблений слова являются одной из наиболее важных и сложных задач словаря, в том числе и диалектного словаря. Многое в структуре словаря и словарной статьи является общим для диалектных словарей и словарей литературного языка. Наряду с этим диалектный словарь, в силу специфики описываемого в нем лексического материала, имеет ряд особенностей, характерных только для него.

[1] Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.

Важнейшей задачей диалектных словарей является выявление и характеристика значений включенных в их состав слов с показом особенностей их употребления в диалектной речи.

Полнота показа значений слова зависит от типа словаря: в словаре полного типа должны быть показаны как диалектные значения, так и значения слова, общие говору и литературному языку; в дифференциальном словаре находят место только те значения, которые не являются литературными (общенародными). Возможно компромиссное решение этого вопроса, при котором литературные значения, известные и в говоре, показываются, но не разрабатываются, а только получают отсылку к литературному источнику. Этот тип разработки семантической структуры слова небесполезен в том отношении, что дает возможность более отчетливо и выразительно показать особенности диалектных значений через соотношение их с общенародными, которые часто могут быть первичными значениями.

В практике русской лексикографии (и в составлении словарей литературного языка, и в составлении диалектных словарей) наиболее распространенным способом разработки семантической структуры многозначного слова явился способ подачи значений в некоем строго определенном порядке. В этом смысле говорят об иерархии значений, о значениях первичных, исходных и вторичных, производных. Эта иерархия соблюдается как в тех словарях, которые каждое особое значение сопровождают порядковым номером, так и в тех, которые формально такой нумерации не дают. Порядок значений в словарной статье может отражать историческую последовательность семантического развития слова, если словарь является историческим, либо связь между значениями многозначного слова устанавливается на основе тех живых соотношений, которые существуют между ними в современном языке, соотношений, которые ощущаются носителями языка, если словарь преследует нормативные цели. Наконец, значения могут располагаться в словарной статье в логической последовательности, когда одно значение выводится из другого, исходя из понимания смысловой структуры слова в данный период развития языка или из большей или меньшей типичности значений, большей или меньшей их употребительности, распространенности. При этом соблюдается ряд дополнительных регламентаций, помогающих упорядоченному показу значений в словарной статье на многозначное слово, как то: переносные значения слова помещаются непосредственно после тех прямых значений, из которых они развились; нейтральные значения (значения, свойственные всем стилям речи) помещаются раньше, чем стилистически маркированные значения; специальные (научно-технические, профессиональные) значения слова помещаются после значений, которые присущи слову в его общем употреблении, и т. д. и т. п.

Конечно, такая регламентация в разработке смысловой структуры слова в идеале присутствует лишь в проектах и замыслах словарей, в практическом же их осуществлении в любом словаре имеется немало

ошибок, отступлений от правил, которые сами иногда превращаются в правила; и связано это прежде всего с тем, что каждое слово языка наряду с общими для всего словарного состава данного языка обладает таким количеством индивидуальных, неповторимых черт, что не дает возможности применять к нему заранее выработанную схему.

Все перечисленные способы расположения значений (построения словарной статьи) оправданы, если речь идет о словаре, отражающем определенную лексическую систему в синхронном срезе, или лексическую систему в диахронии, в ее историческом развитии. Только системность, наличие определенных связей и отношений между словами и их значениями, при условии, что все звенья (или почти все звенья) цепи системных связей и отношений имеются в распоряжении составителей словаря, дает возможность ставить вопрос о восстановлении исторической последовательности развития смысловой структуры слова в историческом словаре; это условие совершенно необходимо для восстановления логической связи значений или субординации их зависимости от активности употребления в тот или иной период развития языка.

Толковые словари русского литературного языка, особенно академические словари советского времени, в той или иной мере могли решать эти вопросы, опираясь на довольно богатые материалы, отражающие лексическую систему языка.

Сложнее обстоит дело с возможностью упорядоченной подачи значений многозначных слов в диалектных словарях. Возможны различные решения при составлении: а) полного словаря отдельного говора, описывающего систему лексики как «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент» (Л. В. Щерба) и ставящего перед собой задачу целостного описания лексики диалекта как средства коммуникации данного коллектива; б) дифференциального словаря одного говора, в котором будет представлена не вся совокупность лексико-семантических средств говора; в) сводного областного словаря, включающего в свой состав лексику ряда говоров.

П о л н ы й с л о в а р ь одного говора представляет собою свод всех употребляющихся в нем слов, как общераспространенных (общенародных), так и локально ограниченных. Естественно, что в него должны были бы войти почти все слова русского языка, так как носители современных говоров так или иначе владеют не только местным лексическим запасом, но и словарным составом литературного языка. Такой словарь приблизился бы к типу словаря thesaurus, фиксирующему с абсолютной полнотой все богатство лексического состава языка во всех его значениях и употреблениях. Это обстоятельство давало бы возможность представить системное описание лексического состава говора, наметить многообразные связи и отношения между словами, проследить процесс развития значений, выделить пласты лексики, различающиеся по активности употреб-

ления, показать стилистическую дифференциацию словарного состава — т. е. представить материал для характеристики системных отношений в лексике говора. Такой словарь в определенном отношении даже больше, чем словарь литературного языка, дал бы возможность отразить последовательность семантического развития слова (в литературном словаре могут отсутствовать многие звенья семантической цепочки, в то время как в словаре диалектном (полного типа) они будут представлены). Поэтому словарная статья в таком словаре должна быть построена по принципу иерархического расположения значений (первичные значения занимает первое место, вторичные следуют за ними). В таком словаре вполне закономерно выделение семантических оттенков значения и особенностей употребления, представляющих собой незначительные семантические сдвиги, так как все эти изменения и сдвиги протекают в одной лексической системе. Вполне закономерно для такого словаря построение словарной статьи, отражающей живые соотношения, которые существуют между значениями слова в современном говоре — отношения, которые выводятся из действующих в говоре норм словоупотребления.

Не так просто решается вопрос о структуре словарной статьи для дифференциального словаря одного говора. В связи с тем, что в нем будет представлена только часть лексики говора (причем меньшая часть ее) и что многое, характерное для лексики говора, будет оставлено за пределами словаря, системные связи, противопоставления и цепные сочетания слов в лексике диалекта будут упущены; словарь не полностью отразит живую систему лексики говора; в полисемантичных словах, имеющих общенародные и диалектные значения, будет разорвана система значений, многие коренные слова, общие для диалекта и литературного языка, не войдут в словарь; словообразовательные и этимологические связи слов будут нарушены…

Словарная статья на многозначное слово в таком словаре, естественно, превратится в собрание различных значений, связи между которыми будут далеко не очевидными. И все-таки в таком словаре вполне возможно и закономерно строить словарную статью так же, как в словаре полного типа, потому что в нем будет представлена часть лексики, относящейся к одной системе, а правильно решать вопрос о последовательности развития значений многозначного слова составителю поможет обращение к словарям литературного языка, в которых представлены слова и значения, общие для говора и литературного языка.

Значительно сложнее решить вопрос о структуре словарной статьи в сводном областном словаре, включающем в свой состав лексику ряда говоров; такой словарь, как уже отмечалось, может быть только дифференциальным и по теоретическим и по практическим соображениям. Все многообразие функционирования слова в речи, полнота его семантики, особенности соотношения лексического значения с внеязыковой действительностью, многообразные лексико-семантические связи слов (отношения синонимии,

антонимии, родо-видовые отношения и т. д. и т. п.), т. е. все то, что составляет понятие «системные отношения и связи», можно показать только на лексическом составе одного говора. Совокупность разных говоров, пусть даже близких по своей структуре, не обладает таким единством лексической системы, как один говор.

Однако, как говорилось выше, лексико-семантическое богатство всех русских говоров не является собранием чего-то случайного, разнородного, никак не взаимосвязанного. Наоборот, связи, переходы, промежуточные ступени в семантическом развитии нередко проявляются довольно отчетливо, и слово со всей совокупностью значений, зарегистрированных в самых различных говорах русского языка, с известным допущением можно представить как единую лексико-семантическую единицу. Но, кроме этих соображений, есть соображения чисто практического характера, которые диктуют и в сводном словаре значения одного слова, зафиксированные в различных говорах, подводить под одно многозначное слово и строить для них одну словарную статью. При этом вполне допустима и даже целесообразна цифровая нумерация значений, которая дает возможность делать различного рода отсылки, сравнения и сопоставления, без чего ни один словарь не может обойтись.

Способы семантической разработки слов в областных словарях

Известно, что характер словарных определений зависит от типа словаря, его целей и задач, от типов лексических значений слова, от структуры семантических классов слов. В практике русской диалектной лексикографии сложился тип областного словаря, объединяющего в себе черты словаря переводного, толкового, исторического и энциклопедического. Эти черты и особенности получают выражение прежде всего в способах и методах семантической разработки слов, в типах определения значений.

Истолкование значений слов, раскрытие их реального содержания, показ различных оттенков значения и особенностей употребления является важнейшей задачей толковых словарей. «Словарная работа основана исключительно на семантике», — подчеркивал акад. Л. В. Щерба. История составления словарей (в том числе словарей русских народных говоров) свидетельствует о постоянных поисках наиболее рациональных методов толкования слов различных категорий словарного состава языка. <…> Во всех диалектологических словарях <…> лексико-семантическая система диалекта или всех говоров описывается в сопоставлении с лексико-семантической системой литературного языка. Литературный язык при этом выступает метаязыком описания. Это определяет существенные различия в семантической характеристике слов в диалектных словарях, с одной стороны, и в толковых словарях литературного языка — с другой. <…>

Здесь на первый план выдвигается проблема связи типов определений с типами лексических значений и различными классами слов. Вместе с тем определение каждого слова должно в принципе отразить понятийный и реальный компоненты значения, а также показать внутриязыковые связи и отношения слов. Это стало общим требованием к семантической характеристике слова в словаре.

В последнее время говорят о «семантических» и «предметных» описаниях слова в словарях. Связь слов с объективным миром вещей настолько тесна, что толковый (филологический) словарь не может обойтись без описания предметов, без показа неязыковой информации. Поэтому, не снимая полностью щербовское противопоставление энциклопедического толкования понятий филологическому объяснению значений слов, сейчас все больше начинают говорить о сближении и взаимопроникновении этих различных подходов к разработке смыслового содержания слов. Необходимость такого сближения особенно заметна в практике диалектной лексикографии, что связано прежде всего с особым объектом лексикографической разработки в областных словарях. <…>

Иногда выделяются две категории областных слов, требующих различного подхода к их семантической характеристике в диалектном словаре: а) слова, совпадающие по своему значению с соответствующими литературными словами (эквивалентами); б) диалектные слова, значения которых не совпадают со значениями слов литературного языка (не имеющие соответствующих литературных эквивалентов). <…>

Особое внимание должно быть обращено на разработку слов, в семантической структуре которых совмещаются общенародные и диалектные значения и оттенки. Трудности разграничения диалектного и общенародного в семантике слова общеизвестны.

В народных говорах отражаются различия в сегментации понятий, различия в сегментации реального мира вещей и явлений, что, естественно, находит выражение в диалектных различиях лексико-семантического уровня. Это может выражаться, например, в том, что в одних говорах есть слово, обозначающее различные степени детализации этого понятия. <…>

Это можно видеть и на примере функционирования в говорах слова жито. Это слово, уходящее своими корнями в общеславянскую и более глубокую древность, известно и современному литературному языку в значении ‘любой хлеб (на корню, в снопах, зерне)’, широко распространено в говорах Русского Севера, Северо-Запада и Северо-Востока, в поволжских, южно-русских, уральских и сибирских говорах, однако картина функционирования слова в говорах и в литературном языке не совпадает. Это наглядно представлено в СРНГ[1] в словарной статье на *Жито*, которую приведем здесь с некоторыми сокращениями:

[1] СРНГ — Словарь русских народных говоров [*примеч. сост.*].

Жито. 1. Любой хлеб (на корню, в снопах, зерне). **Тамб., Пенз., Ряз., Тул., Са рат., Перм., Вят., Нижегор., Горьк., Костром., Моск., Яросл., Новг., Волог., Арх**. // Хлеб на корню. **Арх., Том., Пенз.** // Хлеб в снопах. **Яросл.** // Хлеб в зернах. **Вят., Киров., Перм., Екатеринб., Том., Новосиб., Курск., Тул., Ворон., Самар., Куйбыш., Пенз., Ульян., Симб., Нижегор., Яросл., Костром., Волог., Арх., Север.** // Чистое зерно. **Вят.** // Самое чистое зерно. Кузнец. **Том.** //Овес, ячмень, пшеница, греча. **Вост.** (Даль). // Ячмень, пшеница. Устюж. **Волог., Новг.** // Яровой хлеб в зерне. **Вост.** (Даль). // Рожь, пшеница. Сузун. **Новосиб.** // Ячмень, рожь, пшеница **Тул.** // Горох, ячмень. **Волог.** // Овес, пшеница. **Волог.** // Овес, ячмень. **Яросл.** Овес, ячмень, пшеница. Кадн. **Волог.** // Ячмень, рожь. Бельск. **Смол.** // Пшеница. **Калуж., Куйбыш.** // Яровой хлеб. **Яросл., Волог., Арх., Моск., Вят.** // Ячмень (на корню, в снопах, зерне). **Новг., Смол., Твер., Калин., Пск., Петерб., Ленингр., Волог., Олон., Онеж., Сев.-Двин., Арх., Север, Яросл., Влад., Моск., Тул., Тамб., Вят., Енис., Краснояр.** //Ячмень на корню. **Белозер., Новг., Арх.** // Ячмень в зерне. **Арх.** // Рожь (на корню, в снопах, зернах). **Курск., Орл., Тул., Калуж., Брян., Смол., Великолукск., Влад., Ряз., Казан., Тамб., Ворон., Сарат., Куйбыш., Дон., Краснодар., Кубан., Южн., Перм.** // Рожь на корню. **Курск.** // Рожь в зерне. Рыльск., Судж. **Курск., Вят., Перм., Том.** // Яровая рожь. **Вят.** (Даль).

2. Зерно, оставленное на семена. **Вят., Нижегор.**

3. Колосья. **Вят., Арх.**

4. Кушанье из ячменя с горохом или бобами. **Пск.**

5. Ячменная крупа. **Арх.**

Очевидно, что все многообразие значений и оттенков, варьирующихся на обширной территории, в различных говорах, не может быть сведено в сводном областном словаре в одно значение. <…>

С точки зрения территориального распространения диалектная лексика подразделяется на две большие группы: а) слова, известные, во многих говорах; б) слова, употребляемые только в одном говоре. Особо выделяется совокупность слов, известных только севернорусским или только южнорусским говорам. Эти различия имеют существенное значение для областных словарей, ибо нередко «в одних говорах существуют названия для более общих; понятий, в других: — для более частных, а в третьих — и для более общих, и для более частных», что затрудняет семантическую разработку слов (особенно в сводном словаре русских говоров). <…>

В народных говорах вскрываются различные по происхождению лексические пласты: слова, восходящие к индоевропейскому фонду, общеславянские слова, древнерусские (восточнославянские) слова, новообразования на русской диалектной основе, заимствования из других языков, слова, пришедшие из арго, жаргонов и освоенные диалектами.

В практике диалектной лексикографии вначале стихийно, а затем все более осознанно и научно аргументированно наметились разные подходы к разработке семантики слов этих категорий. Обычно говорят о двух основных видах определений в диалектных словарях: «синонимических» и дефинитивно-описательных. Многие диалект-

ные слова и выражения целесообразно определять путем передачи их значений соответствующим литературным эквивалентом («синонимом»), имеющим тождественное значение: *иверьги — серьги, имбар— амбар, имение — мнение, калита — ватрушка, калига — брюква* <…> Это относится к словам, имеющим соответствующие литературные эквиваленты. Разновидностью такой разработки являются случаи, когда диалектное слово (значение) передается не одним, а рядом эквивалентов литературного языка: *заклячить — зажать, захватить, защемить*; *заклятый — засохший, затвердевший*; *замодеть — зазнаться, загордиться* <…>

Передача значения диалектного слова через соответствующий литературный эквивалент — это по существу метод, используемый в двуязычной лексикографии. Поскольку русский литературный язык и его говоры возникли из одного источника и на протяжении всей истории их развития влияли и влияют друг на друга, постольку в их основе лежит одна система понятий. Это делает перевод диалектного слова литературным эквивалентом не только возможным, но и целесообразным, можно сказать, оптимальным приемом семантизации. Количество таких слов достаточно велико. Учитывая, что обычно областные словари являются толково-переводными, следует считать оптимальным прием передачи значения таких слов путем его перевода соответствующим литературным эквивалентом, т. е. приведением равнозначного слова литературного языка. <…>

Литературный эквивалент («синоним»), совпадая с диалектным объяснением (определяемым) словом в предметном содержании (тождество предметного содержания), отличается в ряде случаев значимостью в лексической системе, особенностями сочетаемости и употребления в контексте. <…>

Как особый случай следует рассматривать определение через сочетание собственно определения и описания с приведением соответствующего синонима, например*: задолить* ‘пробыть где-либо долго, замешкаться’; *закатистый* ‘накатанный полозьями, скользкий’; *замана* ‘привлекательный предмет, соблазн, приманка’; *заморянин* ‘человек, прибывший из-за моря, иностранец’ и т. п.

В других случаях должны применяться дефинитивно-описательные определения, вскрывающие ведущие, постоянные признаки значения. <…>

Так, выделяются: а) «реальные, характеризующе-описательные определения; б) ограничительные определения; в) структурно-смысловые определения; г) структурные определения; д) грамматические определения». Применение той или иной разновидности описательного определения зависит прежде всего от характера лексического материала, от особенности семантики слов, от их места в системе диалекта и национального языка. При семантической разработке слов, обозначающих предметы, состояния, положения, действия, применяются реальные и характеризующе-описательные определения, напри-

мер: *лозовня* ‘сарай со стенами, сплетенными из лозы, хвороста’; *лом* ‘тяжелая работа, труд’; *лошенка* ‘серп, на котором наведен глянец’ и т. п. С помощью структурно-смысловых дефиниций вскрываются отношения между смыслами (значениями) производных и производящих слов, например <…> *лисицевина* ‘мясо лисицы’; *лобатик* ‘человек с большим лбом’; *лосеватъ* ‘охотиться на лося’; *лосенята* ‘детеныши лося’ и т. п. Следует только отметить, что многое в этом отношении диалектные словари заимствуют из опыта работы над словарями литературного языка, где проблема обсуждается уже давно и где практика составления словарей выдвинула целый ряд методов и способов семантизации слов. Нас интересует вопрос о соотношении и разграничении «семантических» и «реальных» описаний слова в словарях, вопрос о соотношении и разграничении филологического и энциклопедического принципов описания в словарях, наиболее четко сформулированный акад. Л. В. Щербой и коллективом составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. <…>

«Вторжение» элементов энциклопедической разработки слов в диалектном словаре не является результатом недостаточно четкого разграничения задач энциклопедических и филологических словарей, а представляет собой осознанный, необходимый и целесообразный прием. <…>

В говорах сохраняется та часть лексического состава, которая отражала некогда актуальные явления действительности, а теперь связана с пережитками старины: эта лексика не имеет соответствующих эквивалентов в литературном языке. Сюда относятся такие тематические разряды лексики, как слова, связанные с отражением старых форм ведения сельского хозяйства, с названиями сельскохозяйственных орудий, хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев, игр, поверий, жилищ, надворных построек, кушаний, особенностей рельефа, специальных действий и процессов и другие. <…>

Диалектные словари отражают неодинаковое по говорам (по местностям) членение внеязыковой действительности, что находит выражение в смысловой дифференциации слов, значения которых с точки зрения носителя литературного языка могут казаться семантически неделимыми.

Это обстоятельство особенно важно учитывать в сводном областном словаре типа СРНГ, в котором обобщаются материалы по всем говорам русского языка, собранные почти за двухсотлетний период их развития. Нередко одним словом в разных краях России обозначаются настолько различные по своему материальному составу и устройству предметы, что их трудно подвести под одно значение, хотя с точки зрения носителей литературного языка это одно лексическое значение. Элементы энциклопедического описания как раз и призваны выявить такие различия. В СРНГ такая разработка сопровождает многие слова и термины. <…>

Подобно историческому Словарю, словарь диалектный выполняет задачу отражения и закрепления достижений материальной и духовной культуры народа. Чтобы выполнить такую задачу, диалектный словарь должен в семантических описаниях дать картину объективного мира вещей и явлений, характеризующих жизнь и быт русского народа. Определения значений слов должны в этом случае стать определениями самих предметов и явлений. Толкование в этом случае неизбежно переходит от определения значений к раскрытию, описанию идей, понятий, предметов и явлений реального мира. Происходит тесное переплетение принципов толковых (филологических) и энциклопедических словарей, причем это переплетение и сближение является неизбежным, теоретически оправданным и практически целесообразным.

Такой подход к семантической характеристике слов указанных классов отчетливо проявляется в замечательных для своего времени областных словарях А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, причем этот подход был продиктован принципиальным положением о том, что словари областных наречий должны быть вместе с тем и словарями этнографическими. Этнографический аспект областных словарей важен, по мнению А. О. Подвысоцкого, потому, что «областные наречия образовались под влиянием различных в разных местностях этнографических условий, которыми только и можно объяснить склад и происхождение весьма многих областных слов и особенностей наречий». Поэтому слова, относящиеся к местной терминологической лексике (названия орудий труда, местных обычаев, местных явлений природы, особенностей ландшафта, названия построек и. т. п.), т. е. этнографизмы в широком смысле, получили в Словаре Подвысоцкого энциклопедическое толкование (реальное описание). <…>

При словах, обозначающих явления быта, обычаев, нравов, понятий, связанных с народной медициной, кроме толкования приводятся различные приметы, поверья и другие сведения этнографического характера. Ср., например, словарную статью на слова: *Он, Сам, Хозяин, Овсяник, Зверь*: «*Он, сам, хозяин, овсяник, зверь* и реже *грязной* — вот названия, которые олончанин надавал медведю. В них обозначена сила впечатления, производимого медведем на олонецкого сельского обывателя, в них же обозначены симпатии медведя, его положение в лесной иерархии и страх обывателей перед этим “зверем” из олонецких зверей. Слова эти настолько употребительны, что совершенно заслонили собою слово общерусское — *медведь*! Местные условия менее всего могли, конечно, поддержать, помочь распространению слова *медведь* — ни олонецкий медведь, ни сам олончанин меда от олонецких пчел никогда не видали, и страсть медведя к молодому овсу для олончанина гораздо понятнее. Кроме того, крестьянин верит, что медведь есть человек, превращенный каким-то волшебством в зверя (рассказы о Лип-дереве, порче на свадьбах и т. п.), поэтому, говорят крестьяне, медведь сам никогда не нападает на человека; нападает лишь из мести за причиненное ему неудовольствие

или в отмщение за совершенный грех, по указанию бога (даже если корову он съедает, то считают, что ему «бог позволил»)» и еще много других сведений этнографического характера. <…>

Такой же характер носит разработка подобных слов в «Словаре русских народных говоров». В нем многие слова получают предметное описание в тексте определения. <…>

Стремление как можно полнее описать реалию в тексте определения в СРНГ объясняется рядом причин. Это прежде всего связано с тем, что СРНГ отражает лексику народных говоров не только наших дней, но и захватывает довольно большой отрезок прошлого (с начала XIX в.). За это время произошли большие изменения не только в словарном составе говоров, но и в понятийном мире и в мире реальной действительности. В этих условиях каждое слово приобретает черты и характеристики специального исторического или этнографического термина. С другой стороны, Словарь, опираясь на записи диалектной речи XIX–XX вв., за редкими исключениями, не располагает цитатами, хорошо иллюстрирующими употребление слова. <…>

Семантическая разработка многих разрядов диалектной лексики связана, таким образом, с необходимостью проникновения в мир духовной и материальной культуры русского народа. Это особенно отчетливо осознается в последнее время, когда начинает углубленно изучаться слово как вместилище и хранилище знаний о действительности. Установлено, что значение слова не может быть сведено к лексическому понятию, оно включает в себя так называемый лексический фон, который должен учитываться при семантизации определенных разрядов лексики в словарях. Это особенно необходимо в областных словарях, отражающих лексику (и, следовательно, понятийный и предметный мир), хотя и близкую, но не совпадающую со словарным составом литературного языка.

<…>

Словарь русских народных говоров[1]

1. Живо́т, á, *м.* 1. Подвздошная часть живота. *Живот болит? — Нет, не живот, а брюхо.* Ржев. **Твер**., 1897.

2. Болезнь какого-либо органа брюшной полости. *Какой ты болезнью хвораешь? — Да животом.* Каин, **Том**., 1913. **Сиб**., **Смол**.

3. Грудь. *Живот болит* — грудь болит. Осташк. **Калин**., 1946. ‖ О сердце. *Хоть ночует — всю ночь прогорюет, Животом сердцем проскучает*. **Том**., Соболевский. *Меня милый угостил, С парадной лестницы спустил — Жалко сердцу животу, Зачем обидел сироту*. Новоторж. **Твер**., 1916. ◊ Живо́т болит о (по) ком-либо. а) Беспокоиться, заботиться о ком-либо; сердце болит о ком-либо. *Разве у меня по ем живот-то не болит!* Верхот. **Перм**., 1899. *Болит душа по Васеньке, Да по Колюшеньке живот.. Боюсь не скоро заживет* (частушка). Онеж. **Арх.** ◊ Живо́т болит. О сильном

[1] Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. Л.; СПб., 1965–2007.

желании сделать что-либо (часто преступное). *Живот болит, если плохо лежит*. Бельск. **Смол.**, **Сиб.**, 1914. ◊ Ж и в о́ т замирает о ком-, чем-либо. То же, что живот болит о ком-либо. *Лошадям дадут жому ведро, сена нетути, своя корова голосит и о лошадях живот замирает*. Комарич. **Брян**., 1964.

4. Детородные органы (как женские, так и мужские). **Челяб**., 1914. ~ **Живо́т болит**. О триппере. Перм., **Перм**., 1930.

~ **Болячка (им) в живот (животы)!** Бранное выражение. *Надарили, болячка им в животы!* (поговорка). **Терск.**, **Кубан**., 1910. **Живо́т (животы́) вымотать**. Очень сильно устать; надорваться. *С ними животы-то все вымотаешь*; **Самар.**, 1854. **Живото́в (животы́) не жалеть**. а) Не беречь себя в каком-либо деле. *Люди споруются, животов не жалеют* (пословица). Даль [без указ. места]. б) Делать что-либо быстро и приложив все силы. **Пск**., Осташк. **Твер**., 1855. **Живота́ покоротать**. Устать. Галич. **Костром**., 1897. **Живо́т править**. а) Массировать живот с лечебной целью. Каин. **Том**., 1913. б) Помогать роженице, надавливая, растирая и т. п. живот. **Уржум. Вят.**, 1897. **Живо́т сорвать**. Надорваться. *Она живот сорвала.* **Сарат**., Шахматов. **Животы́ сперетянуло.** Живот надорвать (от смеха). *И вот потеху-то она тогда мне рассказала! Умора, право, умора! Все животы мои сперетянуло.* Холмог. **Арх**. **Живото́м схватило**. Заболел живот. **Вытегор. Олон**., 1896. **Лопай твои животы́**. Грубое приглашение к еде: жри, лопай. **Смол**., 1905–1921. **Лопни мой живо́т!** Божба. *Ей-богу, лопни мой живот!* **Сарат**., Иванова. **Разорви ваши животы́**. Бранное выражение. **Смол**., 1914. **Сытым живото́м** (поднимается опара). (Поднимается) высоко и в форме купола. **Смол**., 1914.

2. Живо́т, а́, *м.* 1. Жизнь. Слов. Акад. 1809 [с пометой «*в словенском*»]. *Молодой юнош, не придай смерти, придай живота́* (сказка). Устюж. **Волог.**, 1887. **Волог.** *С животом его да разлучить хотят*. «Былины Печоры и Зимнего Берега», **Беломор**. (в былине). **Арх**. *Ай же ты Ставер да Стогодинович! Что же желаешь нынъ — живота али смерти?* **Онеж**., Гильфердинг. Онежские былины. **Новг.** (в сказке). «„*Живота или смерти*“ *— говорят дети, когда один повалит другого и сядет на него*». **Влад**., Чернышев. **Тул**.,. **Костром**., **Урал**., **Том**. *Живот смерти боится* (поговорка). **Ворон**. Слов. Акад. 1955 [с пометой *«устар.»*]. □ В животе́ и во живо́те, в знач. *нареч., Да достать мне-ка Федора во живо́те.* **Арх**., Григорьев. *У меня только один сын в животе́, а остальные пали.* Лешук. **Арх**. ~ **До своего живота́**. До конца своей жизни. **Арх**., 1897. **Живота́ не надышу**. Не радостна жизнь. **Орл**., Даль. **Посылать по живо́т**. Давать жизнь. *Надо бога благодарить, что он по живот посылает, а он еще ругается, что жена часто родит.* Покр. **Влад**., 1905–1921.

2. С живото́м. С выздоровлением. *Поздравляют с животом роженицу.* Одоев. **Тул**., 1897.

3. Ласкательное слово. *Душка моя Марьюшка, Живот мой Трифоновна!* Ряз., 1847. *Только любит да с Петром спать, Только любит животом назвать*. Сычев. **Смол**.

3. Живо́т, а́ [*мн.* животы́ и живота́], *м.* 1. Домашний скот (преимущественно лошадь). **Яросл**., 1820. **Костром.**, **Арх**. *Мы убьем-ко старого, пограбим-ко, Со конем животом его разлучим.* **Онеж**., Гильфердинг. **Ленингр**., **Вят**., **Белозер**., **Новг**. *Что зря хлещешь живот-то!* **Твер**. *Все животам идет: свиньям, корове, а куда девать, коли животов бы не было.* **Калин**. **Великолукск**. *Я налью пойду воды своим животам на сковороды.* **Пск**. **Смол**., **Пенз**. *Животами обеднял* — лишился скотины, лошадей. **Тул**.

Курск., **Орл**., **Ворон**., **Оренб**., **Перм**., **Хакас**. **Краснояр**. □ *Собир.* У *него много живота.* **Яросл**., 1843. *У него только и живота, что корова да овца.* **Волог**. **Костром**., **Нижегор**. *Про нашего живота и баять нечего* — про нашу скотину и говорить нечего. **Симб**. **Моск**., Богород. **Тул**., **Хакас**. **Краснояр**. Слов. Акад. 1955 [с пометой *«обл.»*]. Слов. Акад. 1957 [с пометой *«устар.* и *обл.»*]. ♦ Лошадь. *Доедешь, коль животы не устанут.* **Пенз**., 1852. *У меня животы лихие.* Дмитров. **Курск**. □ Живота́, *мн,* Лошади. «Для отличия от животы́, что значит вообще весь домашний скот». **Пск**., Осташк. **Твер**., Карпов, 1855. ♦ Хорошая лошадь. **Новоск**. **Курск**., 1852. **Ставроп**. **Самар**.

2. Всякое живое существо. *Всякий живот боится смерти* (пословица). Даль [без указ. места]. *У столба я хожу, У дубового хожу,.. Наделю я столба животом, Красной девицей-душой.* **Байкал**., Станиловский.

3. Имущество; пожитки. **Ряз**., 1820. **Ворон., Моск., Влад. Нижегор., Яросл., Новг., Петерб., Ленингр.** *Праведен живот не теряется* (пословица). Онеж. **КАССР**. *Как досюль был у меня батюшка — богатого живота человек!* **Заонежье**. *Карбас-от полон привез, да один весь живот и выгрузил*. **Арх**. Олон. **Печор**., **Север., Волог**. *Весь мой живот в одной избе* — все мое имущество одна изба. **Вят. Перм**. *У их живота много, всего, всего полно,* **Исет**. **Перм**., Слов. Ср. Урала, 1964 [с примеч. «иногда *мн.* животы»]. **Свердл., Челяб., Зауралье, Том., Тобол., Енис., Иркут., Забайк., Южн.-Сиб.,** Кольск. **Якут**. ◊ Приданый живо́т. Приданое. **Арх**., 1885. ~ Живота́, *мн. Черти ушли собирать живота* (имущество). Лодейноп. **Ленингр**., Ончуков. ~ **Животы́ выматывать**. Вымогать материальную помощь. *Последние животы выматывает* (о бездельнике в семье). **Ворон**., 1892. **Животы́ коротки**. Мало средств. *Купил бы корольки, да животы́ коротки*. **Кадн**., **Волог**. **Волог**., 1885. **Ни скота ни живота́**. Ничего. *У нас нету ни скота ни живота.* Крив. **Том**., 1964. **Том**.

4. Пушнина. *Чукчи с животом пришли сей год, богатые.* Колым. **Якут.**, 1901.

5. Клад. *Парень стал живот искать* (клад, закопанный в лесу), *а живота́ нет, не мог найти* (легенда). Тавд. **Перм**., Ончуков, Соликам. **Перм**.

6. В сочетаниях. ◊ В животы́ итти, быть в живота́х. Женившись, жить в доме тестя. Шенк. **Арх**., 1846. **Верховаж**. **Волог**. *Он в животах у их был, вырос и женился на дочке-то.* Весьегон. **Твер**. ◊ Брать, взять кого-либо в животы́. а) Брать на воспитание ребенка. **Волог**., 1822. **Арх**. б) Брать зятя в дом. **Арх**., **Волог**., Даль.

7. Бранное слово. Ряз., 1898. ◊ Пропадушный живо́т. Кирил. **Новг**., Слов. карт. ИРЯЗ. ~ **Немилый живо́т**. Бранное выражение. *Замолчишь ли ты? Экий ведь немилый живот.* **Буйск**. **Костром.**, 1897.

8. Живота́ делить. Карточная игра для двоих. «Колода раздается.. играющим. Один открывает карту, другой или берет ее или отдает свою, если последняя меньше. Эти приобретения откладываются в сторону. Когда розданные карты будут все перебраны, начинают открывать таким же образом вновь накопленные кучки. Игра может длиться несколько часов. Выигравшим считается тот, у которого противник заберет все карты, то есть сосредоточит у себя всю колоду. Особенностью этой игры является то, что шестерка бьет туза». Онеж. **КАССР**, Калинин, 1933.

4. Живо́т, а́, *м*. 1. То же, что 1. Живо́к. **Волог.,** 1846.

2. *Собир*. Слепни, комары, оводы и т. п. Животу у нас — смерть! Только утром рано да вечером поздно и работаем. **Новорж**. **Пск.**, 1898.

Псковский областной словарь с историческими данными[1]

ЖИВОТ[1], а, *м.* **1.** *Часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения.* Как наставил наган, так ы в жывот, возли пряшки. *Остр.* А свирибой жолтый, его пьють, каўда жывот балит, нам ео здавать вялят; три дня падрят пил, такие рези в жывате. *Вл.* Ой, балить жывот, весь жывот больна, што с йим такова стала. *Локн.* Напёрло в жывате. *Палк.* Такие атрашшаю жывата, ня работают. *Остр.* Он жа [горох] толька завёлся, няльзя жа, жывот стяряиш. *Пушк.* Када чувствует ахотник, што медветь яво шшас павалит, фспарьтвает нажом жывот ему снизу вверьх. *Слан.* Патпруга — пад жывот каню. *Сл.* Он взял да кинжалам яму [удаву] разрезал жывот. *Пск. // Утроба.* Адин [ребенок] был в жывате, двое была рожэн. *Кр.* > От живота́. *От болезни живота.* Зуброўка — ўотку настаивают ы пьют ад живата. *Вл.* Вот сушоная чарника харашо ад жывата. *Нов.* > Живот надорвать. *Надорваться на тяжелой работе.* Вазьму невят ы тину, думаю, жывот надарву, так хать жыть ни стану. Гд. > Животом мнётся *см.* **мяться**. Живот поджомши (ходить). *С пустым желудком, голодным.* Суп варим, ня будиж жэ хадить жывот паджомшы. Остр. Живот к позвоночнику (к хребтине) приросши (присохши). **а)** *у кого. Кто-н, испытывает муки голода.* У меня уже жывот к пазваночнику приросшы, бутылку лиманаду взял. *Гд.* **б)** *Кто-н. очень тощий, худой.* Гаратских-та многа диких, а вы ничаво — густеньки; а то — дики, жывот присохшы к хряптины. *Гд.* Живот подхватить. *Сильно рассмеяться, покатиться со смеху.* Ана стала сириди трамвая, народу-ту мало сидит, ана гаварит: «Ой, бес какой гарбатый, где ш он, бес, был». Нарот весь сидит, жывата патхватили. *Дед.* Ходить живот поджавши. *Сильно смеяться, покатываться со смеху.* А мы над горы ходим жываты паджафшы, нам была смешна. *Печ.* Живот надорвать (надрывать) *см.* **надорвать, надрывать**. Живот порвать *см.* **порвать**. *ср.* **брюхо**; **животик**, **животина**[1].

2. *перен. Срезанная сторона хлеба.* Хлеп палажы вниз жыватом. *Палк.*

ЖИВОТ[2], а, *м. То же, что* **жизнь 4**. Кака тяперь наша жызьнь, не краснай наш жывот. *Печ.* Плахой у няво жывот рани бытл, каравёнка была, да и та здохла. *Печ. ср.* **живота; животочек.**

2. *То же, что* **жизнь 2**. А которой человѣкъ при своемъ животѣ или пред смертию а что дасть своею рукою племяннику своему платно или иное что животное, или отчину, да и грамоты дастъ предъ попомъ… ино тому тѣмъ даньемъ владѣть… *ПСГ, 100, 1462–1472 гг.* Напослѣди живота его [царя Ивана] и многомятежнаго жития умилосердися господь богъ, остави сына ему прекроткаго и незлобиваго царевича Феодора на утишие христяномъ… *Лет. I, 1548 г., л. 691.* Слышав же сия глаголы, благоверный царь и государь… и всех жителей богохранимаго того града Пскова непреклонную веру. И всяким тщанием тщащихся за бога, и за своего государя, и за его государевы дети, и за православную веру, и за своя домы и жены и дети умерети всем произволяющим за Псков град от литовского короля, неже литовским королем при их животе взяту быти граду Пскову. *Пов.*

[1] Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. Л.; СПб., 1967–2008.

прихож. Батория, 46, XVI в. А послѣ моево живота, дѣтемъ моимъ и с родичамъ, в лавку-анбаръ, не вступатца и дѣла нѣтъ. *Кн. Поганкина, 8, 1644 г.* А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны, и вся полъкы своя посла с нимъ, и ближних своих домочадець, рекши к ним: служите сынови моему, акы самому мнѣ всѣмь животомъ своимъ. *Лет. II, л. 161 об.* > До живота. (*На*) *всю жизнь, до конца жизни.* Разгнѣвася Ярослав великии князь на меньшаго брата своего Судислава и всади его в поруб в Плескове в темницу до живота своего, оклеветан бо бѣ. *Лет. III, 1036 г., л. 8 об.* А у которого человека помреть жена без рукописаниа а у ней останется отчина, ино мужу ея владти тою отчиною до своего живота толко не оженится. *ПСГ, ст. 88–89, 1462– 1472 гг.* Я тебѣ не отлѣзу ни до вѣку [до смерти] до своёво живота. *Разговорник Т. Ф., 381, 1607 г.* > Живота не дати. *Вынести смертный приговор.* А кримскому татю и коневому и перевѣтнику и зажигалнику тѣм живота не дати. *ПСГ, ст. 7, 1462–1471 гг.*

3. *Имущество, обычно движимое.* И попа немецькато поимаша, и Нѣмець и Чюхновъ, мужеи и женъ и дѣвокъ много плениша, а все то, животъ и скот и головы ко Пскову провадиша; а псковичь всѣх богъ ублюде святая троица, ни единъ человѣкъ не убитъ. *Лет. I, 1460 г., л. 71 об.* Тоя же зимы, в рожественое говѣние, князь Александръ со псковичами, ехавше, воеваша Немецкую землю на 70 верестъ, в 3 нощи в земли их бывше, приехавха вси здрави, и приведоша с собою много полоненых голов и скота и животу много, и отмьстиша месть Норовскую. *Лет. II, 1460 г., л. 203.* И новогородци же тѣх посадников и бояръ и животъ пограбили, и дворы и доспѣхъ поотнимали и всю ратную приправу, котори то такъ чинили… *Лет. III, Стр., 1477 г., л. 181.* И попа немецкого поимали [псковичи], и иных голов немецких, все, и живот и скот и головы ко Пскову провадиша. *Лет. I, 1460 г., л. 71 об.* А которой вятший брат с меншимъ братомъ живучи в одномъ хлѣбе с вятшим братомъ, а скажутъ долгу отцово, а на отца записи не будетъ, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатить опчимъ животомъ да остаткомъ дѣлится. *ПСГ, 94, 1462–1472 гг. ср.* **животишко.**

ЖИВОТ[3], а, *м.; чаще мн. Сельскохозяйственное животное* (*лошадь, корова, свинья, овца, коза*). У меня́ чатыри жывата́ в до́ме, каро́ва и три́ афцы. *Остр.* Ня фсе́ ро́вна́ жы́ли, не́катарые и́мели жыватоф, скати́ны мно́га. *Оп.* Жывот на́с пани́мая, то́льки ни гаварит, карова́ фсё пани́мая. *Н-Рж.* На́да накарми́ть сваи́х жыватоф да́ курят. *Вл.* Ф каля́ду кутью́ ва́рят, сла́стят яё, кладу́т на ля́пёшку и жывата́м даю́т. *Локн.* Яны́ та́м гарели́, ф каво́ жывата́ абгарели́. *Печ.* Фсе́ жыва́ты кле́вер хара́шо йиду́ть. *Вл.* Хать нибальшыи́ жыва́ты у миня́, а е́сть, то куря́ты, то каза́ е́сть. *Холм.* Тонкии́ кишки́ адда́си жывата́м, а сала́ γде́ есть, сам яси. *Нев.* Ана́ на рабо́ту не хо́дит, а е́й и до́ма врят рабо́ты, и хазя́йства́ и жыва́ты. *Н-Рж.* —— *в знач. собир.* А до́ма мне ня́как жывот ня завясти́. *Остр.* Жыва́ту у меня́ нямно́га, шесть аве́ц, две ста́рых, чатыри яннёнка. *Оп.* —— *шутл. О мелких домашних животных и домашней птице.* Вот маи́ жыва́ты, саба́ка На́йда, ко́т. *Н-Рж.* Принясла́ сваи́х жыватоф [котят]. *Остр.* Ви́дите, жыва́ты маи́ гуля́ют [о гусятах]. *Холм.* Э́ва на́да мне сваи́х жыватоф на́кармить, си́дит ф ка́рзинки [о цыплятах]. *Локн.* Жыва́ты маи́ [цыплята] тифкают, на́да п выпустить, да мо́кра на у́лицы, баюсь апо́рхнуть. *Н-Сон.* ΔНи кола, ни двора, ни милого живота́ *см.* **кол.** + *Беж., Гд., Палк., Порх., Пск., Пушк., Пыт., Тор. ср.* **живность, живость, животва́, животина[2], животинина́, животная, живо́тное, животуха; животининка, животинка, животинушка, животок.**

И тот князь Михаило людьми своими, ѣдучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни Псковъские земли грабили и живот сѣкли, да и дворы жгли христианьския. *Лет. III, Стр., 1558 г., л. 217.* И пошли всякие люди от крыльца прочь, и учали розбивать дворы боярские, двор боярина Бориса Ивановича Морозова… и самово на дворѣ ево убили и животы ево рознесли, и гостя Василия Шорина грабили, а сам Василеи одва ушол. *Там же, 1649 г., л. 239 об.* По окольним же селом и волостем тако же посылаше, дабы кождо в свои приближные городы ехали з женами и з детьми и со всеми животы во саду. *Пов. прихож. Батория, 48, XVI в.* И азъ насъ велю и съ вашими животы и со всею рухлядию проводити до тѣхъ мѣстъ, гдѣ вы похотите. *Пов. пск. Печ. м., л. 27, к. XVI — н. XVII в.* …И ему строителю иеромонаху Евфимию з братею, и хто впредь въ томъ монастырѣ строители и братья будутъ, взять на мнѣ, Ульянкѣ, и на женѣ и на дѣтяхъ моихъ тѣ ссудные денги и скотной животы и съ убытки и съ волокиты по сей порядной крестьянской записи. *Порядн. Никандр. м., 580, 1696 г.*

Фрагменты полного и дифференциального словарей

Псковский областной словарь с историческими данными (*ПОС*) (*Вып. 13. СПб., 2003*)

ЗИМА́ <…> **1.** Холодное время года между осенью и весною. <…> —— *мн.* <…> || Зимний отрезок времени. <…> > В с ю з и́ м у з и́ м с к у ю, *усилит.* В течение всей зимы. > З и́ м у з и м о в а́ т ь <…>> В (н а) з и́ м у, в (н а) з и м е́, п о з и м е́ (з и м а́ м). Зимой, в зимнее время. <…> ▭ **Зи́му**, *в знач. нареч.* Зимой, в течение зимы. <…> Δ П р о й д ё т з и м́ а л е́ т о м, *ирон.* О невыполненном обещании, незаконченном деле. <…> || Состояние погоды в это время года. <…> || Холодная, с морозами погода, характерная для этого времени года. <…>

—— **Зима́**. Кличка коровы. <…>

2. Холод, стужа. <…>

3. *с числ.* Как указание на количество лет. <…> || Учебный год в школе. <…> || Школьное обучение, рассчитанное на один год, класс. <…>

1. || Зимний отрезок времени <…>> Т о я (ж е) з и м ы (з и м е). Зимой описываемого года. <…>> Т у ю ж е з и м у, в (н а) т у ж е з и м у. То же. <…> > На зиму. Зимой. <…>> В (н а) з и м е. То же. <…> > П о з и м е. То же. <…> ▭ **Зиме**, *в знач. нареч.* Зимой. <…> || Холодная, морозная погода. <…>

3. <…>> Т о я (т о и) ж е з и м ы (з и м и, з и м е). В описываемый год. <…>

[ЗИМАЛЁК] <…> Гриб (какой?) <…>

ЗИМА́РЬ <…> **1.** Кто живет зимой дома, не отправляясь на заработки. <…>

2. Поросенок (обычно осеннего или зимнего приплода), которого оставляют на зиму на другой год для откорма. <…> —— *в сравн.* <…>

3. Заяц-беляк. <…>
4. Поздний осенний гриб. <…>

ЗИМАРЯ́К <…> То же, что зима́рь 2. <…>

ЗИ́МИН <…> Зимний, холодный. <…>

ЗИ́МИНА́ 1. Овечья шерсть зимней стрижки. <…>
2. *распростр*. Об овечьей шерсти осенней стрижки перед зимой. <…>

ЗИ́МНЕМ, *нареч*. То же, что зимо́й. <…>

ЗИ́МНИЙ <…> и **ЗИ́МНЫЙ** <…> **1.** Относящийся к зиме, происходящий зимой. > В зи́мнее вре́мя. Зимой. <…>> В зи́мняя пори́на <…> Зи́мней поро́й. То же. <…>> Зи́мним де́лом. То же. <…>> Зи́мний мясое́д (мя́содь). Время от Рождества Христова до Масленицы, в которое по церковному уставу разрешалась мясная пища. <…> —— *мн*. <…>> Зи́мняя шерсть. Овечья шерсть зимней стрижки. <…>> Зи́мний Его́рий. <…>> Зи́мний Нико́ла (Мико́ла) <…> Δ По зи́мнему по́лозу. Когда установилась зима, зимой. <…> Δ Зимняя роза. Комнатное растение бальзамин; Sultani Hook. <…> || Предназначенный для зимы, используемый зимой. <…>> Зи́мний запа́с. Рыболовная снасть для зимнего лова. <…>> Зи́мняя мере́жа. Двукрылый неводок для подлёдного лова. <…>> Зи́мняя се́тка. Сиговик, сетка для лова сигов. <…>> Зи́мняя арте́ль. Рыболовецкая бригада, работающая на подлёдном лове. <…>> Зи́мнее мя́со. Заготавливаемое впрок, на зиму. <…>> Зи́мний хому́т. Крытый кожей хомут, используемый при различных перевозках. <…> ▭ **Зи́мное**, о г о, *с*. Зимняя одежда. <…> || Который хорошо сохраняется всю зиму (о плодах). <…> || Оставленный на откорм до следующей зимы (о животном обычно позднего приплода). <…> > Зи́мняя стри́жка. Стрижка овец, при которой снимается шерсть, отросшая за зиму. <…> || Темного цвета (о платье). <…>
2. Высеваемый, высаживаемый осенью, под зиму (о зерновых озимых культурах, преимущественно ржи). <…> ▭ **Зи́мние**, и х, *мн*. Озимые культуры. <…> —— О луке. <…>

1. <…>> Зимнее время. Зима. <…>> В зимнее (зимное) время. Зимой. <…>> Зимний запад. Место, где заходит солнце зимой. <…>> Зимний восток. Место, где всходит солнце зимой. <…>> Николин день зимний см. Николин. <…>> Петров день зимний см. Петров. <…> || Используемый зимой (?). <…>

ЗИ́МНИК <…> **1.** Дорога, по которой можно передвигаться только зимой. <…> —— О такой дороге, используемой летом. <…> ~ **Зи́мник**. **1)** Название места, поросшего кустарником, около д. Горбунова Гора. <…> **2)** Название леса около д. Блины. <…> **3)** Название поля около д. Монастырёк. <…>
2. То же, что зима́рь 2. <…>
3. Ледник. <…>
4. Холодный юго-восточный ветер. <…>
5. Бьющий из земли источник с ледяной водой, ключ. <…>
6. Глубокое место в реке. <…>

ЗИ́МНИ́НА́ <…> **1.** То же, что зи́ми́на́ 1. <…>
2. То же, что зи́ми́на́ 2. <…>
3. Зимняя шерсть овцы, состригаемая весной (?) <…>

ЗИ́МНИЦА. Название болота около д. Деревенька. <…>

ЗИ́МНО, *безл. предикат*. О низкой температуре воздуха; холодно. <…>

ЗИМНО-ВОСТО́ЧНЫЙ <…> Ю г о - в о с т о ч н ы й. <…>

ЗИМНОНО́ГИ, *мн*. Холодное кушанье — застывший мясной отвар с рубленым мясом (обычно готовится из ног или головы). <…>

ЗИ́МНЫЙ см. зи́мний.

ЗИМНЯ́Г <…> Высеваемый осенью и зимующий под снегом лук. <…>

ЗИМНЯ́К <…> Холодный ветер, дующий обычно в зимнее время. —— О северном, северо-восточном ветре. <…> —— О юго-восточном ветре. <…>

ЗИМНЯЧО́К* <…> Холодный северо-восточный ветер. <…>

ЗИМОВА́ЛЫЙ <…> **1.** Откармливаемый в течение зимы. <…>

2. То же, что зи́мний 2. <…>

ЗИМОВА́ТЬ <…> **1.** Жить где-н. зимой, проводить зиму. <…> > З и́ м у з и м о в а́ т ь. <…> || Проводить, находиться где-н. зиму, переживая холода (о животных). <…> > З и́ м у з и м о в а́ т ь. <…>

2. Находиться, храниться где-н. зимой. <…> || Быть, находиться где-н. всю зиму. <…> || Оставаться на поле неубранным (об урожае). <…> || Оставаться под снегом, перенося зимние холода (о растениях). <…>

ЗИМО́ВКА <…> **1.** Сущ. → зимова́ть 1. <…> > С т а́ в и т ь н а з и м о́ в к у (пчел). Помещать на зиму в утепленное помещение. <…>

2. Зимнее хранение чего-н. <…> —— *мн*. <…> || Зимняя стоянка. <…>

3. Поздний сорт овощей, фруктов, хорошо сохраняющийся зимой. <…>

ЗИМО́ВНИК <…> Утепленное помещение для зимовки пчёл. <…>

ЗИМОВО́Й <…> **1.** То же, что зи́мний 1. <…> > Н а з и м о́ в у́ ю. **а)** На зимнее время, на зиму. <…> **б)** На зимнее хранение. <…> > З и м о в а́ я ш е́ р с т ь. Остриженная зимой шерсть овцы. <…> || Предназначенный для зимы, используемый зимой. <…> || Хорошо защищающий от холода, тёплый (об одежде). <…> ▭ **Зимово́е**, о г о, *с*. Зимняя одежда. <…> || Отапливаемый зимой; в котором можно жить зимой (о помещении). <…> || Который поздно созревает и хорошо сохраняется всю зиму (о плодах). <…> || Который оставляется на другой год после рождения, откармливается всю зиму (о животном обычно позднего приплода). <…> || Который родился зимой (о животном). <…> || Пролежавший зиму; прошлогодний. <…> || Срубленный зимой. <…>

2. То же, что зи́мний 2. <…> —— *О луке*. <…> ▭ **Зимово́е**, о́го, *с*. Озимые хлеба. ▭ **Зимо́вая**, ой, *ж*. Озимая рожь (?), пшеница (?). <…> || Растущий зимой и летом; многолетний <…>

3. Холодный (о ветре). <…>

▭ П о - з и м о в о́ м у, *нареч*. Как зимой. <…>

Вар. зи́мо́вы́й.

ЗИМОВО́К <…> Телёнок, родившийся зимой. <…>

ЗИМО́ВЩИК <…> Зимующая, не перелётная птица. <…>

ЗИ́МО́ВЫЙ см. зимово́й.

ЗИМО́ВЬЕ <…>. **1.** Дом, строение в лесу, где живут или останавливаются зимой. <…>

2. Зимнее хранение. <…>
3. Зимнее помещение, комната, отапливаемая зимой. <…>
ЗИМОДЫ́РЬКА <…> Глиняная миска с носиком. <…>
ЗИ́МОЙ, *нареч*. В зимнее время. <…>
Вар. зимо́ю.
ЗИМО́Ю см. зи́мо́й.
ЗИ́МСКИЙ: > В с ю з и́ м у з и́ м с к у ю см. зима́.
ЗИ́МУ́СЬ, *нареч*. Прошедшей зимой, в прошлую зиму. <…>

Словарь русских говоров Низовой Печоры (*ПЕЧОС*) (*Т. 1. СПБ., 2003*)

ЗИМА́Ш <…> Животное, родившееся зимой. <…>
ЗИМИНА́ <…> Название места. <…>
ЗИ́МНИК <…> Дорога, по которой ездят только зимой. <…>
ЗИМНИ́НА <…> **1.** Овечья шерсть зимней стрижки. <…>
2. Шерсть, которую стригут в начале весны. <…>
ЗИМО́ВКА <…> Охота или лов рыбы зимой, когда охотник, рыбак уходит на промысел надолго. <…> || Зимняя стоянка. <…>
ЗИ́МУ́СЬ, *нареч*. **1.** Прошлой зимой. <…>
2. В зимнее время. <…>

Вопросы и задания к разделу

1. В чем различие дифференциальных и полных диалектных словарей?
2. Псковский областной словарь — словарь «относительно полного типа». Докажите это.
3. Как проявляются системные связи в лексике русских народных говоров? Покажите это на примере Псковского областного словаря.
4. На каких основаниях выделяются оттенки значения слова?
5. В каких случаях производное значение характеризуется как переносное?
6. В чем проф. Б. А. Ларин видит трудности в разграничении полисемии и омонимии?
7. Как квалифицируются фразеологические материалы в Псковском областном словаре?
8. Как соотносятся современные и исторические материалы в одной словарной статье Псковского областного словаря?
9. Сопоставьте словники ПОС (*зима́ — зи́му́сь*) и ПЕЧОС (*зима́ш — зи́му́сь*).
10. Проанализируйте семантическую структуру словарных статей (*зимина́ — зи́му́сь*) в том и другом словаре. В чем основное отличие этих словарей?

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЯ

Словарь языка Пушкина[1]

В. В. Виноградов

Предисловие

В истории развития русского национального литературного языка выдающаяся роль принадлежит А. С. Пушкину. Он по праву считается у нас основоположником нового литературного языка. Огромное значение Пушкина в истории русского литературного языка было ясно еще при его жизни наиболее чутким и дальновидным его современникам, например таким, как Белинский и Гоголь. «При имени Пушкина, — писал Н. В. Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте… В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство». В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и получила качественное преобразование. Великим русским литературным деятелям последующего периода словесно-художественное творчество Пушкина казалось высшим воплощением национально-русского поэтического стиля. По словам И. С. Тургенева, «русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в великолепном языке Пушкина». Творчество Пушкина является истоком и отчасти источником стремительного развития стилей русской реалистической литературы XIX и XX вв.

Причину того, что язык Пушкина стал идеальной нормой национально-русского поэтического выражения, А. М. Горький очень зорко и проницательно увидел в самых тесных связях литературно-художественного стиля Пушкина с общенародным языком и его выразительными средствами. По словам А. М. Горького, «язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный

[1] Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956–1961.

мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его». <…>

Историческая заслуга Пушкина заключается в том, что силой своего творческого гения он мощно содействовал развертыванию и совершенствованию элементов общенародного, национального русского языка. Пушкин обогатил язык русской художественной литературы новыми приемами стилистического использования народной речи, народной поэзии, новыми правилами стилистического сочетания и объединения разных элементов национального языка. Вместе с тем самая структура общерусского национального языка в ее живых продуктивных формах и в ее устойчивых литературных нормах впервые получила свое наглядное концентрированное и полное выражение в языке Пушкина. По словам Гоголя, в Пушкине, в его творчестве «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, структура современного русского литературного языка в основном та же, что и пушкинского языка. Она отличается от него, главным образом, лишь в некоторых частях словаря и синтаксиса.

Таким образом, изучение языка Пушкина чрезвычайно важно для понимания структуры современного русского языка, оно помогает нам точно определить, какие стороны, какие компоненты пушкинского языка сохраняют всю свою силу,свою свежесть и активность в русском языке современной эпохи. Вместе с тем из сопоставления и обобщения наших исследований о направлении и характере изменений словарного состава русского языка за время, прошедшее после смерти Пушкина, становится ясным, какое громадное значение может иметь составление и издание Словаря языка Пушкина для изучения истории русской лексики (словаря) XIX и XX вв.

В Словаре языка Пушкина находит широкое отражение живой, активный словарный состав русского литературного языка как предшествующей эпохи, так и первой трети XIX в. Следовательно, такой словарь прежде всего включает в себя ценнейшие материалы для изучения лексической системы русского литературного языка первой половины XIX в. Опираясь на факты, собранные и научно истолкованные в этом словаре, историк русского литературного языка может уверенно исследовать и наблюдать конкретно-исторические процессы изменений словарного состава русского языка от Пушкина до современной эпохи. Достаточно сопоставить состав пушкинского словаря, его объем и круг значений слов с соответствующими фактами и явлениями в составе современного русского языка, чтобы не только непосредственно ощутить значительность лексических изме-

нений в русском литературном языке за этот период, но и понять характер и направление некоторых из этих изменений.

Таким образом, Словарь языка Пушкина является важным пособием по истории русского национального литературного языка, по истории такого важного структурного элемента языка, каким является лексика.

Совершенно ясно огромное значение пушкинского словаря как для читателя и почитателя творчества Пушкина, так и для его исследователя. Словарь языка Пушкина — ключ к правильному пониманию текста пушкинских произведений. В том, что потребность, нужда в таком словаре гораздо ощутительнее и сильнее, чем, быть может, иногда предполагает рядовой читатель Пушкина, можно убедиться хотя бы на следующих примерах.

В таких строках стихотворения «Деревня»:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный п о з о р —

слово *позор* обозначает ‘зрелище’.

В том же значении это слово употреблено и в таких стихах «Руслана и Людмилы»:

Но между тем какой п о з о р
Являет Киев осажденный?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, унынье м пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни…

Правда, при стремлении к модернизации пушкинского языка можно предполагать и в этих случаях наличие, хотя бы в скрытом, завуалированном виде второго, современного значения. Однако в заключительной строфе стихотворения «Наполеон» слово *позор* имеет уже только то значение, что и в современном языке, но слово *малодушный* здесь не значит ‘трусливый’, его надо понимать в прямом этимологическом смысле — ‘с малой, мелкой душой’:

Да будет омрачен п о з о р о м
Тот м а л о д у ш н ы й, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

<…> В «Евгении Онегине», в монологе Татьяны, слова *соблазнительная честь* следует понимать в значении: ‘репутация, слава соблазнителя (увлекшего замужнюю женщину)’. Совершенно невоз-

можно вкладывать в них современный смысл: ‘увлекательная, заманчивая честь’:

Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принесть
Вам соблазнительную честь?

<…> Уже по этим примерам можно судить, какую пользу принесет широким кругам советского общества Словарь языка Пушкина. Такой словарь даст возможность всем любителям пушкинской поэзии, всем читателям Пушкина быстро и безошибочно установить, в каких случаях Пушкин употреблял то или иное слово в том или ином значении, какие значения и оттенки различались в том или ином слове в языке Пушкина, где в произведениях Пушкина встречается тот или иной оборот речи и т. п.

Пушкин был бесспорным руководителем русского общества в области русской художественной литературы, в области русской языковой культуры первой трети XIX в. Пушкину принадлежат два афоризма, которые сохраняют всю свою силу, все свое значение применительно к его собственному творчеству: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»; «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства». В свете этих изречений следует рассматривать и оценивать значение Словаря языка Пушкина для литературоведа, для историка русского искусства, для историка русской культуры, для всех тех ученых, которые интересуются развитием нашего отечественного просвещения, образами и творениями наших национальных гениев. В пушкинском словаре запечатлено материально-художественное, лексико-фразеологическое и отчасти идейное богатство его языка. К этому словарю обратится всякий, кому для той или иной цели необходимо ясное и точное понимание пушкинских текстов, пушкинского словоупотребления, кто ощутит потребность опереться в своих обобщениях и выводах на факты пушкинского языка, на его словарь и семантику.

Вопросы пушкинского стиля и пушкинской поэтики, вопросы образной ткани пушкинского стиха и прозы, вопросы построения характеров героев, вопросы идеологии автора и т. п. — все это для своего глубокого освещения и решения требует хорошего знания и понимания языка писателя, в частности его словарного состава, семантики словоупотребления и словотворчества.

К пушкинскому словарю обратится и биограф Пушкина для того, чтобы навести справку, когда и в каких случаях Пушкин характеризует то или иное лицо тем или иным эпитетом, тем или иным именем.

Таким образом, задача и цель пушкинского словаря — служить пособием для углубленного изучения истории русского литературного языка XIX в. и вместе с тем пособием для изучения словесно-художественного творчества Пушкина, нашего великого национального поэта.

Важное культурно-образовательное и научно-филологическое значение словарей языка великих русских писателей было осознано у нас еще в первой половине XIX в. (см. предисловие к «Словарю церковно-славянского и русского языка», 1847 г.).

По справедливому суждению акад. Л. В. Щербы, «словарь языка писателя — который обязательно должен быть исчерпывающим — является принципиально словарем-справочником между прочим настолько важным для построения общего словаря, что многим филологам казалось невозможным построение этого последнего без предварительного создания исчерпывающих словарей к писателям)». <…>

Словарь языка Пушкина содержит алфавитный список всех слов, засвидетельствованных в основном тексте собрания сочинений Пушкина по Большому академическому изданию. При каждом слове отмечается общее число его употреблений в произведениях Пушкина. Словарная статья, посвященная характеристике значений и употреблений того или иного слова, составляется так, чтобы читатель мог получить ясное представление о всех значенияхи основных оттенках этого слова в языке Пушкина. Разграничение значений и их классификация производится самостоятельно на основе анализа всех применений соответствующего слова в пушкинском языке, а не путем наложения той или иной схемы значений этого слова (из существующих русских толковых словарей) на пушкинские примеры.

Слова однозначные подвергаются толкованию лишь в том случае, если они неупотребительны в современном русском языке, например, *изгага* в значении ‘изжога, тошнота’:

> При отъезде моем дал я прощальный пир, - - - — и на другой день с головной болью и с *изгагою* отправился в дорогу. («Русский Пелам», т. 8, с. 417.32);

пироскаф — ‘пароход’:

> *Пироскаф* тронулся — морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — («Участь моя решена. Я женюсь…», т. 8, с. 407.23);

велосифер:

> *Велосифер*, по-русски Поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак («Письмо» № 769.2),

или в случае их наличия в словарном составе современного языка, если их значение в пушкинскую эпоху было иным, отличным от

теперешнего, например, *существенность* в значении ‘действительность, реальность’:

Договор с оф<ицером>, деньги, все казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут у него в кармане и красноречиво твердили ему <о> *существенности* удивительного происшествия. («Дубровский», т. 8, стр. 202.3).

В других случаях, когда слово, зарегистрированное в тексте сочинений Пушкина только с одним, единственным и притом не переносным, а прямым значением, совпадает по своему смыслу с современным его употреблением, словарная статья ограничивается лишь подбором наиболее выразительных иллюстраций из произведений Пушкина и указанием форм этого слова, встречающихся в пушкинском языке.

Способы передачи значений слова различны. Часто применяется способ полного и развернутого истолкования значения слова, но нередко дается лишь краткое указание на существующее значение, свойственное и современному русскому языку, при этом не избегается в случае необходимости и способ синонимической характеристики. Таким образом, значения слов в пушкинском словаре различаются и поясняются соотносительно с современным русским языком. В силу этого обстоятельства Словарь языка Пушкина не может рассматриваться как толковый словарь в собственном смысле этого слова. Он включает в себя элементы и признаки дифференциального, т. е. сопоставительного, словаря.

Вместе с тем на приемах истолкования значений слов, их оттенков, а особенно на отборе фразеологического материала, на выборе и разъяснении устойчивых словосочетаний не может не сказываться то обстоятельство, что Словарь языка Пушкина не ставит своей задачей отразить те индивидуально-смысловые качественные своеобразия, которые приобретают слова в контексте целого произведения. Словарь языка Пушкина воспроизводит лишь те значения слов и их оттенки, которые являются фактом, достоянием общего литературного языка той эпохи или которые при индивидуально-стилистической окраске их отстоялись или отложились в самом слове и ближайших его фразеологических связях.

Отсюда вытекает тот вывод, что Словарь языка Пушкина далеко не охватывает всех своеобразий, всех качественных особенностей пушкинского стиля в области словоупотребления, в области фразеологического сочетания слов, а также их образного использования. Это словарь прежде всего языка, а затем — и то не в полной мере — индивидуального стиля Пушкина.

Он часто не регистрирует тех смысловых осложнений, тех многообразных и иногда каламбурных, намеренно противоречивых смысловых оттенков, которые получают слова в композиции художественного целого. Он не содержит каталога пушкинских образов, он, естественно, не берет на себя задачу описания и использования

развернутых метафор пушкинского стиля, иногда охватывающих целые стихотворения.

Само собой разумеется, что граница между языковыми явлениями в собственном смысле и явлениями стилистическими в кругу поэтического словоупотребления очень текуча и зыбка.

Поэтому, определяя переносные значения и оттенки слов, Словарь языка Пушкина тем самым разъясняет и описывает многие стилистические особенности художественного словоупотребления, характеризующие творческий метод Пушкина, его поэтическую манеру, его стиль. Однако основная цель Словаря — описать факты общенационального литературного русского языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях А. С. Пушкина.

Впрочем, и в этом отношении составители Словаря языка Пушкина в силу слабой разработанности исторической стилистики русского языка вынуждены были очень существенно ограничить свою работу по описанию и характеристике словарного состава пушкинского языка. В Словаре языка Пушкина отсутствуют и указания на принадлежность разных пластов пушкинской лексики к разным стилям русского литературного языка первой трети XIX в.

Общеизвестно, что в стиле Пушкина произошло слияние всех жизнеспособных словарных элементов русского литературного языка предшествующей эпохи с общенародными формами разговорной речи и со стилями устной народной словесности, фольклора. «Письменный язык, — по словам Пушкина, — оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков». <…> Поэтическим стержнем народной речи для Пушкина была общерусская устная словесность — «кипящие источники народной поэзии». С этой точки зрения указания на многообразие стилевых пластов литературного языка, использованных и объединенных в произведениях Пушкина, на народно-поэтические элементы пушкинского творчества, на народно-областные слова, к которым прибегал Пушкин с той или иной художественной целью, иначе говоря, стилистические пометы при словах, определяющие сферу стилистического употребления слова в общелитературном языке пушкинского времени, могли бы существенно помочь решению важного вопроса о значении пушкинского творчества в истории развития национального русского языка. Разграничение разных пластов в словарном составе пушкинского языка естественно придало бы словарю характер обобщающего историко-лексикологического исследования. Однако при настоящем состоянии русской исторической лексикографии и исторической лексикологии и от этой задачи пришлось отказаться. Словарь языка Пушкина принадлежит к тому типу словарей, которые акад. Л. В. Щерба называл словарями-справочниками.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ЖЕЛТЫЙ (20). Там день и ночь кружится **же́лтый** лист, Стоит туман на волнах охладелых *С*$_1$ 64.25. мы увидели женщину, с <головы> до **желтых** туфель покрытую белой чадрою. *ПА* 480.36. || *О болезненно пожелтевшей коже.* Покойница лежала на столе, **желтая** как воск, но еще не обезображенная тлением. *Г* 92.31. Видел я Смирнову; она начинает оправляться, но всё еще плоха и **желта.** *Пс* 988.38. ◊ *В соч.* (1). желтый дом (*дом для умалишённых*)*:* Послушайте в прибавку, Что сделаю потом: Лаврову дам отставку, А Соца — в **же́лтый** дом; *С*$_2$ 42.20. ♦ ***Ед. И.*** **же́лтый:** *С*$_1$ 64.25; **желтая:** *Г* 92.31 *ПД* 240.36; **желтое:** *ПД* 240.28; ***Д****. м. р.* **желтому:** *Р* II 26 *Г* 89.9; ***В.*** **желтый:** *В соч.* С$_2$ 42.20; **желтую:** *Г* 91.14; **желтое:** *ЗС* 3.1; ***Т.*** **желтым:** *С*$_2$ 178.25 С$_3$ 264.23 *КД* 373.18; ***желтой:*** *Ж*$_2$ 309.10**;** ***П.*** **желтой:** *ЕО* III 28.3; **Мн. Р. желтых:** *ПА* 480.36; **В. желтые:** *Г* 91.4, 93.24 *СС* 105.23; **П. желтых:** *Пс* 769.10; ∫ **желта:** *Пс* 988.38.

Вопросы и задания

1. Какова основная цель и задачи Словаря языка Пушкина и чем обусловлена такая направленность Словаря?
2. В чем особенности семантической и стилистической характеристики слова в Словаре языка Пушкина? Почему В. В. Виноградов при характеристике Словаря отмечает присутствие в нем элементов «дифференциального, т. е. сопоставительного словаря»?
3. В чем ценность Словаря языка Пушкина для современного читателя? для исследователя творчества Пушкина? для историка языка? Подберите примеры из Словаря для подтверждения своей точки зрения.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького[1]

Б. А. Ларин

Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького[2]

Традиция выборочных (дифференциальных) словарей к произведениям великих писателей восходит еще к филологии античной Греции, Рима. Средневековые словотолкователи к «священному писанию» и отдельным, допущенным к распространению авторам тоже были дифференциальными. Современные издания памятников

[1] Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с приложением Словаря имен собственных. Л., 1974–1990.

[2] Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962.

старой письменности и некоторых писателей нового времени также включают пояснительные выборочные словарики. Их назначение — помочь неосведомленному читателю понять неизвестные слова в тексте. А зачем же объяснять слова общеизвестные? Отсюда и представление о дифференциальности словаря писателя как неоспоримой норме. <…>

Как в словаре-тезаурусе национального языка, так и в полном словаре писателя основная задача не в объяснении непонятного слова или его необычного употребления, а в систематизации и истолковании всего лексического богатства национального языка или сочинений писателя, как внутренне целостного (отражающего сложившуюся идеологию), эпохального (четко ограниченного во времени и характеризующего свою эпоху) и вполне объективного, исключающего произвол отбора, оценочный или предвзятый подход (ибо всякий пробел, всякое упущение лишают возможности составлять точные, достоверные суждения о данной лексической системе).

Итак, наиболее простым и исторически оправданным представляется деление всех разновидностей словаря писателя (как и национальных и областных словарей) на два типа: а) дифференциальные, б) полные. <…>

Научно ценными могут быть только полные словари литературного памятника или избранного писателя. Существенно, что они отвечают любым запросам, любому способу пользования, удовлетворяют любые нужды исследовательского и справочного порядка. Но еще важнее то, что только полный словарь писателя или памятника системен, эпохален и документально достоверен (как уже сказано выше).

Уточняя, добавим, что и дифференциальность, и полнота словаря определяются по четырем измерениям: 1) по словнику (составу заглавных слов); 2) по разработке значений и употреблений слов; 3) по цитации (исчерпывающему или выборочному указанию, в каких местах текста встречается слово); 4) по грамматической и стилистической квалификации.

Большинство дифференциальных словарей по всем четырем измерениям дает произвольно-выборочные сведения.

Первый полный словарь писателя — Словарь языка Пушкина <…> — в некоторых своих измерениях оказывается дифференциальным. Он полон по реестру слов (словнику), по грамматическим сведениям, по цитации (за несущественными и оговоренными исключениями, в нем учтены и указаны все случаи употребления каждого слова у Пушкина), но он дифференциален в описании значений и дефектен по стилистическим сведениям. Семантические определения не даются при однозначных словах, а при словах многозначных намечены только те значения, каких нет у данного слова в современном литературном языке; неописанные значения показываются (иллюстрируются) цитатами и некоторыми другими приема-

ми (указаниями, к чему слово относится, от чего произведено, с каким еще словом сопоставимо и т. д.). От стилистической квалификации слов составители Пушкинского словаря совсем отказались. В этом очевидное отклонение словаря от модели избранного составителями жанра.

Спор с составителями Пушкинского словаря — дело будущего. Сейчас я хочу лишь отвести некоторые соображения, высказывавшиеся лексикологами (сторонниками «ограниченной полноты» словаря писателя), что имеет значение и безотносительно к Словарю языка Пушкина.

1) Надо ли пояснять то, что само по себе ясно?

Не все, что ясно пушкинисту с 20–30-летним стажем или образованному человеку преклонных лет, воспитанному чуть ли не на русской литературе пушкинского периода, достаточно полно или верно понимается нашей молодежью, и еще трудней и превратней будет восприниматься нашими внуками, когда они захотят понять Пушкина. Словарь должен все пояснить и дать возможность точно судить о доле и степени общепонятного, не уходящего за рубеж современности в лексике Пушкина, а спустя 50 лет и в лексике Горького или Маяковского.

2) Сами по себе цитаты из сочинений писателя все объясняют лучше, чем это может сделать лексикограф.

В очень редких случаях подбор цитат делает вполне ясным для опытного филолога (но не для любого читателя) смысл слова, но в подавляющем большинстве случаев этот подбор наводит на догадки, но не дает знания и уверенности в точном понимании значения слова. Семантические определения подводят к точному пониманию гораздо ближе. Конечно, даже самые квалифицированные лексикографы иногда дают неудачные (трудные, нескладные, тусклые) семантические определения (в этом можно убедиться, читая любой словарь), но это не снимает необходимости искать всех возможных путей к верному, ясному и достойному писательского словаря определению значений.

3) Зачем пытаться объяснить то, что недостаточно понятно самим составителям словаря?

У Пушкина сейчас, а у современных писателей через несколько десятилетий найдется ряд выражений и слов, понимаемых приблизительно, наугад. Немало слов вышло и что ни день выходит из обихода, немало значений и употреблений слова забылось. Если составителю словаря они не вполне ясны, он должен применить все способы исследования, чтобы осветить темные места текста. Мы добиваемся полной ясности, работая над текстами, написанными тысячелетия назад, как же можно отступать перед трудностями истолкования слов у Пушкина или у М. Горького? И то, что *уже* не всем понятно, и то, что *еще* не вполне разъяснено пушкинистами (или специалистами по другому избранному писателю), должно быть просветлено, истолковано в словаре писателя.

* * *

Силами небольшого коллектива мы предприняли составление неограниченно полного Словаря автобиографической трилогии М. Горького, сознавая большие трудности в осуществлении этого замысла, хотя эпоха М. Горького (даже его детства, отрочества и юности) гораздо ближе к современности, чем эпоха Пушкина или Грибоедова.

Как для Словаря Пушкина опорой должны служить и оба словаря Академии Российской 1789–1794 и 1806–1822, и Словарь русского и церковнославянского языка, составленный Вторым отделением Академии наук (1847), так для Словаря автобиографической трилогии М. Горького — четырехтомный словарь под ред. Д. Н. Ушакова, подготовленный в годы, близкие к написанию повестей: «Детство», «В людях», «Мои университеты» (1913–1923).

Наш толковый (объяснительный) словарь к автобиографической трилогии М. Горького должен положить начало полному Словарю М. Горького, который будет осуществлен большим коллективом. Уже сейчас группа филологов в Саратовском университете составляет совершенно аналогичный нашему словарь пьес М. Горького: «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие» и «Сомов и другие» (под руководством М. Б. Борисовой), во Владивостоке — словарь «Дела Артамоновых» (под руководством Ю. С. Язиковой), в г. Горьком — по двум первым томам собрания сочинений (под руководством Б. Н. Головина).

Мы не сомневаемся, что советские лингвисты создадут словари писателей нашей эпохи (и Маяковского, и Шолохова, и Паустовского, и др.). Но начинаем мы с М. Горького, потому что в его произведениях видим первое яркое проявление русского литературного языка новой формации. <…> Кристальная ясность стиля и политическая острота автобиографической трилогии, широта изображения русской жизни предреволюционной поры и поразительное изобилие языковых средств писателя объясняют наш выбор.

В академических и других больших словарях литературного языка ищут устойчивое семантическое ядро слова, определяют значения слов с предельным отрешением от каждого частного контекста. Наиболее удачными здесь признаются такие определения значений, которые обобщают широкий ряд применений слова. Писательская цитата в общем словаре нейтрализуется всем окружением, а если яркий индивидуальный смысловой комплекс цитаты этому не поддается, такую цитату исключают.

В словаре писателя, поэта ничего нельзя обходить, пропускать. В нем должен быть показан — со всем мастерством и опытом экспозиции — авторский стиль, который проявляется не только в выборе слов и словоупотреблении, но еще более в компоновке слов, распорядке и композиции словесных цепей, в эффектах смысловой двуплановости и многоплановости, в лейтмотивах, обогащенных

повторах, рефренах, параллелизмах большого контекста и т. д. А раз все эти средства словесны и семантичны, то мы должны искать путей их лексикографического анализа и демонстрации.

Отсюда следует, что в противоположность общему словарю семантическая разработка в писательских словарях составляет их сущность и специфику; она представляет главную задачу и главную трудность; если в общем словаре она имеет обобщающий характер, то здесь — конкретизирующий. В словаре писателя необходимо уловить не сквозной семантический стержень множества словоупотреблений, а каждый единственный семантический комплекс слова — в каждом абзаце поэтического текста.

Если составители общих словарей добиваются формулировки непременных, «независимых» элементов значения слова, то в писательском словаре прямым объектом исследования является образная реализация слов, определяются именно зависимые контекстуальные оттенки их значений, которые лишь изредка оставляют прочные следы в общем языке и не всегда улавливаются читателем, и не всяким читателем. Иными словами, общий словарь выясняет инвентарь устойчивых семантем языка, писательский словарь дает пословный комментарий к художественному тексту в памятниках литературы.

* * *

Полный алфавитный словарь писателя-классика — только первый этап работы как дань лексикографической традиции. За ним должен последовать второй, завершающий этап — идеологический словарь писателя. Здесь будет уместен дифференциальный принцип, но легко понять, что эта дифференциальность уже не наивная, не произвольная, а точно отработанная, необходимая. Эта задача гораздо более сложная, поэтому она отодвигается и нами до второго тура горьковской лексикографии.

В этом словаре не должно быть места ни первым незрелым литературным опытам писателя, ни вариантам и черновикам, ни случайным «бытовым» рукописям избранного автора. Идеологический словарь писателя включает только канонические тексты, лишь то, что вошло в вековой фонд русской и мировой литературы. При тематическом подборе материала само собой отсеивается все, что можно назвать «породой», в которой таились крупинки и слитки драгоценного металла: словесных образов, словесных идеограмм, символов, носящих неповторимые качества творческой индивидуальности писателя.

В таком словаре будут представлены циклы такого, например, рода, как слова, определяющие социальные характеры, социальные оценки, социальные идеалы; слова, применяемые для создания зрительного образа людей, образов природы; слова слуховых образов; прямое изображение и символика птиц, растений; лексические сред-

ства иронии и юмора; цикл лексики труда, профессий; народно-поэтические реминисценции в лексике писателя; религиозная лексика; философская лексика и т. д.

В этом перечне, конечно, нет еще плана идеологического словаря писателя, а только иллюстрация замысла, пока почти абстрактного. <…>

Идеологический словарь писателя не могут составлять узко замыкающиеся в своей специальности лингвисты, для этой задачи необходима широкая подготовка и литературоведческая, и в области истории общественной мысли, политической истории. В этих словарях должно быть показано творческое преломление традиций жанра и общих традиций литературного языка — именно как сферы мастерства, а не общенародной стихии; творческая разработка материалов живой народной речи — в свете идеологии писателя, его этических устремлений, его противоборства с враждебными литературными (идеологическими) направлениями.

Идеологические словари не только по содержанию, но и по форме, по стилю и структуре будут отличны от академических и от алфавитных писательских словарей. Это будут не словари-справочники, а словари-монографии о творческом стиле писателя, соревнующиеся с «эссеистскими» монографиями литературоведов.

Едва ли надо добавлять, что для идеологических словарей не может быть предложен единый композиционный план. Круг тематических циклов и их распорядок для каждого писателя должен быть найден свой, наиболее целесообразный, не повторяющий даже удачного образца — какого-нибудь другого писательского словаря. И способ толкований, лексикографический стиль не должен утверждаться как неизменный для этого нового жанра. Словарь А. Блока и по объему, и по композиции, и по манере изложения должен отличаться от словаря Гоголя или Чехова, — это всякому ясно.

* * *

Вернемся теперь к готовящемуся полному алфавитному Словарю автобиографической трилогии М. Горького. Он проще, легче уже потому, что традиционнее, и тем не менее имеет свои большие трудности.

Эпоха, изображаемая М. Горьким, должна быть освещена реальным комментарием к словам, вышедшим из активного оборота и все более забываемым. Вот примеры:

Благовест — звон церковного колокола перед вечерней или утренней церковной службой.

Горничная — служанка, в обязанности которой входила уборка комнат и другие мелкие услуги по дому.

Казакин — полукафтан с прямым воротником без пуговиц (на крючках).

Надо выяснить, что за детская игра «шар-мазло», что за трактирный музыкальный инструмент «аристон», не ограничиваясь родовым определением.

Под словом *забава* даны будут выделения: > *богова забава* (в речи бабушки) — то, что создано на радость, на утеху людям; Δ *никонианская забава* (в речи старообрядца) — икона с натуральными чертами лица, тела (отступление от древнего иконописного «подлинника»).

М. Горький называет улицу «*каменным мешком*». Тот, кто не знает, не слыхал, что до революции «каменным мешком» называли тюремную камеру-одиночку, не поймет этого горьковского образа: узкая и темная городская улица меж каменных домов — не лучше тюрьмы для ее обитателей.

Беззаконовахом, *беззаконоваша* (1 и 3 л. мн. аориста) — нарушали заповеди религии.

Безликая (только об иконе) — пока на ней еще не написан «лик» (лицо) бога, святого.

Мы выделяем слова и словосочетания, переделанные, обогащенные М. Горьким, отмечая их характерность.

В картотеке словосочетаний мы имеем, например: *мне сердито захотелось*. Наречие от прилагательного *сердитый* здесь дано не в своем обычном значении (*сердито посмотрел*, *сердито крикнул…*), оно употреблено «прегнантно», как выражались филологи-классики, «распространительно», как писали в Шахматовском словаре. Это нельзя приравнять и к значению деепричастия *рассердясь*. Вот полный контекст:

«В яме, где зарезался дядя Петр, лежал, спутавшись, поломанный снегом рыжий бурьян, — нехорошо смотреть на нее, ничего весеннего нет в ней, черные головни лоснятся печально, и вся яма раздражающе ненужна. *Мне сердито захотелось* вырвать, выломать бурьян, вытаскать обломки кирпичей, головни, убрать все грязное, ненужное и, устроив в яме чистое жилище себе, жить в ней летом одному, без больших».

Значение слова *сердито* здесь определяется «разгорячась и внутренне протестуя».

Слово *едучий* в употреблении бабушки: «он — грамотей едучий» [о деде] значит «педантичный, рьяный, заядлый». Оно не дано пока ни в одном словаре, даже в 17-томном академическом.

Безглазое (лицо) в контексте: «— Я-а тебе! погрозила мне кабатчица пухлым кулаком, но ее *безглазое лицо* добродушно улыбалось» — мы толкуем: «с такими щелками-глазами, что при улыбке их почти не видно».

Однако трудности полного словаря писателя как раз не в индивидуально-своеобразных элементах стиля, а в разработке обычнозначимых слов. Приведем конец статьи на слово *камень*: «…*ед. ч.* со значением избирательности из массы: «…а я босиком — по острому *камню*, по осыпям!»;

▭ *тв. ед. камнем* — грузно, тяжело: *села камнем*;
| *в сравн.* точно камень с горы — с сокрушающей силой, внезапно;
| *образно*: [Он] — старый *камень*, прикрытый плесенью (о Якове Шумове, безучастном, отталкивающем терпимостью ко всем мерзостям).

Как видно из приведенных примеров, составители Словаря автобиографической трилогии М. Горького стремятся с возможной полнотой и отчетливостью передать не сразу очевидный контекстуальный смысл слова. Стиль семантической разработки в словаре писателя — гораздо более трудное и ответственное дело, чем в словарях общего языка. Здесь будет много неудач, но некоторое обновление лексикографических традиций через словари писателей благотворно скажется на уровне всей нашей лексикографии.

Последний вопрос — о стилистических пометах. Не удовлетворяясь той традицией, которая установилась после Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, мы начали экспериментировать и пришли к выводу, что в писательском словаре стилистические пометы должны ставиться не в заголовке как квалификация слова во всех контекстах, а после цитаты как дополнительное пояснение к ней.
Кроткий...> кроткие (люди): «Боюсь я *кротких* людей, которые благочестивые! Буйный человек сразу виден, и всегда есть время спрятаться от него, а *кроткий* ползет на тебя невидимый, подобный коварному змею в траве, и вдруг ужалит в самое открытое место души. Боюсь *кротких*» (*ирон.*).
Ленивенький: «Слева от нас, за Окою, над рыжими боками Дятловых гор, над белым Нижним Новгородом в холмах зеленых садов, в золотых главах церквей встает, не торопясь, русское *ленивенькое* солнце» (*лирич.*).

* * *

Итак, мы задумали и осуществляем словарь, от начала до конца отражающий особое преломление традиций русского литературного языка в творчестве М. Горького, поэтому до некоторой степени противопоставленный общим словарям русского языка. Редакторы-составители не отступают перед трудностями семантического анализа горьковских контекстов, определяя их также грамматически и стилистически. Индивидуально-авторское в этом словаре выступает всегда на фоне общего в той мере, в какой языковое мастерство писателя поднималось над уровнем общего литературного языка своей эпохи или, в некоторых случаях, как бы уходило в глубины, под «среднюю линию» литературных норм.

Раз мы посягнули на некоторые «незыблемые устои» лексикографии, то не сомневаемся, что вызовем спор и нападения.

<…>

Предисловие

[к Словарю автобиографической трилогии М. Горького[1]]

Словарь автобиографической трилогии — первая часть полного горьковского словаря. По своей структуре Словарь М. Горького будет состоять из серии лексикографических трудов, посвященных отдельным крупным произведениям писателя («Мать», «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина» и т. д.) или пьесам, рассказам, повестям и очеркам, объединенным в известные циклы в зависимости от периода творчества (например, «Ранние повести, рассказы, стихи», 1982–1896 гг.), а также единства художественного замысла (например, сценическая трилогия — «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»; «Сказки об Италии», рассказы из цикла «По Руси» и т. д.). Такое строение словаря определено характером коллективной работы, в которой участвует много словарных групп, но оно наиболее плодотворно и в научном отношении. Словарная разработка раскроет семантическую и стилистическую систему словоупотребления писателя в многообразии художественных средств, неодинаковых в разных жанрах и на разных этапах творчества. Каждый из словарей указанной серии будет иметь научную ценность и как часть полного словаря, дающего перспективу таких измений, и как словарь отдельного произведения (или цикла произвдений), лексика которого (или которых) также объединена в целостную художественную систему.

Работа над горьковским словарем, по мысли его зачинателя, выдающегося советского языковеда Бориса Александровича Ларина, — это научное разыскание по многим теоретическим вопросам, в том числе проблемам семасиологии (типы преобразования значений в художественном тексте), стилистике (методы стилистического описания семантики), общей теории лексикографии (принципы составления авторских словарей), истории литературного языка и языка художественной литературы (место М. Горького среди других мастеров художественного слова и степень его воздействия на язык общелитературный).

Цель полного горьковского словаря — описание семантико-стилистической стистемы писателя путем фронтального анализа авторского словоупотребления.

В качестве исходного материала, в работе над которым надлежало проверить принципы и опробовать метод, были избраны повести о жизни Горького.

<…>

[1] Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. Л., 1974.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ЖЕЛТЫЙ, а я, о е. 1. *Цвета желтка, спелой ржи, золота и их оттенков.*- - Крутой глинистый бок оврага темен и гол, а другая сторона, более пологая, прикрыта жухлой тяравой, густым кустарником в желтых, рыжих и красных листьях - -. Л 303 - - Тянутся по краю горы хорошие, крепкие избы, блестя желтым тесом крыш и парчовыми покровами соломы. У 589 Я выбежал в кухню; окно на двор сверкало точно золотое; по полу текли-скользили желтые пятна; босой дядя Яков, обувая сапоги, - - кричал: — Это Мишка поджег, поджег да ушел, ага! Д 55 - - Дед внятно произносит слова молитв, а птица, просунув восковой желтый нос между палочек клетки, высвистывает - - Д 93 Он [Язёв отец] сладко жмурил какие-то желтые глаза - - Д 93 > Ж е л т ы й цвет. - - Потом [дед] заговорил, тихо поглаживая голову мою маленькой, жесткой рукою, окрашенной в желтый цвет, особенно заметный на кривых, птичьих ногтях. Д 29 —— *в сравн.* - - Пили бабушкины наливки, желтую, как золото, темную, как деготь, и зеленую - -. Д 141 - - Губы ее [молодухи] шевелились, и нижняя, толстая, красная, как-то неприятно, точно у собаки, отвисала, обнажая желтые зубы овцы. У 618 сл. Зажгли две лампы, их желтые огни повисли под потолком, точно чьи-то потерянные глаза, висят и мигают, досадно ослепляя, стремясь сблизиться друг с другом. Л 220 - - Луговой берег едва виден за серебряной водою, с горного — мигают желтые огни, какие-то звезды, плененные землею. Л 371 —— *в контексте сравн.* У бортов парохода по черной воде желтыми масляными пятнами плывут отсветы огней и тают, бессильные осветить что-либо. У 635 —— *в образном контексте* - - Вот на берегу явилась деревенька, куча мальчишек полощется в реке, по желтой ленте песка идет мужик в красной рубахе. Л 281 Несколько секунд мы оторопело смотрели, как деловито желтые языки огня, обесцвеченные ярким солнцем, лижут стену, загибаются на крышу. У 623 | *образно* Я встал на ноги. очумело глядя, как таяла наша изба, вся в красных стружках, черную землю пред нею лизали алые, собачьи языки. Окна дышали черным дымом, на крыше росли, качаясь, желтые цветы. У 624 сл. - - Мимо окна лилась, заглядывая в него, рыжая струя огня, и мне стало нестерпимо жарко. - - - В слуховое окно над лестницей заглянула рыжебородая, желтая рожа, судорожно искривилась, исчезла и тотчас же крышу пронзили кровавые копья пламени. У 624 || *Окрашенный в этот цвет.* - - Широко развертывается Сенная площадь, замкнутая желтым корпусом арестантских рот - -. Д 75 охорашиваясь, одергивая желтую рубаху, Цыганок - - выходил на середину кухни - - - Гикнув, приседал на пол и метался золотым стрижом, освещая все вокруг блеском шелка - -. Д 36 сл. | *метон.* — Ну, что же, понравилось? — спросила она [королева Марго], когда я возвратил ей желтый роман Мещерского. [*ср. выше:* Она взяла с дивана истрепанную книжку в желтой обложке.] Л 348 Помню тягостный кошмар больницы: в желтой, зыбкой пустоте слепо копошились, урчали и стонали серые и белые фигуры в саванах, ходил на костылях длинный человек - - [*ср. ниже*: Качались желтые стены, парусом выгибался потолок - -.] Л 220. || *Мутный, буроватый* (*о воде*). - - Проходили место, где желтые воды Камы вливаются в стальную полосу Волги - -. У 634. || *Светлый, русый* (*о волосах*). Бледный, больной и всегда сердитый, с красными глазами, без бровей, с желтой бородкой, он [священник Соловьев] говорит мне --: — А тебе какое дело до этого, а?

Л 335 || *Пожелтевший, потемневший* (*от времени*). С каждой новой книгой эта несхожесть русской жизни с жизнью иных стран выступает предо мною все яснее, возбуждая смутную досаду. усиливая подозрение в правдивости желтых, зачитанных страниц с грязными углами. Л 341. || *С желтоватым, нездоровым оттенком* (*о коже*). - - Уши [у зеленой старухи] двигались, и зеленые волосы бородавки тоже шевелились, ползая по желтой, сморщенной и противно чистой коже. Д 166 — Баба, баба! — выпевал он [чахоточный Башкин], и желтая кожа его лица разгоралась румянцем - -. У 517 | *метон. С такой кожей.* Не однажды я видел под пустыми глазами тетки Натальи синие опухоли, на желтом лице — вспухшие губы. Д 51 Желтые щеки и лоб старика медленно окрасились в багровый цвет - -. У 611 Когда я стою в тесной каюте около буфетчицы, по пояс голой, и вижу ее желтое тело, дряблое, как перекисшее тесто, вспоминается литое, смуглое тело Королевы Марго - -. Л 376 —— *в сравн.* Изредка к нему [математику] приходил маленький горбатый уродец - -, седоволосый, с хитрой улыбкой на желтом лице скопца. У 521 | *метон. С желтоватым лицом.* Чахоточный, желтый Давидов, весь в клочьях волос, тоже открывал рот, странно уподобляясь галчонку, только что вылупившемуся из яйца. Л 407 Мать, желтая, беременная, зябко куталась в серую, рваную шаль с бахромой. Д 176. || *С желто-коричневой кожей* (*о человеке желтой расы*). - - Наверху, в доме, жили бородатые, крашеные персияне, а в подвале старый, желтый калмык продавал овчины. Д 10. + Ед. И. желтый: Д 178, Л 362, желтый с похмелья: Л 442, желтый и опухший от водянки: У 580, желтая батистовая кофта: Л 412; Р. в переплетах желтой кожи: Л 382; Д. по желтому, чисто выскобленному столу: Д 34; В. желтый: Д 118, желтый кипяток: Л 380, желтую: Д 24, 178, 200, желтую крышку гроба: Д 11, желтую лысину: Д 115, желтую яму: Л 239; Т. желтой рукою: Л 387, 508, с желтой кожей лба: У 514, желтым казанским мылом: Д 167; П. желтой: Д 178, 182, Л 241, 348, в желтом платке: Л 287, в желтом свете лампы: Л 352, на желтом черепе: У 604. Мн. И. желтые: Л 220, желтые огни - - свеч: Д 36, желтые зайчики дрожали на смуглых щеках: Д 48, желтые пятна огней: Д 76; Д. желтым: Л 456; В. желтые: У 636, желтые и розовые яблоки: У 623, желтые кусты: У 635; Т. желтыми зубами овцы (*в сравн.*) У 554: П. в желтых сапогах: Л 344. Ср. ст. был новее и желтей (о дубовом кресте): Д 44.

[Прим. сост.: За знаком плюса [+] приведены грамматические формы слова (с указанием страниц), не вошедшие в иллюстрации:

а) условные обозначения повестей автобиографической трилогии: Д — «Детство», Л — «В людях», У — «Мои университеты»;

б) количественные данные из Алфавитно-частотного списка слов, вошедших в 3-й выпуск: желтый — 68 (Д — 26, Л — 25, У — 17).]

Вопросы и задания

1. Изложите тезисно основные идеи писательской лексикографии, выдвигаемые Б. А. Лариным.
2. Каковы, в концепции Б. А. Ларина, основные параметры, определяющие дифференциальность и полноту словаря писателя?
3. Как Б. А. Ларин определяет главную задачу полного алфавитного словаря писателя?

4. В чем, по мнению Б. А. Ларина, различие между словарем писателя и общим толковым словарем в семантической характеристике слова? в описании его употреблений?
5. Сопоставьте задачи, решаемые в Словаре языка Пушкина и Словаре автобиографической трилогии М. Горького, и соотнесите характеристику словарей с понятиями «литературный язык», «язык художественной литературы», «стиль писателя».
6. В чем Б. А. Ларин видит преимущества словарной формы при изучении стиля писателя?

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЯ

Словарь языка Достоевского

Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург

Язык и мысль Достоевского в словарном отображении[1]

I. Общие положения

<…> Отечественная авторская лексикография, как и мировая теория и практика создания словарей писателей, накопили богатый опыт лексикографической интерпретации языка выдающихся личностей современности и прошлого. С этой целью созданы как полные словари ко всем произведениям авторов или отдельным текстам, так и словари «однопараметровые», отражающие отдельные показатели словоупотребления — частоту встречаемости лексических единиц, тропы, синонимы, фразеологизмы, эпитеты, неологизмы, экспрессемы, имена собственные и перифразы, редкие и устаревшие слова, рифмы в поэтических текстах, конкордансы и т. п. В качестве концептуальной установки такого рода работ можно рассматривать восходящие к идеям Б. А. Ларина следующее рассуждение в предисловии к «Словарю автобиографической трилогии М. Горького»: «…в писательском словаре прямым объектом исследования является образная реализация слов, определяются именно зависимые контекстуально оттенки их значений, которые лишь изредко оставляют прочные следы в общем языке и не всегда улавливаются читателем, и не всяким

[1] Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта. Вып. 1–3. М., 2001–2003.

читателем. Иными словами, общий словарь выясняет инвентарь устойчивых семантем языка, писательский словарь дает пословный комментарий к художественному тексту памятников литературы…» <…>

Во-первых, вызывают сомнение сами «зависимые контекстуальные оттенки», которые никем, кроме составителей, не воспринимаются — ни общим языком, ни читателем («лишь изредка оставляют прочные следы в общем языке и не всегда улавливаются читателем, и не всяким читателем»). Во-вторых, согласно принятой концептуальной установке, анализу на предмет обнаружения «зависимых контекстуальных оттенков» подлежат все слова писательского языка, что представляется совершенно неоправданным, поскольку не может автор подвергать «образному переосмыслению» все слова: он рискует в этом случае просто остаться непонятым. Таким образом, в-третьих, делать «пословный комментарий» к авторскому тексту — работа грандиозная по своему объему, но малорезультативная, нерационально расходующая время и силы составителей. На наш взгляд, наоборот, надо выбрать для такого комментария только важные для писателя слова, главные, ключевые для понимания его мира, его языка.

<…> Все это не означает, тем не менее, что составители Словаря Достоевского совершенно отказываются от оперирования понятием «оттенок значения». Оно включается в описание слова имплицитно, и его формальным показателем служит постановка в толковании значения разделительного знака «точка с запятой», который сигнализирует читателю о наличии оттенков у данного значения. Причем контексты словоупотреблений подбираются таким образом, чтобы по возможности иллюстрировать все отмеченные в дефиниции оттенки.

<…> «Размытость» границ между оттенками позволяет составителям сосредоточиться на более строгом разграничении самих значений. Именно этот уровень — уровень значений — является наиболее выразительным показателем самобытных идиолектных черт языка писателя: полнота использования им полисемантического потенциала слова общелитературного языка, статистическая и жанрово обусловленная предпочтительность тех или иных значений, наконец, употребление слова в новых, не известных литературному языку значениях. <…>

<…> Еще одно замечание по поводу «оттенков значения» в Словаре Достоевского. Помимо имплицитной их фиксации в иллюстративных примерах (в соответствии с подразделениями внутри толкования лексико-семантического варианта), от-генки могут находить отражение в других зонах словарной статьи, прежде всего в зоне «Комментария» составителя. Комментарий включает несколько подзон. В подзоне «Примечания», текст которых принадлежит составителю, оттенки могут быть отмечены эксплицитно. Например,

в «Бесах» у слова ЗАДУМЧИВЫЙ в зн. 1 отражен дополнительный оттенок значения «с признаками душевного расстройства» (в словарях такое значения обычно отмечают для глагола *задумываться*) <…>.

Кроме того, в неявном виде указания на оттенки употребления могут содержаться в других подзонах Комментария, например, в подзоне, отмечающей комбинацию двух разных значений слова в пределах одной фразы [КОМБ] <…>

— в подзоне, описывающей сочетаемость слова <…>

— в подзоне, посвященной нестандартной, с точки зрения норм современного литературного языка, сочетаемости слова <…>

— в подзоне, фиксирующей ироническое употребление слова <…>

— в подзоне, отмечающей переносные значения, т. е. употребления слова в составе сравнения, метафоры, метонимии <…>

<…> Предварительные рассуждения по поводу Словаря Достоевского раскрывают перед читателем два из всего множества принципов, на которых строится концепция Словаря:

1. Описанию в Словаре подлежат не все 35 тысяч слов полного лексикона писателя, а только те слова, которые являются важными для его творчества, играют главную роль в числе используемых им изобразительных средств, несут ключевые идеи его миропонимания, характеризуют неповторимый идиостиль автора. Такие слова мы называем идиоглоссами (подробнее об идиоглоссах см. ниже).

2. Решающим и основным при описании слова в текстах для нас является не уровень «оттенков», а уровень значений, уровень лексико-семантического варианта. Те же оттеночные колебания в значениях, которые неизбежно присущи словам в процессах их употребления, в процессах функционирования языка, т. е. наличествуют в речи всякой языковой личности — независимо от степени развитости ее языковой способности (будь то полуграмотная жительница какой-то глухой деревни или выдающийся мастер художественного слова), — эти оттеночные колебания, не будучи прямым объектом поиска лексикографа, тем не менее улавливаются в описании благодаря разработанному формальному аппарату построения словарной статьи: указания на них либо погружены в толкования, с отделением их друг от друга точкой с запятой, либо распределены, как было показано выше, по разным подзонам разветвленной структуры словарной статьи.

Два эти принципа дополнительно расширяют и устрожают требования к подбору цитат-иллюстраций и в итоге усиливают роль иллюстративного параметра Словаря в целом. Вообще же выбор иллюстративных контекстов подчиняется прежде всего трем критериям:

— контексты, подбираемые составителем для иллюстрации значения описываемого слова, должны репрезентировать четыре функциональных разновидности текстов писателя: художественную речь, публицистику, эпистолярный жанр и деловую, т. е. документальную, прозу (естественно, если слово представлено во всех перечисленных функциональных регистрах речи). <…> В угловых скобках, после «черного слова», первой цифрой, напечатанной полужирным шрифтом, обозначена суммарная частота данного слова; после нее следуют четыре позиции, в которых зафиксирована дифференцированная частота его употребления в художественных произведениях, публицистике, письмах и в документах, соответственно. Так, в словарной статье АНГЕЛ <**385**: 176, 16, 194, –-> прочерк в четвертой позиции означает отсутствие этого слова в деловой прозе Достоевского;

— в каждом из регистров порядок следования иллюстраций подчиняется хронологическому принципу, который отражает три традиционно выделяемых периода творчества писателя (1844–1849; 1856–1866; 1866–1881). Каждый период представлен примером употребления для каждой из функциональных разновидностей;

— наконец, требованием к заполнению зоны иллюстраций является обязательное включение в нее контекста, содержащего первую фиксацию, первое употребление автором описываемого слова.

<…> Помимо перечисленных формальных критериев составитель руководствуется при подборе цитат еще и другими, более частными соображениями (например, цитата ярко передает какую-то философскую, историческую, религиозную мысль автора, характеризует его общественно-политическую позицию по поводу актуального для его времени события, раскрывает его эстетические воззрения или касается взаимоотношений России с европейскими странами, наконец, оказывается важной для понимания идейно-художественных особенностей произведения или просто содержит специфические показатели речевого портрета персонажа и т. п.), становится понятно, что зона примеров употребления, которая максимально может содержать для одного лексико-семантического варианта до 13 иллюстраций, является в нашем Словаре центральной по своей функциональной предназначенности и самой обширной по объему частью словарной статьи.

<…> «Словарь языка Достоевского» сохраняет роль справочника по отношению к жизни определенного слова в произведениях писателя. Но амбиции составителей идут дальше: мы хотим видеть в нашем словаре также сокровищницу мыслей и художественных образов Достоевского, активизированные и реализованные им богатства русского языка.

В центре размышлений писателя часто оказываются вопросы, созвучные нашему времени, сохранившие свою острую актуальность до наших дней.

<…>

II. Концептуальные основы дифференциально-распределительного «Словаря языка Достоевского» как лексикографической серии

<…>

Противоречие в подходах к художественному тексту между словарником и аналитиком литературы кажется неразрешимым: или погружение в мир писателя с минимальной оглядкой на язык его произведений, или «микроскопический» анализ и фиксация каждого слова и словоупотребления в тексте, но без видения широких горизонтов его творчества в целом. Общность и универсальность филологического знания исключает признание этого противоречия непреодолимым. Но как преодолеть ограниченность словарного подхода, не отказываясь от высоко отточенной лексикографической техники и эффективных ее формализмов, и в то же время способствовать освоению сегодняшним читателем целостного художественного мира писателя?

Ответ сводим к двум положениям: одно, прежде всего концептуальное, обязано идее словарного представления языковой личности писателя, другое, главным образом технологическое, связано с идеей представления языка многомерного произведения словесного искусства в виде серии словарей.

Подход к созданию лексикографического образа лексического строя языка писателя как серии словарей отражает признание многоплановости языковой личности мастера слова, такого, каким был Ф. М. Достоевский; признание невозможности редуцировать языковое своеобразие любого художественного текста к какой-либо одной-единственной системе лексических или грамматических начал национального языка. <…>

Такой подход отвечает функциональной, стилистической, лексической, конструктивной и морфологической гетерогенности средств, использованных писателем в тексте. В лексиконе писателя, например, это гетерогенность разных категорий слов, категорий полнозначных и строевых слов, носителей тем и носителей мотивов, имен и глаголов, имен собственных и имен нарицательных, вообще слов и сочетаний слов, в том числе свободных и устойчивых, прецедентных и идиоматических.

<…> Тем самым становится невозможным создать словарь, который описывал бы любую лексическую единицу, использованную писателем, на основе какой бы то ни было единой, непротиворечивой совокупности нетривиальных постулатов и правил и который при этом отражал бы все модусы существования языковой личности писателя, от мастера до вассала слова на разных этапах его творчества.

Словарная серия, как и некоторые иные авангардные технологии трансляции текстов, в частности художественных, призвана обеспечить более тонкую их интерпретацию средним читателем.

Аналогично достигается и другое условие адекватного суждения о произведении литературы: необходимость сопоставить его с другими текстами — современников, предшественников и потомков. Важна при этом возможность переходить от одного текста к другому в ходе чтения и анализа любого из них.

Серия словарей должна отражать языковое богатство всего написанного Ф. М. Достоевским — его художественных и литературно-публицистических произведений, его деловой прозы и писем, другими словами, отражать все ипостаси его языковой личности, и художника слова, и публициста и рядового носителя русского языка.

Серия словарей должна учитывать изменения языковой личности писателя на разных этапах его творчества.

Серия словарей должна показать пользователю, как на выбор лексических единиц и их сочетаемость влияют такие факторы, как жанр текста, в котором они использованы, принадлежность речи автору (рассказчику) или персонажам того или иного произведения писателя.

Серия словарей должна описывать все разнообразие лексических единиц, встречающихся в оригинальных текстах, принадлежащих писателю.

Серия словарей должна содержать информацию обо всех употреблениях лексических единиц, более того — каждый из словарей серии обязан демонстрировать прежде всего и главным образом то, как функционирует описываемая лексическая единица в речи писателя, как она взаимодействует с соседями в тексте, как она образует контексты использования других единиц и как сама преобразуется в их контекстах, принадлежит ли к средствам локальной выразительности или к образующим его языковой конструкции, которая отражает художественную целостность текста.

Более широкий круг академических задач, решать которые призван «Словарь языка Достоевского», связан с базовой для авторского коллектива установкой: творчество Достоевского является новой — после эпохи Карамзина и Пушкина, Лермонтова и Гоголя — вехой в развитии русского литературного языка. Писатель не только продолжил разработку продуктивных оснований, обнаруженных предшественниками, но и открыл ранее не востребованные ресурсы выразительности — синтаксическое богатство устной речи города, особенно тех диалогических ее разновидностей, которые столь созвучны устремлениям писателя к драматической прозе, описанию не столько положений героев, сколько их действий, хотя бы подчас и лишь виртуальных.

«Словарь языка Достоевского» призван стать методологической и методической основой создания в интересах широкого круга гу-

манитариев словарей языка других классиков русской художественной литературы XIX и XX веков, особенно тех писателей второй половины XIX века, для которых актуально понятие индивидуального художественного стиля (Толстого, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова).

Очевидны трудности, с которыми сталкиваются составители и столкнутся пользователи будущего Словаря. Эти препятствия преодолимы, если и те и другие воспользовались бы тем, что предлагает современная информационная технология, в частности технология создания распределенных баз данных и гипертекстовых форм их совместного использования.

Экспликация понятия «серия словарей» опирается на идею дифференциально-распределительного представления лексического строя идиолекта. Это должна быть серия одноаспектных и многоаспектных словарей, образующих такую сеть, содержательные характеристики которой исчерпывающим образом «покрывают» свойства и особенности языка Достоевского.

К мысли о дифференциально-распределительном словаре как способе зафиксировать язык писателя с помощью определенного набора разных словарей приводят три обстоятельства.

Первое обязано тому, что своеобразие единиц разных лексических категорий языка исключает однообразное их описание в рамках одного-единственного словаря, удовлетворяющего одним и тем же требованиям.

Второе связано с невозможностью отвлечься от того, что каждая описываемая лексическая единица характеризуется в каждом тексте своей собственной лексической средой и своим собственным многообразием текстообразующих функций (средств упаковки, сюжетно-тематической конструктивности, выразительности и изобразительности), лексико-комбинаторных связей и обусловленных ими свойств, обнаруживаемых как в соединении, так и в альтернации синсемантичности и автосемантичности. <…>

Третье состоит в том, что при словарном описании языка писателя как дискурса языковой личности приходится учитывать ту ее многоуровневую оформленность, которая обнаруживается в идиолектности, членимости, сопоставимости с набором идиолектных различий, который в совокупности своей отвечает идиолектному языку, а при его социологизации — определенному во времени литературному языку.

Идея дифференциальности при этом складывается из трех составляющих.

Во-первых, в разных словарях серии описываются разные единицы, структурирующие языковую личность. <…>

Во-вторых, идея дифференциальности выражается в том, что в разных словарях разные единицы языка писателя описываются разными лексикографическими средствами: одни приемы построения

статей и способы подачи информации используются, например, в словаре топонимов, и совсем иные — в словаре афористики Достоевского и т. п. Первую и вторую основы дифференциального подхода можно, таким образом, назвать экстенсиональной дифференциальностью.

В-третьих, в каждом из словарей проведен принцип внутренней, интенсиональной, дифференциальности: он заключается в том, что не все единицы, вошедшие в один словарь, описываются с одной и той же степенью подробности. Так, слова *честь* (или *смеяться*), занимающие важное место в мире, создаваемом писателем, разрабатываются в толковом словаре с максимальным охватом их контекстов, с тщательным описанием и комментированием всех оттенков их употребления. Но там же слова *густой*, *книга*, *одежда*, *отворить*, *отправиться*, *палисадник* и др. нуждаются в минимальной лексико-семантической информации — их употребление в изучаемых текстах полностью остается в пределах, ассоциируемых с литературным языком.

Основной ориентир дифференциально-распределительного словарного описания составляют уровни строения языковой личности. Во всех словарях серии фиксируется информация о распределении описываемых единиц по отдельным произведениям автора, о родах словесности, или о жанрах текстов, которым они принадлежат, о распределении этих текстов по периодам творчества. Для ряда словарей приводятся еще и сведения о распределении употреблений изучаемых единиц по дискурсам разных персонажей Достоевского (например, в словарях фразеологии или афористики).

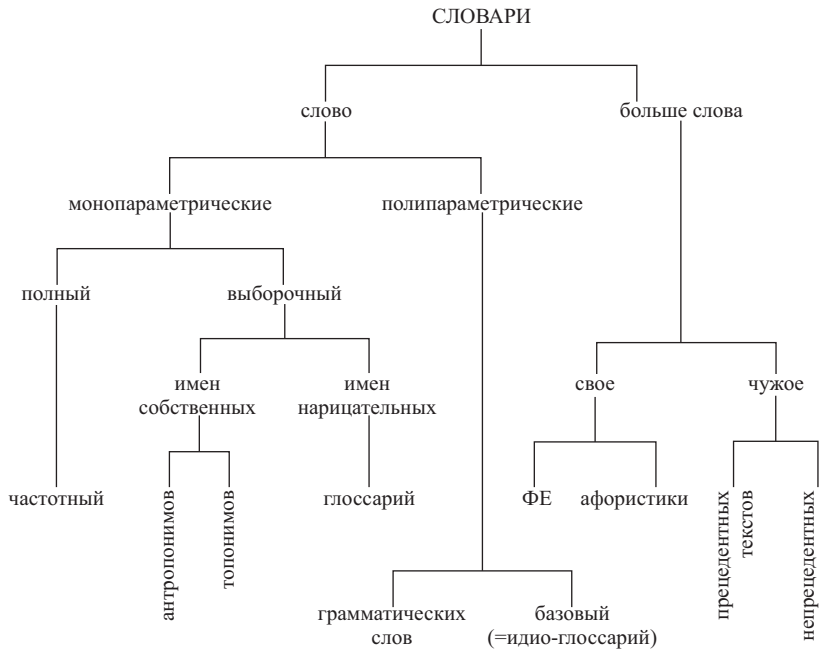
Дифференциально-распределительный словарь является не только аналитическим, но и синтезирующим средством представления языковой индивидуальности писателя. Сегодня это единственный известный нам путь постижения и членимости (а значит, оформленности), и целостности идиолекта писателя. Представление лексического строя идиолекта Достоевского при подобной эвристической установке могло бы быть изображено следующей схемой (с. 302).

Комментарий к схеме

При определении состава серии словарей учитывались признаки двух типов: а) признаки, характеризующие место и роль лексикографируемой единицы в структуре языка и конкретного текста; б) признаки, диктуемые аспектом изучения языковой личности, — как раскрывающие специфику данного автора, так и учитывающие особенности его читателя.

1. Первое основание деления — формальное: единицей словарного представления может быть либо «слово», либо единица «больше, чем слово» — словосочетание или предложение, речение.

2. Предметом описания может быть одно или более чем одно свойство описываемой единицы; словарь может быть однопараметрическим или многопараметрическим.



К первым относится, например, частотный словарь. Ко вторым — словари, где лексиграфическая единица получает характеристику по многим линиям (функционально-стилистической, прагматической, семантической, грамматической, сочетаемостной и т. д.). В зависимости от роли в предложении и высказывании, различаются словари полнозначных и словари неполнозначных, конструктивных лексических единиц.

3. Авторский дискурс может быть представлен п о л н о с т ь ю или частично, в ы б о р о ч н о. Так, словник частотного словаря включает все лексические единицы всех текстов Достоевского, а значит, соответствующий словарь должен быть квалифицирован как полный. Иное глоссарий: он содержит характеристику только апеллятивов, отобранных по возможной непонятности для читателя. Таковы же и ономастиконы, описывающие имена собственные. Выборочными будут и полипараметрические лексикографические представления лексического и грамматического строя идиолекта, в последнем случае такое, как словарь грамматических слов, а в первом — такие, как идеоглоссарий и идиоглоссарий, см. ниже.

4. Для единиц, больших, чем слово, существенно противопоставление относительно категорий «с в о е» и «ч у ж о е».

5. Лексическая категория «свое речение» разрабатывается двумя словарями — словарем общенациональной фразеологии во всем многообразии ее вариантов, иногда специфичных для изучаемого

идиолекта, и словарем афористики — созданных писателем крылатых выражений, сентенций и максим. Разница между ними в отношениях с соответствующими разрядами общенационального словаря. Для каждой отдельной языковой личности авторская фразеология заимствуется из общенациональной, в процессе заимствования становится неотъемлемой принадлежностью ее лексикона и тезауруса, а затем и строевым материалом для её текстов. Крылатые выражения, особенно созданные самим автором и получившие распространение в текстах других авторов, являются источником для расширения словаря литературного языка.

Для «чужого слова» важно различать прецедентные и непрецедентные речения, т. е. входящие в общеязыковой (общелитературный) фонд знаний, с одной стороны, и не являющиеся общеизвестными, с другой, речения документированные и речения, не документированные автором.

<…>

III. Базовый словарь серии — словарь идиоглосс

Итак, дифференциально-распределительный характер всего проекта обусловлен многими факторами, но прежде всего — неоднородностью лексикона писателя и гетерогенностью описываемых текстов. <…>

Но неоднородность лексикона оказывается не только формальной — жанрово или хронологически обусловленной, — но и содержательной. Речь идет о противопоставлении ключевых единиц (тематических, семантически опорных, лейтмотивных, слов-фаворитов) неключевым, не являющимся семантически опорными. Сам термин «ключевое слово» несет в себе две идеи: идею важности, семантического (тематического) веса для передачи смысла текста и идею обязательности присутствия, невозможности опустить его, например, при сжатии текста (реферат, дайджест, текст-примитив). Ключевые слова бывают двух родов: слова, характеризующие только текст, и слова, отражающие как строение, так и смысл текста, т. е. тоже характеризующие текст, но одновременно несущие на себе печать субъективного авторского мировидения, авторского языка, индивидуального авторского стиля. Для различения двух родов ключевых слов мы вводим разрабатываемые коллективом авторов термины теории авторских словарей — идеоглосса и идиоглосса.

И д е о г л о с с о й (ср. ряд терминов — идея, идеология, идеограмма, идеография) мы называем тематически выделенную единицу текста, представляющую собой лексическое свидетельство его принадлежности диалогу культур или субкультур — таких, как элитарная и профанная, — по социологически, философски, эстетически значимым проблемам.

Ключевое слово в широком смысле, называемое нами и д и о г л о с с о й (ср. ряд терминов — идиолект, идиостиль, идиома, идиосинкразия), — это также единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, какой мир воссоздает автор, но и то, как он это делает.

Идеоглоссы — это лексические средства выражения того, что является актуальным в создаваемой в тексте картине мира; идеоглосса — единица когнитивного уровня в структуре языковой личности. Идиоглоссы — это лексические маркеры индивидуальной манеры этого процесса созидания; идиоглосса — единица прагматического уровня в структуре языковой личности. Можно предполагать, что эти понятия соотнесены так, что среди лексически близких идеоглосс всегда найдется такая, которая является идиоглоссой, обратного, однако, не наблюдалось. <…>

Охарактеризованная выше неоднородность авторского лексикона исключает возможность единообразно описать его в рамках одного-единственного словаря.

В концепции дифференциально-распределительного лексикографического представления языка Достоевского приоритетная роль в задуманной серии словарей отводится так называемому «базовому» словарю идиоглосс[1]. По своему характеру он относится к толковым, отличаясь от них рядом особенностей. Особенности эти, продиктованные ориентацией на выявление специфических черт языка писателя, таковы:

— систематическое иллюстрирование употребления каждого описываемого значения контекстами, с распределением их по всем периодам творчества писателя и всем жанрам, в которых оно появляется (художественные произведения, публицистика, письма, деловые бумаги);

— описание, по возможности исчерпывающее, лексической и синтаксической сочетаемости слова в каждом отдельном значении с приложением полного словоуказателя;

— введение в структуру словарной статьи зоны «Комментарий» составителя <…>.

<…> Описываются не все без исключения слова, встретившиеся в текстах Достоевского, а только важные для характеристики индивидуального стиля при воссоздании мировидения автора, его общечеловеческих и национальных идеалов во всей их сложности и противоречивости. И главное — идиоглосса является лексикографической, конструктивной экспликацией стилистической категории «автор». Вот слова такого рода: *тайна*, *деньги*, *бедный*, *поразить*, *испытание*, *гордость*, *кротость*, *ссора*, *вина*, *быстро*, *строгость*,

[1] Подготовленный словник этого словаря включает около двух тысяч единиц; в трех вышедших выпусках представлено 372 слова [*примеч. сост.*].

несчастливый, *цель*, *трусость*, *стыдиться*, *страдать*, *мучиться*, *новый*, *мечта*, *добро*, *зло*, *русский*, *весь*, *только*, *никогда*, *никто*, *всегда*, *гражданин*, *беспорядочный*, *идеал*…

Таким образом, в понятие идиоглоссы мы вкладываем комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных мирообразующих, мироформирующих идей автора, и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля. <…>

Статус идиоглосс характеризуется следующими показателями: они представляют собой тезаурусообразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира, авторского мировидения; по отношению к тексту они выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свернутом виде содержание конкретного текста; в силу повторяемости, сквозного характера, они являются единицами индивидуального авторского лексикона, однозначным и неповторимым образом характеризуя его идиолект. Способ их существования и поведение в тексте определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля. Каждая идиоглосса в тексте существует, будучи погруженной в определенным образом ориентированное ассоциативное пространство. <…>

Свойства, которые характеризуют идиоглоссу как знак авторской манеры письма, находят последовательное отражение в самом строении словарной статьи в базовом словаре.

Каждая лексическая единица предстает в словарной статье в двух своих ипостасях — как слово русского литературного языка определенного периода и как знак языка именно данного автора, данной языковой личности, отражающий своеобразие его дискурса и его мира. <…>

В семантической зоне порядок следования значений определяется не традиционной лексикографической направленностью от прямого к переносным и от конкретного к абстрактным, а двумя следующими факторами: количеством употреблений в том или ином значении и полнотой их распределенности по жанрам и периодам творчества писателя. Например, в качестве первого значения у слова *грязный* в нормативных словарях принято выделять «покрытый грязью». В текстах Достоевского, в соответствии с указанными критериями, на первое место выходит переносное значение — «вызывающий моральное отвращение, непристойный, гнусный» <…>.

<…> Будучи идиоглоссой, лексическая единица в своем описании должна отразить те особенности, которые в ее стандартное содержание и функционирование привнесены автором. Это «достоевское» идиостилевое своеобразие, если оно наличествует у данной единицы, открывается отчасти уже в классических зонах словарной статьи (например, в толковании, в количестве значений в порядке их

расположения), но, главным образом, личностным особенностям словоупотребления посвящены Комментарий и Примечания. Они носят характер, не обязательный для каждого описываемого слова, и получают оформление лишь при наличии языковых фактов, которые не укладываются в стандартную структуру статьи. <…>

Таким образом, в Комментарии и Примечаниях находят отражение индивидуально-авторские особенности словоупотребления, охватывающие системно-строевые и контекстные характеристики лексической единицы-идиоглоссы.

Но и д и о г л о с с а, по определению, несет не только сугубо языковую информацию, а является конституирующим элементом писательского тезауруса, и д е о г л о с с о й в его картине мира, конструктивным центром в его концептосфере. Эта ипостась идиоглоссы раскрывается в следующих восьми возможных для нее в тексте функциях, передающих когнитивные ее характеристики:

— вхождение в состав имен собственных;

— метафорические и метонимические преобразования;

— использование в оценочных контекстах — с ироническим или, наоборот, с подчеркнуто позитивным смыслом;

— вхождение во фразеологические единицы, пословицы и поговорки;

— появление (или повторение) в статусе «чужого слова» (в цитатах);

— использование в прецедентных текстах;

— использование в роли предмета (темы, проблемы) афористических высказываний;

— функционирование в роли ассоциативного аттрактора — организующего центра текстовых ассоциативных полей.

Каждой из перечисленных функций в корпусе словарной статьи и в Комментарии соответствует отдельный вход, т. е. каждая когнитивная функция потенциально имеет в словарной статье собственную субзону. <…>

В словнике этого выпуска базового словаря читатель найдет не только собственно идиоглоссы. В порядке лексикографического эксперимента в него включены несколько словарных статей для слов, заведомо идиоглоссами не являющихся. Эти единичные отступления от принципа формирования словника базового словаря как идиоглоссария Достоевского имеют целью еще раз подчеркнуть специфику выявления и лексикографирования идиоглосс, поскольку последние, как демонстрирует словарь, могут оказаться и среди слов одной (бесприставочной) ветви словообразовательного гнезда (например, *смиренный*, *смирение*, *смириться*), но в их число не могут входить слова, употребленные автором однократно (*смиренница*, *смирительный*) или имеющие в его текстах одно единственное значение (*смиренно*, *смиренномудрый*, *смирить*, *смирять*, *смиряться*). <…>

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ЖЕЛТЫЙ <91 : 82, 9, -, ->

1. Цвет спектра (между оранжевым и зеленым).

🕮 [Доброселова] Грустно мне было вставать поутру после первой ночи на нашем новоселье. Окна наши выходили на какой-то **желтый** забор. На улице постоянно была грязь. (БЛ 27) Она [Настенька] была одета в премиленькой **желтой** шляпке и в кокетливой черной мантильке. (БН 105) Это была маленькая пятидесятилетняя дама, с остренькими глазками, в веснушках и в **желтых** пятнах по всему лицу. (ДС 329) Это какие шинели? откуда получили? — спросил он [унтер-офицер] вдруг, обратив внимание на серые капоты с **желтыми** кругами на спинах, выданные нам в Тобольске и в которых мы предстали пред его светлые очи. — Это новая форма! (ЗМ 214) Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с **желтыми** обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. (ПН 8) Это была рослая женщина, одних лет с своим мужем, с темными, с большою проседью, но еще густыми волосами, с несколько горбатым носом, сухощавая, с **желтыми,** ввалившимися щеками и тонкими, впалыми губами. (Ид 44)

🗐 Мало ли что человек может не заметить, особенно под влиянием известного идеального настроения. Но нам нестерпимо осуждение барича в **желтых** перчатках и с хлыстиком в руке над работою чернорабочего: «А что урока отчего не сработал? <…>» (*Пб 19:* 63) Он [Соловьев] держал было сначала у себя, в заплесневелой квартире своей, со стенами под **желтой** краской, кухарку и кошку <..> (*Пб 19:* 74) вдруг к крыльцу его [станционного дома] подлетела курьерская тройка и вскочил фельдъегерь в полном мундире с узенькими тогдашними фалдочками назади, в большой трехугольной шляпе с белыми, **желтыми** и, кажется, зелеными перьями <…>. (*ДП 22:* 28)

2. Спекулятивный, беспринципный, бульварный (о прессе).

🗐 <…> со смертию В. Майкова основался в «Отечественных записках» г-н Дудышкин, и мы имеем некоторое основание думать, что с него-то и начинает **желтый** журнал новую блестящую эру своей деятельности. (*Пб 18: 71*)

♦ **Желтый дом** 🕮 [Фома Ростаневу:] Но знаете ли вы, что вы осрамили, обесчести меня отказом сказать мне «ваше превосходительство», обесчестили тем, что, не поняв причин моих, выставили меня капризным дураком, достойным **желтого дома!** (СС 87)

Желтый билет 🕮 Когда единородна дочь моя в первый раз по **желтому билету** пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по **желтому билету** живет-с…) — прибавил он [Мармеладов] в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека. (ПН 14)

Желтые (бумажки) [о денежных купюрах достоинством в один рубль] 🕮 [Ставрогин:] Портмоне я выбросил с мелкими деньгами, а бумажки оставил. Было тридцать два рубля, три красных и две **желтых.** (Тх 15) [Ламберт:] Вот три **желтых** бумажки, три рубля, и больше ничего до самого вторника, и не сметь... не то... (Пд 347)

Народно-поэт. 🕮 [Макар Иванович:] Возьми песочку да посей на камушке; когда **желт** песочек у тебя на камушке том взойдет, тогда и мечта твоя в мире сбудется, — вот как у нас говорится. (Пд 311)

Словоуказатель 🕮 **желт** Пд 311 БрК 282[2] **желтая** Ид 497 Бс 18, 161 БрК 180[4] **желтого** СС 87, 121 ПН 8, 254[4] **желто** Хз 304[1] **желтое** БН 139 ЗП 141, 144 Бс 18[4] **желтой** БН 105 СС 135 ЗМ 130 ПН 35 БрК 157 БКа 58[6] **желтом** СС 162, 168 Ид 183[3] **желтому** ПН 14, 14[2] **желтою** ПН 83[1] **желтую** БН 103 БКа 61 [2] **желты** БрК 300, 300[2] **желтые** БЛ 83 Хз 267 БН 119 УО 169 СА 42 БКа 58, 67 МХ 15[8] **желтый** БЛ 27, 77 Ср 29 33 47, 48 ЗП 123 ПН 18, 213, 300, 388 Ид 212 Бс 188, 223, 253, 256[15] **желтый-то** ПН304[1] **желтым** Ср 26 ПН 12, 83, 131, 287 Ид 173, 212 Бс 204, 321, 336 Пд 142, 431[12] **желтыми** МГ 293 ЗМ 214 ПН 8 Ид 44 Бс 492 Пд 142[6] **желтых** ДС 329 ПН 9, 26, 105, 133 Бс 341 Тх 15 Пд 347[9] 🗐 **желтого** *Пб 19:* 164[1] **желтое** *ДП 22:* 76[1] **желтой** *Пб 19:* 74[1] **желтую** *Пб 20* 104[1] **желтый** *Пб 18:* 71 [1] **желтым** *ДП 26:* 61, 61 [2] **желтыми** *ДП 22:* 28[1] **желтых** *Пб 19:* 63[1]

Комментарий

АССЦ беда, ввалившиеся, впалые, деньги, дочь, грустно, грязь, заплесневелый, истлеть, истрепанные, слабый, слезы, старый, стена, настроение, прескверный, тлетворный дух, форма, худой.

СЧТ1 желт(ый, ая, ое, ые) билет ПН 14, 14, 18, 300, 304 весь Бс 223 воск Пд 142 Гаганов Бс 223диван Пн213 дом БЛ 77 СС 87, 121, 162, 168 журнал *Пб 18:* 71 забор БЛ 27 задок дрожек Бс 336 камень в перстне ПН 287 купец Бс 253 отлив глаз Бс 204, 321 песочек Пд 311 снег ЗП 123 снурок Ид 183 стакан ПН 83 цвет ПН 388 *Пб 19:* 164 человек 33 47 Бс 256 чобот *ДП 26:* 61 шарабан Ид 212, 212 шарф Ср 26, 29 язык 33 48; от злости Бс 223; бумажка Тх 15 Пд 347 Варвара Петровна Бс 161 вода ПН 83 женщина Бс 18 жидкость *Пб 20:* 104 книга БКа 61 коломянка БрК 157 краска БН 103 ЗМ 130 *Пб 19:* 74 обертка СС 135 БКа 58 тетка Ид 497 шляпка БН 105; дерево ПН 8, 254 лицо ПН 131 Ид 173 Бс 18, 18 облако БН 139 пятно ЗП 144; белки глаз БКа 58 глаза БКа 67 заборы Хз 267 зубы Пд 142 кости БрК 300, 300 кусочки сахару ПН 26 лилии МГ 293 листья БЛ 83 БН 119 обои ПН 8, 105, 133 Бс 492 перчатки СА 42 *Пб 19:* 63 пироги МХ 15 рамки картинок ПН 9 цветочки Бс 341 цветы Бс 341 щеки Ид 44 Пд 431.

П р и м е ч а н и я . В составе сложных слов: он был **бледно-желт** Ид 215 **бледножелтые** лица Ид 5 щеки Ид 332 **желто-гнедая** краска Пб 19: 165 **желторотый:** народ ЗМ 118 паренек ЗМ225 парень ЗМ225 мальчик БрК 209 **желторотые** мы БрК 212 **желторотость** БрК 209.

СЧТ2 Δдом деревянный, **желтый,** с мезонином вроде бельведера БЛ 77 длинные **желтые** и серые заборы Хз 267 обмотанный **желтым** вязаным прескверным шарфом Ср 26 скверный у меня [шарф]: **желтый,** поганый Ср 29 за водяными, **желтыми** лилиями сбегал МГ 293 больной человек, страдающий печенью <…> **желтый,** усталый, изломанный 33 47 язык мой был **желтый,** злокачественный 33 48 снег, почти мокрый, **желтый,** мутный ЗП 123 на грязных **желтых** обоях с белыми цветочками ПН 105 увидел женщину, высокую, с платком на голове, с **желтым,** продолговатым, испитым лицом и с красноватыми впавшими глазами ПН 131 оклеивали стены новыми обоями, белыми, с лиловыми цветочками, вместо прежних **желтых,** истрепанных и истасканных ПН 133 из **желтого** отполированного дерева [казенная мебель] ПН 254 женщина <…> сухощавая, с **желтыми,** ввалившимися щеками и тонкими, впалыми губами Ид 44 [человек] со сморщенным и **желтым** лицом, с подозрительным, скрытным и скорбным взглядом Ид 173 часы, серебряные, на бисерном **желтом** снурке Ид 183 тощая, **желтая** тетка их, в черном платке Ид 497 высокая, **желтая,** костлявая женщина, с чрезмерно длинным лицом Бс 18 **желтый,** немного зеленого, с краев подгнил [о листе с дерева] Бс 188 купец, жирный и **желтый** Бс 253 довольно большой, одутловатый, **желтый** лицом человек Бс 256

[комната] с **желтыми,** старыми, порвавшимися обоями Бс 492 [женщина] с ввалившимися глазами и щеками и с **желтыми,** большими и неровными зубами Пд 142 слезы вдруг потекли по его **желтым**, худым щекам Пд 431 широкого, засаленного, из **желтой** летней коломянки, пальто БрК 157 слаб, **желт**, руки трепещут, сам задыхается, но смотрит умиленно и радостно БрК 282 пироги, всякие — миндальные, красные, **желтые** МХ 15 лицо бледное, **желтое,** к костям присохшее *ДП 22:* 76Δ **ТРП** *В сравн.* ΔПобледнеет твой фантастический мир, замрут, утонут мечты твои и осыплются, как **желтые** листья с деревьев... (БН 119)Δ *В метаф.* ΔМало того, «Русское слово» теперь утверждает, что г-н Щедрин выражает вовсе не убеждения, а испускает «какую-то **желтую** жидкость». (*Пб 20:* 104) Δ

П р и м е ч а н и я. Контекст лексемы, как правило, связан с трагическими событиями, с несчастьем, бедностью, болезнью, с отрицательной оценкой. Обыгрывается традиционная символика желтого цвета.

Чужая речь БрК 300 [Парфений, ч. 2, ч. 4] *ДП 26:* 61 [Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»]

Из словообразовательного гнезда [бледно-желтый] 🕮 бледно-желт Ид 215 [1] бледножелтые Ид 5, 332 [2] [**желтеть**] 🕮 желтеет Иг 281 [1] желтеть СС 120[1] ✉желтеет *Пс 29.1:* 335[1] желтела *Пс 29.1:* 57[1] желтеть *Пс 28.1:* 332[1] **[желтенький]** 🕮 желтенькая БЛ 60[1] желтенький ЗП 134 ПН 356[2] желтенькими ПН 25[1] **[желтизна]** 🕮 желтизной Пд 142 БрК 63[2] желтизну Пд 333[1] **[желтовато-черный]** 🕮 желтовато-черное ПН 142[1] **[желтоватый]** 🕮 желтоватые Иг 221 ПН 241,326[3] желтоватый СА43[1] желтоватым Пд 154[1] **[желто-гнедой]** 🕮 желто-гнедою *Пб 19:* 165[1] **[желтоводный]** 🕮 желтоводный *Пб 18:* 97[1] [**желторотость**] 🕮 желторотости БрК209[1] **[желторотый]** 🕮 желторотого ЗМ 225[1] желторотый ЗМ 118,225 БрК 209[3] желторотым БрК 212[1] **[ЖЕЛТЫЙ] [зажелтеть]** 🕮зажелтеют (*Пб 18:* 34)[1] [**пожелтеть**] 🕮пожелтевшего ВМ 106[1] пожелтевшее Хз 270 БрК 488[2] пожелтевшей ВМ 106[1] пожелтевший Пд 333 БКа 92[2] пожелтевшими БЛ 83[1] пожелтевших Дв 110[1] пожелтел БН 103 НИ 153 YO 192Бс238БрК 115 БКа 43 БКа 58[7] пожелтела БКа 5[1] пожелтелая ПН 8[1] пожелтели БКа 58[1] пожелтело УО 193 Бс 207 Пд 142[3] пожелтелой ЗМ 194[1] 🗐 пожелтевшая (*Пб 18:* 15)[1]

Указатель аббревиатурных обозначений разделов Комментария

АССЦ *Ближайшее ассоциативное окружение описываемого слова*
СЧТ1 *Подчинительные связи слова*
СЧТ2 *Связи слова, отличные от подчинительных*
ТРП *Тропеическое употребление описываемого слова*

Условные обозначения

🕮 примеры из художественной прозы
🗐 примеры из публицистики
✉ примеры из эпистолярного наследия (личные письма)
🖹 примеры из эпистолярного наследия (деловые письма и документы)
♦ фразеологические выражения и идиомы
Δ … Δ блок примеров, включенных в Примечания и Комментарии

Вопросы и задания

1. В чем заключается принцип дифференциально-распределительного описания словоупотребления писателя в Словаре?
2. Из каких словарей будет складываться лексикографическая серия «Словарь языка Достоевского»? В чем специфика состава и описания единиц в отдельном словаре серии?
3. Раскройте содержание терминов «идиоглосса» — «идеоглосса», «идиолект» — «идиостиль». В каком словаре лексикографической серии «Словарь языка Достоевского» описываются идиоглоссы? Приведите примеры идиоглосс.
4. Проведите сопоставительный анализ описания прилагательного *жёлтый* в разных словарях писателя и в словаре литературного языка (см. с. 126) и отметьте черты сходства и различия, обусловленные задачами каждого из словарей. При анализе необходимо сопоставить:
   1) структуру словарной статьи;
   2) семантическую характеристику слова и толкование значений;
   3) грамматическую характеристику слова;
   4) набор помет и графических знаков, фиксирующих особенности словоупотребления писателя;
   5) характер цитат и их расположение;
   6) лексико-фразеологический материал, включенный в словарную статью;
   7) количественную характеристику словоупотребления;
   8) справочный отдел.
5. Какой из лексикографических портретов слова непосредственно отражает особенности стиля писателя? Что бы вы усовершенствовали как пользователь словаря?
6. Есть ли связь между концепцией словаря писателя и развитием лингвистической науки?

СЛОВАРИ ПОЭТИКИ СЛОВА

Словарь языка русской советской поэзии[1]

В. П. Григорьев

Введение

Настоящая работа (далее сокращенно: Опыт) является продолжением изданной ранее книги: *Григорьев В. П.* Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. Изд-во «Наука», М., 1965. <…>

Дальнейшее развитие общих принципов создания «Словаря языка русской советской поэзии» <…> и в особенности совершенство-

[1] Поэт и слово: опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.

вание его метаязыка — языка лексикографического описания — невозможно без обращения к сплошному обследованию и словарной обработке целостных художественных текстов во всей сложности их словесно-образных структур. Ниже предлагается опыт такого обследования и словарного представления 28 стихотворных произведений двенадцати разных поэтов[1]. Объем исходного материала — свыше 6770 словоупотреблений, а словник включает 2790 слов (с учетом интеграции некоторых типов парадигм <…>

Прежде чем перейти к более конкретному изложению задач Опыта, установлению словарного типа, к которому он относится, описанию источников Опыта, составу словника, структуре словарной статьи и другим собственно лексикографическим вопросам, а также к некоторым предварительным обобщениям проделанной работы, — остановимся кратко на значении ряда новых словарных предприятий и идей в области лингвистической поэтики (далее сокращенно: ЛП) <…>

<…>

Некоторые проблемы лингвистической поэтики

<…> Полное описание конкретного языка должно также включать в себя адекватное представление тех способов преобразования, благодаря которым язык становится «первоэлементом литературы», способов преобразования «потенциальной образной энергии» языка или тех «скрытых сил слова», о которых писал А. В. Чичерин, в «кинетическую энергию» произведений словесного искусства. <…>

Выражение *поэтическая речь* (синоним: *художественная речь*) используется нами в значении «эстетически значимые тексты», соответственно поэтический язык обозначает «язык в его эстетической функции»[2], а словосочетание лингвистическая поэтика покрывает всю область изучения эстетической функции языка в ее необходимых связях.

Любое слово в поэтической речи может быть объектом по крайней мере трех видов анализа: лексико-грамматического (в широком смысле), общестилистического и лингвопоэтического. <…>

Под рукой художника слова́ преобразовываются и преображаются, получают дополнительные характеристики, обнаруживают «приращение смысла», расширение связей и взаимодействий, выступая

---

[1] Список поэтов, произведения которых стали источниками Опыта: Александр Блок (**АБ**), Асеев (**Ас**), Багрицкий (**Б**), Борис Корнилов (**БК**), Демьян Бедный (**ДБ**), Есенин (**Ес**), Заболоцкий (**Заб**), (Владимир) Луговской (**Л**), Маяковский (**М**), Пастернак (**П**), Хлебников (**Хл**), Цветаева (**Цв**) [*примеч. сост.*].

[2] В излагаемой концепции поэтического языка носителями эстетической (поэтической) функции языка выступают п р е о б р а з о в а н н ы е языковые единицы [*прим. сост.*].

в художественном тексте как качественно новые единицы, реализуя свои эстетические потенции выразительности.

<…> Потребность в подлинной теории словопреобразования в художественной речи постоянно ощущалась. Это легко доказывается хотя бы тем обстоятельством, что само понятие художественного преобразования, трансформации слова все эти годы не выходило из употребления. Понятно, что каждое — особенно, лексикографическое — обращение к описанию художественного текста ставит перед исследователями задачу выявить «приемы преобразования семантики слова». Но не только семантики. Речь идет о том, что для адекватного описания языка — как стандартного, так и творческого владения им — необходимо установить способы преобразования разных типов слов (и не только слов) в художественной речи как в плане содержания, так и в плане выражения. <…>.

Проблема здесь может быть сформулирована и в виде такой практической задачи: надстроить над традиционными для лингвистики разделами «Словоизменение» и «Словообразование» специфический для ЛП раздел «Словопреобразование». Этот раздел и отражал бы разработанную в свете современных идей теорию и классификацию «тропов и фигур», выделение которых и было когда-то попыткой описать преобразования, испытываемые словами в художественных текстах.

Идея словопреобразования получает осмысление в комплексной проблеме «слово — образ — денотат». В известном смысле можно утверждать, что та часть этой проблемы, которая имеет привычное обозначение «слово и образ» (ср. также «текст и смысл»), останется неразрешимой, пока не будет построена новая теория «тропов», понимаемая как учение о способах словопреобразования (и отношениях между ними). Ведь любое выведение слова из «автоматизма восприятия» (его «остранение» или «актуализация») в художественном тексте связано с возникновением образных структур. Поэтому раскрыть «механизм порождения» конкретного художественного текста и обобщить эти механизмы можно только в том случае, если устанавливаются способы перехода как от «слова к образу», так и от «образа к слову». Связующим звеном, способом перехода в обоих случаях и выступает «троп» в этом широком понимании. <…>

«Установка на выражение», «актуализация», направленная против автоматизированного обыденного языка, с одной стороны, и против автоматизированного литературного канона («беллетристической нормы») — с другой, имеет целью (если это не игра с ее особыми правилами-ограничениями) художественное познание определенного денотата в его связях с другими денотатами. Поэтому «тропы» выступают не просто как иное обозначение способов словопреобразования, но как «способы художественного мышления» (А. Р. Волков), не менее важные для эстетики, чем, скажем, такие метаязыки, как силлогистика или символическая логика, для теории научного познания.

<…>

Задачи Опыта и тип словаря

В отличие от установок «Словаря языка Пушкина», «Словаря М. Горького» и других близких к ним по замыслу работ мы рассматриваем русские поэтические идиолекты XX в. как <…> «особый модус языковой действительности» (Г. О. Винокур). Речь идет о необходимости внедрить в лексикографию (и поэтику) особый подход к языковому материалу: объектом анализа становится язык в его эстетической функции. Проблема, которой мы занимаемся, коротко, сводится к отысканию способов лексикографического представления специфики слова как преобразованной единицы художественной речи <…> Исходя из этого, в работе «Поэт и слово. Опыт словаря» мы поставили перед собой две основные задачи:

1) проанализировать, опираясь на предварительно выработанную программу, всю массу словоупотреблений в исходном материале;

2) усовершенствовать в процессе анализа сам язык описания. <…>

Если толковые словари литературного языка привлекают отдельные словоупотребления в качестве иллюстраций для установленных и устоявшихся значений слова, обобщая контекстуальные различия, фиксируя общее и пренебрегая «колеблющимися смыслами» слов в художественных текстах, то любой словарь художественной речи сосредоточивает основное свое внимание как раз на неповторимых отклонениях от стандартного словоупотребления.

<…>

Структура словарной статьи

<…>

Основные разделы статьи

<…> Отказавшись от обычной для толковых словарей литературного языка семантической разработки значений заглавного слова и их «оттенков», мы должны были найти новые лексикографические способы и средства описания, более или менее адекватные тем преобразованиям, которые обнаруживают слова в художественной речи. <…> Общая проблема метаязыка ЛП включает в себя задачу создания метаязыка для поэтической лексикографии как своей опытной базы. <…>

Типовая словарная статья предполагает следующие разделы или части: 1) заглавная форма слова и указание на общее количество его употреблений в источниках; 2) комментарий, ориентирующий читателя (перед обращением к конкретным контекстам употребления) в некоторых характеристиках заглавного слова, не отражаемых в рубриках словарной статьи и/или трудно извлекаемых из них; 3) основ-

ные — опорные и комплексные — рубрики, представляющие собой главное средство характеристики преобразований, которым подверглось заглавное слово в приводимых здесь ПК и ИК[1]; 4) справочные рубрики, которые содержат различного рода дополнительную информацию о связях заглавного слова в анализируемом материале. <…>

Рубрики

Каждый включаемый в словарную статью случай словоупотребления получает характеристику при помощи различного рода рубрик. Рубрики делятся на основные и справочные. Основные в свою очередь подразделяются на опорные (ядерные, базисные, одномерные) и комплексные (многомерные). Последние применяются в тех многочисленных и вообще типичных для стихотворной художественной речи случаях, когда контекстологический анализ конкретного словоупотребления обнаруживает, что преобразование заглавного слова связано не с одним каким-либо параметром, а одновременно с некоторым множеством их. Так, например, метафорический перенос в слове может сочетаться с использованием этого же слова в рифме и в иных видах звуковой организации конкретного контекста; слово как элемент сравнения нередко поддерживается метафорическим преобразованием; авторская перифраза, сама будучи оригинальным словосочетанием, может включать в себя и своеобразные сочетания эпитетного типа и в то же время обнаруживать, скажем, некоторые паронимические отношения и т. п. Таким образом, для конкретного словоупотребления, как правило, недостаточно одноплановой характеристики. Поиски способов многомерного описания экспрессоидов в их контекстуальных связях и привели нас к введению системы комплексных характеристик (и — соответственно — комплексных рубрик), которые определяются как различные комбинации опорных <…>

Общим знаком сомнения, неполной уверенности составителей в даваемых ими характеристиках является вопросительный знак после того или иного условного обозначения (символа рубрики).

Опорные рубрики

Основу нашего метаязыка составляет 31 опорная характеристика и — соответственно — 31 опорная рубрика словарной статьи. Ниже указываются условные обозначения рубрик и приводятся их нестрогие описания, а в необходимых случаях — также некоторые попутные разъяснения и иллюстрации[2].

---

[1] ПК — полный контекст, представителем которого является определенное слово. ИК — иллюстративный контекст [*примеч. сост.*].

[2] Регулярные отсылки к словарным статьям Словаря при описании рубрики сняты и знак <…> (пропуск авторского текста) не ставится [*примеч. сост.*].

1. **Афор** ‘употребление слова в авторском афоризме; авторские «устойчивые фразы», ставшие или способные стать ходячими цитатами, «крылатыми» выражениями’.

2. **Ср** ‘употребление слова в качестве второго члена необщеязыкового сравнения любого структурного типа’.

3. **Мтф** ‘необщеязыковое метафорическое употребление’.

4. **Мтн** ‘неавтоматизированное или не полностью автоматизированное метонимическое употребление’. Пример для слова *палуба*: Эй ты, палуба лихая, что задумалась, молчишь? (**Хл**21).

5. **Олиц** ‘олицетворение, понимаемое расширительно: увеличение меры духовности, присущей денотату’. Олицетворение обычно, но не всегда выступает как атрибут метафоры.

6. **Симв** ‘символическое употребление’. Пример для слова *буря* как символа революции: И видится: буря вздымается с дюны. «Купальщики, жиром набитые бочки, спасайтесь! Покроет, измелет и сдунет. Песчинки — пули, песок — пулеметчики» (**М**23).

7. **Аллег** ‘употребление слова в аллегорическом контексте’.

8. **Σ** ‘комплексное, многозначное, амбивалентное употребление; «двойной, тройной и т. д. план» в употреблении слова’[1]. Пример для слова *непроходимый*: В пустырях ветров и снега бред, под ногою грязь и лужи вместе, непроходимые, как Альфред из «Известий» (**М**23).

9. **Прфр** ‘употребление слова в перифразе’. Понятие перифразы связано, с одной стороны, с так называемой «поэтической фразеологией», беллетристическими формулами («штампами») и общеязыковой фразеологией (см. ниже № 25 и 30), с другой — с проблемой «слово — образ — денотат», с различными способами выражения «одного и того же содержания», т. е. с проблемой синонимии. <…>

В Опыте под перифразой понимается сочетание слов, соотносимое через текст с одним из существующих в нормативном языке обозначений определенного денотата, но не содержащее ни одного слова из этого обозначения. Поэтому, например, сочетание *костер рябины красной* (**Ес**24) — не перифраза, так как содержит слово *рябина*. Таким образом, понятие перифразы ориентировано на мир денотатов, но определяется прежде всего как некоторая словесная конструкция. <…>

Если текст не дает однозначного ответа на вопрос о том, к какому слову «или выражению относится перифраза, то во всех статьях <…> в соответствующие ИК вслед за последним словом перифразы вводится отсылка к этому обозначению по схеме: [≈ руда], [≈ акын] и т. п. <…>

---

[1] В отличие от **Мтф**, где опорное значение только сохраняется, присутствует, но не «выдвинуто», в случае **Σ** более или менее активны два (три и т. д.) значения или «оттенка».

Если опорное слово перифразы характеризуется как **Мтф** (см. выше № 3), то другие слова перифразы, грамматически связанные с ним, а также перифразируемое обозначение получают характеристику **Вмтф** (см. ниже № 15).

10. **Метаморф** ‘употребление слова в контексте, описывающем прямое преобразование предметов’. Пример (для всех шести слов следующего контекста): Обернется парусом бумага, укрепится мачтою перо (**Б**24-8).

11. **Контр** ‘контрастное употребление; случай поэтической антонимии; антитеза, противопоставление’ Пример для слов *погибнуть* и *воскреснуть*: Если погибнем — воскреснем! Каждый потом оживет (**Хл**18).

12. **Сплж** ‘значимое соположение слова; параллелизм в употреблении’. Пример для прилагательных *золотой* и *зеленый*: Не хватало весел и лодок — с вышек прыгали прямо в воду, острой ласточкой пролетая над зелеными островами, и дрожала вода золотая, вся исколотая прыгунами (**БК**35). Из этого примера видно, что в качестве «соположенных» рассматриваются в пределах одного ПК не только «преобразованные однородные члены», но и слова одного ограниченного семантического поля до некоторой степени независимо от их грамматических характеристик и связей <…>

13. **ε** ‘некоторые минимальные семантические сдвиги в употреблении слова, вызванные, в частности, расширением круга его сочетаемости и не фиксируемые другими рубриками’. Пример для слова *добыть* (кого-л.; о человеке): — Все равно тебя добуду, лучше сдайся мне живьем! (**АБ**18).

14–18. «В-рубрики» (**Вср**, **Вмтф**, **Вмтн**, **Волиц**, **Всимв**) ‘употребление слова в контексте **Ср**, в контексте **Мтф** и т. д. ’ Эти рубрики отмечают прежде всего случаи непосредственного участия слова в создании контекста сравнения, метафоры и т. д., а также сферу действия того или иного «тропа», по не характеризуют какой-либо специфический способ словопреобразования сам по себе.

«В-рубрики» представляют собой важное средство фиксации значимых нюансов в поэтическом словоупотреблении и взаимодействии различных способов словопреобразования. <…> Так, например, характеристику **Вср** получают все «*первые* члены необщеязыковых сравнений» (ср. выше № 2); если одно из сополагаемых слов получает характеристику **Мтф**, то второй из «однородных членов» характеризуется как **Вмтф**; если слово получает характеристику **Олиц**, то определившее эту характеристику слово, например, слово *бравый* по отношению к слову *солнце*, отмечается как **Волиц** и т. д.

19. **Стр** ‘сопоставление однокорневых слов в пределах одного ПК (или двух соседних ПК)’. Пример для слов *ветер* и *ветрен*: Он ветрен, как ветер (**П**56-9). Аналогичные случаи, но «на расстоянии», т. е. в пределах целого произведения, собирает особая справочная рубрика [Стр:].

20. **Парон** ‘случаи поэтической парономасии; сопоставление близкозвучных слов, не связанных синхронно-словообразовательно и вне зависимости от их реальной этимологии’. Эту характеристику получают, в частности, диссонансные рифмы типа *дань — день*, *по саду — к соседу*, *росный — прекрасны*. <…>

21. **Звк** ‘прочие (за исключением рифмы) случаи звуковой организации контекста, связанные со звуковым составом заглавного слова’. Здесь учитываются, например, аллитерации начальных согласных в соседних словах, ассонирующие ударные гласные (в четырех и более соседних словах), метатезы (в пределах ПК) типа pt, tp, tap, pat и т. п. (при этом противопоставление твердых и мягких согласных нейтрализуется). Применяя рубрику **Звк**, мы, естественно, не могли проводить для каждого контекста тщательный микроанализ его звуковой структуры, избрав в качестве опорной одну из существующих, — правда, совсем не общепринятых — методик или/и ориентируясь на отдельные анализы конкретных произведений. <…> Перед нами же стояла задача прежде всего лексикологического характера — выяснение роли данного слова в звуковой организации контекста.

22. **Форм** (изм.) ‘измененная поэтом традиционная («ходячая») беллетристическая формула; измененный штамп’. Мы предпочитаем пользоваться выражением «формула», так как оно не имеет оценочного оттенка.

23. **Цит** (изм.) ‘измененная цитата’.

24. **Фраз** (изм.) ‘измененное общеязыковое (или просторечное, жаргонное и т. п.) устойчивое сочетание слов’.

25. **Форм** ‘употребление слова в традиционной («ходячей») беллетристической формуле («штампе»).

26. **Цит** ‘употребление слова в цитате’.

27. **Соч** ‘употребление слова в сочетании со словами определенных категорий’. Речь идет об «эпитетах» в широком понимании: атрибутивных сочетаниях и сочетаниях «глагол + наречие образа действия или деепричастие». Для самих «эпитетов»— прилагательных, наречий, причастий и деепричастий эта характеристика используется лишь в том случае, если употребление соответствующего слова не получает никакой другой характеристики и в соответствии с общим правилом должно было бы быть отмечено рубрикой (см. ниже № 31), которая для этих категорий слов заменяется рубрикой **Соч**. Из существительных характеристику **Соч** получают все случаи их употребления с согласованными определениями и придаточными определительными, из глаголов — все случаи их употребления с наречиями образа действия, деепричастиями и деепричастными оборотами. В качестве «эпитета» может выступать и фразеологизм соответствующей семантики. <…>

28. **Рфм** ‘употребление слова в рифме (включая рифму внутреннюю, неточную и диссонирующую)’. Если в контекст, иллюстрирующий данное словоупотребление в словарной статье, рифмующее

слово (по соображениям экономии места) не включается, оно указывается непосредственно вслед за контекстом в квадратных скобках <…>

29. **Повт** ‘повторение слова в пределах одного ПК (в отдельных случаях возможно объединение двух соседних ПК)’. <…>

30. **Фраз** ‘устойчивое сочетание слов, включая пословицы, поговорки, присловья, названия, составные термины и т. п. ’, т. е. ‘употребление заглавного слова во «фразеологическом сочетании» (в широком смысле этого выражения), с ориентацией на устойчивое сочетание слов)’.

31. ✪ (‘прочие употребления слова, то есть такие, которые принятая система рубрик не дает возможности охарактеризовать’. Сюда, естественно, попадают общеязыковые «переносные» (не формульного типа) и «прямые» употребления. Однако вывод о том, что все случаи, собранные в этой рубрике, полностью лишены «индивидуальности», был бы преждевременным или просто неверным.

<…>

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

ВЬЮЧИТЬ (1). **Мтф Вмтф Волиц Всимв Парон Звк Фраз** (*изм.*) **Рфм** || Я люблю, тебя, ту самую, — | все нежней и все тесней, | — что, назвавшись мне Оксаною, | шла ветрами по весне. || Ту, что шла со мной и мучилась, | шла и радовалась дням | в те года, как вьюга в-ла | груз снегов на плечи нам. || **Ас**26 1.277 д о к р е п к а *и* з а м е т ь.

КРЫЛО (4). **Мтф Олиц Прфр Вмтф Звк Соч Рфм** И забраны в рифы полотна. ---! В свистящем гонимые мыле, Мы *рыщем на ощупь… Навзрыд и не в лад Храпят полотняные крылья [≈ парус]. **Б**24-8 65. **Мтф Прфр Сплж Звк Соч** *Вихрем бессмертным, вихрем единым, Все за свободой — туда. Люди с к-ом лебединым Знамя проносят труда. **Хл** <18> 109 [*]. **Мтф Вмтф Волиц Звк Фраз** И ветер гонит тьму тысячелетий, Над Казахстаном крылья *распластав. **Заб**47 105. **Мтф Волиц Звк Фраз** И свищет ветер в бешеном веселье, Над Казахстаном крылья распластав. **Заб**47 103 террикон. ● Б(4), Заб(2), Хл(1). [Стр: крылат Заб].

РОНЯТЬ (3). [↑ — Σ Ес24] **Мтф Волиц Звк Рфм** Дыра дырой, ни хорошая. ни дрянная — немецкий курорт, живу в Нордернее. Небо то луч, то чайку роняет. Море *блестящей, чем ручка дверная. **М**23 5.87. **Σ Вср Звк Повт** || Не обгорят рябиновые кисти, | От желтизны не пропадет трава. | Как дерево роняет тихо листья, | Так я роняю грустные слова. || **Ес**24 2.174 ж а л ь и о т г о в о р и т ь. ● Ес(2), М(1).

НАДО* (3). [Синт. — Сплж Ес25] **Сплж Рфм** Много мне нужно и много не н. [взгляда.] **Ес**25 3. 110 скрипка. **Звк** В зубах — цыгарка, примят картуз, На спину б н. бубновый туз! **АБ**18 3.350 п о р х а т ь. ✪ тому ничего, ни красот, ни климатов, не н. — кроме тебя, Революция! **М**23 5.89 р ё в о л и ц ы й. ● АБ(1), Ес(1), М(1).

ГАМБУРГ (1) СИ [→ Нью-Йорк] **Мтн Прфр Сплж Звк Соч Рфм** Речка, где и уткам было узко, где и по колено не было ногам бы, шла плотвою флотов речка Ту́скарь: курс на Курск — эСэСэСэРский Г. **М**23 5.160 л и т и я

Условные обозначения:

*	«звездочка» вверху слова слева отмечает в приводимом контексте слово, при котором дан развернутый контекст;
≈	за этим знаком указывается денотат, в перифрастическое обозначение которого входит заглавное слово;
↑ или ↓	«вертикальные стрелки» обозначают возможные окказиональные изменения в стилистическом ранге слова;
●	за этим знаком в алфавитном порядке приводятся шифры поэтов, в произведениях которых встретилось заглавное слово; при шифре указывается количество употреблений, а также слова, при которых дается контекст из того же произведения (в дополнение к приведенному);
[ ]	в «квадратных скобках» конкретизируются перифразы, указывается член рифмы, если он отсутствует в иллюстративном контексте;
Синт.	особенность в синтаксической сочетаемости слова.

Вопросы и задания

1. Как В. П. Григорьевым понимается эстетическая функция языка, эстетическая функция слова?
2. Какая идея лежит в основе экспериментального Словаря языка русской советской поэзии? В чем особенность структуры и метаязыка этого Словаря?
3. Сгруппируйте используемые в Словаре пометы = опорные рубрики на основе общего, объединяющего их признака; при выделении этого признака обратите внимание на то, какой аспект преобразования, актуализации слова помета отражает (звучание, семантика, лексическая сочетаемость и др.).
4. Прокомментируйте пометы, используемые в приведенных словарных статьях, обосновав их применение.
5. Охарактеризуйте с помощью принятых в Словаре помет употребление слов *груз*, *снег* в цитате, приведенной в статье ВЬЮЧИТЬ.

Н. В. Павлович

Словарь поэтических образов[1]

Предисловие

О двух языковых мирах — рациональном и поэтическом

Человек живет в двух языковых мирах — в рациональном и иррациональном. Первый — рациональный мир — это нормативный, или общелитературный язык, а также язык терминологии, или язык науки. Для выживания человеку, видимо, вполне достаточно этого мира, языковым идеалом которого является точность и однозначность высказывания. <…>

Второй языковой мир — иррациональный, или поэтический — это мир необычных, нестандартных смыслов — поэтические образы,

[1] *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов: в 2 т. М., 1999.

каламбуры, шутки, намеки, придумывание слов, жаргонные, детские слова — все то, где происходят смысловые сдвиги и нарушение логики — несходное становится сходным, а противоречащее — тождественным. Это и серьезный, и несерьезный мир, и его идеал — в одновременном совмещении как можно большего числа разных смыслов на как можно меньшем языковом пространстве — иными словами, в максимальном богатстве смыслов.

Никто из нас не принадлежит полностью только одному из этих миров. Оба они одинаково важны для нас, и в каждом из них мы проявляем себя в той или иной степени.

Словарь образов — это попытка с помощью первого — рационального — мира облегчить читателю путь во второй — поэтический. <…>

Словарь образов — путь из рационального мира в поэтический.

Всякий раз, когда мы сталкиваемся со словесным искусством <…> возникает проблема понимания образного языка. Что такое *черное солнце, дневная ночь, звонкозвучная тишина* или *яркий сумрак*? Что означает *костер сплетенных рук, лунный коготь, созвучья-зеркала, бивни звезд, солнце-колокол, огонь метели, снежная нежность, полей зеленые открытки* и т. д.?

Чтобы понять тот или иной образ, читатель ищет помощи литературной критики, где конкретное произведение анализируется профессионально и многопланово. При этом собственно значение образа может толковаться с двух точек зрения. Первая — точка зрения на образ как на явление текста и отсюда истолкование образа в данном художественном произведении («что хотел автор этим сказать») с учетом всех тонкостей и деталей именно этого конкретного текста.

Вторая — точка зрения на образ как на то, что несет смысл и вне данного текста, имеет историю, прототипы, и отсюда пояснение значения образа на основе его аналогов в прошлом. По сути, это взгляд на образ как на некий смысловой инвариант. Если искать похожие образы в других текстах, можно найти ряд образов, устроенных по одной модели, или парадигме, и это помогает понять некий глубинный смысл, лежащий в основе данной группы образов. Так, у образа *солнце-колокол*, есть подобные: *колокольное солнце, солнце — набат*:

> В моей груди звучал твой голос золотой, / Твой, солнце, колокол, в торжественности синей. (*Лозинский М.*). Херувимский лик плещет гласами, / Солнце-колокол точит благовест. (*Клюев*). Солнце гудит, как набат (*Брюсов*). О солнце-колокол, твое тили-ли-день, / Быть может, здесь мы больше не услышим! (*Есенин*). Колокольное солнце. Звенящий от стройности храм / Необъятного, синего, словно пучина, апреля. / Служат мессу весны (*Демидов А.*).

А также: *луна — колокол, колокол луны, лунный колокол, месяц бил в колокол <…>*

Кроме того, для понимания образа *солнце-колокол* важно, что существуют образы:

> солнце-барабан, красный барабан, краснобокий барабан, бубны солнца, бубенец солнца, литавры солнца, лучистые литавры светила, литавры дня, литавровое солнце, солнце гремит в литавры, солнце — труба, труба зари, солнце трубит в трубу, солнце поет в золотую трубу, <…> скрипкой поет луна, скрипка лучей, лютня звезд, звезд гармошки и т. д.[1]

Налицо закономерность «звучащего света», когда солнце, луна, звезды отождествляются с колоколом и разного рода музыкальными инструментами.

Сопоставляя внешне разные образы, мы видим их общую модель. Настоящий словарь и представляет собой свод таких моделей — парадигм образов, существующих в русской словесности последних трех веков.

Основная идея словаря:
существуют законы, по которым устроены поэтические образы, — парадигмы образов

Поэтический образ — это небольшой фрагмент текста (слово, несколько строк, предложение, строфа и т. д.), в котором сближаются противоречащие в широком смысле понятия (логически противоречивые, противоположные, несовместимые и т. д.), т. е. такие понятия, которые обычно не сближаются в общелитературном языке. Примеры образов: *река времен* (сближаются время и вода), *солнце — желтый жираф* (солнечный свет и животное), *зеленые пики осоки* (растение и оружие), *черное солнце* (свет и тьма), *в коробке рта языка сигара* (язык во рту — сигара в коробке).

В основе словаря — идея о том, что каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов — и вместе с ними реализует неких общий для них смысловой инвариант, т. е. модель, или парадигму. Так, образ *глаза-рубины* входит в ряд:

> алмазные глаза; агатовые глазки; агатовоокая дева; очи светлые сапфирны; бриллиантовый взгляд; хризопраз глаз; аметистовый взор; глаза, как яхонты, горят; глаза из изумруда; бирюзинка глаза; глаза стали яшмами; драгоценные каменья его глаз переливались и таяли и т. д.,

где *глаза, очи, взор, взгляд…* уподобляются драгоценным камням — *алмазу, агату. хризопразу* и т. д. <…>
время (*века, годы, часы, минуты, секунды…*) отождествляется с водой (*океаном, морем, рекой, озером, потоком, водоворотом* и т. д.).

---

[1] Отсылки автора к материалам Словаря сняты, и знак пропуска <…> в этих случаях не ставится [*примеч. сост.*].

Обозначив условно эти смыслы, получим две парадигмы — инварианты двух рядов: “Глаза → драгоценное” и “Время → вода”[1].

Парадигма образа — это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления (“Время → вода”). Эти смыслы: левый элемент парадигмы, который отождествляется с чем-то (Время) и правый элемент парадигмы, с которым происходит отождествление (Вода), стрелка показывает направление отождествление. Примеры других парадигм: “Человек → растение”, “ Время→пространство”, “Свет → ткань”, “Свет → вода”, “Жизнь → битва”, “Жизнь → транспорт”, “Глаза → плоды”, “Рука → растение”, “Грудь → пена”, “Листья → деньги”, “ Зубы → строение”, “Постель → гроб”, “Смерть → свадьба”, “Словотворчество → строительство”, “Мышление → рукоделие” и т. д.

Парадигма образов — это маленький смысловой закон, действующий в поэтическом языке. Разные парадигмы характеризуются разной степенью устойчивости. Одни широко распространены. известны и хорошо узнаваемы (“Человек → растение”, “Жизнь → плавание”), другие встречаются относительно редко (“Глаза → транспорт”, “Грудь → существо”) и обнаружить их достаточно трудно. Мы предполагаем, что парадигмы образов обеспечивают единство нашего духовного мира, взаимопонимание и преемственность в культуре. Сознательно или бессознательно, но человек владеет парадигмами, возможно, обучаясь им на протяжении своей жизни. Подробно о парадигмах образов рассказано в книге: Н. В. Павлович. Язык образов в русском поэтическом языке. М., ИРЯ РАН, 1995.

Понять образ — это значит узнать его смысловой инвариант — парадигму

В детстве, входя в мир сказок, мифов, поэзии мы постепенно овладеваем законами образного мира и начинаем все глубже проникать в мир тонких и глубоких смыслов. Слушая сказки о живой и мертвой воде, постигая древние мифы о смерти как о путешествии по реке времени, переезде на тот берег Леты и пр., читая классическую поэзию, где время уподобляется водопаду, океану, реке…, а водопад, в свою очередь, — времени, мы овладеваем закономер-

[1] «Символ “→” обозначает направление отождествления понятий в поэтическом образе. X → Y означает, что в образах этой парадигмы речь идет об X, который уподобляется Y (отождествляется, сближается, сравнивается с Y). Так, например, заглавие “Огонь → растение” означает, что в образах этого раздела огонь уподобляется разного рода растениям — деревьям, лесу, траве и пр. А заглавие “Дерево → огонь” обозначает, что в образах этого раздела речь идет о деревьях, которые отождествляются с огнем.» [*Прим. сост.*]

ностью, согласно которой жизнь, смерть, время отождествляются с водой, а вода, соответственно, — с жизнью, смертью и временем. Поэтому образы поэзии XX в., которые могут показаться непривычными и неоправданными, воспринимаются нами уже в рамках этой парадигмы. Если Державин строит две картины: водопада и времени, а затем сближает их классическим приемом параллелизма, иными, словами, рисуя водопад, спрашивает: Не так ли с неба время льется <…>, то в XX веке отождествление времени и воды уже прямое и сильное, иногда — просто грубое. Поэты заявляют, что «вода равна времени». Вода и время перепутаны внутри фразы, это — просто одно и то же: перекатывает время; Поток клокочет бездной дней; Фонтан бьет хрустальным временем; В луже вечность лежала; Времяобразная река и т. д.

Встречаясь с редким и не очень понятным образом, мы можем его понять, если уже знакомы с похожими (т. е. с образами-представителями этой же парадигмы). <…> «Солнце — грузовик» воспринимается потому, что мы знакомы с «солнцем-колесницей» — с солнечными мифами, где бог света едет на колеснице с востока на запад. «Пуговицы на кафтане — глаза» воспринимаются, потому что есть более понятные и знакомые образы, где глаза уподобляются пуговицам (глупые жадные пуговицы) и пр.

Знакомясь с поэзией, мы, по сути, осваиваем парадигмы образов. Мы узнаем, ЧТО с ЧЕМ сравнивается, или отождествляется в русской культуре (время — с водой, свет — с тканью и т. д.). Настоящий словарь дает свод всех парадигм образов русской художественной литературы XVIII — XX вв. «Свод парадигм» означает, что для каждой парадигмы сформулирована ее модель — закономерность, лежащая в основе данной группы образов — в некотором условном, но достаточно понятном виде, например:

Глаза → огонь

или

Листья → деньги

или

Солнечный свет → ткань,

и к каждому такому сформулированному названию парадигмы приведены образы, реализующие эту закономерность в русской литературе. Так, для парадигмы “Глаза → огонь” это образы, где глаза (взгляд, взор, зрение, зенки, буркалы…) уподобляются огню, пламени, костру, пожару, искрам и т. д. Например:

Глаза → огонь

Глаза — огонь, огнь ○ Воззренье — огнь ○ Огонь очей ○ Огонь взора ○ Голубой огонь ○ Небесный огонь ○ Огненные глаза ○ Черноогненный взор ○ Мокроогненные очи ○ Огнеглазый человек ○ Огоньковые глазки

Глаза — огонь. Огонь глаз. Огонь очей. Огонь взора. Да Павлово одно воззренье, / Как огнь из туч, врагов сразит [о Павле I] (*Державин*).

Мне памятен огонь пронзительных очей, / Сей вестник нежности глубокой (*Нечаев С. Д.*). Огонь ее приветливого взора (*Языков*). <...> И потух огонь очей. (*Пушкин*). <...> а глаза какие! черные и светлые, как огонь! (*Гоголь*). <...> живые, как огонь, глаза и беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий и умыслов (*Гоголь*). Огонь порою показывался в глазах его (*Гоголь*). Красное пятно может быть был огонь, а может быть глаз огромного чудовища. (*Толстой Л.*). <...> за облаком флера / Я угадывал девственный мрамор чела / И огонь вдохновенного взора [о Музе] (*Надсон*). <...> огнем черных глаз (*Бунин*). <…> С огнем потупленного взгляда. (*Бунин*). <…> с глазами, как огонь, красными (*Бунин*). <...> Огонь жестоких, желтых глаз. [о филине] (*Белый*). Твой быстрый взор огнем докучным / Меня обжег и ослепил. (*Блок*). А глаза — глаза чисто огонь, право! (*Хлебников*). <…> И глаз огонь моих бесстыжий (*Хлебников*). <...> Горят в глазах огонь и темь (*Хлебников*). <...> Два огня горят в его очах (*Сологуб*). Закрыл прозрачные веки шаман, и за ними глаз просвечивает, как огонь в золе. (*Иванов Всев.*). <…> глаз, как огонь. (*Белый*). **Голубой огонь.** Не сожигай меня, Пламида, / Ты тихим голубым огнем / Очей твоих (*Державин*). Очей моих томных огонь голубой (*Некрасов*). **Розовый огонь**. <…> Но вот на лань, из тростников, / Метнулся розовый огонь / Двух желтых суженных зрачков (*Бунин*). **Небесный огонь.** Глазами, полными небесного огня (*Случевский*). **Огненные глаза. Огненное око. Черноогненный взор. Мокроогненные очи. Огнеглазый человек. Огоньковые глазки.** <…> с огненными глазами... (*Бунин*). О, Темир-Аксак-Хан, <…> смуглоликий, огнеглазый — светлый и благостный, как Гавриил, мудрый и пышный, как царь Сулейман! (*Бунин*). <…> оба черные, огнеглазые (*Бунин*). Она в греховные страницы / Вонзила огненное око (*Хлебников*). Мокроогненные очи цыганча (*Хлебников*). И глазки — две ласки: проглядные, как абажурики: снимешь их — два огонька <…> от глазок теперь подожгутся; у всех огоньковые глазки зажгутся (*Белый*). У огнеглазых иудеек на лоб / Спадали кольца смоляных волос. (*Кедрин*). И т. д.

Соответственно, для парадигмы “Листья → деньги” это образы, где листья растений уподобляются монетам, полтинникам, пятакам, грошикам, алтынам, семиткам, ассигнациям, рублям и т. д. (см. т. 2 стр. 618). А для “Солнечный свет → ткань” это образы, в которых солнечный свет, закат, заря, рассвет, исход и т. д. уподобляется тканям — бархату, парче, виссону, кружеву...; различного рода изделиям из ткани — пологу, занавесу, полотенцу...; разным одеяниям из ткани — ризе, рясе, кафтану, плащу и т. д.

Названия основных парадигм образов состоят из небольшого числа понятий (“существо”, “предмет”, “стихия”, “вода”, “экзистенциальное”, “ментальное” и пр.) <…>. Каждая парадигма образов живет в культуре своей жизнью: появляется и развивается, т. е. воплощается в образах многих авторов. Разные парадигмы образов различаются своей распространенностью в текстах. Одни очень часты (такие, как “Человек → растение”), существуют все три века, очень разнообразны лексически и встречаются у многих авторов.

Другие — весьма редкие, имеют только несколько образов, часто — только в XX в. (такие, как: “Глаза → ворота (двери)”, “Глаза → паутина”, “Глаза → знамя” <…>

Как устроен словарь

Источники словаря — русская поэзия и проза XVIII–XX вв. В словаре около 40 000 образов более 600 авторов. Список авторов и список источников приведены в конце второго тома.

Общая структура словаря

Словарь образов состоит из 23 больших разделов: «Живые существа», «Вода», «Свет и тьма», «Растения» и т. д. В каждом из них собраны образы, в которых идет речь о том, что стоит в заглавии — соответственно, о живых существах, о воде, о свете, о растениях и пр. После общего заглавия раздела (Вода) идет перечень более конкретных понятий (Арык Брызги Бухта Вал Влага Водомет Водопад Водоскат Волны Душ Залив Затон Зыбь Канал Капель Капли Ключ Лагуна Лужа Море...), о которых рассказывают поэтические образы.

Большой раздел содержит более мелкие рубрики. Например, раздел «Живые существа» включает понятия-разделы: «Человек», «Животные», «Птицы», «Насекомые», «Рыбы» и пр. Эти понятия, в свою очередь, могут включать более частные. Так, «Человек» включает понятия: «Человек» (человек вообще), «Воин», «Царь», «Люди» (скопление людей), «Женщина», «Мужчина и женщина» и пр.

Рубрикация словаря дает ответ на вопрос, **О ЧЕМ** образы, созданные русской словесностью, и, фактически, описывает тезаурус (словарь понятий) русского образного языка. Внутри же каждой рубрики приведены все парадигмы образов для данного понятия и дается ответ на вопрос, **С ЧЕМ** же сравнивается данное понятие в русском образном языке. Так, для понятия «Вода» в словаре приведены: “Вода → существо”. “Вода → орган”, “Вода → вещество”, “Вода → ткань”, “Вода → звук”, “Вода → драгоценное” и т. д. Это большие парадигмы образов, почти все они имеют свои малые парадигмы. Так, “Вода → драгоценное” включает: “Вода → драгоценные камни”, “Вода → ювелирные изделия”, “Вода → деньги”, “Вода → знак отличия”.

В конце 2-го тома Словаря помимо списка авторов и списка литературных источников даны предметный указатель и словарь “непонятных” слов (редких, устаревших, диалектных и пр.).

Порядок следования парадигм образов

В начале каждого раздела идет **основная группа образов** — основные, самые распространенные парадигмы. Например, в разделе «Вода» первыми идут парадигмы: “Вода → существо”, “Вода →

óрган", "Вода → вещество", "Вода → ткань", "Вода → звук", "Вода → драгоценное... В основной группе первой всегда идет парадигма вида "Х → существо" (если таковая имеется), которая имеет малые парадигмы: "Х → божество или мифологическое существо", "Х → человек", "Х → животное", "Х → птица", "Х → насекомое" и т. д. Эта парадигма идет всегда первой потому, что отождествление с живым существом является самым частым в русском поэтическом языке и имеет место почти для всех понятий. Далее все парадигмы расположены по степени распространенности в русской словесности. Чем больше образов имеет данная парадигма, тем раньше она стоит в словаре по отношению к входному понятию. Так, для понятия "Вода" порядок парадигм таков: "Вода → óрган", "Вода → вещество", "Вода → ткань", "Вода → звук", "Вода → драгоценное" и т. д.

Внутри большой парадигмы ("Х → существо") ее малые парадигмы ("Х → человек", "Х → животное" и т. д.) также упорядочены по степени их распространенности[1].

После основной группы образов идут **парадигмы вида "Х как предмет",** где сравнение идет с разного рода предметами (зеркалом, иконой, шаром и проч.). Внутри этой рубрики первой идет общая парадигма "Вода → предмет", а затем парадигмы также расположены по степени распространенности, вначале — самые частые и т. д.: "Вода → зеркало", "Вода → веревка", "Вода → постель", "Вода → гроб", "Вода → окно", "Вода → лестница" и т. д.

После этого идут **образы-мифы,** или **образы-рассказы,** представляющие собой некоторые типовые ситуации — "битва", "богослужение", "жатва", "свадьба" и т. д. "Вода → битва", "Вода → жатва" и т. д.). Кроме того, раздел может содержать рубрику вида «Свойства Х» («Свойства воды». «Свойства огня» и т. д.).

Порядок следования образов внутри парадигмы

Внутри каждой парадигмы образы упорядочены по смысловому принципу — по тому, в каких конкретных понятиях реализована данная парадигма. Конкретные понятия упорядочены по степени распространенности, а внутри каждого понятия образы идут в хронологическом порядке. После названия парадигмы, например, "Вода → животное" следуют образы, в которых вода (море, океан, река...) отождествляется с разными видами животных <…>

Первым из конкретных понятий "всегда идет наиболее общее слово, если оно естъ <…>, а затем в порядке убывания частоты встречаемости — остальные <…> Так, для образов "Вода → животное" самыми распространенными являются образы, уподоб-

[1] Кроме малых парадигм вида "Х → прочие Y", которая идет всегда последней, и малых парадигм, название которых совпадает с названием большой парадигмы ("Х → свет"), которые идут всегда первыми.

ляющие воду — коню (лошади, мустангу, жеребцу...), за ними следуют образы, сравнивающие воду с собакой (псом, шавкой...), далее — образы, где вода отождествляется с кошкой, львом, быком, волком, стадом, козой, тигром, верблюдом и т. д. Внутри каждой группы заглавия отделены друг от друга знаком ‘○’. Например, упорядочение образов по понятиям отражено в следующих трех заглавиях:

Вода — зверь ○ Река — зверь ○ Волна — зверь ○ Поток — зверь ○ Море — зверь ○ Вода — звереныш

Вода — конь ○ Вода — лошадь ○Вода — жеребец ○ Вода — неук ○ Вода — мустанг

Вода — собака ○ Вода — пес ○ Вода — шавка ○ Вода — борзая ○ Вода — овчарка

После каждого такого заголовка следуют иллюстрации из текстов различных авторов.

Внутри каждого понятия (вода — зверь) образы также могут быть упорядочены по более конкретному понятию (река — зверь, волна — зверь, поток — зверь), либо по способу отождествления (Глаза — огонь, Огненные глаза), а внутри — хронологически — по векам <…>.

Пример:

Вода — зверь ○ Река — зверь ○ Волна — зверь ○ Поток — зверь ○ Море — зверь ○ Вода — звереныш

Река — зверь. Нева — зверь. Терек — зверь. <…> Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча, и клубясь, / И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась. (*Пушкин*). <…> Где Терек, играет в свирепом веселье; / Играет и воет, как зверь молодой, / Завидевший пищу из клетки железной; / И бьется о берег в вражде бесполезной / И лижет утесы голодной волной... / Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады: / Теснят его грозно немые громады. (*Пушкин*). И словно зверь свирепый / Река меж них ревет (*Языков*). Нева, как зверь стонала, / Серые ломая гребешки (*Рождественский В.*). **Волна — зверь.** Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении (*Гончаров*). Волны-звери, подняв свой мерцающий горб, / Нас крутили и били в объятьях железных / И бросали на скалы, где пряталась скорбь (*Гумилев*). Обещаю тебе, что твой след на прибрежном песке, / Утрамбованном, крупнозернистом, / Смытый хищной волной, что боролась в звериной тоске / С отпечатком ребристым, / Обещаю тебе, что, мгновенный, останется он / С черной ракушкой вдавленным в эту хрустящую массу. (*Кушнер*). **Поток — зверь.** И вдруг с утеса на утес, / Как зверь, поток меня понес. (*Бестужев-Марлинский А.*). **Море — зверь. Зверь моря синемехий.** Шуми, грызи молчание, / Как брошенную кость, /

Зверь моря. (*Хлебников*). Зверь моря синемехий и синебурый / Бьется в берег шкурой. (*Хлебников*). <…> и море пойдет на убыль / задом, как зверь испуганный. (*Асеев*). Рассвирепеет мощно море, / Как разозленный хищный зверь... (*Северянин*). Всю ночь, как зверь, ревет за тростником, / Под берегом с опушкой тростниковой [о море] (*Кушнер*). **Вода — звереныш.** <…> Вода голодная течет, / Крутясь, играя, как звереныш. (*Мандельштам*). <…>

Пояснение понятий, входящих в названия разделов словаря и названия парадигм образов

- **Живые существа (“существо”)** — это “человек” (человек вообще) (в том числе: “воин", “царь”, “поэт” “люди” (скопление людей — народ, толпа, очередь...), “женщина” (жена, девушка, Мария Ивановна...), “животное”, “птица”, “насекомое”, “рыба”, или “рыбообразное существо” (щука, акула, кит...), “божество или мифологическое существо”, “змееобразное существо” (змея, уж, ящерица, червь, жаба...), “ракообразное существо” (рак, краб, осьминог...), “маленькое бесформенное существо” (амеба, слизняк, медуза, мидия, моллюск, пиявка...).
- **Ткань** — “ткань и виды тканей” (бархат, атлас, ситец...), “изделия из ткани” (все, что не есть одежда — простыня, занавес, ковер, скатерть...), “одежда” (рубаха, платье, плащ...), “пряжа” (нитки, пряжа, клубок, вата), “кожа” (замша, шагрень, сафьян...), “мех” (шкура, шуба, каракуль, горжетка...), “головной убор” (шапка, шляпа, шлем...), “обувь” (туфли, сапоги, валенки...). <…>

Заметим, что эти понятия в значительной степени не совпадают с обычным — общеязыковым тезаурусом. Люди в мире образов делятся не на мужчин и женщин, а на такие категории: “человек” (человек вообще), “воин”, “царь”, “люди” (скопление людей), “женщина” и “мужчина и женщина” (двое). При сравнении же с человеком в образах помимо “женщины” и “царя” устойчивы такие понятия, как: “старик”, “ребенок”, ”работник” (жнец, пастух, мельник, дворник, медник...), ”волшебник” (маг, колдун, колдунья, волхв...), “лицедей” или “музыкант” (актер, циркач, скрипач...), “чужестранец” (китаец, эскимос, эфиоп, цыган...). Понятия группы “Растения” не совсем соответствуют ботанической классификации. “Органом” называется любая часть живого существа, и в том числе — душа. “Предметом” называется не только вещь, но и такие понятия, как ”окно”, ”лестница”. Названия понятий условны, например, “предмет-вещество” (пена, пыль, пудра...). Весьма условны названия “змееобразное существо”, куда включены черви, жабы и лягушки (скорее, следовало бы назвать “гады”, если бы не неизбежный оценочный оттенок этого слова), “малое бесформенное существо” и пр. <…>

Что можно узнать из словаря

Словарь можно просто читать как книгу. Если нет никаких специальных вопросов, можно читать все подряд и **узнавать, ЧТО сравнивается С ЧЕМ в русской словесности.**

Чтобы пользоваться данным изданием именно как словарем, т. е. получать ответы на конкретные вопросы, есть следующие пути.

Из словаря можно узнать, С ЧЕМ мы сравниваем какое-то понятие (солнце, ночь, ветер, зеркало...)? "X →?"

Из словаря можно узнать, какие образы есть в русской литературе, рассказывающие о солнце, о море, любви, о красоте, о весне, о России, о войне, о тигре, о сирени, о дожде, о зеркале и т. д. Для этого нужно подумать, в каком из разделов может быть данное понятие. Иногда это довольно просто. Море — это вода. Любовь — это чувство, а значит — духовный мир человека, "ментальное". Тигр — это животное, значит — "живое существо". Весна — это время года, а значит, календарный цикл и т. д. Если так не получается, можно воспользоваться Указателем в конце второго тома, и тогда в соответствующем разделе словаря для данного понятия можно обнаружить его парадигмы образов и узнать, какие они, сколько их, насколько они распространены. Так, для понятия *Глаза* можно узнать, что:

- в образах это понятие существует как *Глаза Взгляд Взор Очи Буркалы Глазьё Зеница Зенки Зрение.*
- существует 23 основные парадигмы образов о глазах ("Глаза → существо", "Глаза → свет", "Глаза → драгоценное", "Глаза → огонь", "Глаза → пространство", "Глаза → орудие", "Глаза → другой о́рган", "Глаза → пуговицы", "Глаза → шар (мяч)" и пр.) а также есть «Мифы и рассказы о зрении».
- Для парадигмы "Глаза → существо" самая распространенная "Глаза → птица", самая редкая — "Глаза → маленькое бесформенное существо". <…>
- Для каждой общей парадигмы можно узнать, с чем конкретно сравниваются глаза в русской литературе. Так, для парадигмы "Глаза → птица", глаза — это птицы вообще, ястребы, соколы, орлы, голубки и голубицы, воробьи, ласточки, канарейки, буревестники, скворцы, селезни, гуси и т. д. Из птиц чаще всего глаза уподобляются ястребам. <…>
- Сравнивая образы глаз с образами других органов частей тела — головой, носом, спиной, волосами и пр., можно узнать, какие парадигмы образов у них общие, какие специфические, какие распространены для одного понятия и редки для другого и т. д. Так, читатель может убедиться, что образов глаз — значительно больше, чем образов о других «органах». Если для понятия *Глаза* самые распространенные парадигмы —"Глаза → орудие",

"Глаза → свет", то для понятия *Голова* это — "Голова → вместилище", "Голова → плоды", а для понятия *Душа* — "Душа→ пространство", "Душа → растение" и т. д.

Из словаря можно узнать, ЧТО мы сравниваем с данным понятием (с ночью, с ветром...)? "? → Х "

Из словаря можно узнать, в каких образах происходит сравнение с чем-то, например: с глазами, с морем, с тигром, с сиренью, с дождем, со знаменем и т. д. Для этого нужно определить, к какому общему понятию относится данное. Так, глаза — это орган, море — это вода, тигр — это животное, сирень — это растение и т. д., а значит в оглавлении нужно искать парадигмы образов вида: "Х → орган", "Х → вода", "Х → животное", "Х → растение" и т. д. И в этом случае можно воспользоваться Указателем. Для каждого понятия (тигр, вино, любовь...) в нем указаны, во-первых, страницы, где расположены образы об этом понятии (см. раздел выше), а во-вторых, — страницы, где приведены образы, в которых нечто **сравнивается с этим понятием** (с тигром, вином, любовью и т. д.). Так:

> Человек — тигр (человек — тигр, воин — тигр, фараон — тигр, женщина — тигрица, поэт — тигренок). Насекомое — тигр (комар — тигр). Рыба — тигр (щука — речной тигр). Время — тигр. Ментальное — тигр (любовь — тигр, тигр-людоед, ревность — тигр, страх — тигр, клевета — тигр). Поэтическое слово — тигр (стих — тигренок). Солнечный свет — тигр (солнце — тигренок, тигровое солнце, тигриное солнце). Стихия — тигр (тайфун — тигр). Строение — тигр (дом — тигр). Транспорт — тигр (автомобиль — тигрица). Вода — тигр (море — тигр, поток — тигр). Тигрица-софа и пр. <…>

Для одного и того же понятия можно узнать, С ЧЕМ оно сравнивается, а также — узнать, ЧТО сравнивается с ним

Так, например, для понятия *Раковина* можно найти его парадигмы образов:

> "Раковина → существо" (Раковина-дева), "Раковина → о́рган" (раковина — улыбка, улыбка моря, раковина — розовые губы моря, раковина — поющий вечно рот, раковина — сердце, створки сердца, окаменевшее сердце, раковины — ангелами оброненные крылья). <…>

Точно так же можно определить, какие понятия в русской литературе отождествляются *с раковиной:* <…>

> "Орган → раковина" (веко — раковина, раковины век, глаза — раковины, раковины глаз, душа — раковина, сердце — раковина, раковина сердца, ракушка сердца, створки сердца, двустворчатое сердце, ноздри — раковины, ноготь — раковина, ладонь — раковина <...>

Так можно определить поэтическое предназначение данного понятия — происходит ли СРАВНЕНИЕ С НИМ, само ли оно служит темой образов О НЕМ, либо оно выполняет обе функции и в этом смысле уравновешено в поэтическом языке. <…>

С помощью словаря можно попытаться понять неясный образ

Чтобы понять образ, нужно найти закон, по которому он устроен — его парадигму <…>

Пусть теперь перед нами образ Мандельштама, где звезды верещат:

> <…> И верещанье звезд щекочет слабый слух (*Мандельштам*).

Чтобы понять этот образ, нужно определить его парадигму и узнать как можно больше ее элементов — других образов с этим же инвариантом. Из словаря можно узнать, что кроме того, что звезды верещат, они еще орут, дико визжат, крикливо тянутся:

> Горсточка звезд, / ори! (*Маяковский*). <…> крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая. (*Маяковский*). Звезды шатались лучами; от мрака и выблесков в ухе, как взвизгнет: стрижи над крестом колоколенным так пролетают, как над головой эти дико визжащие звезды (*Белый*).

А также — щебечут, каркают:

> Щебетнули звезды месяцу (*Есенин*). <…> и певчая стаечка звезд — к нам ворвется; кружить по углам и наполнить все щебетом (*Белый*).
> Лязга железного крики полночные / И карканье звезд над мертвецкою крыш. (*Хлебников*).

И таким образом, имеет место парадигма “Звездный свет → звуки живых существ” (крик, стон, визг, верещанье, щебет, карканье птиц, звуки насекомых и т. д.). Кроме того, звезды звенят:

> А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. <…> И звон услышишь.
> И будто это звезды — звон-то! Морозный, гулкий, — прямо, серебро. (*Шмелев*). <...>

Кроме того, звезды звякают, дребезжат, стучат по небу <…>

И эти образы — члены парадигмы; “Звездный свет → шум” (звон, стук, звяканье, дребезжание...). Представление о том, что такое *верещание звезд,* можно расширить, если познакомиться с

другими парадигмами шумящего света: “Солнечный свет → звуки живых существ”, “Солнечный свет → шум” и “Лунный свет → звуки живых существ”, “Лунный свет → шум”. Мы узнаем, что солнечный свет: кричит, голосит, орет, жужжит, лает..., что солнечный свет звенит, гремит, грохочет, шипит, гудит, шелестит, что лунный свет имеет голос и гавкает, а кроме того — звенит, звякает, гудит, шуршит...

Образы звучащего света станут еще привычнее, если познакомиться с другими парадигмами — солнечной, лунной и звездной музыкой <…>.

Но вся парадигма в целом, храня множество разных истолкований говорящего света, кричащего света, шумящего света, поющего света убеждает в неслучайности, преднамеренности образа и в том, что звучащий свет — такая же реальность в поэтическом мире, как говорящий человек или лающая собака в нашем рациональном мире.

Из словаря можно узнать, что один и тот же образ может иметь множество конкретных объяснений — разгадок<…>

Очевидно, что существует много возможных объяснений — разгадок образа, и часто они противоречат друг другу. Можно сказать: *ужасна, как змея*; *зла, как змея* и *хороша, как змея*; *светлый, как небо* и *темный, как небо*; *быстрый, как вода* и *медленный, как вода*; *страшный, как икона* и *красивый, как икона* и т. д. Поэтому «основание для сравнения» — объяснение образа — не принадлежит самому образу, это — фактор переменный и зависящий от контекста. Не стоит искать один единственно верный смысл образа. Его не существует, неизменна только парадигма образа. Парадигма и есть смысл образа. Глаза — это небо, время — это вода, женщина — змея, свет — сосуд, звезды — птицы и т. д., а почему это так — неизвестно. Возможно, это — особенность русской культуры, и тогда настоящий словарь представляет собой картину русского образного мира. Но возможно, это не совсем так, и некоторые парадигмы универсальны для всех культур.

Мы предполагаем, что большие парадигмы (“Вода → экзистенциальное”) универсальны для мирового словесного искусства. Но предпочтение тех или иных малых парадигм (“Вода → время”, “Вода → смерть”, “Вода → жизнь”...) может составлять особенность образного языка данной культуры.

Из словаря можно узнать, какие возможны варианты одного и того же образа, т. е. какими способами можно сравнить два понятия так, чтобы получился поэтический образ

Можно по-разному сблизить два понятия так, чтобы получился образ. Можно сделать это прямо и грубо: Звезды — это пена. Звезды — пена. Можно сделать это мягче, не так сильно, разнообразнее

и тоньше: пенные звезды, звездная пена, пена звезд, звезды пены, звезды пенятся, звезды высыпали пеной, пеннозвездное небо, пенное ночное небо, небо звездится пеной, небо пенится звездами, пенный звездопад, пена Млечного пути и т. д. Разные способы построения образов из одних и тех же понятий отражены в заглавиях словаря.

Вода — время ○ Водопад — время ○ Река — время ○ Вода времени ○ Море перекатывает время ○ Фонтан струит время ○ Время выходит из волн ○ Времяобразная река <…>

Из словаря можно узнать, обратима ли данная парадигма образов, т. е. для каждой парадигмы (“X → Y”) можно проверить, существует ли ей обратная (“Y → X”) <…>

Существование обратной парадигмы — важный факт, так как он говорит об устойчивости данной парадигмы, об ее укорененности в поэтическом языке. <…>

Так, есть известная и широко распространенная парадигма отождествления лунного света с разными орудиями. (“Лунный свет → орудие”) Образы ее многочисленны. Лунный свет — это серп, меч, нож, лук и стрелы, сабля, лезвие, штык, клинок, кинжал и пр. В словаре приведено 49 разных орудий, с которыми сравнивается лунный свет.

У этой парадигмы есть обратная “Орудие → лунный свет”, в образах которой разные орудия — сабля, меч, коса, топор, секач — отождествляются с луной, месяцем, лунным лучом и лунным блеском <…>.

Парадигма иллюстрируется конкретными образами так, чтобы из словаря можно было извлечь информацию о жизни этой парадигмы в русской словесности

То, где расположена и как иллюстрируется парадигма, говорит о ее распространенности в языке. Если она стоит в начале списка парадигм для данного понятия и содержит десятки образов, это — очень распространенная модель. Например, парадигма “Вода → о́рган”, где более 400 образов, “Вода → вещество”, где более 200 образов, самые распространенные образы воды в русской литературе, парадигмы: “Вода → икона”, “Вода → удлиненный кусок дерева”, “Вода → знамя”, “Вода → паутина”, насчитывающие по одному-два образа, — редкие модели.

Можно также представить себе «историю жизни» данной парадигмы образов. Если среди текстовых иллюстраций парадигмы нет авторов XVIII–XIX вв., это означает, что такие образы не найдены, и, по всей вероятности, этат парадигма появилась только в XX в. Вероятно, таковы парадигмы: “Молния → растение”, “Молния → знамя”, “Молния → зеркало”, “Молния → вместилище”, “Молния → плоды”, “Волосы → плоды”, “Волосы → транспот”, “Волосы → экзистенциальное”, “Лысина → улыбка” <…>

Можно сравнить информацию к разным понятиям или парадигмам. Из словаря можно узнать, каких образов больше в русской литературе: о ночи, о вечере, об утре и т. д. Так, оказывается, что любви в русской словесности несравненно больше, чем ненависти, ума — больше глупости, славы больше, чем позора, надежды больше, чем безнадежности и т. д.

Из словаря можно понять, как создать новый образ

Новый образ — это новая малая парадигма. По-видимому, большие парадигмы придумать невозможно. Но внутри большой можно создавать малые. Например, в большой парадигме "Пространство → еда" есть малые "Песок → мед", "Песок → жир" (Песок — масло). Вполне возможно, что появятся "Песок → хлеб" (песчинки — хлебные крошки) или "Песок → вино" (Песок струится, как золотистый токай). Возможно, таковые уже есть, только мы не смогли их найти, и тогда появятся другие, скажем "Песок → яйцо" (песок — желток земли; песок светится в темноте, как желток) или "Песок → молоко" (песок — желтое молоко, золотое молоко). Новая малая парадигма может появиться и за счет нового левого элемента — того, о чем образ. Например, в свое время новыми были образы асфальта-икры в парадигме "Улица → еда" (улица — бутерброд с икрой, тротуаровый бутерброд, тротуарный бутерброд, астраханская икра асфальта) по сравнению с уже существующими "Дорога → еда" (дорога — каша, дорога — тюря...), "Земля → еда" (земля — каша, земля — кисель и т. д.).<…>

Вопросы и задания

1. Определите понятия «образная парадигма», «обратимость образной парадигмы».
2. С каким типом словаря — за пределами писательской лексикографии — можно соотнести Словарь поэтических образов? Обоснуйте свою точку зрения.
3. Какие образные парадигмы можно построить для следующих контекстов?
   1) <…> И ветви деревьев убрались инеем, будто заячьим мехом (Гоголь).
   2) Зеленой кудрявой смушкой, зеленым каракулем кажется издали густой лес, покрывающий горные скаты против аула (И. Бунин).
   3) Не забудем и полной луны. Вот она — легко и скоро скользит, зеркалистая, из-под каракулевых тучек, тронутых радужной рябью (В. Набоков).
   4) Высоко в небе облачко серело, / Как беличья расстеленная шкурка (Ахматова).
   5) Вот окончен каракуль икры до конца (Шершеневич).
   6) Выцветшая за зиму шерсть их [быков] — как бороды солдат (Всев. Иванов).
   7) Каракуль на шапке зернистой икрою… (Э. Багрицкий).
   8) Твоей бороды золотая овчина (Б. Корнилов).
   9) Я проснулся рано на рассвете, / А восток пестрее петуха, / Легкие унес куда-то ветер / Тучи — разноцветные меха (О. Мандельштам).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. И. Михельсон

Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний[1]

В. М. Мокиенко

Мориц Ильич Михельсон и его «Русская мысль и речь...»

<…> По богатству охвата русской лексики, по универсальности отражения живой речи и народной жизни словарь М. И. Михельсона, конечно, уступает четырехтомной лексикографической энциклопедии В. И. Даля. Уступает, но в то же время и значительно дополняет ее. Эти словари сопоставимы прежде всего по масштабности замысла. Принцип полноты описания материала равно характерен и для словаря В. И. Даля, и для собрания М. И. Михельсона. Более того, для автора «Русской мысли и речи…» лексикографическая энциклопедия В. И. Даля — равно как и его собрание «Пословиц русского народа» — служили и постоянным источником материала, и образцом словарного дела. Не случайно и многие толкования, и частные историко-этимологические или этнографические справки, и разнообразные варианты пословиц и поговорок берутся им именно из далевского труда.

Как и словарь В. И. Даля, книга М. И. Михельсона отражает образную русскую речь XIX столетия во всей возможной полноте. «Возможная полнота, особенно по отношению к пословичным выражениям, — как подчеркивает сам автор в «Предисловии», — составляет необходимое условие такого сборника». Нужно сразу сказать, что это необходимое условие было выполнено, хотя его выполнение оказалось исключительно многотрудным делом.

---

[1] *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. М., 1994.

Словарь М. И. Михельсона включает 11 405 словарных статей (6 624 в I и 4 781 во II томе). Если же учесть, что в большинство словарных статей включено по нескольку вариантов или синонимов соответствующего выражения, то названное число оборотов и крылатых слов можно свободно утроить. Об этом, кстати, свидетельствуют и два указателя, занимающие 250 страниц. По ним можно отыскать (хотя часто — не без труда) многие выражения, «укрытые» в глубине самостоятельных словарных статей. Особо интересен указатель иностранных слов и выражений <...>, где отдельно приводятся материалы немецкого, английского, французского, итальянского и латинского языков[1]. Этот указатель, собственно говоря, уже является отдельным и самостоятельным словарем иностранных слов и выражений в русском языке, лексикографическим предтечей современных словарей А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (тт. 1–2, 1966) и Н. Т. Боровского и Я. М. Боровского (1982). Кстати, и из этой части до сих пор щедро черпают материал современные исследователи и лексикографы (например, Н. С. и М. Г. Ашукины, В. П. Берков, Ю. Н. Афонькин). Черпают еще и потому, что многие крылатые слова, имевшие сто лет назад лишь иноземное обличье, сейчас уже вполне обрусели и употребляются в форме ка́лек: **вернемся к нашим баранам**; **ни дня без строчки**; **король царствует, но не управляет** и т. п.

Сама количественная презентация материала отвечает на вопрос об актуальности словаря М. И. Михельсона для русского читателя. Ведь несмотря на исключительно бурный теоретический расцвет отечественной фразеологии как самостоятельной дисциплины[2], самым большим толковым фразеологическим словарем русского языка, изданным в советское время, остается словарь под редакцией А. И. Молоткова (ФСРЯ), который содержит около 4 тысяч фразеологизмов. 11 405 и 4 тысячи — соотношение явно не в пользу современной фразеологии.

Количество описанных в словаре М. И. Михельсона оборотов — далеко не единственное и не основное свидетельство его актуальности для современного читателя. Он актуален и по подбору иллюст-

---

[1] К сожалению, в этом указателе не отражены греческие и испанские параллели, которых в словаре также немало. Не получили регистрации здесь и весьма любопытные типологические и генетические отсылки на древнееврейские, турецкие, арабские, китайские и т. д. «переклички» русских образных выражений, которые М. И. Михельсон приводит в своем собрании спорадически.

[2] По подсчетам специалистов в послевоенный период число работ по фразеологии уже приближается к ста тысячам: см. библиографические указатели В. Н. Сергеева, Л. И. Ройзензона, М. А. Пеклера, А. М. Бушуа и др. Свод библиографий по общей фразеологии см.: Вопросы терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию: библиографический словарь / под ред. А. М. Бушуй, В. М. Мокиенко. Самарканд, 1986; Словарь русской фразеологической терминологии / сост.: А. К. Бирих, С. С. Волков, Т. Г. Никитина; под ред. проф. В. М. Мокиенко. Herausgegeben von Alexander Bierich. München, Verlag Otto Sagner, 1993.

раций, которые черпались автором из произведений русской классики. Конечно, автор отдал «дань времени» и таким популярным в конце прошлого и начале нынешнего века писателям, как П. Д. Боборыкин, цитат из романов которого в словаре немало. Однако показательно, что и из творчества подобных писателей М. И. Михельсон отбирает самое свежее и самое перспективное — обычно выхваченное из горнила народной речи. Не случайно в словаре нашли отражение и произведения Вс. Крестовского, в которых фотографически точно воспроизводится жаргон петербургского полусвета, и просторечная стихия, представленная в творчестве А. П. Чехова, Н. С. Лескова, А. И. Куприна и других «восходящих» во времена М. И. Михельсона звезд русской литературы. Чувство нового способствовало тому, что в этом словаре впервые зафиксированы многие русские крылатые слова и идиомы, приобретшие позже широкое хождение.

Внимание к разговорно-просторечным элементам русской образной речи М. И. Михельсон унаследовал от В. И. Даля. В отличие от великого «собирателя слов», однако, автор «Русской мысли и речи…» тяготел к фиксации русского городского (особенно петербургского, родного ему) просторечия. Сейчас, когда после длительного табу, наложенного официозной советской лингвистикой на изучение городской речи, эта проблема вновь стала актуальной[1], материалы М. И. Михельсона имеют двойную ценность.

На многих страницах словаря можно найти явные записи народной городской речи. Особый интерес М. И. Михельсон проявлял к экспрессивным, шутливым ее элементам. «Несмотря на “серьезное научное значение” книги, — пишет он, — я старался осветить и согреть материал юмором: уже по самой природе своей русская речь вообще, а в частности, — образная отличается этим качеством, и я не пренебрегал теми качествами, в которых проскальзывал этот юмор. Последний — красной нитью проходит во всем труде» (т. I, с. VII). И действительно, эта красная нить очень украшает книгу, является ее изюминкой. Вот лишь несколько примеров таких шутливых речевых образований, яркость которых не померкла и сейчас: **чулки с изюминками** — ‘дырявые’ <…>; **мокрохвостка** — ‘новое слово для обозначения девиц, представляющих собою пародию на курсистку<…>’; **отсидеть уши** — ‘оглохнуть’ <…>; **букашку давить (раздавить)** — ‘выпить’ <…>; **чай, что через него Кронштадт виден [из Питера]** или **чай, что чрез него Москву насквозь видно** — ‘о совершенно жидком, прозрачном чае’. <…>

Можно без преувеличения сказать, что собрание М. И. Михельсона актуально и для фразеологии как самостоятельной научной дисциплины. До сих пор в ней продолжаются бурные споры о том, что считать фразеологизмами и объектом изучения фразеологии, а что — выводить за ее пределы. Словарь М. И. Михельсона, конечно, — собрание до-

[1] См., напр.: *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.

вольно разнородных языковых единиц, объединенных по принципу их образности, функционально-стилистической эффективности в художественном тексте. Однако и сам автор совершенно четко представлял себе эту разнородность, оговаривая, что термин фразеология можно понимать как в узком, так и в широком смысле слова:

«Фразеологией, вообще, — называется наука, или научная дисциплина, изучающая речь. Под фразеологией, в узком смысле слова, — понимается совокупность приемов и методов, определяющих физиономию речи того или другого автора, резко очерчивающих индивидуальность его стиля. В таком смысле можно говорить о фразеологии Ломоносова, Пушкина, Гоголя и др.

Фразеология, в широком смысле слова, — совокупность приемов, методов и законов, которыми пользуется и управляется речь каждого отдельного народа (латинская, греческая фразеология).

Помимо указанных двух значений, фразеология, у нас, как и у иностранцев, имеет еще и иное значение.

Существует двоякий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных выражений, поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» (т. I, с. IV).

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

88. **Какъ двѣ капли воды** (иноск.) о совершенномъ сходствѣ.

Ср. Вашъ характеръ я считаю совершенно, сходнымъ съ моимъ, и очень рада; *какъ двѣ капли воды*.

Достоевскій. Идіотъ. 1, 7.

Ср. А тутъ (какъ женишься) вообрази, около тебя будутъ ребятишки, можетъ быть цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, *какъ двѣ капли воды*.

Гоголь. Женитьба. 1, 11. Кочкаревъ.

Ср. Gleich wie ein Ei dem andern.

As like as two peas.

Ср. Ovo prognatus eodem.

Hor. Sat. 2, 1, 26.

Ср. Nam tam ovo ovum simile.

Cic. Quaest. academ. 2, 17; 4,18. Ср. Senec. apoc. 11.

Ср. Nam tam aqua similis aquae.

Какъ вода на воду похожа.

Plaut. Menaech. 5, 9, 30.

Ср. Ex uno puteo similior nunquam potest aqua aquae sumi.

Похожѣе не можетъ быть вода съ водой, взятой изъ одного колодца.

Plaut. Mil. 26, 70.

Ср. Nam tam lac lacti simile.

Plaut. Amphitr. 2, 1, 54.

См. Вылитый отецъ.

Фразеологический словарь русского языка
под ред. А. И. Молоткова[1]

А. И. Молотков

Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания

При работе над любым словарем перед лексикографами всегда стоят два основных вопроса, от правильного решения которых зависит ценность составляемого словаря: что включать в словарь и как описывать то, что включается в него. Конкретизация этих вопросов для разных типов словарей не меняет существа дела, она лишь выделяет специфическое применительно к каждому словарю.

Фразеологический словарь в этом смысле ничем не отличается как от общих (толковых и переводных), так и специальных словарей (диалектологических, терминологических, частотных, обратных, словарей лексической и грамматической сочетаемости слов и др.). Вместе с тем, как бы ни были многообразны и сложны общие и частные проблемы лексикологии, требующие своего решения в процессе работы над словарями слов, ответ на вопрос, какие слова включать в словарь и как их разрабатывать в нем, в целом сводится к той или иной широте охвата лексики и к той или иной подробности описания слова. Для словаря фразеологизмов русского языка специфично другое: даже сама постановка таких вопросов на данном этапе изучения фразеологизмов невозможна без предварительного решения общих проблем фразеологии русского языка.

У русистов нет единого мнения о том, что такое фразеологизм, или фразеологическая единица языка, — нет, следовательно, и единства взглядов на то, каков состав таких единиц в языке[2].

---

[1] Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1968.

[2] Такое положение существует в русистике несмотря на то, что фразеологией русского языка ученые занимаются давно, что написано много работ, в том числе и специальных, в которых решаются те или иные вопросы фразеологии русского языка.

Интересны, например, и имеют непосредственное отношение к истории становления определенного понимания фразеологизма и определенного представления об объеме и составе фразеологизмов русского языка рассуждения И. И. Срезневского о лексической целостности некоторых категорий словосочетаний, учение Ф. Ф. Фортунатова о «слитных словах» и «слитных речениях», которое продолжили и развили Д. Н. Ушаков и В. К. Поржезинский, учение А. А. Шахматова о неразложимых словосочетаниях, взгля-

Списки фразеологизмов русского языка, предлагаемые разными учеными, настолько отличаются друг от друга, что можно говорить о различных, часто прямо противоположных, даже исключающих друг друга, взглядах на фразеологизм, то есть на дифференциальные, или различительные, признаки фразеологизма и на состав фразеологизмов русского языка.

В состав фразеологизмов русского языка одни ученые относят все устойчивые сочетания слов, другие — ограничивают перечень фразеологизмов русского языка только определенной группой устойчивых словосочетаний. У одних ученых во фразеологию языка попадают *пословицы*, *поговорки*, *присловья*, *крылатые слова*, *афоризмы*, у других — не попадают. Сплошь и рядом в состав фразеологизмов русского языка включаются различные *описательные* и *аналитические обороты* речи, *сложные союзы*, *сложные предлоги*, *составные термины* и т. д. Отдельные ученые называют фразеологизмами словосочетания типа *горбатый нос*, *толстый журнал*, *раннее утро*, *нервное лицо*, *гнетущая тоска*, *жмурить глаза*, *рыдать навзрыд*, *понурить голову* и т. п., а также отдельные слова, например: *галиматья*, *сумбур*, *абракадабра*, *чепуха*, *тарабарщина*, *ерундистика*, *чушь* и т. п., именуемые «однословными идиомами».

В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют в различных комбинациях *устойчивость*, *целостность значения*, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, *раздельнооформленность*, *возможность структурных вариантов*, или *новообразований*, *воспроизводимость*, *непереводимость на другие языки*. В целом фразеологизм характеризуют как сочетание слов с «переносным значением», как устойчивое словосочетание с «идиоматическим значением», как «устойчивую фразу». Во фразеологизме находят *метафоричность*, *образность*, *экспрессивно-эмоциональную окраску* и т. д.

ды Е. Д. Поливанова о соизмеримости фразеологических единиц по количественному признаку с единицами синтаксиса, а по значению — с отдельным словом, мысли Л. В. Щербы о разграничении изучения устойчивых словосочетаний в плане языка и в плане речи, суждения С. И. Абакумова о признаках устойчивых сочетаний слов, статьи по фразеологии русского языка В. В. Виноградова, определившие у нас на длительное время общее направление исследований в этой области, работы Б. А. Ларина, С. И. Ожегова и других.

За два последних десятилетия написано значительное число статей по фразеологии русского языка, защищены диссертации, изданы монографии. Фразеология языка находит сейчас свое место в курсах по общему языкознанию, а также в грамматических сочинениях и исследованиях по истории литературного языка и языка писателя. Намечены самые различные аспекты изучения фразеологизмов, причем как приверженцами традиционных методов исследования языка, так и сторонниками новых направлений в современном языкознании. Предложены различные схемы классификации фразеологизмов.

Между тем, анализ фразеологизмов русского языка со стороны значения, формы и употребления позволяет утверждать, что ни один из этих признаков, ни сам по себе, ни в совокупности с другими, не является категориальным, определяющим, различительным, дифференциальным признаком фразеологизма.

Применительно к целям и задачам фразеологического словаря общие проблемы фразеологии русского языка на уровне современных знаний фразеологии могут быть сформулированы так: 1) определение языковой природы фразеологизма, 2) историко-временная и стилистическая характеристики фразеологизмов, 3) уяснение закономерностей употребления фразеологизмов в речи.

В самом деле, чтобы дать перечень, или номенклатуру, фразеологизмов русского языка, подлежащих включению в словарь, а также наметить типы лексикографической разработки их, требуется, во-первых, определить состав таких единиц в самом языке. Практически это можно сделать при условии, если будут найдены объективные признаки фразеологизма, из которых составляется его качественная характеристика и по которым фразеологизм выделяется в самостоятельную единицу языка; во-вторых, четко отграничить фразеологизмы от выражений, находящихся в стадии переосмысления и перехода во фразеологизмы, но еще не ставших ими. В зависимости от того, насколько точно и объективно будут определены признаки фразеологизма, дающие представление о его языковой природе, настолько будет точен и объективен сам метод вычленения фразеологизмов в языке. <..>

Форма фразеологизма

Понятие формы фразеологизма, без которой фразеологизм немыслим как самостоятельная единица языка, включает различные стороны формальной характеристики фразеологизма. Надо разграничивать: а) собственно форму фразеологизма и б) парадигматические формы фразеологизма.

Собственно форма фразеологизма

Собственно форма фразеологизма охватывает: а) состав компонентов, входящих в него, б) границы фразеологизма, в) варианты компонентов, г) факультативные компоненты и д) структуру (или структурную организацию) фразеологизма.

а) Фразеологизмы русского языка могут состоять из двух и более компонентов, независимо от того, восходят ли компоненты генетически к знаменательным словам или к служебным: **в ажуре, на взводе, под мухой, гадать на бобах, ни уха ни рыла, чужими руками жар загребать, не солоно хлебавши, как сельдей в бочке,**

демьянова уха, бездонная бочка и т. д. Определение количественного состава компонентов фразеологизма имеет прямое отношение к определению самого фразеологизма.

<...>

б) Границы фразеологизма включают все компоненты, образующие его, но они не тождественны (как понятие) его компонентному составу. В границы фразеологизма могут попадать слова, которые не являются компонентами фразеологизма, но которые синтаксически связаны с ними: они распространяют компоненты фразеологизма. Так, например, в предложении «— Он мне сегодня слово дал хорошо заниматься. Возьмите-ка и вы его на свой комсомольский прицел» <…> фразеологизм **взять на прицел** ограничен тремя компонентами, а слова *свой комсомольский,* которые распространяют компонент **прицел**, не являются сами компонентами фразеологизма, но входят в его границы. <...>

<...>

в) Явление вариантности, то есть заменяемости, компонентов фразеологизма, как особенность его формы, проявляется по-разному. Оно захватывает иногда только отдельные компоненты фразеологизма, иногда же распространяется на все компоненты. <...>

Варьирование во фразеологизме может быть:

во-первых, по форме компонентов (для таких вариантов компонента здесь принято название ф о р м а л ь н ы е в а р и а н т ы), например: **дай бог память** (памяти), **казанская** (казанский) **сирота**, **гог и магог** (гога и магога), **воды** (водой) **не замутит**, **хоть умри** (умирай), **ни синь** (синя) **пороха**, **с прохладцей** (прохладцем) и т. д. К формальным вариантам должны быть отнесены все фонетические, морфологические и др. изменения компонентов фразеологизма, в том числе и суффиксальные модификации. Например: **свистеть** (свистать) **в кулак**, **видать** (выдывать) **виды**, **калиф** (халиф) **на час**, **подбитый ветром** (ветерком), **чистой** (чистейшей) **воды**, **после дождичка** (дождика) **в четверг**, **испокон** (спокон) **века** (веков), **ничтоже сумняся** (сумняшеся), **лебединая песня** (песнь), **высунув** (высунувши, высуня) **язык**;

во-вторых, по составу компонентов (для таких вариантов компонента здесь принято название л е к с и ч е с к и е в а р и а н т ы), например: **точить лясы** [балясы], **сживать** [сгонять] **со света** *кого*, **туг** [крепок] **на ухо**, **в руки просится** [плывет, идет], **душа** [сердце] **не лежит** *к кому, к чему*, **плыть** [уплывать, уходить] **сквозь пальцы, ударяться** [входить, вламываться] **в амбицию, уплетать** [уписывать] **за обе щеки, как** [будто, словно, точно] **аршин проглотил, падать** [припадать] **к ногам** [к стопам] *кого, чьим*, **стоять колом** [костью] **в горле** [в глотке]**, гнуть** [ломать] **спину** [горб, хребет];

в-третьих, по составу и по форме компонентов одновременно (для таких вариантов здесь принято название с м е ш а н н ы е в а р и -

а н т ы), например: **что есть силы** [мочи] „с предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо)“ и **во всю силу** [мочь] в том же значении. Примером смешанных вариантов может служить также комбинация видовых и лексических вариантов глагольного компонента <...>, например, во фразеологизме **закладывать** [заливать] **за галстук, заложить** [залить] **за галстук** формы употребления: **закладывать за галстук** и **залить за галстук, заливать за галстук** и **заложить за галстук** <…>.

г) Количественный состав компонентов фразеологизма может быть разным. Фразеологизм может быть употреблен в речи или в полном или в неполном составе, то есть отдельные компоненты у некоторых фразеологизмов могут в одних случаях опускаться, в других — сохраняться. Например: **разводить турусы ⟨на колесах⟩, трещать по ⟨всем⟩ швам, пускать ⟨красного⟩ петуха** <...>.

д) Фразеологизм возникает из словосочетания или предложения. <…> Фразеологизмы, образованные из предложений, обычно имеют структуру простого двусоставного предложения, например: **душа уходит в пятки** *у кого,* **денег куры не клюют**, **мурашки бегают по спине**, **глаза на лоб лезут** *у кого* и т. п.

Чтобы понять, какое место занимает структура фразеологизма в общей характеристика фразеологизма как самостоятельной единицы языка, необходимо соотнести структуру фразеологизма с его лексико-грамматической характеристикой, с отнесенностью его к тому или иному разряду фразеологизмов (именных, глагольных и т. п.). <…>

<…>

Парадигматические формы фразеологизма

Парадигматические формы — особенность фразеологизмов языков флективного строя. Они служат для формального выражения отношений и связей фразеологизма со словами в предложении. Как правило, они отмечаются не у всех фразеологизмов, так же, впрочем, как и не у всех слов. <…>

Наличие или отсутствие парадигматических форм у того или иного фразеологизма находится в прямой зависимости, с одной стороны, от связи его со словами в предложении, с другой — от лексико-грамматической характеристики самого фразеологизма (именной ли он, глагольный ли и т. п.). <…> Соответственно этому:

во-первых, совсем нет парадигматических форм у адвербиальных фразеологизмов, употребляющихся в предложении в синтаксической функции обстоятельства, например: **наобум лазаря**, **очертя голову**, **из-под палки** <…>;

во-вторых, у адъективных фразеологизмов парадигматические формы обычно или ограничены формами выражения рода и числа,

например: **не лыком шит** (шита, шиты) „не хуже других в каком-либо отношении“, **мало каши ел** (ела, ели) „недостаточно опытен, сведущ в чем-либо; молод еще, чтобы браться за какое-либо серьезное дело“ или б) совсем отсутствуют, например: **себе на уме** „скрытен, хитер“, <…> **без царя в голове** „очень глуп, недалек“<…>;

в-третьих, парадигматические формы есть у глагольных и именных фразеологизмов, однако и они строго ограничены минимумом таких форм, которые достаточны для выражения отношений и связей фразеологизма со словами в предложении. Как правило, выражение этих связей закрепляется за определенным компонентом фразеологизма, а именно: в глагольном фразеологизме — за глагольным компонентом, в именном — за именным компонентом. Так, например, во фразеологизме **бить баклуши** „праздно проводить время, бездельничать“ формы изменения имеет только глагольный компонент (**бьет** баклуши, **бил** баклуши, **бьют** баклуши, **била** баклуши и т. д.), второй компонент их не имеет совсем: нельзя, например, сказать *он бил баклушу, бил баклушами* и т. д. (даже при наличии отрицания при фразеологизме компонент **баклуши** не изменяется: нельзя сказать *он не бил баклуш, а работал;* правильно: *он не бил баклуши, а работал).* Но даже если бы второй компонент имел формы изменения, они были бы просто формальными вариантами его, так как не выражали бы связей фразеологизма со словами в предложении — функция выражения этих связей закреплена только за глагольным компонентом.

Историко-временная и стилистическая характеристика фразеологизмов

<..> При современном состояний изучения фразеологизмов русского языка, когда нет точных данных для стилистической и историко-временной оценки как отдельных фразеологизмов, так и целых разрядов и разновидностей фразеологизмов, когда нет также достаточно четкого разграничения самих стилей речи, возможна лишь самая общая стилистическая и историко-временная оценка фразеологизмов, включаемых в словарь.

1) Легче всего выделяются в составе фразеологизмов современного русского языка архаические, у с т а р е в ш и е фразеологизмы, которые удерживаются в пассивном запасе языка и изредка употребляются в стилизованной речи, например: **забрить лоб** *кому*, **почить в бозе**, **лить колокола**, **препоясывать свои чресла**, **в нетях**, **аредовы веки** *жить*, **задавать копоти** *кому*, **андроны едут**, **подавать карету** *кому* и т. д. Они сопровождаются в словаре соответствующей пометой (*устар*.).

2) В массе своей фразеологизмы — явление разговорной речи. Поэтому они могут быть стилистически охарактеризованы как разговорные фразеологизмы. Их трудно отграничить от стилистически нейтральных фразеологизмов, которые употребляются в различных стилях речи, в том числе и в разговорной речи. Нет никакого смысла разговорные фразеологизмы сопровождать в словаре пометой.

Более или менее ясно отграничиваются от разговорных фразеологизмов только фразеологизмы со стилистически сниженной характеристикой.

Это, во-первых, п р о с т о р е ч н ы е ф р а з е о л о г и з м ы, например: **лезть в бутылку**, **показать где раки зимуют** *кому*, **благим матом**, **кишка тонка** *у кого*, **легче на поворотах**, **задавать драла**, **нужен как собаке пятая нога**, **до лампочки** *кому что*, **олух царя небесного**, **наломать дров**, **на мази** и т. д.;

во-вторых, г р у б о - п р о с т о р е ч н ы е, например: **катись колбаской**, **заливать шары**, **ни кожи ни рожи** *у кого*, **чертова перечница**, **давать по шапке** *кому*, **на фиг**, **послать подальше** *кого*, **<не> пришей кобыле хвост**, **отворачивать рыло** *от кого*, *от чего* и т. д.

Как те, так и другие находят свое место во фразеологическом словаре, хотя и стоят на периферии литературного языка.

Находят также свое место в словаре фразеологизмы *книжные* (как по своему происхождению, так и по сфере употребления), например: **прокрустово ложе**, **кануть в лету**, **повергать в прах** *кого*, *что*, **курить фимиам** *кому*, **дамоклов меч**, **камень преткновения**, **причислять к сонму** *кого*, **гог и магог**, **буриданов осел** и т. д.

Во фразеологический словарь, состав фразеологизмов которого ограничен пределами литературного языка, совсем не попадают фразеологизмы из народных говоров и диалектной речи, из арго и профессиональных жаргонов, например: **вставить фитиль** — во флотском жаргоне «дать взбучку, сделать выговор» <…>, **водить концы** — в псковских говорах «обманывать» <…>, **сбить с грунту** — в диалектной речи «сойти с ума» <…>, **наколоть бухаря** — в воровском арго «обокрасть пьяного» <…>.

3) Очень ограниченно и осторожно дается в словаре эмоционально-экспрессивная оценка фразеологизмов, которая не связана с употреблением фразеологизмов в определенных стилях речи и не имеет отношения к общей стилистической и историко-временной характеристике фразеологизмов. Объясняется это ограничение тем, что почти совсем нет данных, которые позволили бы говорить о той или иной преимущественной эмоционально-экспрессивной характеристике каждого фразеологизма и устанавливать для него какие бы то ни было нормы в этом отношении. Тем не менее, некоторые фразеологизмы сопровождаются в словаре пометами

шутл., *ирон.*, *пренебр.*, *неодобр.*, *бран.* и др. Постановка таких помет означает лишь попытку практически подойти к решению вопроса об эмоционально-экспрессивной окрашенности фразеологизмов.

Употребление фразеологизмов в речи

<…> «Фразеологический словарь русского языка» включает и описывает только те фразеологизмы современного языка, нормативность которых подтверждается или цитатами из произведений художественной и публицистической литературы, или тем, что эти фразеологизмы отмечены новейшими словарями русского языка, или, наконец, тем и другим. Задача словаря — наметить нормативную разработку фразеологизма: правильно истолковать его лексическое значение и правильно описать его форму со всеми ее особенностями. Разумеется, в разработках фразеологизмов, приводимых в словаре, могут быть, с точки зрения нормы, те или иные неточности, известная фрагментарность и т. п., которые обусловлены во многих случаях отсутствием необходимых данных для более точных разработок. В словаре не приводится ни индивидуально-авторских преобразований и окказиональных употреблений фразеологизмов, ни различных видов контаминации их, — основных отклонений от нормы в употреблении фразеологизмов в речи. <…>

Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологизмов со словами в речи

Вопрос о нормативности или ненормативности употребления фразеологизма в речи не может быть решен без достаточного знания его лексической и грамматической сочетаемости со словами, так как от этого зависит правильное истолкование лексического значения фразеологизма и точное описание его формы.

Отмечаются следующие особенности лексической сочетаемости фразеологизма со словами: во-первых, различные фразеологизмы имеют неодинаковую возможность сочетаться со словами — одни фразеологизмы могут вступать в сочетание с бóльшим количеством слов, другие — с меньшим, одни фразеологизмы могут сочетаться только с одним разрядом слов, другие — с разными разрядами слов и т. д. Если, например, можно **без памяти** *любить*, *увлекаться*, *влюбляться* и т. п., то есть «очень сильно, страстно, до самозабвения» и можно **без памяти** *бежать*, *нестись*, *лететь* и т. п., то есть «очень быстро, стремительно, ни на что не обращая внимания», то

с коломенскую версту можно только *вырасти*, *вытянуться*, *вымахать* и т. п. Если фразеологизм **каши просят** «износились, продырявились, требуют починки, ремонта» сочетается только со словами, обозначающими название обуви или ее частей (*сапоги*, *ботинки*, *подметки* и т. п.), то фразеологизм **не за горами** сочетается со словами семантического ряда *быть*, *находиться* и т. п. (в этом случае фразеологизм имеет значение «неподалеку, очень близко») и со словами семантического ряда *наступит*, *произойдет* и т. п. (в значении «скоро, в ближайшее время»). Во-вторых, различные фразеологизмы имеют неодинаковую степень слитности, связанности со словами контекста: есть фразеологизмы, которые вне данного конкретного сочетания со словом (или со словами) вообще не являются фразеологизмами, для других — такой зависимости от слов контекста не существует. В качестве примеров таких сочетаний фразеологизма со словами можно привести сочетания: *денег* **куры не клюют** «(денег) очень много, в избытке», *говорить* **на ветер** «(говорить) впустую», *спать* **без задних ног** «(спать) очень крепко», *как* [будто, словно, точно] **в воду глядел** [смотрел] «(будто) знал заранее» и т. п. Особенности этих сочетаний в том, что каждый из таких фразеологизмов, употребленный без сопутствующего ему слова, а равно и с любым другим словом, перестает быть фразеологизмом. Ср. *денег* **куры не клюют** и *куры не клюют зерна*. Эти слова неотъемлемы от самого фразеологизма в любых случаях его употребления, хотя они и не входят в его компонентный состав. Назовем их обязательным словесным окружением фразеологизма. <…>

Однако связи фразеологизма со словами в речи определяются не только возможностью его лексической сочетаемости, но и законами его грамматической сочетаемости со словами. Фразеологизм может, как было сказано выше, согласоваться со словами, управлять или быть управляемым, может примыкать к словам. Эти связи и отношения фразеологизма со словами определяются общими категориальными признаками фразеологизма и слова. При лексикографическом описании фразеологизмов указание на характер этих связей обычно приводится тогда, когда отсутствие таких указаний мешает правильному восприятию самого фразеологизма (**рыть яму** *кому*, *под кого*, **черная кошка пробежала** *между кем*, **гайка слаба** *у кого*) или чтобы подчеркнуть наиболее типичные способы связи фразеологизма со словами (**набивать руку** *в чем*, *на чем*, **песок сыплется** *из кого*, **греть руки** *на чем*). Эти указания касаются различных случаев грамматического управления, в том числе и двойного (**глаза разгорелись** *у кого* на что, **бог не обидел** *кого чем*, **колоть глаза** *кому чем*) и случаев грамматического согласования и примыкания (**мерить на аршин** *какой кого*, *что*, **ноги не будет** *чьей где*, **запускать руку** *во что*, *куда*, **плясать под дудку** *чью*).

Принципы расположения фразеологизмов в словаре

<…> фразеологизм получает место разработки в зависимости от своей структурной организации.

1) Если фразеологизм структурно организован как словосочетание, место разработки в словаре он получает на структурно организующий компонент, например: **авгиевы конюшни** на «конюшни», **до мозга костей** на «мозга», **сума́ переметная** на «сума», **не лыком шит** на «шит», **гол как сокол** на «гол», **спустя рукава** на «спустя», **мелко плавать** на «плавать», **считать ворон** на «считать», **не солоно хлебавши** на «хлебавши», **высунув язык** на «высунув», **мать честная** на «мать», **наобум лазаря** на «наобум», **во все лопатки** на «лопатки», **из-под палки** на «палки», **за глаза** на «глаза» и т. п.

2) Если фразеологизм структурно организован как предложение, место разработки он получает в зависимости от типа своей структуры:

а) фразеологизм, организованный по модели двусоставного предложения, получает место разработки на компонент, который соответствует подлежащему двусоставного предложения: **мухи дохнут** на «мухи», **бабушка ворожит** *кому* на «бабушка», **кот наплакал** на «кот», **голова идет кругом** *чья*, *у кого* на «голова», **кондрашка хватил** *кого* на «кондрашка»;

б) фразеологизм, организованный по модели односоставного предложения, получает место разработки на компонент, который соответствует главному члену односоставного предложения: **держи карман <шире>** на «держи», **мало каши ел** на «ел», **быльем поросло** на «поросло», **сорок одно с кисточкой** на «сорок», **разуй глаза** на «разуй».

3) Фразеологизм, структурно организованный как сочетание двух или нескольких однородных членов предложения, получает место разработки на первый компонент: **<и> так и сяк** на «так», **всех и каждого** на «всех», **ни бе ни ме <ни кукареку>** на «бе», **ни два ни полтора** на «два», **ни рыба ни мясо** на «рыба», **без сучка без задоринки** на «сучка».

4) Фразеологизм, структурно организованный как сравнительный оборот, получает место разработки на структурно организующий компонент в этом обороте: **как аршин проглотил** на «проглотил», **как снег на голову** на «снег», **как пить дать** на «дать», **как сельдей в бочке** на «сельдей», **как в воду канул** на «канул». <…>

Основная проблема, которая ставится и решается в словаре, — это проблема отдельности фразеологизма. Она включает, с одной стороны, отграничение данного фразеологизма во всех его модификациях и во всех формах употребления от других фразеологизмов, с другой, — сведение целого ряда форм употребления, в которых

фразеологизм бытует в речи, к одному фразеологизму. От правильного решения проблемы отдельности фразеологизма зависит правильное описание фразеологизма со стороны его значения, формы и употребления.

Фразеологизм подается в словаре во всей сложности его связей и отношений с другими фразеологизмами. Группировка фразеологизмов по их составляющим, то есть по компонентам, дает представление о фразеологизмах языка как об определенным образом соотносимых между собой единицах; выявление же синонимических, антонимических и т. п. отношений фразеологизмов в языке указывает на семантические, структурные и т. п. связи между ними. Изучение фразеологизмов языка в целом в их группировках и отношениях приближает нас к пониманию, во-первых, закономерностей образования фразеологизмов в языке, во-вторых, закономерностей функционирования их в речи.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ВЫВОДИТЬ НА ЧИСТУЮ [**свежую**] **ВОДУ** *кого*, *что*. **ВЫВЕСТИ НА ЧИСТУЮ** [**свежую**] **ВОДУ** *кого*, *что*. **1**. Разоблачать. О темных делах, махинациях или лицах, причастных к ним. *Мне хочется непременно вывести на чистую воду это мошенничество*. Гоголь, Письмо М. И. Гоголь, 4 янв. 1832. — *Я его выведу на чистую воду: я видел, как он крадет апельсины в чужих садах*. Тургенев, Три встречи. [*Афоня:*] *Что это такое! Так погодите ж вы, погодите! Будет вам нас обманывать, выведу я вас на свежую воду*. Островский, Грех да беда на кого не живет. — *Раньше, чем ты поедешь к градоначальнику, я Пташникову напишу… я выведу тебя на свежую воду с твоими дурдинскими коммерциями*. Куприн, Хорошее общество. *Сталевар Никитенко внимательно следил за Мотовым. Ему было очень жаль плавку, но он обрадовался, что мастера вывели на чистую воду*. В. Попов, Сталь и шлак. — *Я докажу, что ты жулик, я тебя выведу на чистую воду!* Д. Павлова, Совесть.

2. Уличать в чем-либо. [*Райскому*] *хотелось скорей вывести ее на свежую воду, затронуть какую-нибудь живую струну, вызвать на объяснение*. Гончаров, Обрыв. — *Вы расскажите ей все о Молотове, всю его подноготную*; *надо вывести его на свежую воду, и Надя сама увидит, что это за человек*. Помяловский, Молотов. *Все стали ей косые взгляды казать: старые девки и дамы за то, что про воспитанниц неумно говорила да сплетни ихние на чистую воду выводила, молодые красоте ее завидуючи*. Мельников-Печерский, Бабушкины россказни. *Тишин, торжествуя свою победу, кричал, что он выведет на чистую воду всех хвастунов и зазнаек*. В. Осеева, Васек Трубачев и его товарищи. — *Я слегка заплутался и — упаси боже — никого не вывожу на чистую воду. Знаком с человеческими слабостями*. Ю. Бондарев, Тишина.

— Первонач.: выводить на чистую воду рыбу. Например: Вот поплавок вздрогнул, пустил круги, потом наклонился… и медленно поплыл в сторону. Он плыл все быстрее и на ходу погружался в воду. Окунь! Я подсек. Удилище согнулось в дугу, и леска со свистом разрезала воду. Тяжелая и

сильная рыба бросилась в кучу, под берег. Я начал выводить ее на чистую воду и крикнул режиссеру: — Володя, подсек! (Паустовский, Несколько слов об уженье рыбы).

Большой фразеологический словарь русского языка[1]

В. Н. Телия

Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа

Предлагаемый читателю словарь — это первый опыт внедрения в лексикографическую практику той версии лингвокультурологического анализа фразеологизмов, основы которой были разработаны в проблемной группе «Общая фразеология» Института языкознания РАН.

<…> Общая структура словаря состоит из трех перекликающихся между собой основных частей — толкования фразеологизмов, иллюстративного материала, показывающего их жизнь в современных нам текстах, и культурологического комментария к толкованию и употреблению.

Такая трехчастность словаря обусловлена двумя причинами. Первая из них — это ориентация словаря на активное овладение закономерностями выбора и использования фразеологизмов в речи. Вторая причина — стремление авторского коллектива вскрыть и описать межпоколенно воспроизводимые во фразеологизмах характерные для них культурные слои, которые непосредственно или косвенным образом проявляются в их значении, а следовательно — и в употреблении. И именно это, с нашей точки зрения, придает подавляющему большинству фразеологизмов, не утративших своей культурной «родословной», воспроизводимость «в готовом виде».

Первая часть словаря — толкование фразеологизмов. Оно содержит все смыслы, которые обозначены ими. Впервые в словаре для толкования выделены семь «подзон», или параметров, вместе создающих объем того, что в лексикографической практике принято называть дефиницией.

Это подразделение толкования призвано охарактеризовать:

---

[1] Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

(1) указание на класс объектов, с которыми соотносится фразеологизм;

(2) предусловия (или пресуппозицию), в которых фразеологизм может быть выбран в речи;

(3) типовую ситуацию как динамическую «модель» фразеологизма в действии;

(4) эмоционально-оценочное отношение говорящего (или слушающего) к обозначаемым объектам, «подсказанное» самим образом, или «внутренней формой» фразеологизма, представленной им как обозначающим знака в целом;

(5) функционально-стилистический регистр, в котором фразеологизм употребляется в современной живой речи;

(6) содержание аспектуально-видового значения фразеологизма (как этот смысл понимается в работах А. В. Исаченко, Ю. С. Маслова, В. Г. Гака, а в лексикографической форме воплощен в Толково-комбинаторном словаре современного русского языка И. А. Мельчука и А. К. Жолковского), если он входит в аспектуально-видовое «гнездо», или парадигму, сходных по значению фразеологизмов;

(7) семантико-синтаксическую формулу, завершающую толкование и представляющую собой «свернутую» знаковую модель, или пропозицию, соответствующую нормативным условиям его употребления (а также — аспектуально-видовой форме фразеологизма, если он обозначается фразеологизмом в целом). Сама формула пропозиции, завершая толкование фразеологизма, выступает в этом параметрическом его представлении толкования как семантико-синтаксическая модель для организации высказываний, в которых описываемый в толковании фразеологизм может быть «развернут» при создании текста с его участием.

Таким образом, в предлагаемом читателю словаре структура параметрического представления толкования фразеологизмов разработана как движение от традиционного для лексикографической практики краткого определения значения, достаточного и необходимого для его понимания, к развернутому в пропозициональной форме смыслу типовой ситуации, обозначаемой фразеологизмом, далее — к эмоционально-оценочному отношению говорящего к тому, что обозначается фразеологизмом в целом, и к социально значимым условиям общения.

Толкование фразеологизма в словаре — это впервые разработанное в лексикографической практике «семимерное» параметрическое его описание, прогнозирующее реализацию его содержания в обычном речевом употреблении, которое подтверждается иллюстративным материалом. Эта особенность придает словарю активный характер — его ориентацию на условия выбора и использования фразеологизмов в процессах живого диалогического общения.

Изложенная выше структура толкования во многом наследует «трехмерный» принцип описания значения, впервые введенный для

фразеологизмов Т. С. Аристовой, М. Л. Ковшовой, Е. А. Рысевой, В. Н. Телия и И. Н. Черкасовой, осуществленный при непосредственном участии лексикографического редактора Г. А. Мартыновой, в «Словаре образных выражений русского языка». Некоторые толкования этих авторов послужили источником для толкований настоящего Словаря. Поэтому мы считаем своих предшественников соавторами, оставшимися «за кадром», поскольку изменился объем словаря, создан новый лексикографический формат толкования, а также в качестве иллюстративного материала осуществляется выбор тех текстов, которые появились начиная с 50-х годов теперь уже прошлого века, т. е. с того периода, который специалисты в области истории языка считают началом демократизации норм «общего», современного нам русского языка.

В «Большом фразеологическом словаре. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» использован и ряд других нововведений, разработанных для «Словаря образных выражений русского языка».

В неизменяемом виде сохранена система функционально-стилистических помет, указывающих на социально значимые условия выбора фразеологизмов в речи.

Обычно в словарях (и не только фразеологических) употребляются пометы типа *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное), *книжн.* (книжное) и т. п. Однако помета *разг.* применима к особой форме существования языка — к обычно устной, непринужденно протекающей речи. В такой речи часто употребляются и фразеологизмы. Но и в разговорной речи не могут не приниматься во внимание социальные статусы или роли общающихся.

Чтобы указать на уместность или неуместность употребления фразеологизмов в тех или иных социально значимых условиях речи, в словаре используются следующие функционально-стилистические пометы: речевой стандарт (**Реч. стандарт**), если фразеологизм может употребляться в любом неофициальном разговоре или тексте (типа *выбивать почву из-под ног, наставлять на ум*); неформальное (**Неформ.**), когда предполагается, что общение протекает независимо от социальных статусов или ролей говорящих (типа *вешать нос, мелкая сошка*); фамильярное (**Фам.**), когда отношения между собеседниками настолько близкие, что можно говорить все, что вздумается и как вздумается (типа *от фонаря, черт дернул за язык, чучело огородное*); грубо-фамильярное (**Грубо-фам.**), если собеседники переходят за границу «приличных» рамок общения (типа *чертова кукла, дубина стоеросовая*). Помета **Книжн.** применяется традиционно и означает, что фразеологизм обычно употребляется людьми образованными (типа *ахиллесова пята, витать в облаках* или *в эмпиреях*); в словарь включена и помета **Прост.**, которая указывает на то, то фразеологизм отклоняется от литературно обработанной (кодифицированной) нормы (*середка на половинку*).

Сохранена в словаре структура грамматической «зоны» толкования, которая выделена в отдельный формат. В этой части содержатся сведения о неизменяемости фразеологизмов (если таковая имеет место), об особенностях их морфологического строения, о синтаксических функциях и о фиксированном порядке слов.

В иллюстративной части словаря для глагольных фразеологизмов использован и принцип подразделения (при подлежащем, выраженным лицом, при прямой валентности «кто») на высказывания о третьем лице, не являющемся непосредственным участником диалога, высказывания о собеседнике и высказывания о самом себе, поскольку в зависимости от типа высказывания может не только меняться эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому фразеологизма, но и возникать запрет на высказывание (ср.: *Он втоптал в грязь кого-л.* или *Ты втоптал в грязь кого-л.* — говорится с осуждением или неодобрением, а употребление о себе самом: *Я втоптал в грязь кого-л.* — избегается как саморазоблачение).

В словаре сохранен принцип «гнездования» в одной словарной статье фразеологизмов, обладающих общим смыслом, но различающихся аспектуально-видовыми формами, и хотя этот принцип нарушает алфавитный порядок словаря, он дает представление о грамматически-смысловой производности фразеологизмов, аналогичной производности словообразовательной.

<…> «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» — это словарь-справочник, дающий в лексикографическом формате представление о взаимодействии языка и культуры.

Во второй основной части словаря — культурологическом комментарии, который впервые в мировой практике введен в формат словарной статьи, выявляются и описываются на основе соотнесения фразеологизма со сферой культуры как особой знаковой системы живущие во фразеологизмах культурно значимые для их значения и употребления смыслы. Этот комментарий, восстанавливая фон окультуренного осознания мира человеком, способствует прояснению мотивированности культурных смыслов в значении фразеологизмов.

Культурологический комментарий дополняет и во многом проясняет толкование, выполняя роль «ключа» (если использовать образное выражение А. Вежбицкой) к веками складывавшемуся на основе образной мотивации значению фразеологизма и воплощенным в его языковое содержание и форму смыслов, принадлежащих «языку» культуры, зачастую восходящих к древнейшим формам окультуренного осознания мира человеком.

На фоне «погружения» фразеологизма в контекст культуры становится очевидным живодействующее и для современного мировидения и мироосознания взаимодействие культуры и языка. Язык, будучи одним из самых продуктивных способов знакового выраже-

ния констант культуры (в терминологии Ю. С. Степанова), непрестанно воплощает характерные для культуры формы осознания мира своими средствами и способами — с одной стороны, а с другой — такого рода воплощение придает языковым знакам способность выполнять роль знаков «языка» культуры, обогащая ее концептосферу.

В словаре впервые разграничены три «зоны» культурологического комментария.

(1) Этимологическая «зона» служит для пояснения слов-компонентов или фразеологизма в целом, непонятных по своей исходной внутренней форме для носителей современного русского языка (типа *ахиллесова пята, в пух и в прах*).

(2) В страноведческой «зоне» разъясняется значение так называемой безэквивалентной лексики, характерной только для номинативного запаса русского языка, входящей в состав фразеологизмов (типа *лезть на рожон*), или значение сочетания в целом, содержание которого связано с событиями, имевшими место в истории России (типа *Мамаево побоище*). Следует отметить, что граница между двумя этими «зонами» размыта (так, слово-компонент *рожон,* сохранившееся только в составе нескольких фразеологизмов и принадлежащее к безэквивалентной лексике, нуждается и в этимологическом разъяснении). И не случайно такого рода слова-компоненты описываются как в этимологических, так и в страноведческих фразеологических словарях.

(3) «Зона» собственно культурологического комментария — это интерпретация, т. е. истолкование, фразеологизмов в пространстве культуры, или ее концептосфере, прослеживающая во фразеологизмах линии отображенных в них смысловых связей по всем известным нам формам осознания мира человеком, описанным в работах культурологической ориентации.

Разделы культурологического комментария призваны описать те культурно-смысловые слои, которые в явном или опосредованном виде выражены в образном основании фразеологизмов, указать на их роль в этом образном содержании, а также на способность фразеологизмов выступать в функции знаков «языка» самой культуры. В этих разделах выделены:

— базовые для «археологии» культуры архетипические оппозиции, отображающие результаты жизнедеятельностных практик человека в мире (такие, как «верх» — «низ», «правый» — «левый», «свой» — «чужой», «чистый» — «грязный» и под.);

— базовые же для культуры мифологические представления о мире, в том числе — отображенные в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе анимизма (одушевления неживого или несуществующего в действительности), фетишизма (придания природным и «вещным» объектам действенно-магического смысла) и т. п.

Согласно мнению культурологов, эти древнейшие формы «окультуренного» осознания и восприятия мира восходят к самым ранним

стадиям палеолита. Общеизвестно, что эти базовые формы освоения человеком макро- и микрокосмоса и по сей день служат источником образных аналогий восприятия мира;

— библейские слои культуры, из которых для русских фразеологизмов наиболее характерными являются тексты Евангелия;

— фольклорные слои, выражающие морально-нравственные установки народной мудрости;

— этнографические источники и исторические памятники, дающие богатейший материал для интерпретации фразеологизмов в контексте культуры;

— литературно-публицистические слои, проявляющиеся во фразеологизмах в виде прямых цитаций, реминисценций, аллюзий. Заметим, что эти дискурсы, вопреки сложившемуся мнению об их непосредственном воздействии на культуру; во многом оказываются вторичными по отношению ко всем перечисленным выше ее слоям: в них, как общее правило, вербально акцентируются «корневые» формы осознания мира;

— символарий культуры — характерные для нее символы, эталоны, стереотипы, сложившиеся как на основе ее базовых форм, так и письменных источников разных исторических эпох, стилей и жанров.

Соотнесение с выделенными слоями концептосферы культуры фразеологизма в целом или его частей и составляет основу культурной интерпретации фразеологизмов.

Выявленные в процедурах интерпретации в концептосфере культуры воплощенные во фразеологизмах культурные смыслы либо достаточно прозрачно проступают через их образное основание и создают осознаваемую для восприятия современного носителя языка мотивацию значения фразеологизма, либо же эта мотивация осознается носителями языка в как бы скрытой в глубинах подсознания «скрижалях» их культурной памяти. Об этой явной или скрытой мотивации свидетельствуют те линии связи, которые прослеживаются между образным основанием фразеологизма и его значением.

Таким образом, в словаре определена та роль, которую фразеологизм в целом или отдельный его компонент выполняет в концептосфере культуры как ее знак — символ, эталон или стереотип. Кроме того, в словаре по возможности даны образные аналоги в других языках. <…>

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

[БЕ́ЛЫЙ] СВЕТ <МИР> КЛИ́НОМ СОШЁЛСЯ *на ком, на чём* [*для кого*]

Установился окончательный и единственный, предельно узкий выбор чего-л. *Имеется в виду, что* для лица, группы лиц (*X*) другое лицо, другая

группа лиц (*Y*), предмет (*Z*), какое-л. увлечение, занятие (*P*) являются самыми желаемыми; представляются незаменимыми при осуществлении каких-л. задач, намерений. *Говорится* с неодобрением или с лёгким неодобрением. ♦ **Неформ.** [*Для X*-а] ***свет клином сошёлся*** *на Y-е <Z-е, P>*.

Неизм.
Часто с отриц.: *свет клином не сошёлся.*
В роли грамматич. основы. предлож.
Порядок слов-компонентов нефиксир.

Всякое ещё будет в его жизни, а он вбил себе в голову, что на неказистой Тосе **свет клином сошёлся.** *Б. Бедный, Девчата.* — Видал? — спросил я Чудинова, протягивая ему бинокль. — Не на одной твоей Алисе **свет клином сошёлся**. Ты только погляди, как идёт! *Л. Кассиль, Ход белой королевы.* Поутру капитана Сёмушкина опять вызвали в штаб. «Как будто на мне **свет клином сошёлся**», — в сердцах подумал он, шагая по хрустящей, как раздавленное стекло, наледи. *В. Соколов, Вторжение.* — Отступать мы, правда, не думаем, — сказал Серпилин. — Но на нас **свет клином** не **сошёлся**, повидали, как у нас, поезжайте посмотрите, как у других. *К. Симонов, Живые и мёртвые.* — Товарищ комкор, разрешите принять участие в атаке!.. —— Для меня на вашей бригаде **свет клином** не **сошёлся**. Я не собираюсь оставаться здесь и командовать за вас. Обстановка может потребовать моего присутствия в других местах. *К. Симонов, Товарищи по оружию.* Если она не ответит мне и на это письмо, то всё — вычеркну тогда её из своей личной жизни. Дам ей понять, что на ней **свет клином** не **сошёлся** <…> *В. Аксёнов, Апельсины из Марокко.* «Мамочка, где мои очки?!» Нина строго нахмурилась: «Чего психуешь? Можно подумать, **свет клином** на твоих очках **сошёлся**…» *М. Чернёнок, Ставка на проигрыш.* [Фёдор Иванович:] <…> Марк — для него **свет клином** на музыке **сошёлся** <…> *В. Розов, Вечно живые.* Из двух мест я уже ушёл «по собственному желанию». Можно бы уйти и отсюда — на этом городе **свет клином** не **сошёлся** — но мне уже надоело скитаться. *В. Войнович, Путём взаимной переписки.* В стенах Думы продаются книги. Понятно. Депутаты тянутся к свету <…>, для некоторых **белый свет сошёлся клином** на запредельно антисемитском сочинении Дэвида Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Автор, говорят, бывший лидер Ку-клукс-клана. Американский опыт, глядишь, и пригодится. *НГ, 2001*. Мария Галина в том сборнике участия не принимала. Но, может быть, «забыли» не только Галину? Ведь вряд ли **мир клином сошёлся** на десятке «раскрученных» имён <…>. *НГ, 2001*.

✪ «Оборот собственно русский. Слово *клин* употребляется здесь в значении “маленький участок земли малоземельного крестьянина”». (*Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2001. С. 518.*)

Фразеол. восходит к архетипическому представлению о **белом свете** как об окружающем мире, вселенной, а также к мифологическому противопоставлению светлого, солнечного мира живых тёмному царству мёртвых. Образ фразеол. в целом связан с архетипическим противо-

поставлением «своего», обжитого (**клин**) и «чужого», всеобщего (**свет, мир**) пространства, а также с противопоставлением «узкий — широкий».

Совокупность компонентов **свет (белый свет, мир**) **сошёлся** соотносится с пространственным кодом, обозначающим членение пространства; компонент **клин** — с пространственным и антропным, т. е. собственно человеческим, кодом культуры, т. к. является измерительной категорией в отношении деятельности человека на своём, принадлежащем ему, участке.

Образ фразеол. создаётся пространственной метафорой, с помощью которой подчёркивается несоизмеримость узкого, маленького участка земли и всего окружающего мира. В образе фразеол. **клин** выполняет роль эталона, т. е. меры, уменьшения, ограничения целого до части. В образ фразеол. также вкраплено олицетворение — приписывание природному объекту (**свету, белому свету, миру**) действия, присущего человеку (**сошёлся**).

Образ фразеол. отображает культурные установки, предписывающие возможность выбора, увеличения, расширения границ своего пространства. См. в фольклоре: *На одном гвозде всего не повесишь*; *Свет-то не углом* (*клином*) *сошёлся, найдёшь себе место*; *На свету не на клину — места для всех будет*; *Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь, больше увидишь*; ср. также фразеол. *один свет в окошке*.

Фразеол. в целом передаёт стереотипное представление о предельном сужении чьих-л. интересов, пристрастий, занятий до чего-л. одного, заменяющего всё остальное.

М. Л. Ковшова

А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова

Русская фразеология

Историко-этимологический словарь[1]

ВЫВОДИ́ТЬ / ВЫ́ВЕСТИ НА ЧИСТУЮ ВО́ДУ *кого. Уличать кого-л. в чём-л., разоблачать кого-л. в обмане, дурном поступке, выявлять правду.*

1. Фразеологизм связывается с древним и жестоким обычаем «Божьего суда», известным у многих народов: обвиняемого или подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным, если тонул — несправедливо обвиненным. Обычай, в свою очередь, основывается на древнем представлении о воде как о чистой стихи. Уразов 1956, 10; Альперин 1956,15-16; Перетрухин 1962, 35; Проценко 1972, 78; Гвоздарев 1982, 24-25; Гвоздарев 1983а, 136; Молочко 1985, 136; Фомина, Бакина 1985, 23; Волина 1997, 9.

2. Происхождение оборота возводится к профессиональной речи рыболовов, где *выводить на чистую воду* первоначально обозначало выведение

[1] Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.

удильщиком рыбы на открытую, «чистую» воду, чтобы она не сошла с крючка, запутавшись в траве или корягах. ФСРЯ 1967, 91; КЭФ 1979, № 2, 56; Вакуров 1979в, 83; Опыт 1987, 35; Зимин, Спирин 1996, 208–209; Волина 1997, 9; Грабчикова 2001, 20.

3. Происхождение фразеологизма связано с гаданием на воде (гидромантией). Гадальщики «выводили» на свежей воде образ человека, совершившего злое дело или сглазившего кого-л., напустившего порчу. К такому способу гадания прибегали, чтобы узнать виновника чего-л. Показательно, что оборот *вывести на чистую* (чаще — *свежую*) *воду* употреблялся в XVIII в. именно тогда, когда речь шла о каком-то мошенничестве, которое становится явным благодаря каким-либо сведениям о данном человеке или деле. ФМ 1990, 36–37; Мокиенко 1990, 145–146; Волина 1997, 9; Мелерович, Мокиенко 1997, 106; ФМ 1999, 51.

4. Первоначальный образ оборота, так же, как и укр. *вивести на чисту воду кого,* бел. (диал. и литературн.) *вывесці на чыстую ваду кого, вывесці на цёплую ваду каго* связывается с деятельностью нечистой силы, излюбленными местами пребывания которой были болота, заброшенные мельницы и омуты. В таких водоемах вода была мутной, непроточной, несвежей, и черти чувствовали себя здесь в безопасности. Ср. рус. *вертит как черт в омуте* (*пучине*), укр. *мутить як біс у виру, мутить як у греблі чорт и т. п.* Чтобы выявить причину беспокойств, причиняемых нечистой силой, её необходимо было, по суеверным представлениям, вывести на чистую (проточную) воду из её «мутного» укрытия, т. е. сделать видимой. Івченко 1996, 95–97; Івченко 1998, 67; Івченко 1999, 189–191; Ивченко 2000а, 87–89.

В. П. Жуков

Словарь русских пословиц и поговорок[1]

Собака лает, ветер носит. *Не стоит обращать внимание на чьи-л. слова, сплетни, слухи и т. п. Говорится тогда, когда пренебрежительно относятся к чьим-л. мнениям, разговорам*. — Мало ль чего наврет Аниська Красноглазиха — всего от нее, паскуды, не переслушаешь. Плюнь на нее — собака лает, ветер носит. К чистому срамота не пристанет. (Мельников-Печерский. На горах.) Мы не разиной породы, и обижаться на это не следует: а кто это скажет — наплевать на того; пускай говорит: собака лает, ветер носит. (Железнов. Уральцы.) И что только человеку нужно? А главное, проклятый хохол всю нашу фамилию острамил… Добрые люди будут пальцами указывать. — Ничего, Флегонт Васильич: собака лает, ветер носит. (Мамин-Сибиряк, Хлеб.) — В показаниях капитана Жуковского значится, что штабс-капитан Чиж тоже оскорбил вас. Почему вы, поручик, об этом ничего не сказали? — задал вопрос Мошинский. — Собака лает, ветер носит, — отрезал Борейко. (Степанов, Порт-Артур.) — Батюшка, Кузьма Васильевич,— взволнованно и жалостливо заговорила Васили-

[1] *Жуков В. П*. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

са,— что ж ты всякого пустого слова слушаешь? Да кто тебе причинил этакую обиду? Старик молчал, и колхозники поняли, что нащупали истинную причину его отказа [работать мельником]. Сразу зашумели, заговорили. — Собака лает, ветер носит! — Мы тебя не первый год знаем. (Николаева. Жатва.)

Из XVIII в.: [Г-жа Простакова:] Ах, господи боже мой! Уж ребенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался! [Цыфиркин:] За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит. (Фонвизин, Недоросль.)

— *Симони*: Собака лаетъ, а вѣтръ проноситъ; *Снегирев*: Собака лает, ветер носит; *Даль*: Собака лает, ветер носит; *Михельсон*: Собака лает, ветер носит; *Рыбникова*: Собака лает — ветер носит.

В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова
Большой словарь крылатых слов русского языка[1]

СЕГО́ДНЯ ТЫ, А ЗА́ВТРА Я.

Поговорка

⬇⬇Эта фраза, несомненно, цитируется как строка арии Германна из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» по одноименной повести А. С. Пушкина (либретто М. И. Чайковского; премьера 7 декабря 1890): «Что наша жизнь? — Игра. / Добро и зло — одни мечты. / Труд, честность — сказки для бабья. / Кто прав, кто счастлив здесь, друзья? / — **Сегодня ты, а завтра я**». Однако источником этого афоризма является Ветхий завет: в Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова, так заканчиваются рассуждения о неизбежности смерти: «Вспоминай о приговоре надо мною, потому что он также и над тобою: мне вчера, а тебе сегодня» (Сир., 38, 16–23).

⬅ О превратностях судьбы, которая делает счастливым или несчастным то одного, то другого. Об удаче, которая приходит то к одному, то к другому; часто с иронией или сарказмом.

Черт его знает, может, так и надо. Сегодня ты, а завтра я. Директор фабрики ткачихе, узнав, что у нее все 100 станков работают. Кинофильм «Светлый путь». 1940, сцен. В. Ардова.

✱*— Вас удивляет, что я здесь, на сцене, а вы там. Как отмечал все тот же тенор: «Сегодня ты, а завтра»... вот именно, и завтра... ты* (*Пролог спектакля «Его величество театр» А. Райкина*). *Радиопередача «С добрым утром», 19.01.86. Незаменимых у нас нет: сегодня я, а завтра ты. Хотя, если вдуматься, то эти слова бессмысленны. Если в библиотеке нет Пушкина, я могу заменить его Толстым, но это будет Толстой, а не Пушкин. На мою должность назначили другого, но это уже другой Пушкин. А. Рыбаков. Дети Арбата.*

---

[1] *Берков В. П.*, *Мокиенко В. М.*, *Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова

Словарь фразеологических синонимов русского языка[1]

ВЫСО́КИЙ • Коломенская верста (с коломенскую версту); пожарная каланча. *Шутл.*; **ростом с Ивана Великого**. *Устар.*; **до неба достанет; дядя Стёпа [**достань воробушка**].** *Шутл.*; **дядя, достань воробушка**. *Шутл.*; **телевизионная башня**. *Прост.*; **телеграфный столб**. *Прост.*; **полтора шалмана**. *Прост.*; **как гренадер**. *Редко.* Об очень высоком человеке.

В косую сажень ростом. *Нар.* О широкоплечем, рослом человеке.

В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров

Словарь фразеологических синонимов русского языка[2]

В. П. Жуков

Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов

Задачи Словаря

Предлагаемый Словарь ставит своей задачей: а) выявить и по возможности полно описать ту часть фразеологизмов, которые связаны между собой синонимическими отношениями; б) дать семантико-стилистический и грамматический комментарий к синонимическому ряду; показать особенности употребления фразеологизмов в речи.

Состав Словаря

В Словарь вошли синонимические фразеологизмы, бытующие в современном русском языке и представленные в текстах художественных, документально-художественных, публицистических и научных произведений советской литературы, а также произведений классиков XIX–XX вв. При этом подлежат включению как частотные,

[1] *Бирих А. К.*, *Мокиенко В. М.*, *Степанова Л. И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов н/Д, 1997

[2] *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. П. Жукова. М., 1987.

широко употребительные фразеологические синонимы, так и малоактивные, неупотребительные. Учет тех и других способствует выявлению синонимических связей и отношений во всем их многообразии.

Структура словарной статьи

Словарная статья включает в себя: а) синонимический ряд, т. е. перечень фразеологизмов, расположенных в определенной последовательности; б) общую грамматическую оценку синонимического ряда; в) семантико-стилистический и грамматический комментарий к синонимическому ряду; г) иллюстрации, подтверждающие реальное функционирование фразеологических синонимов в современном русском литературном языке; д) определенные сведения справочного характера.

Синонимические ряды располагаются по алфавиту опорных фразеологизмов.

Опорный (заглавный) фразеологизм является самым употребительным в синонимическом ряду, обладает широкой сочетаемостью и, что особенно важно, более или менее активно способен замещать другие синонимичные обороты в контексте (эти свойства преимущественно характерны для наречных фразеологизмов). Так, в синонимическом ряду **в глаза, в лицо, в упор, без обиняков, без околичностей** и т. д. оборот **в глаза** является основным, так как наиболее полно передает значение ряда, легко замещает другие обороты, сочетается с широким кругом глаголов-сопроводителей (говорить (сказать), заявлять (заявить), называть (назвать), спрашивать (спросить) и т. д.) и является самым употребительным, распространенным.

В случае полисемии основной фразеологизм в каждом частном значении вступает в синонимические связи с новыми фразеологическими оборотами, например:

1. **Переливать (пересыпать) из пустого в порожнее** (*разг., неодобр.*), **толочь воду <в ступе>** (*разг., ирон.*), **бобы (на бобах) разводить** (*разг., неодобр.*), **лить воду** (*разг., неодобр.*), **разводить тары-бары (тары да бары)** *с кем* (*прост., неодобр.*), **разводить антимонии (антимонию)** *кому, с кем* (*прост., неодобр.*), **разводить муру** (*прост., неодобр.*), **разводить турусы на колесах** (*разг., шутл.*). Употр. при подлеж. со знач. лица. Проводить время в бессодержательных разговорах, пустой болтовне.

2. Переливать из пустого в порожнее (*разг., неодобр.*), **толочь воду (в ступе)** (*разг., ирон.,* иногда *неодобр.*), **носить (таскать, черпать) воду решетом (в решете)** (*разг., шутл.-ирон.*), **играть в бирюльки** (*разг., неодобр.*). Употр. при подлеж. со знач. лица. Заниматься заведомо ненужным, бесполезным делом; попусту тратить время.

Замыкают синонимический ряд устаревающие и устаревшие фразеологизмы, а также фразеологизмы, отличающиеся наибольшей аналитичностью, расчлененностью значения, например: **гусь лапчатый, Лиса Патрикеевна, продувная бестия, кока с соком**.

В этом синонимическом ряду с общим значением «ловкий, хитрый, изворотливый человек» первый оборот является самым распространенным, а фразеологизм **кока с соком** является устаревшим. Оборот **продувная бестия** обладает аналитическим значением (*продувной* означает «хитрый», а *бестия* — это «плут»), вследствие чего выступает в качестве своеобразного составного определения ряда и поэтому занимает в нем периферийное положение[1]. <…>

Фразеологизмы, стоящие в синонимическом ряду, приводятся в своем минимальном компонентном составе и в наиболее типичной грамматической форме: субстантивные фразеологизмы даются в форме именительного падежа, глагольные — в форме инфинитива и т. д.

Если тот или иной фразеологизм не изменяется, то он, естественно, приводится в своей единственной форме: возможны случаи, когда фразеологизм в синонимическом ряду лишь отчасти изменяется. Все эти морфологические свойства (например, изменяемость глагольного компонента в форме прошедшего времени по родам и числам, а именного — по числам) учитываются при оформлении заголовка, например:

От горшка два (три) вершка; от земли не видать (не видно); под стол пешком ходит; аршин с шапкой (*мн*. не употр.).

В необходимых случаях фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, оцениваются в стилистическом отношении[2] и с точки зрения грамматической сочетаемости.

Многие синонимические фразеологизмы связаны со словами свободного употребления по способу согласования, управления или примыкания. Грамматические указания на характер этих связей даются при каждой фразеологической единице в отдельности, например:

Плясать под дудку *чью*, **ходить по струнке** *у кого*, **ходить по одной половице** *перед кем, у кого*, **смотреть (глядеть) из рук** *чьих, кого,* **не выходить из воли** *чьей*.

Фразеологизмы, охваченные синонимическими отношениями, часто семантически реализуются при определенных словах-сопроводителях.

По большей части наречные фразеологизмы, вступающие в синонимические отношения, совпадают по своей сочетаемости и находятся в отношении полной взаимозаменяемости, например:

---

[1] Степень употребительности фразеологизма нередко выявляется на основе данных специально составленной для этого словаря картотеки.

[2] О стилистической квалификации фразеологизмов см. ниже.

В поте лица; в поте лица своего, засучив (засуча) рукава, не покладая (не покладывая, не покладаючи) рук, не разгибая спины (рук). Употр. при глаголах (преимущ. несов. в.) работать (поработать), трудиться (потрудиться) и т. п. *Обст.* <…>

В заголовке словарной статьи глагольные фразеологизмы несов. и сов. вида приводятся отдельно (и набираются разным шрифтом), например:

ВТИРАТЬ ОЧКИ *кому* (*разг., неодобр.*), **ОБВОДИТЬ ВОКРУГ (КРУГОМ) ПАЛЬЦА** *кого* (*разг.*), **ВОДИТЬ ЗА НОС** *кого* (*прост., неодобр.*), **МОРОЧИТЬ ГОЛОВУ** *кому* (*разг., неодобр.*), **БРАТЬ НА ПУШКУ** *кого* (*разг.*), **БРАТЬ НА АРАПА** *кого* (*прост.*), **ЗАГОВАРИВАТЬ ЗУБЫ** *кому* (*разг.*), **ЗАМАЗЫВАТЬ ГЛАЗА** *кому* (*груб. - прост.*), **ПУСКАТЬ ПЫЛЬ В ГЛАЗА** *кому* (*разг., неодобр.*) и т. д. *Сов.* **Втереть очки** *кому*, **обвести (обернуть, окрутить) вокруг пальца** *кого*, **взять на пушку** *кого*, **взять на арапа** *кого*, **заговорить зубы** *кому*, **заправить арапа** *кому*, **замазать глаза** *кому*, **пустить пыль в глаза** *кому* и т. д. <…>

Внутри словарной статьи (после заголовка и комментария) все варианты фразеологизмов (лексические, словообразовательные, видовые, морфологические, конструктивные и пр.)[1] даются для лучшей обозримости вразрядку, без абзаца, например:

ВИЛЯТЬ (ВЕРТЕТЬ, ЮЛИТЬ, КРУТИТЬ) ХВОСТОМ *перед кем* (*прост., неодобр.*), **ХОДИТЬ НА ЗАДНИХ ЛАПКАХ** *перед кем* (*разг., неодобр.*), **ХОДИТЬ НА ЦЫПОЧКАХ** *перед кем* (*разг., неодобр.*) и т. д. **Л** Вертеть хвостом *перед кем*… **Л** Крутить хвостом *перед кем*… и т. д. <…>

Важное место в словарной статье принадлежит семантическому комментарию к синонимическому ряду. Этот комментарий дается после общей грамматической оценки синонимического гнезда.

В комментарии сначала раскрывается общее развернутое (идеографическое) значение ряда, часто не совпадающее с индивидуальным значением того или иного оборота; вслед за этим идет пояснение смысла отдельных фразеологизмов, если они имеют оттеночные значения, например:

ВО ВЕСЬ ДУХ, ВО ВЕСЬ ОПОР, ВО ВЕСЬ МАХ, ВО ВЕСЬ КАРЬЕР, ВО ВСЕ ЛОПАТКИ (*разг.*), **ВО ВСЮ ПРЫТЬ** и т. п. С предельной скоростью. Об очень быстром, стремительном движении, перемещении кого-либо в определенном направлении. **Во весь карьер, во весь мах** — очень быстро; галопом, вскачь (чаще о беге лошади).

Стилистическая характеристика фразеологизмов осуществляется при помощи стилистических помет при каждом фразеологизме,

[1] В тексте словарной статьи варианты обозначаются соответствующими буквами: **Л**, **С**, **В**, **К** и пр. [*примеч. сост.*].

стоящем в синонимическом ряду. Соответствующие пометы характеризуют стилистическую окраску фразеологической единицы.

При выявлении стилистической окраски синонимичных фразеологизмов учитывается: а) расслоение фразеологизмов по степени их стилистической высоты и сниженности; б) наличие у фразеологизмов эмоционально-экспрессивной окрашенности и оценочного значения и в) актуальность употребления фразеологизма в современном русском литературном языке.

С точки зрения стилистической высоты фразеологизмы могут быть расчленены на нейтральные, высокие и стилистически сниженные (разговорные или просторечные). Стилистическая окраска соответствующих фразеологизмов передается пометами *разговорное, просторечное, высокое*. Между разговорными и просторечными фразеологизмами не проводится строгого разграничения. Просторечие квалифицируется в словаре как функционально-стилистическая категория, которая характеризуется повышенной экспрессивностью, непринужденностью и грубовато-сниженным содержанием.

Эмоционально-экспрессивная окраска синонимичных фразеологизмов передается с помощью таких помет, как: шутливое, ироническое, одобрительное, неодобрительное, пренебрежительное, фамильярное, грубо-фамильярное и т. п.

Так как эмоционально-экспрессивная окраска свойственна многим фразеологизмам разговорно-просторечного характера, то один и тот же фразеологизм может сопровождаться двойным (иногда тройным) рядом стилистических помет (*разг., неодобр.*; *разг., ирон.*; *прост., презр.* и т. д.), например:

ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ (*прост., неодобр.*), **ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА** (*прост., неодобр.*), **ПРОДУВНАЯ БЕСТИЯ (ШЕЛЬМА)** (*прост., неодобр.*), **КОКА С СОКОМ** (*мн.* не употр.; *устар., прост., неодобр.*). <…>

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

ВЕРСТА КОЛОМЕНСКАЯ (*мн.* не употр.; *разг., шутл.*), **КАЛАНЧА ПОЖАРНАЯ** (*мн.* не употр.; *разг., шутл.*). Человек очень высокого роста.

Не учил отец смолоду, зятю не научить, как в ***коломенскую версту*** *вытянулся, — сказал на то Патап Максимыч.* Мельников-Печерский, В лесах. *Таня за этот год так пошла в рост, что было ясно — для балета она потеряна. «Ну, куда такую* ***версту коломенскую*** *на сцену!» — думала Анна Ивановна.* В. Панова, Кружилиха. *— В отца, должно, растешь,* ***верста коломенская****.* В. Смирнов, Открытие мира. *— Господи! Ну что мне с тобой делать,* ***верста коломенская****? Журавель ты такой!* В. Шукшин, Стенька Разин. *Ты мне брось,* ***каланча пожарная****, пугать людей!* М. Бубеннов, Белая береза.

Ср. Верзила, верста, каланча, дылда, жердь, орясина (СС, 53).

А. М. Бабкин, В. В. Шендецов

Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода[1]

Brüderschaft, *нем*. «Братство». Пить Brüderschaft. Пить с кем-либо вино в знак заключения тесной дружбы. *Оба они в десятый раз пили Brüderschaft, то есть пили, запустив рука за руку… Юноша-распорядитель также выпил Brüderschaft с ними*. Тургенев, Затишье, V.

Brûler ses vaisseaux, *франц*. Сжечь корабли. Употр. в знач.: совершить поступок, делающий невозможным возврат к прежнему. — *Как вам сказать? — сказал князь холодным, скучающим тоном, — Бонапарте a brûlé ses vaisseaux, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши*. Л. Толст., Война и мир, I, 1, 1.

— Возникновение выражения связывается с поступком тирана Сицилии Агафокла (361–289), который, высадившись в Африке, сжег корабли, чем и принудил свои войска победить или погибнуть, лишив их возможности обратиться в бегство.

Terra incognita, *лат.* Неизвестная земля. 1. О неисследованных или малоизвестных странах, краях, областях и т. п. *Между тем переговоры шли своим порядком, и американцы вполне достигли своей цели — теперь им позволено торговать с Японией, и эта земля с 1854 года перестает быть для нас terra incognita.* Черныш., «Соврем.», VII, 1854 г. *Местность, пройденная экспедицией, в отдельных частях ее, представляет до сих пор вполне terra incognita, но в других частях экспедиция имела предшественников.* С. Ольденбург, Новые книги о Тибете. || О новом для кого-либо или неизвестном кому-либо городе, месте и т. п. *Она возвращалась в Москву совершенно с другими ощущениями, нежели с какими выехала оттуда четыре с половиною месяца назад. Тогда перед нею находилась terra incognita, на которую взирала она издали с большим страхом и надеждами.* Н. Макаров. Мои семидесят. восп., III, 5, 2 *Путешествие в Сибирь неизбежно, как завтрашний день, но ведь это еще не большая беда. Главное, что будет там, в той холодной стране. Пока это terra incognita.* Киров. Письмо М. Л. Маркус 21 сентября 1911 г.

2. О чужом, далеком и потому неизвестном или непонятном чьем-либо быте, образе жизни и т. п. *Придется опереться на гипотезу — это оттого, что у нас слишком мало данных для изображения частной жизни грека и римлянина, что многие отношения ее до сих пор terra incognita для новейшего изыскателя.* А. Н. Весел. Diarium. *Рассказывал он* [Некрасов] *обыкновенно много и живо. Это была живая и умная летопись литературы и жизни и притом такой жизни, которая для большинства нас — terra incognita.* Суворин, Недельные очерки и картинки. *В ней* [повести «Антон

[1] *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 2 т. М.; Л., 1966.

Горемыка»] *был описан мужик, который до этой повести был запретным плодом в русской литературе. Быт русского крестьянина был terra incognita.* Стахович, Клочки восп.

3. О слоях населения (обычно низших), о людях, чей образ жизни или психология неизвестны. *А между тем для наших патентованных педагогов русский народ, русская народная душа — большею частью terra incognita и им даже и невдомек — что на потребу народу!* И. Акс., Соч., IV, с. 746. *Если и теперь, спустя сорок лет, народная масса есть своего рода загадочный сфинкс, то в те времена она представляла из себя настоящую terra incognita.* Л. Ф. Пантелеев, Из восп. прошлого, I, XXIV. *Бóльшая часть публики видит его в романах и повестях именно тех сочинителей, для которых большой свет истинная terra incognita, Атлантида до открытия Америки Колумбом и которые рисуют большой свет по своему идеалу, добродушно веруя в сходство аляповатого списка с невиданным оригиналом.* Белин., Русск. литература в 1842 г.

4. О неисследованных или неизвестных кому-либо областях науки или ее объектах. *Подземный Киев долго был для русской археологии terra incognita. В последнее время, однако, намечаются в этом направлении некоторые шаги.* Стеллецкий, Летописные варяжские пещеры и клады. *Само собой разумеется, что и раньше московские фабрики не были для меня совершенно terra incognita: я перечитал бóльшую часть того, что о них существовало тогда в литературе.* И. И. Янжул, Восп., V. *Стоит лишь присмотреться к педагогам-словесникам, слушавшим некогда историю языка*; *попробуйте заговорить с ними, и вы увидите, что для огромного большинства их она — terra incognita.* П. О. Потапов, К вопр. о введении в курс средн. шк. истории русск. яз.

5. О незнакомой области искусства. *Вряд ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзия, особенно поэзия прошлых веков, составляет для большинства русских читателей то самое, что на старинных географических картах означалось белым местом с лаконической надписью: «terra incognita» — область неведомая.* Брюсов, Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. *Итак, в семье я не встречала поддержки и опоры в стремлении проникнуть в незнакомую область искусства, полную волшебных тайн. Но интуицией угадывала, что в этой terra incognita текут источники высоких, чистых наслаждений.* О.-Лебедева, Автобиогр., I. *Впрочем, эти* [изящные] *искусства для тогдашнего провинциального интеллигента были, в сущности, terra incognita.* П. Перцов, Литер. восп., 1.

6. О чем-либо непостижимом, непонятном, недоступном уму. *Видишь ли какая разница между прошлым и настоящим веком? Тогда еще употребляли слова «там», «туда», обозначая ими какую-то terram incognitam, которой существованию сами не верили*; *теперь и не верят никакому «там» и «туда», как бессмыслице, отвергаемой разумом, и не употребляют даже в шутку этих пустых слов.* Белин., Письмо В. П. Боткину 12 августа 1840 г. *Для нас останутся вечно неразрешенными вопросы о нас самих, о нашей природе, судьбе, будущности, цели мироздания и проч. Это настоящая непроницаемая для науки terra incognita.* Никитенко, Дн., 30 мая 1873 г. *Сколько лет прошло уже с тех пор, как нам сделалось известно, что «das Ding an und für sich selbst» для нас навсегда останется terra incognita.* Пирогов, Дн. стар. врача, 3 января 1881 г.

7. О чем-либо кому-нибудь неясном, непонятном, недоступном. *Не было, нет и не будет никогда гения, который бы один все постиг или все сделал. Так и для Гёте существовала целая сторона жизни, которая, по его немецкой натуре, осталась для него terra incognita. Эту сторону выразил Шиллер.* Белин. Стихотв. Е. Баратынского. *Так же тонко и осторожно, как за воображением, следил он за сердцем. Здесь, часто оступаясь, он должен был сознаваться, что сфера сердечных отправлений была еще terra incognita. Он горячо благодарил судьбу, если в этой неведомой области удавалось ему заблаговременно различить нарумяненную ложь от бледной истины.* Гончаров, Обломов, II, 2. <…>

— Выражение представляет собой надпись на старинных географических картах и глобусах на белом месте, означающем неизвестную землю.

Вопросы и задания к разделу

1. Что является объектом описания во фразеологических словарях? Приведите конкретные примеры, учитывая разные виды фразеологических словарей.
2. Каковы принципы расположения языкового материала во фразеологических словарях?
3. В чем проявляются особенности структуры словарной статьи в разных видах фразеологических словарей? (Для ответа используйте приведенные образцы словарных статей.)
4. Из Словаря фразеологических синонимов русского языка под ред. В. П. Жукова выпишите синонимические ряды фразеологизмов со значением ‘много’, ‘бояться’, укажите различия между синонимами в каждом синонимическом ряду.
5. Объясните происхождение фразеологизмов *стричь под одну гребенку*, *на руку нечист*, *до лампочки*, *золотая середина*.

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ

Л. А. Новиков

Типология учебных словарей[1]

1. В чем смысл термина «учебный словарь»?

<…> Под учебными словарями обычно понимаются словари, основным и главным назначением которых является о б у ч е н и е языку. Термин «учебный» по отношению к словарям можно употреблять, по крайней мере, в двух основных смыслах: а) как обозначение любого типа словаря, предназначенного для обучения, — самостоятельного (толкового, тематического, сочетаемости слов, словообразовательного и др.) или вспомогательного (составной части учебника, учебного пособия и т. п.), б) как название своеобразного «учебника лексики», в котором применительно к каждому слову давались бы его четкое толкование, грамматическая и стилистическая характеристики, указывались бы основные парадигматические характеристики (связь с тематически родственными словами, синонимы, антонимы, словообразовательные ряды и др.) и основные правила употребления этого слова в речи (т. е. синтагматические свойства этого слова, правила его грамматической и лексической сочетаемости с другими словами и др.). Иными словами, такой словарь, являясь «учебником лексики», должен содержать все существенные правила употребления важнейших для данной цели обучения слов. <…>

2. Языковой материал учебных словарей

Учебную лексикографию по сравнению с академической можно определить как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности. Характер учебных словарей определяется соответствующей методической направленностью, ориентацией на тот или иной этап обучения, целями и задачами обучения, национальностью учащихся и т. п. Особенности учебного словаря проявляются, прежде всего, в составе его словника, в специфическом, целенаправленном отборе языкового материала. Состав и содержание словаря должны иметь минимально-достаточный характер: это может быть достигнуто путем строгого учета частотности слов в их основных значениях, грамматических форм и синтаксических конструкций,

[1] Учебные словари русского языка: сб. ст. Второго Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Болгария, Варна 3–8 сентября. 1973.

путем отбора тематически наиболее существенных слов и сочетаний слов, а также тщательной проверки покрываемости словарем основных тем и речевых ситуаций.

В сущности любой учебный словарь представляет собой широко понимаемый лексический минимум. Природа же лексического минимума такова, что он содержит в себе внутреннее диалектическое противоречие. Лексический минимум должен, с одной стороны, покрывать и «обслуживать», по возможности, все тексты определенной трудности, определенного профиля и т. п., оставаться именно минимумом и не быть слишком конкретным, а с другой стороны — быть практически приложимым к любому тексту данного рода, т. е. содержать необходимый конкретный материал. Такую задачу не в состоянии решить ни частотный, ни тематический, ни ситуативный и иные словари, взятые отдельно. Только введение в словарь различных по своей природе категорий слов (структурных, частотных, тематических, ситуативных), взятых в определенных соотношениях, пропорциях, позволяет решать в процессе обучения весьма разнообразные по своему характеру задачи: например, с одной стороны, обеспечить понимание широкого круга текстов определенного характера, а с другой — надежно и прочно «привязать» лексический минимум (учебный словарь) к вполне конкретному тексту, данной ситуации.

Слова включаются в словарь «на разных правах», при этом основания для такого включения бывают весьма различными; сами же слова образуют ряд классов, представляющих собой основные компоненты лексического минимума, вводимые в него на разных «уровнях». Это, прежде всего: а) структурные слова (*и*, *а*, *но*, *или*, *который*, *что*, *не*, *в*, *на* и др.), образующие «грамматический каркас» языка; такие слова широко используются в любом тексте, это — высокочастотные, высокоранговые слова; б) частотные знаменательные слова (*дело*, *время*, *человек*, *большой*, *хороший*, *работать*, *говорить*, *видеть* и др.), которые используются в большом количестве текстов и потому находятся в «слабой» связи с определенными темами, ситуациями; такие слова, как правило, не заполняют даже в существенных чертах ту или иную тему, оказываются не вполне достаточными для реализации той или иной речевой ситуации; в) тематические, ситуативные слова, находящиеся в «сильной» связи с определенной темой (ситуацией) и обеспечивающие ее наполнение; такие слова не обладают высокой частотностью; как конкретно-тематические слова они употребляются в ограниченных речевых ситуациях, но являются необходимыми для их реализации; таковы, например, низкочастотные слова *вилка*, *ложка*, *соль*, *суп*, *щи*, *каша*, *заказывать* (*обед*) и т. п., обязательные для описания темы «Обед» и для раскрытия соответствующих ситуаций.

Таким образом, содержание учебного словаря представляет собой весьма сложную методическую организацию лексики, своеобразную

систему, составные компоненты которой проявляются mutatis mutandis в учебных словарях различного объема, характера и назначения. Благодаря тому, что «компоненты» (классы слов) словаря выделяются по разным основаниям и лежат на различных «уровнях», учебный словарь может отвечать разнообразным задачам обучения, так как он содержит внутренние, связанные функционально и взаимодополняющие друг друга структурные (т. е. грамматически необходимые), общеупотребительные и тематически (ситуативно) важные слова. <…>

Другой проблемой, которая не обсуждается здесь, является вопрос об объеме словника, его «нижнем» и «верхнем» количественном пределе в различных типах словарей. <…>

3. Специфика структурных компонентов учебного словаря

Другие специфические особенности учебных словарей в их сопоставлении с «большими» словарями (академическими, словарями-справочниками большого объема, рассчитанными на носителей языка и т. п.) проявляются в характере структурных компонентов первых: в толкованиях (семантизации) лексических единиц, а также способах и приемах раскрытия парадигматических и синтагматических свойств и отношений этих единиц.

Семантизация лексических единиц является важным структурным компонентом большинства учебных словарей и главным — в толковом (базисном) словаре. В словарях, предназначенных для иностранцев, толкование должно осуществляться на основе ограниченного количества исходных, неопределяемых и хорошо знакомых учащимся слов, представляющих собой «объяснительный минимум» или «минимальный словарь». Составители учебных словарей обычно и пользуются таким (хотя и далеко не всегда и не во всем совершенным) объяснительным минимумом. В словаре английского языка М. Уэста для объяснения 24 000 слов используются 1490 исходных, в словаре Ж. Гугенейма семантика основной лексики французского языка раскрывается с помощью 1374 слов элементарного словаря и 55 слов-определителей. Одна из первых попыток истолковать значения важнейших слов русского языка исходя из элементарных слов и понятий принадлежит И. Кошарашу и Е. Фенвеши-Коняевой[1].

Определение в учебном словаре должно быть по возможности кратким, наглядным и непосредственно сводимым к элементарным словам. В одном из толковых словарей русского языка существительное *семья* определяется, например, в своем главном значении как «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близ-

[1] Значительный опыт подобного толкования накоплен в подготовленном в Научно-методическом центре русского языка при МГУ учебном словаре сочетаемости слов русского языка, а также в толковом словаре русского языка для иностранцев, составленном в словарном секторе Института языкознания АН СССР в Ленинграде.

ких родственников, живущих вместе». Каждое из одиннадцати знаменательных слов раскрывается в этом же словаре с помощью соответствующих цепочек слов. При таком подходе к разъяснению значения слов учащийся постоянно сталкивается с порочным кругом в определении, с такими словами в определении, которые являются семантически более сложными и часто даже менее употребительными, чем определяемое слово. Такая семантизация недопустима в словаре учебного типа. А в упомянутом словаре Ж. Гугенейма соответствующее слово *семья* (*famille*) определяется посредством всего трех знаменательных слов (*семья* — «отец, мать и дети») и сводится в конечном итоге к элементарным исходным словам: *отец* — «тот, у кого есть дети», *мать* — «женщина, у которой есть дети», *ребенок* (*мн. дети*) — «сын или дочь кого-нибудь». Такое определение вполне оправдано учебными целями и характером словаря, а главное, непосредственно сводимо к элементарным понятиям.

Можно указать и на целый ряд других эффективных способов семантизации слов при изучении русского языка как иностранного: определение общих, отвлеченных понятий через частные, конкретные, более простые для восприятия (*время* — «год, месяц, час и т. д.»); разграничение семантически близких (а потому часто смешиваемых при употреблении) слов с помощью характерного, бросающегося в глаза дифференциального признака: *варить* — «готовить пищу (обязательно с водой)», *жарить* — «приготовлять пищу на огне (без воды)»; определение значений слов с помощью рисунков и схем, перевода на родной язык учащихся и др.

Практика составления учебных словарей различных языков показывает, что нередко определения слов, составленные на основе «объяснительного минимума», носят искусственный, а иногда и недостаточно определенный характер, не достигают желаемого результата. Это обстоятельство не должно приводить, как это иногда имеет место, к скептическому отношению к самой идее построить определения слов на основе ограниченного минимума лексических единиц. Как показывает анализ таких неадекватных определений, их недостатки объясняются не принятым методом семантизации, а недостаточно высоким качеством выполненной работы, тем, что оптимальный способ толкования оказался пока не найденным. Определения слов, для которых еще нет такого толкования, могут иметь самый общий характер. Семантика подобных слов конкретизируется путем показа их употребления в речи. Характерно, что акад. Л. В. Щерба «не стремился к каким-либо особенно точным и широким определениям слов, к строгости их формулировок. В определениях его отмечалась скорее общая идея значения, чем точное значение, которое выяснялось в каждом слове через показ всей системы его оттенков и их применения в речи…». Здесь мы уже переходим к харктеристике другого структурно важного компонента — способов и приемов показа синтагматических отношений слов.

Показ синтагматических связей лексических единиц приобретает в учебных словарях (начиная от специальных словарей сочетаемости слов и кончая словарями-справочниками «пассивного» типа) особенное значение. Специфические методы и приемы подачи синтагматических связей языковых единиц выступают также в качестве одного из постоянных структурных компнентов учебных словарей.

Хорошо известно, что даже неплохое знание основного «инвентаря» лексики далеко не всегда обеспечивает возможность правильного употребления слов в речи. При этом очень часто под влиянием родного языка иностранные учащиеся образуют сочетания, не свойственные русскому языку. Надо сказать, что «большие» словари — при всей их бесспорной ценности и важности для изучения русского языка — очень часто оказываются плохими помощниками, так как не дают необходимых иностранцу сведений об употреблении слова, например о его лексической сочетаемости. Здесь-то и ощущается острая потребность в словаре учебного типа, содержащем в качестве особого структурного компонента цепочки наиболее характерных, нормативных связей слов.

Указанный компонент (специфическая разработка синтагматики) является существенным различительным признаком в противопоставлении «общий (неучебный) словарь — учебный словарь». Так, например, учебный словарь синонимов должен отличаться от обычного именно тем, что в первом с необходимостью будут представлены важнейшие контексты, в которых слова могут употребляться, замещая друг друга, как синонимы (в тождественном или близком значении), с одной стороны, и в которых они не выступают как синонимы — с другой, в то время как в обычном синонимическом словаре мы в лучшем случае найдем отдельные иллюстрации употребления таких слов. То же самое следует сказать в отношении противопоставления других словарей.

Показ парадигматических отношений лексических единиц в учебном словаре должен быть органически связан с демонстрацией сочетаемости слов, их синтагматических свойств, так как система в лексике складывается именно на пересечении этих двух ее измерений «по вертикали» и «по горизонтали».

Этот структурный компонент присущ (в чистом и менее явно выраженном виде) всем учебным словарям и прежде всего словарям парадигматического типа: тематическим, синонимическим, антонимическим и др., представляющим наборы парадигм тематически родственных слов, синонимов, антонимов, — а также толковым (базисным) словарям, в которых значения многозначного слова (лексико-семантические варианты) также представляют собой определенные парадигмы, например: стол$_1$ «предмет мебели»=стол$_2$ «еда»=стол$_3$ «отделение в учреждении». Специфика парадигматической подачи лексических единиц в учебном словаре состоит в

четком противопоставлении их по семантике, в их наглядной группировке и мотивированном расположении (особенно в тематическом, идеографическом словаре).

Парадигматический компонент присущ и другим типам словарей, например хорошо составленному комплексному словарю. Здесь при характеристике слова в том или ином значении важно не только показать, с какими словами сочетается в речи данное слово, но и поставить его в ряд с ближайшими соседями по парадигме — синонимами, антонимами, тематически близкими словами, что, безусловно, способствует более эффективному усвоению лексики.

Таковы в самых общих чертах наиболее важные специфические компоненты, свойственные в различной степени разным учебным словарям.

4. Основные типы учебных словарей

Типы учебных словарей определяются целым рядом факторов, например: основными целями и задачами обучения, этапом обучения, национальностью учащихся, преимущественным аспектом описания лексики (сочетаемость слов, семантическая близость слов, группировка по темам, «смыслам», словообразовательная структура и др.) и т. д. Если иметь в виду также, что учебные словари очень часто являются комбинированными, комплексными, то нетрудно представить себе, что возможное количество типов учебных словарей весьма значительно. Однако для выявления общей типологии, основных, так сказать, «чистых» видов таких словарей (и их комбинаций) достаточно воспользоваться всего несколькими противопоставлениями, аналогичными тем, которые предложил в работе «Опыт общей теории лексикографии» акад. Л. В. Щерба.

<…> В качестве таких основных противопоставлений словарей рассматриваются следующие: парадигматический — синтагматический, семасиологический — ономасиологичесий, одноязычный — двуязычный, некомбинированный — комбинированный. Внутри этих основных противопоставлений возможна более частная систематизация учебных словарей в зависимости от того, что является преимущественным объектом описания: употребительность слов (их частотность, ситуативная необходимость), их семантика, словообразовательная структура и др.

а. Противопоставление первое: парадигматический словарь — синтагматический словарь

Парадигматический словарь в его «чистом» виде представляет собой набор парадигм, лексико-семантических вариантов слов (толковый словарь), синонимических рядов (словарь синонимов), антонимических противопоставлений (словарь антонимов), сходных по звуковому составу слов (словарь паронимов) и др., расположенных в алфавитном порядке (для синонимического словаря, например, по доминантным словам). В качестве примера такого словаря можно указать на «Учебный словарь синонимов русского литературного

языка» В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского. Он представляет собой простой перечень синонимических рядов (парадигм), например: **граница** — *грань*, *рубеж*, *край*, *мера*, *межа*, *предел*; **граничить** — *соприкасаться*, *прилегать*, *примыкать*, *быть смежным* и т. п.

К типу парадигматического словаря следует отнести и «Essential Russian-English Dictionary», составленный Б. Г. Анпилоговой, Е. Ю. Владимирским, В. И. Зиминым и Э. Ю. Сосенко, несмотря на наличие в нем отдельных иллюстраций употребления слова в разных значениях: **номер** — I. number. *Номер дома*. *Номер трамвая*. *Номер телефона*; 2. issue. *Апрельский номер журнала*; 3. room. *Номер в гостинице*; 4. size. *Номер ботинок*, *перчаток*; 5. item. *Номер в концертной программе*. *Цирковой номер*. *Исполнить номер*. Эти иллюстрации используются здесь скорее для разграничения значений слова, чем для показа синтагматических свойств слов.

Другим примером парадигматического словаря является толковый словарь русского языка для иностранцев (под редакцией В. В. Розановой).

Основная цель словарей второго типа (синтагматических) заключается, прежде всего, в раскрытии по возможности полного (в заданных пределах) употребления слов в речи (которые и здесь располагаются в алфавитном порядке). Вот как выглядит, например, одна из словарных статей «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка»: **магазин**, *род*., магазина, *м*. Помещение, в котором продают что-либо. (*Не*) *большой*, *огромный*, *хороший*, *плохой*, *продовольственный*, *промтоварный*, *универсальный*, *специализированный*, *хлебный*, *мясной*, *молочный*, *рыбный*, *табачный*, *хозяйственный*, *мебельный*, *обувной*, *книжный*, *букинистический*, *ювелирный*, *цветочный… магазин*.

Магазин чего: *женской* (*мужской*) *одежды*, *готового платья*, *обуви* (=*обувной магазин*), *подарков*, *спорттоваров*, *электротоваров*.

Директор, *продавец*, *отдел*, *витрина*, *адрес*, *телефон магазина. Заведующий магазином.*

В магазин / *идти ~, пойти ~, зайти ~, заглянуть ~, сходить ~, войти ~…*/. *В магазине* / *работать ~, купить что-либо ~* /. *Из магазина* /*выйти ~* /. *К магазину* / *подойти ~, пройти ~, проехать ~* /. *По магазинам* / *ходить ~, бегать ~* /.

Магазин открыт, *закрыт* (*на обед*, *на ремонт*, *на учет*), *находится где-либо*, *работает с 10 до 19 часов*, *торгует* (=*работает*) *с 10 до 19 часов.*

○*Вы не подскажете*, *как пройти к ближайшему букинистическому магазину? Он целый день ходил по магазинам*, *но так ничего и не купил. Где вы покупали яблоки*, *в магазине или на рынке*?

◊ *Дежурный магазин* — такой, который работает дольше, чем большинство других, или в дни, когда другие не работают. *Диети-*

ческий магазин — такой, в котором продают диетические продукты. *Комиссионный магазин* — такой, в котором покупают вещи и снова продают их. Магазин самообслуживания — такой, в котором нет продавцов и покупатели сами выбирают товары, а потом платят за них. *Магазин* «*Детский мир*» — такой, в котором продаются товары для детей. *Магазин* «*Гастроном*» — большой продовольственный магазин. *Универмаг* — универсальный магазин. *Государственный универсальный магазин* (*ГУМ*), *Центральный универсальный магазин* (*ЦУМ*) — большие универсальные магазины в Москве. «*Мясо*», «*Рыба*», «*Молоко*», «*Овощи — фрукты*», «*Бакалея*», «*Ткани*», «*Одежда*», «*Часы*», «*Канцелярские принадлежности*», «*Синтетика*», «*Фототовары*», «*Спорттовары*», «*Культтовары*», «*Подарки*», «*Дом обуви*», «*Тысяча мелочей*» и др. — названия магазинов.

В качестве других примеров словаря синтагматического типа сошлемся на учебный по своему характеру словарь «Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch», herausgegeben von E. Agricola, Leipzig, 1962; «The Word Finder». Compiled and edited by J. I. Rodale, Pensylvania, 1953.

Важно подчеркнуть (как для данного, так и для последующих противопоставлений), что многие словари (особенно комбинированного типа) совмещают в себе в той или иной степени черты противопоставляемых здесь типов словарей. Однако такое совмещение практически возможно только до известных пределов. На крайних пол. сах такого противопоставления оказываются специализированные парадигматический и синтагматический словари в их «чистом» виде. Примером первого, напомним, может служить словарь синонимов В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского, где дается только парадигматика синонимов, примером второго — «Словоискатель» Дж. Роудела, где представлена только синтагматика слов, без всякой их парадигматической характеристики.

б. Противопоставление второе: семасиологический словарь — ономасиологический словарь.

Это противопоставление связывается с двумя подходами к описанию языка в лингвистике — от формы к значению и от значения к форме выражения — и с выработкой двух основных речевых умений в методике — рецептивного (т. е. умения понимать устную и письменную речь) и продуктивного (т. е. умения выражать свои мысли в устной и письменной форме). Иными словами, это противопоставление словаря слушающего (читающего) и словаря говорящего (пишущего). В первом случае обычно говорят о словарях «пассивного» типа, во втором — о словарях «активного» типа, что верно, разумеется, только с определенной оговоркой. Во-первых, различие «пассивного» и «активного» словарей проходит не только через противопоставление «семасиологический — ономасиологический». В этом смысле не менее «активен» по сравнению с ономасиологи-

ческим синтагматический словарь (см. противопоставление первое). Во-вторых, любой вид речевой деятельности (а, значит, и обслуживающий его словарь) предполагает активность, в том числе слушание и чтение.

Основное различие семасиологического (например, толкового) и ономасиологического словарей заключается в том, что в первом слова (в их значениях) располагаются в алфавитном порядке, а во втором — слова-значения оказываются распределенными иначе — по классам, подклассам, группам и рядам, выражающим систему понятий или отдельное понятие. В первом случае пользующийся словарем определяет, что значит то или иное слово, находя его по алфавиту, во втором — узнает, какими языковыми средствами выражается то или иное понятие, содержание.

Ономасиологический словарь в наиболее явном виде представлен такими словарями, как идеографический, тематический (имеющий в отличие от первого более утилитарный, учебный характер), словарь аналогий, словарь ситуаций, и некоторыми другими. В мировой лексикографии разработано несколько типов таких словарей, ср. хотя бы: P. M. Roget. Thesaurus of English Words and Phrases (издавался несколько раз начиная с 1852 года); Ch. Maquet. Dictionnaire analogique, Paris, 1936; F. Dornseiff. Der deutche Wortschatz nach Sashgruppen, Berlin, 1959; J. Casares. Diccionario ideológico de la lengua española, Barselona, 1957.

В качестве примера тематического словаря русского языка укажем на словарь К. Бабова и А. Воргулева (К. Бабов, А. Воргулев. Тематичен руско-български речник, София, 1961). Языковой материал в этом словаре расположен по таким основным темам, как «Человеческое общество», «Человек», «Жилище», «Забота о человеке», «Экономика», «Просвещение и культура», «Физкультура и спорт», «Природа». Каждая из этих основных тем делится на подтемы; например, тема «Человек» включает следующие подтемы: «Развитие человека», «Тело человека», «Психические свойства личности», «Семья»; подтемы, в свою очередь, имеют более подробную классификацию, например «Психические свойства личности»: «Интеллект», «Эмоциональные переживания», «Темперамент», «Характер», «Волевые черты характера». Наконец, путем последовательного деления понятий авторы словаря получают элементарные тематические группы, например: **радость**, **смех**, **печаль**, **плач**, **любовь**, **проявление любви**, **ненависть**, **гордость**, **стыд**, **гнев**, **апатия**, **бодрость**, **уныние**, **смелость**, **страх** («Чувства и переживания»). Каждая из тематических групп представлена конкретным списком слов: например, **любовь** — *первая любовь*, *симпатия*, *влечение*, *увлечение*, *влюбленность*, *боготворение*, *обожание*, *любовный*, *любовный взгляд*, *влюбленный*, *увлеченный*, *влюбчивый*, *любить*, *полюбить*, *люблю свою родину*, *он полюбил новую работу*, *привязываться / привязаться* к кому-чему, *он привязался к товарищам*, *чувствовать /*

почувствовать склонность к кому, *чувствовать большую симпатию* к кому, *увлекаться / увлечься* кем-чем, *увлекся девушкой*, *влюбляться / влюбиться* в кого-что, *он влюбился в нее по уши* (разг.), *он влюбился без памяти*, *боготворить*, *обожать*, *преклоняться* перед кем (высок.). <…>

Важнейшей и давно назревшей задачей является создание другого типа ономасиологического словаря — ситуативного словаря (или серии таких пособий). Такой словарь должен содержать лексику (и конструкции), строго необходимую для реализации определенных ситуаций. Особая ценность таких словарей заключается, между прочим, в том, что они содержат не только употребительную (частотную) лексику, но и, что не менее важно для методики преподавания иностранного языка, конкретные слова «резервного, наличного» словаря (vocabulaire disponible). <…> Наиболее близко к типу такого словаря стоят разговорники. Однако у них, как правило, нет хорошо продуманной научно-методической основы. Необходимым компонентом ситуативного словаря являются страноведчески достоверные изображения реалий и обстановки, в которой реализуется определенная ситуация.

в. Противопоставление третье: одноязычный словарь — двуязычный словарь

Это противопоставление является наиболее очевидным и подробно описано Л. В. Щербой как противопоставление «толковый словарь — переводной словарь». Примером такого противопоставления могут служить одноязычный, толковый по своему характеру, словарь И. Кошараша и Е. Феньвеши-Коняевой и «Краткий русско-французский учебный словарь» А. А. Зализняка (издание второе, М., 1964); ср. в первом словаре: **бумага** — I. Материал, на котором пишут. *Белая, чистая, толстая, тонкая*; *писать на бумаге*; *дать, брать, покупать*; *бумага в клетку, бумага для черчения. На этой бумаге я рисую*. 2. Письменный документ. *Покажите ваши бумаги*!; во втором словаре: **бумага** — I. papier; *промокательная* ~a papier buvard; *писчая* ~a papier a écrire; 2. мн.: ~и papiers; *ценные* ~и titres, valeurs; ◊ оставаться только на ~e être seulement sur le papier.

Как видно, одно из самых существенных различий таких словарей заключается в способе семантизации, толкования значений слов и выражений: в первом случае оно осуществляется с помощью «объяснительного минимума» русского языка <…>, во втором — с помощью перевода на родной язык учащихся или язык-посредник (в данном случае — на французский).

Недостатком многих двуязычных (переводных) словарей является то, что их составители нередко исходят из ошибочного предположения об адекватности систем понятий различных языков. Это приводит к ошибкам, вызванным целым рядом причин, например, интерференцией. Л. В. Щерба неоднократно отмечал, что «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов,

а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте». Поэтому, продолжал он, хороший педагог советует своим ученикам скорее переходить к пользованию толковым словарем иностранного языка. Однако Л. В. Щерба не отвергал сам тип учебного переводного словаря, считая его необходимым «для людей, не очень хорошо знающих иностранный язык, которым тем не менее приходится время от времени что-либо переводить на этот язык».

Недостатки двуязычных словарей могут быть в значительной степени компенсированы показом употребления слова в речи, что в конечном итоге дает представление о реальном смысловом объеме (в сравнении с соответствующим словом в родном языке учащихся). Именно по такому пути идут многие составители двуязычных словарей, например, Й. Влчек в своем «Русско-чешском словаре» (М., 1968): **бумаг/а** — I. papír; *писчая* ~a papír na psaní; *почтовая* ~a dopisní papír; *оберточная* ~a babicí papír; *светочувствительная* ~a fotografický papir; *наждачная* a smirkový papír; *промокательная* ~a sací papír, pijá́k; 2. ~и чаще мн. (документы) doklady мн. papíry; *деловая* ~a listina, dokument; *ценные* ~и cenne papíry.

Другой характерной особенностью пары «одноязычный — двуязычный словарь» являются вполне определенный, свойственный только данным языкам отбор и соответствующее описание языкового материала, основанные на конфронтации этих языков, на учете специфических трудностей при переходе от одного языка к другому.

г. Противопоставление четвертое: некомбинированный словарь — комбинированный словарь

Как мы видели, компоненты учебных словарей (состава их языкового материала, структуры и т. д.), как и основные противопоставления самих типов таких словарей, отражают, с одной стороны, разные стороны и «измерения» лексической системы, а с другой — различные аспекты ее изучения и методической организации.

Стремление отразить различные стороны, свойства и отношения слов в языке — что позволяет лучше и полнее усвоить необходимые лексические единицы — практически приводит к тому, что наиболее распространенным типом учебного словаря оказывается комбинированный (комплексный) словарь (см. об этом статьи Д. Э. Розенталя, В. Г. Гака, П. Н. Денисова, И. К. Сазоновой и др. в дискуссии по учебной лексикографии. Учебный словарь оказывается системой различных комбинаций тех основных параметров, которые были вскрыты в чистом виде как его типологические характеристики в противопоставлениях а), б) и в). Различная комбинация таких типовых характеристик (дифференциальных признаков словарей) в сочетании с дополнительными характеристиками иного типа, лежащими в другом плане (преимущественный аспект описания: употребление слов — частотность, ситуативность, семантика слов,

их словообразовательная структура, синтаксические связи и др.), и создает типологическую «сетку» учебных словарей, которая должна быть всесторонне обсуждена, а потом и «заполнена» реальными словарями, прежде всего теми, которые имеют наибольшее практическое значение.

С этой точки зрения каждый словарь может представлять либо некомбинированный, чистый тип, либо комбинированный.

Толковый (базисный) словарь, например, соединяет в себе типологические признаки парадигматического и синтагматического словаря (ср., с одной стороны, семантическую и грамматическую характеристику вариантов слова, а с другой — показ некоторых типовых словоупотреблений), являясь по другому противопоставлению словарем семасиологического типа (с алфавитным расположением слов); по характеру толкования он одноязычный: см., например, упомянутый выше словарь И. Кошараша и Е. Феньвеши-Коняевой.

Учебный тематический словарь, предусматривающий показ того, как функционируют в речи понятийно близкие слова-значения (т. е. дающий не только смысловую группировку слов, но и их важнейшую сочетаемость), должен также представлять собой комплексный словарь: это ономасиологический словарь синтагматического типа (так сказать, дважды активный). <…>

Словообразовательный словарь, иллюстрирующий морфемный состав слов, относится к типу семасиологического и парадигматического словаря. Словарь, раскрывающий законы сочетаемости морфем и располагающий их в определенной алфавитной последовательности, будет совмещать в себе признаки парадигматического и синтагматического словарей.

Важную лексикографическую задачу представляет собой создание серии грамматических словарей, прежде всего словарей синтаксической валентности и управления. <…>

Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев)[1]

ветка

ВЕ́ТК|А, -и, *мн.* ве́т|ки, -ок, -кам, *ж.* Часть дерева, куста, идущая в сторону от ствола; ветвь (ср. **Сук**) [branch; branche; rama; Zweig]. *Ве́тка сире́ни. Слома́ть ве́тку. Пти́ца сиди́т на ве́тке.*

[1] Краткий толковый словарь русского языка: для иностранцев / под ред. В. В. Розановой. М., 1978.

ВЕ́ШАЛК|А, -и, *мн.* ве́шал|ки, -ок, -кам, *ж.* Приспособление, на которое вешают пальто, платья, шляпы и т. д. [(hall-)stand, hat-stand, peg, dress-hanger; portemanteau, bride; percha; Kleiderstander, Kleiderhaken, Kleiderbiigel]. *Повéсить пальтó на вéшалку. Вéшалка для плáтья.*

ВИ́ЛК|А, -и, *мн.* ви́л|ки, -ок, -кам, *ж.* Приспособление, которым берут куски пищи и едят (ср. **Ложка**) [fork; fourchette; tenedor; Gabel]. *Подáть ножи́ и ви́лки. Есть ви́лкой.*

ВИНОГРА́Д, -а (*мн.* нет), *м.* Растение со сладкими ягодами, а также сами ягоды [grapes, vine; vigne; uva, vid; Weintraube(n)]. *Спéлый виногрáд. Около дóма растёт виногрáд.* | **Виноградн|ый**, -ая, ое, -ые. *Виногрáдный лист. Виногрáдное винó.*

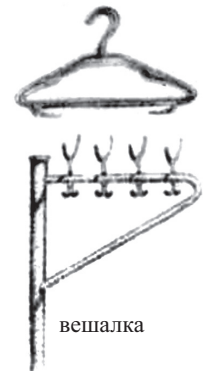
ДРОВА́, дров, дровáм, *мн.* Куски дерева, которыми топят печь [firewood; bois; lena; Brennholz]. *Сухи́е, берёзовые дровá. Топи́ть печь дровáми.*

ДУБ, -а, *предл.* на ду́бе, на дубу́, *мн.* дуб|ы́, - о́в, *м.* Крупное лиственное дерево [oak; chêne; roble; Eiche]. *Стáрый дуб. В пáрке росли́ дубы́ и берёзы.* | **Дубо́в|ый**, -ая, -ое, -ые. *Дубо́вый стол.*

ДУШ, -а, *м.* Приспособление, под которым моются. *Мы́ться под ду́шем. Но́мер* (в гостинице) *с ду́шем.* (**Принимать (принять) душ** см. **Принимать.**

ДЫ́Н|Я, -и, *ж.* Большой плод южного растения, сладкий и мягкий внутри [melon; melon; melon; Zuckermelone]. *Спéлая ды́ня. Есть ды́ню.*

Ёлк|а, -и, *мн.* ёлки, ёлок, ёлкам, *ж.* **1.** Ель. *Около дóма рослá ёлка.* **2.** Ель, которую перед Новым годом украшают и ставят в комнате; детский ново-


вешалка

вилка

виноград

дрова

душ

дуб

дыня

елка

годний праздник. *Новогóдняя ёлка. Украсúть ёлку. Прийтú в шкóлу на ёлку.*

парашют

НАВЕ́РНО(Е), *вводн. слово*. Вероятно [probably; probablement; probablemente; wohl, wahrscheinlich]. *Навéрное, он сегóдня не придёт. Навéрно, э́то вáша сестрá?*

НАВСЕГДА́, *нареч.* На всё время, на всю жизнь [for ever; pour toujours; para siempre; für immer]. *Навсегдá расстáться, забы́ть, запóмнить. Я навсегдá уезжáю отсю́да.*

паровоз

НАД и **НАДО** (перед некоторыми словами с двумя согласными в начале: *надо лбóм, надо мнóй*), *предлог с творительным падежом.* **1.** Указывает на расположение выше кого-чего-н. (ср. **Под** *с вин.* и *твор. пад.* в 1-м знач.). *Лáмпа висúт над столóмм. Над óзером летáют птúцы.* **2.** Указывает на объект действия. *Рабóтать над статьёй. Дýмать над научной проблéмой.*

ПАРАШЮ́Т, -а, *м.* Устройство для прыжка или спуска груза с летящего самолёта. *Пры́гнуть с парашю́том. Спустúться на парашю́те.*

парус

ПАРОВО́З, -а, *м.* Машина, которая с помощью пара приводит в движение поезд [steam-engine; locomotive; locomotora; Lokomotive]. *Паровóз с вагóнами.*

лодка с парусом

ПАРОХО́Д, -а, *м.* Судно, которое двигается с помощью пара [steamship; bateau a vapeur; vapor; 'Dampfer]. *Купúть билéты на парохóд. Éхать на парохóде.*

ПА́РУС, -а, *мн.* парус|á, -óв, *м*. Кусок ткани на мачте, с помощью которого при ветре двигается судно [sail; voile; vela; Segel]. *Лóдка с пáрусом*.

ПОНИМА́|ТЬ, -ю. –ешь, -ют, *несов.*; **поня́ть**, пойм|у́, -ёшь, -у́т, *прош.* по́нял, поняла́, по́нял|о, -и, *сов.*; *перех.* **1.** Обладать пониманием, достигать понимания чего-н. [understand; comprendre; comprender; verstehen]. *Понима́ть ру́сский язы́к. Поня́ть объясне́ние учи́теля. Я вас не по́нял.* **2.** (только *несов.*; также *в чём*) Иметь знания, разбираться в чём-н. *Понима́ть му́зыку, иску́сство. Он ма́ло понима́ет в те́хнике.*

ПОСВЯЩА́|ТЬ, -ю, –ешь, -ют, *несов.*; **посвя|ти́ть**, -щу́, –ти́шь, -тя́т, *сов.*; *перех. кому-чему*. **1.** Отдавать чему-н., тратить на что-н. (время. силы и т. д.) [devote; consacrer, vouer; consagrar; widmen]. *Посвяти́ть свою́ жизнь нау́ке. Посвяти́ть все си́лы борьбе́ за ми́р. Посвяща́ть мно́го вре́мени де́тям.* **2.** Создавать или устраивать в честь кого-, чего-н. *Посвяти́ть стихи́ дру́гу. Посвяти́ть карти́ну па́мяти учи́теля. Торже́ственный ве́чер, посвящённый годовщи́не Вели́кой Октя́брьской социалисти́ческой револю́ции.*

ПУСТЬ (ПУСКА́Й), частица. Употр. для выражения приказания или согласия, разрешения. *Пусть он сде́лает э́то сего́дня. — Мо́жно ему́ войти́? — Пуска́й войдёт.*

РАД, -а, -о, -ы, *в знач. сказ., кому-чему, с неопр.* и *с союзом* «что». Кто-н. испытывает радость, удовольствие от чего-н. [glad; content, heureux; contento; froh]. *Я вам о́чень рад. Рад вас ви́деть. Я ра́да, что вы пришли́. Мы ра́ды ва́шим успе́хам.*

РА́ДИ, *предлог с родительным падежом*. Для кого-н., в интересах кого-, чего-н. *Жить ра́ди дете́й. Рабо́тать ра́ди о́бщего бла́га. Я прие́хал ра́ди него́.*

Вопросы и задания к разделу

1. Каково назначение учебных словарей разных типов?
2. Перечислите основные компоненты учебного словаря.
3. Расскажите о недостатках и достоинствах двуязычных словарей.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ

В. В. Колесов

Язык и ментальность[1]

Часть I
ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Глава 3. Основные признаки ментальности в языке

Обстоятельства социальной, политической и культурной жизни русских людей на протяжении последнего тысячелетия обусловили развитие основных принципов мировосприятия и идеологии. Долгий период «двойничества» и мировоззренческого дуализма, сосуществования христианских и языческих черт сказался и на сложении «русской веры» *(Slavia Orthodoxa),* и на необходимости выбирать из двух бед меньшую, и на противоречиях, возникавших между природной и социальной средой обитания, и на подчинении общества государству — таковы в кратком перечислении только некоторые особенности русской жизни.

Физически существуя в трехмерном пространстве, духовно русский человек находился в психологическом и идейном дуализме, а это и создавало культурную парадигму, которая постоянно насыщалась все новыми фактами и событиями. Двоичная оппозиция в единстве с третьим, не всегда лишним. Мир удвоен в сознании, он одновременно и вещен, и идеально вечен, но реально он все-таки троичен, и от человека зависит, будет ли эта тройственность **рас-троена** или **ус-троена,** будет ли пространство (в широком смысле — в том числе и ментальное пространство) метонимически расширяться смежностью ряда как **чин** или станет расти иерархически вверх, наращивая мощь и силу как **сан.** Идти вдаль или расти вверх — постоянный выбор русского человека, противоположность между физическим движением и духовным ростом. «Генная память» народа — его ментальность складывалась веками, основательно укладывалась в словесном знаке, который обслуживал каждого в соответствии с его

[1] *Колесов В. В.* Язык и ментальность. СПб., 2003.

личным уровнем чувства или интеллекта: в сказке для маленьких, в пословицах для несмышленых и в каждом отдельном слове, таинственную силу которого мог раскрыть только мудрый.

Рассматривая особенности русской ментальности в том виде, как она представлена в фактах языка, не следует понимать дело так, что только и именно русским присуще то или иное свойство чувства, разума или характера. Однако для краткости не станем приводить сравнений с ментальностью других народов (=языков); это дело будущего.

Если путь развития русской ментальности проследить на достаточно большой дуге исторического движения мысли, легко обнаружить самую общую закономерность: русское самосознание отражало реальные отношения человека как к себе самому, так и к другому человеку и к миру вообще. Собственный **стыд, жалость** к другому и **благоговение** перед божьим миром — одно и то же чувство, но обращенное в троичность существования. Личное самосознание никогда не выходит за пределы коллективного, соборного, откладываясь в терминах языка и затем, будучи определено, постепенно сгущается в научной рефлексии о народной речемысли. Это было ясно уже славянофилам — первым, кто хотел обозначить специфические особенности русской ментальности в категориях и формах языка.

Славянофилов легко оспорить и высмеять, потому что в основе их философствования лежит поэтически самородное слово, не высушенное еще до тонкости понятия-термина. Такова исходная точка русского философствования: отталкиваясь от слова, через поэзию и беллетристику, затем — через публицистику, к концу XIX века оно оформилось в первые философски законченные системы.

Читая своих философов, русский человек ловит себя на мысли: все это я уже знаю, а потому и безусловно согласен с большинством излагаемых здесь идей. «Своим ничего не нужно доказывать», — замечал по этому поводу Николай Бердяев, но вместе с тем «нельзя ничего понять не „мое“», — добавлял Василий Розанов. Эту мысль варьируют русские писатели, оправдывая свою манеру изложения, афористически сжатую и поэтически емкую. Они как бы намекают на хорошо известную истину, скрытую в этимоне (первообразе) русского слова. «Если нужно что-то доказывать, доказывать ничего не надо» — эти слова Дмитрия Мережковского хорошо выражают феноменологию русского сознания. **Ничего не нужно доказывать логически,** потому что логические операции раздробляют цельное тело истины и создают иллюзию знания, подавляя естественный порыв человека к познанию.

А познание осуществляется в языке и через слово.

Припомним характерные особенности русского языка, так или иначе отражающие ментальные признаки сознания. Ведь и «[славянство] есть исключительно л и н г в и с т и ч е с к о е понятие. При помощи языка личность обнаруживает свой внутренний мир». Так утверждал в 1930-е годы выдающийся филолог и философ Николай Трубецкой.

1. В центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании дейст-

вие и в предикате выражающий то новое, что несет в себе мысль. Именно с глагольных основ снимаются отвлеченные значения новых слов и создаются отвлеченные имена типа *мышление* или *действие* — с помощью самых разных суффиксов, которых накопилось множество. Мы говорим *одежда,* потому что следует *одеться, пища* — ею следует *питаться, имение,* которое можно *иметь.*

2. Русский язык четко различает время внутреннее и время внешнее, т. е. категорию глагольного вида и категорию глагольного времени. Объективно действие протекает независимо от позиции говорящего, и глагольный вид передает различные оттенки длительности или завершенности действия (*писал — написал — писывал — понаписывал* и т. д.). Точка зрения говорящего определяет то же действие относительно момента речи: прошедшее, настоящее и будущее, причем (что естественно) настоящее не имеет формы совершенного вида, поскольку настоящее д л и т с я, а будущее нельзя передать с помощью простого несовершенного вида (*пишу — напишу*). Субъект и объект действия разведены в сознании через глагольную форму, которая с помощью другой категории — категории залога — еще больше уточняет характер соотношения между субъектом и объектом (*я пишу письмо — письмо пишется мною*).

3. Качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через п р и з н а к выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен. Это было важно в экспликации признака «качество». Выделив самостоятельную грамматическую форму для выражения **содержания понятия** (видов при общем роде, выраженном существительным), создали удобное средство для воссоздания аналитических понятий: *белый дом, желтый дом, большой дом, торговый дом, модный дом* и т. д., поскольку термин *дом* сам по себе не понятие, а символ как таковой требует раскрытия посредством уточняющего определения (содержание понятия).

4. В качестве связочного и предикативно осмысленного выступает глагол быть, а не глаголы *иметь* или *хотеть,* как во многих европейских языках. Установка на глагол бытийственного значения во многом определила характер русской философии, о чем не раз говорили русские философы. Идеально *бытие* и *быт* лежат в основе русского предикативного усилия мысли, тогда как формы владения и личного пожелания находятся на втором плане сознания.

5. В русском языке нет артиклей, что, в свою очередь, привело к размыванию границ между употреблением имен в речи. Если англ. *a table* связано главным образом с выражением понятия о столе или представления о нем же, то с определенным артиклем *the table* уже указывает конкретно на данный стол, на эту плоскость стола, на эту столешницу, на предмет. Проявление категории «определенность —

неопределенность» дублируется в русском языке противопоставлением двух типов прилагательных: *дом бел — белый дом;* различие то же, что при разных артиклях.

Разведение в сознании двух уровней семантической связки вещи и понятия, как они отражены в слове, делает англичанина стихийным номиналистом, тогда как некоторая размытость границ между вещью и понятием об этой вещи у русских прямо-таки направляет их в сторону реализма. На первый взгляд неожиданный, этот вывод вполне оправдан исторически, не случайно вопросом этим интересовался Александр Потебня, а из западных ученых — автор «семантического треугольника» Г. Фреге. Да, «мысль направлена словом», и эти слова Потебни никогда не потеряют своего значения.

6. Неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных местоимений и различных синтаксических конструкций (например, безличных предложений) в свою очередь повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определенности понятия. Сказать до конца ясно — прямо — значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя. Изобилие наречных и местоименных форм на время помогает спрятаться за словом: «Русские говорят громко там, — с иронией замечал Александр Герцен, — где другие говорят тихо, и совсем не говорят там, где другие говорят громко». Это черта своеобразной скромности и смирения, неуверенности в том, что твоя мысль, явленная в слове, может быть кому-то интересна. Очень опасное свойство, не раз затруднявшее русским сформулировать свои надежды и упования.

7. Застенчивое уклонение от метафоры также определяется основной установкой словаря на метонимические переносные значения в слове. Каждый толковый словарь отмечает цепочки метонимических смещений смысла в русском слове, построенные по известному типу «вот дом, который построил Джек»: *дорога* — **полоса земли**, по которой проходит движение > **движение** по полосе земли, по которой... > **направление** движения по полосе земли, по которой... > **цель** направленности движения по... и т. д. Наоборот, метафорические переносы расцениваются как индивидуально авторские, не всегда пригодные для общего пользования. Это — отказ творить в слове: с помощью метонимии легко истолковать традиционный символ, тогда как метафора создает новые символы, а это (в индивидуальном исполнении) признается за ересь.

8. Категория одушевленности — остаток древнего языческого анимизма — также препятствует созданию оригинальной авторской метафоры, разумеется, такой метафоры, которая оказалась бы понятной другим носителям языка. В риторическом смысле это — олицетворение, которое естественно присутствует в самой грамматической форме и в метафоризации не нуждается. Можно сказать: *вижу мертвеца* или *вижу труп* — и тем самым метафорически выразить свое отношение к «лишенному души» в данный момент или к «обрубку поваленного дерева» (исконное значение слова *труп*). Категория

одушевленности, которая распространяется только на имена мужского рода, мало известна древнерусскому языку как категория; так и в приведенном примере *вижу труп* — метонимия на основе метафоры, человека сравнивают с уничтоженным деревом. Русская мысль одухотворяет, неожиданно оживляя, все ценное, чему придается особый смысл. Современный школьник может сказать *я съел сникерса* из особого почтения к шоколадке, прославленной в рекламе.

9. Вежливая уклончивость проявляется и в том, что славянский императив не является, собственно, повелительным наклонением, он восходит к древней форме оптатива — пожелательного наклонения. Отношение к другому проявляется не в наглом приказе или хозяйском повелении, но в пожелании, что высказываемое будет принято к сведению. В известном смысле оживлением этой формы становится в наши дни широкое распространение формул типа *хотелось бы, чтобы..., некоторые, вот, говорят, что..., я как бы сказал?* и т. д.

10. Совсем наоборот, в отношении к себе самому русский человек излишне категоричен, свое собственное мнение он признает за истину в последней инстанции, что с XVI в. поражало иностранных наблюдателей русского быта. Иностранец обязательно оговорится: *мне кажется, что..., я думаю, что..., кажется, будто* и т. п., в то время как русский, пользуясь формами родного языка, строит свое высказывание без помощи всякого рода уклончивых отступлений, поскольку категоричность личной точки зрения не требует, на его взгляд, никаких смягчений: *я ведь говорил!* Русскому в его языковых формах не требуется оговаривать конкретную модальность своего высказывания, она содержится уже в конструкции его фразы. Например, недостоверность или неясность информации передается с помощью различных типов односоставных предложений, при невыраженном субъекте речи, что особенно заметно в русских поговорках: *цыплят по осени считают, быть бычку на веревочке, тише едешь — дальше будешь* и т. д.

11. Категоричность самоутверждения и бытовой нигилизм находят себе поддержку в способности русского языка строить отрицание таким образом, что каждое отдельное слово высказывания отрицается само по себе: *никто никому никогда ничего не должен!* Англичанин или француз употребят здесь одно-два отрицания, скорее всего при объекте, ради которого и сделано подобное заявление. Плеоназм (избыточность выражения) как особенность русской речи — весьма серьезная проблема и в наши дни. Плеоназм проявляется в самом различном виде, усложняя речь ненужными определениями, но вместе с тем помогая усилить высказывание эмоционально: основная установка на то, чтобы убедить, а не доказать, поскольку «очевидность только тогда не требует доказательств, когда она очевидна», — заметил в этой связи Николай Трубецкой.

12. Категория состояния, также присущая русскому языку, кажется странной, потому что явлена только в речи. В грамматике это проявляется в употреблении наречий, или модальных слов, или столь же второстепенных форм — но в диалоге это всегда выражение

личного переживания внешних событий: *мне жаль..., как стыдно!.., ничего нельзя...* Никакой предикативной связи здесь нет, она не выражена, действие не обозначено. Это со-стояние души, в чувстве переживающей событие.

13. Все последние особенности русского языка, на основе ментальности формирующие обыденное сознание русского человека, выделяются общей установкой на характер общения: как типичное проявление речемысли во всех случаях преобладает не монолог-размышление (который воспринимается как признак неоправданной юродивости), а активно протекающий диалог, в котором и рождается обоюдно приемлемая мысль. Тогда эмоция убеждения становится важнее логики доказательства, поскольку назначение подобного диалога вовсе не в передаче информации; не коммуникативный аспект речи кажется здесь существенно важным в диалоге, а речемыслительный. Мысль соборно рождается в *думе,* с той лишь разницей, что индивидуальная мысль только направлена словом, тогда как совместная дума способна и строить слово. По старому различию смысла слов, мыслит каждый сам по себе, думу же думают вместе, и дума — важнее мысли, она, как воплощение личной мысли, освящена признанием всех других. Правда своя удостоверяется правдой собеседника, и с этого момента становится истиной для всех.

14. Речь идет именно о диалоге как основной форме мышления. В исторической перспективе развития языка **третий всегда лишний**. Местоимение третьего лица *он, она, оно, они* формируется довольно поздно и до сих ощущается как родственное указательному в значении ‘тот, другой’, который находится вдали, вне диалога. И сегодня в вульгарном выражении — приглашении выпить: *третьим будешь?* — звучит тоска напарника, который в силу необходимости должен прибегать к содействию постороннего, третьего. Глагольные формы в настоящем и в прошедшем времени, как много их ни было, долгое время не различали формы второго и третьего лица, потому что в конкретном диалоге третий не принимал участия, а высказываться об отсутствующем ни хорошо ни плохо не было принято до XVII в.

15. Собирательная множественность объектов (нерасчлененная множественность) особенно хорошо представлена в отношении к людям, к сообществу, которое ценностно воспринимается в своей цельности: *народ, толпа, полк, люди...* Многочисленные формы множественного числа сохраняют исходный смысл собирательности или нерасчлененной множественности, что характерно специально для имен мужского рода, ср.: *браты́, братья, братия,* также *листы́, листья, волоса́* (пучком все вместе) — *во́лосы* (волоски в отдельности, их можно расчесать) и т. д., включая *города́* и *огоро́ды.*

16. Постепенно происходило интенсивное отделение парадигмы единственного числа от парадигмы множественного, в которой окончания уже не различают имена по грамматическому роду: *стол — стена* в единственном числе с различием в окончаниях при совпадении окончаний во множественном (*столá́м, стенáм* и т. д.). Происхо-

дит разведение вещественного и понятийного значений в слове, причем близкое к понятию значение обычно связано с формой единственного числа, а отвлеченные имена вообще выступают только в этой форме. Разведение смысла происходит и по формам: *дух* или даже *Дух,* но *ду́хи* и *духи́.* На различении форм множественности формируется категория определенности, в которой нуждается устная речь, обычно широко использующая, например, акцентные выделения речи; ср. уже приведенные формы типа *волоса́ — во́лосы* с противопоставлением по степени определенности в отношении объекта.

17. Восхождение «по родам» приводило к порождению все новых и новых гиперонимов, и этот процесс предстает как непрестанное воссоздание символов, возникающее в момент воплощения концептов в содержательных формах слова. Можно говорить о разных видах ивы (их много, и каждый имеет свое имя), но можно сказать о роде *ива* (род — он же один из видов: это проявление «русской синекдохи»). Но ива одновременно и вид кустов (их также много), которые метонимическим напряжением мысли все сходятся в более крупные роды: *кусты > растительность > флора.* Для русской ментальности характерно построение синтетических моделей высказывания, что также отражает устремленность к целому, а не к аналитически данным его частям. Даже символический образ предстает здесь как основная манифестация понятия, «своего рода понятие», которое постоянно воссоздается путем наложения образа на известный символ. Невозможно дать **определение** русским словам *судьба, счастье, любовь* — потому что это не понятия, а символы; символ не определим в суждении, его истолковывает герменевтика. Обратим внимание: символ существует, а понятие о нем постоянно воссоздается; язык здесь — энергия действия, а не его результат.

18. Безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и прочие типы предложений создают совершенно непереводимое на другие языки представление о зыбком внешнем мире, который является своего рода отражением мира другого, **реального**, существующего в сознании человека до встречи с миром внешним. Отсюда многочисленные конструкции типа *про батарею Тушина было забыто* у Льва Толстого, неопределенные выражения вроде *бывает, ладно, давай-давай* и др. Такой неопределенности высказывания способствует и смысловой синкретизм союзов. Союз *когда* передает нерасчлененную идею и времени, и условия, и даже цели (*когда бы жизнь семейным кругом я ограничить захотел...* если бы? в то время? ради чего?). Для русского сознания условие вообще предпочтительнее причины — чисто внешней, **субъективно** определяемой характеристики действия (*притчина* Бердяева), потому что на самом-то деле **цель важнее условия**, поэтому и **условие** предстает в русской фразе как **словесно** определенная и обозначенная вспомогательным словом *причина.* Относительно условия уславливаются **словом,** тогда как причина есть всего лишь задним числом **приписанное** (приткнутое, привязанное) событию или действию то же самое условие.

19. Важна историческая последовательность в формировании русских сложных предложений. Они являлись постепенно, один тип за другим, и условные были самыми древними по сложению. Типы придаточных сгущались в соединении трех признаков высказывания: модальности, определенности и предикативности. Разбросанные в пространстве речи, логически несвязные фигуры паратаксиса (сложносочиненных связей) обрели логическую четкость выражения, выстраивая семантическую перспективу высказывания.

20. Новые типы словообразовательных моделей развивались почти одновременно с формальной специализацией различных типов сложноподчиненного предложения (гипотаксиса). Сложные слова также сжимались в обобщенные по единству суффиксов лексемы, с помощью которых уже легче было создавать длинные цепочки предложений. Сложные слова были своего рода аналитическими понятиями. *Добродетель* и *благо-детель* различались как выражения содержания понятия (*добро-* и *благо-*) при общности их объема (*-де[я]тель*). Суффиксы позволили обобщить многие родовые значения слов и тем самым сокращали сложные слова, удвоенные сочетания и т. д. По-разному можно сказать о движении, но суффикс *-ние* объединит все такие слова; по-разному можно сказать о субъекте действия, но суффикс *-ник* соберет все слова, которые относятся к данному типу.

Формально речь становилась проще — содержательно же все объемней. Все ближе входила в концепт, выражая его смысл.

Таковы основные признаки русской ментальности, проявляемые в русском языке. Отметим основное: становление ментальности определялось развитием самого языка. Конечно, в общем масштабе действий мысль и язык развиваются параллельно и совместно, но для каждого отдельного человека, вступающего в ментальное пространство народной речи, «мысль направлена словом». Это слова Александра Потебни, но другой писатель, Михаил Пришвин, сказал не хуже: «Жизнь происходит от слова» — то же. Такова формула русского реализма, который в своих восприятиях мира и движении мысли исходит из слова с тем, чтобы соединить идею мысли и вещь мира в их общем движении вперед и ввысь.

Глава 11. Русское дело: труд и работа

Во многих языках различие между трудом и работой обозначается разными словами. По-английски, например, практическая работа (она же и физическая) называется *work,* работа в экономическом смысле — *labour* (лейбористы). Экономисты специально замечают, что в немецком языке подобного различия между двумя словами нет, и те, кому это выгодно, смешивают в своих речах понятия о вложенном в дело «труде» и о произведенной в результате этого «работе».

В русском языке труд и работа издавна различались. *Работать,* понимая дело по-русски, может не только человек, но и машина, учреждение и все на свете, это значит просто-напросто ‘действовать,

функционировать’: *туалет не работает.* Можно сказать *станок хорошо работает, магазин не работает, время работает на нас.* Даже время — и то «работает», т. е. производит некую работу. Т р у д и т с я же только человек. Станок не трудится, магазин не затрудняется, время тоже не трудится, не говоря уж о туалете.

Из многих слов, обозначавших в древности конкретные виды трудовой деятельности, в современном русском языке сохранились три: *труд, работа, дело.*

Делом всегда называли самый важный для общества, но и самый тяжелый, обычно физический труд, прежде всего труд земледельца, который, например, *делает пашню.* Это созидательный труд, основа общественного богатства. Переводить русским словом *дело* американизированное «бизнес» неправильно: не всякий бизнес есть дело. Корень слова *де-л-о* родствен многим современным словам со значениями, внешне как будто и несовпадающими: ‘говорить’, ‘касаться’, ‘совершать’, ‘выполнять искусно’ и по доброй воле.

Трудом называли напряженную и длительную творческую деятельность, которая утомляет человека не физически, а скорее эмоционально. Исконное значение корня близко к представлениям, которые можно описать как ‘тяжесть’, ‘досада’, ‘испытание’, ‘теснота’ и др. Труд исполняют согласно обязанности — все равно какой, по личному обещанию или по нужде. До сих пор говорят: *трудное дело, затруднительно, затруднение* и т. д.

Работой же назывался подневольный и тяжкий труд раба (работа в переводе с древнеславянского языка и значит ‘рабство’). У слова *раб* интересная история. Исконное значение корня — ‘сирота’, затем от него образовано слово *роб-енъкъ* (в современной форме *ребенок),* т. е. бесправный в семье член рода. Слово *раб* не русское, а церковнославянское; оно употреблялось в формуле *раб божий* — о всяком вообще человеке. По-русски следовало бы сказать *роб* — но такого слова мы не знаем, иногда (в древних текстах) встречается только сочетание *холопъ* и *роба,* оно показывает, что женщина могла находиться в состоянии «рабства», тогда как мужчина был просто «холоп» (слово того же происхождения, означает хлопца, безродного молодого человека). По средневековым русским понятиям *холоп* и *роба* — это люди, лишенные семьи и отчего крова («сироты государевы»), а потому и скитаются, как тогда говорили, «меж дворъ». Итак, дело делали по желанию, труд исполняли по долгу, работу — по обязанности и нужде.

Разница в значениях этих слов отчасти сохранилась в древних текстах, а также в пословицах. *Дело мастера боится,* но, с другой стороны, *работа не медведь, в лес не убежит* — уважительное отношение к делу и неодобрительное — к работе. Труд же во все времена был связан с использованием ума и чувства человека больше, чем с физической силой, поэтому он требовал знаний, опыта и выдержки: *терпение и труд все перетрут.*

Благодаря исключительной важности всех трех слов, значение их постоянно изменялось в связи с изменением классовой структуры

общества, социально-экономическим развитием и новым отношением человека к самому труду. Навсегда, как нам кажется, исчез рабский труд — и потому отчасти изменилось значение слова *работа.* Физический труд теперь часто связан с навыками творческого дела — и потому изменилось значение слова *дело.*

Однако старое противопоставление слов сохраняет силу и теперь. В русской литературе терминологическое значение слов *труд* и *работа* уточнили философы и социологи. В афоризме Фридриха Энгельса «труд создал человека» не случайно в русском переводе использовано слово *труд.* Речь идет о сознательном, творческом труде, который организует человеческий коллектив, развивает его возможности, человека делает человеком. Это не подневольная *работа,* но и не привычное *дело.*

Мы говорим: *«Это дело всей его жизни»,* если оно делается, но *«Это труд всей его жизни»,* если он создается (например, пишется книга или картина). Мы можем сказать о рукописи: *Этот труд лежал на столе,* или проще: *Эта работа лежала на столе.* Но сказать: *Это дело лежало на столе* — значит говорить уже о чем-то совсем другом (*личное дело,* т. е. досье: приходится однозначным иностранным словом пояснять многозначность слова русского).

Примерно так же изменяли свое значение прилагательные и глаголы, связанные с этими словами. *Делать, дельный, деловой* отличаются от *трудный, трудовой, трудиться,* как слова с выражением «деятельного» значения отличаются от слов со значением напряженно-длительного, сосредоточенного процесса деятельности.

Кроме того, слова с корнем *дело* характеризуют исполнителя, человека, а слова с корнем *труд* определяют качество самой работы. Объективная и субъективная характеристики трудового процесса как бы разошлись в словесном выражении, и теперь каждая из них выражается собственным словом. *Дельный человек* сделает и *трудную работу,* а *деловой человек* легко организует *трудовой процесс* (вот здесь значения английского слова «бизнес» уже подходят). Слово *работа* постепенно утрачивает свои исконные значения, но и в нем еще можно обнаружить следы древних смыслов. Мы говорим о *грязной работе* (это плохо исполненная или безнравственного характера деятельность), тогда как выражение *грязное дело* несет совершенно иной смысл (это — подлость), а «грязного труда» вообще не существует, потому что труд — всегда творчество, направленное на создание только хорошего и для всех полезного.

Чем древнее слово, тем больше изменений в нем произошло. Самым древним из трех является слово *дѣло.* Землю пахать стали много раньше, чем творить поэмы. С формами слова в единственном или множественном числе связаны разные значения, а обилие суффиксов, возможных при этом корне, позволяет играть словами, намекая на самые неблаговидные дела и делишки. Вот как пишет Федор Достоевский о знаменитом в его время издателе Краевском: «Напротив, не делая литературного дела, а обратив его в дела, Анд-

рей Александрович тем самым *обделал* и свои *делишки*... и, хотя и говорит *не дело,* но, говоря это *не дело,* воображает, что успевает *обделать другое дело*, которое наиболее *считает за дело* и которое отлично могло бы *устроить его дела*». Каждое из выделенных здесь выражений связано с одним, вполне определенным смыслом, весьма неблаговидным, так что, пользуясь единственным словом, писатель успевает рассказать о многом... не говоря уж о том, на что он попросту намекает. Попробуйте определить по фразеологическому словарю все оттенки приведенных здесь выражений — и перед вами откроется лицо человека, описанного великим писателем.

Слова изменяют свои значения, впитывая в себя те оттенки смысла, которые накладывает на них время. Сто лет назад самым важным из трех все еще оставалось слово *дело.* Например, русские народники и революционные демократы употребляли его при обозначении самых важных своих действий. Например, революция для них Дело. Потом в русских текстах все чаще стало употребляться слово *работа: пойти* на *работу; работа* у нас *такая, сидим без работы*... Сегодня на первый план выходит слово *труд* — именно оно оказалось востребованным, так как связано с обозначением свободного, творческого, всегда нового дела, в котором сам исполнитель заинтересован и которому он отдается целиком, несмотря на трудности трудового процесса. Именно такой труд создал человека и, надо полагать, создаст и **современного** человека. Дело ведь делается для себя, работа — на другого, и только труд оказывается той формой деятельности, которая направлена на всех, исполняется ради всех. Предпочтение слова *труд* всем остальным в русской ментальности не случайно: оно соотносится с идеями совместной деятельности (соборности) и совместного духовного существования (совести). Кроме того, слово *труд* является словом среднего стиля, а именно в среднем стиле речи всегда формировались нормы литературного языка.

Тот, кто работает, — работник... *работник* или *рабочий?* Тот, кто трудится, — трудник... *трудник* или все же *труженик?* И вот неожиданность: в русском языке нет слова, которым можно обозначить того, кто *делает дело* (не потому ли и заимствуют некоторые люди слово *бизнесмен?*). *Делатель* — очень старое слово, теперь его не употребляют, хотя еще поэт XIX в. Николай Некрасов напомнил о русском крестьянине, обращаясь к России: *«делатель твой и хранитель».* Сохранились, и все время образуются новые, одни лишь неодобрительные по смыслу слова, вроде таких: *делец, деляга, делаш,* а то уж и просто *бездельник.* Случилось так потому, что словом *дело* в наши дни стали обозначать не сам процесс, а результат труда (*дело сделано, будет сделано!*), исполняющего же дело человека называют с помощью других слов: *работник, труженик.*

Старинная форма *трудникъ* сменилась причастием *трудящийся,* чтобы сильнее подчеркнуть мысль о деятельности, о действии. В наши дни уважительное отношение к старательному работнику подчеркивается новым, по форме совершенно русским, даже разго-

ворным словом *труженик.* То же и относительно слов *работник* и *рабочий.* Рабочий всегда на физических работах, работником может быть и лицо умственного труда, интеллигент.

На то, что наши словесные корни еще живы, указывают все новые образования, которые возникают на их основе. *Трудяга* — трудолюбивый человек, старательный работник; в отличие от *работяги,* он не «тянет работу» рабства, а «живет свободным трудом». *Трудоголик* — слово, образованное по типу других, например, как *алкоголик;* трудоголик постоянно в трудах и заботах. Не удивительно ли — тоже от корня *труд?*

Дело, труд, работа — слова, которые обозначают самое общее представление о трудовой деятельности человека. Существуют, и часто используются, конкретные формы такой деятельности. Рассмотрим, например, следующие.

Вот обычное заблуждение относительно близкозвучных слов. По сходству звучаний заключают о сходстве значений. Говорят, например: «Художник — творец прекрасного, создатель изящного искусства. Художественные вещи — произведения красивые, даже прекрасные. Но в слове *художник* корень *худ-* означает ‘худой, плохой’. Непонятно, почему творец прекрасного называется художником...» Эта фраза не выдумана, она из письма читателя, обманутого внешним сходством слов. *Худой* и *художник*— слова не общего корня, а вот, например, *худощавый* сюда не относится.

Людская молва соединила эти слова общим значением, но вины языка в подобном смешении нет никакой. Слово *художник* восходит к древнему корню *худог-ый,* который славяне заимствовали давно, у древних германских племен в значении ‘искусный, ловкий, сведущий, удачливый’, т. е. дельный и мастеровитый человек, но себе на уме, по-нашему *мудрый.* В древних текстах находим много производных слов: *художивый* — это ‘способный’, *художество* — это ‘знание, деяние, опыт, ремесло’, а *художник* — просто ‘мастер’. Бог как создатель мира — тоже *художник зѣло,* он создал мир **своими руками.** Наличие производных слов — верный признак, что слово стало славянским. Хорошую работу во все времена делали мастера, всякая работа была ручной, исполнялась в единственном экземпляре, а красота дела ценилась даже больше, чем польза самой вещи. До XVIII в. называли у нас художником любого ремесленника — будь это плотник или скульптор. В узком значении ‘живописец’ слово *художник* стал употреблять знаменитый русский критик Владимир Стасов, так что это значение слова является самым новым. Ремесло и искусство в наши дни разошлись совершенно, механическое исполнение вещи на машинах превратило вещь в ширпотреб (вещи широкого потребления), но старое слово сохранило верность красоте искусства, а не пользе ремесла.

Совсем не связаны со словом *художник* (и с древним германским корнем) слова, производные от корня *худ-.* Они восходят к древним словам со значением ‘мелкий’, ‘скудный’.

Слово *худо-щавый* было неодобрительного значения, в нем два корня: *худ-съч- (ав-ый* — суффикс и окончание). Второй корень в том же произношении сохранился, например, у слов типа *щи* или *щавель.* Так что *худо-щавый* буквально значит ‘худо-сочный’. Слово *худосочный,* также известное русскому языку, появилось очень поздно, оно как бы «переводит» на современный язык образный смысл старинного сочетания двух корней. В отличие от нашего времени, худощавые люди некогда воспринимались как лишенные жизненных соков и не внушали особого доверия. Только *дородный* з д о р о в, он может работать и — должен жить.

По своему исконному смыслу слово *худой* — размолотый до ничтожно мелкого состояния, а потому и значит, собственно говоря, ‘мелкий, ничтожный, скудный’, а отсюда уже и оценочно ‘плохой’ дурной, злой’. *Худой* — убогий, тощий, ничтожный, а с добавлением второго корня значение сложного слова *худощавый* становилось еще унизительней, чем даже кажется нам сегодня (ведь мы не осуждаем ни тонких, ни стройных).

Только в одном случае книжный корень *худог-* и славянский *худ-* пересеклись, создав при этом внешне сходные формы имен: *худóжество* ‘искусство’ и *художествó* ‘убожество’. Возникало присущее русскому сознанию желание поиграть словами: *Вот так художество!* — и художник доволен; *Надоели твои художества!* — и ребенок перестанет шалить.

В истории наших слов важно, как постепенно изменяется, выделяясь в корне, существенный признак человека. Каждый раз возникают все новые определения, уточняющие мысль. Сначала словом *худой* обозначается свойство вещи, ей присущее (‘измельченное’), затем замечено качество вещи (‘мелкий, скудный’, т. е. все, что размельчено) и, наконец, выделяется признак его оценки (‘плохой’). Все дальше определение отходит от выражения объективно существующих свойств и качеств самого предмета, все сильнее выражает личное отношение человека к такому предмету. Отношение изменяется и к предмету, и к слову, которое обозначает предмет.

Через слово, отчуждаясь от вещи, человек становится настолько субъективным, что уже и сам не понимает, что есть мир, а что — всего лишь его представление об этом мире.

То же и в отношении к человеку.

Ловкий — сообразительный и проворный, это определение связано с глаголом *ловить* ‘схватить’; определение подчеркивает важный признак человека, умелого и ловкого. Но тут же приходит его завистник и говорит: «Ага! слишком быстро он схватывает: он вовсе не проворен, он — юркий, не сообразительный, а — хитрый».

И верно, как посмотреть на эти признаки человека, с чьей стороны взглянуть. Если сам по себе ты проворный, то для другого — хитрый. *Хитрый* — такой же *ловкий,* но с другим оттенком смысла: *хитрый* — от глагола *хитати* (похищать), не просто ‘ловить’ и ‘хватать’, но еще ‘торопиться, спешить’. Если кто умен да скор, тот

быстрее схватит — он проворен и ловок, то есть — *хитер.* Но обратишь внимание на ум, а не на силу, уже и другое свойство: тот, кто силен, — тот ловок, а кто умен — хитер. В русских народных говорах *ловкий* имеет много значений: ‘красивый’, ‘стройный’, ‘хороший’, ‘добрый’ и, конечно же, ‘ловкий’. *Ловко сделано* — сделано хорошо. А вот ироническое по смыслу слово *ловкач* обозначает того, кто ловко «обделывает свои делишки» (как издатель у Достоевского). Ловким русский человек любуется — хитрого осуждает.

Есть еще и другие слова, выражающие отношение человека к своему труду. *Лукавый* и *лукавство* понятны по словесному образу: извилистый и запутанный (от слова *лука* ‘изгиб’, еще *лукоморье* ‘излучина моря, залив’). *Проныра* связано с влиянием греческих слов, да и слово книжное. Обозначает оно ловкача, который в любую щель пролезет, но своего добьется.

В русском языке есть слова, которые внешне похожи на церковнославянские, книжные, даже искусственные, однако известны они давно, и в устной народной речи употребляются часто. Одно из таких слов — *изящный* — относится к обозначению исполненного дела.

Этому слову в славянском языке не менее тысячи лет. На современный язык его можно перевести причастием *изъятый,* т. е. избранный из ряда ему подобных. В русских былинах встречаются «изящные молодцы» — это могучие богатыри; в летописях еще XVI в. встречается «воевода нарочит и полководец изящен» (знатный и выдающийся); с XVII в. известно значение ‘отборный, особый’: «изящное повеление государя» (персональное поручение царя воеводе).

Изящным казался богатырь — за силу молодецкую, герой — за известность, наш современник понимает это как элегантность или тонкий вкус: определение *изысканный вкус* — своего рода перевод древнего словесного образа, который содержался в слове *изящный.* Каждый по-своему выделяет признак «избранности». Изящное всегда гармонично, соответствует идеалу нормы, но представление о гармонии (по-русски это л а д) тоже изменяется. Прежде ценили силу, позднее ум, а сегодня внешние формы, за которыми, может быть, ничего и нет. Вот, например, «изящная вещица» — что бы это могло быть?

Еще раз отметим великую силу народной ментальности, которая в веках сохраняет один и тот же образ, хотя постоянно изменяет значения слов, а иногда заменяет эти слова другими *(изящный > изысканный* и пр.).

Труд — положительная ценность жизни, именно так и понимает дело русский человек.

Часть II
ЯЗЫК В МЕНТАЛЬНОСТИ

Глава 4. Честь и совесть

В другой главе мы поговорим об идеальных *ликах* русских культурных героев — богатыре-герое и святом. Оба пребывают в *житии*

(т. е. в *миру),* но идеально по-разному: герой ради защиты от физического насилия (это *живот),* а святой — от духовного порабощения (это *жизнь*). О таком соотношении идеальных ценностей много пишут русские философы и поэты. Идеальным проявлением героя является его *честь,* тогда как святой дорожит своей *совестью.* Вот еще концепты русской ментальности, которые следует рассмотреть.

Начнем с истории терминов, она поучительна сама по себе.

Для русского коллективного подсознательного честь и совесть равноценны и равнозначны по нескольким признакам. И та и другая суть проявления личной нравственности в общественной среде — в обществе равных, в соборном (совместном) переживании событий. Но честь — это языческая совесть; совесть — христианская честь. Идея чести приходит из славянского язычества, идея совести — с принятием христианства, но развивается постепенно на основе языческого же представления о *стыде* и *сраме.*

Слово *честь* того же корня, что и *часть,* в древности это очень конкретное воплощение личной *доли, части* в общем богатстве рода или семьи; личная честь — это *у-часть* в *при-част-ности* к общему делу, *у-част-ии* в нем.

Но *честь* (*чьсть*) — славянское слово, а *совесть* (*съвѣсть*) — калька с греческих слов συν-ρın-ός ‘совместное знание > сознание > совесть’ и συν-ειδ-ησις ‘сознавание > сознание > совесть’ от глагола συν-ειδ-εναι ‘быть своим собственным соучастником’. В христианских текстах Нового Завета эти слова уже получили современное значение ‘совесть’, но в языках новообращенных христиан такое значение развивалось исподволь и долго. У русских это случилось только к началу XVII в.

Долгое время существовало типичное для народной речи удвоение слов, служившее для выражения какого-то важного понятия. Так было и здесь. Социальная связь чести и духовная связь совести складывались постепенно. Им предшествовали формулы *честь и слава, стыд и срам.* В обоих случаях имеются в виду личное переживание (*стыд, честь*) и оценка его со стороны окружающих (*срам, слава*). Субъект-объектные отношения не разведены, каждый член коллектива может оказаться в таком положении, и тогда это именно он переживает и одновременно оценивается в своем поведении.

Еще и сейчас можно сказать стихами детского поэта: *А нечистым трубочистам стыд и срам, стыд и срам!* — но это далеко от понимания совести, скорее это осуждение бесчестности. Так же, как и в формуле *ни стыда ни совести* — в ней отрицаются и чувственные и духовные основания принятых в обществе норм поведения. Но стыд и совесть одинаково л и ч н ы е переживания, здесь и речи нет об осуждении со стороны. По мнению русских философов, христианское *голос совести* в русском сознании соединяет чувства стыда, альтруизма и благоговения, т. е. обязательно некоего возвышенного переживания, причина которого неведома, но «существование совести в человеке есть факт, который не подлежит сомнению. Весьма редки примеры людей, в ко-

торых этот внутренний голос совершенно заглушен... Действовать по совести может только сам человек, по собственному побуждению. Совесть есть самое свободное, что существует в мире; она не подчиняется никаким внешним понуждениям» (Б. Н. Чичерин). В последовательности развития чувств психологи различают:

застенчивость > стыд > вину > совесть.

Застенчивость есть состояние, присущее русскому характеру, и о ней говорят часто. Это нежелание лезть вперед, высовываться, *выставляться,* но, наоборот, стремление оставаться в тени (*стѣнь* и есть тень) до времени, пока не понадобишься в деле. Стыд состояние то же, но уже не пассивное, это ответ на вызов; переживание чувств, которые совместно формируют со-знание, потому что, по верному слову Василия Розанова, «стыд есть разграничение», отделение личного чувства от коллективного переживания. Вина, развиваясь из чувства стыда, вызывает чувство ответственности, а совесть, как порождение вины, есть осмысленное в личном о-со-знании проявление чувства в действии. В отличие от стыда и вины, совесть действует, поскольку она представляет собою сплав чувства и мысли и воплощается **волей к действию**. Так мы пришли к уяснению важного признака совести: это проявление воли, заложенной в переживаниях, не всегда понятных самому человеку.

Иногда говорят, что выражение «чистая совесть» есть указание на отсутствие совести, ведь «совесть потому и совесть, что она нечиста». Но такое толкование совесть приравнивает к сознанию и возвращает нас во времена язычества, когда совесть и есть честь. А апостол Павел, введший понятие совести, говорил именно о *чистой совести.* Между прочим, слова *чист* и *часть* по корню родственны, а по значению близки слову *честь.* Чистая совесть, честная совесть; еще один плеоназм, удвоение одной и той же мысли.

«Совесть нужна каждому человеку, — утверждает Иван Ильин и подчеркивает все слова своего определения. — Совесть есть живая и цельная воля к совершенному». Это качественность, «первый и глубочайший источник чувства ответственности... основной акт внутреннего самоосвобождения... живой и могущественный источник справедливости... главная сила, побуждающая человека к предметному поведению», живой элемент упорядочивающей культурной жизни. Если человек не может поднять себя до своей совести, то «понимание совести снижается или извращается». Вот что такое совесть в русской интуиции: «лучи качественности, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия».

В этом представлении о совести нет никакой связи с сознанием как интеллектуальным действием. Совесть, продолжает Ильин, это ***совестный акт,*** акт духовный, а не рассудочный. И если люди ждут от совести суждения, т. е. облеченного в понятия и слова приговора, то это ошибка: именно мысль и губит совесть: «Мысль, двигаясь между совестью и приговором, начинает сначала *заслонять* показа-

ние совести, потом *насильственно* укладывать его в логические формы, *искажать* его своими рассуждениями и даже выдавать себя за *необходимую форму* совестных показаний. Ум заслоняет совесть; он умничает по-земному, по-человеческому... От этого человек теряет доступ к совестному акту и начинает принимать *рассудочные* соображения своего земного ума и **земного опыта** за показания самой совести» и «совесть перестает быть силою», потому что вообще — «совестный акт не есть акт интеллекта».

Любопытно диалектическое кружение мысли между идеями чести и совести. Объективно обе они воплощают единство личного и общего, но взгляд на единство — разный. Человек чести связан законами долга, наложенными на него обществом, однако принимает решение сам, лично — по чувству ответственности. Совестливый человек весь — в плену личного «демона», подчас иссушающего душу, но именно такой человек решается на поступок иногда вопреки своему «я» — по зову совести. Там начинают с долга и кончают ответом на нравственный вызов; здесь начинают с личной ответственности, завершая исполнением долга. Герои западной литературы индивидуалисты, персонажи Хемингуэя или Ремарка живут понятием чести; герои русской литературы погружены в бездны совести. У европейца границы свободы определены долгом, у русского воля направлена совестью. Когда Аарон Штейнберг пишет о диалектике свободы у Достоевского, он ни словом не поминает основной для писателя идеи совести (проработка концепта «совесть» — заслуга писателя в развитии мировой философии). Совесть постоянно борется с волею — это и есть понимание свободы по-русски: ограничение своеволия и самоволия совестью. Еще в 1472 г. русский монах Иннокентий записал слова, которыми Русь и живет искони: «Кождо свою совесть в себе судию имат, паче же аз окаянный! Комуждо по своей совести себе зазревшу». Совесть — шестое чувство русского человека, его «чувство мысли», ибо «он постигает истину особым чувством мысли, называемой совестью», говорил Михаил Пришвин.

Но для русской ментальности честь — это всего лишь **часть,** и притом часть мирская, духовной силою не облагороженная. Не душа, но тело, вещный эквивалент, однородная масса которого распределяется между достойными: «В своем сословии член корпорации находит свою честь», писал Гегель. Но этого мало: часть слишком оземлена и приземлена; являясь у-частью, она не решает проблемы судьбы, не возносится в области духа, слабея в качествах, омертвляясь. И потому, как заметил Герцен, в Европе «рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью», а всякая честность как суррогат чести есть всего лишь «последний остаток онтологичности» (это слова Владимира Эрна).

Средневековая формула ***честь и слава*** — языческая формула — предполагала взаимообращенность сюзерена и вассала, но именно на условиях взаимности. Языческую двучленную формулу христианство перестроило в трехчленную (добавило символ **хвалы**), тем самым введя в ее вещные компоненты член идеальный, духовный: сущность символа показана на основе явлений. До сих пор мы чув-

ствуем эти грани, претворенные в различиях стиля, но данные в особых выражениях: ***окажите честь*** — она выдается как вещный знак награды, ***воспойте славу*** — она восхваляется в слове, ***вознесите хвалу*** — а это уже идея, воздайте идеей.

В понятии чести остается невосполненной, ненасытимой присущая русским идея **целостности,** не зависящей от земных ее ипостасей. Устремленность к высоким формам — к сущему, а не к явлению — в их внутренней целостности и рождает идею совести, и **чистая совесть** важнее **чести,** поскольку «цельность духа, цельное ощущение действия» есть «испытание ценности через себя» (Николай Лосский). Совесть через идею Бога единит всех людей в общей причастности к духовному. Опосредованное единение порождает то ощущение (не осознание, но чувство) соборности, на котором крепится и этика (личная мораль), и политика (мораль социальная), по определению Николая Бердяева, для которого «честность... западноевропейский идеал. Русский идеал — святость». Честность как начало обмирщенное не может быть идеалом, это всего лишь средство, которое не становится целью.

Так идея порождает идеал, и идеалом, образцом человеческим в высшем, духовном смысле, признается не герой, достойный чести, но святой как учитель совести. В любом случае, говорил Владимир Соловьев, личная совесть человека предпочтительнее перед «сознательностью», которую навязывает среда. То, что связано с сознанием, то окутано мыслью об «отрицательном отношении»: русский человек может *сознаваться* в своих поступках, но отказывается *сознавать* их, потому что сознавание идет извне, со стороны других; «сознаваться в своих добродетелях и преимуществах так же противно духу русского языка, как и духу христианского смирения», — добавлял философ. Другое дело, что *со-весть* и сама является порождением со-борного *со-знания.* Со-в-местно со-в-мещенного.

Совесть вообще понимается как сила внутреннего контроля над своими поступками с позиции отстраненно извне, **я как ты.** Такое раздвоение «я» вместо природной и органически присущей человеку идеи чести вносит в душу разлад; в сущности, это также плохо. Христианство приносит раздвоение сил души — вот истинный источник русской рефлексивности и связанных с нею черт характера.

Итак, мы можем представить внешние признаки совести, как их понимает интуиция русских мыслителей. «Совесть есть знание д о б р а» (Ильин), «совесть невозможно д е л и т ь» (Пришвин), это благодать, противопоставленная закону, которая «диктует б е з у с л о в н о должное» (Евгений Трубецкой) , и, «конечно, совесть есть более чем требование, она есть ф а к т» (Соловьев). И вообще — «физиологическое очень легко объяснить, но — по-духовному» (Пришвин).

Стыд, сознание и совесть не сводимы и не заменимы друг другом; их не следует смешивать. Чувство, разум и воля восполняют действия друг друга, но это разные качества личности. Это и различные проявления характеров в поступке — но не в преступлении: застенчивая

стыдливость, рассудительная сознательность и одухотворенная совестливость. Честность не в этом ряду, честность — предикат личности, а не характера, и потому возможна для любого характера. Честный столь же общий признак личности, что и славный, добрый, счастливый.

Особенность современного человека в том, что в его внутреннем жизнеутверждении место богов (как у греков) или общественного мнения (как в традиционных обществах) заняла совесть, связанная с само-уважением достоинства и нравственными постулатами — например, в различении добра и зла. Совесть стала как бы врожденной склонностью современного человека к нравственной жизни, а голос совести всегда взывает к справедливости, формируя и обостряя социальные отношения. Само слово *совесть* есть «имя вневременного свойства человека», которое в поэтическом тексте может представать как лицо. Так, русская совесть *терзает* душу, совесть можно *потерять* или *утратить* как ценную вещь. Если честь всегда представляла собою «внутреннюю тюрьму», то совесть — это скорее червячок, который *точит сердце* в минуту душевной слабости.

Для Дмитрия Лихачева честь есть «достоинство положительно живущего человека», тогда как совесть, идущая из глубины души, очищает и оправдывает проявления такого достоинства. До Лихачева о взаимном нравственном отношении чести и совести говорили многие. Н. Михайловский утверждал, что «работе совести соответствуют обязанности, работе чести — права», и в этом — русское понимание как личной совести («должен»), так и корпоративной чести («имею право»). Точнее сказать, честь есть внешний регулятор общественного поведения, а совесть — внутренний, и обе они предстают как **идеально** должное в поведении человека. В таком смысле честь — это требование от других отношения к себе, совесть — требование твоего отношения к другим. Не случайно в русской истории славянофилы постоянно говорили о совести и совестливости, а западники — о чести и честности. Это русское представление об интровертности и экстравертности. Честь связана с правом и законом, совесть — с отсутствием принудительной власти, в конечном счете со свободой. Совесть как чисто христианская идея личной ответственности, «эта сила есть **добродетель»** (Борис Чичерин), а не право закона. Учитывая русскую предрасположенность к справедливости, а не к закону, можно сказать, что для русского человека совесть — большая ценность, чем честь. Исполнение нравственных императивов совести формирует личность, тогда как честь только поддерживает ее социальное существование. Соотношение **справедливости** совести и **достоинства** чести в таком случае совпадают в общем действии, поскольку достоинство понимается как та же обязанность, но выраженная не бес-со-зна-тельно, а уже «проникнутое разумом» (тоже мысль Чичерина). Смысл корня в слове *совесть* сохраняет составляющую данной категории: совесть не только чувствуют, ее еще нужно **знать** (глубинно ведать).

Но антиномичность русской ментальности всегда предполагает наличие какого-то оппозита, в сравнении с которым основной кон-

цепт являет свою сущность. Таким противопоставлением совести является сознательность-сознание.

Греческие слова, слепком с которых стало славянское *совесть,* были калькированы и на латинский язык — *conscientia,* одновременно и совесть, и сознание, но по исконному смыслу корня скорее все-таки сознание. В XVIII в. латинское слово калькировали в русском языке — это и есть *сознание.* Именно так понимали у нас восходящие к латинскому западноевропейские эквиваленты. Тем самым от двух линий — духовной восточной и рациональной западной — в русской ментальности образовалось типичное для ментальности удвоение *совесть-сознание,* и слово *совесть* стало обозначать только ‘душевное знание’. *Кабы знала я, кабы ведала* — в русской песне два глагола тех же корней разведены при одновременном выражении поверхностно-внешнего, вещного знания и глубинносущностного, вечного ведения.

Со-знанием воспринимают мир, со-вестью — идеальные его сущности.

И только в конце XVIII в. расхождение между духовной совестью и рассудочным сознанием обретает законченные черты; еще у поэта и переводчика Тредиаковского *совесть* и *сознание* были синонимами, но после него совесть уже соотносится с другим рядом ценностей (с честью прежде всего). Лев Толстой говорил, что «совесть есть память общества (т. е. честь. — *В. К.),* усвояемая отдельным лицом» (а это — совесть). Толстого представляли «последним совестливым интеллигентом» (с «интеллигентом» он вряд ли бы согласился), а поэт Анненский, противопоставляя совесть и сознание, писал о Достоевском, что тот «был поэтом нашей совести... в нем Совесть сделалась пророком и поэтом».

На протяжении нескольких веков слово *совесть* прошло свой путь семантических изменений, направляемых глубоким изучением христианских текстов и поддерживаемых обстоятельствами личной жизни людей. Последовательность такова: ‘сообщение’ > ‘известие’ > ‘знание’ как указание или повеление собственного сердца. Этой двойственностью нравственных установлений и объясняется, собственно, идущее до XVIII в. убеждение в том, что у человека «два разума» — разум сердца и рассудок ума. «Чистое сердце» апостольских посланий стало у нас «чистой совестью». Еще в XVII в. *совестный* значило ‘известный’, а уже в XVIII в. стало ‘совестливым’. Совесть для русских славянофилов «по существу есть искренность, т. е. свобода духа».

Публицисты XX в. продолжали разрабатывать концепт «совесть». Сопоставляя *честь* и *совесть,* они утверждали, что движение к общечеловеческим ценностям лежит на пути расширения личной совести до «общечеловеческой чести». Однако *честность* и *совестливость* не одно и то же. Западноевропейскую «бухгалтерскую честность» порицал Герцен, а Константин Леонтьев называл ее «вексельной честностью». Русский человек всегда совестлив, но редко честен — это тоже важная тема русской литературы. Русский не бес-честен, а именно не-честен, а это тоже разница, и большая. Бесчестный лишен

чувства чести, нечестный им пренебрегает в пользу более высокой ценности, особенно тогда, когда идея корпоративной чести разрушается и человек уже не связан достоинством обязательств. Иван Ильин описал четыре этапа в развитии бесчестия, начиная с простейшего искушения; однако нечестный всего лишь *нечестив,* а не *бесчестен.* Совсем иначе — «больная совесть» (слова Глеба Успенского) — это «чувство собственной виновности, не уравновешенное сознанием (!) правоты», т. е. как бы возвращение к моменту «вины», не обогащенной волевым усилием к действию — и не совесть вовсе, а только приближение к ней. Впрочем, это — типичное русское душевное переживание. Честность не соотносится со справедливостью, поскольку честь — это корпоративная совесть, она распространяется только на «своих». Совесть направлена на достижение справедливости в совместном вопроизведении духовных сил общества.

Действительно, за словом, вроде бы и чужим, дважды заимствованным, скрываются долгие труды поколений русских людей, в своих нравственных исканиях отработавших важный концепт национальной ментальности — *совесть.* Во многих афоризмах, пословицах, идиомах это слово сохранило движение человеческого духа в его поисках добра и всеобщей справедливости, которые несомненно зависят от каждого человека отдельно.

Увы! не всегда сохранялась совесть. «Ну и где же, позвольте вас пораспросить, — говорила дама, — где же теперича у людей эта совесть?» — словами из повести Глеба Успенского выразим эту мысль.

Стыд и совесть

Константин Леонтьев писал, что в России легче *совесть* встретить у святого, чем просто честного человека. Как только ни пытались истолковать слова великого мистификатора. Делает это и Григорий Померанц.

Поучительно видеть, как современный концептуалист перетолковывает символический смысл выражения, данного реалистом. Тут не просто подмена тезиса, но и непонимание сути, перевертывание смысла; одно и то же изъясняется с различных точек зрения, хотя исходный тезис сохраняется как абсолютная «формула» (ставится знак равенства между формулой и формой).

Реалист Леонтьев действует изнутри ментальности, соотнося друг с другом естественное чувство стыда и идеальную его форму — совесть, сравнивает «вещь» с «идеей». Типичный для русского реалиста ход мысли: необходимо сверить нравственное чувство с мыслимым его идеалом. Такое чувство не отрицает и выражение ***ни стыда ни совести*** (типично русское): в ком нет стыда, в том и совести нет. Реалист поверяет вещественное духовным. Владимир Соловьев в своем «Оправдании добра» показал, что естественное чувство стыда есть основание всякой нравственности, на котором созидается весь храм национальной морали. Отрицать стыд за русским человеком, стыдливо застенчивым в проявлениях своих чувств,

по меньшей мере странно, если не сказать больше. Это значило бы отрицать за ним всякую вообще нравственность.

Но Померанц рассуждает извне этой ментальности и потому исходит из уже готовой идеи, из совести, не отказывая в ней и русскому, но отрицая за ним наличие стыда. Он соотносит друг с другом не чувство и идею, но чувство и термин. «Если в русском народе и в литературе бросается в глаза повышенная совестливость, то с чем она связана? Видимо, с повышенной способностью к преступлению, с нестойкостью нравственных образцов, с тяготением к безднам, которые тоже можно проследить и в жизни, и в литературе... Я даже думаю, что совестливость как-то прямо связана с деловой недобросовестностью. Иногда даже у одного и того же человека» — как бы нравственное восполнение в «культуре вины». Из такого рассуждения вытекает соотношение: **стыд — честность, совесть — святость.**

Размышление о терминах происходит при одновременном отталкивании идеи от ее про-явлений, что исключает их связь друг с другом.

Стыд как проявление честности перед другим человеком в миру (вещественно), совесть как проявление святости перед Богом (или перед другим человеком, но чрез Бога, т. е. идеально). Да и типы святости, в свою очередь, различны. Ведь это проявления совести, т. е. идеи, а не естественное чувство стыда. Так, «русской святости чаще всего противостоит самодур, деспот, а еврейской — предатель» — явное преуменьшение силы святости. Опять ищет только противоположности, не соотнося проявления крайностей в возможных их совпадениях.

Указаны и крайности: конфуцианец руководствуется чувством стыда — он лично честен, но бессовестен; русский руководствуется совестью — он лично совестлив, но бесчестен. Идеал, указанный нам, как «очень высокий уровень честности», прежде всего — профессиональной («исключительная добросовестность в труде» и пр.).

Честь и совесть, конечно, различные проявления одного и того же, но и честность — не честь, и совестливость — еще не совесть. Подменой терминов выстраивается умозаключение (концептуалисту без силлогизмов никак нельзя):

Постоянный акцент на совести связан с недостатком стыда.
В русском народе повышенная совестливость.
У русского нет никакого стыда.

Или в более общем виде:

Совестливость исключает честность.
Отсутствие честности повышает способность к преступлению.
Совесть как источник совестливости бесполезна в миру.

Но допустим, что Леонтьев и Померанц философствуют, т. е. включаются в некую идею — один на нее на-ходит, другой из нее ис-ходит. Как же быть не с типом, не с типажом, а с типичным, весьма конкретным человеком? Сказать ему: «Совесть не полезна, а святость избыточна?» Такое уже говорили, известно, что из этого

вышло. Вот и чувство жалости, как «национальное русское чувство, испепеленное революциями» (Андрей Платонов) тоже побоку? Сказать, что, мол, нет у тебя стыда?

Кстати говоря, и честность можно понимать по-разному. Для русского честность есть проявление его отношения к окружающему миру (миру и как обществу), а не выражение его **поведения**, т. е. совпадает и с другими формами отношений, например, так же понимается и любовь — в умении спрашивать, слушать, сомневаться и заключается **«исходная подлинная честность»** (Ильин). Русскоязычный автор не смешивает внешнее и внутреннее: *сознание* и *совесть* — совесть и стыд; представитель любого европейского языка (это заметил еще Соловьев) не различает рациональное и духовное: сознание и совесть обозначает одним и тем же словом.

Современные концептуалисты совершают ту же ошибку.

«Человеческое сознание — не что иное, как совесть. Сознание и есть осмысление смысла», тогда как «совесть — сверхличность, с которой мое Я находится в постоянном диалоге», и вместе с тем совесть — в сердце (а сознание?). «Границы чести суть границы стыда — место, где они соприкасаются, есть границы личности», так что честь — внешнее, а стыд — внутреннее осознание одного и того же, но в то же время и «стыд есть эмоциональное проявление совести». Такая сложная связь, что трудно разобраться в переплетении оттенков; а все потому, что честь и совесть — все-таки символы разного уровня, и толковать их следует как символы.

Чистая совесть, по мнению Тульчинского, есть отсутствие совести, поскольку «совесть потому и совесть, что она нечиста...» (любимая мысль автора, неоднократно повторенная). Такое утверждение мало того, что приравнивает совесть к сознанию, но и возвращает ее во времена язычества, когда совесть и есть честь. А апостол Павел, введший идею совести в христианский закон, говорил, между прочим, именно о **чистой совести.**

Так что лучше бы говорить — **чистая совесть.**

Когда русский философ в своих интуициях глубоко проник в сущность явления и сумел его выразить в слове — стоит ли вообще возвращаться к вопросу, пересказывая вторичные свои интуиции своими невнятными словами?

Вот как понимает признаки чести русский писатель, тонко чувствовавший русскую ментальность, Тургенев: «Странное дело! Этих четырех качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе — а в языке они есть... Значит, будут и в народе». «Да нешто много таких... для кого есть честь?» — вопрошал Алексей Ремизов, а Николай Бердяев ответил веско: «Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развито чувство чести».

Сравним высказывания русских философов с толкованием чести у современного моралиста, Солженицына (со слов его биографа): «На нижнем, мирском уровне он взывает к чести. Честь состоит в том, чтобы не марать своей души, быть лучше жертвою, чем пала-

чом... Но на высшем, положительном уровне — это призыв к жертве. Честь сближает героев Солженицына с героями античной древности — со стоиками и со средневековыми рыцарями. Жертва направляет их к христианской святости».

В любом случае личная совесть человека предпочтительна перед «сознательностью», которую навязывает среда. То, что связано с сознанием, сознательностью, то окутано мыслью «об отрицательном отношении», говорит Соловьев, выражая русское представление о сознательности. «Активного глагола **сознавать** вовсе нет в народной русской речи, а есть только возвратный **сознаваться.** Сознаются люди в своих недостатках, грехах, преступлениях; сознаваться в своих добродетелях и преимуществах так же противно духу русского языка, как духу христианского смирения. Да и с точки зрения практической мудрости гораздо лучше предоставить другим признавать наши доблести и заслуги, а самим побольше заботиться об исправлении своих недостатков».

Другое дело, что со-весть и сама является порождением соборного со-знания; однако ясно, что даже и в этом случае внимание обращено на нравственные моменты «знания», на соборное отношение к личному долгу. Таким образом, честь героя не сводима к совести святого, хотя жертвуют они оба. За разведение двух ипостасей нравственного подвига (подвига и подвижничества) с различной наградой (честью и славой) Жорж Нива обвиняет Солженицына в манихействе: «Этому манихею нужен открытый враг».

Конечно, Солженицын тут ни при чем, манихейство не личная его вина, он выражает русскую точку зрения на двузначность мирского подвига и награду за него. О «враге» же следует говорить особо; ведь в виду имеется не супостат, не противник, а именно — враг. Не внешним образом противопоставленный тебе некто, кто стал супротив тебя, а враг духовный; может быть, это и ты сам в раздвоенности мятущейся души, как хилость (подобно героям Достоевского), как сам себе ворог-враг. **Враг** в русском духовном сознании всегда предстает **как диавол.** Это противник духовный.

Честь и достоинство

Общую последовательность многих из числа описанных символов русской культуры помогают выявить хронологические границы образования или действия тех или иных концептов ментальности.

Идея **чести** несомненно шире символа «честь», но символ не развивается во времени, а идея постоянно растет в содержательности. Идея изменяет оттенки своего осуществления.

Вот как примерно происходило это в русском сознании, начиная с древних времен, когда действовала язычески феодальная формула ***честь и слава,*** и кончая современными залетными словечками, за которыми скрываются искаженные идеи русской ментальности:

честь — почесть — уважение — достоинство — репутация — престиж.

Корень слова, утративший древний смысл ‘часть’, по-прежнему амбивалентен по значению, и ‘счесть’, и ‘прочесть’ одновременно: **почитать** как читать и славить. Идея «обдумывания» предполагает коллективное действие: **прочесть** кому-то, а не мыслить в одиночку. Прочитать и по-читать создают движение идеи в ментальном пространстве: счет (по частям) — чтение (по почете) — почитание.

Но почитание как знак социального достоинства возникает в связи с новыми отношениями в обществе, когда начинает ценится не вещная часть добычи ли, собственности, а содержательность слова; **уважить** — оценить, взвесив на весах разума (**вага** — ‘вес, тяжесть’). Возникает отношение уважения.

Не каждый достоин уважения в чести, чести удостоится досточтимый. **Честь и достоинство** — сдвоенная формула, в пределах которой происходит перенесение смысла от соблюдения сословной чести к сохранению личного достоинства.

Репутация — слово и понятие, заключенное в слове, пришли к нам из польского языка при Петре I. Смысл достоинства изменяется: это не оценка личности со стороны общества, а данная авторитетность харизмы, которую следует принять как должное и осмыслить в личном опыте (латинское слово *reputatio* значит ‘созерцание, обдумывание’). Достоинство в **идее**, оно — **идеально**. Французское слово *prestige* является еще позже и означает авторитетность влияния, связано с практической деятельностью человека; это достоинство в **деле**, оно — вещно. Поэтому слово и получило русский суффикс, опредмечивающий понятие: *престижность*.

Последовательность развития идеи чести привело к полному истреблению понятия чести, ведь латинское слово *praestigium,* к которому восходит слово французское, значит ‘обман, заблуждение’. Престиж есть сугубо личное м н е н и е о достоинстве объекта, некое марево, окутывающее лицо, быть может, достоинством не обладающее. Вранье, говоря по-русски.

И мы не верим в достоинство престижности и репутаций прежде всего потому, что в чужеродных терминах нет понятного нам, ведущего нашу мысль внутреннего образа, концепта — но поскольку это не символ, то и мы «без понятия», что бы это такое было — пока не заглянем в словари.

Но важно иное.

Только в исторической перспективе развития родного концепта — первообраза, мыслесимвола — мы получаем содержательную глубину смысла, так что и ментальность воспринимается как система лишь в историческом развитии идеи — до исчезновения ее в нетях, если, конечно, мы это допустим. «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

И еще: все производные слова, в последовательности своего появления уточняющие смысл коренного концепта, являются нам значительно позже основных — именных — слов, корень которых и содержит в себе символ. Все такие слова чаще всего отглагольные, связаны не со смыслом исходного символа, но с выражением **действия** согласно та-

кому символу: почитать — почесть, уважить — уважение, достоит — достоинство и пр. Лишь воплощенный в деле символ обладает рангом достоинства, и потому отважный прекрасен (ибо рискнул), а важный — сомнителен в нравственном праве, он всего лишь «взвешен» на весах размышления, и по существу может оказаться легковесным.

Наконец, в семантическом плане движение мысли идет от восприятия цельности мира, от вещи (***честь*** как их ***часть***) к идеальности частного, данного в личном мнении, которое тотчас же рождает — у других — со-мнение... Лишив себя степени общественного суждения, личность с престижем и репутацией как бы отстранена от мира, самолюбиво выпячивает свои достоинства, которых все остальные вправе не признавать.

Вот оно, пресловутое русское упрямство, не приемлющее навязываемых миру божков и гениев. «Но чего вы хотите? Некультурные люди-с...»

На каком моменте утрачивается национальный концепт, обедняя русскую ментальность? На моменте заимствования, вполне определенно. Пытаясь утвердить понятие как формулу якобы точного знания («научного» и абсолютного), устраняют символ, а включением заемного термина в нашу речь оскопляют в ментальном ряду.

Русское представление о чести сформировалось к XVII в. и выражено словом ***достоинство.*** В нем, в этом слове, все, и честь, и харизма, — а остальное приложится. «Ты меня уважаешь?» — в прошлом. «Он утратил престиж, у него дурная репутация» — все в отрицательном, двусмысленно порочащем тоне.

Культура первична — феномен нравственности вторичен; это достоинство человека. «Достоинство — понятие мировоззренческое». И русское понимание «демократии кладет в основу народовластия незыблемые нравственные начала, и прежде всего — признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании; ибо оно одно исключает возможность возведения личности на степень средства и гарантирует ее свободу независимо от того, является ли она представительницей большинства или меньшинства в обществе. Весь пафос свободы не имеет ни малейшего смысла, если в человеке нет той святыни, пред которой мы должны преклоняться» (С. Л. Франк).

В. В. Виноградов

Шумиха и неразбериха[1]

Слово *шумиха* в значении ‘сенсация, оживленные толки’ в русском литературном языке стоит одиноко среди слов с суффиксом *-иха.*

[1] Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком: 2) шумиха и неразбериха // Бюллетень диалектологического сектора ИРЯ АН СССР. Вып. 3. 1948 г.

Суффиксу *-иха* свойственны живые значения: самки животного (например, *волчиха, зайчиха, слониха, крольчиха* и т. п.), жены кого-нибудь (в образованиях от названий лиц по сословию, профессии или по фамилии, например, *Кабаниха* в «Грозе» Островского, *купчиха, дворничиха, мельничиха* и т. п.), или вообще женщины по социальному характеру, по профессии (*щеголиха, портниха, ткачиха, поварихa* и т. п.)[1]. Ср. у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»:

А *ткачиха* с *поварихой*,
С сватьей бабой *Бабарихой*...

Слово *шумиха* попало в литературный язык из народной речи так же, как и слова *неразбериха, облепиха* (со значениями: 1) ‘высокий колючий кустарник с ароматичной кисловатой желтой ягодой’, 2) ‘водочная настойка на этой ягоде’).

Ср. *задериха* — головной убор замужних женщин (А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельск. наречия; ср. Академический словарь русского языка, т. 2, вып. 4, с. 997); *заманиха* — «козни, сети, ловушка, ухищрения»; «глухое русло, ложный фарватер» и т. п. (Словарь русского языка, т. 2, вып. 5, с. 1395); ср. *заманиха* — кустарник (сл. АР 1792, ч. 3, с. 16). Ср. в Череповецком говоре: *поманúха* — ожиданье, жданье. Поговорка: *«поманúха* подождихе сестра родная» (Герасимов, Сл. уездного Череповецк. говора, с. 74).

Академик Иноходцов в «Месяцеслове историческом и географическом на 1796 год» так писал о жительницах Каргополя: «Женщины на головах имеют *сдериху* так устроенную, что бываемые на лице морщины посредством ее уничтожаются. От чего сия сделанная на шнурах машинка надо лбом представляет вид лошадиного копыта. *Сдериха* покрывается кокошником, унизанным жемчугом...» (Сухомлинов, вып. 3, с. 232). Ср. *заварихa* — каша из заваренной в кипятке крупы, муки или кисель (см. сл. Грота — Шахматова, 1899, т. 2, вып. 3, с. 774)[2]. Ср. также: *блестихa* — колючий кустарник... (сл. Грота — Шахматова, 1891, вып. 1, с. 207), *глотúха* — черемуха в Ярославской губернии (Бурнашев, Опыт терм. сл., 1, с. 144). В книге М. А. Дмитриева «Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения» (М., 1863) так рассказывается о предсмертном разговоре И. М. Долгорукого с княгиней Горчаковой: «Он спросил ее по-французски: «Чем будете меня вспоминать?» — Она отвечала очень некстати: «любезностью, которой нет подобной!» — Он огорчился и сказал: «C’est donc 1à 1e souvenir que je laisse après moi?.. Hélas! ce n’est que du clinquant!” “Так вот какую я память после себя оставлю?.. это одна *глумиха»»* (с. 161).

---

[1] См. Акад. В. В. Виноградов. Современный русский язык. Вып. 2. М., 1938. С. 80.

[2] Ср. также в статье Д. К. Зеленина. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии (Живая Старина. 1901. Вып. 1. С. 86): *«завариха* — каша из заварной гречневой крупы». Ср. в статье Ф. И. Покровского. О народном говоре Чухломского у. Костромской губ. (Живая Старина. 1899. Вып. 3. С. 347 и след.): «*ломиха* — долго не обыскивающаяся, не телящаяся корова».

По-видимому, слова отглагольного происхождения с суффиксом *-иха,* обозначающие предмет по действию, особенно распространены в севернорусских говорах. Слово *шумиха* также, можно предполагать, вошло в русский литературный язык из северно-русского наречия. Но его первоначальное значение было далеко от современного литературного.

Современное значение слова *шумиха* сложилось в газетном и журнальном языке и притом не ранее 30–40-х годов XIX в. (ср. *газетная шумиха, поднять шумиху вокруг новой пьесы* и т. п.).

Слово *шумиха* русскому литературному языку XVIII и первой половины XIX в. было известно в профессиональном значении ‘мишура, разбитая в тонкие листочки’. Например, у Державина:

О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина,
Или в *шумиху* дурака.
(*Вельможе*)

Ср. также:

На место чиста злата
Шумихи любят блеск.
(*Афинейскому витязю*)

А. А. Потебня в своем исследовании «О связи некоторых представлений в языке», рассматривая связь шума листьев и речи, указывал на то, что *«сусальное золото* иначе называется *шумихою»*, и отмечал областное великорусское слово — *«шумиха,* осока, которая, как известно, шумит особым, металлическим шумом» (Потебня 1914, с. 146). Это слово было приведено еще в «Опыте областного великорусского словаря» (1852): *«шумиха,* и, с. ж. Осока, болотная трава. Перм. Ирбит.» (с. 268).

Слово *шумиха* употребляется со значением ‘сено’ в языке портных д. Дягонька, Сильковской вол. Мосальского у. (см. В. Н. Добровольский. Некоторые данные условного языка Калужских рабочих // Изв. ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 4, с. 1408).

Д. К. Зеленин отметил в вятском говоре начала XX в. своеобразное применение слова *шумиха* в значении: «Часовня с чтимою иконою при мельнице... Говорят: „итти *на шуми́ху*“ (= на богомолье)... Выражаются и: *„шу́мному Богу* моли́ться“»[1].

Об эволюции значения слова *шумиха* писал еще раньше проф. П. А. Лавровский в своей статье «Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке» в связи с этимологией слова *сусальный* (сусальное золото): «Слово *сусальный* употребляется как эпитет золота в листках и, по форме своей, должно происходить от глагола *сусать,* как *молчальный* от *молчать, иг-*

[1] Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС АН. Т. 76. № 2. СПб., 1903. С. 184–185.

ральный от *игратъ, пристальный* от *пристать* и т. под. Этого коренного глагола в отечественном языке нет, зато находим мы его в наречии Чешском, в котором он является, согласно с фонетическими законами этого наречия, в виде *suseti,* что значит производить шелест, от того же корня есть и прилагательное *susliwý,* вполне равное нашему *сусальный* и по образованию (окончание *-альный* равно и в нашем языке окончанию *-ливый:* древнее *молчальный,* современное *молчаливый),* и по употреблению: как *сусальный* относится к тонким листикам золота, от малейшего дуновения производящим шелест, так и Чешск. *susliwý* только и относится к колеблющимся листьям (деревьев). Народ, произнося это слово теперь, уже не соединяет с ним той идеи, по которой образовалось оно; но, не забыв свойства самого предмета и желая выразить его в слове более для него понятном, он употребил другой термин, назвал листовое золото *шумихой,* как называет он *шумихой* болотную траву осоку, листья которой при самом слабом ветерке производят довольно явственный шум» (Изв. Имп. АН по Отд-ю русск. яз. и словесности, 2, 1853, с. 275).

Понятно, что в общелитературном языке экспрессивное слово *шумиха* постепенно утрачивало свои профессиональные и областные значения, включаясь в гнездо *шум — шуметь.*

Переносное значение — ‘сенсация, пустой эффект, шум, преувеличение, необоснованные толки’ в слове *шумиха* развилось не позднее 20–30-х годов XIX в. Оно [неоднократно] использовано В. Г. Белинским в его знаменитой статье «Литературные мечтания» (1834) [в значении ‘пустой, трескучий набор слов’; ‘словесный шум, лишенный глубокого внутреннего содержания’. Напр.: «Похвальные слова — плоды заказной работы, где одна только *шумиха* и возгласы...»; «Главный недостаток... состоит... в ораторской *шумихе...»*; «...его слог, за исключением первых четырех томов, где по большей части одна риторическая *шумиха...* имеет характер важности, величавости и энергии, и часто переходит в истинное красноречие» (Белинский 1900, 1, с. 333, 350). Любопытно переносное употребление слова *шумиха,* опирающееся на то же значение — шумящего сусального золота, в критических статьях Марлинского (А. Бестужева): «Вторая, несомненная степень Поэзии есть Эпопея, т. е. народные предания о старине, одетые в *шумиху* басни» («Московский телеграф, 1833, № 15, ч. 52, с. 413). Ср. в «Воспоминаниях» Б. Н. Чичерина («Москва сороковых годов»): «Первая лекция [Н. Крылова. — *В. В.*] была рассчитана на эффект, и, точно, она многих поразила; но, в сущности, это была странная *шумиха»* (М., 1929, с. 62). «Первая половина статьи Крылова, появившаяся в „Русской Беседе“, произвела громадный эффект. (...) Скоро, однако, стали догадываться, что под этою мишурою скрывается совершенная пустота содержания, что противоречия и неясность оказываются на каждом шагу, что фактическая сторона никуда не годится, что все это, наконец, не более, как громкая *шумиха»* (с. 272).

У И. А. Гончарова в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879): «Праздная фантазия в таких натурах [как Райский. — *В. В.*] чаще

всего бросается в сферу чувств, во все виды и роды *любвей,* производя экзальтацию, творя идолы и идеалы, порождая из всего этого какую-то горячку или *шумиху,* что-то жалкое и смешное»[1].

Однотипное со словом *шумиха* слово *неразбериха* в современной разговорной речи очень активно. Оно окутано экспрессией несколько иронической или пренебрежительной фамильярности. Оно обозначает: ‘запутанное положение, отсутствие ясности и порядка в чем-нибудь’.

Морфологический состав этого слова и его стилистическая окраска свидетельствуют о его органической связи со стихией живой устной речи. В этом слове так же, как и в слове *шумиха,* суффикс *-их-*(*а*) выполняет функцию, свойственную ему не в литературном языке, а в народных говорах: он указывает на предметно отвлеченное значение слова. Строение основы в слове *неразбериха* также очень любопытно: *неразбер-* это глагольная основа не инфинитива, а настоящего времени — повелительного наклонения (ср. разговорно-шутливое выражение: «не *разбери-бери»).* Ср. областное *обдериха* — нечистый дух в бане (арханг.); *опали́ха* — печеный картофель[2] и др.

Слово *неразбериха* не отмечено ни в одном словаре русского языка до конца XIX в. Оно укрепилось в литературном языке не раньше последних десятилетий XIX в. или даже начала XX века.

Б. А. Ларин

Из истории слов (*лютый зверь*, *семья*, *кавардак*)[3]

С историей народа, его воззрений, моральных оценок, социального уклада, быта и культурных достижений непосредственно и широко связан словарный состав языка. Это положение покоится на давнишнем и богатом опыте языковедов, работающих над областными словарями, над фразеологией и идиоматикой народной речи, над историей слова.

Изменчивость, текучесть словарного состава также давно показана и в исторических словарях, и в работах филологов над древними памятниками письменности и литературы.

Конкретный анализ исторического изменения значений слов и словосочетаний, истории обогащений и утрат словаря русского и

---

[1] В статье И. А. Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» (Собр. соч. 1955. Т. 8, с. 87; 1980. Т. 8. С. 122): «Праздная фантазия в таких натурах чаще всего бросается в сферу чувств, во все виды и роды любвей, производя экзальтацию, творя идолы и идеалы, порождая из всего этого какую-то горячку или *шутиху*, что-то жалкое и смешное». В рукописи В. В. Виноградова в слове *шутиху* правка: *т* переправлено на *м*; ср. *«шутиха* — 2. фейерверочная ракета, оставляющая зигзагообразный огненный след» (БАС, 17, с. 1626). — *Ред.*

[2] Труды комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 11. Л., 1930. С. 15.

[3] Из истории слов // Памяти акад. Л. В. Щербы / Под. ред. Л. Р. Зиндера, Б. А. Ларина, М. И. Матусевич.

других языков становится теперь еще более увлекательным и важным делом лексиколога. <...>

Слово *семья* переносит нас в область понятий социального уклада. Оно имело сложнейшую историю употребления. Значение его сильно менялось, никогда не было узким и простым. Оно продолжает свою историю и в наши дни.

Слово *кавардак* появляется в русском языке гораздо позже, чем *семья*. <...> Взамен конкретного значения оно приобретает более абстрактное через метафорическое употребление. В этом некоторое своеобразие его истории по сравнению с другими, но самая схема истории значения этого слова довольно типична для многих слов, как это будет видно из последующих очерков. <...>

2. Семья

В старославянском языке слово *сѣмия* употреблялось с собирательным значением ‘рабы, челядь’. От него было произведено сингулятивное *сѣминъ* — ‘раб’.

В литовском есть соответствующее слово šeimýna, диал. šeimà (в Литовском словаре А. Юшкевича, т. 1, с. 374), значит ‘семья, родня, челядь’. В латышском sàime — ‘челядь, большая семья’.

В южных и западнославянских языках это слово теперь не употребляется. В польском следы его лишь в именах: Seimirad, Siemowit, Siemomysł.

В древнерусском языке широко отражалась до конца XIV в. старославянская традиция (значение ‘рабы, челядь’), но наряду с нею с XII в. засвидетельствовано и второе, собственно русское значение ‘семейство, родственники’. Близость этого старого русского значения к указанным выше значениям латышского sàime и литовского šeimà, šeimýna позволяет считать древнейшим, какое мы можем проследить: ‘большая семья, задруга’. Это наследие дофеодальной, родо-племенной эпохи. Резкое изменение значения после внедрения феодализма показывают старославянские тексты (и позднейшие русские отражения их): теперь уже не ‘коллектив родни’, а ‘челядь, слуги, рабы’ обозначаются этим словом. Однако более старое значение не отмирает; именно в русском языке оно претерпевает не столь резкий семантический сдвиг, как в старославянском: будучи перенесено на новую социальную формацию, на м а л у ю с е м ь ю, это древнее значение сохранилось и поныне в русском литературном языке и большинстве диалектов.

Однако в истории слова *семья* был еще один, специфически русский этап. Древнерусские тексты XVI–XVII вв. дают материал, свидетельствующий, что слово *семья* имело наиболее сложную семантическую структуру именно в этот период.

I. Ближе всего старославянскому, но не тождественное, а в сущности б о л е е д р е в н е е значение мы видим в таких текстах: 1) 1660 г.: «Взяли его Стеньку въ полонъ татаровя съ женою и съ дѣтьми и со

своею *семьею,* а взято у него изъ одного дому въ полонъ 10 человѣкъ»; 2) 1585—1589 гг.: «Купили три пуды соли вь вотчину на *семью* на домашнюю и для прибыльныхъ дѣловых наемных людей ко жниву и къ сѣнокосу» (т. е. ‘в том числе и для наемных людей’). Здесь *семья* значит ‘хозяйственный коллектив из лиц родственных и неродственных’.

От этого общего значения путем метафорического употребления дифференцируются два специальных — одно в обиходе делового языка, другое в интимно-семейном и дружеском стиле.

II. 1) В Судебнике царя Федора Ивановича 1589 г. читаем: «И в обысках многие люди лжут *семьями* и заговоры великими».

2) Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., л. 135: «И того бы смотрели и берегли накрѣпко, чтобы обысканные люди *семьями* стакався въ обыскѣхъ не лгали». <...>

4) [Пам. диплом, сношений., 1516 г.]: «Да учали мне говорите: нынѣча есмя дѣлали дѣло государя великого князя всѣ трое нас заодин, что был государю нашему великому князю не слуга Абды-Рахман, был он не *семья».*

Если первая цитата не дает ясного указания, что тут слова *семья — заговор* являются синонимами, т. е. обозначают ‘единомышленники, сговорившиеся и действующие заодно’, то последняя цитата бросает яркий свет на все предыдущие.

Такое специфическое употребление слова *семья в* языке приказных дьяков и подьячих (московской бюрократии) продержалось лишь до второй половины XVII в., судя по имеющимся у нас материалам.

III. Ряд текстов не оставляет сомнений, что примерно в то же самое время слово *семья* в разговорной речи средних (а потом и высших) сословий приобретает новое переносное значение, заслоняющее принадлежность его к словообразовательному типу имен собирательных, — оно употребляется как синоним слова *жена.*

1) «Дал вкладу ... Клементий Еутропьевъ сынъ Тропина за себя да за дѣтей своихъ — за сына за Матфея да за Исайю да за Ивана *да за семью свою Матрену* да за дочерь за Олену за здравье поминати ... полчетвертатцать рублевъ».

2) *«Андреевская семья* Петровича Клешнина Ирина Андрѣевна...».

3) «Былъ государевъ бояринъ ... въ монастыре похоронять *семьи своей Агрипены».*

4) «Я дожидаюсь твою *семью, жену».* <...>

Это значение нашего слова известно еще и теперь кое-где в говорах Верхнего Поволжья, кое-где на Дону. Сохранилось оно и в фольклоре. <...>

Современное основное значение слова *семья* отличается от средневекового тем, что отсутствует противопоставление: сам, муж, хозяин ~ семья (ему подвластная, его владение). Наша *семья* значит — ‘оба родителя и дети’ (а иногда и близкие, вместе живущие родственники).

У феодала семья состояла из дворни (слуг, рабов), кабальных и закладных людей и кое-каких приживальщиков, дальней родни.

Семья крестьянина состояла только из жены и детей, да иногда стариков, но на старом понятии крестьянина о семье и правах над нею отразились воззрения феодала. Наше употребление этого слова ближе связано именно с крестьянским или посадским, а не с феодальным его применением.

Снова отмечу, что о б о б щ е н н о е з н а ч е н и е или применение в обобщенном смысле проходит через всю историю слова с древнейшей поры и доныне как самое стойкое, при всех конкретизациях, притом оно существует с ними параллельно.

3. Кавардак

История слова *кавардак* гораздо более короткая, близкая, но тем не менее сложная в перипетиях семасиологического развития и потому особенно любопытная.

Это слово с эпохи татарского ига изустным путем начало проникать в народные говоры. В деловом приказном языке оно прослеживается только с конца XVI в., в XVIII в. почти не употребляется, а в XIX–XX вв. широко известно в крестьянских диалектах; со второй половины XIX в. довольно часто встречается в художественной литературе, но в особом от народного значении.

По мнению акад. Корша, оно заимствовано из киргизского *куурдак* — ‘мелко искрошенная и изжаренная в прокипяченном масле баранина’. Древнее значение этого слова сохранено в нерчинских говорах — ‘жаркое из печени и сердца барана, мелко искрошенных, одетое брюшинной рубашкой того же барана’. Вариант этого исходного значения слова сохранился в говоре уральских казаков: «вяленые кусочки красной рыбы. Теперь кавардаков совсем уже не делают».

Богатый материал по двоякому применению этого слова в XVII в. дают дела Приказа тайных дел, кн. 1:

1) «Велено наготовить ... на стрелецкие кормки *ковардаку ветчинного»* <...>

4) «Прислано ... *ковардаку* рыбья з жиром, белужья пластинчатого 13 вѣдръ, сомовья пластинчатого 11 вѣдръ» <...>

Ранее *ковардакъ астраханской* упоминается в Столовой книге патриарха Филарета Никитича. В Кладовой росписи боярина Б. И. Морозова читаем: «...взято съ Москвы съ Борисомъ Ивановичемъ столовыхъ обиходовъ ... кадка икры паюсной, кадка икры луконныя, кадка *кавардаку,* галенокъ лимоновъ...».

От степняков мы переняли способы консервирования мяса и рыбы для дальних походов провяливанием и заливкой жиром. Доведя это изготовление кавардака до высокого совершенства, придворные и боярские повара превратили этот вид походной пищи в лакомство, которым царь угощает и одаряет в знак особой милости, а бояре,

отъезжая в свои поместья, не забывают захватить с собой кавардаку наряду с лимонами и паюсной икрой. Но когда это блюдо указано было готовить для казенной «кормки» низшего войскового состава, оно быстро утратило все свои достоинства. Можно представить себе, каким кавардаком стали кормить солдат подрядчики-казнокрады, если прочитать историю этой реалии в народном предании, в показаниях крестьянских говоров XIX в. [Опыт]:

1) «Жидкое кушанье дурно приготовленное» (москов., симбирск., тамбов.).

2) «Кушанье из различных припасов (из щей, сухарей, луку и проч.)». <...> Понятно, что это слово, своего рода обвинительный документ против администрации, — не попало в словари Академии Российской; нет его и в «Лексиконе треязычном» 1704 г., нет и в Словаре Ив. Гейма. К тому же его реалия, кушанье — вышло из обихода высших классов.

Жуковский еще мог употребить это слово в старинном значении — как яркий штрих в шутливой пародии на ироическую поэму, с туманным намеком на новое значение:

> Меж тем собирался
> Тихо на береге Карповки (славной реки, где водятся карпы,
> Где, по преданию, Карп богатырь *кавардак* по субботам
> Ел, отдыхая от славы), на береге Карповки славной
> В семь часов ввечеру Арзамас двадесятый.
> (Протокол 20-го Арзамасского заседания (1817 г.).

Но скоро это слово войдет в литературный язык как ходовая заглохшая метафора:

«А тогда и прочие начнут выдумывать, и выйдет у нас *смятение,* т. е. *кавардак»* [Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши]; «Иначе он, зная все старые глупости, *может наделать чорт знает какого кавардаку,* так как он способен удивить свет своею подлостью» [Лесков. Соборяне]. <...>

Самым критическим моментом в истории слова *кавардак* был переход от предметного значения к абстрактному. И здесь недостаточно было общей закономерности метафорического применения, так как уже появление названия *постный кавардак* было обусловлено метафорой (по сходству способов приготовления). Только резкое усиление эмоциональной окраски (вследствие изменения самой реалии) создало предпосылку для того особого вида метафоры — по эмоционально-оценочному ореолу значения, который позволил применять это слово к вызывающим неодобрение явлениям общественной жизни. Закономерной в этом семантическом скачке является утрата предметного, конкретного значения еще в силу того, что из узкой среды, из солдатского языкового обихода, в котором оно имело конкретное значение, слово перешло в общий язык буржуазного общества, где сохранен только эмоциональный тон его

и расплывчатый контур значения: «мешанина... и прескверная». Такие заимствования из аргоидных разговорных диалектов обычно не бывают долговечными в общем литературном языке.

Б. Л. Богородский

Топорная работа[1]

«Топор — очень полезное орудие труда; он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно неизящны, недаром мы говорим: “топорная работа”» (Плеханов. Н. А. Некрасов). Однако было время, когда из-под топора русских мастеров выходили высокохудожественные изделия. Топором и только топором были созданы в XVIII в. знаменитые произведения русского деревянного зодчества в Кижах.

Выражения *топорная работа* нет ни в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, ни в Картотеке древнерусского словаря, созданной под руководством Б. А. Ларина (хранится в Москве в Институте русского языка АН СССР). Впервые выражение *топорная работа* отмечено Новым лексиконом Волчкова 1755 г.: *«Топорная,* деревянная *работа* на кровле». Словосочетание встречается в работе «Растения Российского государства» (СПб., 1786) знаменитого путешественника и ученого-энциклопедиста П. Палласа: «Обыкновеннейшая годность соснового лесу в больших и малых плотничьих столярных, так и топорных работах, также для жжения угля, гонки смолы и проч. всем столько известна, что здесь излишне о том говорить пространно».

Вернее всего предполагать, что выражение сложилось в профессиональной среде плотников или лесорубов, но могло оно образоваться и в широкой народной речи. Не случайно *топорная работа* оказалось в Плаче матери при проводах солдата с побывки: «И можешь знать-ведать, скачоная жемчужина, И мы не к праздничку тебя да снаряжаем, И не в бурлакушки тебя мы отправляем, И не в *топорную работу* да заживную, И мы во дальнюю дорожку безъизвестную, И во злодийну эту службу государеву» (Барсов. Причитания Северного края).

* * *

Рядом с выражением *топорная работа* употреблялись синонимичные: *топорное дело, топорный труд:* «Сбор судов *топорного дела* установлен для сохранений лесов; ныне и сами поселяне, узнав колико выгоднее для самих пильной лес, топорного почти не делают» (Радищев. Записка о податях...); «Я был и в Сардаме, знаменитом тем, что здесь, можно сказать, собственным *топорным трудом* изучил Петр кораблестроение» [Записки С. Г. Волконского (декабриста)].

[1] Русская речь. М., 1982. № 5.

К судам топорного дела, или проще — «топорным судам» (до XVIII в. на строительство кораблей шли доски из-под топора), мы еще вернемся, а пока заметим, что прилагательное *топорный* не обладало широкой возможностью сочетаться с другими словами. Однако оно встречается в «Мертвых душах» Гоголя, но не в значении «связанный с использованием топора», а в значении «относящийся к топору»: «...летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с *топорным* стуком и вороньим криком…». В последнем значении слово приведено в 17-томном Словаре современного русского литературного языка: «Запустив же руку в большой карман пальто, он мог и конец *топорной* ручки придерживать, чтоб она не болталась...» (Достоевский. Преступление и наказание).

Начиная с конца XIX в. употребительность слова *топорный* в значении «связанный с использованием топора», как и словосочетаний с ним, значительно сокращается, но выражение *топорная работа* не следует считать архаизмом.

* * *

Утрачивая употребление в первичном нейтральном значении, выражение *топорная работа* приобретало новое, переносное, с отрицательной стилистической окраской. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова два раза обращается к словосочетанию. Сначала в статье *Работа:* «Качество или способ исполнения… *Аккуратная работа, Грязная работа, Топорная работа».* А затем в статье *Топорный:* «Грубый, неуклюжий, как бы сделанный топором, не тонко». Любопытно, что и первое, и второе (переносное) значения имеют одну и ту же иллюстрацию из произведения Салтыкова-Щедрина: «Старинные, *топорной* работы, помещичьи экипажи». Цитата скорее относится ко второму значению, чем к первому, и свидетельствует о том, что метафора остается живой до тех пор, пока сохраняется прямое значение выражения. Оценочный характер и был причиной тому, что словосочетание упрочило за собой значительную употребительность. Но ни широкая известность сложившегося оборота, ни метафоричность в слове *топорный* не позволяют считать выражение фразеологизмом. Естественно, что *топорной работы* нет ни во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова, ни среди подлинных фразеологизмов, рассмотренных А. М. Бабкиным в книге «Русская фразеология, ее развитие и источники» (Л., 1970). В словосочетании нет той спаянности компонентов, которая привносила бы в оборот новое содержание или, по меткому выражению Б. А. Ларина, придавала бы ему «прибавочное значение».

* * *

Что же содействовало тому, что слово *топорный* приобрело метафорический смысл, и когда этот факт произошел в истории языка?

Во второй половине XVIII в. происходит довольно энергичное вытеснение так называемой «топорной доски». Ее заменяет «пильная

доска», т. е. вышедшая из-под пилы — режущего орудия, прежде неизвестного в практике. В середине XVIII в. выходит правительственный закон, запрещающий употребление топорных досок, потому что «на бревна пильных досок быть может пять, а по крайней мере четыре или три доски, а топорных одна или по нужде две выходит». Заботой о сохранении лесных богатств страны проникнуто и следующее высказывание Г. Р. Державина: «Известно, что из самого матерого дерева *топорных тесниц* не более двух выходит, а пильных шесть и восемь» (Мнение о судоходстве по р. Цне). И *топорная доска,* и синонимичное *топорная тесница* употреблялись с отрицательной оценкой. Приведем еще выражения, и тоже с негативной окраской: *топорные барки, топорные суда.* Их судьба та же, что и топорных досок: «И накрепко запретить вовсе *топорных судов* по Цне, по Мокше, по Выше и по Ваду, вновь не делать и им по сим рекам не плавать» (Там же).

Выражений с переосмысленным словом *топорный* становилось все больше, сгущалась их эмоциональная окрашенность. В этот ряд и вступает словосочетание *топорная работа.* Оно расстается со своим узкотехническим характером, но не теряет конкретности; начинает относиться к самым разным явлениям действительности. Всего чаще выражение выступает в родительном падеже, расширяя свой объем прибавлением разного рода дополнений, образуя устойчивое словосочетание *что-то топорной работы.* Разнообразится контекст расширившегося оборота, обогащается при этом семантика, не всегда сохраняется его негативный смысл.

Первым, по данным академической Картотеки XVIII в., кто смело перенес выражение в новую для него языковую среду, был А. Н. Радищев, назвав продуктом *топорной работы* неумело составленные стихи: «В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и *много стихов топорной работы;* другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле» (Путешествие из Петербурга в Москву). Не раз, и стилистически гораздо острее, это выражение использует В. Г. Белинский. Высмеиваются «стишки топорной работы» незадачливого поэта: «„А мне — живя в тиши моей, Имея слабый дар поэта, Приятно в тихий час ночей Хоть строчку написать для света“. *Сими наивными стишками топорной работы* заключает господин автор (А. Ч.) свою характеристическую картину в четырех главах» (Дворянские выборы). *Топорной работой* названы плохо разыгранные театральные сцены низкопробных пьес: «Уж конечно, смотреть комедию Мольера — более умное и благородное занятие, нежели отхлопывать себе руки и кричать без умолку при грубых двусмысленностях самодельных, передельных и переводных водевилей, или при *патетических сценах топорной работы самодельных и передельных драм»* (Критика на «Школу женщин»). Кроме выражения *топорная работа,* В. Г. Белинский использует синонимичное *топорная отделка:* «У Булгарина явно была предметом мысль — изобразить быт времен Екатерины Великой, — и это, несмотря на *топорную отделку* его *повести,* придало ей интерес» (Сто русских литераторов).

Вероятно, значительно раньше, чем неудачные литературные произведения, предметами топорной работы признавались (и прежде всего в разговорной речи) изделия из дерева. Семнадцатитомный Словарь предваряет иллюстрации характерным замечанием — «обычно о мебели»: «Посреди кухни стоял *стол топорной работы* с такими же стульями по бокам» (Вс. Иванов. Пархоменко).

У Н. Г. Чернышевского предметом топорной работы считается технически несовершенное охотничье ружье: «Половина жителей — хорошие стрелки; *ружья* у них *топорной работы,* конечно; но привычка и острота зрения делают их мастерами охотничьего дела» (Письма. Вилюйск. 1873. 24 ноября).

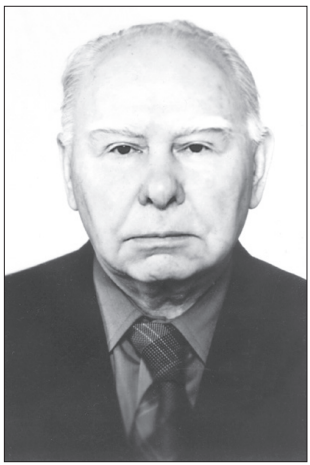
Совершенно в иной смысловой план переводит выражение А. И. Герцен. Вместо названия неодушевленного предмета в его языке выступает слово *мужчина*; тем самым значительно обогащается семантика словосочетания. Дана характеристика неуклюжего, нескладного, неповоротливого человека: «Алексей Леонтьевич Ловецкий был высокий, тяжело двигавшийся, *топорной работы мужчина,* с большим ртом и большим лицом, совершенно ничего не выражавшим» (Былое и думы). Та же линия использования словосочетания продолжается и позднее, при этом объем его значительно расширяется: *«Все в Захарыче было* аляповато, *грубой топорной работы,* но крупно и крепко» (Скиталец. Октава). Выражение *топорная работа* могло быть отнесено к определенной характеристике внешних особенностей человека: «Прахов коренаст, широк костью, *череп у него большой, в шишках, топорной работы, основательный и надежный»* (Гладков. Старая секретная). Не только внешние, но и внутренние особенности человека могут быть предметом топорной работы: «А *сердце* было во мне *не топорной работы,* а рождено было уже с нежнейшими чувствованиями» (Болотов. Записки). Речь, очевидно, идет о добросердечном человеке, обладающем сочувственным отношением к другим. Нельзя не отметить смелость и оригинальность словосочетания *сердце не топорной работы.* Надо еще иметь в виду и то, что оно отразилось в языке значительно раньше многих других, рассмотренных выше. «Записки» А. Т. Болотова изданы в третьей четверти XIX в., а были написаны в XVIII в.

Хотя анализируемое выражение и приняло стереотипную, часто встречающуюся форму *что-то топорной работы,* однако это не значит, что нельзя уже встретить сочетание в именительном падеже. В роли сказуемого *топорная работа* встречается у К. С. Станиславского: «Актерская игра — *топорная работа* по сравнению с подлинным живым переживанием, естественным воплощением самой природы, сплетающей паутину из человеческих чувств» (Искусство представления).

Со временем выражение *топорная работа* стало употребляться чаще, охватывая отрицательной характеристикой не только вещи, но и людей. Оценочное значение неизменно обеспечивало жизненность метафорическому выражению.

Ахманова Ольга Сергеевна (1908–1991)

Доктор филологических наук, профессор Московского гос. ун-та, специалист в области английской филологии и общего языкознания, лексикограф, автор «Словаря лингвистических терминов» (1966) и «Словаря омонимов русского языка» (1974).



Бабкин Александр Михайлович (1907–1986)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, научный сотрудник Словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинград); лексиколог, фразеолог, лексикограф; один из составителей и редакторов «Словаря современного русского литературного языка» (в 17 т.).

Виноградов Виктор Владимирович (1894/1895–1969)

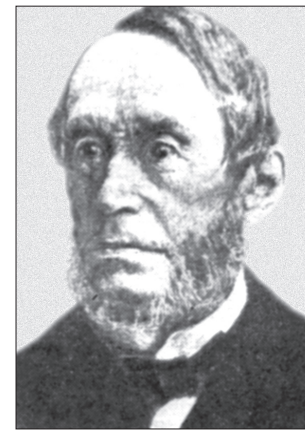
Доктор филологических наук, профессор Ленинградского и Московского гос. ун-тов, академик АН СССР, филолог; автор фундаментальных исследований в области общей теории языкознания, взаимосвязи славянских языков, истории русского литературного языка, русской лексикологии, фразеологии и лексикографии, грамматического строя русского языка, языка художественной литературы.

Винокур Григорий Осипович (1896–1947)

Доктор филологических наук, профессор Московского гос. ун-та, филолог; автор работ по истории русского литературного языка, русской исторической и современной стилистике, языку писателя, словообразованию; лексикограф, организатор работы по составлению «Словаря языка Пушкина».

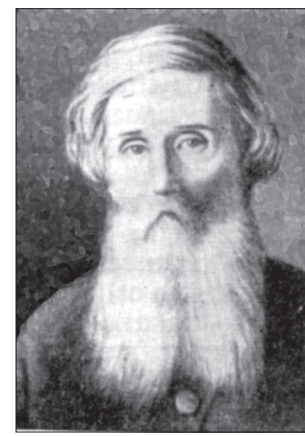
Грот Яков Карлович (1812–1893)

Академик Петербургской академии наук, филолог, лексикограф, теоретик русской орфографии, исследователь языка и стиля русских писателей XVIII–XIX вв., специалист по истории русской, шведской и финской литератур, по скандинавскому фольклору и мифологии.



Даль Владимир Иванович (1801–1872)

Русский лексикограф, писатель, этнограф. Автор-составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Член-корреспондент Петербургской академии наук. Почетный академик Петербургской академии наук.



Евгеньева Анастасия Петровна (1899–1985)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, научный сотрудник Словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинград); диалектолог, лексикограф, автор трудов по теории синонимии и фольклору. Автор концепции первого научно обоснованного двухтомного «Словаря синонимов русского языка» (1970–1971) и его гл. ред.; гл. ред. «Словаря русского языка» (в 4 т.).

Ковтун Людмила Степановна (1916–2001)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, научный сотрудник Словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинград); лексиколог, лексикограф, историк русского языка, специалист в области теории художественной речи и писательской лексикографии. Автор серии монографий по лексикографии Древней и Московской Руси, один из составителей и редакторов «Словаря современного русского литературного языка» (в 17 т.), «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» (в 6 вып.).

Котелова Надежда Захаровна (1925–1990)

Доктор филологических наук, научный сотрудник Словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинград); лексиколог, лексикограф, основатель неологии и неографии в отечественном языкознании.

Кутина Лидия Леонтьевна (1921–1987)

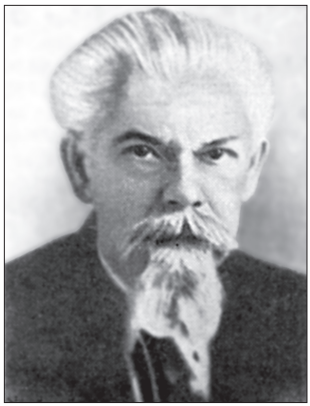
Доктор филологических наук, научный сотрудник Словарного сектора Инта русского языка АН СССР (Ленинград), лексиколог, лексикограф; один из руководителей группы «Словаря русского языка XVIII века» и его редакторов.

Ларин Борис Александрович (1893–1964)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, филолог; академик Литовской академии наук, член-корреспондент Украинской академии наук; специалист в области сравнительно-исторического и общего языкознания, славянских, балтийских языков, теории художественной речи, лексикограф, переводчик; основатель ряда экспериментальных словарей.

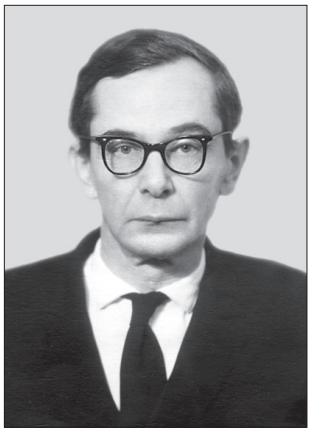
Молотков Александр Иванович (1916–2005)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, научный сотрудник Словарного сектора Инта русского языка АН СССР (Ленинград), лексиколог, фразеолог, лексикограф, автор концепции и гл. ред. «Фразеологического словаря русского языка».



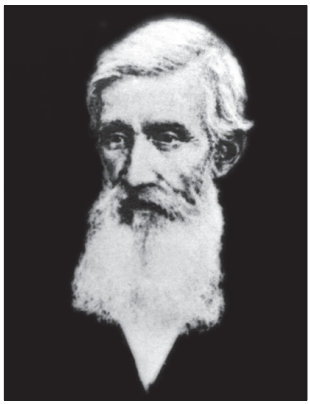
Ожегов Сергей Иванович (1900–1964)

Доктор филологических наук, профессор Московского гос. ун-та и МГПИ им. В. И. Ленина, лексиколог, лексикограф, исследователь норм русского литературного языка. Автор однотомного нормативного «Словаря русского языка» (1949), выдержавшего ряд изданий.



Сорокин Юрий Сергеевич (1913–1990)

Доктор филологических наук, профессор Ленинградского гос. ун-та, научный сотрудник Словарного сектора Ин-та русского языка АН СССР (Ленинград); специалист в области истории русского литературного языка и стилистики, лексиколог, лексикограф. Один из авторов концепции «Словаря русского языка XVIII века» и его гл. ред. (вып. 1–13).

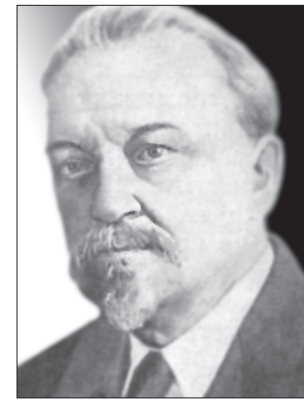


Срезневский Измаил Иванович (1812–1880)

Академик Петербургской академии наук, профессор Петербургского ун-та, филолог, этнограф, лексикограф, специалист по истории и диалектологии русского языка, палеографии, древнерусской литературе, фольклору славянских народов. Автор, «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (в 3 т.) .

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942)

Профессор Московского гос. ун-та, член-корреспондент АН СССР; автор исследований по общему языкознанию, диалектологии, русской орфографии и орфоэпии; лексикограф. Один из составителей и редактор «Толкового словаря русского языка» (1934–1940).



Филин Федот Петрович (1908–1982)

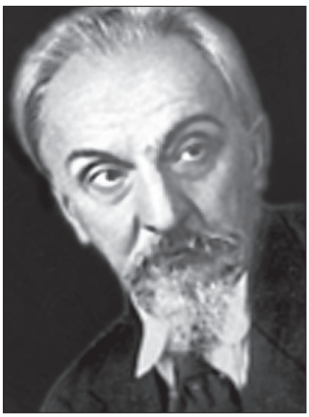
Доктор филологических наук, профессор Ленинградского ун-та, чл.-корр. АН СССР, лингвист; исследователь истории русского, украинского, белорусского языков, диалектолог и лексиколог, лексикограф. Один из редакторов «Словаря современного русского литературного языка» (в 17 т.) и «Словаря русских народных говоров».

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920)

Академик Петербургской академии наук, профессор Московского и Петербургского–Петроградского ун-тов, филолог; исследователь истории русского языка и его говоров, фонетики, славянской акцентологии, славянского этногенеза, морфологии и синтаксиса современного русского языка; лексикограф. Редактор академического «Словаря русского языка» (1895–1918).

Шведова Наталия Юльевна (1916–2009)

Доктор филологических наук, профессор Московского гос. ун-та, академик Российской академии наук, сотрудник Ин-та русского языка; специалист в области русской грамматики, истории русского литературного языка, лексиколог, лексикограф; с 1964 г. отв. ред. неоднократно переиздававшегося однотомного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, впоследствии его соавтор; с 1998 г. под ее общей редакцией выходит «Русский семантический словарь».



Щерба Лев Владимирович (1880–1944)

Доктор филологических наук, профессор Петроградского–Ленинградского гос. ун-та, академик АН СССР; языковед и педагог, автор основополагающих работ в области фонетики и фонологии, грамматики и стилистики, общего языкознания, теории и практики лексикографии, методики преподавания иностранных языков. Глава петербургской фонологической школы.

Содержание

От составителей 3

ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии....5
Вопросы 18
В. В. Морковкин. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» 19
Вопросы 24
Г. Н. Скляревская. Функциональная и стилистическая характеристика лексики....25
Вопросы 27
Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии 28
Вопросы и задания....41
Н. Ю. Шведова. Парадоксы словарной статьи....42
Н. Ю. Шведова . Автор или составитель. Об ответственности лексикографа 47
Вопросы 50
М. А. Тарасова. Как читать и понимать словарную статью 50
Вопросы и задания к разделу....53

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

Словарь Академии Российской
Л. Л. Кутина. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.)....54
Словарная статья....64
Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный....65
Вопросы и задания....65
Словарь церковнославянского и русского языка
И. И. Срезневский. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. Санкт-Петербург. I–IV, 1847....66
Словарные статьи....74
Вопросы и задания....74
В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка....75
В. И. Даль. Напутное слово....75
Словарные статьи....85
Вопросы и задания....89
Словарь русского языка под ред. акад. Я. К. Грота
Общие сведения 90
Словарные статьи....91
Вопросы и задания....93
Словарь русского языка под ред. А. А. Шахматова
Л. С. Ковтун. Основная идея шахматовской лексикографии 93
Словарная статья....98
Задания....104

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова
Как пользоваться словарем 104

Словарная статья 108
Вопросы и задания 109
Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.)
В. В. Виноградов. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания 109
Словарные статьи 121
Вопросы и задания 122
Словарь русского языка (в 4 т.) 122
С. И. Ожегов. Словарь русского языка 123

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ КОНЦА XX ВЕКА

С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка 123
Большой толковый словарь русского языка 124
Большой академический словарь русского языка 124
Вопросы и задания к разделу 127

АСПЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

СЛОВАРИ СИНОНИМОВ

Ю. Д. Апресян. Синонимические словари русского языка 128
Новый объяснительный словарь синонимов русского языка
Ю. Д. Апресян. Структура словарной статьи словаря 135
Словарные статьи 141
Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание
7 шагов, которые помогут вам найти нужный синоним 148
Как организована информация в словаре 149
Словарные статьи 151
Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений 159
З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка 159
Словарь синонимов русского языка. Гл. ред. А. П. Евгеньева 159
Вопросы и задания 161

СЛОВАРИ АНТОНИМОВ

Л. А. Новиков. Антонимия и словари антонимов 162
Вопросы 164
Л. А. Введенская. Словарь антонимов русского языка 165
М. Р. Львов. Словарь антонимов русского языка 165
Вопросы и задания 166

СЛОВАРИ ОМОНИМОВ

О. С. Ахманова. Словарь омонимов русского языка
Предисловие 167
Приложение 1. Функциональная омонимия 172
Словарные статьи 173
Вопросы и задания 175

ДИНАМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения
Г. Н. Скляревская. От редактора 175
Введение 175
Словарные статьи 183
Вопросы и задания 186

СЛОВАРИ НЕОЛОГИЗМОВ

Н. З. Котелова. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов 186
Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов 194

Н. З. Котелова . Предисловие 194
Новое в русской лексике. Словарные материалы–1991 198
Вопросы и задания 199

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

В. В. Морковкин. Идеографические словари 200
Вопросы и задания 207
Н. Ю. Шведова. Теоретические основы словаря 208
Вопросы 213
Вопросы и задания к разделу 213

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Г. А. Богатова. Историческая лексикография как жанр 216
Вопросы 222
Б. А. Ларин. Проект древнерусского словаря
(принципы, инструкция, источники) 222
Вопросы 226
Словарь русского языка XVIII в. Проект
Ю. С. Сорокин. Глава I. Общие принципы словаря. Хронологические границы описания.
Источники словаря. Состав словника 226
Глава VII. Характеристика речевой употребительности слова и ее изменений 233
Вопросы и задания 242
И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка 242
Словарь русского языка XI–XVII веков 243
Словарь русского языка XVIII в. 244
П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь
современного русского языка 247
Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» 247
Вопросы и задания к разделу 249

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ

Б. А. Ларин. Инструкция Псковского областного словаря 250
Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова. Семантическая структура диалектного слова
и методы ее описания в диалектных словарях 257
Словарь русских народных говоров 267
Псковский областной словарь с историческими данными 270
Фрагменты полного и дифференциального словарей 272
Вопросы и задания к разделу 275

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЯ

Словарь языка Пушкина
В. В. Виноградов. Предисловие 276
Словарная статья 283
Вопросы и задания 283
Словарь автобиографической трилогии М. Горького
Б. А. Ларин. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького 283
Предисловие [к Словарю автобиографической трилогии М. Горького] 291
Словарная статья 292
Вопросы и задания 293

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЯ

Словарь языка Достоевского
Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении 294

Словарная статья 307
Вопросы и задания 310

СЛОВАРИ ПОЭТИКИ СЛОВА

Словарь языка русской советской поэзии 310
В. П. Григорьев. Введение 310
Словарные статьи 318
Вопросы и задания 319
Н. В. Павлович. Словарь поэтических образов 319
Вопросы и задания 334

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний
В. М. Мокиенко. Мориц Ильич Михельсон и его «Русская мысль и речь…» 335
Словарная статья 338
Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова
А. И. Молотков. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания 339
Словарная статья 349
Большой фразеологический словарь русского языка
В. Н. Телия. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа 350
Словарная статья 355
А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь 357
В. П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок 358
В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов русского языка 359
А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова. Словарь фразеологических синонимов русского языка 360
В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка
В. П. Жуков. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов 360
Словарная статья 364
А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода 365

Вопросы и задания к разделу 367

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ

Л. А. Новиков. Типология учебных словарей 368
Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев) 379

Вопросы и задания к разделу 382

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ

В. В. Колесов. Язык и ментальность 383
В. В. Виноградов. Шумиха и неразбериха 408
Б. А. Ларин. Из истории слов (*лютый зверь*, *семья*, *кавардак*) 412
Б. Л. Богородский. Топорная работа 417

Учебное издание

Составители:
Ивашко Людмила Александровна, **Лутовинова** Ирина Сергеевна,
Поцепня Дина Михайловна и др.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Хрестоматия и учебные задания

Корректоры *А. Н. Башмакова*, *К. В. Белецкая*
Оператор компьютерного набора *Д. В. Лаптухина*
Компьютерная верстка: *С. В. Кузнецов*

Подписано в печать 14.11.2013.
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 27. Тираж 1000 экз. Заказ №.

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.